

Свѣтопечать С. В. Кульженко.

Александръ Аѳанасьевичъ Потебня.

СБОРНИКЪ

ХАРЬКОВСКАГО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ 4-й.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія К. Счасни, Сумская ул., д. № 1-й.
1892.

СБОРНИКЪ

ХАРЬКОВСКАГО

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО

ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ 4-й.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія К. Счасни, Сумская ул., д. № 1-й.
1892.

Печатано по опредѣленію Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ, состоявшемуся въ засѣданіи 12 Мая 1891 г.

Предсѣдатель Профессоръ *М. Дриновъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Памяти А. А. Потебни.

Отчетъ о дѣятельности Историко-Филологическаго Общества въ 1891—92 акад. году, составленный Н. Ѳ. Сумцовымъ.

ОТЧЕТЪ

о дѣятельности Историко-Филологическаго Общества въ 18^{91}/92 академическомъ году,

составленный секретаремъ Общества Н. Ѳ. Сумцовымъ.

Въ засѣданіи 12 мая 1891 г. секретарь сообщилъ, что изъ типографіи г. Счасни получено 200 экз. 3-го тома «Сборника», 80 экз. раздано членамъ И. Ф. Общества и разослано, по утвержденному Обществомъ списку, разнымъ ученымъ учрежденіямъ и нѣкоторымъ частнымъ лицамъ, оказавшимъ услугу Обществу, 20 экз. сдано въ харьковское отдѣленіе книжнаго магазина г. Суворина, и 100 экз. находится въ складѣ Общества при Историческомъ Архивѣ.

Доложено письмо члена Общества *П. В. Иванова* на имя секретаря, въ которомъ г. Ивановъ, выражая Обществу благодарность за присылку ему оттисковъ статьи о вѣдьмахъ и колдунахъ, половину (100 экз.) передаетъ Обществу съ тѣмъ, чтобы вырученныя отъ продажи этихъ 100 экз. деньги, были присоединены къ той суммѣ, какая будетъ собрана отъ продажи сборника г. Иванова «Игры крестьянскихъ дѣтей» на учрежденіе медали имени А. Н. Аѳанасьева. Эти 100 экз. сданы секретаремъ на коммиссію въ харьк. отдѣленіе книжнаго магазина г. Суворина. Обсужденіе вопроса о медали имени А. Н. Аѳанасьева отложено до накопленія денежныхъ средствъ съ такимъ спеціальнымъ назначеніемъ. Въ томъ же письмѣ г. Ивановъ сообщаетъ, что для 4 тома Сборника онъ намѣренъ составить статью о народныхъ разсказахъ о домовыхъ, лѣшихъ, водяныхъ или русалкахъ или статью о народныхъ разказахъ о долѣ, смотря по тому, какой матеріалъ, по приведеніи его въ порядокъ, окажется болѣе интереснымъ. Общество постановило имѣть въ виду для 4 т. Сборника одну изъ обѣщанныхъ г. Ивановымъ статей.

Секретарь Общества доложилъ, что членъ И. Ф. О. *П. П. Короленко* предложилъ для помѣщенія въ 4 т. «Сборника» небольшой сборникъ черноморскихъ заговоровъ (21 №) съ небольшой объяснительной статьей къ нимъ.

Сборникъ этотъ представляется интереснымъ съ этнографической точки зрѣнія и заслуживаетъ изданія. Въ печати онъ займетъ немного мѣста, около половины печатнаго листа. Общество постановило напечатать его въ ближайшемъ 4 т. Сборника.

Секретаремъ доложено предложеніе *И. И. Манжуры* редактировать для печати составленный имъ сборникъ малорусскихъ народныхъ пѣсенъ, который былъ пріобрѣтенъ Обществомъ у собирателя нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Предложеніе это принято и положено выдать г. Манжурѣ за редактированіе этого сборника 50 рублей.

Д. И. Багалѣй сообщилъ, что *Н. Н. Бакай* предлагаетъ для 4 т. Сборника свою статью «Исторія колонизаціи лѣвобережной Малороссіи въ XV—XVI вѣкахъ». Статья эта составлена по документамъ Историческаго Архива и была ранѣе прочитана въ одномъ изъ засѣданій И. Ф. Общества. Постановлено имѣть въ виду эту статью для 4 тома Сборника.

По предложенію Д. И. Багалѣя, архиваріусу М. М. Плохинскому разрѣшенъ мѣсячный отпускъ съ 20 іюня по 20 іюля съ сохраненіемъ вознагражденія. При этомъ рѣшено выдать г. Плохинскому отъ Общества полномочіе на осмотръ нѣкоторыхъ частныхъ архивовъ.

По предложенію Д. И. Багалѣя, дано цензурное разрѣшеніе на печатаніе каталога книгъ библіотеки И. Ф. Общества и на печатаніе четвертаго тома сборника Историко-Филологическаго Общества.

Г. А. Ласкинъ заявилъ письменно изъ своего постояннаго мѣстожительства г. Сѣдлеца предсѣдателю и секретарю, что онъ желаетъ получить отъ И. Ф. Общества цензурное разрѣшеніе на изданіе сдѣланнаго имъ перевода сочиненій Константина Багрянороднаго съ комментаріями, часть которыхъ была прочитана г. Ласкинымъ въ засѣданіи Общества 18 октября 1889 г. Прошеніе г. Ласкина отклонено на томъ основаніи, что цензурное разрѣшеніе дается Обществомъ тогда, когда сочиненіе достаточно извѣстно Обществу по докладамъ и рефератамъ въ его засѣданіяхъ, принадлежитъ Обществу или члену Общества, редактируется однимъ изъ членовъ по назначенію Общества и печатается въ Харьковѣ подъ ближайшимъ наблюденіемъ предсѣдателя или секретаря Общества.

М. Д. Линда подарилъ Обществу два листа старыхъ документовъ и бронзовый топорикъ, пріобрѣтенный имъ у одного крестьянина, которымъ былъ найденъ подъ Куряжскимъ монастыремъ при распашкѣ земли. Топорикъ этотъ переданъ Обществомъ въ Музей изящныхъ искусствъ и древностей при Харьковскомъ университетѣ, а документы въ Историческій Архивъ.

С. И. Шидловскій пожертвовалъ въ библіотеку И. Ф. Общества 5 томовъ «Описанія дѣлъ Архива Морскаго министерства» (дорогое и рѣдкое изданіе).

По предложенію Д. И. Багалѣя, постановлено обратиться къ Обществу лѣтописца Нестора съ просьбой о высылкѣ въ библіотеку И. Ф. О. 1, 3, 4 и 5 томовъ его сборника.

Д. И. Багалѣй предложилъ въ члены Общества доктора Ф. Л. Германа, изучающаго исторію медицины.

Баллотировались въ члены Общества Ник. Матв. Стефани, Степ. Александр. Новицкій и Ник. Никитичъ Бакай и избраны единогласно: 15 избирательныхъ и ни одного неизбирательнаго.

Постановлено предложить Московскому Археологическому Обществу слѣдующіе вопросы для разработки ихъ на предстоящемъ Виленскомъ Археологическомъ съѣздѣ:

М. С. Дринова, Какое значеніе имѣютъ встрѣчающіяся въ титулѣ охридскаго архіепископа Аѳанасія (1595 г.) слова: archiepiscopus .... Litwaniae et patriarca Rossiae?

Н. Ѳ. Сумцова. Объ археологическомъ значеніи рисунковъ на пасхальныхъ писанкахъ.

Д. И. Багалѣя, Данныя книги «Большаго Чертежа» о южной степной Украинѣ въ связи съ другими аналогичными источниками.

Въ томъ же засѣданіи прочитаны слѣдующіи рефераты: *г. Вязигина объ убіеніи царевича Дмитрія, М. Е. Халанскаго о методѣ веденія письменныхъ упражненій по русскому языку въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, В. П. Бузескула о Ѳемистоклѣ и реформѣ ареопага и В. И. Харціева о нѣкоторыхъ мотивахъ южнославянской народной поэзіи.*

Проф. Д. И. Багалѣй, напомнивъ, что 15 мая 1891 исполнится ровно 300 лѣтъ со дня смерти царевича Дмитрія въ Угличѣ, предложилъ вниманію общества сообщеніе *А. С. Вязигина,* кандидата историко-филологическаго факультета. Сущность реферата, прочитаннаго г. Вязигинымъ, такова: Современное положеніе вопроса о родѣ смерти царевича Дмитрія побуждаетъ пересмотрѣть данные источники, имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи. Между ними выдающееся мѣсто занимаетъ такъ называемое сыскное дѣло. Но внѣшняя критика доказываетъ, что оно не дошло до насъ въ полномъ объемѣ, да и напечатано неправильно склееннымъ. Это обстоятельство затрудняетъ задачу внутренней критики, которая однако въ концѣ концовъ дѣлаетъ очень возможнымъ существованіе падучей у Димитрія. Что-же касается рода его смерти, то невѣроятность сопровождающихъ обстоятельствъ (характеръ припадковъ, мѣсто раненія, орудіе, присутствіе 7 лицъ), крайнія несообразности и вопіющія противорѣчія въ показаніяхъ лицъ, допрошенныхъ слѣдователями, побуждаютъ признать самоубійство въ высшей степени невѣроятнымъ. Сверхъ того сличеніе данныхъ розыска съ сказаніями иностранцевъ и русскими источниками приво-

дитъ къ тому заключенію, что мать царевича видѣла убѣгающихъ убійцъ, а потому ея глубокая увѣренность и породила кровавый самосудъ, отдѣльныя картины котораго не воспроизводитъ сыскное дѣло въ виду пристрастія слѣдователей. Что-же касается мнѣнія, высказаннаго въ майской книжкѣ «Ист. Вѣст.» за текущій годъ (что виновникомъ смерти царевича былъ Шуйскій), то оно совершенно голословно и не подтверждается никакими свидѣтельствами.

Сообщеніе *М. Е. Халанскаго* касалось метода начальнаго обученія писанію сочиненій учениками среднихъ учебныхъ заведеній (курсъ IV—VI кл. гимназій). Методъ референта состоитъ въ томъ, что первые опыты въ разныхъ родахъ ученическихъ сочиненій пишутся учениками въ классѣ совмѣстно съ учителемъ при непосредственномъ живомъ и дѣятельномъ участіи послѣдняго. Такимъ путемъ ученики вводятся въ самый процессъ мыслительной работы и получаютъ практическія указанія относительно плана, содержанія и изложенія сочиненій. Къ указаніямъ методическимъ были присоединены и нѣкоторыя замѣчанія обще-воспитательнаго и дидактическаго характера.

Въ обсужденіи реферата приняли участіе Н. И. Алякритскій и Н. Ѳ. Сумцовъ. Г. Алякритскій, на основаніи личнаго опыта, призналъ, что руководство г. Бѣлявскаго относительно составленія сочиненія представляется полезнымъ, и правильное пользованіе имъ приводило къ хорошимъ результатамъ. Кромѣ того, г. Алякритскимъ было высказано нѣсколько замѣчаній по выработкѣ слога исправленію сочиненій. Г. Сумцовъ замѣтилъ объ общей шаблонности и безцвѣтности сочиненій по русскому языку, написанныхъ въ послѣдніе годы на окончательныхъ письменныхъ испытаніяхъ, и о неопредѣленности пріемовъ учителей при исправленіи работъ, свидѣтельствующихъ въ совокупности о недостаточности у учениковъ общаго развитія, а у преподавателей русскаго языка педагогической подготовки.

В. П. Бузескулъ прочелъ статью о Ѳемистоклѣ и Эфіальтовой реформѣ ареопага по поводу 25 главы Ἀθηναίων Πολιτεία Аристотеля. Вновь найденный въ Британскомъ музеѣ трактатъ Аристотеля объ аѳинскомъ государственномъ строѣ между прочимъ сообщаетъ, будто бы Ѳемистоклъ участвовалъ въ проведеніи реформы ареопага. Референтъ полагаетъ, что такого участія допустить нельзя ужъ въ силу хронологическихъ соображеній; въ этомъ убѣждаетъ сличеніе свидѣтельствъ прежнихъ нашихъ источниковъ,—свидѣтельствъ, отвергать которыя въ данномъ случаѣ едва ли можно. Кромѣ того разсказъ трактата въ данномъ случаѣ самъ по себѣ ужъ внушаетъ сомнѣніе въ своей достовѣрности и принадлежности Аристотелю: онъ слишкомъ анекдотиченъ. Странно также, что Плутархъ, такъ любившій анекдоты и пользовавшійся трактатомъ Аристотеля, ничего не говоритъ объ участіи

Θемистокла въ дѣлѣ реформы ареопага. Такимъ образомъ является предположеніе, что разсказъ объ этомъ участіи, быть можетъ, вымышленный анекдотъ и позднѣйшая вставка какого-либо любителя анекдотическихъ подробностей. Если не принять такой догадки, то все-таки врядъ ли можно допустить участіе Θемистокла въ дѣлѣ Эфіальтовой реформы. Вообще, по мнѣнію референта, новооткрытымъ трактатомъ слѣдуетъ пользоваться осторожно: требуется предварительная детальная строго-критическая провѣрка его извѣстій, столь поражающихъ насъ своею неожиданностью и новостью.

М. С. Дриновъ и Д. И. Багалѣй замѣтили, что принятый референтомъ способъ изслѣдованія вновь открытаго трактата, приписываемаго Аристотелю, въ видѣ спеціальнаго изученія отдѣльныхъ его частей и сопоставленія ихъ съ другими древними свидѣтельствами, представляется вполнѣ цѣлесообразнымъ, такъ какъ такимъ способомъ могутъ быть только опредѣлены подлинность и достовѣрность трактата, а вмѣстѣ съ тѣмъ правильность нашихъ свѣдѣній о древнемъ греческомъ мірѣ.

В. И. Харціевъ въ своемъ сообщеніи остановился на болгарскихъ пѣсняхъ и сказаніяхъ о построеніи самовилами городовъ и мостовъ и на нѣкоторыхъ метафорахъ, связанныхъ съ самовильскимъ зизданіемъ. Референтъ находитъ, что мотивъ о постройкѣ, требующей человѣческой жертвы, встрѣчающійся у разныхъ народовъ, особенно распространенъ на Балканскомъ полуостровѣ среди болгаръ, сербовъ, румынъ и албанцевъ. Референтъ полагаетъ, что мотивъ этотъ можно объяснить средствами народной славянской поэзіи, спеціально болгарской и сербской. Если и было занесено такое сказаніе на Балканскій полуостровъ, то по словамъ референта въ туземной народной поэзіи оно нашло удобную для себя почву. Въ обсужденіи реферата г. Харціева приняли участіе М. Е. Халанскій, Н. Θ. Сумцовъ и М. С. Дриновъ, несогласившіеся съ нѣкоторыми обобщеніями референта; между прочимъ признано было неправильнымъ предложенное референтомъ толкованіе слова самовила и сближеніе свадебныхъ пѣсенъ съ пѣснями о самовильскомъ зизданьѣ.

Въ засѣданіи И. Ф. Общества 10 октября секретарь, по прочтеніи протокола предыдущаго засѣданія, представилъ денежный отчетъ за 18⁹⁰/₉₁ акад. годъ. Суммы Общества состояли:

1) изъ остатка отъ прошлаго года въ 59 руб. 80 коп., 18 членскихъ взносовъ въ 90 руб. въ совокупности; продано изданій Общества на 4 р. 50 коп.; итого приходъ выразился въ суммѣ 154 руб. 30 коп. Расходъ состоялъ—за разнесеніе повѣстокъ на засѣданія служителямъ 44 р., служителю при архивѣ 45 руб., переплетчикамъ 22 руб. 50 коп., на пересылку 3 тома сборника 22 р. 35 к., типографскимъ рабочимъ 3 руб., на Архивъ

9 руб., за перевозку волостного Архива 6 р. и на разн. канцелярскіе и мелкіе расходы по печатанію бланковъ, телеграмму Ягичу, письменныя принадлежности и пр. 8 р. 80 к.; итого 160 руб. 65 к.; перерасходовано 6 р. 35 коп.;

2) Изъ остатка суммы, переданной въ 1888 Петербургскимъ Археологическимъ Институтомъ на печатаніе Архивныхъ матеріаловъ, остатка въ 85 руб. 50 к.

3) Изъ остатковъ отъ университетскихъ смѣтныхъ назначеній отъ 1889 г. на изданіе архивныхъ матеріаловъ; именно ассигновано было 312 руб. 84 коп.; издержано 75 руб. 35 к.; остается 237 р. 49 коп.

4) Изъ остатковъ смѣтныхъ назначеній на изданіе Сборника: отъ 1890 г. оставалось 254 р. 88 коп.; на 1891 ассигновано 300 руб.; израсходовано изъ составившихся такимъ образомъ 554 р. 88 к. въ 1891 году 357 р. 75 к,; остается 197 руб. 13 коп.

5) Изъ суммы въ 500 р. на вознагражденіе архиваріуса, какая сумма и получена имъ въ видѣ жалованья.

Секретарь доложилъ, что отъ члена И. Ф. Общества *А. С. Геевскаго* поступили слѣдующія сочиненія его отца С. Л. Геевскаго въ рукописяхъ 1) Воспоминаніе объ Украинѣ—рукопись въ 32 стран. формата большого листа почтовый бумаги. Въ рукописи недостаетъ послѣдняго листка. Статья эта состоитъ изъ трехъ главъ, изъ которыхъ первая глава была напечатана. 2) Стихотвореніе «Въ избыткѣ чувствъ», написанное по случаю посѣщенія Харькова императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ 1845 г. 3) Два патріотическихъ стихотворенія по случаю Крымской войны, и 4) Первыя десять главъ автобіографіи С. Л. Геевскаго на 32 листахъ обыкновенной писчей бумаги. Въ этихъ главахъ авторъ весьма подробно говоритъ о времени пребыванія своего въ Зѣньковскомъ Повѣтовомъ училищѣ и въ Полтавской гимназіи, о наставникахъ, пріемахъ обученія и т. п. Автобіографія написана живымъ литературнымъ языкомъ. Опредѣлено сдать рукописи С. Л. Геевскаго въ Историческій Архивъ. Изъ письма А. С. Геевскаго на имя секретаря Общества отъ 20 іюня 1891 г. видно, что въ послѣдующихъ главахъ автобіографіи С. Л. Геевскаго (начиная съ 10) описывается пребываніе Геевскаго въ Харьковскомъ университетѣ и его служебная дѣятельность, сначала, какъ чиновника въ канцеляріи Харьковскаго губернатора, затѣмъ въ званіи учителя русскаго языка во 2 Харьковской гимназіи. Н. Ѳ. Сумцовъ, находя желательнымъ полученіе отъ А. С. Геевскаго 10-ой и слѣдующихъ главъ автобіографіи С. Л. Геевскаго, какъ матеріала для исторіи Харьковскаго университета, предложилъ Обществу уплатить А. С. Геевскому, въ виду ограниченности его матеріальныхъ средствъ, 25 рублей, въ возмѣщеніе расходовъ по перепискѣ и пересылкѣ автобіографіи, въ случаѣ она будетъ

доставлена И. Ф. Обществу вполнѣ. Предложеніе это, поддержанное предсѣдателемъ Общества, принято единогласно. По полученіи рукописи 3 марта 1892 г. 25 р. было уплочено Правленіемъ университета по просьбѣ Общества.

Отъ *М. Д. Линды* поступилъ небольшой сборникъ народныхъ сказокъ и пѣсенъ, записанныхъ г. Удовенкомъ въ Воронежской губ., письмо покойнаго профессора Кіев. унив. А. Котляревскаго и охотничій заговоръ. Рукописи сданы въ Историческій Архивъ, а заговоръ назначенъ къ напечатанію въ 4 т. сборника при черноморскихъ заговорахъ П. П. Короленка.

Отъ *А. А. Русова* поступила часть старинной водопроводной трубы, найденная г. Падалкой въ Екатеринославской губ. Постановлено передать эту трубу въ Музей изящныхъ искусствъ и древностей при Харьковскомъ университетѣ.

Баллотировались въ предсѣдатели М. С. Дриновъ, въ секретари Н. Ѳ. Сумцовъ и въ члены Общества Ф. Л. Германъ. Получили: М. С. Дриновъ 16 избирательныхъ и 1 неизбирательный, Н. Ѳ. Сумцовъ 15 избирательныхъ и 1 неизбирательный и Ф. Л. Германъ 16 избирательныхъ и 2 неизбирательныхъ.

М. С. Дриновъ предложилъ въ члены Общества магистранта по исторіи русскаго языка Бор. Мих. Ляпунова.

Въ томъ же засѣданіи *М. М. Плохинскій* прочелъ рефератъ *Мазепа какъ великороссійскій помѣщикъ.* Это сообщеніе печатается въ 4 т. Сборника Х. И. Ф. Общества.

Н. Ѳ. Сумцовъ по поводу печатаемой въ 4 т. Сборника *статьи П. В. Иванова „Народные разсказы о Долѣ“* сдѣлалъ слѣдующее сообщеніе:

Народныя представленія о Долѣ и Недолѣ, Горѣ, Злосчастіи, Сречѣ давно уже стали предметомъ научнаго изслѣдованія, и въ настоящее время существуетъ значительная научная литература о Долѣ и сродныхъ съ нею существахъ или сродныхъ олицетвореніяхъ: сюда относятся обширныя статьи Боровиковскаго (въ IV кн. «Чтеній Моск. Общ. Ист. и Древн.» 1867 г. и отдѣльно), Аѳанасьева (въ Поэт. возэр. т. III гл. XXV), Потебни (во 2 т. «Древностей» Моск. Арх. Общ.), Крауса, Веселовскаго (въ «Розысканіяхъ» вып. V гл. XIII и въ Этногр. Обозр. 1391 № 2), Васильева (въ 1 т. Этн. Об. 1890 г.) и Довнаръ-Запольскаго (во 2 кн. Этн. Об. 1891 г.) Трудъ г. Иванова представляется по счету восьмымъ, въ ряду другихъ изслѣдованій о Долѣ, и естественно возникаютъ вопросы, что онъ вноситъ новаго въ литературу предмета? чѣмъ обусловлено помѣщеніе его въ изданіи научнаго общества? Близкое знакомство съ содержаніемъ статьи г. Иванова

побуждаетъ насъ поставить ее въ рядъ лучшихъ изслѣдованій о Долѣ, по богатству собраннаго матеріала, по новизнѣ и оригинальности многихъ его деталей. Какъ всѣ предыдущіе труды г. Иванова по малорусской этнографіи (о легендахъ, дѣтскихъ играхъ, вѣдьмахъ), и статья «Народные разсказы о Долѣ» представляетъ собственно собраніе матеріаловъ, извлеченныхъ непосредственно изъ народныхъ устъ. Матеріалы эти разнообразны, обширны и, главное, такъ удачно распредѣлены, что ясно обрисовываются нѣкоторыя характерныя черты народнаго міросозерцанія, и статья, сохраняя характеръ сборника сырыхъ матеріаловъ, получаетъ значеніе научнаго изслѣдованія, составленнаго по первоисточникамъ. Изслѣдованіе г. Иванова распадается на три главы: въ первой главѣ авторъ группируетъ народныя повѣрья и сказки о прирожденной Долѣ. Въ основаніи сказокъ и повѣрій, вошедшихъ въ эту главу, лежитъ древнее повѣрье о Долѣ, какъ душѣ предка. Во 2 главу вошли сказки и повѣрья о Долѣ ангелѣ. Въ 3 главу—сказки и повѣрья о Долѣ какъ душѣ человѣка, или его двойникѣ; къ статьѣ приложено 16 сказокъ о Долѣ, записанныхъ въ разныхъ селахъ Купянскаго уѣзда народными учителями и учительницами. Г. Иванову, работающему въ глухомъ городкѣ, остались неизвѣстными наиболѣе крупныя и цѣнныя изслѣдованія о Долѣ Боровиковскаго, Потебни, Крауса и Веселовскаго. Г. Ивановъ, не выходя изъ малорусскихъ этнографическихъ матеріаловъ, добытыхъ на мѣстѣ, самостоятельно пришелъ къ нѣкоторымъ выводомъ, сдѣланнымъ А. Н. Веселовскимъ по фактамъ западно-европейскаго фольклора. Совпаденіе выводовъ говоритъ въ пользу ихъ основательности. Изслѣдованія А. Н. Веселовскаго о Долѣ составляютъ несомнѣнно самый цѣнный вкладъ въ научную литературу предмета, и если мы станемъ смотрѣть на статью г. Иванова съ высоты этихъ трудовъ, то и въ такомъ случаѣ мы должны признать въ ней полезное научное пособіе: въ однихъ случаяхъ трудъ г. Иванова дополняетъ изслѣдованія г. Веселовскаго характерными этнографическими фактами, въ другихъ вноситъ новые элементы, освѣщающіе предметъ изслѣдованія съ незатронутыхъ ранѣе точекъ зрѣнія. Такъ г. Веселовскій въ 1 гл. своей статьи о долѣ высказываетъ мнѣніе, что понятія о долѣ выработались впервые въ отношеніяхъ рода въ связи съ культомъ предковъ (стр. 177), и это мнѣніе находитъ подкрѣпленіе въ статьѣ г. Иванова, въ первой главѣ, гдѣ собрано много характерныхъ народныхъ повѣрій и сказокъ о прирожденной долѣ и долѣ—душѣ предковъ. Фактическія доказательства, приведенныя у г. Веселовскаго, сравнительно съ данными г. Иванова, скудны и блѣдны, не смотря на то что ученый авторъ искалъ опоры въ фольклорѣ греческомъ и вотяцкомъ. У г. Иванова чрезвычайно рельефно выступаетъ замѣчательно архаичное народное повѣрье о доляхъ умершихъ съ разграниченіемъ ихъ даже по степени родства, что вводитъ изслѣдователя въ глубь древнѣйшаго родового быта,

Четвертая глава изслѣдованія г. Веселовскаго, гдѣ рѣчь идетъ о литературно—христіанскихъ элементахъ въ народныхъ представленіяхъ о Долѣ, можетъ быть дополнена нѣкоторыми народными сказками и повѣрьями, отмѣченными у г. Иванова во 2 главѣ его статьи о Долѣ. Вообще сказки собранныя у г. Иванова, какъ тѣ 16, которыя помѣщены въ концѣ статьи, такъ и вошедшія въ самый текстъ, заключаютъ въ себѣ много любопытныхъ въ этнографическомъ отношеніи подробностей. Въ сказкахъ подробно разработаны мотивы о томъ, когда можно увидѣть Долю, какъ подчинить ее. Заслуживаютъ вниманія также сказки объ оборотничествѣ Доли, впервые являющіяся въ печати въ полнотѣ и обиліи.

Въ октябрѣ изданъ каталогъ библіотеки Архива И. Ф. Общества (31 стр.) Книги распредѣлены по слѣдующимъ отдѣламъ: 1) Лѣтописи и житія, 2) акты и грамоты, 3) памятники литературные, 4) археологія, 5) историческая географія, этнографія и статистика, 6) сочиненія по русской и всеобщей исторіи, 7) сочиненія по исторіи языка и литературы, 8) журналы и сборники, 9) словари, 10) архивовѣдѣніе, археографія и библіографія, 11) записки и дневники, 12) старопечатныя книги, 13) рукописи и 14) смѣсь. Каталогъ розданъ членамъ И. Ф. Общества.

Въ засѣданіи 31 октября, состоявшемся подъ предсѣдательствомъ Н. Ѳ. Сумцова (за болѣзнью М. С. Дринова), *Н. Ѳ. Сумцовъ* сдѣлалъ краткое сообщеніе *о научной дѣятельности архимандрита Леонида (Кавелина) и Исидора Коперницкаго*, скончавшихся осенью 1891 года. Общество почтило память покойныхъ вставаніемъ.

Д. Н. Овсянико-Куликовскій сдѣлалъ сообщеніе, посвященное *памяти М. Ю. Лермонтова*. Указавъ на разносторонность и глубину поэтической натуры Лермонтова, Д. Н. Овсянико-Куликовскій остановился подробно на важнѣйшихъ мотивахъ лирики Лермонтова—мотивахъ разочарованія и пессимистическаго настроенія. Лермонтовъ болѣлъ господствующей болѣзнью вѣка—пессимизмомъ и оттого не дорожилъ своей жизнью, искалъ опасностей и расположенъ былъ по этому пути дойти до самоубійства. Референтъ сравнилъ стихотворенія Лермонтова «Выхожу одинъ я на дорогу» и «Скучно и грустно» съ стихотвореніемъ Мицкевича «Новый годъ». Исходя изъ того положенія, что пессимизмъ является результатомъ умственнаго развитія, порождается разумомъ, референтъ находилъ, что человѣкъ находитъ успокоеніе въ большихъ проявленіяхъ того же разума, религіи, искусствѣ и наукѣ, которыя въ совокупности исполнены оптимизма. Въ обсужденіи сообщенія Д. Н. Осянико-Куликовскаго приняли участіе Н. Ѳ. Сумцовъ, Н. И. Аляксритскій, Н. М. Стефани и М. Д. Ланда. Г. Аляксритскій находилъ, что референтъ преувеличиваетъ пессимистическое настроеніе Лермонтова.

Б. М. Ляпуновъ сдѣлалъ сообщеніе *о языкѣ первой Новгородской лѣтописи.* Лѣтопись написана тремя главными почерками. Референтъ началъ съ краткаго введенія, въ которомъ напомнилъ о важности разбираемаго памятника въ лингвистическомъ отношеніи объ изданіяхъ его и трудахъ, посвященныхъ его изученію въ прежнее время, а также вообще о трудахъ по исторіи русскаго яз., болѣе или менѣе затрогивавшихъ этотъ памятникъ со стороны языка; при этомъ преимущественно долженъ былъ остановиться на трудѣ П. А. Лавровскаго и привести его мнѣніе о различныхъ почеркахъ въ Синодальномъ спискѣ и принужденъ былъ сдѣлать поправку относительно продолженія 3-го поч. до 1331 г, а не до 1333 г. Затѣмъ референтъ сказалъ нѣсколько словъ о главнѣйшихъ палеографическихъ особенностяхъ памятника: объ употребленіи є и ѥ въ двухъ первыхъ почеркахъ, объ особаго рода є, замѣняющемъ въ 3-мъ почеркѣ ѥ, объ употребленіи ѧ, объ *оу*, *у* и ꙋ, о ꙑ, о і, *і* и ї, объ ѡ и *о*, ⊙, о ѫ и ѳ и о надстрочныхъ знакахъ. При этомъ дѣлались сопоставленія со сходными палеографическими особенностями другихъ памятниковъ. Главная часть реферата посвящена была вопросу о томъ, сохранялись ли еще, и, если сохранялись, то въ какихъ положеніяхъ старые глухіе звуки въ языкѣ писцовъ Синодальнаго списка, или въ говорѣ Новгородскомъ XIII—XIV в. Сначала референтъ привелъ различныя мнѣнія о времени упадка глухихъ звуковъ въ русскомъ языкѣ—Житецкаго, Колосова, А. А. Потебни и И. В. Ягича. Далѣе приведены были случаи употребленія ъ въ коренныхъ и суффиксальныхъ слогахъ въ первыхъ двухъ почеркахъ Синодальнаго списка 1-ой Новгородской лѣтописи, случаи замѣны его черезъ *о* и случаи пропуска его, причемъ во многихъ словахъ и формахъ замѣчено почти правильное употребленіе ъ—ра. Въ 3-мъ поч. напротивъ ъ сохраняется рѣдко, только послѣ *р* и *л* или передъ группой согласныхъ, особенно шипящихъ (*кръви*, *дъждеве*, *пльти*, *но кровь)*, а б. ч. или пропускается или замѣняется черезъ *о* въ зависимости отъ качества слога, но замѣчательны тѣ случаи, гдѣ въ 3-мъ поч. встрѣчается пропускъ ъ, а въ нынѣшнихъ говорахъ пропуска неизвѣстно (*дчи* вмѣсто *дъчи*=нынѣшн. *дочи)*, хотя и можно бы было его ожидать какъ на основаніи подобныхъ фактовъ въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ (серб. *тjи*, болг. *щерка*, пол- *córa)* такъ и по примѣру другихъ подобныхъ словъ и формъ въ самихъ русскихъ говорахъ (*чан*, *щан* изъ *дъщанъ)*;въ этихъ случаяхъ предположено существованіе глухого звука даже для XIV в. Общіе выводы объ употребленіи ъ въ корняхъ, предлогахъ и суффиксахъ—тѣ, что всего чаще удерживается ъ послѣ *в*, *л* и *р* и передъ сложными, особенно шипящими звуками. Затѣмъ приведены были нѣкоторые случаи употребленія ь; особенное вниманіе было обращено на слово *вьсь*, которое даже въ именит. винит.

п. един. ч. муж. р. почти постоянно пишется *весь* даже въ 3-мъ поч.; пропускъ глухого на письмѣ въ такомъ положеніи, гдѣ онъ по качеству слога долженъ былъ обратиться въ чистый, служитъ, по мнѣнію референта, согласно съ мнѣніемъ А. А. Потебни, доказательствомъ сохраненія его еще какъ глухого въ произношеніи писца, такъ какъ чистые звуки пропускались вообще въ древнерусской письменности очень рѣдко, а въ разбираемомъ памятникѣ ни разу, форма же *вхе полъ* можетъ служить основаніемъ для предположенія, что существовало колебаніе въ зависимости отъ перемѣны ударенія между вьсь и вьсь. Изъ суффиксовъ предположено сохраненіе ъ, какъ особаго звука въ —ьць на основаніи такихъ написаній, какъ новъгородици и ростовици съ одной стороны и новгородць вмѣсто—*ьць* съ другой—,а затѣмъ обращено вниманіе на колебаніе въ зависимости отъ качества слога между смолньскъ и смольньска, смоленьска и т. п. Наконецъ, сказано о случаяхъ ъ вм. ь и ь вм. ъ, показывающихъ или діалектическую небность или потерю старой небности конечной согласной: количество случаевъ *мъ* вм. *мь* въ формахъ твор. и мѣстн. п. словъ муж. сред. р. оказывается наибольшимъ во 2-мъ поч., хотя всетаки —*мь* преобладаетъ. Въ связи съ этимъ упомянуты сѣв. западныя формы 1 л. мн. ч. ѥсме, проливаиме.

Окончаніе реферата г. Ляпунова было отложено за позднимъ временемъ до слѣдующаго засѣданія. Послѣ прочтенія реферата сдѣланы замѣчанія М. Е. Халанскимъ, Н. Ѳ. Сумцовымъ и Д. И. Багалѣемъ. М. Е. Халанскій замѣтилъ, что надо особенное вниманіе при объясненіи языка древнихъ памятниковъ обращать на современные говоры; что въ Курской губ. до сихъ п. существуетъ ф. Кўрёскъ, а въ пѣсняхъ даже—въ Кўрёскѣ, мягкость же *н* и *р* передъ суф.—*ск*— до сихъ п. слышна въ Путивльскомъ уѣздѣ. Членомъ общества М. Д. Линдою приведена была ф. Смоленескъ, до сихъ п. произносимая въ Смоленскѣ.

Н. Ѳ. Сумцовъ и Д. И. Багалѣй обратили вниманіе на нѣкоторыя слова лѣтописи Новгородской, сходныя со встрѣчающимися въ малорусскомъ нарѣчіи (небози).

М. Д. Линда сообщилъ, что у И. В. Щекина находится старинная въ серебряной ризѣ икона Богоматери съ слѣдующей надписью, нарѣзанной на ризѣ: Принесена сия *стая* икона во градъ Кострому въ лѣто ҂ѕ҃ѱмв (6742 т. е. 1237) августа в 16 де во дн*и* великаго князя Василия, Костромскаго і Галицкаго рекомаго Квашни.

Общество высказалось въ томъ смыслѣ, что опредѣленіе научнаго значенія этой иконы и ризы лучше всего предоставить Московскому Археологическому Обществу или Петерб. Арх. Обществу или Кіевскому Церковно-Археол. Обществу.

Баллотировался въ члены Общества Б. М. Ляпуновъ и получилъ 17 избирательныхъ шаровъ и 1 неизбирательный.

Проф. Бузескулъ предложилъ въ члены Общества кандидатовъ Ист.-Филол. Факультета г. Вязигина и г. Маляренка, а Н. О. Куплеваскій—г. Киселева.

Въ засѣданіи 4 декабря обсуждался вопросъ о способахъ чествованія памяти А. А. Потебни. Протоколъ этого засѣданія напечатанъ въ началѣ этого отчета при некрологахъ Потебни.

Въ засѣданіи 20 декабря 1891 г. *М. М. Плохинскій* сдѣлалъ сообщеніе *о бумагахъ Чирикова,* поступившихъ въ Историческій архивъ. Г. С. Чириковъ служилъ въ библіотекѣ Харьковскаго университета, собиралъ преданія и статьи о Харьковской старинѣ, и оставшіяся послѣ него бумаги представляютъ интересъ для исторіи Харькова.

Въ томъ же засѣданіи избраны въ члены И. Ф. Общества Андр. Серг. Вязигинъ, г. Маляренко и Ар. Дм. Киселевъ.

Б. М. Ляпуновъ сдѣлалъ сообщеніе о языкѣ первой новгородской лѣтописи, что было продолженіемъ его сообщенія о томъ же предметѣ въ предыдущемъ засѣданіи, именно объизмѣненіи чистыхъ звуковъ *е, о,* ꙑ, *и* въ глухіе ь и ъ въ языкѣ писцовъ Новгородской 1-ой лѣтописи (Синодальн. списка).

Во—первыхъ надобно различать только графическое измѣненіе на письмѣ отъ дѣйствительнаго измѣненія въ языкѣ.

Къ числу случаевъ графическаго измѣненія относятся въ этомъ памятникѣ слѣдующіе примѣры ъ вмѣсто *о* и ь вмѣсто *е*: частица *ть* нѣсколько разъ вмѣсто *то* (во 2-ой части условнаго или винословнаго періода или въ подобныхъ ей предложеніяхъ), затѣмъ собств. имена *съдко къзмы,* ольѯа, *ольѯандръ* и т. п. (очень часто). Это въ 1-омъ и второмъ почеркахъ. Кромѣ того во 2-мъ поч. *тьбе* (дат. пад. мѣстоим. 2-го л. вмѣсто *тобѣ), корабльвъ, мышляшьта,* (3 л. двойств. ч. преходящ. вр.) Въ 1-омъ п. также ф. *кнзьма* (твор. п. двой. ч.) Это графич. употребленіе ъ и ь вм. *о* и *е* ограничивается почти или иностранными собственными именами (*ольѯандръ* и нѣк. др.) или формами, можетъ быть, уже вышедшими изъ употребленія и потому чуждыми языку писца (твор. двойств. ч. и 3 л двойств. ч. преходящ. вр.); форма же *ть,* можетъ быть, подъ вліяніемъ *тъгда* получила ъ вм. *о*.

Дѣйствительное измѣненіе *е* въ ь, которое затѣмъ изчезло, мы находимъ въ аористичныхъ формахъ глагола *жечи* (ст. слав. *жещи*) *пожьгоша* и т. п., причемъ встрѣчаются уже и случаи пропуска ь: *пожгоша, ижгоша* даже во 2-мъ поч., въ 3-мъ же поч. постоянно безъ ь.

Это измѣненіе, общее русскимъ говорамъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми западно— и южно-славянскими (польск. żgnąć, чешск. žhu, слов. žgati, серб. *жганица)*, хотя южно-славянскія нарѣчія болѣе склонны удерживать *е*: болгар. *жегъ жежъ* серб. *жѐжем*, какъ и ст. сл. *раждежеть* и т. п., также и въ аористѣ *пожеже* и т. п. (напр. Синай. псалт.), началось очень рано: уже въ русск. спискѣ псалт. XI в. (Срезнев. Свѣд. и зам. XLII 43) *раждьжена* тамъ, гдѣ въ Син. псалт. (17.30) *раж(е)дежена*. Вѣроятно, оно пошло отъ повелит. наклоненія, въ которомъ уже въ обще-славянскомъ яз. надо предположить *ь* (*раждьзі* Пс. 25 Син.), какъ и *пьци*. Эти формы въ свою очередь пошли, вѣроятно, по аналогіи праязычнаго *рьци*. Что касается послѣдняго глагола, то въ немъ *ь* распространилось въ др. рус., чешск. и польск. также на формы причастій наст. врем., но въ Новгород. лѣт. Синод. сп. встрѣчается только *рци* повел. наклон. одинъ р. (1,10), а въ прич. наст. постоянно въ 1-мъ, 2-омъ и 3-мъ поч. только *рекя река* и *рекоуще, рекоуче* и только на 336 стр., написанной однимъ изъ второстеп. почерковъ, *ркуче*, предполагающее **рькуче*.

Другіе случаи находятся въ зависимости отъ ударенія: род. п. мн. ч. дьсятъ откуда далѣе черезъ поср. *дс*—получалось *дц* напр. въ *двадцать* изъ дъвадесяте черезъ **двадесять*, какъ и въ чеш. *dvadcet* и т, п. Также въ оконч. 3 л. мн. ч. аориста *възяшь, послашь* вѣроятно, изъ *възяше*, каторое изъ—*шя* (*ше* вм. *шя* обычно въ псковск. пам. XIV в. см. Собол. Очерки изъ ист. р. яз.). *ъ* вм. *о* въ 3-мъ слогѣ передъ удар., вѣроятно, въ *къснятинъ* въ 1-мъ и 2-мъ поч.

Переходъ *ы* въ *ъ*, вѣроятно, зависитъ отъ разложенія его дифтонгич. характера, предположеннаго А. А. Потебней, по крайней мѣрѣ передъ гласными, при чемъ второй элементъ дифтонга *ъі* сливался съ слѣдующей гласной. Въ Новгор. лѣт. Син. сп. *стръя, кръяше*, передъ согласными: *избъткъ*, сънъ (вм. *сынъ*), м. б., графически. Но гораздо чаще переходъ *и* въ *ь* передъ гласными: *избьени, ратью, помочью* и т. п.; передъ согласными только 1 р. *осмьнька* въ 1-мъ поч., м. б., графически; въ концѣ словъ нерѣдко: *толь, домовь*. Переходъ *и* въ *ь* передъ гласными въ 3-мъ п. чаще, чѣмъ въ первыхъ двухъ: *софью* и т. п. постоянно въ 3-мъ п. при *софию* и т. п. въ двухъ первыхъ. Переходъ *и* въ *ь*, хотя и встрѣчается въ памятникахъ старославянскихъ нерусскаго письма (глаголич.), долженъ быть признанъ для русскаго яз. характернымъ. Мнѣніе Соболевскаго о большей древности *ь*, чѣмъ *и*, едва ли вѣроятно.

Были сдѣланы нѣкоторыя возраженія И. В. Нетушиломъ, который указалъ на то, что *е* могло и прямо исчезать въ слогѣ безъ ударенія безъ посредства *ь*, какъ, по его мнѣнію, въ чешск. *dvadcet*; также—, что приведенныя формы *свьискеи* (1-й поч.) и *дьцкои* (3-й поч.) принадлежатъ разнымъ діалектамъ.

Въ засѣданіи И. Ф. Общества 16 января 1892 г. постановлено перепечатать въ 4 т. Сборника статью *г. Горнфельда* въ Харьк. Вѣдом. о лекціяхъ А. А. Потебни, съ согласія автора, которое получено, затѣмъ постановлено, согласно съ просьбой аккерманской городской управы, послать безплатно въ ак. общественную библіотеку изданія И. Ф. Общества. Предположено доставленный А. А. Русовымъ этнографическій матеріалъ изъ с. Бѣлозерки Херсонскаго уѣзда издать вмѣстѣ съ пѣснями, собранными И. И. Манжурой, а для ускоренія изданія послѣднихъ поручить редакцію ихъ г. Манжурѣ, для чего высылать ихъ по частямъ, и назначить г. Манжурѣ гонораръ въ 50 руб. за этотъ трудъ. По вопросу объ изданіи трудовъ А. А. Потебни, оставшихся послѣ его смерти въ рукописи, и прежде всего главнаго изъ нихъ, 3 тома «Изъ записокъ по рус. грамматикѣ», для обсужденія всѣхъ относящихся сюда вопросовъ и редактированія избрана коммиссія изъ М. С. Дринова, Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, М. Е. Халанскаго и Б. М. Ляпунова.

А. С. Лебедевъ сдѣлалъ сообщеніе *о вотчинномъ бытѣ* Бѣлгородскаго Николаевскаго и Курско-Знаменскаго монастырей по архивнымъ документамъ. Сообщеніе это съ относящимися къ нему документами напечатано въ 4 т. Сборника.

Въ засѣданіи 6 Февраля членъ общества *Д. Н. Овсянико-Куликовскій* прочелъ рефератъ изъ области ведаизма—*о „сынахъ Адити“*. Подъ именемъ «сыновъ Адити». (âdityâs) понимается группа божествъ, въ составъ которой первоначально входили Varuna, Mitra, Aryaman, Bhaga и Amça. Позже вошли туда и нѣкоторыя другія божества (Savitar, Surya, Ushas, Indra, а также Daksha, природу и происхожденіе коего, за скудостью данныхъ, опредѣлить весьма трудно.) Референтъ задался цѣлью опредѣлить настоящую природу разсматриваемыхъ божествъ, т. е. пяти первоначальныхъ «сыновъ Адити» и, анализируя съ этой цѣлью соотвѣтственныя данныя Ригъ-Веды, пришолъ къ выводу, что Varuna и его братья были первоначально божествами не натуралистическими, какъ принято думать, а юридическими и этическими: это были боги власти, судьи, каратели грѣховъ и преступленій, патроны князей. Основной пріемъ, употребляемый референтомъ, состоитъ въ группировкѣ и критикѣ разныхъ эпитетовъ, функцій и аттрибутовъ разсматриваемыхъ божествъ. Такъ, приведя различныя мѣста изъ гимновъ Ригъ-Веды, могущія быть истолкованными въ пользу стараго взгляда на Варуну, какъ на божество неба, на Митру—какъ божество солнца и т. д.,—вообще на сыновъ Адити—какъ на божества природы, референтъ отмѣчаетъ неопредѣленность и противорѣчивость, часто темноту приведенныхъ мѣстъ и утверждаетъ, что изъ нихъ нельзя вывести вообще точной и опредѣленной натуралистической идеи этихъ божествъ, такъ что является

возможность утверждать, что напр. Варуна былъ божествомъ не только неба, но и солнца, дождя, даже моря. Выводъ, который референтъ считаетъ возможнымъ сдѣлать изъ сопоставленія этихъ свидѣтельствъ и также изъ другихъ данныхъ, гласитъ, что сыны Адити не были божествами тѣхъ или другихъ явленій или частей природы (неба, солнца) и даже не были вообще божествами природы (въ томъ смыслѣ какъ таковыми являются Sūrya-солнце, Dyaus-небо, Ushas-заря и пр.), но могутъ быть названы богами-властелинами, владыками, заправителями всевозможныхъ явленій природы. Это были боги власти надъ природою, а не самой природы. Эта ихъ функція разсматривается референтомъ какъ дальнѣйшее развитіе и расширеніе на всю природу ихъ первоначальной болѣе тѣсной роли—боговъ власти земной, суда, правды правосудія—на землѣ. Въ основу такого вывода референтъ кладетъ цѣлую группу свидѣтельствъ гимновъ о судейской и вообще этической роли сыновъ Адити и между прочимъ отмѣчаетъ тѣ мѣста, гдѣ авторы гимновъ взываютъ къ сынамъ Адити о прощеніи грѣховъ. Во всей Ригъ-Ведѣ такихъ мѣстъ примѣрно 11, изъ коихъ 8 отнесено именно къ сынамъ Адити, а изъ остальныхъ 3-хъ два, однесенныя къ другимъ богамъ, косвенно указываютъ опять-таки на сыновъ Адити. Въ связи съ этимъ референтъ, на основаніи разныхъ мѣстъ, гдѣ встрѣчается слово Aditi, и этимологіи его, предлагаетъ понимать богиню Aditi, мать Варуны и его братьевъ, не какъ богиню «безпредѣльности» (обычное толкованіе), а какъ богиню «невинности», «безгрѣшности». Варуна, Митра и пр., въ качествѣ судей, были названы «сынами безгрѣшности», что значило просто «безгрѣшные» (ср. эпитетъ *Агни* «сынъ мощи», т. е. просто «мощный»). Потомъ изъ аттрибута сдѣлали богиню, мать этихъ боговъ правосудія.—Другой аттрибутъ, состоящій въ связи именно съ этой культурностью сыновъ Адити, это ихъ «соглядатаи» (spaças). Референтъ подробно разбираетъ мѣста, сюда относящіяся, и старается опредѣлить этихъ соглядатаевъ точнѣе и установить ихъ роль: они доносили сынамъ Адити о грѣхахъ и преступленіяхъ людей, заступались за невинныхъ, карали виновныхъ. Это были на землѣ Agnayas—свящ. Огни, на небѣ солнце (Savitar, Sūrya), мѣсяцъ, звѣзды. Далѣе референтъ затронулъ вопросъ объ историческихъ отношеніяхъ сыновъ Адити и Индры, а также коснулся иранскихъ эквивалентовъ Варуны и Митры: первый, называвшійся первоначально Asura, былъ тожественъ иранскому Ahurō-Masdâo, а второй—иранскому Mithrō (положеніе давно установленное). Съ тѣмъ вмѣстѣ референтъ предлагаетъ свести ведійскихъ сыновъ Адити къ тремъ или даже двумъ основнымъ фигурамъ и дать этимологическія толкованія ихъ именъ: Varuna—защитникъ, покровитель и Mitra—другъ замѣнили индоиранскихъ Asura (владыка) и Mitra (другъ), Aryaman (другъ) возникъ какъ дубликатъ Митры; Bhaga (благодѣтель) могъ возникнуть уже въ эпоху

Ведъ въ качествѣ третьяго Адити (изъ эпитета двухъ первыхъ), наконецъ Атça (благодѣтель, надатель) есть дубликатъ Бхачи.

Рефератъ вызвалъ возраженія со стороны членовъ Общества А. Н. Деревицкаго и В. П. Бузескула, которые подвергли критикѣ основную мысль референта о перенесеніи идеи данныхъ божествъ отъ культуры къ природѣ и защищали прежнее воззрѣніе на Варуну какъ на бога неба, основываясь на греческой миѳологіи и отстаивая извѣстное тожество Варуны съ Зевсомъ, отвергаемое референтомъ. Н. Ѳ. Сумцовъ также высказался въ пользу превалирующей древности натуралистическаго элемента въ миѳологіи.

20 февраля состоялось обычное засѣданіе историко-филологическаго общества, на которомъ прочитано было четыре сообщенія. *Н. Ѳ. Сумцовъ* сдѣлалъ *обзоръ научной дѣятельности академика М. И. Сухомлинова* (цѣликомъ напечатанъ въ 49-мъ № «Харьк. Вѣд.» и въ 4 т. Сборника И. Ф. Общ.). Общество постановило послать 6 марта въ день 40-лѣтняго юбилея Михаила Ивановича Сухомлинова привѣтственную телеграмму.

Л. Ю. Шепелевичъ прочелъ одну главу изъ своей работы *о „Павловомъ видѣніи“*, первая часть которой была напечатана въ прошломъ году. Референтъ говорилъ о празднованіи воскресенья въ первые вѣка христіанства. Далѣе онъ указалъ на памятники, въ которыхъ празднованіе воскреснаго дня примѣняется къ душамъ, осужденнымъ на вѣчныя муки, въ частности на Павлово видѣніе. Въ заключеніе было сказано нѣсколько словъ объ отношеніи Данта къ этому вопросу. Дополненія и замѣчанія были сдѣланы А. С. Лебедевымъ и Н. Ѳ. Сумцовымъ.

Д. И. Миллеръ предложилъ Обществу свое сообщеніе *о „Голштинскихъ наборахъ въ Малороссіи“*. Въ царствованіе Петра III-го, извѣстнаго своею приверженностью ко всему голштинскому, производились между прочимъ наборы вольныхъ людей въ голштинскій отрядъ и въ Малороссіи. Референтъ извлекъ изъ архива Малороссійской коллегіи документальныя данныя объ этихъ «вербункахъ» и составилъ на основаніи ихъ яркую историческую картинку; рельефными чертами очерчено было возбужденіе, поднятое среди тогдашнихъ канцеляристовъ и «паничей» призывами вербовщиковъ и указаны причины его; охарактеризованъ былъ и наборъ «великорослыхъ», отличавшійся отъ перваго своимъ демократическимъ характеромъ; указана роль мѣстной администраціи въ этомъ дѣлѣ; затѣмъ, изложенъ и эпилогъ этого печальнаго для малороссійскихъ «Голштинцевъ» предпріятія; со смертью Петра III-го обстоятельства круто измѣнились, и «малороссійцы» должны были вернутся ни съ чѣмъ въ «батьковскія хаты». Рефератъ г. Миллера былъ выслушанъ съ интересомъ, благодаря живому и бойкому изложенію. Д. И. Багалѣй замѣтилъ, что референтъ выбралъ интересный

вопросъ и разработалъ его на основанiи достовѣрныхъ архивныхъ матерiаловъ; лицъ, читавшихъ малороссiйскiя хроники XVIII в., давно уже интересовалъ вопросъ о голштинскихъ наборахъ въ Малороссiи. Авторъ съумѣлъ связать этотъ эпизодъ съ общей исторiею Россiи въ царствованiе Петра III-го и такимъ образомъ его изложенiе получило законченное развитiе.

Наконецъ, было прочитано сообщенiе отсутствующаго члена Общества *П. В. Иванова „О путяхъ Игоря Сѣверскаго въ землю Половецкую 1185 г.“* Авторъ, вопреки принятымъ въ последнее время мнѣнiямъ Аристова и Голубовскаго, предполагаетъ что Игорь не далеко зашелъ вглубь Половецкой земли—потерпѣлъ пораженiе отъ Половцевъ не въ Екатеринославскихъ степяхъ, а въ нынѣшней Курской губ. Опровергая соображенiя Аристова и Голубовскаго, г. Ивановъ старался собрать и положительныя доказательства въ пользу своего мнѣнiя (изъ лѣтописей, данныхъ топографической номенклатуры). Общiй выводъ сдѣланъ осторожно и не претендуетъ на непогрѣшимую достовѣрность. Д. И. Багалѣй въ пространной рѣчи указалъ на состоянiе этого вопроса въ историко-географической литературѣ и высказался болѣе въ пользу мнѣнiя Голубовскаго.

6 Марта отправлена была академику Михаилу Ивановичу *Сухомлинову* привѣтственная телеграмма по случаю сороколѣтiя его служебной и научно-литературной дѣятельности. М. И. Сухомлиновъ прислалъ Обществу по этому случаю слѣдующую телеграмму: «Душевно благодаренъ за дорогой для меня привѣтъ и пожеланiя».

Въ *засѣданiи 12 марта* разсмотрѣнъ проэктъ правилъ о выдачѣ *премiи* имени А. А. Потебни (напечатанъ выше среди некрологовъ А. А. Потебни) и постановлено, обратиться къ высшему начальству съ просьбой объ нихъ утвержденiи.

По предложенiю Н. Ѳ. Сумцова постановлено уплатить А. С. Геевскому за рукопись «Автобiографiя С. Л. Геевскаго» 10 руб., въ добавокъ къ ассигнованнымъ Правленiемъ 25 руб.

Доложено отношенiе Аккерманской городской управы, что книги, высланныя Обществомъ въ Аккерманскую общественную библiотеку, получены и городская управа благодаритъ за нихъ.

Другой докладъ былъ представленъ проф. *Д. И. Багалѣемъ* и касался принадлежащаго Обществу Историческаго Архива. Указавъ на огромное количество цѣнныхъ въ историческомъ отношенiи документовъ, составляющихъ нынѣ собственность Общества и университета, докладчикъ высказалъ пожеланiе, чтобы Архивъ былъ введенъ въ штатъ учебно-вспомогательныхъ учрежденiй Харьковскаго университета. Но прежде чѣмъ это будетъ сдѣлано, необходимо теперь же ходатайствовать передъ высшимъ начальствомъ о дарованiи правъ государственной службы архиварiусу, который теперь

служитъ по найму и не несетъ никакой отвѣтственности ни за цѣлость документовъ, ни за точность выдаваемыхъ имъ выписей разнымъ частнымъ лицамъ. Необходимо также, чтобы правленіе университета назначило въ архивъ особаго служителя въ помощь архиваріусу. Въ заключеніе этихъ двухъ прямыхъ ходатайствъ докладчикъ выразилъ желаніе, чтобы и изъ университетскаго архива была выдѣлена извѣстная часть старыхъ дѣлъ (за первые 60 лѣтъ существованія университета) для научной разборки и пользованія. Это особенно необходимо въ виду приближающагося столѣтняго юбилея Харьковскаго университета; составленіе коллективнымъ образомъ Біографическаго Словаря профессоровъ Харьковскаго университета (по образцу Кіевскаго) возможно будетъ только при томъ условіи, если старыя дѣла, имѣющія теперъ только историческій интересъ, сдѣлаются доступными для научныхъ изслѣдованій, если они, въ качествѣ особаго отдѣленія, будутъ возсоединены съ Историческимъ архивомъ Историко-филологическаго общества.

Е. П. Радакова прочла рефератъ *„О походахъ казаковъ на работы къ Ладожскому каналу“* и *г. Харціевъ „О бумагахъ пок. проф А. А. Потебни“*. Г-жа Радакова систематически занимается извлеченіемъ матеріаловъ изъ Харьковскаго историческаго архива и плодомъ ея архивныхъ занятій является и настоящая работа, представляющая начало цѣлой серіи этюдовъ по внутренней исторіи казачества въ лѣвобережной Малороссіи XVIII вѣка. Референтка воспользовалась всѣми печатными первоисточниками по этому вопросу, дополнила ихъ архивными данными и въ результатѣ получилась характерная страничка изъ соціально-экономической исторіи служилаго сословія въ Лѣвобережьѣ. Документальными данными она провѣрила подозрительныя въ глазахъ ученаго міра свидѣтельства «Исторіи Руссовъ» и Орлика и возстановила подлинный характеръ этого событія со всею его бытовою обстановкою. Изложеніе своего частнаго спеціальнаго вопроса г-жа Радакова поставила въ связь съ общимъ ходомъ русской исторіи, съ характеромъ мѣропріятій и реформъ Петра Великаго. Г. Харціевъ, вмѣстѣ съ другими учениками покойнаго проф. А. А. Потебни, занимается списываніемъ для печати оставшейся въ рукописи 3-й части «Записокъ по русской грамматикѣ»; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рѣшилъ познакомиться и вообще съ содержаніемъ оставшихся послѣ покойнаго рукописныхъ сочиненій и отрывковъ. Такихъ рукописей, оказывается, осталось весьма много. Цѣлый рядъ папокъ заключаетъ въ себѣ плодъ 25-ти лѣтнихъ ученыхъ занятій знаменитаго филолога; кое что осталось въ совершенно законченномъ и приготовленномъ къ печати видѣ (напримѣръ, отвѣтъ на рецензію П. А. Лавровскаго; онъ только по случайнымъ обстоятельствамъ не былъ опубликованъ своевременно); другія рукописи потребуютъ значительной редакторской работы; сюда относятся—

3-я часть «Записокъ по русской грамматикѣ», «Теорія поэзіи», «Этимологическія замѣтки, расположенныя въ словарномъ порядкѣ» и т. п., наконецъ послѣдняя группа заключаетъ въ себѣ замѣтки «для себя», совсѣмъ почти необработанныя для изданія. Референтъ познакомилъ членовъ общества съ общимъ содержаніемъ всѣхъ этихъ матеріаловъ и изъ его изложенія выяснилось огромное значеніе этого «научнаго наслѣдства А. А. Потебни». Въ особенности цѣнны «Записки по русской грамматикѣ» и «Теорія поэзіи». 1-й трудъ болѣе законченъ, чѣмъ 2-й; но едва ли членовъ общества, учениковъ покойнаго профессора, можетъ остановить трудность изданія и «Теоріи поэзіи»; изъ одного перечня главъ и отдѣловъ можно было убѣдиться, что трудъ этотъ, даже въ своемъ нынѣшнемъ, незаконченномъ видѣ, можетъ произвести такой же переворотъ въ теоріи словесности, какой произвели «Записки по русской грамматикѣ» въ русскомъ синтаксисѣ. Нельзя руководиться въ дѣлѣ изданія посмертныхъ бумагъ однимъ мѣриломъ—степенью ихъ обработки—нужно принять во вниманіе и самую важность и новизну ихъ содержанія.

Въ засѣданіи 17 апрѣля опредѣленъ составъ сборника рѣчей и телеграммъ по случаю кончины А. А. Потебни и печатныхъ некрологовъ, причемъ рѣшено напечать вполнѣ статьи учениковъ Потебни и сдѣлать извлеченія изъ большихъ некрологовъ, написанныхъ В. И. Ламанскимъ и А. С. Будиловичемъ. Дано цензурное разрѣшеніе на изданіе этого сборника. Подробности, какъ то: число экземпляровъ, выборъ бумаги и шрифта, опредѣленіе цѣны за экземпляръ и т. п. предоставлены усмотрѣнію предсѣдателя и секретаря общества.

По просьбѣ И. В. Нетушила дано цензурное разрѣшеніе на переизданіе его латинскаго синтаксиса.

Архиваріусу М. М. Плохинскому данъ отпускъ на одинъ лѣтній мѣсяцъ съ сохраненіемъ жалованья.

Въ томъ же засѣданіи Д. И. Багалѣй прочелъ два реферата: 1) объ археологическихъ раскопкахъ свящ. Спесивцева и 2) къ біографіи Наз. Александр. Каразина, отца основателя харьковскаго университета В. Н. Каразина.

Статья Д. И. Багалья о Назаріи Александровичѣ Каразинѣ, отцѣ знаменитаго Василія Назаровича Каразина, посвящена одному любопытному эпизоду изъ жизни Назарія Александровича—его столкновенію съ сосѣднимъ помѣщикомъ Саввой Альховскимъ, который, по преданіямъ, отличался страстью къ наѣздамъ и погромамъ. Во время одного изъ такихъ вооруженныхъ нападеній Альховскаго на владѣнія Наз. Каразина было убито и ранено значительное число крестьянъ этого послѣдняго. Наз. Каразинъ жаловался въ судъ, но добиться управы на сильнаго, при тогдашнемъ состояніи правосудія,

было мудрено; процессъ затянулся на многіе годы, а Назарій Александровичъ, наскучивъ ожиданіемъ, прибѣгнулъ къ очень оргинальному мщенію. Онъ распорядился сдѣлать надпись (литыми буквами) на колоколѣ своей приходской церкви слѣдующаго содержанія: «сей колоколъ кровь вопіющая къ Богу людей побитыхъ села Кручика и деревни Основинецъ Саввою Васильевымъ сыномъ Ольховскимъ 1776 г. аввуста 15 дня». Къ этомъ колоколу былъ прикрѣпленъ часовой молотъ, который билъ часы въ слово имени Савва. Референтъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи источники двоякаго рода—устныя преданія и архивныя документальныя данныя; они взаимно дополняли другъ дгуга. На основаніи ихъ и была разсказана довольно подробно исторія съ колоколомъ. Этотъ историческій колоколъ сохранился до настоящаго времени и рисунокъ его, сдѣланный съ руки, былъ представленъ Обществу.

Вслѣдъ за тѣмъ Д. И. Багалѣй прочиталъ полученную имъ отъ священника сл. Райгородка (Изюмскаго уѣзда Харьк. губ.) *о. Василія Спесивцева* записку о находкѣ разныхъ древностей въ двухъ урочищахъ подлѣ Райгородка. Представивъ топографическія данныя объ этихъ урочищахъ, о. Василій Спесивцевъ подробно разсказалъ исторію случайныхъ находокъ разнообразныхъ археологическихъ памятниковъ. Цѣлая коллекція ихъ была прислана о. Василіемъ Д. И. Багалѣю и показана этимъ послѣднимъ членамъ Общества. Оказалось, что мѣста находокъ представляютъ древнее культурное поселеніе, гдѣ оставили слѣды своего пребыванія люди разныхъ эпохъ, начиная отъ представителей каменнаго вѣка (палеолитическаго его періода) и оканчивая слободскими казаками Изюмскаго полка. Особенно интересны кремневыя орудія—типичнѣйшихъ образцовъ наконечники стрѣлъ, ножи, скребки. О хронологіи другихъ предметовъ даютъ понятіе монеты. Онѣ отправлены были для опредѣленія проф. Д. И. Багалѣемъ къ секретарю Московскаго археологическаго Общества г. Трутовскому, и оказалось, что почти всѣ онѣ были чеканены въ Золотой Ордѣ въ XIII—XIV вв., за исключеніемъ одного серебрянаго самонидскаго диргема кон. VIII и нач. IX в.

Записка о. Вас. Спесивцева была выслушана гг. членами Общества съ большимъ вниманіемъ и принята весьма сочувственно. Выражено было желаніе, чтобы найденные свящ. Спесивцевымъ предметы пріобрѣтены были за извѣстную сумму университетскимъ музеемъ древностей, на что присутствовавшій въ засѣданіи Общества проф. Г. Ѳ Шульцъ (завѣдующій музеемъ) изъявилъ полное согласіе и готовность. Желая съ своей стороны выразить свое сочуствіе о. Вас. Спесивцеву за сохраненіе имъ для науки памятниковъ мѣстной старины, Общество, по предложенію своего предсѣдателя, рѣшило отправить ему въ даръ всѣ свои изданія (4 тома издаваемаго имъ «Сборника»). Д. И. Багалѣй заявилъ, что онъ напечатаетъ записку о. Вас. Спе-

сивцева со своимъ предисловіемъ въ Харьковскомъ Сборникѣ, издаваемомъ Статистическимъ Комитетомъ (на 1892 годъ) и постарается обратить вниманіе Московскаго Археологическаго Общества на мѣстность. сл. Райгородки.

Въ засѣданіи 2 мая секретарь доложилъ, что получено увѣдомленіе отъ ректора отъ 27 апрѣля за № 879 объ утвержденіи г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія устава Педагогическаго Отдѣла, послѣдовавшемъ 25 февраля 1892 года. Общество постановило напечатать этотъ уставъ въ 4 т. Сборника при отчетѣ, а къ организаціи Отдѣла приступить въ ближайшіе осенніе мѣсяцы послѣ вакацій.

Проф. *В. П. Бузескулъ* представилъ обзоръ мнѣній о новооткрытомъ трактатѣ Аристотеля объ аѳинской республикѣ.

Баллотировался и избранъ въ члены Дим. Пет. Миллеръ, получившій 15 изб. и 1 неизбир. шаръ.

Въ засѣданіи историко-филологическаго общества 12 мая извѣстный ученый *В. В. Латышевъ,* помощникъ попечителя казанскаго учебнаго округа, предсѣдатель историко-филологической экзаменаціонной коммиссіи въ нашемъ университетѣ, сдѣлалъ сообщеніе о нѣкоторыхъ вновь найденныхъ херсонескихъ надписяхъ. Г. Латышевъ прочелъ и объяснилъ нѣсколько греческихъ надписей, найденныхъ въ Херсонесѣ таврическомъ. Изъ этихъ надписей одна, относящаяся къ III в. до Р. Хр. и отлично сохранившаяся на камнѣ, заключаетъ въ себѣ формулу присяги, которую приносили получавшіе право гражданства; другая начала I в. по Р. Х., сильно попорченная, относится ко времени подчиненія Херсонеса Риму и заключаетъ нѣсколько цѣнныхъ указаній на внутренній бытъ города и его внѣшнія отношенія, на борьбу съ городскимъ тираномъ, награжденіе одного гражданина за разныя услуги городу золотымъ вѣнкомъ и статуей; третья II в. по Р. Хр. сообщаетъ любопытныя подробности относительно общественной нравственности и политическаго положенія Херсонеса. Въ одной маленькой надписи на пьедесталѣ статуи, надписи, относимой референтомъ по формамъ языка и начертанію буквъ къ IV вѣку до Р. Хр., встрѣчается загадочное имя художника Поликрата, быть можетъ, аѳинскаго ваятеля, если статуя была куплена на сторонѣ. Вообще, сообщеніе г. Латышева представляло высокій научный интересъ и было прослушано членами общества съ живѣйшимъ вниманіемъ. Въ послѣдовавшей затѣмъ научной бесѣдѣ о нѣкоторыхъ деталяхъ доклада приняли участіе М. С. Дриновъ, А. Н. Деревицкій, И. В. Нетушилъ, Д. Н. Овсянико-Куликовскій, Н. Ѳ. Сумцовъ и В. П. Бузескулъ. Въ концѣ засѣданія предсѣдатель отъ имени присутствовавшихъ членовъ выразилъ референту благодарность за его въ высокой степени интересный докладъ.

Измѣненія въ личномъ составѣ Общества въ отчетномъ году.

Въ III т. Сборника былъ напечатанъ списокъ членовъ Общества. Въ отчетномъ году произошли слѣдующія измѣненія; скончался А. А. Потебня, бывшій 12 лѣтъ предсѣдателемъ Общества и О. И. Пѣховскій, состоявшій членомъ въ началѣ 80-хъ годовъ; выбраны въ 1891 г. въ члены П. П. Короленко, П. М. Верховскій, Н. М. Стефани, С. А. Новицкій, Н. Н. Бакай, Б. М. Ляпуновъ, Ф. Л. Германъ, А. С. Вязигинъ Д. А. Киселевъ и Д. П. Миллеръ.

Отчетъ о Харьковскомъ историческомъ архивѣ, состоящемъ въ вѣдѣніи историко-филол. общества съ 1 окт. 1890 г. по 1 окт. 1891 года.

Въ истекшемъ году занесено въ реестръ 2445 нумеровъ дѣлъ малороссійской коллегіи и число всѣхъ нумеровъ этого отдѣла достигло теперь цифры 30550. Число дѣлъ Харьковскаго отдѣленія вмѣстѣ со вновь вписанными равняется 2130. Въ теченіи года были пожертвованы архивные документы слѣдующими лицами: г-жей А. Е.—«дѣло о возмущеніи подданныхъ Базилевскихъ», г. В. П. Фурдуевымъ—двѣ связки дѣлъ о военныхъ поселеніяхъ въ Харьковской губ. 20-хъ и 50-хъ годовъ и дѣло о харьковскихъ переселенцахъ на Кавказскую линію (1785 г.), М. Д. Линдой—указъ о ревизіи 1783 г., вѣдомость о расходѣ города Богатаго, одинъ документъ изъ фамильныхъ бумагъ Пургасовыхъ и дѣло о продажѣ соли въ Салтовѣ (1769 г.), г. Федоровичемъ—книга указовъ (копій) съ 1722 по 1728 г. и нѣсколько документовъ отъ пр. Д. И Багалѣя. Сверхъ того въ архивъ поступили дѣла 5-го Харьковскаго южно-украинскаго военнаго поселенія, доставленныя на средства Общества изъ Новобѣлгородскаго волостнаго правленія (въ количествѣ 299 штукъ).

По инициативѣ завѣдующаго архивомъ проф. Д. И. Багалѣя, въ истекшемъ году при архивѣ организованъ *новый отдѣлъ документовъ*—писемъ и бумагъ выдающихся мѣстныхъ дѣятелей, преимущественно профессоровъ Харьковскаго у—а. Начало ему положили бумаги покойныхъ профессоровъ у—а М. Н. Петрова и И. В. Платонова. Г. Геевскій пожертвовалъ рукописи «О домашнемъ и публ. воспитаніи», Описаніе Зеньковскаго у полт. губ. и Описаніе Москвы, составленное Карамзинымъ; И. О. Фесенко—рукопись соч. Квитки.

Библіотека архивная въ настоящее время заключаетъ въ себѣ 439 томовъ книгъ и брошюръ и пополняется исключительно путемъ обмѣна и жертвованій. Въ обмѣнъ на 3-й томъ «Сборника» получены были слѣдующія изданія ученыхъ обществъ и учрежденій: Архивъ Свят. Синода прислалъ 8-й томъ своихъ описей, историческое общество Нестора лѣтописца—5 книгъ своихъ «чтеній», Архивъ Мин. Юстиціи 7-ю книгу «Описаній документовъ и бумагъ», Общество археологіи, исторіи и этнографіи при Казанскомъ у—ѣ свои «Извѣстія», Историко-фил. общество при Новороссійскомъ у—ѣ—свою «Лѣтопись», Этнографическій отдѣлъ московскаго общества любителей

естествознанія, антропологіи и этнографіи—«Этнографическое Обозрѣніе», Коммиссія для разбора древнихъ актовъ при Кіев. Под. и Вол. Ген. губ. —свои изданія (въ количествѣ 24 томовъ), отдѣленіе этнографіи при Имп. Геогр. общ.,—«Живую Старину». Кромѣ того по примѣру прошлыхъ лѣтъ, присылали свои труды ученыя архивныя коммиссіи—Рязанская, Тамбовская, Таврическая и Ярославская. Отъ членовъ общества и частныхъ лицъ въ библіотеку общества поступили слѣдующія книги и брошюры: пр. В. П. Бузескула—Лекціи по всемірной исторіи Петрова, т. 4-й, вып. 1-й, проф. В. С. Иконникова—«Гр. Мордвиновъ», «Новые матеріалы для исторіи царствованія Петра Вел.», «Новые матеріалы и труды о патріархѣ Никонѣ, «Димитрій Самозв. и Сигизмундъ III-й», «Страница изъ исторіи «Екатерининскаго Наказа», «Систематическій указатель къ неофиціальной части Кіевскихъ университетскихъ извѣстій 1864—1884 гг.», отъ М. Д. Линды—«Филаретъ Черниговскій» «Курсъ словесности проф. Пакп де Савиньи», «Жизнь и литературные труды имп. Константина Багрянароднаго», Рѣчи произнесенныя въ торжественномъ собраніи Харьк. у—а въ 1816 г., Ежемѣсячныя сочиненія 1764 г.», Оглавленіе статей, содержащихся въ Под. Еп. Вѣд.», Каталогъ изданій Археогр. ком., Архивъ практич. свѣд., Отчетъ по военнымъ поселеніямъ за 1824 г.», «Аглая», «О сходствѣ санскритскаго языка съ русскимъ», Отчетъ о дѣятельности слав. благотв. комитета, «Изложеніе системъ древн. и нов. философовъ», Corporis radicum sanscritarum prolusio», отъ прот. Н. Лащенка» Выс. Филаретъ, архіеп. Харьковскій», отъ №—Сводъ законовъ славянскихъ, отъ М. М. Плохинскаго—» «Цыгане старой Малороссіи», «Бобровники и стрѣльцы», Новѣйшая національная исторіографія въ Германіи, Франціи, Англіи Петрова, «отъ А. А. Русова—Итоги земской статистики Харьк. губ.», «Нѣсколько выводовъ изъ стат.—трудовъ по Черн. и Херс. губ.», «Кролевецкій уѣздъ», о наймѣ рабочихъ въ Херс. губ., «Выкупные платежи б. госуд. крестьянъ Херс. губ», «Осада и взятіе Очакова», «Мѣстечко Дмитровка», отъ проф. Н. Ѳ. Сумцова «Starodawne sposoby przyrzadzania chleba», отъ г. Сырку—Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV в., «отъ В. И. Саввы—о времени и мѣстѣ крещенія св. Ольги», отъ И. В. Телпченка—сословныя нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху Екатер. ком., отъ С. И. Шидловскаго—«Описаніе дѣлъ архива морскаго мин.», Отъ проф. Д. И. Багалѣя Очеркъ торговли въ Харьк. краѣ», «повѣсть о градѣ Курскѣ», «извлеченіе пр. Филарета изъ фамильныхъ записокъ Квитокъ», Археол., этногр. и топ. замѣтки о Харьк. губ. «Общій очеркъ древн. Харьк. губ.», «О необходимости изученія Курской губ. въ ист. геогр. отношеніи», «Библіогр. очеркъ статей по Харьк. губ.», «Описаніе рукописей Черн. дух. сем. Лилеева», Описаніе старой Малороссіи Лазаревскаго, 2-й вып., «Очеркъ замѣч. древ-

ностей Ворон. края», отъ г. Геевскаго — «Старозаимочныя земли Харьк. губ.», отъ П. П. Короленка—карта Кубани XVII в.

Каталогъ всѣхъ книгъ архивной справочной библіотеки отпечатанъ.

Съ цѣлью научной разработки матеріаловъ архивъ посѣщали слѣдующія лица: извѣстный историкъ Черноморскихъ казаковъ П. П. Короленко, работающій теперь надъ исторіей Запорожья, кандидатъ истор. наукъ Д. П. Миллеръ, извлекавшій источники для статьи о Голштинцахъ въ Малороссіи, Е. П. Радакова, работающая надъ вопросомъ о нарядахъ на работы въ разныхъ мѣстахъ малороссійскихъ козаковъ, извѣстный статистикъ А. А. Русовъ, собиравшій акты о Густынскомъ мон., свящ. Ник. Лащенко, извлекавшій изъ отдѣла бумагъ мѣстныхъ дѣятелей письма къ Филарету, проф. Д. И. Багалѣй разыскивавшій данныя по исторіи малороссійскихъ городовъ, Д. И. Эварницкій; сверхъ того за справками въ архивъ обращались гг. Шидловскій, Гаевскій, Золотаревскій, Шафоростовъ отыскивавшіе фамильные документы. Услугами архивной библіотеки пользовались лица, работавшіе въ архивѣ, члены общества, а также посторонніе ученые, студенты и другія лица по рекомендаціи гг. членовъ общества.

Завѣдующій архивомъ проф. *Д. И. Багалѣй.*

Архиваріусъ кандидатъ ист. наукъ *М. Плохинскій.*

УСТАВЪ

Педагогическаго Отдѣла Историко-Филологическаго Общества, состоящаго при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Харьковскомъ университетѣ.

(Утвержденъ г. Министромъ народнаго просвѣщенія 25 Февраля 1892 года).

§ 1.

Цѣль Педагогическаго Отдѣла—обсужденіе вопросовъ, имѣющихъ соприкосновеніе съ преподаваніемъ Историко-филологическихъ предметовъ въ учебныхъ заведеніяхъ.

§ 2.

Педагогическій Отдѣлъ состоитъ изъ лицъ, преподающихъ въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Харьковскаго учебнаго округа и вообще изъ лицъ, интересующихся спеціально педагогическими и научно-методологическими вопросами.

§ 3.

Члены Педагогическаго Отдѣла избираются по рекомендаціи одного или нѣсколькихъ членовъ Историко-филологическаго Общества или Педагогическаго Отдѣла закрытой баллотировкой по большинству голосовъ.

§ 4.

Члены Историко-филологическаго Общества состоятъ eo ipso и членами Педагогическаго Отдѣла.

§ 5.

При переходѣ изъ Педагогическаго Отдѣла въ Историко-филологическое Общество соблюдаются §§ 7 и 18 Устава Общества, т. е. баллотировка и 5-ти рублевый членскій годовой взносъ.

§ 6.

Предсѣдатель Педагогическаго Отдѣла избирается Отдѣломъ исключительно изъ членовъ Историко-филологическаго Общества, а секретарь изъ наличнаго состава Отдѣла.

§ 7.

Годовой членскій взносъ для члена Педагогическаго Отдѣла опредѣляется въ три рубля.

§ 8.

О времени засѣданій Педагогическаго Отдѣла и предстоящихъ сообщеніяхъ дѣлается предварительное увѣдомленіе въ мѣстномъ оффиціальномъ органѣ. Засѣданіе считается состоявшимся, если явится $^1/_3$ общаго числа членовъ, проживающихъ въ городѣ.

§ 9.

Параграфы 9, 11, 12 и 17 Устава Историко-филологическаго Общества примѣняются и къ его Отдѣлу.

§ 10.

Изъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію по §§ 13, 14 и 15 вопросы, по печатанію трудовъ Педагогическаго Отдѣла, по обсужденіи въ Отдѣлѣ, окончательное рѣшеніе получаютъ въ Историко-филологическомъ Обществѣ.

§ 11.

Годовой отчетъ о дѣятельности Педагогическаго Отдѣла разсматривается въ Историко-филологическомъ Обществѣ, печатается въ его изданіяхъ или отдѣльно и представляется попечителю Харьковскаго учебнаго округа.

§ 12.

Взносы и пожертвованія въ пользу Педагогическаго Отдѣла поступаютъ въ кассу Историко-филологическаго Общества.

Изъ протоколовъ засѣданій Историко-Филологическагго Общества 29 Ноября 1891 г. и 12 Марта 1892 г.

29 Ноября 1891 года Историко-Филологическое Общество понесло тяжелую потерю: скончался Александръ Аѳанасьевичъ Потебня, въ теченіи 12 лѣтъ состоявшій предсѣдателемъ Общества, его главной научной силой и нравственной опорой. Въ экстренномъ засѣданіи 4 Декабря, послѣ чествованія памяти покойнаго вставаніемъ, рѣшено было:

1) выразить семьѣ А. А. Потебни чувство глубокой горести и заявить о желаніи Общества оказать всякое содѣйствіе въ собираніи матеріаловъ для біографіи А. А. Потебни и въ изданіи его многочисленныхъ научныхъ трудовъ, оставшихся въ рукописяхъ, и

2) помѣстить въ 4 т. Сборника портретъ А. А., сказанныя при его погребеніи и на панихидахъ рѣчи и некрологи, одни цѣликомъ, другіе—въ сокращеніи.

По предложенію Ѳ. А. Павловскаго постановлено учредить при Обществѣ премію имени А. А. Потебни за лучшія студенческія сочиненія изъ круга предметовъ научныхъ изслѣдованій А. А. Потебни. Коммиссія въ составѣ 6 членовъ: М. С. Дринова, Н. Ѳ. Сумцова, Д. И. Багалѣя, М. Е. Халанскаго, Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, Б. М. Ляпунова, Ѳ. А. Павловскаго и В. И. Касперова—выработала правила преміи, которыя утверждены въ засѣданіи Общества 12 Марта 1892 г. для представленія на утвержденіе высшему начальству.

1) Премія утверждается при И.-Ф. Обществѣ и присуждается только за сочиненія студентовъ Харьковскаго университета.

2) Премія выдается ежегодно въ размѣрѣ процентовъ съ капитала въ 2½ тысячи изъ пожертвованій, за лучшее сочиненіе на темы, предложенныя Обществомъ по исторіи русскаго языка или словесности, преимущественно изъ круга предметовъ научныхъ изслѣдованій А. А. Потебни.

3) Допускается представленіе сочиненій на тему ближайшаго истекшаго года, если премія за тотъ годъ осталась неприсужденной.

4) Сочиненіе представляется къ 15 Октября, а премія выдается 29 Ноября въ день кончины А. А. Потебни. Въ этотъ же день объявляются новыя темы на предстоящій годъ.

5) Присуждается премія коммиссіей изъ 3 членовъ, изъ коихъ одинъ непремѣнно долженъ быть изъ преподавателей Историко-Филологическаго факультета. Присужденіе утверждается въ засѣданіи Общества и съ мотивированнымъ отзывомъ вносится въ годовой его отчетъ.

6) Если въ какомъ либо году премія не будетъ выдана, то неизрасходованая сумма процентовъ или присоединяется къ основному капиталу для увеличенія размѣра преміи или, по усмотрѣнію Общества, увеличивается число премій за лучшія сочиненія.

7) Въ случаѣ закрытія Общества всѣ права и обязанности его по дѣлу о преміи переходятъ въ Историко-Филологическій Факультетъ Харьковскаго Университета.

По предложенію Н. Ѳ. Сумцова и ходатайству Историко-Филологическаго факультета, Правленіе ассигновало 50 руб. на пріобрѣтеніе для университета большаго фотографическаго портрета А. А. Потебни.

Похороны. Рѣчи по погребеніи. Телеграммы.

Въ Воскресенье 1 Декабря, въ 9-мъ часу утра тѣло скончавшагося профессора А. А. Потебни было перенесено въ университетскую церковь. Передъ выносомъ изъ квартиры усопшаго деканъ историко-филологическаго факультета проф. А. С. Лебедевъ сказалъ, отъ лица присутствовавшихъ тутъ профессоровъ-товарищей, слѣдующую глубоко прочувствованную рѣчь:

«Провожая на вѣчный покой останки дорогаго члена нашей университетской семьи, будемъ утѣшаться, что не умеръ, а вѣчно будетъ съ живущими жить духъ его: будетъ жить онъ и въ оставленныхъ почившимъ произведеніяхъ его высокаго ума, и въ воспоминаніяхъ, какія всегда будутъ храниться у насъ и грядущихъ поколѣній, въ исторіи, о его свѣтлой глубоко назидающей личности. *Праведники*, говоритъ намъ священное слово, *во вѣки живутъ.—Въ память вѣчную будетъ праведникъ*—тотъ, кто жилъ праведно, жилъ по правдѣ и ради правды,—правды мысленной и дѣятельной. А такимъ и знали всѣ мы почившаго, какъ искренняго любителя, ревностнаго искателя и безбоязненнаго выразителя и служителя правды.—Да будетъ же вѣчная память тебѣ и о тебѣ, честный, подвигомъ добрымъ подвизавшійся дѣятель, не скрывшій въ землѣ, а преумножившій въ земной твоей жизни щедро данные тебѣ отъ Бога таланты. Sit tibi terra levis.

По окончаніи обѣдни, въ университетской церкви началась заупокойная панихида, совершенная настоятелемъ храма, профессоромъ богословія, о. Василіемъ Добротворскимъ соборнѣ съ четырьмя другими священниками. На обѣднѣ и панихидѣ присутствовали: г. попечитель учебнаго округа, г. ректоръ университета, г. инспекторъ, деканъ историко-филологическаго факультета, много профессоровъ университета, нѣсколько бывшихъ профессоровъ (Е. С. Гордѣенко и И. Ѳ. Леваковскій), преподавателей, служащихъ, представителей харьковскаго педагогическаго міра и студентовъ. Церковь была полна молящихся. Гробъ вынесли сослуживцы покойнаго, профессора, а за тѣмъ всю дорогу до кладбища несли студенты. Крышку гроба украшали вѣнки—отъ «Совѣта Императорскаго харьковскаго

университета» (большой серебряный), отъ «историко-филологическаго факультета» (изъ живыхъ цвѣтовъ съ надписью «незабвенному товарищу»), отъ «историко-филологическаго общества» (серебряный), отъ студентовъ университета (металлическій), отъ редакціи и сотрудниковъ журнала «Кіевская Старина» (серебряный). Пѣлъ студенческій хоръ. На могилѣ ректоръ университета М. М. Алексѣенко произнесъ слѣдующее краткое, но задушевное слово.

«Мы предаемъ землѣ прахъ замѣчательнаго ученаго, талантливаго профессора и человѣка, достойнаго самаго глубокаго уваженія. Слава его, какъ ученаго, переживетъ его на многіе годы. Ученые труды его—общественное достояніе, которое будетъ передаваться отъ поколѣнія къ поколѣнію. То, что посѣялъ онъ, какъ преподаватель, проростетъ, взростетъ и прославитъ его—прославитъ въ ученикахъ. Но *человѣка* мы потеряли, и это—тяжелая утрата въ небогатое людьми время. Мы потеряли товарища, члена университетской коллегіи, и нашъ нравственный долгъ—въ эти скорбныя и торжественныя минуты воздать ему заслуженную хвалу. Его жизнь, полная беззавѣтной преданности наукѣ, чуждая житейской суеты, далекая отъ борьбы и столкновеній личныхъ интересовъ, да послужитъ образцемъ для тѣхъ кого онъ воспитывалъ, опорою для колеблющихся и утѣшеніемъ для тѣхъ, которые избрали такой же путь. Прими же послѣднее прости отъ оплакивающихъ тебя товарищей».

Въ 9 день по кончинѣ А. А. Потебни заслуженный профессоръ богословія протоіерей В. И. Добротворскій сказалъ слѣдующее слово передъ панихидою:

«Смерть унесла отъ насъ одного изъ самыхъ уважаемыхъ нашихъ сочленовъ, котораго память мы нынѣ собрались творить. Смерть прекратила его земную жизнь, но запечатлѣла въ насъ его образъ, представленіе о его трудовой умственной жизни отъ ея начала до конца.

Александръ Аѳанасьевичъ началъ и закончилъ свое образованіе въ сравнительно суровой школѣ прежняго времени; тамъ учили немногому, но то немногое, которое тамъ сообщалось, знали хорошо. То былъ, можно сказать, скелетъ по отношенію къ истинно-научному знанію, но прошло время, скелетъ сталъ облагаться плотію и кровію, оживотворяться, возрастать и увеличиваться. Начало самостоятельной дѣятельности Александра Аѳанасьевича совпадаетъ съ эпохою все-

общаго возбужденія и оживленія русской жизни во всѣхъ родахъ дѣятельности, безъ сомнѣнія и умственной. Скажемъ объ этой эпохѣ примѣнительно къ словамъ праведнаго Сvмеона: «тогда откроются многихъ сердецъ помышленія» (Лук. 2, 35). И они дѣйствительно, стали повсюду открываться въ явленіяхъ, далеко не всегда желательныхъ. Открылись и сердечныя помышленія Александра Аѳанасьевича; это—безграничная преданность наукѣ до самоотверженія, его жизненные интересы сосредоточивались въ научныхъ изысканіяхъ.

«Блаженъ путь, въ онъ же идеши днесь, яко уготовася тебѣ мѣсто упокоенія», возглашается при погребеніи усопшихъ. Но блаженъ для тѣхъ, которые предварительно шли добрымъ путемъ и подвизались на немъ подвигомъ добрымъ. Среди повсюднаго шатанія и увлеченій Александръ Аѳанасьевичъ шелъ своимъ ровнымъ, прямымъ царскимъ путемъ, не уклоняясь ни на десно, ни на шуее, (4 Цар. 22, 2) въ своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ. Подвигъ, которымъ онъ подвизался, былъ добрый, какъ самъ по себѣ, потому что состоялъ въ изысканіи истины, такъ и по тѣмъ благимъ плодамъ, которыми сопровождался; разумѣемъ не одни ученые труды Александра Аѳанасьевича, но и то вліяніе, которое онъ производилъ на другихъ, возбуждая и укрѣпляя въ нихъ духъ строго-научнаго изслѣдованія.

Предметомъ его научныхъ изслѣдованій была область нашего родного, отечественнаго слова; онъ глубоко постигалъ тайны строенія и нашего прародительскаго языка, того языка, на которомъ изглаголано намъ слово Божіе. Ученые труды Александра Аѳанасьевича много могутъ содѣйствовать къ выясненію и уразумѣнію возвышеннаго, глубоко-жизненнаго смысла этого слова, такъ затрогивающаго душу православнаго русскаго человѣка.

Да дастъ ему Господь, по отшествіи отъ насъ, услышать тѣ неизреченные на языкѣ человѣческомъ глаголы, которые составляютъ радость и блаженство сущихъ въ небесныхъ обителяхъ Отца свѣтовъ и Господа разумовъ».

По случаю кончины А. А. Потебни, вдовой покойнаго, ректоромъ университета и нѣкоторыми профессорами получены были отъ разныхъ научныхъ учрежденій и частныхъ лицъ—профессоровъ и учителей—телеграммы и письма съ выраженіемъ чувства скорби. Не касаясь частныхъ писемъ (отъ проф. Корша, проф. Будиловича, А. А. Русова и др.) отмѣтимъ лишь слѣдующія телеграммы:

1) На имя вдовы М. Ф. Потебни отъ историко-филологическаго факультета Варшавскаго университета: Съ глубокой скорбью узнавъ о кончинѣ незабвеннаго въ исторіи русской филологіи Александра Аѳанасьевича, ист. фил. факультетъ Варшавскаго университета шлетъ вамъ выраженіе своего искренняго участія и соболѣзнованія. Деканъ Будиловичъ, профессоры: Смирновъ, Гротъ, Первольфъ, Кулаковскій, Созоновичъ, Цвѣтаевъ, Филевичъ, Зенгеръ, Вѣховъ, Ульяновъ, Новосадскій.

2) На имя М. Ф. Потебни отъ проф. А. И. Александрова (изъ Казани): Невыразимо тяжела утрата дорогаго Александра Аѳанасьевича. Глубоко сочувствую вамъ.

3) На имя проф. Н. Ѳ. Сумцова отъ Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи (изъ Москвы): Императорское общество любителей ест., антр. и этн. проситъ васъ передать вдовѣ профессора Потебни свое глубокое сочувствіе по поводу незамѣнимой утраты, постигшей ее и всю русскую науку. Президентъ Анучинъ. Секретарь Гондатти.

4) На имя ректора М. М. Алексѣенка изъ Петербурга: Прошу передать семейству почившаго А. А. Потебни глубокое соболѣзнованіе одного изъ слушателей незабвеннаго профессора и труженика науки. Шумигорскій.

5) На имя г. ректора изъ Пензы: Бывшіе студенты Харьковскаго университета, служащіе въ Пензѣ, сегодня молились объ усопшемъ любимомъ профессорѣ А. А. Потебнѣ и выражаютъ свою скорбь о незамѣнимой потерѣ, понесенной въ его лицѣ университетомъ. Инспекторъ 1 гимназіи Бѣляевъ.

6) Вдовой покойнаго профессора А. А. Потебни получена изъ Парижа отъ профессоровъ А. И. Кирпичникова и И. И. Мечникова слѣдующая телеграмма:

Avec profonde regrêt, opprimés de la mort du cher maître et ami, nous participons pleinement à votre malheur.

(Съ глубокимъ сожалѣніемъ, удрученные смертью дорогаго учителя и друга, вполнѣ раздѣляемъ горе по случаю постигшаго Васъ несчастья).

Статья Н. Θ. Сумцова (въ 310 № „Харьк. Вѣд.“ 1891 г.)

Въ исторіи русской филологической науки, въ исторіи Харьковскаго университета имя скончавшагося Александра Афанасьевича Потебни вписано неизгладимыми чертами, какъ имя глубокаго ученаго, достойнѣйшаго преподавателя, человѣка благороднѣйшей души. Невозможно очертить въ краткомъ некрологѣ его плодотворную научную дѣятельность. Достаточно здѣсь сказать, что А. А. былъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ и учрежденій: русскихъ и западно-славянскихъ, что научные его труды были удостоены высшихъ наградъ со стороны академіи наукъ и географическаго общества, что филологическія и этнографическія его сочиненія получили самую высокую оцѣнку у Срезневскаго, Будиловича, Ламанскаго и Пыпина. Это была первоклассная умственная сила, равной которой не было на историко-филологическомъ факультетѣ Харьковскаго университета за всѣ 85 лѣтъ его существованія, и нѣтъ въ настоящее время среди филологовъ всего славянскаго міра. Глубокое изученіе формальной стороны языка у Александра Афанасьевича шло рядомъ съ философскимъ пониманіемъ языка, рядомъ съ любовью къ поэзіи и искусству. Покойный уважалъ все разумное, доброе, честное. Это была замѣчательно свѣтлая, симпатичная, многосторонне развитая личность. А. А. поражалъ и импонировалъ цѣльностью своего міросозерцанія и строгостью нравственныхъ принциповъ. На кафедрѣ онъ являлся учителемъ въ лучшемъ благороднѣйшемъ смыслѣ слова. На всемъ его преподаваніи лежалъ яркій отпечатокъ его эстетически-изящной, глубоко-человѣчной и любящей души. Въ каждомъ его словѣ слышалось живое личное увлеченіе наукой, какъ высшимъ проявленіемъ человѣческаго духа, уваженіе къ личности человѣка и къ личности народа. Въ принципіальныхъ вопросахъ это былъ человѣкъ строгій, безъ отклоненій, безъ дружбы и безъ вражды, и рядомъ съ этой непреклонной нравственной требовательностью, прилагаемой безусловно къ собственной личности и къ собственнымъ научнымъ трудамъ, уживалось доброе, мягкое и гуманное чувство въ частныхъ проявленіяхъ личной жизни и готовность

помочь матеріально и нравственно. На учащуюся молодежь историко-филологическаго факультета Александръ Аѳанасьевичъ всегда оказывалъ большое нравственное вліяніе. Студенты, и старые и новые, уважали въ лицѣ А. А. человѣка, глубоко преданнаго наукѣ, постоянно работающаго, полнаго хозяина въ области филологическихъ знаній, вполнѣ независимаго, человѣка съ цѣльной нравственной личностью. Какъ преподаватель А. А. открывалъ обширные научные горизонты, намѣчалъ и прокладывалъ новые пути для научной работы, поднималъ умственный и нравственный уровень своихъ слушателей. Его нравственный характеръ и научная дѣятельность служили всегда опорой и образцомъ для лучшихъ представленій о значеніи университета и профессора.

Подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ послѣдняго прощанія съ дорогимъ усопшимъ, его благодарные и признательные ученики не могутъ теперь дать надлежащаго отчета о величинѣ постигшей нашъ университетъ утраты, но оправившись отъ перваго удара чувства горести, они, несомнѣнно, соединятъ свои усилія для чествованія памяти своего незабвеннаго наставника.

Пріими-же дорогой учитель, отъ меня, всей душей тебѣ преданнаго ученика, мой послѣдній низкій поклонъ любви и благодарности, пріими эту слабую поминку мою, какъ выраженіе моей глубокой скорби объ утратѣ твоего личнаго благотворнаго вліянія.

Статья Н. Ѳ. Сумцова (въ Česky lid 1892 № III 314).

Dne 29. listopadu (dle rusk. kalendáře) zemřel vynikající filolog a ethnograf, professor charkovské university Alexandr Afanasjevič Potebnja ve stáří 57 let. V r. 1887 Potebnja byl zvolen za člena král. české společnosti nauk. Kromě toho byl členem mnohých ruských vědeckých společností, dopisujícím členem petrohradské akademie nauk a během 12 let předsedou charkovského historicko-filologického spolku. Z mnohočíselných jeho prací hlavnimi jsou z oboru dějin jazyka „Iz zapisok po russkoj grammatiki" (Ze zápisek ruské grammatiky) a z oboru ethnografie dva rozsáhlé díly „Objasnenija o malorusskich i srodnych s nimi pěseň" (O maloruských a příbuzných s nimi písních), „Obzor poetičeskich motivov koljadok i ščedrovok" a j. v. Byla to jedna z předních sil mezi slovanskými učenci. Rozsáhlost jeho vědění byla překvapující. Vynikal bystrým rozumem a obšírnými vědomostmi. V oblasti studia ruského jazyka Potebnja jeví se jediným zástupcem filosofického směru. V jeho výkladu, jmenovitě při přednáškách, jazyk není pouhým systémem vět, forem a zvuků ale živým, organickým vtělením lidské myšlénky. Dejiny jazyka u něho byly zároveň dějinami myšlénky a dějinami lidské kultury.

Potebnja byl člověk s ustáleným a originalním světovým názorem, s nezvratnými mravními zásadami. Na celé jeho osobě tkvěla něha šlechetné, lidumilné duše. Jeho mravní charakter a vědecká činnost mohou býti příkladem pro nejlepši představy o úkolu a vyznamu universitního professora.

Примѣчаніе. Подробная статья Н. Ѳ. Сумцова объ этнографическихъ трудахъ А. А. Потебни печатается въ Кіевской Старинѣ 1892 г. (Янв.—Май). Извлеченія изъ этой статьи вошло въ перепечатываемую ниже статью Д. И. Багалѣя.

Статья М. Е. Халанскаго (въ IV кн. Рус. Фил. Вѣст. 1891 г.)

ПАМЯТИ А. А. ПОТЕБНИ.

Свѣжая могила, преждевременная смерть, тяжелая, незамѣнимая утрата! 29 Ноября въ 4 ч. дня въ Харьковѣ скончался послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни профессоръ Александръ Аѳанасьевичъ Потебня на 58 году отъ рожденія. Въ лицѣ покойнаго русская наука потеряла могучаго своего представителя, горячо и страстно преданнаго ея интересамъ, всецѣло жившаго въ сферѣ науки и для науки. Безъ устали, не покладая пера, покойный работалъ, пока могъ, пока были силы.... Выдающеюся особенностью ума Потебни была способность возвышаться надъ частнымъ, стремленіе возводить единичное къ общему. Широта его обобщеній была поразительна. Съ высоты своихъ отвлеченій онъ орлинымъ взглядомъ обозрѣвалъ частные факты, открывая близость и поразительное сходство въ такихъ явленіяхъ, которыя на взглядъ кажутся довольно отдаленными другъ отъ друга. Мѣткости его обобщеній способствовала обширность его познаній. Онъ не былъ узкимъ спеціалистомъ въ области славянской филологіи: онъ владѣлъ обширными познаніями и въ области другихъ наукъ. Общіе выводы другихъ наукъ онъ привлекалъ къ своей спеціальности и такимъ образомъ сообщалъ своему предмету удивительно широкую постановку. Въ области изученія русскаго языка Потебня оставался и остается у насъ единственнымъ представителемъ философскаго направленія. Кто знаетъ Потебню по печатнымъ его трудамъ, тотъ его мало знаетъ. Нужно быть ученикомъ Потебни, знать его ближе, чтобы вполнѣ оцѣнить великость настоящей утраты. Насколько сухи и иногда тяжелы для пониманія его изслѣдованія, настолько рѣчь его была жива и увлекательна. Въ изложеніи Потебни языкъ являлся не отвлеченной системой фразъ, словъ и звуковъ, а живымъ организмомъ, развивающимся по свойственнымъ ему законамъ, чистѣйшимъ выраженіемъ человѣческаго разума, воплощеніемъ человѣческой мысли. Исторія языка у Потебни была вмѣстѣ исторіей мысли и исторіей культуры.

Богатырь мысли, Потебня могъ съ своихъ обобщеніяхъ подниматься на удивительно высокую степень отвлеченій. Это былъ мыслитель, восходившій отъ явленій языка къ высшимъ вопросамъ философіи, поэзіи, искусства, исторіи и общественной жизни. Слушать его—было истиннымъ наслажденіемъ. Слѣдишь бывало за постепеннымъ ходомъ его отвлеченій и умозаключеній и, удивляясь изумительной крѣпости его мысли, силѣ его логики, вмѣстѣ трепещешь, затаивъ дыханіе,—боишься—вотъ-вотъ оборвется, не кончитъ или окончитъ какъ-либо парадоксомъ; какъ вдругъ онъ завершитъ длинную цѣпь своихъ мыслей блестящимъ афоризмомъ, поражающимъ силой выраженія, глубиной смысла и широтой объема, ярко освѣщающимъ массу частныхъ фактовъ. Потебня не успѣлъ написать и напечатать того, о чемъ онъ думалъ и говорилъ. Жаль, что кругъ его слушателей былъ слишкомъ ограниченъ и между ними было мало подготовленныхъ къ воспріятію и усвоенію его сужденій!

Замѣчательной личностью Потебня былъ и по нравственнымъ своимъ достоинствамъ. Это былъ человѣкъ высочайшей честности, непреклонной прямоты и совершеннѣйшей искренности своихъ воззрѣній, правилъ и поступковъ. Самъ не отступавшій отъ своихъ высокихъ идеаловъ, Потебня безпощаднымъ словомъ мѣткаго и суроваго обличенія мужественно казнилъ другихъ за отступленія отъ идеаловъ правды и добра. Владѣя богатѣйшимъ запасомъ словъ и выраженій русскаго народнаго языка, Потебня однимъ мѣткимъ словомъ, кстати сказанной пословицей могъ, какъ говорится, уничтожить человѣка. Впечатлѣніе его слова усиливалось живой игрой его глазъ и лица красиваго, изящнаго, благороднаго, способнаго выражать оттѣнки разнообразныхъ чувствъ—отъ кроткой и нѣжной привязанности, тонкаго и изящнаго «малороссійскаго» юмора до самой злой желчи и всекарающей сатиры.

Какъ университетскій преподаватель, Потебня стоялъ на всей высотѣ своего положенія. Это былъ профессоръ въ вышемъ благороднѣйшемъ смыслѣ слова—профессоръ «отъ головы до ногъ». Его просвѣтительная дѣятельность не ограничивалась стѣнами аудиторіи и университета, по вечерамъ она переносилась въ его кабинетъ, и вотъ здѣсь то Потебня являлся во всемъ блескѣ своего таланта, поражая слушателей колоссальной эрудиціей и замѣчательной силой и гибкостью своего ума. На студентовъ, своихъ учениковъ, онъ оказывалъ сильное, неотразимое вліяніе, оставлявшее неизгладимые слѣды на всю жизнь. Они преклонялись предъ его научною дѣятельностью,

благоговѣли передъ его честностью и правдой. Всегда строгій къ себѣ и другимъ, рѣдко улыбавшійся, всегда сосредоточенный,—онъ внѣшнимъ своимъ видомъ внушалъ почтеніе. Мы не знали за Потебней отклоненій отъ правилъ законности, честности, правды и добра, и онъ казался намъ олицетвореніемъ идеала въ дѣйствительности. И ему были близки интересы студентовъ. Въ этомъ человѣкѣ, съ виду сухомъ, холодномъ, и подчасъ и рѣзкомъ, билось нѣжное и любящее сердце. Для его слушателей всегда была открыта дверь его дома. Студентамъ онъ никогда неотказывалъ въ своей нравственной помощи. Тяжело больныхъ студентовъ-бѣдняковъ, нуждавшихся въ особой помощи, Потебня посѣщалъ на квартирѣ, дѣлая это такъ, что объ этомъ знали немногіе. Онъ никогда не искалъ популярности; студентовъ влекло къ нему обаяніе его высоко-нравственной личности. Вслѣдствіе этого между Потебней и его учениками устанавливалась крѣпкая нравственная связь. Образомъ Потебни, обаяніемъ его личности жили и живутъ разсѣянные по разнымъ провинціальнымъ закоулкамъ его бывшіе слушатели—учителя русскаго языка и словесности. Для нихъ Потебня—символъ всего лучшаго въ природѣ человѣческой, яркій лучъ свѣта изъ временъ студенчества.

Кому изъ бывшихъ его слушателей случалось пріѣзжать въ Харьковъ, тотъ считалъ нравственной потребностью побывать у него, подѣлиться съ нимъ своимъ горемъ и радостью, освѣжиться въ бесѣдѣ съ нимъ. И къ нимъ покойный относился замѣчательно тепло, съ сердечнымъ отеческимъ участьемъ къ ихъ нуждамъ, радости и горю. Распросамъ, разговорамъ конца небыло; субботніе вечера въ домѣ покойнаго затягивались далеко за полночь.... И измученныя дрязгами житейскими уходили отъ него, очарованные его рѣчами, ободренные свѣтлой вѣрой въ торжество разума правды и добра, которой самъ покойный былъ глубоко проникнутъ.

Потебня былъ натурой исключительной, человѣкомъ «не отъ міра сего»; такіе люди вѣками появляются. Въ исторіи собственно Харьковской культурной жизни онъ своимъ обаяніемъ, ореоломъ своей славы напоминаетъ извѣстнаго мѣстнаго философа прошлаго вѣка, «украинскаго сократа», Сковороду (1722—1794), изреченія котораго и любилъ приводить покойный.

Вѣчная память тебѣ дорогой,
незабвенный учитель!

Статья А. Горнфельда о лекціяхъ А. А. Потебни (въ 335 № Харьк. Вѣд. 1891 г.).

(Изъ воспоминаній бывшаго слушателя).

Время, непосредственно слѣдующее за смертью выдающихся людей, чаще всего вызываетъ на воспоминаніе; острое чувство потери человѣка дѣлаетъ эти воспоминанія ярче и живѣе. Безвременная смерть А. А. Потебни пришла такъ неожиданно, что не сразу дала возможность опомниться; теперь-же, когда непосредственное ощущеніе тяготы остыло, отстоялось я позволяю себѣ подѣлиться съ другими нѣкоторыми воспоминаніями о лекціяхъ покойнаго профессора. Я не разсчитываю дать что нибудь цѣльное и законченное въ родѣ характеристики профессора—я былъ у него только случайнымъ слушателемъ въ теченіи одного года и центръ тяжести моихъ занятій лежалъ тогда въ другомъ мѣстѣ; я думалъ только почтить дорогую мнѣ память усопшаго, внести и свою долю въ матеріалы для его будущей біографіи и, если удастся, сообщить другимъ хоть незначительную частицу того настроенія, какое создавала для насъ его лекція.

Это было въ весеннемъ семестрѣ. Я скучалъ въ сборномъ залѣ въ ожиданіи лекцій, когда ко мнѣ подошелъ знакомый студентъ—математикъ: «Пойдемъ, послушаемъ Потебню».—«Вотъ охота,—какой нибудь перебой звуковъ? И такъ скучно».—«Нѣтъ, теорія словесности и, право, хорошо».—«Пойдемъ пожалуй». Съ тѣхъ поръ я не пропускалъ этихъ лекцій; впечатлѣніе, вынесенное мной изъ первой лекціи, только усиливалось въ теченіи послѣдующихъ; все показалось мнѣ здѣсь новымъ, необычнымъ, своеобразнымъ, все призывало къ иному отношенію къ дѣлу и къ словамъ профессора. Какъ теперь, помню эту маленькую аудиторію, десятокъ слушателей и серьезную, вдумчивую рѣчь учителя. Да, для насъ это былъ именно «учитель» въ наиболѣе возвышенномъ смыслѣ, учитель, принесшій сюда всего себя,—всю многолѣтнюю работу мысли, всѣ свои неисчерпаемыя богатства знанія, всю горячую любовь къ истинѣ, философское міросозерцаніе и—самое дорогое въ немъ—чисто юношеское одушевленіе, сообщавшееся непосредственно слушателямъ.

Уже съ самаго начала васъ подкупала эта своеобразная манера изложенія: это былъ простой разговоръ о весьма сложныхъ вещахъ. Ничего, напоминающаго рѣчь съ каѳедры, приготовленную, плавную, искусственную. Точная, ясная, сжатая, какъ на мѣди гравированная, формула создавалась чаще всего здѣсь, на вашихъ глазахъ. Онъ останавливался, задумывался, рылся въ своей сѣренькой папкѣ, перебиралъ и перечитывалъ бумажки; мы ждали, пока онъ съ напряженіемъ, обличавшимъ сильную работу мысли, задумчиво, сосредоточенно, раздѣльно выставлялъ положеніе; затѣмъ переходилъ къ его развитію или обоснованію. Иногда онъ спрашивалъ: «Понимаете»?—и, несмотря на утвердительный отвѣтъ, посмотрѣвъ на студентовъ, говорилъ: «Нѣтъ, не понимаете»—и излагалъ мысль снова, въ другой связи, въ другомъ развитіи. Иногда лекція переходила въ діалогъ; онъ спрашивалъ, заставлялъ студентовъ самихъ задуматься, пользовался ихъ ошибками для дальнѣйшихъ выводовъ, указывая на характерность и психологическую необходимость этихъ ошибокъ. Несмотря на то, что въ его рѣчи не было ничего предвзятаго, подготовленнаго,—все было разсчитано на то, чтобъ будить и будить мысль, дѣлать ее ясной, послѣдовательной, самостоятельной. Процессъ мысли совершался въ немъ такъ наглядно, такъ выпукло, я сказалъ бы,—такъ изящно, что ученика втягивало въ эту работу. Вы не были пассивнымъ слушателемъ, а какъ-бы сотрудникомъ, потому-что эти идеи не усваивались легко: онѣ требовали самодѣятельности. Это не было гладкое изложеніе элементарной системы цеховой науки—наука создавалась здѣсь и вы участвовали въ ея созданіи. Слушатель уходилъ изъ аудиторіи не съ готовыми общими мѣстами, а съ новыми мыслями, продолжавшими свое теченіе и на другой лекціи, и дома, и въ вечерней товарищеской бесѣдѣ. Вся система изложенія вела не къ удобству запоминанія, а къ возбужденію мышленія. Иногда, высыпавши цѣлую груду разнообразныхъ и, на первый взглядъ, несвязанныхъ фактовъ, профессоръ вдругъ освѣщалъ ихъ такимъ захватывающимъ обобщеніемъ, что слушателя словно осѣняло. Иногда онъ вдругъ выставлялъ положеніе интересное и важное, но совсѣмъ несвязанное съ предыдущимъ и послѣдующимъ, какъ будто онъ только что вспомнилъ это и, боясь позабыть, спѣшилъ подѣлиться съ нами. Помню одинъ разъ онъ разбиралъ ученіе Аристотеля объ элементарныхъ формахъ поэтическаго творчества, читалъ много выписокъ, но не успѣлъ сдѣлать вывода; звонокъ прозвонилъ, онъ остановился, задумался и вдругъ

сказалъ: «Искусство всегда идетъ впереди науки: ну-да, такъ оно и должно быть. Въ вопросахъ соціологіи и психологіи это особенно очевидно». Связи съ предшествующимъ небыло никакой, но такъ дѣятельна была его мысль, такимъ широкимъ путемъ шла, что для насъ ея теченіе было всегда какъ-то шире того, что непосредственно касалось излагаемаго предмета: факты, сообщаемые имъ, будили новыя отвлеченія въ другихъ областяхъ мысли и онъ бросалъ ихъ мимоходомъ. Особенно часто это приходилось на долю психологіи, и его психологическіе выводы изъ филологическихъ фактовъ были чрезвычайно интересны; такъ, припоминаю для примѣра выясненіе путемъ исторіи языка того общеизвѣстнаго положенія, что врожденныхъ категорій времени, пространства и т. д. человѣкъ не имѣетъ, что онъ рождается только со способностью воспріятія. Къ истинѣ можно вести по глухой тропинкѣ и по широкой дорогѣ; онъ велъ насъ этимъ послѣднимъ путемъ, не забывая указывать на каждое встрѣчное явленіе, на каждый интересный фактъ. И вся эта масса фактовъ разнообразныхъ и сложныхъ свободно запоминалась, легко укладываясь въ обобщенія, которыя она иллюстрировала. На этихъ иллюстраціяхъ стоитъ особенно остановиться. Все вело профессора къ тому, чтобъ обставлять свою мысль множествомъ примѣровъ, дѣлать ее какъ можно болѣе конкретной—его строго положительный методъ изслѣдованія, его основныя идеи о значеніи образа, его поэтическая натура, его обширныя знанія. Онъ легко, широкой рукой черпалъ груды доказательствъ изъ области сравнительнаго языкознанія, исторіи литературы, философіи, психологіи. Русское словечко, только что выхваченное изъ нѣдръ народной жизни, и «Изреченіе» Гете, «Гамлетъ» и «Египетскія ночи», новелла Боккачіо и фраза изъ «Копперфильда», книга Аристотеля и замѣчаніе Буслаева, Гейне и Ливій, Апулей и Мицкевичъ, поговорка и романъ, пѣсенька и поэма проходили чредой предъ ученикомъ, разомъ вызывая, развивая и подкрѣпляя требуемую мысль. Безконечное разнообразіе и богатство отдѣльно, мимоходомъ, между прочимъ брошенныхъ цитатъ, сравненій, сопоставленій, замѣчаній дѣлали изъ этой простой тихой бесѣды блестящую, тонкую и остроумную causerie. И затѣмъ, это художественное чтеніе образцовъ литературы, этотъ благородный складъ рѣчи, этотъ изящный, поэтическій, рельефный языкъ—все вело къ тому, чтобъ вполнѣ отдаться содержанію этой рѣчи.

И здѣсь мы встрѣтили нѣчто совершенно неожиданное. Новый міръ открывался предъ изумленными учениками. Изслѣдованію произ-

веденій искусства давались такія точныя истинно-научныя основы, о какихъ еще мечтаетъ теорія искусства. Тѣ самые вопросы, которые по неясной постановкѣ, по партійнымъ вліяніямъ, по неумѣнію и незнанію служатъ яблокомъ раздора въ критической литературѣ, здѣсь получали, если не рѣшеніе, то путь къ нему, провѣренный и надежный. Иначе и быть не могло при данномъ методѣ: то, что рѣшалось у насъ походя, изъ предвзятыхъ произвольныхъ положеній, строилось здѣсь только изъ вѣрнаго, очищеннаго научной критикой матеріала. Этотъ позитивизмъ былъ особенно неожиданъ въ области, гдѣ такъ властно царятъ до сихъ поръ нѣмецкая метафизика «курсовъ» теоріи словесности и прогрессивные или консервативные «принципы» журнальныхъ критиковъ, равно безпочвенные, равно апріорные, равно оторванные отъ живыхъ явленій въ сферѣ искусства, равно занимающіеся не тѣмъ, что есть, а тѣмъ, что имъ было-бы желательно. И эти разнообразныя литературныя мнѣнія примирялись здѣсь не путемъ натяжекъ и уступокъ, не вялымъ безразличіемъ, не той «широкостью», которую Достоевскій противополагалъ широтѣ: въ новомъ свѣтѣ основныхъ идей профессора объединялись эти противоположныя теоріи; въ его широкомъ взглядѣ на творчество и его законы было мѣсто всякимъ мнѣніямъ и, повторяю, не въ ущербъ категорической опредѣленности этого взгляда и не въ угоду эклектической формулѣ: «съ одной стороны нельзя не сознаться» и т. д. Надъ этой расплывчатостью онъ любилъ посмѣяться и, помню, съ улыбкою объяснялъ, что значитъ выраженіе «пальцемъ въ небо», «Небо, говорилъ онъ, велико и попасть въ него не трудно—куда ни ткни, вездѣ будетъ небо; а вотъ опредѣленную точку въ небѣ указать...» И къ чужому мнѣнію онъ всегда умѣлъ отнестись съ тѣмъ высоко академическимъ тактомъ, который свойственъ лишь людямъ, стоящимъ на высотѣ знанія: чужая мысль отвергается неограниченно, рѣзко, непреклонно—и въ то же время такъ мягко и деликатно, какъ будто затрагивается душевная жизнь самаго близкаго человѣка.

Это, между прочимъ, особенно ярко и любопытно проявилось на отношеніяхъ профессора къ извѣстной диссертаціи «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности», основной взглядъ которой (о превосходствѣ дѣйствительности надъ искусствомъ) былъ съ его точки зрѣнія только плодомъ печальнаго недоразумѣнія. Здѣсь не мѣсто, конечно, излагать тѣ воззрѣнія, которыя онъ ставилъ исходнымъ пунктомъ своей «теоріи словесности». Кой что онъ успѣлъ высказать

въ своихъ печатныхъ трудахъ, кой что заключается, быть можетъ, въ его посмертныхъ произведеніяхъ, которыя надо надѣяться, будутъ изданы. Глубина, богатство и значеніе его взглядовъ въ этой области и, въ частности, въ вопросахъ психологіи творчества, достаточно ограждаютъ ихъ отъ изложенія въ скромныхъ воспоминаніяхъ случайнаго слушателя. Мнѣ хотѣлось только указать на одну характерную и, смѣю думать, многообѣщающую особенность его метода: на стремленіе вести изслѣдованіе отъ простыхъ формъ къ болѣе сложнымъ. Опредѣляя искусство, какъ мышленіе въ образахъ, онъ излагалъ долгую и сложную исторію языка; слово являлось въ этой исторіи продуктомъ послѣдовательныхъ переходовъ мысли, гдѣ каждый переходъ былъ созданіемъ новаго образа: исторія языка становилась исторіей искусства и поэтическое выраженіе дѣлалось не матеріаломъ, не украшеніемъ рѣчи, а самостоятельной, элементарной, простѣйшей формой художественнаго творчества. И, какъ естественныя науки, разлагая сложныя явленія на простѣйшія или выбирая для изслѣдованія изъ системы явленій наименѣе сложныя, достигли громадныхъ результатовъ, такъ и въ этой области примѣненіе метода изслѣдованія элементарныхъ формъ, привело къ блестящему успѣху.

Я хотѣлъ бы теперь сказать нѣсколько словъ о томъ нравственномъ воздѣйствіи, какое оказывалъ профессоръ на слушателей, но я мало вращался въ кругу его профессіальныхъ, постоянныхъ учениковъ, студентовъ-филологовъ; позволяю себѣ поэтому разсказать койчто о тѣхъ немногихъ, съ которыми я былъ близокъ.

Духовное вліяніе профессора на мой кружокъ было громадно. Въ эти тяжелые дни смѣшенія понятій, отрицанія «забытыхъ словъ», мы неожиданно встрѣтились съ такимъ возвышеннымъ, поистинѣ «человѣческимъ» міросозерцаніемъ, какое знали только изъ книгъ, да и то едвали понимали по настоящему. Профессоръ наполнялъ своей личностью, своимъ содержаніемъ; своими воззрѣніями; за ученымъ мы видѣли человѣка, за теоретическимъ изложеніемъ специальной науки намъ видѣлась другая правда, которая передавалась намъ не доказательствами, а убѣжденіемъ, не логическимъ анализомъ, а настроеніемъ. Ни въ партійной узости, ни на распутьи оставаться было нельзя— насъ тянула эта широта взглядовъ, это проникновеніе въ суть явленій, это стремленіе индуализировать явленіе, не вгоняя его насильно въ прямолинейныя обобщенія; съ другой стороны зарождалось убѣжденіе, что широта не есть индефферентизмъ, что даромъ она не дается—

надо имѣть на нее право, что мало хотѣть—надо умѣть и смѣть быть широкимъ, что она, наконецъ,—тоже крестъ, ибо требуетъ жертвъ и приноситъ отвѣтственность.

Въ лекціяхъ по теоріи словесности не могли, конечно, имѣть мѣсто тѣ «вѣчные вопросы», которые составляютъ оффиціальный удѣлъ философа и теолога,—но именно эти вопросы составляли фонъ многихъ лекцій и въ какой формѣ, въ какой обработкѣ!.. Съ горящими глазами, съ задумчивой улыбкой, съ волненіемъ человѣка, говорящаго о «самомъ важномъ», профессоръ дѣлился съ учениками продуманнымъ, пережитымъ, старался ввести ихъ въ свое міровозрѣніе, въ свое пониманіе истины. Для насъ это было по истинѣ «новое слово»,—новое до неожиданности и вмѣстѣ съ тѣмъ удивительное по той быстротѣ, съ какой оно становилось близкимъ, своимъ, понятнымъ, по той пластичности, съ какой входило въ составъ міросозерцанія. Стѣны маленькой аудиторіи раздвигались. Предъ взволнованнымъ слушателемъ вставалъ безконечный просторъ царства мысли, царства правды. Это было то, зачѣмъ мы шли въ университетъ...

Я вспоминаю рядъ лекцій, носившихъ неопредѣленное названіе „Обзора поэтическихъ произведеній". Профессоръ пытался объединить нѣсколько весьма далекихъ другъ отъ друга произведеній общей идеей: идеей одиночества личности въ „потокѣ событій" и—еще шире—идеей сопоставленія единицы съ безконечнымъ. „Мѣдный Всадникъ", „Германъ и Доротея". санскритская басня и «Пѣсня о Горѣ-Злочастьѣ» получали новое истолкованіе, оригинальное и глубокое, являлись въ новомъ свѣтѣ и, объединенныя въ этомъ широкомъ обобщеніи, пріобрѣтали особенное значеніе. Это былъ блестящій образецъ истинной критики—научнаго изслѣдованія произведеній искусства; ученый изслѣдователь не гнался за указаніемъ недостатковъ или внѣшнихъ достоинствъ, съ точки зрѣнія теорій „прикладнаго" или „чистаго искусства"; онъ не уходилъ въ библіографическія подробности, онъ наконецъ, и не занимался здѣсь публицистикой, выясненіемъ общественнаго значенія произведенія—онъ захватывалъ глубже; поэтическое произведеніе, вновь перечувствованное и продуманное вставало предъ ученикомъ въ новомъ пониманіи во всей своей цѣлости, красотѣ и глубинѣ; ученику сообщалось «настроеніе» произведенія, его внутренній міръ, его психика—отсюда и истинное пониманіе его значенія. Два критерія выставлялъ префессоръ для оцѣнки поэтическаго произведенія: новизну обобщенія и широту его. Съ одной стороны, произведеніе

постольку важно, поскольку оно вноситъ что-нибудь новое; оно велико, если оно—дальнѣйшая ступень въ исторіи мышленія, если оно—дѣйствительный «переходъ мысли отъ неизвѣстнаго къ извѣстному»; съ другой стороны, поэтическій образъ тѣмъ выше, чѣмъ обобщеніе, заключенное въ немъ, шире, многостороннѣе, живучѣе, чѣмъ большій кругъ разнообразныхъ явленій дѣйствительности оно захватываетъ. Съ этой точки зрѣнія падала, конечно, общественно-партійная оцѣнка произведенія, но тѣмъ яснѣе выступало его истинное значеніе,—общественное въ самомъ высокомъ смыслѣ. Но это не все: тотъ смыслъ который профессоръ придавалъ указаннымъ произведеніямъ, требовалъ уясненія самой идеи безконечнаго,—и онъ съумѣлъ это сдѣлать съ той душевной тонкостью, той поэтичной жизненностью, той доказывающей убѣдительностью, которая давала не мертвое пониманіе сухой схемы, а вѣру—вѣру въ безконечное безъ логическаго построенія его идеи. Насъ охватывала эта атмосфера мышленія, это волненіе творчества, это мучительное счастье стремленія къ истинѣ, *той настоящей, большой* истинѣ, намъ сообщалась эта невысказанная горячая вѣра въ будущее. Въ отвѣтъ на слова учителя нашъ внутренній міръ вибрировалъ въ томъ же тонѣ, томъ-же тембрѣ, въ томъ-же настроеніи. Мы не апплодировали—*это* было важнѣе рукоплесканій,—но каждый уносилъ домой сознаніе, что съ нимъ произошло нѣчто хорошее, что сегодняшній день не потерянъ, что жить и работать еще можно—и должно... Такова была эта теорія словесности.

Предо мной лежитъ его портретъ. Не знаю, какъ для другихъ—для меня это лицо полно необычайной красоты. Этотъ громадный, сильный лобъ, эта тонкая, задумчивая улыбка, эта добрая складка рта и пытливый, властный взглядъ, это «нездѣшнее» спокойствіе,—печать высшаго напряженія духа въ этомъ слабомъ старческомъ тѣлѣ. И это слабое тѣло еще усиливало впечатлѣніе этой исключительной жизни духа, такъ часто напоминая слова Гегеля о Гете: «Какъ одежда восточнаго жителя едва держится на его станѣ и готова упасть съ плечъ, такъ и тутъ вы видите, что тѣло готово отпасть, а духъ воспрянуть во всей славѣ и спокойствіи».

И оно отпало, это слабое тѣло. Тяжело подумать, какъ много унесъ этотъ человѣкъ въ могилу, какъ много невысказаннаго, недоговореннаго ушло вмѣстѣ съ нимъ. Тяжело людямъ науки терять такого мыслителя, но намъ, имѣвшимъ счастье духовнаго общенія съ нимъ въ трудныя минуты безвременья, еще тяжелѣе потерять человѣка, который зналъ и умѣлъ учить, „чѣмъ люди живы“.

А. Горнфельдъ.

Берлинъ,

19/31 Декабря 1891.

Изъ статьи Д. И. Багалѣя въ 54 № Харьк. Вѣд. 1892 г.

Памяти покойнаго А. А. Потебни посвящена статья пр. Н. Ѳ. Сумцова въ журналѣ «Кіевская Старина». Н. Ѳ. Сумцовъ спеціально разсматриваетъ этнографическіе труды А. А. Потебни, на которыхъ другіе критики останавливались очень мало. Даже въ «Исторіи русской этнографіи» А. Н. Пыпина они не оцѣнены съ достаточною полнотою и глубиною; такова его диссертація «о нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи», таково обширное изслѣдованіе «о миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій»; таковы статьи, до сихъ поръ не утратившія своего значенія: о долѣ и о купальскихъ огняхъ, о малорусской пѣснѣ XVI в., о Словѣ о полку Игоревѣ, и о Сборникѣ пѣсенъ Я. Головацкаго (рецензія составленная по порученію Имп. Академіи Наукъ). Но всѣмъ этимъ еще не исчерпываются этнографическія изслѣдованія А. А. Потебни. Н. Ѳ. Сумцовъ еще не разсматривалъ пока самаго крупнаго изъ его трудовъ «объясненія малорусскихъ и сходныхъ народныхъ пѣсенъ» (2-й томъ обнимаетъ 809 страницъ т.-е. болѣе 50 печатныхъ листовъ). Высказывалось мнѣніе, что А. А. Потебня составилъ себѣ славу чисто филологическими работами; но теперь нужно признаться, что очень замѣтный слѣдъ его крупнаго ученаго дарованія остался и въ области этнографическихъ изслѣдованій, особенно болѣе позднихъ; въ такой повидимому спеціальной статьѣ, какъ рецензія на Сборникъ Головацкаго, читатель къ удивленію своему открываетъ цѣлый рядъ глубокихъ философскихъ мыслей о націонализмѣ, денаціонализаціи и т. п. Вотъ основная мысль автора о народности, которая проглядываетъ во всѣхъ его работахъ: «какъ немыслима точка зрѣнія, съ которой видны были-бы всѣ стороны вещи... такъ невозможна всеобъемлющая безусловно лучшая народность. Если-бы объединеніе человѣчества по языку и вообще по народности было возможно, оно было-бы гибельно для общечеловѣческой мысли, какъ замѣна многихъ чувствъ, однимъ, хотя бы это одно было не осязаніемъ, а зрѣніемъ. Для существованія человѣка нужны другіе люди, для народности—другія народности".

„Въ этихъ словахъ" замѣчаетъ Н. Ѳ. Сумцовъ, „заключается

примиреніе цивилизаціи и націонализма и сознательное служеніе обоимъ великимъ силамъ новаго времени. Въ этихъ словахъ выразился тотъ Потебня, какимъ онъ былъ въ жизни, на каѳедрѣ.—во мнѣніи своихъ учениковъ—Потебня—гуманистъ и мыслитель". Если вспомнить какъ покойный А. А. Потебня глубоко изучилъ и понималъ новыхъ русскихъ писателей, въ особенности Пушкина, котораго онъ считалъ геніальнымъ поэтомъ, если собрать во едино его отзывы о нихъ въ публичныхъ лекціяхъ (тутъ онъ касался Достоевскаго, Тютчева), въ замѣткахъ и письмахъ (напримѣръ объ Одоевскомъ, Л. Толстомъ) и въ особенности въ курсѣ теоріи поэзіи, то придется сознаться, что и въ исторіи русской литературы онъ обладалъ огромною начитанностью и тутъ онъ составилъ себѣ самостоятельное мнѣніе о ея важнѣйшихъ представителяхъ; свой интересъ къ малорусской литературѣ онъ достаточно выразилъ изданіемъ сочиненій Г. Ѳ. Квитки и публичною лекціей въ день его юбилея. Не говоримъ о философіи и исторіи искусства, съ которыми онъ былъ знакомъ весьма основательно. Спрашивается, неужели послѣ этого можно считать А. А. Потебню узкимъ спеціалистомъ, не выходившимъ изъ тѣснаго круга грамматическихъ изученій. Нѣтъ, это былъ европейскій ученый и европейски образованный человѣкъ, направившій всю свою ученость и образованіе на развитіе русской науки; спеціальныя изученія у него органически соединялись съ широкими научными горизонтами; симпатіи къ своей родинѣ и народности—съ уваженіемъ къ европейской цивилизаціи.

Изъ статьи И. В. Нетушила 1889 г.

Сочиненіе профессора Харьковскаго Университета, Ал. Аѳ. Потебни, подъ общимъ заглавіемъ «Изъ записокъ по русской грамматикѣ», вышедшее *вторымъ* изданіемъ (явленіе само по себѣ для ученой диссертаціи столь рѣдкое!) было издано впервые въ двухъ частяхъ: одна, заключающая въ себѣ «Введеніе», печаталась въ Воронежскихъ Запискахъ, другая же въ Харьковѣ, почти одновременно съ первой (въ 1874 г.). Прошло съ тѣхъ поръ болѣе десятка лѣтъ, и тѣмъ не менѣе трудъ проф. Потебни все еще продолжаетъ стоять на высотѣ современнаго языковѣдѣнія, заключая въ себѣ по истинѣ послѣднее слово науки по затронутымъ вопросамъ. Мало того: сочиненію этому повидимому суждено еще въ будущемъ долго играть роль первостепеннаго пособія, необходимаго для всякаго, кто будетъ заниматься русскимъ языкомъ дѣйствительно научнымъ образомъ. Дѣло въ томъ, что языковѣдѣніе, изслѣдующее языки индоевропейской отрасли, вращается все еще главнымъ образомъ въ области фонетики и морфологіи, въ то время какъ изученіе синтаксиса по сравнительному методу даже на родинѣ сравнительнаго языковѣдѣнія сосредоточивается до сихъ поръ почти-что въ одномъ только лицѣ (Дельбрюкѣ). А между тѣмъ еще 10 слишкомъ лѣтъ тому назадъ въ Россіи появилось сочиненіе, рѣшавшее вопросы русскаго сантаксиса на такихъ основаніяхъ, которыя современной наукой признаны обязательными для будущихъ синтактиковъ, и въ этомъ заключается одно изъ главныхъ достоинствъ труда проф. Потебни. Къ этому присоединяется еще удивительное умѣнье вносить въ сравнительную грамматику элементы философіи языка такимъ образомъ, что одна сторона дѣла гармонически дополняетъ другую, находясь съ ней въ самой тѣсной связи. Искусное сочетаніе историческо-сравнительнаго и философскаго направленія, какое рѣдко встрѣчается въ исторіи языковѣдѣнія, придаетъ синтактическимъ изслѣдованіямъ проф. Потебни особый интересъ, хотя и требующій со стороны читателя серіознаго углубленія. Сочиненіе проф. Потебни останется поэтому всегда цѣннымъ, даже тогда, когда оно не будетъ единственнымъ въ своемъ родѣ, какъ до сихъ поръ.

Еще первое изданіе «Записокъ по русской граматикѣ» обратило на себя заслуженное вниманіе, какъ въ Россіи, такъ и заграницей. Наша академія наукъ, еще раньше избравшая проф. Потебню своимъ членомъ-сотрудникомъ, за это сочиненіе присудила ему Ломоносовскую премію, при чемъ академикъ И. И. Срезневскій въ своемъ отчетѣ о присужденіи Ломоносовской преміи, читанномъ въ торжественномъ засѣданіи академіи наукъ 29-го декабря 1875 года, заключаетъ свой отзывъ о «Запискахъ» слѣдующими словами: „Стройное богатство подобранныхъ данныхъ, ихъ объясненій и сближеній, приводящихъ къ характеристикѣ древняго и новаго русскаго языка, и положительность выводовъ о ходѣ его измѣненій даютъ труду г. Потебни важное значеніе въ ряду другихъ новыхъ трудовъ по русскому языку, такъ что если теперь кто-нибудь займется изученіемъ русскаго языка съ исторической точки зрѣнія и не возьметъ въ помощь себѣ «Записокъ» Потебни, онъ во многихъ случаяхъ останется въ темнотѣ, съ вопросами безъ отвѣтовъ, или съ неясными отвѣтами безъ доказательствъ». Подобнымъ образомъ академикъ В. Ягичъ, въ рецензіи на книгу Потебни, помѣщенной въ его же журналѣ «Archiv für slavische Philologie» за 1876 годъ (стр. 166), охарактеризовавъ трудъ проф. Потебни въ общихъ чертахъ, продолжаетъ: «Эти достоинства даютъ этому труду право на весьма почетное мѣсто въ ряду не особенно многочисленныхъ изысканій изъ области историческо-сравнительной литературы; сочиненіе проф. Потебни является достойнымъ соперникомъ синтаксиса Миклошича». А профессоръ А. Котляревскій (Библіологическій опытъ древней русской грамматики. Введеніе. Воронежъ 1881, стр. 169) даетъ слѣдующій отзывъ: «Записки по русской грамматикѣ“ имѣютъ особый для насъ интересъ во 2-й своей части. Такого стройнаго, методическаго и вмѣстѣ съ тѣмъ богатаго историческимъ и сравнительнымъ матеріаломъ изслѣдованія надъ синтаксисомъ русскаго языка въ его древнемъ и новомъ видѣ—еще не было въ нашей филологической литературѣ».

Второе изданіе удерживаетъ всѣ статьи перваго и въ томъ же порядкѣ, но въ исправленномъ и дополненномъ видѣ. Исправленіе и дополненіе коснулось всей книги во всѣхъ ея частяхъ, но въ особенности подверглась ему знаменитая глава X «Введенія», этотъ перлъ всего сочиненія и, можетъ быть, даже всей грамматической литературы. Глава эта, трактующая о членахъ предложенія и частяхъ рѣчи, обладаетъ, особенно въ теперешнемъ видѣ, такими достоинствами, не

только теоретическими, но и практическими, которыя одну ее уже дѣлаютъ настольной книгой, необходимой для всякаго преподавателя русскаго языка, относящагося серіозно къ своему предмету. Изъ дополненій къ этой главѣ обращаетъ на себя особое вниманіе обширное примѣчаніе (на 4 страницахъ 78—81), посвященное вопросу о томъ, составляетъ ли глаголъ необходимую часть предложенія или нѣтъ, и находящемуся въ связи съ нимъ вопросу о предикативности имени. Не смотря на многочисленныя дополненія, обѣ части умѣстились въ одномъ большомъ томѣ въ 535 страницъ, благодаря компактности принятаго для 2-го изданія шрифта.

Статья Б. М. Ляпунова въ I вып. „Живой Старины“ 1892 г.

29-го ноября скончался профессоръ Харьковскаго университета Александръ Аѳанасьевичъ Потебня. Смѣло можно сказать, что въ немъ мы потеряли ученаго, которымъ должна гордится не только русская и славянская, но и обще-европейская наука. Въ виду выдающагося положенія, какое покойный занималъ въ ряду современныхъ славистовъ и вообще филологовъ, а также въ виду неоцѣнимыхъ качествъ его души, съ другой стороны въ виду страннаго незнанія о его заслугахъ не только среди нашего образованнаго общества, но даже среди персонала учителей русскаго яз. и словесности, я рѣшаюсь представить краткія біографическія свѣдѣнія, какія мнѣ удалось собрать, и познакомить немного съ содержаніемъ главнѣйшихъ трудовъ покойнаго, прибавивъ и свои личныя воспоминанія.

Александръ Аѳанасьевичъ Потебня [1]) происходилъ изъ небогатой дворянской семьи Полтавской губерніи Роменскаго уѣзда, гдѣ и родился. Родовое имѣнье его въ формуляромъ спискѣ значится въ селѣ Перековкѣ, Ромен. у., но не знаю, осталось ли тамъ что нибудь теперь. Родители Александра Аѳанасьевича—Аѳанасій Еѳимовичъ и Марья Ивановна (урожденная Маркова)—природные малороссы. Отецъ въ молодости былъ въ военной службѣ, а потомъ одно время по частнымъ дѣламъ жилъ во Владимірской губерніи.

Родился А. А. 10 сентября 1835 г. и былъ старшимъ изъ всѣхъ братьевъ (10 сент. 1891 г., по словамъ жены, ему исполнилось 56 лѣтъ, а въ формулярномъ спискѣ, составленомъ 1887 г., но, можетъ быть, раньше 10 сент., сказано, что ему 51 годъ). Семи лѣтъ онъ былъ отданъ въ Радомскую гимназію, гдѣ его дядя по матери былъ учителемъ. Благодаря этому обстоятельству. А. А. хорошо изучилъ польскій яз., такъ какъ въ этой гимназіи преподаваніе было на польскомъ яз.

[1]) Для біографическихъ свѣдѣній я пользуюсь во первыхъ автобіографіей покойнаго, напечатанной въ прилож. къ III т. „Исторіи русской этнографіи“ А. Н. Пыпина, во 2-хъ тѣмъ, что мнѣ удалось слышать отъ него самаго и близко его знавшихъ, въ 3-хъ—формулярнымъ спискомъ, хранящимся въ архивѣ Харьковскаго университета

Несполна 16-ти лѣтъ въ 1851 г. онъ поступилъ въ Харьковскій университетъ. Вслѣдствіе того, что большую часть дѣтства А. А. провелъ не дома, онъ почти незналъ своихъ младшихъ братьевъ, а съ сестрой, которая родилась уже безъ него, познакомился только 16-ти лѣтъ. А. А. поступилъ сначала на юридическій факультетъ, но въ слѣдующемъ году перешелъ на историко-филологическій. Въ университетѣ онъ сблизился съ М. В. Нѣговскимъ, „любителемъ и умѣлымъ собирателемъ малорусскихъ народныхъ пѣсень“, библіотекой котораго и пользовался. Преподавательскій персоналъ въ то время въ Харьковскомъ университетѣ былъ далеко не блестящій. Русскій яз. читалъ А. Л. Метлинскій, добрый и симпатичный человѣкъ, но по словамъ А. А., слабый профессоръ. Его сборникъ „южно-русскихъ народныхъ пѣсень“, по признанію Ал. Аѳ., былъ первой книгой, научившей А. А. присматриваться къ явленіямъ языка. Судя по описанію личности А. Л. Метлинскаго и его симпатичныхъ взглядовъ на отношеніе нарѣчій и говоровъ къ литературному языку („Истор. рус. этногр.“ Пыпина, т. III, ст. 146—148), можно думать, что этотъ человѣкъ оказалъ во всякомъ случаѣ нѣкоторое вліяніе на Ал. Аѳ.—ча. Черезъ Н. А. Лавровскаго, перешедшаго съ каѳедры педагогики на каѳедру русской словесности, А. А. познакомился съ сочин. И. И. Срезневскаго „Мысли объ исторіи русскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій“. Это сочиненіе, гдѣ впервые такъ живописно представлена картина постепеннаго развитія русскаго яз., произвело на А. А. сильное впечатлѣніе. Онъ разсказывалъ мнѣ, что онъ невольно запомнилъ наизусть цѣлыя страницы этого сочиненія и такъ отвѣчалъ на экзаменѣ. Этотъ фактъ, кажется, былъ переданъ Срезневскому, который и пожелалъ познакомиться съ Потебней, когда А. А. былъ потомъ въ Петербургѣ. Въ своей автобіографіи А. А. указываетъ еще, что на него оказало вліяніе сочин. Костомарова „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“, которое однако не совсѣмъ ему нравилось, и статья Буслаева „Объ эпической поэзіи“, а затѣмъ, какъ говорилъ мнѣ самъ Ал. Аѳ., только иностранные ученые. Въ 1856 г. А. А. окончилъ курсъ кандидатомъ по представленіи диссертаціи: „Первые годы войны Хмельницкаго“, которая не напечатана. По предложенію Н. А. Лавровскаго, онъ былъ оставленъ при университетѣ и сталъ готовиться къ магистерскому экзамену. Какъ казеннокоштный, онъ долженъ былъ однако взять мѣсто комнатнаго надзирателя 1-ой Харьковской гимназіи, но скоро былъ опредѣленъ сверхштатнымъ старшимъ учителемъ русской словесности съ увольненіемъ

отъ должности комнатнаго надзирателя, а 18 декабря 1857 г. былъ прикомандированъ къ университету для преподаванія русской словесности. Черезъ Н. А. Лавровскаго А. А. познакомился съ грамматикой Миклошича и трудами Караджича. Въ 1860 г. 15 Апрѣля А. А. былъ утвержденъ въ степени магистра славянской словесности и по защитѣ диссертаціи „О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи" (Харьковъ, 1860). 22 Іюня 1860 г. А. А. назначенъ адъюнктомъ Харьковскаго университета съ увольненіемъ отъ должности учителя гимназіи, причемъ въ 1861 г. на него возложены теоретическія занятія по педагогикѣ съ кандидатами педагогами. Въ то же время онъ былъ секретаремъ историко-филологическаго факультета. Въ 1862 г. онъ былъ камандированъ заграницу на два года, но черезъ годъ вернулся и съ 28-го сентября 1863 г. былъ доцентомъ Харьковскаго университета до 1875 г., когда утвержденъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ, получивъ 28 ноября 1874 г. степень доктора славянской словесности послѣ защиты диссертаціи: „Изъ записокъ по русской грамматикѣ" I—II; оппонентами были профессора М. С. Дриновъ и Н. А. Лавровскій [1]). Заграницей А. А. учился санскриту у Вебера. За это время въ печати появились слѣдующіе труды А. А. Потебни: „Мысль и языкъ" (Ж. М. Н. Пр. 1862), „О связи нѣкоторыхъ представленій„ (Филол. Зап. 1864), „О Долѣ и сродныхъ съ ней существахъ" (Древности Труды Москов. Археологич. Общ., т. I), „Два изслѣдованія о звукахъ русскаго яз.: I. О полногласіи. II. О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій" (Воронеж. Филолог. Зап. 1866 г.) „О купальскихъ огняхъ и сродныхъ съ ними представленіяхъ„ (Москва, 1867, въ 3-мъ вып. Археол. Вѣстн.), „Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи" (Филол. Зап. 1870 и отдѣльно—Воронеж, 1871), наконецъ упомянутое выше сочиненіе „Изъ записокъ по русской грамматикѣ" (1-я часть „Введеніе", напечат. въ Воронежѣ, а 2-я часть„ О составныхъ членахъ предложенія и ихъ замѣнахъ въ русскомъ яз." въ Запискахъ Харьковскаго университета 1874 г.). Съ осени 1875 г. А. А. былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ исторіи русскаго яз. и литературы. Еще въ 1865 г. А. А. былъ избранъ въ дѣйствительные члены Москов. Археологическаго Общества. Въ 1877 г. онъ избранъ въ дѣйствительные члены Общ. Любителей Россійской Словесности при Имп. Московскомъ университетѣ. Въ томъ же году

---

[1]) М. С. Дриновъ разсказывалъ мнѣ, что онъ, Н. А Лавровскій и Кирпичниковъ предлагали Ал Аѳ—чу степень доктора до защиты за его прежнія работы, но по своей скромности и строгости къ себѣ, А. А. отказался и предпочелъ достигнуть этого обычнымъ путемъ.

ему присуждена Имп. Академіей Наукъ Ломоносовская премія въ 1,000 руб. за сочин. „Изъ записокъ по рус. гр.", и онъ избранъ въ члены-корреспонденты Академіи по отдѣленію русскаго языка и словесности. Въ 1876 г. вышли въ Воронежѣ и Варшавѣ 1-й и 2-й выпуски. „Къ исторіи звуковъ русскаго яз."; нѣкоторыя главы этого сочиненія были напечатаны также въ изданіи проф. И. В. Ягича „Archiv für slavische Philologie" III, s. 358—381 („Ueber einige Erscheinungen des slavischen Palatalismus") и s 614—620 „(Zur Frage nach dem ursprünglichen Lautwerth der slavischen Nasalvocale"). Въ 1877 г. Александру Аѳанасьевичу присуждена Академіей наукъ золотая Уваровская медаль за разборъ сочин. Житецкаго: „Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія". Въ томъ же году въ „Воронежскихъ Филологическихъ Запискахъ" напечатана статья А. А—ча „Малорусская народная пѣсня по списку XVI в.", а въ слѣдующемъ году „Слово о полку Игоревѣ" (Воронежъ, 1878 г.). Въ 1879 г. Академій наукъ присуждена А. А—чу золотая медаль за разборъ труда Я. Ѳ. Головацкаго: „Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси", издан. въ 4 т. Моск. Общ. Истор. и древностей (разборъ напечатанъ въ С.-Петерб., 1880). Въ 1881—1883 г. Варшавскимъ „Филологическимъ Вѣстникомъ" напечатаны III-й и IV-й выпуски „Къ исторіи звуковъ русскаго яз. Этимологическія и другія замѣтки". Тѣмъ же „Филолог. Вѣстникомъ" издано въ 1883—1887 г. большое сочиненіе А. А. въ двухъ выпускахъ: „Объясненія молорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень". Въ началѣ 1887 г. его избрало въ свои члены королевское чешское общество наукъ králevská Česká společnost Nauk). Въ „Филологическихъ Запискахъ" 1887 г. напечатана статья А. А. „Значенія множественнаго числа въ русскомъ яз.". Въ 1888 г. въ Харьковѣ вышло второе исправленное изданіе сочин. „Изъ записокъ по русской грамматикѣ" I—II. Послѣднее напечатанное сочиненіе А. А—ча было помѣщенно въ выходящемъ съ 1891 г. изданіи Этнографическаго Отдѣленія И. Р. Г. О. „Живая Старина" („Этимологическія замѣтки").

Въ началѣ 1891 г. ему присуждена была медаль Географическимъ Обществомъ. Кромѣ чисто научныхъ трудовъ и изслѣдованій, подъ редакціей А. А. Потебни вышло прекрасное изданіе сочиненій малорусскаго писателя Г. Ѳ. Квитки (Харьковъ 1887 и 1889 г.) съ соблюденіемъ удареній и тѣхъ мѣстныхъ особенностей Харьковскаго говора, которыя были совершенно стерты въ Петерб. издан. Кулиша 1858 г.; въ „Кіевской Старинѣ" 1888 г. изданы имъ нѣкоторыя сочиненія Артемовскаго-Гу-

лака, по подлинной рукописи автора съ соблюденіемъ его правописанія, а въ „Кіевской Старинѣ“ 1890 г. изданы малорусскіе лѣчебники XVIII вѣка.

Какъ мнѣ приходилось слышать, во время своихъ неоднократныхъ поѣздокъ за границу Ал. Аѳ. познакомился съ А. Мажураничемъ (не знаю, въ первую-ли поѣздку или позднѣе), подъ руководствомъ котораго изучалъ сербо-хорватское удареніе; въ Прагѣ А. А. познакомился съ Патерой и Гатталой.

Неутомимо трудовая жизнь, а можетъ быть и нѣкоторыя другія обстоятельства, состарили его не по лѣтамъ. Уже въ 1886 г., когда мнѣ привелось съ нимъ познакомиться, онъ смотрѣлъ старикомъ, очень сухощавымъ, хотя тогда еще бодрымъ и повидимому здоровымъ. Но въ послѣдніе годы болѣзнь все больше и больше ослабляла его. Почти при всякой легкой простудѣ у него возобновлялся бронхитъ; въ такомъ видѣ напр. я засталъ его весною 1888 г. Весною 1890 г. ему напротивъ повидимому стало лучше; явилась его прежняя живость, которая такъ увлекала на его лекціяхъ 1887 года.

Но съ осени 1890 г. и всю зиму А. А. чувствовалъ себя очень плохо и уже почти не могъ выходить изъ дому; однако, не желая лишать студентовъ своихъ лекцій, приглашалъ ихъ къ себѣ на домъ и читалъ изъ 3-й части своихъ „Записокъ по русской грамм.“, хотя чтеніе уже замѣтно его утомляло. Это 3-я часть „Записокъ“ особенно заботила покойнаго, и онъ не переставалъ работать надъ нею до самой послѣдней возможности, не смотря на болѣзнь.

Только за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, врачи открыли у него болѣзнь почекъ, которая и свела его въ могилу. Поѣздка въ Италію. гдѣ онъ провелъ два лѣтнихъ мѣсяца 1891 г., какъ будьто [1]) нѣсколько помогли ему и, вернувшись въ Харьковъ, онъ въ сентябрѣ началъ было читать лекціи въ университетѣ, но вскорѣ долженъ былъ прекратить уже навсегда, вслѣдствіе инфлуэнцы, которая сильно его ослабила и усилила приступы болѣзни почекъ; весь октябрь и ноябрь онъ уже почти не вставалъ, хотя по временамъ кажущееся улучшеніе заставляло не терять надежды до конца.

Вотъ краткія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Ал. Аѳ--ча. Перейдемъ теперь къ характеристикѣ его научныхъ трудовъ.

[1]) Такъ писалъ это слово покойный А. А. согласно съ этимологіей (б у д ь-т о изъ б у д и т о, какъ в з я т ь с я изъ в з я т и с я и т. п), но вопреки оффиціальной орѳографіи

Изъ перечня ихъ мы видѣли, какъ разнообразна его научная дѣятельность. Изслѣдованія о мотивахъ и символахъ народной поэзіи и въ области сравнительной миѳологіи чередовались съ изслѣдованіями по языку, которыя и составляютъ главнымъ образомъ научную славу покойнаго. Въ этомъ отношеніи Потебня былъ филологомъ стараго типа, изучавшимъ языкъ въ связи съ народной поэзіей, народными вѣрованіями и обрядами. Такой широтой, такимъ разнообразіемъ свѣдѣній, не обладаютъ новѣйшіе ученые, которымъ приходится все больше и больше спеціализироваться.

Не смотря, однако, на свою многосторонность, Потебня отличался замѣчательной глубиной: многосторонность не дѣлала его поверхностнымъ въ этомъ сказывается его замѣчательное, изъ ряду вонъ выходящее дарованіе, такъ какъ глубина при многосторонности дается очень немногимъ.

Изслѣдованія по языку А. А. Потебни можно раздѣлить на фонетическія, фонетико-діалектическія, этимологическія, семасіологическія и синтактическія. Въ первыхъ затронуты самые важные вопросы фонетики русской и славянской: о полногласіи, о глухихъ звукахъ, о носовыхъ гласныхъ, о переходномъ смягченіи согласныхъ звуковъ. Къ вопросу о русскомъ полногласіи А. А. обращался два раза: первый разъ въ сочин. „Два изслѣдованія“ въ 1865 г., въ которомъ еще считалъ южнослав., ст. слав. и чешск. р а, л а, основную общеславянскою формой, лежащей въ основаніи и русскаго о р о, о л о (также думалъ и Ягичъ въ 60-хъ и началѣ 70-хъ гг.); второй разъ въ 1875 г. въ 1-мъ вып. „Къ исторіи звуковъ“, гдѣ совершенно измѣнилъ свой первоначальный взглядъ. Подъ вліяніемъ статьи Бенфея въ „Orient und Occident“ (III, 1—77, 193—256 1864—1865), указывавшаго на появленіе короткой гласной между *р*, предшествуемымъ гласной, и слѣдующей согласной въ языкѣ Ведъ и Зендѣ, а также на сходныя явленія греческ. яз., А. А находя подобное и въ лотышскомъ, приходитъ къ заключенію, что полногласіе было нѣкогда явленіемъ общеславянскимъ: „м л а д ъ и м о л о д ъ независимо другъ отъ друга изъ *mălădъ* (ст. 119).

Почти въ то же время было признано полногласіе общеславянскимъ І. Шмидтомъ („Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus) и нѣсколько раньше Гейтлеромъ (Starobulharská fonologie“ 1873).

Это было нѣкоторымъ возвращеніемъ къ старинѣ, такъ какъ еще Максимовичъ въ 1839 и 1848 г, мнѣніе котораго А. А приводитъ (стр. 117—119), считалъ полногласіе общеславянскимъ; также и К.

Аксаковъ (напр. въ разборѣ грамматики Буслаева во II т. сочин., ст. 454), хотя для послѣдняго въ русскомъ яз. были обѣ формы — и полногласная (древнѣйшая) и неполногласная (новѣйшая); только въ распоряженіи Максимовича и Аксакова не было тѣхъ научныхъ средствъ, какими обладали ученые 70-хъ годовъ. Для I. Шмидта русское полногласіе было заманчиво, какъ „svarabhakti"; для Гейтлера нужно было объяснить появленіе *а* въ глава, которое не могло явиться иначе, какъ вслѣдствіе удлиненія *о*, явившагося, по его мнѣнію, на славянской почвѣ изъ ă [1]), а причина удлиненія—стяженіе двухъ *о* въ праславянской полногласной формѣ; для А. А. Потебни была важнѣе всего постепенность звуковыхъ измѣненій, и на основаніи этого, полногласіе онъ считалъ путемъ, которымъ изъ galv'a могло развиться глава и т. п. (этотъ взглядъ на образованіе южнослав. и чешскихъ формъ, мнѣ пришлось слышать отъ него и въ послѣдній годъ его жизни).

А. А. принималъ общеславянское полногласіе въ видѣ двухъ ă передъ и послѣ плавной (Гейтлеръ въ видѣ двухъ *о*, но оба они, по его мнѣнію, явились уже на славянской почвѣ, и первое—изъ кратк. ă), такъ какъ въ то время еще не было высказано въ сравнительной грамматикѣ сомнѣнія въ первичности древнѣ-индійскаго *а*, изъ котораго считались развившимися позднѣе въ европейскихъ языкахъ три звука; *а*, *о*, *е*; только во второй половинѣ 70-хъ годовъ Бругманномъ и Соссюромъ предположено было существованіе въ индоевропейскомъ праязыкѣ трехъ гласныхъ: *а*, a_1, a_2 (или *а*, $\overset{o}{a}$ $\overset{e}{a}$) Другіе лингвисты бо̀льшею частію не считаютъ необходимымъ ставить посредствующую ступень полногласія, а происхожденіе градъ, гл'ава и т. п., объясняютъ путемъ простой перестановки; такого мнѣнія держался Миклошичъ въ позднѣйшихъ своихъ трудахъ (послѣдн. издан. „Vergl. Gram" стат. „Ueber d. Ursprung der Worte von der Form trêt u. trat", „Etymologisches Wörterbuch"), также И. В. Ягичъ и проф. Москов. универс. Ф. Ѳ. Фортунатовъ; по мнѣнію послѣдняго, очень тонкаго и глубокаго фонетика, простая перестановка вполнѣ возможна фонетически и оправдывается многими примѣрами изъ разныхъ индоевропейскихъ языковъ.

Выводы А. А. Потебни относительно носовыхъ гласныхъ („Къ ист. звук." I. 211—217 и „Archiv f. slav. Phil." III, 614—620) тѣ, что гласн. элементъ въ Ѫ и Ѭ въ древне-польскомъ и, вѣроятно въ общеславянск. всегда былъ *а* іотован или неотован. Выводъ этотъ для др. польскаго

[1]) Что краткое *а* родственныхъ яз=общеслав. *о*, теперь считается общепризнаннымъ въ лингвистикѣ.

языка нашелъ поддержку потомъ въ спеціальной работѣ Лецеевскаго („Der Lautwerth der Nasalvocale im altpolnischen“, Wien, 1886), хотя выводы послѣдняго вызвали нѣкоторыя сомнѣнія Ягича и Брикнера въ X-мъ т. „Archiv f. sl. Phil.“ Въ послѣднее время А. А. о носовыхъ не высказывался опредѣленно, такъ какъ вообще вопросы фонетики интересовали его меньше, чѣмъ прежде.

Въ вопросѣ о переходномъ смягченіи Потебня удачно указалъ на параллельныя со славянскими явленія романскихъ языковъ.

Особенно обращу вниманіе на его объясненіе измѣненія *tj* и *dj* и въ связи съ этимъ *kt* передъ *i* или *ь* (ст. слав. пешти и существ. пешть, русск. печи, печь и т. п.), которое довольно близко подходитъ къ объясненію проф. Фортунатова, недавно высказанному въ „Archiv f. sl. Phil.“ XI. 568.

Именно, А. А. предполагалъ, что изъ *tj dj* получалось въ одной группѣ нарѣчій *ч'ч' дж'дж'* которыя лежатъ въ основаніи ст. сл. и болг. *шт*, *жд:* свѣшта, межда и русск. *ч'* и *дж'* (сохранилось діалектически, но б. ч. измѣнилось въ *ж):* свѣчя, меджя, въ другой группѣ *тjтj* и *djdj*, откуда серб. *тj* и *dj*: свиjе*тj*а, ме*dj*а; въ 3-ей—*ч'ч'* и *jj* (изъ *djdj*), откуда хорут. *ч* и *j:* svěca и meja; въ 4-ой—*ц'ц'* и *дз'дз'*, откуда западнославян. *ц* и *дз:* sveča и medza („Archiv f. sl. Philol.“ III, 600—601, или „Къ истор. звук.“ II) [1]). При измѣненіи *kti ktь* А. А. предполагалъ смягчающее дѣйствіе *i* (*ь*) на *k* черезъ *t*, измѣнившее *k* въ однихъ нарѣчіяхъ въ *ч'*, въ другихъ *ц'*, а затѣмъ ассимиляцію съ ними слѣдующаго *t*, такъ что результатъ получился тотъ же, что̀ и при *tj*. Въ этомъ объясненіи, какъ и въ выше приведенномъ мнѣніи о полногласіи, сказывается нелюбовь Потебни къ объясненію скачками, а стремленіе во всѣхъ фонетическихъ явленіяхъ видѣть постепенное измѣненіе звука. Статьи Потебни о небности могутъ считаться едва-ли не лучшими изъ того, что̀ вообще писалось объ этомъ вопросѣ.

Изъ вопросовъ по исторіи звуковъ русскаго яз. слѣдуетъ обратить вниманіе на мнѣніе А. А. Потебни о времени исчезновенія глухихъ звуковъ („Къ истор. звук.“ I, гл. IV и „Разборъ сочин. Житецкаго, гл. VI). По его мнѣнію, звуки ъ и ь жили очень долго въ русскомъ яз., а въ нѣкоторыхъ говорахъ сохраняются и до сихъ поръ. Напи-

[1]) Какъ на подобное явленіе болѣе поздняго времени Потебня указываетъ на вост. малорусское *т'т'* изъ *тj*, *д'д'* изъ *dj*: плат'тя, колод'дя, а при болѣе зубномъ *j* является въ бѣлорус.—*ц'це*, *дз'дзе;* если бы *j* было еще болѣе задненебнымъ, могло бы явиться *ч'ч*, *дж'дж'* Archiv. f. sl. Phil. 597—597.

санія съ чист. *е* и *о* въ рукописяхъ XIV, XV и даже XVI в. вмѣсто ь и ъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ теперь они въ нынѣшнихъ говорахъ исчезли (Волонескъ, пополонока), съ другой стороны пропускъ ь или ъ на письмѣ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы теперь слышимъ чистый, свидѣтельствуютъ, по его мнѣнію, о томъ, что въ говорѣ писца въ этихъ случаяхъ были глухіе звуки, ибо чистый звукъ, образовавшійся изъ глухого, не могъ бы исчезнутъ потомъ безъ слѣда, а съ другой стороны писецъ не сталъ бы пропускать на письмѣ чистыхъ звуковъ.

Въ томъ же сборникѣ „Къ ист. звук." I, укажу на прекрасную статью А А—ча: „Этимологическія различенія коренныхъ гласныхъ въ глаголахъ".

Перехожу къ діалектическимъ трудамъ А. А. Потебни. Въ этой области ему несомнѣнно и до сихъ поръ принадлежитъ первое мѣсто между всѣми, изучавшими научно русскіе говоры. А когда появился его первый трудъ „о звукахъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій" (1866 г.), научная разработка нашихъ говоровъ была почти не тронута, такъ какъ труды Даля могутъ считаться только собраніемъ богатаго матеріала безъ надлежащей его обработки. Всѣ статьи Ал. А—ча по изученію русскихъ говоровъ („О звуков. особ. рус. нар.", „О малорусск. нарѣч.", „Разборъ соч. Житецкаго" и отдѣльн. замѣтки въ нѣкот. другихъ сочин.) отличаются замѣчательной тонкостью наблюденія, глубиной, осторожностью и оригинальностью выводовъ. Начало русскихъ говоровъ онъ относилъ къ незапамятнымъ временамъ, задолго до появленія письменности и исторію русскаго языка онъ понималъ, какъ исторію русскихъ говоровъ. При этомъ нелишнимъ считаю сообщить взглядъ А. А—ча на говоръ вообще, какъ мнѣ пришлось слышать отъ него въ прошломъ году: строго говоря, говоръ можетъ быть представленъ только однимъ человѣкомъ, такъ какъ нѣтъ двухъ лицъ, говорящихъ вполнѣ одинаково даже въ одной семьѣ; слѣдоват., то, что мы обыкновенно называемъ однимъ говоромъ, есть въ сущности собраніе взаимодѣйствующихъ говоровъ, а потому нѣчего [1]) удивляться, что звуковые законы имѣютъ исключенія, и непремѣнно искать объясненія этихъ исключеній въ звуковой аналогіи; кто выставляетъ положеніе объ отсутствіи исключеній въ звуковыхъ законахъ, тотъ забываетъ, что говоръ въ жизни никогда не существуетъ самъ по себѣ, а всегда нахо-

[1]) А. А. въ послѣднихъ своихъ трудахъ писалъ нѣчего, нѣкого, нѣкода (нѣтъ времени) и т. п., согласно съ этимологіей (см. объясненіе въ сочин. „Изъ запис. по рус. грам." II, 423, 2-е издан.), но противъ оффиціально принятаго въ школахъ и учебникахъ.

дится подъ тысячью самыхъ разнообразныхъ вліяній. Вслѣдствіе этого А. А. не любилъ злоупотреблять объясненіями помощью звуковой аналогіи, которыя особенно въ ходу въ произведеніяхъ „ново-грамматической" школы; онъ находилъ, что, стремясь къ точности въ фонетикѣ, при этихъ объясненіяхъ часто грѣшатъ противъ синтаксиса.

Всѣ русскіе говоры А. А. дѣлилъ на три группы или полосы: 1) сѣверную (говоры сѣверно-великорусскіе—*о*кающіе), 2) среднюю (южно-великорусскіе говоры вмѣстѣ съ бѣлорусскими [1])—*а*кающіе) и южную (говоры малорусскіе опять *о*кающіе). Главнымъ основаніемъ дѣленія у него служила фонетика и преимущественно различное произношеніе гласныхъ въ виду неопредѣленности и неразработанности другихъ отдѣловъ языкознанія. Изъ отдѣльныхъ діалектическихъ явленій едва-ли не въ первый разъ было показано и научно формулировано Ал. А—чемъ измѣненіе неударяемыхъ гласныхъ въ южно-великорусскихъ говорахъ. А. А. указалъ разницу въ измѣненіи неудар. *а* и *е* въ слогахъ непосред. передъ слогомъ ударяемымъ и въ слогахъ черезъ слогъ передъ ударяемымъ (гълава́ изъ голова́ и пирядо́м изъ передо́м) и съ другой стороны въ слогѣ непосредственно послѣ ударяемаго, по слабости произношенія равняющемся третьему слогу передъ ударяемымъ (го́лъву изъ го́лову, пе́рид или пе́рит изъ пе́ред, де́рйво изъ де́рево). Въ статьѣ о малорусскомъ нарѣчіи разобрано характерное измѣненіе гласной *ѣ*, а также гласныхъ *е* и *о* въ слогахъ среднихъ, при чемъ объяснены всѣ разнообразія этихъ измѣненій въ говорахъ, изъ которыхъ наибольшую старину сохранили сѣверно-малорусскіе говоры (напр. волъ, конь=Заблудов. вуол, куон'=Бѣльск. и Брестск. вюл, кюн'=Кобрин. вул, кун' или вил, кин'=Сосниц. Черниг. губ. вуэл, куэн'=украин. віл, кін').

А. А. первый, кажется, обратилъ вниманіе на важное фонетическое явленіе преимущественно сѣверно-великорусское, которому онъ далъ названіе втораго полногласія („Къ истор. звук." I, 85—108); сюда относятся такія явленія, какъ напр. новгородс. верёх, восходящее къ древнему вьрьхъ вмѣсто вьрхъ=нынѣшн. вер'хъ въ другихъ говорахъ (ст. сл. врьхъ). А. А. старался прослѣдить это явленіе въ древнерусскихъ памятникахъ съ XI-го вѣка и находилъ начало его уже въ древнѣйшемъ памятникѣ Новгородскаго письма, Остромировомъ Евангеліи.

[1]) Что „гораздо правильнѣе Бѣлорусскій говоръ считать мѣстнымъ говоромъ Великорусскаго нарѣчія, а не отдѣльнымъ нарѣчіемъ", высказано уже И. И. Срезневскимъ („Мысли объ исторіи русск. яз.", изд. 1887, стр. 36).

Занимаясь этимологіей различныхъ бытовыхъ словъ, Потебня много сдѣлалъ и для исторіи русскаго быта. На лекціяхъ, при чтеніи древнерусскихъ памятниковъ, онъ часто давалъ объясненія многихъ темныхъ юридическихъ и бытовыхъ терминовъ. Можно было удивляться глубинѣ его познаній въ исторіи великорусскаго и особенно малорусскаго быта. Въ IV-мъ вып „Къ исторіи звуков. р. яз.". онъ далъ объясненія словъ: село, деревня, выть, обжа и мног. другихъ, весьма важныхъ и характеристичныхъ для русскаго быта. Лучшее объясненіе слова „село", принадлежитъ ему: указывая на то, что въ др. русскомъ и старо-славянскомъ („сѣно сельною и т. под.) оно имѣло большею частью значеніе „земли", „поля", онъ сближаетъ его съ лит. szalis [1]) „сторона", „край" (стр. 4—5). На основаніи стариннаго великорус. выраженія „распахать деревню" и т. подобн. выраженій, свидѣтельствующихъ о томъ, что „деревня" есть синонимъ поля, росчисти, А. А. сближаетъ это слово съ литов. dirwà („Acker"), относя къ одному корню съ глаголомъ дьрати (стр. 18—19).

Но главную славу Потебни составляютъ его изслѣдованія по сравнительному синтаксису. Я рѣшаюсь сказать, что въ этой мало разработанной области языкознанія ему принадлежитъ пальма первенства между всѣми славянскими, а можетъ быть, и европейскими учеными. Надо замѣтить, что 1-е изданіе „Записокъ по русск. грам." написано раньше, чѣмъ авторъ успѣлъ познакомиться съ сочин. Миклошича „Vergleichende. Syntax" (1874).

Во 2-й части „Записокъ" разобрано употребленіе падежей и неопредѣленное наклоненіе; особенное вниманіе обращено на употребленіе двойныхъ падежей. Всего прежде идетъ рѣчь о составномъ сказуемомъ, указывается на сочетаніе причастій дѣйств. съ ѥсмь, буду въ именит. пад. (кромѣ причастъ на лъ); А. А. кажется, впервые разрушилъ убѣжденіе, что подобное употребленіе причастій въ древнемъ яз. зависитъ отъ буквальнаго перевода съ греческ.; онъ привелъ такіе примѣры, гдѣ наоборотъ въ греч. стоитъ verb. finit., а въ славянск. причастіе съ вспомог. глаголомъ. Указано на самостоятельность причастія въ древнерусск., ст.-славян., другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, литовскомъ и греческомъ, благодаря которой причастіе могло отдѣляться отъ главнаго сказуемаго союзомъ соединительнымъ („вставъ, и рече", стр. 187). По мѣрѣ того, какъ причастіе становилось дѣепричастіемъ, подобные обо-

[1]) Хотя не менѣе вѣроятно и сближеніе съ лат. solum „почва" и м. б. литов. salà „островъ", которое высказано на стр. 2 того же сочин., но потомъ оставлено вслѣдствіе лит. szalis.

роты становились все менѣе возможными. А. А. предполагаетъ, „что въ концѣ XIV в. причастія дѣйствительныя аппозитивныя были уже только въ книжномъ яз., и дѣепричастіе, какъ вполнѣ опредѣлившаяся часть рѣчи, уже существовало, хотя и отличалось кое-чѣмъ отъ нынѣшняго (стр. 182). „Относительная самостоятельность аппозитивнаго причастія въ древнемъ яз. и сходство его функціи съ функціей главнаго (глагольнаго) сказуемаго проявляются не только въ отдѣленіи его отъ сказуемаго союзомъ, но и ...въ возможности подлежащаго съ аппозитивнымъ причастіемъ при глагольномъ сказуемомъ, имѣющемъ свое подлежащее" (стр. 194). Вслѣдствіе этого возможны были въ древнемъ яз. такіе примѣры именит. самостоят., какъ Новгор. I. 1: А вы плотници суще, а приставимъ вы хоромъ рубити (стр. 196).

Далѣе объяснено употребленіе причастія въ смыслѣ сказуем. придат. предложенія, связаннаго съ главнымъ сказуемымъ посредствомъ относит. слова, весьма обычное въ ст. слав, др. русскомъ и старо-чешскомъ: нѣсть, къто ихъ приѥмлѩ. Изборн, 1076 г., невѣдяху бо, камо бѣжаще. Ипат. 156 (480), Nenie, kto co povĕda. Alexandr. и т. п. (ст. 205, 206, 212). Остатки подобныхъ оборотовъ А. А. указываетъ и въ нынѣшнихъ говорахъ: вел.-рус. „кто кого смога...", малорус. Чумакъ, кого здря, такъ и частуѥ (ст. 217). Въ литовскомъ и латышскомъ подобное же: jie nežino, ką darą. Лук. 23.34=букв. невѣдѧть, чьто творѧще.

На стр. 231—299 разобрано употребленіе причастій прошедш. на л, указано обращеніе ихъ въ прилагат. въ русск. и другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, разница въ употребленіи русскихъ причастій на л съ польскими и чешскими: польск. донынѣ употребляетъ членныя причастія на л, не превращая ихъ непремѣнно въ прилагательныя: ciasto dobrze wykisiałe—выкисшее тѣсто и т. п. (242); указаны способы употребленія прич. на л при различныхъ временахъ вспомогат. глаг.: ѥсмь, бѣхъ быхъ (условно — желат.), бѫдѫ (буду); употребленіе послѣдняго съ причаст. при условныхъ союзахъ вызвало условное значеніе буду, откуда великорусск. буде (3 л. ед. ч.) въ смыслѣ условнаго союза.

Переходя къ употребленію вторыхъ косвенныхъ падежей, А. А. остановился на характерномъ свойствѣ перваго винит. въ др. русскомъ и нѣкоторыхъ новыхъ славян. нарѣчіяхъ, общемъ съ лотышскимъ, по которому послѣ глаголовъ: „sentiendi", „cognoscendi", „declarandi" можно было употреблять безпредложный винит. не только непосредств. пред-

мета воспріятія, но и дальнѣйшаго, что мы теперь обыкновенно замѣняемъ оборотомъ съ предлогомъ про или *о*: слышавъ смерть Изяславлю Ипат. 77 (328), увѣдаша Ильсковичи погоню. Новгор. 1,59, великорус. сказываетъ журавля на соснѣ. Даль, послов. 872, малорус. Спустимося вниз по Дунаю, Гей по Дунаю под Цареговод: Ой чуемо там доброго пана (Костомар. въ малор. сб. Мордовцева, 192), серб. ов*тј*е нама кажу мому неудату (Кар. Пјес 1), лотыш. пасака мамуль інію. Спрог. 215= букв. „сказала матушку" т. е. „сказала, гдѣ матушка". Подобное встрѣчается въ санскр. и греч. (ἄνδρα μοι ἔννεπε Μοῦσα πολύτροπον. Od. I, 1) (стр. 300, 302, 303). Ал. Аѳ. видѣлъ въ этихъ оборотахъ остатки такого первобытнаго состоянія мысли, которое „напоминаетъ состояніе дитяти, только что начинающаго пользоваться чувствами и протягивающаго руки къ предметамъ, которыхъ схватить не можетъ" (299—300). Далѣе разсмотрѣны случаи употребленія второго вин. (существ., прилаг., причаст.) 305—325, второго род. (324—330), при чемъ указаны случаи родит. самостоят: того же лѣта исходяча... приходи Романъ... (Лавр. 329), второго дательнаго: объясненъ дательн. самостоятельный (330—342).

Въ большой главѣ о неопредѣл. наклоненіи А. А. коснулся ограниченія его употребленія въ сербск. и болгар., приведшаго въ послѣднемъ къ потерѣ формы на ти (360—362), подробно разобралъ случаи употребленія неопредѣл. субъективнаго при формальныхъ или близкихъ къ формальности глаголахъ (ст. слав. имаамь, имѫ, югозап. рус. маю, малор. иму, ст. сл. хощѫ, др. рус. хочю, серб. о*тј*у и т. п) и при неформальныхъ глаголахъ и сходныхъ прилагат. (стр. 362—382); —неопредѣл. со вторымъ именит. (382—383).

Далѣе употребл. неопредѣл. объективнаго: винит. съ неопредѣл. (384—387), дательн. съ неопредѣл. (388—391), второго дательн. съ неопредѣл. луце же бы потяту быти (кому), неже полонену быти. Сл. о п. Игор. (391 и слѣд.).

Вездѣ приводятся многочисленные примѣры изъ древне-русской письменности и родственныхъ языковъ славянскихъ и неславянскихъ.

Разсмотрѣны обороты неопредѣл. наклоненія, связаннаго съ главнымъ предложен. посред. относит. слова: неимѫть, чесо ѣсти О. св. Мат. 15,32 (τί φάγωσι), нѣ—камо ся дѣти Лавр. 30, соврем. великор. нѣчего дѣлать, малорус. нічого робити и т. п. (стр. 419—424), неопредѣл. цѣли и слѣдствія (425—434), неопред. съ бы и союзами сложными съ бы (435—443) и абсолютн. неопред. („я знать

не знаю, вѣдать не вѣдаю") въ сравненіи съ литовск., лотышск. и польскимъ.

Послѣдняя глава посвящена творительному падежу. Чтобы перейти къ творит., замѣняющему вторые согласуемые падежи, столь характерному для славянскихъ нарѣчій, А. А. разбираетъ и другіе находящіеся въ связи съ этимъ случаи творительнаго (соціятивный, мѣста, времени, орудія, при страдат. сказуемомъ, при именахъ и нарѣчіяхъ, творит. причины и образа дѣйствія) 443—534 стр. Творительный, условленный страдательнымъ сказуемымъ, общій славянскимъ языкамъ съ санскритскимъ и языкомъ Вѣдъ, выводится Потебнею изъ творит. орудія изъ всѣхъ, приводимыхъ имъ объясненій другихъ ученыхъ, онъ всего больше согласенъ въ этомъ случаѣ съ Буслаевымъ; но Потебня особенно указываетъ на важность страдательности сказуемаго, которая и отличаетъ этотъ творит. отъ творит. орудія (стр. 367). Творительный, замѣняющій вторые согласуемые падежи, извѣстный подъ именемъ творит. признака и состоянія (Буслаевъ) или твор. предикативнаго, принадлежащій „къ своеобразнѣйшимъ явленіемъ славянскаго и литовскаго языка" (ст. 493, 499), выводится Ал. Аѳ—чемъ изъ творит. образа въ частномъ случаѣ, какъ „пѣть соловьемъ", „плыть гоголемъ", „ити воеводою и т. п. (ст. 502), т. е. изъ того случая творит. образа, когда его субстанція совпадаетъ съ субстанціею подлежащаго: „ити воеводою" близко къ „стать (быть) воеводою".

Такимъ образомъ, въ этомъ капитальномъ трудѣ разсмотрѣны А. А. Потебней самыя характерныя, самыя важныя явленія синтаксиса; но, согласно со взглядомъ покойнаго на значеніе словъ „синтаксисъ" и „этимологія", о чемъ дальше, вѣрнѣе было бы назвать этотъ трудъ, какъ и всякій сравнительно-историческій трудъ, этимологическимъ, оставляя слово „синтаксисъ" только для чисто описательныхъ грамматическихъ руководствъ. Во второмъ изданіи „Записокъ" А. А. уже постоянно ссылается на Миклошича V. Gr. IV, во многомъ расходясь съ его объясненіями. Много ссылокъ и на разные другіе большіе труды (Буслаева, Гатталу, Шерцеля, Дельбрюка), обличаютъ огромную начитанность автора, не помѣшавшую ему быть, однако, вполнѣ самостоятельнымъ и вездѣ высказать свой оригинальный взглядъ. Много замѣтокъ по синтаксису, или, вѣрнѣе, по этимологіи и семасіологіи разсѣяно также въ другихъ сочиненіяхъ А. А.—ча (напр. развитіе значенія нѣкоторыхъ словъ, выраженій, образованіе союзовъ изъ другихъ частей рѣчи и т. под.).

А. А. Потебня былъ представителемъ философскаго языкознанія. Въ этомъ отношеніи изъ западныхъ ученыхъ всѣхъ больше на него оказали вліяніе Вильгельмъ Гумбольтъ („Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwickelung des Menschengeschlechts“) и Штейнталь („Grammatik, Logik und Psyhologie“ и „Characteristik der hauptsächlichten Typen des Sprachbaues“). Для уясненія этого мы должны обратиться къ сочиненію „Мысль и языкъ“, написанному А. А—чемъ въ ранней молодости (въ 1862 г. уже напечатано); но, не смотря на то, что автору было только 26 лѣтъ, онъ показалъ не только большую начитанность въ классическихъ европейскихъ сочиненіяхъ по философіи и общему языкознанію; но и большую самоотоятельность и глубину мысли. Въ виду библіографической рѣдкости этого сочиненія, рѣшаюсь сообщить въ короткихъ словахъ его содержаніе, выписавъ цѣликомъ болѣе важныя мѣста. Послѣ критики различныхъ мнѣній о происхожденіи языка, начиная съ прошлаго столѣтія, которая заканчивается разборомъ мнѣнія В. Гумбольдта, стоявшаго „на рубежѣ двухъ направленій науки“, „геніальнаго предвозвѣстника новой теоріи языка, невполнѣ освободившагося отъ оковъ старой“ (т. е. логической грамматики) (Ж. М. Н. Пр 1862, CXIII, ст. 42), Потебня въ гл. IV-й переходитъ къ вопросу о соотношеніи языкознанія къ психологіи, изглагаетъ Гербартову теорію представленій; въ слѣд. главѣ говоритъ о чувственныхъ воспріятіяхъ, затѣмъ о рефлексивныхъ движеніяхъ и образованіи членораздѣльнаго звука; въ VII-й главѣ о языкѣ чувства и языкѣ мысли; въ VIII-й—о словѣ, какъ средствѣ апперцепціи; въ IX-й о представленіи, сужденіи, и понятіи; въ послѣдней X-й о поэзіи и прозѣ. Эта послѣдняя глава особенно важна для уясненія взгляда Потебни на языкъ. Здѣсь онъ различаетъ поэтическое (символическое, образное) и прозаическое мышленіе. Здѣсь же выставлено различіе формы внѣшней (звуковой) слова и внутренней (способа выраженія). Высказывается Гумбольдтовскій взглядъ, что поэзія и проза суть „явленія языка“: „Изъ языка, первоначально тождественнаго съ поэзіею, слѣдовательно изъ поэзіи, возникаетъ позднѣйшее раздѣленіе и противоположность поэзіи и прозы, которыя, говоря словами Гумбольдта, должны быть названы „явленіями языка“ (ib. CXIV, ст. 109). Указывается на противоположность поэзіи и науки; поэзія мыслитъ конкретно, образами, представленіями, чѣмъ удовлетворяетъ врожденной человѣку потребности видѣть вездѣ цѣльное и совершенное; „наука раздробляетъ міръ, чтобы съизнова сложить его въ строй-

ную систему понятій" (111 ст.), чего однако никогда почти не удается. Тутъ же высказывается и мысль о субъективности науки, которой А. А. держался до послѣдняго времени: „Въ обширномъ и вмѣстѣ строгомъ смыслѣ, все достояніе мысли субъективно, т. е. хотя и условлено внѣшнимъ міромъ, но есть произведеніе личнаго творчества; но въ этой всеобъемлющей субъективности можно разграничить объективное и субъективное и отнести къ первому—науку, ко второму—искусство" (стр. 111). Высказывается мысль объ относительности понятій субъективнаго и объективнаго: „Безъ сомнѣнія придетъ время, когда то, что намъ представляется свойствомъ самой природы, окажется только особенностью взгляда нашего времени".. „Нѣтъ ничего легче, какъ съ высоты, на которую безъ нашей личной заслуги поставило насъ современное развитіе человѣчества, презрительно взирать на все, отъ чего мы уже отошли на нѣкоторое разстояніе" (ib. ст. 122).

Изъ этого сочиненія мы видимъ, какъ рано у Потебни сложился тотъ трезвый взглядъ на развитіе человѣчества, языка и науки, который онъ высказывалъ въ своихъ послѣднихъ сочиненіяхъ (во „Введеніи" и въ напечатанной 2-й ч. „Записокъ по рус. грам."). Много подобныхъ мыслей пришлось слышать отъ А. А—ча на лекціяхъ послѣдняго года. Онъ говорилъ, что наука всегда субъективна и національна, такъ какъ есть плодъ усилій немногихъ ученыхъ, находящихся въ зависимости отъ языка, которымъ пользуются; кажущаяся объективность науки достигается только до извѣстной степени по мѣрѣ ея отвлеченности, а потому наименьшей субъективностью отличается математика, хотя всетаки не все равно сказать: „дважды два" и zweimal zwei", ибо каждое выраженіе носитъ слѣды своего особаго міросозерцанія.

Въ связи съ этимъ взглядомъ на науку находится нелюбовь Потебни къ рѣзкимъ и самонадѣяннымъ выводамъ, къ увлеченію одной теоріей въ ущербъ прочимъ. Уже въ 1865 г. онъ писалъ: „Изслѣдователю нечего [1]) бояться упрека въ томъ, что онъ самъ не увѣренъ въ истинѣ своихъ словъ: если избранный имъ путь оказывается ложнымъ, то для другихъ польза въ томъ, что они увидятъ эту ложность" („Два изслѣдованія" I ст. 44 примѣч.). Увлекаясь одной теоріей, мы должны помнить и о предшествующей ей, а также и о томъ, что послѣ насъ другіе создадутъ новую; не слѣдуетъ думать, что мы сказали послѣднее

[1]) Въ сочиненіяхъ 60-хъ годовъ А. А. писалъ это и другія подобныя слова черезъ *е*, согласно съ принятой орѳографіей, но позднѣе по требованію этимологіи черезъ *ѣ*.

слово науки, а, какъ ошибались до насъ, такъ и мы можемъ ошибаться, и послѣ насъ всегда будутъ ошибки. Пониманіе языка въ Гумбольдтовскомъ смыслѣ Ал. Аѳ. высказалъ и въ заключительныхъ словахъ автобіографіи, напечатанной въ приложеніи къ III-му т. „Исторіи русской этнографіи", стр. 423 Пыпина. Такимъ образомъ въ послѣднихъ своихъ сочиненіяхъ—3-й ч. „Записокъ" и „Теоріи словесности" онъ всего больше интересовался тѣми вопросами языкознанія, которые привлекли его вниманіе въ молодости.

До сихъ поръ я почти ничего не сказалъ о 1-й ч. „Записокъ по рус. грам.", въ которой представлена критика опредѣленій корня, формы, предложенія и частей его. На основаніи этого и другихъ сочиненій и лекцій можно опредѣлить взглядъ А. А—ча на языкъ. Вопреки мнѣнію Спенсера, считающаго языкъ тормазомъ мысли, А. А. говорилъ, что мыслить можно только при посредствѣ языка. Языкъ есть живой организмъ, который тѣсно связанъ съ мыслью человѣческой, постоянно измѣняется и, разрушая прежнія формы, постоянно создаетъ новыя. Въ противоположность нѣкоторымъ ученымъ, дѣлившимъ исторію языка на періодъ созданія формъ и періодъ ихъ разрушенія, А. А. говорилъ, что созданіе и разрушеніе формъ одновременны. В. Гумбольдтъ, говорившій о періодѣ созиданія (когда языкъ былъ цѣлью) и періодѣ употребленія (когда языкъ сталъ средствомъ), однако самъ находилъ, что въ дѣйствительности тѣснаго разграниченія этихъ періодовъ не существуетъ, а „постоянная работа духа, состоящая въ употребленіи языка, оказываетъ непрерывное вліяніе на самое строеніе языка, на созданіе формъ„ („Введеніе", ст. 49—50). Языкъ, по мнѣнію Потебни, согласно съ этимъ ограниченіемъ Гумбольдта, употребляется и создается въ одно и то же время. Грамматическая форма не есть только звуковое выраженіе, а есть способъ выраженія вещественнаго содержанія, есть значеніе. Вслѣдствіе того, что различныя формы имѣютъ часто одно звуковое выраженіе, ихъ узнать можно только въ рѣчи, въ связи съ другими формами. Вообще всякое слово имѣетъ опредѣленное вещественное и формальное значеніе только въ рѣчи; вырванное изъ связи, оно не имѣетъ смысла. Нельзя на основаніи того, что новые языки имѣютъ меньше звуковыхъ выраженій для извѣстныхъ категорій, чѣмъ древніе, говорить о паденіи формъ. Чтобы узнать, уменьшается ли число формъ въ данномъ языкѣ, нужно сосчитать не число различныхъ звуковыхъ окончаній, а число формальныхъ значеній (стр. 55—56), что̀ обыкновенно не принимается во вниманіе. Противъ различенія формъ этимологическихъ и синтактическихъ (флексивныхъ и

описательныхъ) Потебня находилъ, что всякую форму можно разсматривать и съ этимологической и съ синтактической точки зрѣнія. По его мнѣнію, это не двѣ части грамматики, а только двѣ различныхъ точки зрѣнія на языкъ. Синтактическая точка зрѣнія—описательная, этимологическая—историческая. Какъ вещественное, такъ и формальное значеніе слова можетъ быть разсматриваемо и съ той и съ другой стороны. Синтаксисъ разсматриваетъ употребленіе словъ въ данный моментъ языка и опредѣляетъ значеніе словъ изъ сочетанія ихъ съ другими; этимологія изыскиваетъ путь, которымъ языкъ дошелъ до этого значенія (стр. 36—38 2-го изданія „Записокъ").

Въ оставшейся не напечатанной 3-ей ч. „Записокъ" А. А. затрогиваетъ такіе глубоко интересные вопросы философскаго языкознанія, какъ образованіе категорій существительныхъ и прилагательныхъ; старается опредѣлить, коково должно было быть первичное имя, и предполагаетъ, что первичное имя было всего ближе къ причастію, т. е. что въ немъ было заключено больше энергіи, чѣмъ въ нынѣшнемъ существительномъ, означающемъ дѣйствующее лицо. Восходя къ древности по памятникамъ древне-русскимъ и старо-славянскимъ, онъ старается указать, что разница между именемъ существит. и прилагательнымъ не была такъ рѣзка, какъ теперь, доказательствомъ чего служатъ такія имена, которыя могли употребляться и въ качествѣ существительныхъ и въ качествѣ прилагательныхъ (прокъ, инокъ и т. п.), а съ другой стороны присоединеніе члена къ именамъ существительнымъ, уподоблявшее ихъ членнымъ прилагательнымъ (дѣвая въ Минеяхъ и друг. памятникахъ); также старается доказать, что древнѣйшее значеніе существит. есть значеніе (имя) дѣйствующаго лица. Эта близость къ прилагательному видна изъ паратактической аттрибутивности существительнаго, массу примѣровъ которой привелъ А. А. изъ древне-русскихъ памятниковъ и народной поэзіи русской и славянской. Эта паратактичность существительнаго при своемъ опредѣляемомъ (церковь—Спасъ, церковь—Софія и т. п. вмѣсто нынѣшняго литерат. ц. Спаса и т. п.) восходитъ къ глубокой древности. Ссылаясь на Шерцля („Синтакс. др. индійск. языка"), А. А. приводилъ уже изъ языка Вѣдъ такіе примѣры, какъ „облакомъ—дождемъ" (т. е. или „облачнымъ дождемъ", или „дождевымъ облакомъ"), „ногами слонами" (т. е. „ногами слоновъ"); но, что особенно важно,—Indraya patave—„Индрѣ питью", т. е. для питья; здѣсь въ дательномъ аттрибутивномъ, согласованномъ съ дат. лица, отлагательное существ., и, зная, что славяно-литовское неопредѣленное

наклон. этимологически восходитъ въ дат. п. отглагольн. существ. (только въ иной звуковой формѣ, чѣмъ приведенная изъ Вѣдъ), мы можемъ себѣ уяснить характерный славяно-литовскій оборотъ дат. съ неопредѣленнымъ.

Скажу теперь немного о другихъ научныхъ трудахъ А. А. Потебни. Они касаются главнымъ образомъ изученія народной поэзіи и народныхъ обрядовъ со стороны ихъ символики и остатковъ языческихъ вѣрованій. А. А. не особенно сочувствовалъ господствующей теперь теоріи заимствованія, объясняющей многія народныя преданія и вѣрованія изъ книжныхъ источниковъ христіанскаго времени, и болѣе придерживался старой миѳологической теоріи, представители которой у насъ Аѳанасьевъ и Буслаевъ. Мнѣ пришлось слышать отъ А. А—ча три года назадъ слѣдующія слова: „Слишкомъ рано похоронили у насъ славянскую миѳологію: сравненіе греческихъ именъ съ санскритскими показываетъ, что уже до раздѣленія Грековъ и Индійцевъ была развитая религія; странно было бы, если бы Славяне ея не имѣли. Не гомериды создали греческую миѳологію; напротивъ, у нихъ видно уже скептическое и ироническое отношеніе къ богамъ. Умалчиваніе нашихъ лѣтописцевъ и другихъ или упоминаніе только вскользь о народныхъ вѣрованіяхъ объясняется презрительнымъ отношеніемъ монаховъ къ этимъ вѣрованіямъ. По отсутствію данныхъ нельзя дѣлать выводъ только отрицательный. Вѣдь, если бы не сохранилось „Слово о полку Игоревѣ“, пожалуй, кто нибудь сдѣлалъ бы выводъ, что у Славянъ не было народной поэзіи“. Съ этой точкой зрѣнія написаны нѣкоторыя сочиненія 60-хъ годовъ и особенно „О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій“. Первый печатный трудъ А. А—ча былъ посвященъ символикѣ народной поэзіи. Къ этимъ занятіямъ онъ вернулся опять въ концѣ 70-хъ годовъ въ сочин. „Малорусская пѣсня по списку XVI в.“ и „Слово о полку Игоревѣ“, а затѣмъ уже въ 80-хъ годахъ въ большомъ прекрасномъ трудѣ „Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень“; второй выпускъ заключаетъ разборъ поэтическихъ мотивовъ „колядокъ и щедровокъ“. Здѣсь описано много обрядовъ; объяснено символическое значеніе множества пѣсенъ, а иногда цѣлыя страницы этимологическихъ изысканій различныхъ обрядныхъ именъ. Въ I. 16—38 приводится критика того, что до сихъ поръ писалось о Лелѣ и Ладѣ, которыхъ считали многіе изслѣдователи божествами древнихъ Славянъ. А. А. указываетъ на то, что, „Лель, какъ имя божества, не фактъ, а очень шаткая догадка“. Приведя все, что извѣстно

о припѣвкѣ Ладо въ разныхъ пѣсняхъ великорусскихъ, малорусскихъ, сербскихъ и др., а также этимологію этого слова, А. А. въ концѣ говоритъ: „Для миѳологіи положительныхъ результатовъ здѣсь никакихъ". Во II-мъ вып. стр. 41 повторено объясненіе Авсеня, высказанное раньше уже въ сочин. „О миѳич. значен. нѣкот. обрядовъ и повѣрій" (мнѣ пришлось его слышать отъ А. А—ча также на словахъ). Находя въ памятникахъ XVII-го вѣка нѣсколько разъ ф. усень (коледу и усень), А. А. предполагалъ, что припѣвка овсень, авсень возникло изъ „ой усень", „о усень" (а—въ акающ. говорѣ); усень же возводится къ корню us—, что̀ въ лит. auszrà „утренняя заря", aĩszta „разсвѣтаетъ", лот. austra—, ст. глав. оу(с)тро, латин. urere aurora, греч. ἠώς, скрт. уш, ушас, ôшати, съ начинат. суф. уrrhamu; а съ этимъ us онъ считаетъ родствен. vas—, что въ лит. pavasaris iszausztа „весна (свѣтлая) разсвѣтаетъ". т. е. настаетъ, скр. васанта, слав. весьна, греч. ἔας, лат. ver. Суффиксъ въ усень тотъ же, что въ греб-ен-ь и т. п. На стр. 166—167 помѣщена замѣтка о корочунѣ.

Я бы желалъ еще обратить вниманіе на педагогическіе взгляды А. А—ча. Разъ, помню, въ 1887 г. на лекціи онъ сдѣлалъ отступленіе о преподаваніи русскаго яз. въ среднихъ школахъ, имѣя въ виду, что большинство его слушателей будутъ со временемъ преподавателями. По его мнѣнію, языку, а тѣмъ болѣе родному, слѣдуетъ учиться прямо изъ чтенія, не тратя много времени на зазубриваніе грамматическихъ правилъ. Въ дѣтскомъ возрастѣ, неспособномъ понимать отвлеченности грамматики, по его мнѣнію, особенно слѣдуетъ избѣгать подробностей грамматическаго изложенія; кромѣ того, дѣти должны учиться преимущественно въ классѣ, а не отдавать только отчетъ въ своихъ урокахъ, заученныхъ дома. Я помню, что, высказывая этотъ взглядъ, онъ ссылался на Я. Гримма. Въ своей автобіографіи, а также и на словахъ онъ говорилъ про себя, что только потому могъ заняться всю жизнь грамматикой, что никогда не зубрилъ грамматическихъ правилъ. Сбивчивость и неясность ходячихъ грамматическихъ опредѣленій въ нашихъ учебникахъ онъ показалъ во „Введеніи". Очень удобнымъ въ педагогическомъ отношеніи способомъ онъ считалъ наглядность и потому находилъ удобными опредѣленія индійскихъ грамматиковъ (баhувриhи собственно знач. „много рису", но служитъ для означенія извѣстной категоріи сложныхъ словъ, образованныхъ по тому же принципу).

А. А. былъ образцовый профессоръ. Лекціи его отличались живостью изложенія; часто онъ увлекался и оставался въ аудиторіи сверхъ назначеннаго времени. Но особенно интересны бывали его частныя бесѣды у себя на дому, въ кругу своихъ учениковъ. Онъ обладалъ большимъ запасомъ поэзіи и эту-то поэтическую искру онъ вносилъ и въ свои бесѣды, и въ свои лекціи, и даже въ научныя статьи, не въ ущербъ, однако ихъ серьезности. Эстетическое чутье у него было сильно развито, и онъ всегда умѣлъ по достоинству оцѣнить всякое произведеніе изящной литературы, за которой успѣвалъ слѣдить. Я не засталъ, но мнѣ передавали, что онъ неоднократно читалъ публичныя лекціи о произведеніяхъ новой литературы. Извѣстна статья его о Достоевскомъ; въ бумагахъ сохранились замѣтки о Л. Толстомъ. А. А. былъ превосходный чтецъ поэтическихъ произведеній. Обладая прекраснымъ практическимъ знаніемъ малорусскаго нарѣчія, онъ образцово читалъ лучшія творенія малорусской литературы; но восхищаясь наивной простотой языка старыхъ писателей 20-хъ и 30-хъ годовъ, Артемовскаго-Гулака и Квитки, онъ не особенно любилъ новыя малорусскія произведенія, написанныя б. ч. искусственнымъ и плохимъ языкомъ; изъ новыхъ онъ хвалилъ только Манжуру, мало извѣстнаго, но даровитаго поэта. Самъ А. А. тоже пробовалъ писать помалорусски: въ бумагахъ сохранился стихотворный переводъ Одиссеи на это нарѣчіе.

Какъ поэтъ и философъ, А. А. былъ большой любитель природы. Каждую весну онъ самъ занимался цвѣтами. Онъ интересовался ботаникой и читалъ Плинія; м. б., эту его склонность унаслѣдовалъ младшій сынъ, избравшій эту спеціальность въ университетѣ. Не лишнимъ считаю напомнить, что эта область естествознанія привлекла знаменитнаго лингвиста Шлейхера и патріарха славяновѣдѣнія Добровскаго.

Въ заключеніе скажу, что, лично знавъ покойнаго, я сохранилъ о немъ самое симпатичное воспоминаніе, какъ о человѣкѣ. Онъ отличался замѣчательной снисходительностью и доступностью къ молодымъ начинающимъ ревнителямъ науки. Никогда онъ не отказывалъ въ совѣтѣ, указаніи; умѣлъ ободрить слабыхъ духомъ и сомнѣвающихся въ своихъ силахъ; не отказывался просматривать даже не особенно тщательно обработанныя сочиненія. Первое время по пріѣздѣ въ Харьковъ меня заинтересовали лирники и кобзари; я записалъ нѣсколько уже извѣстныхъ духовныхъ стиховъ и скудные остатки малорусскихъ думъ; съ ними я приходилъ къ Ал. Аѳ—чу; и онъ всегда съ удовольствіемъ просматривалъ мои неумѣлыя записи. У А. А—ча не было ни тѣни

ученаго высокомѣрія; онъ терпѣливо выслушивалъ сомнѣнія и возраженія и охотно бесѣдовалъ съ людьми непосвященными въ науку; эти качества находятся въ тѣсной связи съ выше изложенными философскими воззрѣніями его. Въ связи съ этимъ онъ никогда не относился предубѣжденно къ сочиненію только потому, что оно вышло изъ-подъ пера извѣстнаго автора, получившаго репутацію „ненаучности“, и съ терпѣніемъ принимался за чтеніе всякаго сочиненія, предметъ котораго могъ его интересовать; самое слово „научность“ было ему противно.

Вотъ все, что я могъ сообщить объ этомъ выдающемся ученомъ и философѣ и замѣчательномъ человѣкѣ.

Изъ статьи В. И. Ломанскаго (въ I кн. журн. Мин. Нар. Просв. 1892 г.)

29-го ноября скончался въ Харьковѣ заслуженный ординарный профессоръ Александръ Аѳанасьевичъ Потебня. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ ученыхъ, для огромнаго большинства нашей публики онъ былъ однимъ изъ неизвѣстнѣйшихъ нашихъ писателей. Значительное большинство русскихъ литераторовъ, что ежедневно и ежемѣсячно, изъ года въ годъ будятъ, поучаютъ и подымаютъ нашъ читающій міръ, и разнаго рода покровители и любители бѣднаго русскаго просвѣщенія знавали профессора Потебню развѣ по имени: печатался въ двухъ, трехъ нечитаемыхъ журналахъ, состоялъ по вѣдомству народнаго просвѣщенія и въ извѣстные сроки получалъ соотвѣтственныя званію никогда не являвшагося въ Петербургъ провинціальнаго профессора и приличныя сему повышенія и награды, на лѣтнее время часто бывалъ увольняемъ въ отпуски за границу.

Тѣмъ не менѣе глубокомысленный, оригинальнѣйшій изслѣдователь русскаго языка, А. А. Потебня принадлежалъ къ весьма малочисленной, на перечетъ извѣстной, плеядѣ самыхъ крупныхъ, самобытныхъ дѣятелей русской мысли и науки. На его имя и труды будутъ у насъ со временемъ указывать, при часто предъявляемомъ Россіи вопросѣ— что внесено ею въ сокровищницу человѣческаго знанія? Мало, мало у насъ славныхъ именъ, мало совершено нами крупныхъ дѣлъ въ области мысли и знанія. Всего менѣе, какъ извѣстно, сдѣлано нами въ области наукъ историко-нравственныхъ, очень мало по филологіи и языкознанію.

Послѣ А. Х. Востокова ни одинъ быть можетъ изъ нашихъ филологовъ—тутъ есть нѣсколько весьма почтенныхъ именъ—не отличался такими, какъ профессоръ Потебня, способностями языковѣда, такимъ даромъ провидѣнія и проницательности въ тайны и тончайшія особенности и черты языковъ славянскихъ, не оставилъ по себѣ трудовъ съ такимъ высоковажнымъ значеніемъ для славянской филологіи, для сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ.

Какъ къ концу дѣятельности великаго основателя славяновѣдѣнія аббата Добровскаго, Россія дала Востокова, разомъ далеко двинувшаго впередъ новую отрасль знанія, а въ пору зрѣлости и наибольшей славы другаго крупнаго слависта на западѣ, Шафарика, Россія трудами и дѣятельностью Прейса, Бодянскаго, Григоровича, Срезневскаго, Ундольскаго, Горскаго, Буслаева, Лавровскаго, Гильфердинга, Тихонравова, Пыпина, далеко распространила и въ ширь и въ глубь изученіе разныхъ частей славяновѣдѣнія, такъ точно ко второй половинѣ самой плодотворной и энергической дѣятельности третьяго большаго слависта на западѣ—покойнаго профессора Миклошича, Россія въ послѣднія два десятилѣтія блестяще была представлена профессоромъ Потебней. Его изслѣдованія по славянской фонологіи, этимологіи и синтаксису, по народной поэзіи и миѳологіи, отмѣчены такимъ сильнымъ даромъ проницательности, такимъ глубокимъ знаніемъ и пониманіемъ разнообразныхъ повременныхъ и мѣстныхъ явленій, самыхъ иногда тонкихъ отличій и свойствъ языковъ славянскихъ, литовскаго, лотышскаго, что во многихъ отношеніяхъ эти труды покойнаго харьковскаго профессора значительно превышаютъ и далеко оставляютъ за собою наилучшія, однородныя изысканія профессора Миклошича. Изслѣдованія профессора Потебни уже начали оказывать вліяніе на новѣйшіе труды молодыхъ славистовъ на западѣ, но можно въ увѣренностью предвидѣть гораздо большее ихъ вліяніе въ будущемъ.

Правда, профессоръ Потебня писалъ не популярно, не для публики. Выражаясь всегда очень сжато, пиша исключительно для ученыхъ, посвящая свое богатое дарованье и свои лучшіе, не щедро отмѣряемые судьбой, годы, русскимъ ученымъ, не на распространеніе знаній, а на движенье науки впередъ, на освѣщеніе темныхъ и на проложеніе новыхъ путей знанія, профессоръ Потебня имѣлъ всегда въ запасѣ такъ много новыхъ наблюденій и соображеній, располагалъ такою массою собранныхъ имъ данныхъ, и при томъ въ области весьма обширной, что ему некогда было заботиться объ изложеніи болѣе популярномъ.

Къ великому моему сожалѣнію я никогда не находился въ постоянныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ покойнымъ А. А. Потебней. Только разъ въ жизни случилось мнѣ встрѣтиться съ нимъ въ Вѣнѣ въ 1862 г. и провести съ нимъ въ самой оживленной бесѣдѣ нѣсколько пріятнѣйшихъ часовъ въ теченіе одного, двухъ или трехъ дней, теперь рѣшительно не помню. Его красивое, выразительное лицо, его живая,

блиставшая оригинальнымъ умомъ и богатствомъ продуманныхъ, изъ первыхъ рукъ добытыхъ, свѣдѣній, его любовь и художественная чуткость къ народной поэзіи, его рѣдкое, особенно въ тогдашней молодежи, уваженіе къ свободѣ и разуму народной жизни и мысли, его убѣжденіе въ народности науки въ каждой странѣ, произвели на меня неизгладимое впечатлѣніе и внушили мнѣ глубокое къ нему сочувствіе. О встрѣчѣ нашей я ничего не записалъ, подробности нашихъ разговоровъ мною заботы, помню впрочемъ, что кромѣ языка и народной поэзіи шла рѣчь и о русской литературѣ и о разныхъ нашихъ и славянскихъ дѣлахъ. Помню также, что съ глубокою грустью вспомнилъ онъ о своемъ безвременно погибшемъ младшемъ братѣ, жертвѣ юношескихъ увлеченій, передалъ нѣсколько подробностей о лично ему знакомой и высоко имъ цѣнимой писательницѣ нашей—Кохановской. Во второй и въ послѣдній разъ мнѣ пришлось заочно сойтись съ покойнымъ Александромъ Аѳанасьевичемъ въ началѣ нынѣшняго года. По предложенію Отдѣленія Этнографіи, Совѣтъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества присудилъ проф. Потебнѣ свою высшую награду—Константиновскую медаль. Какъ предсѣдательствующій въ этомъ Отдѣленіи, я извѣстилъ и поздравилъ Александра Аѳанасьевича, и мы тогда обмѣнялись нѣсколькими письмами. Онъ прислалъ мнѣ, по моей просьбѣ, свою фотографію. Сличивъ ее съ его фотографическою карточкою, данною имъ мнѣ въ 1862 г., я разумѣется, нашелъ его сильно состарѣвшимся; но лица, видѣвшія его прошлую зиму, говорили мнѣ, что онъ исхудалъ, ослабѣлъ и постарѣлъ такъ, что эта фотографія уже не представляетъ настоящаго Александра Аѳанасьевича. Проф. М. С. Дриновъ и самъ Александръ Аѳанасьевичъ писали мнѣ еще зимой, что здоровье его очень плохо и силы слабѣютъ. Въ послѣднемъ своемъ письмѣ отъ 25-го апрѣля онъ въ заключенье прибавилъ: «За вопросъ о здоровьѣ—благодарю. Все плохо. По утрамъ кое-что ковыряю, какъ старуха чулокъ вяжетъ, при полномъ отсутствіи интереса, спуская петли и роняя спицы. 3-ю ч. Записокъ (по Русской грамматикѣ) нужно еще разъ переписать непремѣнно самому; но она мнѣ уже надоѣла и я не знаю, когда я это сдѣлаю».

Подъ конецъ своей жизни замѣчательнѣйшій русскій филологъ, глубокомысленный изслѣдователь русскаго языка и его историческаго развитія, А. А. Потебня печально глядѣлъ на постановку филологическаго образованія въ русской средней и высшей школѣ. Въ письмѣ

ко мнѣ, отъ 7-го февраля 1891 г., Александръ Аѳанасьевичъ писалъ между прочимъ: «Я немногимъ Васъ моложе: въ этомъ году мнѣ будетъ 56. У меня два сына, къ счастью оба уже въ университетѣ, старшій на математическомъ, младшій на естественномъ. Случилось такъ, что 17 января, когда я получилъ отъ Васъ телеграмму, старшій получилъ (золотую) медаль за сочин(еніе) по механикѣ. На выборъ факультетовъ я не вліялъ, между прочимъ, и потому, что къ своему пристрастія не чувствую. Печальная судьба филологическихъ знаній въ Россіи. Порою кажется, что мы идемъ не впередъ, а назадъ. У насъ въ этомъ году на 1005—32 филолога, въ томъ числѣ по славянор(усскому) отд(ѣленію) м(ожетъ) быть) человѣкъ 5—6, да и то не по призванію, а ради хлѣба. Теперъ у меня (на дому) 3 слушателя, въ томъ числѣ одинъ изъ вашихъ кандидатовъ, Лапуновъ, который здѣсь держитъ на магистра славянской филологіи. Изъ него будетъ прокъ».

Въ заключеніе нашей памятной замѣтки о дорогомъ покойникѣ позволяю себѣ повторить мой отзывъ о трудахъ Потебни, представленный медальною коммисcіею отдѣленія этнографіи совѣту Императорскаго Русскаго Географическаго Общества о присужденіи проф. Потебнѣ Константиновской медали.

«Перебирая рядъ замѣчательныхъ сочиненій по лингвистикѣ, филологіи и народовѣдѣнію, вышедшихъ у насъ за послѣдніе три года, коммиссія остановилась на трехъ новѣйшихъ трудахъ нашего глубоко-ученаго и высокоталантливаго языковѣда, уже тридцать лѣтъ энергически работающаго на пользу и славу отечественной науки въ области тѣхъ изслѣдованій, которыя, по § 1 Положенія, подлежатъ присужденію Константиновской медали со стороны Отдѣленія Этнографіи: «этнографическія и лингвистическія изслѣдованія, относящіяся до народовъ, обитающихъ въ Россіи, или соплеменныхъ съ ними, если они привели къ какимъ-либо новымъ и важнымъ результатамъ».

Разумѣемъ три новыхъ труда проф. А. А. Потебни: 1) Изъ записокъ по Русской грамматикѣ. I Введеніе. II. Составные члены предложенія и ихъ замѣны. 2-е изданіе Харьковъ. 1889. 535+IV стр. въ 8-ку. 2) Значеніе множественнаго числа въ русскомъ языкѣ. Воронежъ. 1888. 76 стр. Въ 8-ку. 3) Объясненія малорусскихъ и сродныхъ пѣсенъ. Веснянки. Колядки. Щедровки. 2 тома. Варшава. 1883 и 1887. 268 +801 стр. въ 8-ку.

При оцѣнкѣ этихъ трудовъ проф. Потебни, мы обратимъ вниманіе, согласно § II-му Положенія о присужденіи Константиновской медали, и на прежнія произведенія автора.

Постоянными предметами 30-ти лѣтнихъ занятій и изслѣдованій проф. Потебни были: Русскій языкъ въ его повременномъ развитіи и въ его географическомъ разнообразіи, въ связи и въ сравненіи съ родственными языками, то-есть, исторія русскаго языка и русская діалектологія, сравнительно съ исторіею и діалектологіею сродныхъ языковъ, преимущественно славянскихъ и литовско-лотышскаго, или иначе историко-сравнительное изученіе русскаго языка въ отношеніяхъ фонетическомъ, морфологическомъ, синтактическомъ и словарномъ, и такое же историко-сравнительное изученіе народной поэзіи, со стороны ея формы и содержанія, возстановленіе пріемами историко-сравнительнаго метода по остаткамъ обрядовъ, повѣрій, преданій, по разнымъ поэтическимъ образамъ и мотивамъ цѣлыхъ отдѣловъ народныхъ пѣсенъ, религіозно-поэтическаго міросозерцанія древнихъ славянъ и сродныхъ имъ народовъ.

Высокое образованіе проф. Потебни, вполнѣ знакомаго съ историческимъ ходомъ и современнымъ состояніемъ сравнительнаго языкознанія, изученія народной поэзіи и сравнительной миѳологіи, близкое знакомство съ санскритомъ и зендомъ, съ двумя классическими языками, съ историко-сравнительною грамматикою языковъ германскихъ и романскихъ, глубокое на первоисточникахъ основанное знаніе не только русскаго языка, древняго, стараго и новаго, въ его нарѣчіяхъ и говорахъ, но и всѣхъ языковъ славянскихъ, равно какъ литовскаго и лотышскаго, —всѣ эти особенности составляютъ рѣдкія и цѣнныя достоинства даже между лучшими учеными, славянскими и европейскими, особенно если онѣ соединены съ такимъ же глубокимъ знаніемъ народной поэзіи русскаго и всѣхъ славянскихъ племенъ, а также и наиболѣе съ нимъ сроднаго, литовско-латышскаго. Но какъ ни цѣнны и ни почтенны эти качества, они не дадутъ еще полнаго понятія о значеніи его трудовъ для отечественной образованности и для извѣстнаго круга наукъ: сравнительнаго языкознанія, русской и славянской филологіи русскаго народовѣдѣнія, сравнительной исторіи литературъ, народной психологіи, сравнительной миѳологіи. Глубокій и образованный ученый, отличный наблюдатель, строгій изслѣдователь, проф. Потебня не живетъ процентами съ чужого капитала, не производитъ своихъ наблюденій и изслѣдованій лишь въ подтвержденіе, или на основаніи

лишь посторонних соображеній и указаній, чужих, часто лишь занятых, а не усвоенных и не продуманных идей. Проф. Потебня мыслит самостоятельно. В избранной им области мысли, в развитіи и сцѣпленіи понятій он вращается так же свободно, он всегда так же дома, как в наблюденіях и изслѣдованіях звуков, корней, реченій, народных поэтических образов и мотивов. Отличаясь замѣчательною силою анализа, он, как и истинные художники слова, вмѣстѣ с тѣм, хранит в себѣ не порванными нити бозсознательнаго поэтическаго преданія и творчества языка, и как всѣ высоких дарованій ученые, обладает своего рода творчеством. Его воззрѣнія и мысли по занимающим его вопросам всегда отличаются свѣжестью и оригинальностю, а воспринятыя им идеи и мысли других дѣятелей всегда им усвоены, выношены и переработаны в его сознаніи. Оттого онѣ и являются у него с извѣстными ограниченіями или дополненіями, значительно измѣненныя или развитыя далѣе. В своих изслѣдованіях проф. Потебня, касаясь старых не рѣшенных вопросов, всегда подходит к ним с новых точек зрѣнія и открывает новыя стороны дѣла; но, требуя постоянно возможно большей «внутренней принудительности доказательств, он не позволяет себѣ забыть «чего нельзя и что возможно» для окончательнаго заключенія при наличном запасѣ данных и наблюденій.

В своих Записках по грамматикѣ, как во второй, так особенно в первой общей части проф. Потебня нерѣдко пополняет, ограничивает, исправляет положенія и мысли о тѣх или других вопросах по ученію об языкѣ, высказанныя в разное время В. Гумбольдтом, Боппом, Поттом, Я. Гриммом, Гейзе, Штейнталем, Курціусом. Шлейхером и друг., и остроумно обличает внутреннюю несостоятельность разных непродуманных формул и положеній, встрѣчаемых у нѣкоторых иначе заслуженных ученых, богатых эрудиціею, но болѣе или менѣе слабых по части идей и самостоятельности мысли. Между тѣм такого рода непродуманныя формулы и положенія, в видѣ общих мыслей и опредѣленій, попадаются всего чаще в текущей учебной литературѣ, всего легче проникая в обиходные курсы и учебники. Проф. Потебня нерѣдко останавливается, особенно во второй части своих Записок, на обличеніи несостоятельности таких положеній и опредѣленій не ради охоты к обличенію, а потому, что онѣ мѣшают вѣрному пониманію многих важных явленій в исторіи языка и потому, что обличая

односторонность того или другаго взгляда или мнѣнія, онъ лучше успѣваетъ раскрыть правильность и вѣрность выставляемаго имъ воззрѣнія или положенія.

Обширная и глубокая эрудиція, масса фактовъ, извлеченныхъ изъ памятниковъ древней и старинной русской письменности, памятниковъ народной словесности русской и всѣхъ славянскихъ, а также литовско-лотышской, самостоятельность и оригинальность основныхъ мыслей и замѣчательный даръ проникновенія въ тончайшіе оттѣнки строя русскаго языка сразу завоевали труду проф. Потебни «Изъ записокъ по русской грамматикѣ», еще въ первомъ его изданіи 1874—1877 г., высокое мѣсто въ наукѣ, и русская и иностранная критика не могла тотчасъ же не признать его высокаго значенія, его выдающихся достоинствъ.

Наша Академія Наукъ, по почину Срезневскаго, поспѣшила присудить его автору полную Ломоносовскую премію. Въ своемъ отзывѣ относительно первой части труда профессора Потебни, Срезневскій, между прочимъ, выразился: «Такого цѣльнаго филологическаго разбора строя языка у насъ еще не было. Не было его даже, какъ выборки изъ разныхъ книгъ, дающей отвѣты на предвзятые вопросы; въ трудѣ же проф. Потебни имѣемъ не выборку изъ разныхъ книгъ, а переработку изслѣдованій и соображеній относительно строя языка, его образованія и преобразованія». О второй же части Срезневскій замѣтилъ: между прочимъ, «Стройное богатство подобранныхъ данныхъ, ихъ объясненій и сближеній, приводящихъ къ характеристикѣ древняго и новаго русскаго языка, и положительность выводовъ о ходѣ его измѣненій даютъ труду г. Потебни важное значеніе въ ряду другихъ новыхъ трудовъ по русскому языку. Не онъ началъ то, за что взялся: но онъ продолжалъ начатое другими съ такимъ успѣхомъ, что если теперь кто нибудь займется изученіемъ русскаго языка съ исторической точки зрѣнія, при помощи трудовъ, изданныхъ до Записокъ г. Потебни, и не возьметъ въ помощь себѣ этихъ Записокъ, то онъ во многихъ случаяхъ останется въ темнотѣ съ вопросами безъ отвѣтовъ или съ неясными отвѣтами безъ доказательствъ».

Вслѣдъ за отзывомъ Срезневскаго поспѣшилъ и проф. Ягичъ въ своемъ Arch. f. slaw. Phil. высказать свое мнѣніе о трудѣ проф. Потебни. Отмѣтивъ его крупныя достоинства, онъ прибавилъ, что онѣ «даютъ этому труду почетное мѣсто въ небольшомъ и безъ того ряду изслѣдованій въ области историко-сравнительнаго синтаксиса.

Ученикъ проф. Миклошича, г. Ягичъ высказалъ прямо, что «въ славянской грамматической литературѣ трудъ г. Потебни стоитъ рядомъ съ синтаксисомъ Миклошича». Дабы понять настоящее значеніе этихъ словъ, прибавимъ, что по выходѣ синтаксиса Миклошича, Ягичъ въ томъ же Archiv'ѣ высказалъ свое удивленіе „къ этому по его словамъ величественному Thesaurus syntacticus", къ этому обширному труду въ 896 стнаницъ съ небывалымъ дотолѣ богатствомъ примѣровъ изъ древнихъ, старыхъ и новыхъ славянскихъ языковъ (Arch. f, sl. Phil. 1876. B. I.).

Впрочемъ, проф. Ягичъ прибавилъ, что «ближайшее сравненіе этихъ двухъ трудовъ едва ли теперь желательно, такъ какъ изслѣдованія Потебни еще не доведены до конца» (Arch. f. slaw. Phil. 1876 B. II. H. I. S. 166).

Ставя два труда рядомъ, мы извѣстнымъ образомъ уже сравниваемъ ихъ и даже сравнили. Различіе труда проф. Потебни отъ этого труда Миклошича состоитъ не въ томъ только, что онъ не оконченъ, то-есть, что въ немъ, по мысли автора, не всѣ части синтаксиса обслѣдованы, а трудъ Миклошича, по мысли его автора, довершенъ. Если присоединить къ этимъ двумъ частямъ записокъ проф. Потебни по русской грамматикѣ недавно вышедшее новое его превосходное синтактическое изслѣдованіе «Значеніе множественнаго числа въ русскомъ языкѣ» 1889. 76 стр., то мы увидимъ, что по внѣшнему своему виду (547+76=623 стр.) трудъ Потебни составляетъ добрыя двѣ трети труда Миклошича. Такимъ образомъ, хотя трудъ г. Потебни и не оконченъ, но въ немъ синтактическія явленія русскаго языка во всемъ его объемѣ очевидно разсмотрѣны гораздо подробнѣе, чѣмъ это могъ сдѣлать Миклошичъ въ своемъ оконченномъ трудѣ, посвященномъ синтаксису десяти славянскихъ языковъ съ общелитературнымъ русскимъ и малорусскимъ включительно. Вполнѣ признавая крупныя достоинства синтаксиса Миклошича, впервые давшаго заразъ такой обильный запасъ примѣровъ и данныхъ по синтаксису десяти славянскихъ языковъ, не можемъ не обратить вниманія на особенность системы или внѣшняго распорядка всѣхъ этихъ примѣровъ. Сантаксисъ Миклощича раздѣленъ на двѣ части. Первая подъ заглавіемъ: о значеніи частей рѣчи, вторая о значеніи формъ. Первая часть раздѣлена на семь главъ съ своими подраздѣленіями, а вторая только на двѣ главы съ болѣе многочисленными отдѣлами. Такимъ образомъ видно, какъ были извлечены изъ памятниковъ различные примѣры, и какъ

потомъ они были разложены по рубрикамъ: существительное, прилагательное, родъ, число, числительное имя, мѣстоименіе съ его обычными дѣленіями, нарѣчіе, союзъ, глаголъ съ его отдѣлами. Во второй части идутъ падежи и формы спряженія. Передъ каждой рубрикой есть нѣсколько болѣе или менѣе краткихъ предварительныхъ замѣчаній и затѣмъ идутъ примѣры на данную часть рѣчи или форму въ началѣ изъ ц.-слав., а потомъ изъ другихъ славянскихъ языковъ.

Возможна и такая точка зрѣнія, по которой сантаксисъ Миклошича, не смотря на свое богатство примѣровъ, окажется далеко не конченнымъ и не полнымъ. Нѣкоторые отдѣлы, напримѣръ, о числѣ именъ, окажутся очень краткими (37—51), не будетъ не замѣчено, что между всѣми этими рубриками только разъ попадается слово «предложеніе», именно за именительнымъ падежомъ идетъ небольшой отдѣлъ: subjectlose Sätze (346—369). Во избѣженіе путаницы («лабиринта») Миклошичъ, по собственнымъ его словамъ, предпочелъ размѣстить свои замѣчанія о разныхъ предложеніяхъ по рубрикамъ мѣстоименія, союза и пр. При такой системѣ или расположеніи сыраго матеріала очень трудно было автору раскрыть, а читателю видѣть отличительныя особенности и разнообразные оттѣнки синтаксиса отдѣльныхъ славянскихъ языковъ и почти нельзя прослѣдить историческое развитіе ихъ внутренняго строя. Въ трудѣ же проф. Потебни, благодаря его системѣ, мы имѣемъ передъ собою стройное изложеніе историческаго развитія внутренняго склада русскаго языка, при чемъ строго отличены и отмѣчены различные оттѣнки повременныхъ измѣненій въ строѣ русской рѣчи съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго. Тутъ привлекаются къ сравненію сходныя или различныя явленія историческаго развитія строя другихъ языковъ славянскихъ, а также литовскаго и лотышскаго, а иногда, по мѣрѣ надобности, и другихъ арійскихъ. Въ общемъ введеніи, то есть въ первой части и въ частныхъ главахъ второй части мы постоянно встрѣчаемся съ глубокими мыслями, тонкими наблюденіями и остроумными соображеніями, въ коихъ ярко выступаетъ высокое дарованіе нашего языковѣда. Въ своемъ отзывѣ о трудѣ проф. Потебни Срезневскій не счелъ возможнымъ умолчать о синтаксисѣ проф. Буслаева, въ его исторической грамматикѣ. Дѣйствительно, синтаксисъ составляетъ лучшую часть грамматики Буслаева. Онъ почти на 20-ть лѣтъ предварилъ синтаксисъ проф. Потебни. За Буслаевымъ навсегда останется великая заслуга, что онъ еще въ 1844 г. въ книгѣ «О преподаваніи отечественнаго языка» первый у насъ высказалъ въ своихъ синтакти-

ческихъ замѣткахъ (II ч.), что «научное преподаваніе отечественнаго синтаксиса можетъ быть только сравнительное и историческое», и тутъ же представилъ нѣсколько поясненій и примѣровъ изъ древняго, стариннаго и современнаго народнаго и литературнаго языка (стр. 141—163 и нѣсколько далѣе). Въ синтактическомъ отдѣлѣ грамматики Буслаева, наука получила въ первый разъ богатство примѣровъ изъ древней, старинной и современной народной рѣчи, вмѣстѣ съ примѣрами изъ Карамзина, Крылова, Пушкина, Грибоѣдова и пр. При этомъ Буслаевымъ было высказано не мало частныхъ дѣльныхъ замѣчаній, но справедливость не позволяетъ умолчать, что система Буслаева, вообще вся теорическая сторона его синтаксиса, по большой части, не самостоятельна и довольно слаба. Послѣ труда проф. Потебни еще въ первомъ изданіи (1874 г.) синтаксисъ Буслаева является уже въ значительной степени трудомъ отсталымъ и устарѣлымъ, нельзя по истинѣ не пожалѣть, что педагоги наши доселѣ почти исключительно пробавляются книгою Буслаева и очень мало (не говоримъ объ исключеніяхъ и о непосредственныхъ ученикахъ проф. Потебни) усвоили себѣ глубокіе взгляды и богатыя новыми плодотворными выводами наблюденія Потебни. Разумно усвоенныя почтенною средою нашихъ педагоговъ, они должны повести не только къ лучшей постановкѣ преподаванія отечественнаго языка въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но и къ перемѣнамъ въ методѣ и пріемахъ преподаванія древнихъ и новыхъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ. Укажу еще на другую, тоже не маловажную, практическую сторону синтактическихъ и вообще филологическихъ трудовъ проф. Потебни. Изученіе ихъ приводитъ всякаго читателя къ убѣжденію въ пользѣ и важности извѣстной литературной обработки малорусскаго нарѣчія, даже для изученія нашего литературнаго языка. Ознакомившись съ изслѣдованіями Потебни, каждый образованный великоруссъ пойметъ, сколько свѣта проливаетъ знакомство съ малорусскимъ языкомъ на историческое развитіе нашего общелитературнаго языка, который мы, великоруссы, не безъ извѣстнаго преувеличенія, любимъ считать исключительно своимъ. Внимательный читатель замѣтитъ, сколько даетъ поученій и поясненій знаніе живой малорусской рѣчи для разумнаго пониманія даже живой рѣчи великорусской и ея говоровъ. Всѣ же говоры великорусскіе, бѣлорусскіе и малорусскіе, какъ живые ключи, направленные исторіею въ водоемъ общерусской рѣчи, несутъ въ нее свои мѣстные дары, питаютъ и богатятъ ее и какъ предметъ нашего

изученія и какъ литературный нашъ языкъ, то есть, какъ орудіе нашей образованности, какъ общее знамя нашего національнаго единства.

Научное значеніе синтактическаго труда проф. Потебни выяснится еще лучше, если, припомнивъ его отношеніе къ однороднымъ трудомъ Буслаева и Миклошича, мы прибавимъ, что по оригинальности воззрѣній, по глубинѣ анализа, по широтѣ и силѣ учености, трудъ А. А. Потебни далеко оставляетъ за собою весьма почтенные труды Даничича, Вальявца, Гатталы, Зигмунда Малецкаго и др. по синтаксису отдѣльныхъ западныхъ славянскихъ языковъ, южныхъ и сѣверныхъ. Можно сказать, что Записки по русской грамматикѣ проф. Потебни занимаютъ въ настоящее время такое же мѣсто въ славянской филологіи по отдѣлу синтаксиса, какое въ свое время занимали въ ней историко-фонетическія и морфологическія изслѣдованія Добровскаго о чешскомъ языкѣ (введеніе въ исторію чешской литературы и чешская грамматика), послужившія впослѣдствіи образцомъ для грамматическихъ трудовъ по другимъ славянскимъ языкамъ.

Много важнаго для славянской филологіи и для сравнительнаго языкознанія вообще представляютъ и другіе филологическіе труды проф. Потебни. Такъ, его изслѣдованія подъ скромными заглавіями «О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій», «Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи» и замѣчательный разборъ сочиненія Житецкаго, «Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія» (Спб. 1871) внесли въ науку рядъ важныхъ филологическихъ наблюденій историко-географическаго характера и понынѣ составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ трудовъ по русской діалектологіи.

Въ четырехъ выпускахъ изслѣдованій «Къ исторіи звуковъ русскаго языка». Воронежъ 1876. Варшава 1880, 1881, 1883, содержится нѣсколько высоко замѣчательныхъ изслѣдованій о нѣкоторыхъ важнѣйшихъ явленіяхъ русской общеславянской филологіи: о носовыхъ звукахъ въ древнемъ славянскомъ языкѣ, о первомъ полногласіи русскаго языка, о такъ названномъ Потебнею второмъ полногласіи—это явленіе впервые имъ отмѣчено, и терминъ, имъ данный, вошелъ уже въ науку,—о начальныхъ сочетаніяхъ: лы, ры, лу, ру=основнымъ+ал+ар—рядъ примѣровъ или словъ съ начальными лы, ры, лу, ру, приводимыя въ ограниченіе выставленнаго Миклошичемъ положенія, что начальное+ар+ал всегда=слав. ра, ро, ла, ло (рав.роз, ладья, лодья), о нѣкоторыхъ случаяхъ вліянія нёбности на согласные звуки,

наконецъ, довольно большое изслѣдованіе «Этимологическія различенія коренныхъ гласныхъ въ глаголахъ». Во всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ перебираются и разсматриваются, часто съ совершенно новой точки зрѣнія, весьма тонкіе и трудно поддающіеся окончательному разрѣшенію вопросы первостепенной важности для классификаціи славянскихъ нарѣчій и для уясненія ихъ постепеннаго выдѣленія изъ общаго славянскаго пра-языка, для славянской и вообще сравнительной грамматики арійскихъ языковъ, наконецъ, для такого же этимологическаго словаря. Многія изъ высказанныхъ здѣсь проф. Потебнею соображеній достигаютъ полной доказательности, а нѣкоторыя наблюденія, еще такъ сказать не завершенныя, важны тѣмъ, что раскрываютъ новые пути къ дальнѣйшимъ розысканіямъ. Всѣ эти лингвистическія изслѣдованія проф. Потебни имѣютъ важное значеніе не для одной славистики и выдаютъ въ авторѣ такого же первостепеннаго мастера, какимъ онъ оказалъ себя въ своихъ Запискахъ по русской грамматикѣ.

Отчасти въ указанныхъ же статьяхъ и особенно въ другихъ главахъ изслѣдованія «Къ исторіи звуковъ русскаго языка», подъ заглавіемъ «этимологическія замѣтки», заключаются важныя и часто весьма удачныя разъясненія происхожденія длиннаго ряда словъ велико- и малорусскихъ, польскихъ, прочихъ славянскихъ и литовско-лотышскихъ, объяснены разныя иностранныя слова, вошедшія въ малорусскій языкъ изъ нѣмецкаго, валашскаго и проч. Наконецъ, тутъ же мы встрѣчаемъ многосодержательную статью (48 стр.) подъ заглавіемъ село, деревня и проч.,—это цѣлая прекрасная глава изъ исторіи русскаго языка и быта.

Какъ во многихъ мѣстахъ синтаксиса, такъ и въ этихъ послѣднихъ трудахъ проф. Потебни, при объясненіяхъ отдѣльныхъ народныхъ реченій и оборотовъ малорусскихъ, великорусскихъ, прочихъ славянскихъ и литовско-лотышскихъ, сильно даетъ себя чувствовать еще другая сторона громадныхъ знаній и высокаго дарованія нашего автора. Разумѣемъ его глубокое изученіе народной поэзіи славянской и литовско-лотышской и его необычную зрячесть и чуткость ко всѣмъ ея особенностямъ, оттѣнкамъ и переливамъ. Эти качества автора стали раскрываться еще въ первыхъ его работахъ, посвященныхъ вопросамъ по народной поэзіи, миѳологіи. Таковы его разсужденія: «О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи». Харьковъ. 1860, «О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій». Москва. 1865, «О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ». Москва. 1865.

Эти стороны познаній и дарованій прф. Потебни нашли себѣ блестящее выраженіе въ двухъ его небольшихъ, но важныхъ трудахъ: Малороссійская народная пѣсня по списку XVI вѣка. Воронежъ. 1873, и Слово о Полку Игоревѣ. Воронежъ. 1878, 150 стр. Уже въ первомъ изъ этихъ трудовъ проф. Потебня касался нѣкоторыхъ мѣстъ Слова. Во второмъ онъ представилъ его текстъ «по мѣрѣ разумѣнія» или приготовилъ новое изданіе этого драгоцѣннаго памятника нашей древней словесности. Болѣе крупныя поправки онъ обозначилъ косымъ шрифтомъ, а въ скобкахъ поставилъ чтеніе изданія 1800 г. Текстъ раздѣленъ на небольшія главы; за каждою изъ нихъ слѣдуетъ комментарій. Въ обширной литературѣ о нашемъ драгоцѣнномъ памятникѣ,— отъ начала столѣтія до настоящаго года, она составляетъ цѣлую библіотеку,—нѣтъ сомнѣнія, толкованія и объясненія проф. Потебни занимаютъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ и принадлежатъ къ наилучшимъ и наизамѣчательнѣйшимъ разъясненіямъ этого перла нашей словесности. Здѣсь ярко выступаетъ даровитость проф. Потебни, его удивительная памятливость, что касается народной поэзіи русской и всѣхъ другихъ славянскихъ народовъ, его рѣдкая сила анализа рядомъ со свойственною обыкновенно развѣ великимъ художникамъ, и весьма рѣдкою у ученыхъ, живостью и цѣльностью разумѣнія поэтическихъ сокровищъ народнаго духа. Здѣсь находится не мало очень дѣльныхъ и мѣткихъ замѣчаній на разныя прежнія объясненія Слова, напримѣръ, Буслаева, Тихонравова, Вс. Миллера, Веселовскаго, Огоновскаго и другихъ болѣе раннихъ толкователей, а также и на переводы Вельтмана, Малашева, А. Майкова....

Въ написанномъ для Академіи Наукъ, замѣчательномъ разборѣ сборника Головацкаго (Пѣсни Галицкой и Угорской Руси) проф. Потебня высказалъ нѣсколько важныхъ соображеній о пѣсенномъ напѣвѣ и размѣрѣ, какъ главномъ руководящемъ началѣ для классификаціи народныхъ пѣсенъ, о необходимыхъ пріемахъ и наилучшемъ, по его мнѣнію, методѣ изученія народной поэзіи.

Эти важныя мысли полнѣе имъ были развиты и примѣнены въ новомъ обширномъ трудѣ въ двухъ частяхъ, подъ заглавіемъ: «Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ. I ч. Варшава. 1883. 268+VIII+III стр. въ 8-ку и II ч. Обзоръ поэтическихъ мотивовъ, колядокъ и щедровокъ». Варшава. 1887. 801 стр. въ 8-ку.

Въ первой части заслуживаютъ особаго вниманія статьи: «Лелю-полелю, диди-ладо»—гдѣ показано, что ни въ Лелѣ-полелѣ, ни въ

Диди-ладо, нельзя находить ничего миѳическаго, замѣчательное разъясненіе образовъ веснянокъ (верба надъ водою и ремезъ). Что касается второй части, то она не ограничивается замѣтками и наблюденіями относительно лишь однѣхъ колядокъ и щедровокъ, а представляетъ много цѣнныхъ сличеній и соображеній о пѣсняхъ свадебныхъ, весеннихъ и лѣтнихъ, царинныхъ, лазарскихъ, кралицкихъ, купальскихъ, зажиночныхъ и дожиночныхъ, подблюдныхъ, наконецъ, разныхъ великорусскихъ былинъ, сербскихъ и болгарскихъ юнацкихъ пѣсенъ.

Вообще этотъ обширный и капитальный трудъ въ тысячу слишкомъ страницъ заключаетъ въ себѣ обильный запасъ новыхъ наблюденій и важныхъ соображеній, и потому надолго останется необходимою настольною книгою для всѣхъ занимающихся изученіемъ народной поэзіи, ея формъ и содержанія, религіозныхъ и бытовыхъ древностей, этнографіею русскою, общеславянскою и литовско-латышскою.

Въ 1890 г. исполнилось 30 лѣтъ учено-литературной дѣятельности А. А. Потебни. Присуждая ему высшую награду за новѣйшія его изслѣдованія, Императорское Русское Географическое Общество достойно почтило многолѣтніе труды и крупныя заслуги наукѣ этого глубоко-свѣдущаго и высоко-даровитаго изслѣдователя, одного изъ первоклассныхъ ученыхъ нашего отечества.

Харьковъ, вообще Украина наша всегда можетъ указывать съ гордостью на Потебню, какъ на одинъ изъ своихъ драгоцѣнныхъ даровъ нашей общей русской образованности. Миръ его праху и глубокая признательная память потомства за его прекрасные труды, одинъ изъ лучшихъ подвиговъ русской мысли въ области человѣческаго знанія.

Изъ статьи А. С. Будиловича въ (1 кн. Славянск. Обозрѣнія 1892 г.)

Предоставляя дальнѣйшимъ монографіямъ о Потебнѣ полную оцѣнку его заслугъ для русскославянской науки, мы ограничимся лишь общимъ балансомъ оставленнаго имъ литературнаго наслѣдія, съ выдѣленіемъ тѣхъ руководящихъ идей, которыя имъ завѣщаны по русскославянскому языковѣдѣнію и по словесности.

Какъ ни разнообразны труды Потебни по русскославянской діалектологіи, грамматикѣ, миѳологіи и словесности, однако всѣ они представляютъ нѣчто общее и цѣльное какъ со стороны методовъ изслѣдованія, такъ и по извѣстному единству тона, по присутствію одной, постепенно выясняемой идеи и научной системы.

Особенность научнаго метода Потебни заключается въ его рѣдкой цѣльности, при всей сложности входящихъ элементовъ. Другіе языковѣды пользовались обыкновенно или однимъ сравнительнымъ, или только историческимъ, или философскимъ методомъ. Потебня соединилъ ихъ въ одное цѣлое, такъ что его методъ можно бы назвать сравнительно-историко-философскимъ. Въ этомъ отношеніи Потебня всего болѣе напоминалъ Якова Гримма, котораго вдумчивый, пытливый умъ также не могъ удержаться въ рамкахъ какого либо односторонняго метода, а съ удивительной смѣлостью и энергіей прошелъ во всѣхъ направленіяхъ поле германской филологіи. Гримма напоминаетъ Потебня и по любви къ строго-фактической постановкѣ изслѣдуемаго вопроса, причемъ однако оба они не теряются въ массѣ изученнаго матеріала, но господствуютъ надъ нимъ мыслію, руководясь научнымъ методомъ и высшимъ взглядомъ на взаимодѣйствіе матеріи и духа въ явленіяхъ языка.

Истинно-философская струя проникаетъ всѣ сочиненія Потебни, начиная съ самыхъ раннихъ его опытовъ по миѳологіи и діалектологіи. Но въ этихъ раннихъ сочиненіяхъ его нельзя замѣтить еще того равновѣсія между фактическимъ матеріаломъ и внутреннею его основою, какого онъ достигъ впослѣдствіи особенно въ „Запискахъ по

русской грамматикѣ" (1874—1889 г.) и въ Объясненіяхъ малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ" (В. 1883—87).

При поверхностномъ ознакомленіи съ этими капитальнѣйшими сочиненіями Потебни, изъ коихъ одно посвящено столь спеціальному повидимому вопросу, какъ „составное сказуемое", а другое—дробному комментарію къ малорусскимъ обрядовымъ пѣснямъ, можно бы подумать, что сочиненія эти не выходятъ за рамки частныхъ монографій. Но если ближе изучить эти труды въ связи съ другими однородными и вдуматься въ ихъ руководящія начала и ихъ взаимную связь, то намъ представится здѣсь нѣчто очень грандіозное: опытъ перестройки заново важнѣйшихъ отдѣловъ языковѣдѣнія и словесности путемъ примѣненія новыхъ методовъ, по новой системѣ и въ духѣ новыхъ началъ.

Въ самомъ дѣлѣ, значеніе книги Потебни „Изъ записокъ по русской грамматикѣ" состоитъ не въ томъ только, что онъ пролилъ новый свѣтъ на строеніе и смыслъ одной изъ формъ сказуемаго, а въ томъ, что примѣненіемъ особаго сравнительно-историческаго и психологическаго метода Потебня доказалъ возможность и даже необходимость новой системы синтаксиса, притомъ не русскаго лишь, но и любого другого языка. Особенность этой системы заключается въ томъ, что она выводится изъ языка, а не навязывается ему по готовымъ формуламъ логики или какой либо другой науки. Првда, нѣкоторыя указанія на необходимость такой перестройки синтаксиса были уже ранѣе сдѣланы однимъ изъ учениковъ Вильгельма Гумбольда, Штейнталемъ; но указанія эти имѣли чисто абстрактный, философскій характеръ. Притомъ, предложивъ перестроить синтаксисъ по даннымъ психологіи, а не логики, Штейнталь не пришелъ еще къ выводу, что народная психологія въ этомъ случаѣ выражается въ его формахъ, слѣдовательно въ концѣ концовъ сводится къ этимологіи. Вотъ этотъ-то выводъ и сдѣланъ Потебнею, но не на словахъ лишь, а на дѣлѣ, путемъ примѣненія новаго, этимологическаго принципа къ изслѣдованію формъ сказуемаго. Это сближеніе синтаксиса съ этимологіей, т. е. науки о функціяхъ словъ и словесныхъ группъ съ наукою о строеніи такихъ словъ и группъ, оказалось особенно благотворнымъ еще потому, что Потебня прослѣдилъ взаимныя отношенія этихъ отдѣловъ грамматики не въ одинъ лишь моментъ времени, а на протяженіи многихъ вѣковъ исторической жизни русскаго языка, сравнительно съ языками лѣтскимъ, германскимъ, классическими и другими арійскими. Выводы,

которыхъ достигъ этимъ путемъ нашъ филологъ, были столь же замѣчательны, какъ и неожиданны. Оказалось, что и синтаксическія категоріи языка, которыя прежде считались столь же неизмѣнными, какъ законы логики, на дѣлѣ измѣняются и притомъ одновременно съ измѣненіемъ этимологическихъ формъ и во взаимодѣйствіи съ послѣдними. Это открытіе, не только угаданное, но и доказанное Потебнею, имѣетъ въ языковѣдѣніи такую же важность, какъ ученіе Дарвина объ измѣняемости видовъ въ наукахъ біологическихъ.

Но Потебня не ограничился однимъ признаніемъ этого закона. Онъ успѣлъ показать на нѣкоторыхъ явленіяхъ языка направленіе внутреннихъ его измѣненій, ихъ быстроту, условія и взаимодѣйствіе съ измѣненіями морфологическими. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ успѣлъ уловить и тѣ психическія ассоціаціи, которыя опредѣлили движеніе языка въ области функціональной, притомъ съ гораздо большею логичностью, чѣмъ напр. Миклошичъ въ соотвѣтственныхъ отдѣлахъ своего синтаксиса.

Дальнѣйшимъ развитіемъ тѣхъ же взглядовъ является и статья его: „О значеніяхъ множественнаго числа въ русскомъ языкѣ“.

Конца „Записокъ по грамматикѣ“ мы не имѣемъ, но изъ частнаго письма одного изъ учениковъ Потебни, именно харьковскаго приватъ-доцента Халанскаго, узнаемъ, что при разборѣ его рукописей оказался между прочимъ III-й томъ означеннаго сочиненія. Содержаніе этого тома богато и чрезвычайно интересно. Вотъ нѣкоторыя заглавія: „о происхожденіи существительныхъ; о происхожденіи прилагательныхъ; объ употребленіи прилагательнаго вмѣсто существительнаго; объ употребленіи существительнаго вмѣсто сказуемаго; объ устраненіи подлежащаго“. Трудъ этотъ занималъ все послѣднее время жизни покойнаго и готовъ къ печати, хотя и требуетъ, по словамъ г. Халанскаго, провѣрки по матеріаламъ: Будемъ надѣяться, что харьковскіе ученики и почитатели Потебни издадутъ его въ свѣтъ.

Что касается основныхъ положеній этого III-го тома грамматики Потебни, то они нѣсколько выясняются нижеслѣдующимъ отрывкомъ изъ его автобіографическаго очерка, напечатаннаго въ III томѣ „Исторіи русской этнографіи“ г. Пыпина: «На очереди у меня грамматическая работа, связанная съ этимъ курсомъ, носящая два заглавія: для публики «Объ измѣненіи значенія и замѣнахъ существительныхъ»; для меня: „Объ устраненіи въ мышленіи субстанцій, ставшихъ мнимыми“, или „О борьбѣ миѳическаго мышленія съ относительно-научнымъ

въ области грамматическихъ категорій (по даннымъ преимущественно русскаго языка)“. Тутъ въ основаніи лежитъ мысль, впрочемъ не новая, что философскія обобщенія такихъ-то по имени ученыхъ основаны на философской работѣ безъименныхъ мыслителей, совершающейся въ языкѣ, что напр. математика, оперирующая съ отвлеченнымъ числомъ, отвлеченною величиною, возможна лишь тогда, когда языкъ перестанетъ ежеминутно навязывать мысль о субстанціональной вещественности числа, а въ противномъ случаѣ величайшій математикъ и философъ, какъ Пиѳагоръ, долженъ будетъ оставаться на этой субстанціальности“.

Въ сентябрѣ 1890 года мы имѣли случай лично изъ устъ Потебни слышать развитіе основныхъ положеній этого III тома его грамматики. Онъ предполагалъ доказать, что въ развитіи язычныхъ формъ и значеній, которое совершается по діагонали между именными и глагольными полюсами аріо-европейскихъ языковъ, торжество съ теченіемъ времени все болѣе склоняется къ послѣднимъ. Этотъ выводъ былъ бы конечно встрѣченъ сомнѣніемъ, если-бы не имѣть въ виду, что говоря объ усиленіи глагольности (verbalitas) въ арійскихъ, въ частности же въ славянскихъ языкахъ, Потебня имѣлъ въ виду не столько формы словъ, сколько ихъ идеи и значеніе. Въ этой побѣдѣ глагольности надъ номинальностью или дѣйствія надъ сущностью Потебня видѣлъ нѣчто аналогичное постепенному торжеству драмы надъ эпосомъ и лирикою, какъ болѣе первобытными формами словесности, а вмѣстѣ и признакъ господства духа надъ матеріей въ жизни языка.

Не менѣе глубокое значеніе и научную важность представляютъ и изслѣдованія Потебни по словесности, особенно же его разборъ Сборника червонорусскихъ пѣсенъ Головацкаго и составляющія какъ бы продолженіе этого разбора „Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ“.

Разсматривая форму и содержаніе народныхъ пѣсенъ какъ органически связанные члены одного и того же физико-психическаго цѣлаго, предполагая между ними столь же тѣсную связь и взаимодѣйствіе, какъ между формою и содержаніемъ слова въ языкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ убѣжденіи, что форма языка и пѣсни доступнѣе наблюденію, чѣмъ ихъ содержаніе,—Потебня примѣнилъ къ изученію народной словесности тотъ же эмпирическій методъ, который далъ столь блестящіе результаты въ языковѣдѣніи. Стихотворный напр. размѣръ подъ перомъ Потебни сталъ чрезвычайно важнымъ рычагомъ для опредѣленія

генезиса соотвѣтственныхъ произведеній, ихъ относительнаго возраста, фазъ развитія, отношенія къ народной психологіи и къ исторіи. Съ такимъ же успѣхомъ пользовался онъ и другими внѣшними особенностями народныхъ пѣсенъ, напр. ихъ поэтической фразеологіей, различными тропами, условіями стиля, чтобы по внѣшнимъ схемамъ добираться до поэтическаго зерна пѣсни и опредѣлять условія ея развитія.

Въ послѣдніе годы своей жизни Потебня приблизился къ своду своихъ языковѣдныхъ и словесныхъ взглядовъ въ особомъ курсѣ «Теоріи словесности», который онъ читалъ студентамъ послѣднихъ выпусковъ. Въ этомъ именно курсѣ онъ предполагалъ доказать положеніе, которое считаетъ въ своей автобіографической запискѣ основнымъ вопросомъ языкознанія. Это положеніе выражено словами: «Поэзія и проза (поэтическое и научное мышленіе) суть явленія языка». Намъ приходилось лично слышать отвѣты студентовъ и разъясненія профессора по предметамъ этого курса, посвященнаго главнымъ образомъ ученію о тропахъ, въ которыхъ Потебня видѣлъ съ одной стороны зерна грамматической функціологіи (наука о значеніи), съ другой же—элементы миѳологіи и поэзіи, между которыми онъ предполагалъ органическую связь. Тѣмъ прискорбнѣе было намъ узнать отъ г. Халанскаго, что этотъ курсъ теоріи словесности не сохранился въ полномъ видѣ. Есть нѣсколько выписокъ, замѣтокъ, но все это не приведено въ порядокъ...

Въ чемъ же заключается высшее обобщеніе, вытекающее изъ совокупности работъ Потебни? Таковымъ слѣдуетъ, кажется, признать его положеніе объ органическомъ единствѣ матеріи и формы слова, а ровно формы и содержанія пѣсенъ, которое должно быть руководящимъ принципомъ при изслѣдованіи законовъ развитія какъ языка, такъ и народной словесности. Если же единство это въ ходѣ развитія языка и словесности современемъ нарушается, то въ смыслѣ господства силы надъ веществомъ, духа надъ матеріей.

Но быть можетъ самъ авторъ иначе опредѣлилъ бы руководящую идею и главный выводъ своихъ изслѣдованій. Ему не удалось, къ сожалѣнію, сказать послѣдняго своего слова, вывести своды надъ высокимъ научнымъ сооруженіемъ. Но и въ настоящемъ видѣ заслуги его для науки поистинѣ громадны. Ихъ можно сравнить съ заслугами Якова Гримма въ германистикѣ. Вліяніе Потебни еще долго и даже все сильнѣе будетъ сказываться въ развитіи науки о русскомъ словѣ и словесности.

Да позволено будетъ къ этому прибавить отзывъ о Потебнѣ, какъ фолклористѣ, извѣстнаго словинскаго ученаго, профессора Крека въ Градцѣ, изъ частнаго письма его: «Потебню я почиталъ высоко, удивляясь въ его сочиненіяхъ огромной учености, многосторонности и основательности. Его изслѣдовaнія по народной словесности я считаю самымъ лучшимъ изъ того, что когда-либо и гдѣ-либо было писано по этой спеціальности».

Статья И. В. Ягича въ Archiv für slavische Philologie, B. XIV, 3 h., s. 480.

Professor der russischen Sprache und Literatur an der Universität zu Charkov ist der slavischen Philologie durch den am 29 November a. St. v. J. erfolgten Tod im 58 Lebensjahre entrissen worden. Prof. Potebnja gilt uns als der Begründer einer wissenschaftlichen Dialektologie in Russland; seine tiefsinnigen syntaktischen Forschungen, die sich über alle slavischen Sprachen erstreckten, ohne leider zu Ende geführt worden zu sein, überragen an Fülle und Feinheit der Beobachtungen alles, was die slavische Sprachwissenschaft auf diesem Gebiete aufzuweisen hat. Sowohl dieses Werk als auch die umfangreichen, dem slavischen Volksthum gewidmeten Studien, an denen der Verstorbene seit seiner Jugend mit Liebe, Begeisterung und feinem Verständniss hing, sichern seinem Namen ein bleibendes Andenken in der dankbaren Nachwelt. Unsere Zeitschrift beklagt zugleich den Verlust eines Mitarbeiters und treuen Freundes.

Переводъ—29 Ноября минувшаго года смерть отняла у славянской филологіи Александра Аѳанасьевича Потебню, профессора русскаго языка и литературы въ Харьковскомъ университетѣ, на 58-мъ году его жизни. Проф. Потебня намъ извѣстенъ какъ основатель научной діалектологіи въ Россіи; его глубокомысленныя синтактическія изслѣдованія, которыя простирались на всѣ славянскіе языки, не будучи къ сожалѣнію доведены до конца, превосходятъ полнотой и тонкостью наблюденій все, что̀ можетъ указать въ этой области славянское языкознаніе. Какъ этотъ трудъ, такъ и обширныя изслѣдованія, посвященныя славянскому племени, къ которымъ покойный былъ привязанъ отъ юности съ любовью, воодушевленіемъ и тонкимъ пониманіемъ, обезпечиваютъ его имени неизмѣнную память въ благодарномъ потомствѣ. Нашъ журналъ оплакиваетъ также потерю сотрудника и вѣрнаго друга.

Замѣтка о сочиненіи А. А. Потебни „Мысль и языкъ".*)

Сочиненіе „Мысль и языкъ", обнародованное лѣтъ тридцать тому назадъ въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, за 1862 г., въ настоящее время сдѣлалось большою библіографическою рѣдкостію и даже совсѣмъ почти позабыто. Между тѣмъ оно имѣетъ важное значеніе, которое съ теченіемъ времени будетъ только возрастать, такъ какъ трудамъ покойнаго Александра Аѳанасьевича Потебни по изученію русскаго слова принадлежитъ еще будущность.—Въ этомъ своемъ сочиненіи Ал. А—чъ, излагая взгляды Гумбольдта и его школы на отношеніе языкознанія къ психологіи и логикѣ, выставилъ рядъ своихъ собственныхъ выводовъ, какъ по этимъ общимъ такъ и по многимъ привходящимъ сюда частнымъ вопросамъ, выводовъ, ставящихъ задачи русскаго и вообще славянскаго языкознанія на широкую основу исторіи мысли. Развитые здѣсь взгляды покойный авторъ проводилъ во всѣхъ послѣдующихъ своихъ трудахъ, находящихся вслѣдствіе этого въ столь тѣсной связи съ его сочиненіемъ „Мысль и языкъ", что читателю, незнакомому съ послѣднимъ, многое въ нихъ будетъ представляться не яснымъ, недосказаннымъ. Это особенно можетъ относиться къ запискамъ А. А—ча по русской грамматикѣ. Здѣсь, разсыпая поражающіе мѣткостію и новизною выводы при анализѣ отдѣльныхъ явленій, онъ мало заботится объ общей связи между частными своими обобщеніями, полагая, повидимому, что читатели и сами съумѣютъ найти ее при помощи сочиненія „Мысль и языкъ", представляющаго стройное и полное изложеніе почти всѣхъ основныхъ взглядовъ покойнаго на отношеніе слова къ мысли. Этихъ своихъ взглядовъ Ал. А—чъ твердо держался до конца жизни, о чемъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ оконченный незадолго до его смерти III-й томъ „Записокъ по русской грамматикѣ", приготовляемый нынѣ его наслѣдниками къ печати. Въ этомъ послѣднемъ и посмертномъ своемъ трудѣ А. А—чъ, разбирая мимоходомъ

*) Изъ записки проф. М. Дринова, читанной въ засѣданіи историко-филологическаго факультета при обсужденіи вопроса о цензурномъ разрѣшеніи на переизданіе этого сочиненія.

нѣкоторыя воззрѣнія, изложенныя въ новѣйшей книгѣ Макса Мюллера— Das Denken im Lichte der Sprache (1887 г.), противопоставляетъ имъ свои давнишніе взгляды на отношеніе элементовъ слова къ понятіямъ и представленіямъ, и вообще грамматики къ философіи. Коснувшись сочиненія Макса Мюллера, появившагося на дняхъ и въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ „Наука о мысли", кстати замѣчу, что нѣкоторыя изъ весьма важныхъ научныхъ положеній, выработка которыхъ тутъ приписывается новѣйшимъ западноевропейскимъ ученымъ (Нуаре), давно развиты А. А. Потебнею въ его ранней работѣ, аналогичной по содержанію съ новою книгою англійскаго языковѣда.

Въ виду вышесказаннаго нельзя не отнестись съ полнѣйшимъ сочувствіемъ къ рѣшенію Маріи Францовны Потебни переиздать этотъ столь рѣдкій теперь трудъ покойнаго ея мужа.

М. Дриновъ.

Изъ статьи Л. Ю. Шепелевича въ Wisla 1892 г. № 1.

Będąc trzy lata słuchaczem zmarłego profesora, doznawałem na kázdej lekcji wrażenia, jak gdybym pierwszy raz go słuchałła. Były to świetne improwizacje, powiązane w szereg świeżych' myśli i głębokich spostrzeżeń, wykłady prawdziwego fiłołoga i fiłozofa. Nigdzie ani w krajŭ, ani za granicą takiego wykładu nie słyszałem. Pod względem charakteru Potebnia wzbudził szacunek powszechny. Był to człowiek nadzwyczaj prawy, zacny, o szerokim widnokręgu. Przekonania jego naukowe pozostawały w harmonji z osobistemi : stawał gorąco w obronie praw jednostek etnograficznych; charakterystyczny był wstręt jego do wszelkich wolapiuków..... Dla tych, którzy znali osobiście Potebnię, pozostanie on zawsze w pamięci, jako uosobienie wyższości inteligiencji, serca i charakteru. Cześć jego pamięci!

— — — —

Переводъ.—Будучи въ теченіе трехъ лѣтъ слушателемъ покойнаго профессора, я съ каждой его лекціи выносилъ такое впечатлѣніе, точно въ первый разъ его слышалъ. То были лекціи, полныя свѣжихъ мыслей и глубокихъ взглядовъ, лекціи истиннаго филолога и философа. Какъ человѣкъ, Потебня пользовался всеобщимъ уваженіемъ, за благородство души, любовь къ истинѣ и широкое міросозерцаніе. Его научныя убѣжденія стояли въ гармоніи съ его личнымъ характеромъ: онъ былъ горячій поборникъ этнографическаго индивидуализма и питалъ отвращеніе ко всякаго рода воляпюкамъ. Для знавшихъ Потебню лично онъ навсегда останется въ памяти, какъ олицетвореніе высшихъ стремленій къ истинѣ и добру.

Изъ статьи Л. Ю. Шепелевича въ 5301 № „Новороссійскаго Телеграфа“.

Своими трудами Потебня способствовалъ изученію и познанію роднаго языка. Огромная эрудиція, глубокій умъ и свѣтлый взглядъ дѣлали каждое слово А. А. необыкновенно вѣскимъ.

Въ наукѣ онъ стоитъ уединенно; неимѣя предшественниковъ, онъ не создалъ и школы въ точномъ смыслѣ слова: онъ былъ слишкомъ индивидуаленъ въ своей дѣятельности.

Александръ Аѳанасьевичъ обладалъ познаніями въ различныхъ областяхъ науки. Необыкновенно тонкій цѣнитель искусства, изящной литературы—онъ изумлялъ своихъ собесѣдниковъ остроуміемъ своихъ наблюденій.

Какъ университетскій преподаватель, А. А. неимѣлъ себѣ равнаго. Его лекція была импровизаціей. Слово у него имѣло, такъ сказать, душу.

Равнаго А. А. по благородству, гуманности, стойкости убѣжденій врядъ ли мы когда-нибудь увидимъ. Это былъ человѣкъ, носившій въ своей груди вѣчное стремленіе къ добру и истинѣ, живой примѣръ того, что можно пройти жизненный путь и не потерять вѣры въ идеалъ.

Въ университетской коллегіи Потебня пользовался громаднымъ авторитетомъ. Къ его мнѣніямъ прислушивались и ими руководились.

Изъ некролога Потебни въ 2 № „Зори“ 1892 г.

Не заросла, мабуть, травыцею могыла Васыля Мовы, не прыпала ще снигомъ могыла Зинькивського—Певного, а вже нова втрата, нова могыла. А насыпали тую могылу надъ дуже талановытымъ и вченымъ филологомъ, що 30 рокивъ невпынно працювавъ на корысть и славу славянщины, надъ професоромъ Харькивського университету Олександромъ Потебнею.....

1 грудня о 8 год. зранку вынеслы домовыну зъ небищикомъ до церкви университетскои. Церковь була повнисенька. Небищыкъ лежавъ въ домовыни поважный та спокійный. На вику домовыни лежало 6 винкивъ, мижъ которыми було три срибныхъ; коженъ винокъ бувъ зъ написомъ. Мижъ звичайными лежавъ одинъ оригинальный винокъ, сплетеный зъ стыглого жовтого колоса, мижъ якими булы ростыкани квиткы—блакитни несмертельники и билый ромепъ. На билий бынди черными фарбами було надруковано: „Видъ украинцивъ слухачивъ О. О. Потебни 1891 г. листопада 29“. Мимо воли винъ нагадувавъ ныву, на якій сіявъ небищикъ. Насиння його ривно и дотепно сыпалося зъ працёвытои рукы.

Изъ Некролога Потебни въ Revue des traditions populaires 1892 I 59—60.

En la personne de M. Potebnia l'Université de Kharkow a perdu non seulement un savant éminent, mais encore un professeur très doué, qui a su créer une pépinière d'élèves..... M. Potebnia était toujours le partisan dévoué de la liberté académique et des droits universitaires.....

Краткіе некрологи были въ Новомъ Времени, Моск. Вѣдом., Рус. Вѣдом, Южн. Краѣ, Зорѣ (львовской), Недѣлѣ, Филол. Запискахъ, Этнограф. Обозрѣніи, Волын. Губ. Вѣд., Варшав. Дневникѣ.

Въ происходившемъ 9 февраля засѣданіи кіевскаго историческаго общества Нестора Лѣтописца П. В. Владиміровымъ сдѣлано обширное сообщеніе о дѣятельности профессора А. А. Потебни. Лекторъ въ своемъ сообщеніи перечислилъ всѣ крупныя заслуги А. А. Потебни и въ особенно теплыхъ словахъ характеризовалъ вліяніе А. А. Потебни, какъ профессора и ученаго, научные труды котораго надолго будутъ служить руководящей нитью для русской филологіи (Х. Вѣд. 1892 г. № 43).

Посмертные матеріалы А. А. Потебни.

(Статья В. И. Харціева).

Бумаги А. А. Потебни еще неразобраны, какъ слѣдуетъ, хотя въ печати сдѣлано было уже нѣсколько сообщеній о посмертныхъ его трудахъ. Въ виду того высокаго интереса, какой имѣютъ эти послѣдніе для читающей и мыслящей публики, я, принимая участіе вмѣстѣ съ другими бывшими слушателями А. А. въ перепискѣ III-го тома Записокъ по грамматикѣ, рѣшился вскользь пересмотрѣть и остальной рукописный матеріалъ, оставшійся послѣ покойнаго. Правда при бѣгломъ просмотрѣ трудно было составить себѣ точное представленіе о томъ, что осталось (я имѣю въ виду разнообразное содержаніе бумагъ); тѣмъ не менѣе, не ограничиваясь сухою описью, постараюсь познакомить и другихъ съ тѣмъ, что составляетъ содержаніе бумагъ покойнаго и въ какомъ состояніи онѣ находятся.

Девять десятыхъ рукописнаго матеріала, заключающагося въ двадцати объемистыхъ папкахъ, представляетъ ничто иное, какъ замѣтки для себя, въ которыхъ намѣчены лишь вѣхи для будущихъ работъ по изученію русскаго слова съ наскоро, кое-какъ распредѣленнымъ матеріаломъ. На всемъ лежитъ печать недоконченности, внезапнаго перерыва, неисключая и III-го тома записокъ по грамматикѣ, обработкой котораго занимался покойный въ самое послѣднее время, будучи уже тяжко боленъ. Общее впечатлѣніе отъ просмотра бумагъ таково, что мы съ полнымъ правомъ можемъ сказать объ Ал. Аѳ. тоже, что сказано имъ было когда-то по поводу смерти даровитаго филолога, питомца Харьковскаго университета, Ал. Вас. Попова: „вечіронька на столі, а смерть за плечима“; съ тою только разницей, что тамъ были широкіе планы, намѣренія и научная сила сгибла въ самой завязи, а здѣсь—цѣлый рядъ вопросовъ, интереснѣйшихъ по своей новизнѣ и строго-научному рѣшенію, вопросовъ порѣшенныхъ уже, но ждавшихъ только послѣдней отдѣлки....

Наиболѣе обработаннымъ трудомъ является III-й томъ Записокъ, съ котораго я и начну свою опись. Эти записки, примыкая къ нѣкоторымъ общимъ положеніямъ, намѣченнымъ въ первыхъ двухъ томахъ,

находятся въ тѣснѣйшей связи съ перепечатывающимся въ настоящее время раннимъ соч. А. А. „Мысль и языкъ", такъ какъ отношеніе мысли къ слову составляетъ фонъ всей работы, основной задачей которой служитъ вопросъ „откуда и куда мы идемъ" въ смыслѣ прогресса мысли.

Кромѣ общей заглавной рубрики „Объ измѣненіи значеній и замѣнахъ существительнаго" въ 1-ой папкѣ, содержащей въ себѣ начало новыхъ Записокъ, мы находимъ еще слѣдующія подраздѣленія: первообразна-ли отвлеченность существительныхъ качества? Происхожденіе прилагательныхъ; согласованіе прилагательныхъ; согласованіе именъ въ степени уменьшительности. Происхожденіе разрядовъ существительныхъ. Грамматическій ходъ и его роль въ выработкѣ категорій существительнаго. Содержаніе II-ой папки исчерпывается слѣдующими заглавіями: Аттрибутивность существительнаго; переходъ приложеній въ предложенія. Предикативность существительнаго; вытѣсненіе существительнаго адъективными и вербальными оборотами. Устраненіе субстанціяльности предикативнаго имени посредствомъ субъектныхъ и безсубъектныхъ оборотовъ. Разборъ безсубъектныхъ выраженій (Mikl. Subjektlöse sätze"). III-я папка раздѣлена двумя заглавіями: Формальные (синтактическіе) признаки конкретности существительнаго; тождесловіе и сочетаніе синонимовъ. Наконецъ, еще въ одной папкѣ находятся черновыя замѣтки для того же III-го тома; здѣсь среди старыхъ пожелтѣвшихъ листочковъ лежитъ нѣсколько новыхъ листовъ, на которыхъ начата только переписка замѣтокъ подъ рубрикой: Перечисленіе части понятій, выраженныхъ существительными, при обнимающихъ ихъ общихъ (въ древнемъ строѣ рѣчи).

Вмѣсто предисловія въ началѣ новыхъ Записокъ помѣщено нѣсколько общихъ замѣчаній о языкѣ и задачахъ языкознанія; здѣсь разбираются и опровергаются нѣкоторыя положенія Макса Мюллера въ его соч. „Das Denken"..., Спенсера—о методѣ изслѣдованія, и приводятся Гумбольдтовскія теоремы, болѣе обстоятельный сводъ которыхъ находится въ раннемъ трудѣ Ал. Аѳ. „Мысль и языкъ". Изслѣдованіе о грамматическомъ родѣ, начатое по поводу книги Вольтера, находится въ связи съ вопросомъ о происхожденіи разрядовъ существительнаго, каковы имя дѣйствователя (nom. agentis, основная категорія), имя дѣйствія (nom. actionis), имя дѣла—вещи (n. acti) и пр. Здѣсь же помѣщены и замѣтки по поводу статьи Бругмана, утверждавшаго, что грамматическій родъ не находится въ связи съ естественнымъ.

Возраженія Бругману среди этого отдѣла составляютъ незначительную только часть; отдѣльной статьи о книгѣ Бругмана въ бумагахъ неоказалось.

Общее значеніе грамматическаго рода, которое ясно изъ самого заглавія отдѣла, опредѣляется между прочимъ такъ: грамматическій родъ вплетается въ распредѣленіе категорій мысли и является не просто остаткомъ сѣдой старины, наивнаго міросозерцанія, а важнымъ средствомъ приведенія въ порядокъ всего содержанія мысли.

Скромное заглавіе новаго труда по грамматикѣ, какъ и приведенныя выше рубрики недадутъ никакого представленія о содержаніи его. А между тѣмъ это, именно, „Мысль при свѣтѣ языка" или, лучше сказать „Исторія русской мысли подъ освѣщеніемъ русскаго слова." Въ этомъ трудѣ наглядно доказывается мысль, которую не разъ высказывалъ Ал. Аѳ., что языкознаніе—наука историческая и что оно должно быть вполнѣ націоналистично. Сочиненіе по своему философскому характеру, какъ и упомянутое уже „Мысль и языкъ", имѣетъ общій интересъ. Рисуя пріемы древняго строя мысли, прекраснымъ образомъ котораго можетъ служить живопись безъ перспективы (Изъ записокъ, 2 изд., 300) и восходя къ болѣе сложнымъ пріемамъ современнаго языка и мышленія, выработаннымъ вѣками, А. А. даетъ въ новомъ трудѣ новое частное рѣшеніе основной задачи грамматики, состоящей, по его словамъ, въ томъ, чтобы довести до сознанія *цѣли*, преслѣдуемыя языкомъ, какъ орудіемъ мысли, и *средства,* при помощи которыхъ достигаются эти цѣли. А цѣли эти состоятъ между прочимъ въ познаніи міра въ тѣсномъ смыслѣ путемъ выдѣленія своего *я*, надъ которымъ трудится и наука и все человѣчество, идя по различнымъ путямъ, т. е. пользуясь разными языками, какъ орудіемъ познанія. Нѣтъ нужды говорить о важномъ значеніи этого труда для насъ русскихъ, что было бы преждевременно; но нелишне будетъ теперь указать на одну существенную его черту: въ немъ выяснены особенности уложенія мыслей въ русскомъ словѣ, въ постоянномъ процессѣ его измѣненія, совершенствованія. Какъ развивалось русское слово и мысль, это показывается на частныхъ фактахъ: на измѣненіи разрядовъ имени, отъ котораго зависитъ измѣненіе строя рѣчи, пріемовъ мышленія. Общій характеръ этого постояннаго преобразованія, развитія выражается между прочимъ въ томъ, что сопоставленіе (паратактизмъ) замѣняется подчиненіемъ (гипотактичность); живопись безъ перспективы смѣняется стройнымъ изображеніемъ дѣйствительно-

сти, какъ она отражается въ нашей мысли. Анализъ языка, по словамъ А. А. (и это доказано имъ въ послѣднихъ запискахъ), показываетъ также, что ходъ человѣческой мысли идетъ парными толчками, что парность грамматическихъ разрядовъ, типичнымъ и основнымъ образцомъ которой является подлежащее и сказуемое, есть въ тоже время и парность философскихъ категорій; что при этомъ ритмическомъ процессѣ развитія мысли постоянно измѣняются грамматическіе разряды, а вмѣстѣ съ ними и философскія категоріи, субъектъ предикатъ и пр. и такія обобщенія какъ матерія и духъ, субстанція и сила, причина и слѣдствіе. Повсюду попутно съ анализомъ грамматическихъ явленій указывается на человѣкообразность такихъ общихъ понятій и на стремленіе выдѣлить эту человѣкообразность, что не увѣнчивается полнымъ успѣхомъ, ибо мыслить иначе, какъ по-человѣчески т. е. языкомъ созданнымъ и навязаннымъ тысячелѣтіями, человѣкъ не можетъ. Въ иныхъ случаяхъ, говоритъ А. А., печать человѣчности общихъ понятій менѣе уловима, въ другихъ она доступна и обыкновенному сознанію. Таковы, напримѣръ, понятія для выраженія причинности— *вражда*, *любовь*, сходства— *семейство, родъ* и то, безъ чего семейство невозможно, *полъ*. Разборъ этихъ понятій идетъ вслѣдъ за отдѣломъ о грамматическомъ родѣ, носящемъ на себѣ слѣды той же человѣчности, II-я и III-я папки заключаютъ массу частныхъ явленій языка, характеризующихъ тѣ же усилія мысли подняться отъ конкретнаго къ отвлеченному, отъ ползанья на четвереньках къ быстротѣ телеграфныхъ сообщеній. Важнымъ шагомъ въ этомъ процессѣ видоизмѣненія пріемовъ мысли является аттрибутивность и предикативность имени, выработанная давно уже и ведущая съ одной стороны къ образованію прилагательнаго, отвлеченнаго имени изъ существительнаго первообразнаго, вмѣщавшаго въ себѣ всѣ свойства прилагательнаго, т. е., полную аттрибутивность, качественность, не отвлеченную, а соединенную съ субстаціяльностью, вещественностью; а съ другой—къ замѣнамъ его глагольнымъ сказуемымъ, субъектными и безсубъектными оборотами, анализъ которыхъ, какъ и свойствъ прилагательнаго, ведетъ къ обнаруженію интереснѣйшаго явленія, замѣчаемаго въ языкѣ, именно устраненія субстанцій, становящихся мнимыми, въ рѣчи и въ мысли.

Но на поверхности языка пестрѣютъ слѣды далекаго прошлаго, напр., паратактическія парныя сочетанія и новообразованія по этимъ древнимъ образцамъ, имѣющія уже другое значеніе. Поэтому въ заключеніи труда мы находимъ съ одной стороны указанія формальныхъ

(синтактическихъ) признаковъ конкретности существительнаго, а съ другой опредѣленіе роли тождесловія и сочетанія синонимовъ, какъ средства выражать субъективные оттѣнки мысли и создавать новыя значенія.

Переписка новыхъ записокъ по грамматикѣ, предпринятая бывшими слушателями А. А., нерѣдко обнаруживаетъ, что отдѣлка этого труда далеко еще небыла закончена, что работа мысли остановилась на всемъ теченіи. Среди переписанныхъ набѣло рукою покойнаго листовъ вдругъ попадаются то тамъ, то сямъ листочки или цѣлыя пачки ихъ съ замѣтками и выписками, непріуроченными къ опредѣленному мѣсту, съ черновымъ, неотдѣланнымъ матеріаломъ, изъ котораго не всё еще было извлечено. Кромѣ того повсюду встрѣчаются приписки на поляхъ безъ указанія, куда ихъ отнести. Кто знакомъ съ характеромъ изслѣдованій А. А., съ его пріемами анализа и распредѣленія фактовъ не механически, по внѣшнимъ признакамъ, а по внутренней психической связи, причемъ не упускаются изъ виду самые неуловимые оттѣнки мысли и дѣлаются часто кажущіяся отступленія въ сторону; тотъ пойметъ, какъ трудно теперь, когда духъ его отлетѣлъ, разобраться съ этими приписками, вставками и т. п. Правда въ нихъ большею частью приводятся факты, но послѣдніе нельзя понимать, какъ нѣчто бросающееся въ глаза: въ научномъ фактѣ остается лишь то, что имѣетъ отношеніе къ соотвѣтствующимъ законамъ и обобщеніямъ. При наличности внѣшней классификаціи, по времени, формальнымъ особенностямъ приводимыхъ фактовъ, всегда надо имѣть въ виду эти обобщенія, которыя часто не даются Потебней, а иллюстрируются только конкретными явленіями, типичными образцами. Простая аналогія тутъ непоможетъ; каждый фактъ, незанесенный подъ опредѣленную рубрику, прійдется будущей редакціи разложить про себя, чтобы потомъ пріурочить его къ той или другой группѣ фактовъ.

Въ виду этого по мысли М. С. Дринова пока ведется только механическій процессъ переписки; каждый изъ участвующихъ въ перепискѣ, не выходя изъ положенія трости въ рукѣ книжника, по мѣрѣ силъ своихъ старается, провѣривъ по памятникамъ, передать въ болѣе доступномъ для прочтенія видѣ содержаніе рукописи, незаботясь о группировкѣ фактовъ, исправленіи описокъ, недомолвокъ, неизбѣжныхъ въ черновой работѣ; а на поляхъ дѣлаются приписки карандашемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ошибка обнаружена сличеніемъ выписки съ подлинникомъ и т. п. Переписка ведется на одной сторонѣ листа, что облегчитъ поправки и перестановки при окончательной редакціи.

Вообще можно сказать, что теплое участіе жены покойнаго М. Ф. Потебни, готовность и усердіе бывшихъ слушателей, товарищей и учениковъ его привести въ порядокъ и издать его духовное наслѣдіе служать полнымъ ручательствомъ за то, что и новый томъ Записокъ, по грамматикѣ, какъ и другіе посмертные труды будутъ обнародованы, несмотря на всѣ трудности, самымъ тщательнымъ образомъ. Желательно было бы, чтобы при 3-емъ томѣ записокъ былъ приложенъ общій предметный указатель и къ первымъ двумъ частямъ, который кромѣ удовлетворенія общепринятымъ требованіямъ, необходимъ между прочимъ и потому, что въ нихъ повсюду разбросана цѣлая масса драгоцѣнныхъ фактовъ и блестящихъ мыслей, не предполагаемыхъ вовсе заглавными рубриками.

Въ другихъ рукописныхъ матеріалахъ пока не найдено ни одной статьи сколько-нибудь цѣльной, если не считать вполнѣ приготовленнаго къ печати, но нигдѣ ненапечатаннаго отвѣта П. Лавровскому на его разборъ диссертаціи „О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ".

Находящіяся въ 3-хъ папкахъ записки по теоріи словесности въ общей массѣ производятъ впечатлѣніе замѣтокъ для себя, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ начата была уже обработка черновыхъ набросковъ. Содержаніе этихъ замѣтокъ по тремъ папкамъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ.

1) Исходя изъ общаго положенія, что изслѣдованіе простѣйшихъ явленій жизни даетъ возможность понимать болѣе сложныя и примѣняя его къ языку, А. А. проводитъ параллель между словомъ и сложнымъ поэтическимъ произведеніемъ. Свойства слова частью аналогичны частью тождественны свойствамъ поэтическаго произведенія. Отношеніе говорящаго къ слову двояко: прежде всего для себя, потомъ для другихъ; въ первомъ случаѣ оно т. е. слово служитъ орудіемъ и вмѣстѣ результатомъ преобразованія мысли, совершенствованія ея производителя, говорящаго; во второмъ оно является средствомъ пониманія. Въ сложныхъ поэтическихъ произведеніяхъ—тоже самое, съ тою только разницей, что различіе обоихъ моментовъ—явственнѣе; положеніе это иллюстрируется Пушкинымъ, Гёте и другими. Вообще А. А. при анализѣ психологіи творчества пользуется всегда признаніями самихъ поэтовъ, уклоняясь отъ апріорныхъ умозаключеній

Далѣе слѣдуетъ опредѣленіе поэзіи какъ дѣятельности по роду и виду, но безъ той схоластической сухости, какая свойственна такого рода опредѣленіямъ, и указывается разница между искусствами по средствамъ выполненія. Вслѣдъ за рубриками „Родословная искусства“, „Поэтъ, публика, критика, толпа“ (иллюстраціи изъ Гете, Пушкина, главнымъ образомъ изъ „Егип. ночей“, Тургенева и др.) опредѣляется значеніе поэтическаго произведенія для автора и для публики. Подобно тому какъ слово есть актъ мысли, поэтическое произведеніе сложное разсматривается здѣсь, какъ рѣшеніе задачи, вызванной по Гетевскому выраженію внутреннимъ категорическимъ императивомъ: художника нудитъ создавать образы. Особенное вниманіе обращалъ А. А. на отрицательные типы или отрицательныя черты характеровъ; въ нихъ онъ находилъ важное орудіе личнаго усовершенствованія путемъ объективированія своихъ недостатковъ. Послѣ небольшой замѣтки о видахъ поэтической иносказательности и условіяхъ процвѣтанія и паденія поэзіи идутъ слѣдующія рубрики: Поэзія и проза, какъ два вида мышленія, поэзія и наука (философія), образъ и примѣненіе (элементы поэтическаго мышленія), фактъ и законъ (эл. научнаго мышленія), вдохновеніе (теорія его въ историческомъ развитіи), стыдливость творчества (признанія поэтовъ sub rosa) и наконецъ, народная поэзія: пѣсня, сказка, пословица, поговорка. Здѣсь же находится цѣлый рядъ замѣтокъ возраженій Веселовскому по поводу его взглядовъ на сравнительную миѳологію.

2-я папка записокъ по теоріи словесности начинается слѣдующей замѣткой: человѣкъ идетъ отъ того состоянія мысли, при которомъ конкретное явленіе, впечатлѣнія текущаго мгновенія заполняютъ всю ширину и глубину сознанія, къ тѣмъ состояніямъ, при коихъ при помощи все большаго и большаго отвлеченія, стремленія расширить кругъ отвлеченныхъ понятій, мысль становится способной обнимать все болѣе и болѣе сложные ряды явленій.

Теорія миѳа въ его отношеніи къ поэзіи составляетъ содержаніе всей этой папки, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ рубрикъ: Миѳическое воззрѣніе на вдохновеніе. Здѣсь анализъ взглядовъ древнихъ на причину вдохновенія ведетъ къ цѣлому ряду замѣтокъ о понятіи причины, которое, какъ время, пространство и пр., производно. Первоначально это—сочетаніе образа съ объясняемымъ по сходству, противоположности или смежности въ пространствѣ, послѣдовательности во времени. Заключенія отъ сходства, причинная зависимость по формулѣ cum hoc ergo propter hoc, post hoc ergo propter hoc являются ничѣмъ

инымъ, какъ результатомъ умозаключенія въ области метафоры, метонимія и пр. Пріемы миѳическаго мышленія, помимо образовъ народной поэзіи, при анализѣ понятій причинности, выражаемой между прочимъ терминами *вражда, любовь* (о чемъ и въ новыхъ запискахъ по грамм.) иллюстрируются выписками изъ Плинія. Здѣсь раскрывается цѣлое міросозерцаніе, непохожее повидимому на наше, но созданное по тѣмъ же законамъ человѣческой мысли, и слѣды его не трудно открыть и теперь. Среди прочихъ примѣровъ видное мѣсто занимаютъ образцы миѳическаго творчества изъ народной поэзіи, заговоровъ, лѣчебниковъ, основанные на томъ, что лѣкарства враждебны тому, что производитъ болѣзнь (теорія противоядій), или дружественны.

Вслѣдъ за анализомъ пріемовъ миѳическаго творчества идетъ опредѣленіе миѳа, разграниченіе поэтическаго и миѳическаго мышленія. Миѳъ есть необходимый шагъ мысли; созданіе миѳа есть актъ познанія, какъ и созданіе новаго слова. Отношеніе теоріи словесности къ миѳологіи такое же, какъ ея отношеніе къ исторіи литературы; анализъ миѳа есть исторія миѳическаго міросозерцанія. Разница между миѳическимъ и поэтическимъ мышленіемъ состоитъ въ слѣдующемъ: пользованіе поэтическимъ образомъ, какъ средствомъ преобразованія мысли, предполагаетъ способность ея къ научному мышленію, къ анализу, критикѣ; созданіе миѳа есть результатъ внесенія объясняющаго въ объясняемое (при миѳическомъ пользованіи образомъ) и предполагаетъ конкретность мышленія, отсутствіе критики. (Образецъ иллюстраціи: горючее сердце—поэтическій образъ, и миѳъ о причинѣ пожара при Іоаннѣ IV: Глинскіе настаивали человѣческія сердца и настойкой кропили крыши). На той же почвѣ миѳическаго мышленія при отожествленіи слова и вещи возникаетъ вѣра въ силу слова, откуда заговоры и пр.

Вообще въ содержаніи этого отдѣла большое мѣсто отведено выясненію пріемовъ поэтическаго и миѳическаго мышленія, какъ въ первой поэтическаго и прозаическаго или научнаго. Заканчивается онъ замѣткой объ эвфемизмѣ, сначала появляющемся въ миѳической окраскѣ и переходящемъ потомъ въ pruderie. Эвфемизму придается большая роль въ созданіи языка, и А. А. не разъ указывалъ на это явленіе, какъ на серьозную задачу для изслѣдованія.

Наконецъ, вся третья папка посвящена формамъ поэтической иносказательности. Здѣсь сначала разсматриваются такія явленія, какъ гипербола (отличіе ея отъ лжи), иронія, сарказмъ, хлестаковщина (какъ

особый видъ гиперболы), игра словами, перифразъ и пр. Далѣе слѣдуетъ отдѣлъ о тропахъ и фигурахъ, которому предпосылается разборъ ученія о нихъ древнихъ, Аристотеля, Квинтиліана и др. и новыхъ, главнымъ образомъ Гербера и Луки Зимы. Указавъ на неправильное выдѣленіе эпитета, какъ особаго вида троповъ, А. А. принимаетъ три основныхъ вида: синекдоху, метонимію и метафору. Замѣчательно здѣсь то, что и эти поэтическія категоріи А. А. не считаетъ неизмѣнными, какъ и категоріи грамматическія. Все зависитъ отъ того, на какой ступени развитія мысли стоитъ говорящій, другими словами, отъ отношенія его къ слову. Отсюда при разсмотрѣніи этихъ явленій въ процессѣ исторіи мысли—невозможность положить опредѣленныхъ границъ между ними, когда синекдоха переходитъ въ метонимію, а метонимія въ метафору. Разсматривая отдѣльно эти тропы, А. А. отъ простыхъ постоянно переходитъ къ сложнымъ формамъ. Такъ вслѣдъ за синекдохой разбираются сложныя ея формы, παράδειγμα, литературный типъ. Затѣмъ идетъ метонимія и ея отношеніе къ синекдохѣ, метафора, простая, какъ членъ предложенія, сравненіе, (переходъ образа въ обстановку, о чемъ см. въ объясн. малор. и срод. пѣс.), уподобленіе; виды сложной метафоры: аллегорія, притча, басня и пр.

Вотъ вкратцѣ передача содержанія записокъ по теоріи словесности въ томъ видѣ, какъ они находятся теперь. Нѣсколько иначе оно распредѣлялось въ курсахъ, читанныхъ А. А—чемъ, насколько можно судидить объ этомъ по имѣющимся студенческимъ запискамъ и двумъ конспектамъ этихъ курсовъ, относящимся къ разному времени. Одинъ изъ нихъ составленъ довольно полно самимъ А. А—чемъ, другой, очевидно, однимъ изъ его слушателей и находится среди разныхъ черновыхъ замѣтокъ, еще неразсмотрѣнныхъ.

Состояніе всѣхъ этихъ записокъ таково, что требуетъ основательнаго изученія, безъ котораго приступить къ изданію невозможно. Здѣсь прійдется имѣть дѣло просто съ черновымъ матеріаломъ. Но при обработкѣ его могутъ принести нѣкоторую пользу отчасти студенческія записи, отчасти упомянутые конспекты и, наконецъ, записанныя нѣкогда стенографически и провѣренныя самимъ А. А—чемъ 10 частныхъ лекцій, посвященныхъ вопросу объ отношеніи поэтическихъ произведеній къ слову.

Содержаніе остальныхъ 14 папокъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми разрозненными замѣтками, связанными въ пачки, можно раздѣлить на три отдѣла: матеріалы для этимологіи (словаря), для грамматики и записки

смѣшаннаго характера. Кромѣ трехъ папокъ, занятыхъ исключительно словарнымъ матеріаломъ, послѣдній находится и въ отдѣльныхъ связкахъ и въ двухъ тетрадкахъ съ комментаріями на Договоры съ греками и Слово Даніила Заточника. Матеріалъ разсортированъ въ 2-хъ папкахъ и связкахъ по буквамъ, въ 3-ей онъ находится въ томъ видѣ, какъ дѣлались выписки. Въ 1-ой папкѣ находятся слова на буквы: *м, н, о, п, р, с, т, у, ч, ш, я*, затѣмъ на *л, р, г, х, с, т;* въ связкахъ —въ одной отъ *к.* до *с;* въ другой—на *б, в, г, д, ж, з;* въ третьей отъ *р, с*, до конца азбуки; въ четвертой—собственныя имена, фамиліи, расположенныя также въ азбучномъ порядкѣ. Много выписокъ съ собственными именами находится и во 2-ой папкѣ, а третья вся занята словами на буквы отъ *б* до *л*. Весь собранный здѣсь матеріалъ по своему характеру напоминаетъ обнародованное уже въ печати, въ 4 выпускахъ „Къ исторіи звуковъ" и въ недавнихъ еще замѣткахъ въ „Живой Старинѣ". Словамъ, на примѣръ, со звукомъ *х* предшествуетъ фонетическая замѣтка объ измѣненіи этого спиранта на почвѣ русскаго языка; въ другихъ случаяхъ, кромѣ бытовыхъ объясненій, встрѣчаются и историко-литературныя; а нѣкоторыя выписки напоминаютъ издающіеся въ настоящее время „Матеріалы для древнерусскаго словаря" Срезневскаго. Общій же характеръ этихъ замѣтокъ—этимологія, понимаемая въ смыслѣ раскрытія лексической полноты слова. Если исторія слова выходитъ за предѣлы русскаго и славянскихъ языковъ, то для уясненія развитія слова всегда привлекается сравнительный матеріалъ изъ прочихъ арійскихъ нарѣчій. Что до распредѣленія этого матеріала, то азбучный порядокъ изрѣдка встрѣчающійся въ соч. „К исторіи зв." здѣсь, какъ указано, преобладаетъ; въ частности же нерѣдко встрѣчается и группировка словъ по гнѣздамъ.

Изданіе этихъ матеріаловъ для русскаго сравнительно-этимологическаго словаря несоставитъ большого труда; желательно было бы, чтобы изданіе это было вмѣстѣ съ тѣмъ и перепечаткой вышедшихъ уже въ свѣтъ этимологическихъ изслѣдованій А. А. Потебни. Среди словарныхъ работъ Миклошича и др. трудъ А. А. займетъ почтенное мѣсто и составитъ важную настольную книгу для всякаго занимающагося изученіемъ древней русской письменности, народной словесностью и вообще славянскими нарѣчіями. Печатающіеся въ настоящее время „Матеріалы для древнерусскаго словаря" Срезневскаго получатъ въ этимологическихъ замѣткахъ А. А. весьма существенное дополненіе, безъ котораго многое въ нихъ останется неяснымъ.

Хотя изученіе звуковой наружности языка А. А. считалъ дѣломъ второстепеннымъ въ языкознаніи и на свои изслѣдованія по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка смотрѣлъ, какъ на необходимые лѣса для возведенія зданія русскаго синтаксиса; тѣмъ не менѣе всѣмъ извѣстно важное значеніе его фонетическихъ изслѣдованій. Да и самыя синтактическія его работы достаточно указываютъ на качество этихъ лѣсовъ, среди которыхъ видное мѣсто занимаетъ морфологія русскаго языка. Въ 7-ми папкахъ находятся тѣ матеріалы изъ этой области русскаго языкознанія, которые покойный неспѣшилъ обнародовать.

Въ первой изъ нихъ находится склоненіе существительныхъ, прилагательныхъ, замѣтки по изслѣдованію о членѣ въ русскомъ и прочихъ славянскихъ нарѣчіяхъ и объ именныхъ суффиксахъ. Категоріямъ родительнаго падежа, мѣстоименію, частицамъ, союзу (объ излишествѣ союзовъ), превращенію мѣстоименія въ союзъ и нарѣчіе, предлогу посвящены замѣтки во 2-ой папкѣ. Третья заключаетъ въ себѣ матеріалы объ удареніи въ именахъ по склоненіямъ, въ глаголахъ по разрядамъ и формамъ, о вліяніи предлоговъ на ударенія и пр. Отдѣлъ объ удареніяхъ находится въ болѣе обработанномъ видѣ, чѣмъ другіе.

Въ 4-хъ папкахъ собраны матеріалы о глаголѣ, которые должны были, повидимому, лечь въ основу 4-й части записокъ по грамматикѣ какъ и первые три. Судя по начатой разработкѣ этой категоріи рѣчи, это вовсе не матеріалы для изученія формъ глагола ради формъ, а для новаго дополненія къ русскому синтаксису. Вотъ нѣкоторыя рубрики, усмотрѣнныя нами въ этихъ запискахъ: о глагольныхъ разрядахъ; исторія глагола съ внѣшней стороны является его усложненіемъ, исторія его съ внутренней стороны—выработка видовъ; о видахъ, временахъ, наклоненіяхъ, глагольныхъ частицахъ, о вліяніи предлоговъ на образованіе видовъ; о залогахъ, о роли мѣстоименія *ся* въ образованіи залоговъ, о страдательности; роль предлоговъ въ заложныхъ образованіяхъ (*до*, *отъ* и др.).

Пересматривая замѣтки о глаголѣ, мы пришли къ тому печальному заключенію, что то, что читалось въ аудиторіи, незаносилось на бумагу; а между тѣмъ такого изслѣдованія о русскомъ глаголѣ и его судьбахъ, какого можно было ожидать отъ А. А., русская грамматическая литература долго, можетъ быть, не увидитъ. Коротенькій семестровый курсъ, читанный имъ въ послѣднее время о глаголѣ, указываетъ на то, что онъ имѣлъ въ виду дать стройную исторію происхож-

денія глагольныхъ разрядовъ въ такой же обработкѣ, въ какой мы имѣемъ исторію имени въ 3-й части записокъ.

Что касается остальныхъ папокъ смѣшаннаго содержанія, то въ нихъ за исключеніемъ 2-хъ, посвященныхъ народной поэзіи, народно-поэтическимъ и миѳическимъ образамъ и одной съ черновыми набросками для новыхъ записокъ по грамматикѣ, интересна по своему содержанію папка съ слѣдующими набросками: Объ изученіи иностранныхъ языковъ (по повода Тютчева) съ цѣлымъ рядомъ замѣтокъ о народности; о задачахъ языкознанія, о важномъ значеніи русскаго языка (конспектъ вступительной лекціи 1881—2 г.); языкъ и задачи языкознанія (болѣе новыя замѣтки); объ искусственномъ языкѣ (по поводу статьи Макса Мюллера въ Deutsche Rundschau); о національнизмѣ (по поводу статьи Рюдигера въ Zeits. f. Volksps.; замѣтки о томъ же по поводу книги Данилевскаго „Россія и Европа"; объ Одоевскомъ (коспектъ реферата); о Дневникѣ писателя (тоже); о литературномъ письменномъ общерусскомъ языкѣ; о заповѣди „чти отца твоего" въ примѣненіи къ дѣятелямъ слова. Замѣтки такого же общаго характера находятся и въ другихъ папкахъ и среди бумагъ еще неразобранныхъ, какъ напр. о пессимизмѣ, объ отношеніи къ прошлому, о диссертаціи Соболевскаго, о методѣ изслѣдованія, о Л. Толстомъ (его послѣднихъ сочиненіяхъ) и пр. Всѣ онѣ имѣютъ весьма важное значеніе для біографіи (я не говорю о научномъ ихъ значеніи, которое несомнѣнно) А. А., для выясненія его взглядовъ на нѣкоторые волнующіе и волновавшіе нѣкогда русское общество вопросы; онѣ прольютъ свѣтъ также и на его міросозерцаніе, цѣльное и жизнерадостное, и опредѣлятъ, какимъ образомъ сложился этотъ типъ положительнаго человѣка съ здоровыми убѣжденіями, такъ благотворно вліявшаго на всѣхъ, кому пришлось побывать въ его сообществѣ.

Я не упомянулъ еще объ одной рукописи, именно о переводѣ Одиссеи на малорусскій языкъ размѣромъ подлинника. А. А. серьезно занимался этимъ трудомъ во время одной лѣтней поѣздки за границу, отдыхая отъ своихъ научныхъ занятій. Сотня стиховъ или больше переписаны имъ набѣло, часть рукою его жены М. Ф. Потебни. Остальное—наброски карандашемъ, обнимающіе 8 пѣсень и начало 9-й, да подготовительныя замѣтки для перевода. Судя по нимъ, покойный хотѣлъ дать переводъ чисто-народнымъ языкомъ, близкимъ къ стилю Гомера; и потому сдѣланное имъ начало перевода представляетъ трудъ весьма интересный въ литературномъ и въ научномъ отношеніи.

Есть, наконецъ, еще пачки бумагъ неразсмотрѣнныхъ, которыя не представляютъ ничего цѣлаго. Это—отчасти конспекты лекцій, отчасти обрывки „научнаго дневника", (по выраженію покойнаго) съ замѣтками и выписками изъ читанныхъ имъ книгъ.

Списокъ печатныхъ сочиненій А. А. Потебни и отзывовъ о нихъ.

(Составленъ проф. Н. Ѳ. Сумцовымъ).

О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи, Харьковъ. 1860 (155 стр.). Объ этой кн. см. „Соврем. малор. этнографію" г. Сумцова въ Кіев. Старинѣ 1892 II 206—208 и IV 26.

Мысль и языкъ. Рядъ статей въ Журн. Минист. Народ. Просвѣщенія 1862 г. Были оттиски (191 стр.). Второе посмертное изданіе вышло въ 1892 г. Объ этой кн. см. въ ст. Б. М. Ляпунова и ст. М. С. Дринова, вошедшихъ въ сборникъ некрологовъ.

О связи нѣкоторыхъ представленій въ языкѣ въ Филол. Запискахъ 1864 г. вып. III.

О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій. I Рождественскіе обряды. II Баба—Яга. III Змѣй. Волкъ. Вѣдьма (310 стр.). Напеч. въ 2 и 3 кн. „Чтеній моск. Общ. ист. и древн." 1865 г. Обширная рецензія П. А. Лавровскаго въ 2 кн." Чтеній моск. Общ. ист. и древ. 1866 г. См. Сумцова во II кн. Кіев. Стар." 1892 с. 208—214. Отвѣтъ Потебни Лавровскому не былъ напечатанъ Бодянскимъ и сохранился въ рукописи.

Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка: I Полногласіе. II Звуковыя особенности русскихъ нарѣчій. Напеч. въ Филол. Запискахъ 1864—1865 г.; были оттиски (156 стр.). Объ этихъ трудахъ Потебни выше приведены отзывы Срезневскаго и Ляпунова.

Замѣтка на замѣтку о Кикѣ въ Филол. Зап. 1865 I.

О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ, нап. въ „Древностяхъ Москов. Археол. Общества 1867, т. II; были оттиски (44 стр.). См. Кіев. Старину 1892 II 214—215.

О купальскихъ огняхъ и сродныхъ съ ними представленіяхъ, нап. въ „Археолог. Вѣстникѣ" Моск. Археол. Общества 1867; были оттиски (19 стр.). См. Кіев. Стар. 1892 II 215—216.

Къ статьѣ Аѳанасьева „Для Археологіи русскаго быта", въ „Древностяхъ" Арх. Общ. 1867 I вып. 2.

Переправа черезъ воду, какъ представленіе брака, въ Археол. Вѣстн. 1868 нояб.—дек.

Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи, въ „Филол. Запискахъ“ 1870 и отдѣльно 1871 г. Отзывъ Срезневскаго въ его „Отчетѣ“ 1875 г. стр. 22.

Изъ записокъ по русской грамматикѣ I введеніе. Напеч. въ Филол. Запискахъ 1874 г.; были оттиски (157 стр.). II составныя части предложенія и ихъ замѣны въ русскомъ языкѣ. Напеч. въ „Запискахъ харьк. университета“ 1874 и отдѣльно (538 стр.). Обѣ части составили докторскую диссертацію. Второе изданіе, исправленное и дополненное вышло въ 1889 г. Отзывы А. А. Котляревскаго, И. И. Срезневскаго, И. В. Ягича, В. И. Ламанскаго, А. С. Будиловича и И. В. Нетушила приведены выше.

Къ исторіи звуковъ русскаго языка. Первая часть печаталась въ Журн. Мин. Нар. Просв 1873—74 г. и Филол. Зап. 1875; 2, 3 и 4 въ Рус. Филол. Вѣстникѣ 1880—1886 г.; затѣмъ вышли отдѣльно въ 4 частяхъ. Въ I ч. (243 стр.) „Нарѣчія въ древнемъ русскомъ языкѣ“, „Начальное рус. о=ст слав. Ꙗ“, три статьи о глухихъ звукахъ ъ и ь, статья о первомъ полногласіи (оро—ра и пр.) и о этимологическихъ различеніяхъ коренныхъ гласныхъ въ глаголахъ; во II—IV разныя этимологическія замѣтки, однѣ вполнѣ филологическія, другія переходятъ въ этнографическія. О послѣднихъ см. Кіев. Старину 1892·III 409—423. Статья о юсахъ была перепечатана въ „Архивѣ“ Ягича

Ореографическая замѣтка о слитномъ употребленіи отрицанія не съ глаголами, въ Филол. Зап. 1875 VI.

Разборъ книги П. Житецкаго, „Обзоръ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“ 1876 г. въ „Отчетѣ объ Уваровскихъ преміяхъ“.

Малорусская народная пѣсня по списку XVI в. Текстъ и примѣчанія. Въ „Филол. Зап.“ 1877 г., были оттиски (53 стр.) см. Кіев. Старину 1892 II.

Слово о Полку Игоревѣ. Текстъ и примѣчанія. Въ Филол. Зап. 1877—78 г. и отдѣльно (158 стр.).

Разборъ „Нар. пѣсень Галицкой и Угорской Руси“ Головацкаго въ 21 отчетѣ объ Уваровскихъ преміяхъ въ 37 т. Записокъ Акад. Наукъ (1878 г.).

Некрологъ проф. М. А. Колосова въ „Южномъ Краѣ“ 1881 г. № 28.

Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень. Печ. въ Рус. Филол. Вѣст. 1882—1887 г. Въ отдѣльности составили два толстыхъ тома: I т. (1883 г.) веснянки (268 стр.); въ II (1887) колядки (535 стр.). О I т. см. отзывъ Неймана въ IV кн. Кіев. Стар. 1884 г. о II т.

см. отзывъ Франка въ Kwartalnik Historiczny 1888 № 3, объ обоихъ томахъ см. Сумцова въ Кiев. Стар. 1892 IV и V.

Значенiя множественнаго числа въ русскомъ языкѣ, въ Филол. Зап. и отдѣльно въ 1888 г.; 76 стр.

Сочиненiя Г. Ѳ. Квитки въ 4 томахъ (1887—1890) вышли подъ редакцiей А. А. Потебни.

Сочиненiя П. П. Артемовскаго—Гулака въ V кн. Кiевской Старины 1888 съ краткимъ предисловiемъ и подъ редакцiей А. А. Потебни.

Степовы думы та спивы, *Ивана Манджуры* 1889 г. подъ редакцiей А. А. Потебни.

Малорусскiе домашнiе лѣчебники XVIII в. съ предисловiемъ А. А. Потебни въ I кн. Кiев. Стар. 1890. Дополненiе г. Степовича въ IV кн. Кiев. Стар. 1890 г.

Сказки, пословицы и т. п., запис. И. И. Манджурой въ Сборникѣ Харьк. Истор.—Филол. Общества 1890 г. подъ редакцiей А. А. Потебни.

Этимологическiя замѣтки въ III кн. Живой Старины 1891 г. стр. 117—129. Отзывъ А. И. Смирнова въ Рус. Фил. Вѣст. 1891 г. кн. II 309.

СБОРНИКЪ

Харьковскаго

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО

ОБЩЕСТВА.

Томъ 4-й.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія К. Счасни, Сумская ул., д. № 1-й.
1892.

Печатано по опредѣленію Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ, состоявшемся въ засѣданіи 12 Мая 1891 г.
Предсѣдатель Профессоръ *М. Дриновъ.*

КЪ ИСТОРІИ КОЛОНИЗАЦІИ
Лѣвобережной Украины
въ XV—XVI в.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вопросъ о колонизаціи Лѣвобережной Украины (Полтавской и Черниговской губ.) въ XV и XVI в. до сихъ поръ не подвергался еще разработкѣ. Въ исторической литературѣ не существуетъ спеціальнаго изслѣдованія, посвященнаго данному вопросу; почти нѣтъ и отдѣльныхъ статей. [1]) И тотъ, и другой фактъ объясняются, прежде всего, скудостью матеріаловъ. Лѣтописи не даютъ намъ даже тѣхъ крупицъ, которыя можно найти въ нихъ для исторіи колонизаціи этой области въ болѣе ранній періодъ. Въ актовомъ матеріалѣ можно найти тоже чрезвычайно мало данныхъ для интересующаго насъ вопроса. Такая скудость источниковъ по этому періоду едва-ли когда-либо пополнится: время и обстоятельства, вѣроятно, взяли свое. [2]) Но помимо недостатка матеріаловъ есть еще другое затрудненіе при изслѣдованіи вопроса о колонизаціи Лѣвобережной Украины въ XV и XVI в. Области (Черниговская и Переяславская), составившія Лѣвобережную Украину, какъ извѣстно, съ половины XIV в. входили въ составъ то Литовскаго, то Московскаго, то Польскаго государства. Такія частыя перемѣны владѣтелей не могли не отразиться на характерѣ колонизаціи. Для того, чтобы уловить значеніе того или другаго государства въ заселеніи Лѣвобережья, необходимо, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ ознакомиться съ политическимъ, соціальнымъ и экономическимъ бытомъ этихъ государствъ, а это условіе далеко невсегда возможно исполнить съ одинаковой полнотой.

Тѣмъ не менѣе, не смотря на такія неудобства, я рѣшился взяться за такую работу и сообщить результаты, сознавая вполнѣ, что результаты невелики и скромны.

---

[1]) Статьи почтеннаго изслѣдователя южно-русской старины А. М. Лазаревскаго относятся лишь только къ нѣкоторымъ пунктамъ Черниговской губ. (села Конотопск. уѣзда и др.); послѣдняя его работа „Описаніе старой Малороссіи“ посвящена одному Стародубовскому полку.

[2]) Въ изданномъ не такъ давно „Описаніи Литовской метрики“—Пташицкаго, всего лишь 5—6 померовъ касаются Сѣверщины; но и то еще вопросъ—относятся-ли эти документы къ Черниговщинѣ и Полтавщинѣ или другимъ сосѣднимъ губерніямъ.

Меня побудило къ этому слѣдующее обстоятельство: я предполагалъ раньше заняться вопросомъ „о колонизаціи Лѣвобережной Украины съ 1/2 XVII до к. XVIII в.“, внеся сюда, главнымъ образомъ, архивный матеріалъ. Но, при ближайшемъ знакомствѣ съ матеріалами этого періода, у меня возникъ вопросъ: „а что-же было до 1/2 XVII в., и въ какомъ положеніи Лѣвобережье перешло къ Московскому государству?“ Отвѣта на этотъ вопросъ нельзя было найти въ существующихъ пособіяхъ. Приходилось, такимъ образомъ, отложить предположенную раньше работу и заняться изученіемъ интересующихъ меня данныхъ почти исключительно по источникамъ. [1]) Данныхъ этихъ оказалось немного, особенно, для періода XV—XVI в., которымъ и посвящена предлагаемая статья. При этомъ я счелъ нужнымъ сообщить и краткій историко-топографическій очеркъ Лѣвобережной Украины. Что касается до колонизаціи Лѣвобережной Украины при польскомъ владычествѣ, въ первой половинѣ XVII в., то для этого періода матеріаловъ имѣется больше. Не говоря уже о трехъ первыхъ томахъ „Актовъ Южной и Западной Россіи“, много свѣдѣній, относящихся къ этому періоду, можно найти въ извѣстныхъ историческихъ матеріалахъ, изданныхъ г. Яблоновскимъ. (Żródla dziejowe, t. V.) Располагая этими и другими свѣдѣніями, возможно, наконецъ, установить правильную точку зрѣнія на роль Польши въ дѣлѣ заселенія Лѣвобережья. Значительная часть матеріаловъ и по этому вопросу мною уже разработана, но за отсутствіемъ въ настоящее время подъ руками необходимыхъ источниковъ дальнѣйшая разработка ихъ остановлена.

I.

Историко-топографическія свѣдѣнія о Лѣвобережной Украинѣ.

Подъ именемъ Лѣвобережной Украины въ прежнее время извѣстна была территорія, занимаемая нынѣ губерніями Черниговской и Полтавской. Черниговская губернія занимаетъ сѣверную часть Лѣвобережья, а Полтавская южную. Какой нибудь естественной границы между этими частями не существуетъ; и по устройству поверхности, и по характеру орошенія, и по климатическимъ условіямъ губерніи эти представляютъ *въ общемъ* однообразную картину. И въ той, и въ другой губерніи замѣчается наклонъ почвы въ юго-западномъ направленіи; и та, и другая губернія, по устройству поверхности, представляютъ, въ большинствѣ случаевъ, ровную площадь, изрѣзанную мѣстами оврагами и покрытую кое—гдѣ небольшими холмами. Но такой

1) Акты Западной Россіи; Архивъ Юго-Западной Россіи т. I.; Сборникъ Императорскаго Русскаго Истор. Общ. т. XXXV; Румянцевская опись; Danilowicz. Liatopisiec Litwy i Kronika Ruska; Симбирскій сборникъ; Филаретъ: Историко-статист. описаніе черниговъ. епархіи (матеріалы извлеченные изъ архивовъ); Ипатская лѣтопись и другія.

общій характеръ устройства поверхности интересующей насъ территоріи имѣетъ и отступленія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Черниговской губерніи можно замѣтить рядъ возвышенностей- это продолженіе Алаунской возвышенности. Онѣ (возвышенности) выходятъ изъ Смоленской губерніи и тянутся въ западной части Черниговской въ южномъ направленіи по уѣздамъ: Мглинскомъ, Стародубскомъ, Новгородъ—Сѣверскомъ и Кролевецкомъ, заканчиваясь почти при впаденіи Сейма въ Десну. [1]) Въ Полтавской губерніи возвышенности встрѣчаются почти исключительно по берегамъ (правымъ) рѣкъ: Сулы, Псла и Ворсклы, при чемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ доходятъ до нѣсколькихъ десятковъ саженей; такъ при г. Лубнахъ отвѣсъ горы равняется 35 саж. [2]) Возвышенная плоскость на сѣверо-востокѣ и постепенно понижающался къ юго-западу обусловливаетъ собою и направленіе рѣкъ Лѣвобережья. Какъ главныя рѣки Черниговской и Полтавской губерніи: Сожь, Десна съ Сеймомъ, Сула, Пселъ, такъ и второстепенныя, притоки ихъ—имѣютъ направленія почти исключительно юго-западное. Всѣхъ рѣкъ, протекающихъ въ Полтавской губерніи, 242; въ Черниговской 170. [3]) Значительное большинство этихъ рѣкъ теперь настолько обѣднѣло водой, что во многихъ мѣстахъ, особенно лѣтомъ, или совершенно пересыхаетъ, или превращается въ болота. Не то было два три вѣка назадъ: не говоря уже о Деснѣ [4]), которая до сихъ поръ отчасти судоходна, но даже Сула, Пселъ, Трубежъ были въ прежнее время настолько обильны водой, что судоходство по нимъ было вполнѣ возможно.

Въ 1556 г. дьякъ Ржевскій, предпринимая походъ въ Крымъ, подошелъ ко Пслу, выстроилъ суда и поплылъ по немъ къ Днѣпру [5]). Въ Сулѣ и Трубежѣ были находимы якори [6]). Роменъ притокъ Сулы тоже былъ судоходенъ [7]). Болото Замглай, лежащее въ сѣверо-западной части Черниговской губерніи, по разсказу старожиловъ, представляло раньше судоходную рѣку, служившую сообщеніемъ между Десной и Сеймомъ, что доказывается, какъ замѣчаетъ арх. Филаретъ, и настоящимъ его теченіемъ—съ востока на западъ, и тѣмъ, что на немъ еще недавно находили обломки суденъ [8]). Тоже можно сказать и о незначительной рѣчкѣ Выдрѣ, протекающей вблизи с. Неданчичъ въ Любецк. у. Черниговской губерніи. Вотъ, что разсказывалъ

[1]) Атласъ Шуберта № 85, 87 и др.; Матеріалы для географіи и статист. Россіи, собран. офиц. генеральн. штаба. Черниг. губ стр. 9. [2]) Списки населенныхъ мѣстъ. Полт. губ. стр. VII. [3]) Списки населен. мѣстъ. Черниг. губ. 23.

[4]) Акты Ю. и З. Россіи. т. IX, № 5; Зябловскій. Новѣйшее землеописаніе Россійской Имперіи Спб. 1807 г. стр. 16.

[5]) Временникъ т. II кн. IV. стр. 245. Ср. Бопланъ—стр. 16; Зябловскій—стр. 71.

[6]) Списки населенныхъ мѣстъ. Полтавская губ. стр. XII.

[7]) Арх. Филаретъ. Истор.—Стат. Опис. Черниг. епарх. кн. VI стр. 383.

[8]) Ib —стр. 263—4.

арх. Филарету 80-ти лѣтній старикъ о Выдрѣ и городкѣ (насыпи), лежащемъ вблизи Неданчичъ: „се тутъ була колись таможня, тамъ у вершинахъ була велика ричка; звали еи Выдра. По ній колись ходили судна з разнымъ товаромъ. Було идутъ з низу; тутъ у городку и выгружаютъ товары, а отсюль уже сухимъ рунамъ (?) одвазили въ Любечъ; Любечъ, бачь, бувъ, колись великій городъ„; [1]) не такъ давно, добавляетъ арх. Филаретъ, и въ Выдрѣ находили доски плавныхъ суденъ. Факты эти доказываютъ, что нѣсколько вѣковъ назадъ многія изъ рѣкъ Лѣвобережной Украины были судоходны, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, и орошеніе области находилось въ лучшемъ положеніи, чѣмъ теперь. Гдѣ-же причина современнаго обмелѣнія рѣкъ? Здѣсь нужно указать, съ одной стороны, на истребленіе лѣсовъ, съ другой, на засореніе русла, происходящее двоякимъ путемъ: во время разлива рѣки русло засоряется землей, наносимой ручейками, образовавшимися или отъ дождей, или отъ таянія снѣга: кромѣ того, русло засоряется отъ устройства на рѣкахъ гатей и плотинъ, задерживающихъ теченіе воды. Лѣса, занимающіе и теперь въ Черниговской губ. 1/8 Задесенья. (уѣзды: Суражскій, Новозыбковскій, Городненскій, большую часть-Мглинскаго, Стародубскаго, Сосницкаго, Черниговскаго и отчасти Новгородъ—Сѣверскаго и Остерскаго, [2]) — въ прежнее время, конечно, занимали гораздо большее пространство. Принятое нѣкоторыми изслѣдователями дѣленіе Черниговской губ. на двѣ части: лѣсную, расположенную на правой сторонѣ Десны,—и степную на лѣвой, переходящую въ Полтавской губ., едва-ли можетъ быть приложимо къ болѣе отдаленному времени, хотя-бы къ XVII в. Не утверждаю, но полагаю, что остатки лѣсовъ, которые теперь еще можно встрѣтить въ Полтавской губ. служатъ лучшимъ доказательствомъ, что и эта мѣстность была въ значительной степени лѣсиста. Обратимся къ фактамъ. Прежде всего замѣчу, что мои неоднакратныя поѣздки по Полтавской губер. (уѣздамъ: Лубенскомъ, Лохвицкомъ, Роменскомъ, Зеньковскомъ, Хорольскомъ, Полтавскомъ, Гадячскомъ и др.) дали возможность въ достаточной степени присмотрѣться къ характеру этой мѣстности. Проѣзжая я почти вездѣ встрѣчалъ среди полей какъ-бы островки—стоящіе особнякомъ небольшіе лѣсные участки, расположенные иногда другъ отъ друга на небольшомъ разстояніи: ихъ отдѣляли нерѣдко всего лишь десятки саженей. Ясно, что лѣсные участки были соединены между собою; образовавшіеся же перерывы есть результатъ вырубки лѣсовъ, что доказывается и находимыми здѣсь еще пнями. Если вы поѣдете, напримѣръ, почтовымъ трактомъ отъ Полтавы до Роменъ, присмотритесь къ характеру мѣстности, то навѣрно замѣтите это явленіе.

[1]) Филаретъ цитир. соч. т. V стр. 27.

[2]) Матер. для геогр. и статис. Россіи. Черниговская губ. стр. 9.

Мало того: если вамъ прійдется встрѣтить старожила въ одной изъ такихъ мѣстностей и вы заведете съ нимъ разговоръ о лѣсахъ этой мѣстности, то вы услышите, что теперешнее „безлѣсье“ Полтавской губ. есть результатъ, главнымъ образомъ, безпощаднаго истребленія здѣшнихъ лѣсовъ въ XIX в.; но и помимо личныхъ наблюденій, въ моемъ распоряженіи имѣется еще нѣсколько фактовъ, подтверждающихъ эту мысль. Въ уѣздѣ Переяславскомъ, по наблюденіямъ г. Маркевича, попадаются лѣса черные и сосновые. Правый берегъ Сулы богатъ растительностью. Кромѣ плотнаго и высокорослаго дуба въ лѣсахъ этой мѣстности растутъ: кленъ, ясень, верба и тополь. Лѣвый берегъ Удая также покрытъ лѣсами. По правому берегу Ворсклы встрѣчаются лѣса дубовые; въ м. Диканькѣ есть дубы, достигающіе сажени въ діаметрѣ. [1]) На днѣ Псла до сихъ поръ нерѣдко находятъ дубы громадной величины. [2]) Все это убѣждаетъ меня, что мѣстность, занимаемая Полтавской губ., не носила безусловно степнаго характера и не составляла въ этомъ отношеніи такаго рѣзкаго контраста съ Черниговской, какъ предполагаютъ нѣкоторые изслѣдователи. Если-же и можно говорить о степномъ характерѣ Полтавщины, то развѣ о югѣ ея, о заворсклинской части, т. е. о нынѣшнемъ Константиноградскомъ уѣздѣ.

Естественно, что при изобиліи лѣсовъ и рѣки отличались обиліемъ воды; съ постепеннымъ уничтоженіемъ лѣсовъ начинается и обмелѣніе самыхъ рѣкъ. „Вообще, говорить проф. Замысловскій, хищническое истребленіе лѣсовъ, въ особенности на горахъ и въ области рѣчныхъ истоковъ, имѣло и имѣетъ губительныя послѣдствія для многихъ культурныхъ странъ: уровень ихъ внутреннихъ водъ понизился, а число наводненій въ извѣстный періодъ времени возрасло, сухость воздуха стала лѣтомъ ощутительная, и почва лишилась своего прежняго плодородія, вслѣдстіе чего бѣднѣе и растительность.“ [3]) Но уничтоженіе лѣсовъ, какъ было уже замѣчено, не единственная причина обмелѣнія рѣкъ. Послѣднему способствуетъ также и засореніе русла. Во время половодья, когда въ каждую рѣку впадаетъ множество вновь образовавшихся ручейковъ, несущихъ воды съ горъ и полей, русло главной рѣки засоряется наносимой землей, родники исчезаютъ, отчего и *количество* воды убавляется. Между тѣмъ новодненія въ Полтавщинѣ были очень значительныя. Вотъ, что, напримѣръ доноситъ Гадячскій полковникъ Грабянка гетману въ 1731 г. о наводненіи Псла: „я готывъ его три разы, тылько-жъ за сіоголитнымъ обвальныхъ дождей новодненіемъ, невозможно було его удержать. Но я, усмотря способъ, веливъ работниковъ наймать и зъ горы Псла

---

[1]) Маркевичъ Николай. Рѣки Полтавской губ. Записки Имп. Русск геогр. общ. кн. 6-я 1856 г. стр. 341, 386, 409.

[2]) Напримѣръ въ Гадячскомъ у (наблюденія автора).

[3]) Замысловскій. Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи стр. 245.

просто канавы въ ширь по 12 сажень, довго ведучи, копаты, оставя прорву въ сторони далекой; я тымъ гребли многую полеглость учынывъ" [1]) Если такъ сильно могъ разливаться Пселъ, то можно себѣ представить, до какой степени сильны были разливы нѣкоторыхъ рѣкъ Черниговской губ., отличавшихся вообще большимъ обиліемъ воды. Но, и кромѣ половодья, засореніе рѣкъ Лѣвобережья зависѣло еще отъ устройства на нихъ множества плотинъ и гатей для мельницъ, останавливавшихъ правильное, равномѣрное теченіе воды. Нерѣдко случалось, что воды въ рѣкѣ на время совсѣмъ задерживались, гноились и покрывались разными водяными растеніями. Указаніе на это явленіе, какъ на одну изъ главныхъ причинъ обмелѣнія южно-русскихъ рѣкъ, на первый разъ, можетъ показаться преувеличеннымъ. Но стоитъ только познакомиться непосредственно съ источниками южно-русской исторіи, въ особенности съ жалованными грамотами и универсалами XVIII в.— и справедливость замѣчанія вполнѣ обнаружится. Перечитывая грамоты, универсалы и другіе историко-юридическіе акты, относящіеся, главнымъ образомъ, къ землевладѣнію южной Руси, почти въ каждомъ изъ нихъ можно найти указаніе на заведенныя уже плотины и мельницы или просьбу—„загатыть греблю для мельницы". Здѣсь не мѣсто указывать на причину этого явленія; замѣтимъ только, что нерѣдко десятки, даже сотни плотинъ перегораживали рѣку въ различныхъ мѣстахъ. Я располагаю небезинтересными данными по этому вопросу, относящимися къ Черниговскому полку. Оказывается, что на 80 небольшихъ рѣкахъ, находилось 315 мельницъ, причемъ на Бречѣ—10; на Бѣлоусѣ—21; на Дяговѣ—12: на Пакулькѣ—11; на Рядкѣ—10; на Сновѣ—46; на Убедѣ—25. [2]) Часто случалось и такъ, что мельницы одного владѣльца были разбросаны въ разныхъ мѣстахъ рѣки и для каждой изъ нихъ требовалось устройство отдѣльной гребли. Такъ, мельницы Троицкаго Черниговскаго монастыря были расположены въ нѣсколькихъ пунктахъ на р. Мыльнѣ: „одна подъ селомъ Ярыловичами при Руднѣ о едномъ коли мучномъ; другая при Попѣрнѣ;..... третья у деревни Кшелювки о двухъ колахъ. „На рѣкѣ Смячи было 6 гребель: Верхняя, Гнѣздицкая, Горошковская, Погорѣлая, Полѣтиченская, Красногорская—всѣ онѣ принадлежали бунчук. товарищу Андрею Борковскому. [3]) Тоже самое замѣчалось и въ Полтавщинѣ. По вѣдомостямъ, поданнымъ гетману отъ Лубенскаго полковника Марковича, на Сулѣ было въ одномъ его полку мельницъ на 72 осады [4]). Данныхъ такихъ можно привести еще не мало; но и приведенныхъ

[1]) Записки Имп. Русск. геогр. Общ. кн. 6-я, 1856 г. стр. 356.

[2]) Записк. Черн. губерн. Стат. ком. 1872, кн. 2-я. Вып. 5-й и 6-й. Прил. 3.

[3]) Записки Черн. Стат. Комитета 1872, кн. 2-я в. 5 и 6-й Список водяныхъ мельницъ Черниговскаго полка 1742 г. прил. 3.

[4]) Зап. Имп. Геогр. Общ. кн. 6, 1856 г. стр. 356.

достаточно, чтобы убѣдиться, какая масса гатей была устроена въ Лѣвобережьѣ XVIII в. и насколько, слѣдовательно, часты были препятствія для правильнаго теченія рѣкъ [1]).

Указавъ на устройство поверхности и характеръ орошенія, скажу нѣсколько словъ о фаунѣ и флорѣ Лѣвобережья въ прошломъ.

Выше было замѣчено, что лѣса какъ Черниговской, такъ и Полтавской губерній къ XVIII в. уже значительно порѣдѣли: измѣнялся характеръ мѣстности—измѣнялась и фауна. Чѣмъ ближе къ XVIII в., тѣмъ дикихъ звѣрей медвѣдей, лосей и друг. здѣсь встрѣчается все меньше и меньше.

Въ половинѣ XVI в. Михалонъ литвинъ писалъ о юго-западной Руси: „звѣрей такое множество въ лѣсахъ и степяхъ, что дикіе волы, дикіе ослы и олени убиваются только для кожи, а мясо бросается, кромѣ филейныхъ частей; козъ и кабановъ оставляютъ безъ вниманія. Газелей такое множество перебѣгаетъ зимою изъ степей въ лѣса, а лѣтомъ въ степи, что каждый крестьянинъ убиваетъ тысячи. На берегахъ плаваетъ множество бобровъ. Птицъ удивительно много, такъ что мальчики весною наполняютъ лодки яйцами утокъ, дикихъ гусей, журавлей, лебедей и потомъ ихъ выводками наполняютъ птичьи дворы.“ [2])

Въ первой половинѣ XVII в. Боплану встрѣчались на югѣ Полтавщины цѣлыми стадами олени, лани, сайги, дикіе кабаны „величины необыкновенной.“ [3])

Между Сулой и Супоемъ водилось множество байбаковъ. [4]) Но если въ XVI и въ началѣ XVII в. въ лѣсахъ Лѣвобережья водились кабаны, лоси, дикія козы, а вблизи рѣкъ бобры, въ степяхъ табунами ходили дикія лошади, то уже въ XVIII в. „дикая звѣрина“ попадается лишь въ немногихъ мѣстахъ и добывается съ большимъ трудомъ. Въ 1753 г. для гетмана въ Москву были отправлены изъ полка Полтавскаго: 5 дикихъ козъ, 2 оленя, 4 сугака; Миргородскаго полка: 21 пара куропатокъ и 49 тетерваковъ. Полковая Лубенская канцелярія доносила: убито посыланными отъ той канцеляріи промышленниками два лоси въ Черниговскомъ полку, а болѣе

[1]) Въ этомъ отношеніи интересно слѣдующее современное сообщеніе о р. Ворсклѣ. Ворскла омываетъ, пишетъ обыватель Кобелякъ, нашъ городъ съ двухъ сторонъ. Въ самомъ началѣ вступленія въ черту города поставлена преграда въ видѣ плотины, сдѣланной изъ навоза, земли и хвороста; на этой плотинѣ стоитъ мельница. Пройдя эту первую преграду, Ворскла черезъ версту встрѣчаетъ другую плотину, тоже съ мельницей; саженей черезъ 20—третья, такая-же. Эти три плотины общими силами дѣлаютъ съ нашей Ворсклой слѣдующее: изъ прозрачной и чистой она обращается въ мутную, насыщенную растворомъ навоза; изъ глубокой передъ плотиной—послѣ нея, какъ говорится, воробью по колѣни, причемъ обмелѣніе ея съ каждымъ годомъ увеличивается. „Южный Край“ 1887 г. № 2160.

[2]) Арх. истор. юрид. свѣд. кн. 2, стр. 61.

[3]) Бопланъ. Описаніе Украины стр. 94.

[4]) Тамъ-же.

добыти было невозможно, хотя всемѣрно старалися: перво затѣмъ, что степь весь сгорѣлъ, а другое по тому степу вездѣ людей умножилось." [1]) Что касается флоры, то изъ лѣсныхъ деревьевъ чаще всего попадались: дубъ, ясень, кленъ, сосна, берестъ и др., изъ садовыхъ: яблони, груши, вишни и др. Кое гдѣ были попытки еще въ XVII в. развести виноградъ, что очевидно и достигалось. Въ Лубенскомъ Мгарскомъ монастырѣ (1676 г.) находился діаконъ Анорфій, который „досматривалъ послушаніе виноградное." [2]) Пробовали въ XVIII в. разводить на югѣ Лѣвобережья тутовыя деревья. [3]) Изъ минераловъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Черниговской губ. добывалась руда, (въ болотахъ), изъ которой выдѣлывались въ XVIII в. чугунъ и желѣзо; [4]) въ Полтавщинѣ еще въ началѣ XVII в. въ Переяславскомъ старостве добывали много селитры, а затѣмъ производство селитры распространилось и въ Черниговщинѣ. [5]) Такимъ образомъ и по устройству поверхности, и по богатству естественныхъ даровъ природы Лѣвобережная Украина представляла одну изъ самыхъ богатыхъ территорій для заселенія. Она должна была рано привлечь населеніе и удержать его, не смотря на многія неблагопріятныя историческія условія.

II.

Заселеніе Лѣвобережной Украины въ XV—XVI в.

Заселеніе древнихъ княжествъ Переяславскаго, Черниговскаго и южной части Сѣверскаго, составлявшихъ область, извѣстную позже подъ именемъ „Лѣвобережной Украины"—достигло къ началу XIII в. значительной степени: въ это время мы встрѣчаемъ здѣсь нѣсколько торговыхъ городовъ, укрѣпленныхъ пунктовъ и не малое количество разбросанныхъ селъ и деревень. [6]) Но съ XIII в. дальнѣйшее заселеніе края должно было остановиться: сѣверо-восточная Русь, а затѣмъ и южная подверглись татарскому нашествію; жители частью были перебиты, частью уведены въ плѣнъ, или же бѣжали въ сосѣднія области, а оставшіеся на мѣстѣ уходили въ лѣса, болота, пещеры, бросая села и города, какъ ненадежные пункты. Обширный край, казалось, совершенно запустѣлъ; въ дѣйствительности населеніе только значительно уменьшилось, но совершенно не исчезло, какъ доказываютъ современныя розысканія. Извѣстенъ споръ возникшій въ 40-хъ годахъ между покойными историками Погодинымъ и Максимовичемъ „о

---

[1]) Арх. малор. коллег. при Харьк Унив. № 950.

[2]) Акты Ю. и З. Р. т. X. № 125.

[3]) Арх. малор. коллег. при Харьк Унив. № 1558, 1668.

[4]) Шафонскій стр. 50.

[5]) Шафонскій. стр. 88 и 87 и др. Zròdla dziejowe стр. 133.

[6]) Очерки русской историч. географіи. Барсовъ. В. 1873 г. стр. 143, 144, 150.

запустѣніи Украины“ послѣ татарскаго погрома. [1]) Тогда какъ доводы перваго были, въ большинствѣ случаевъ, или голословными, или же отличались легкимъ, поверхностнымъ отношеніемъ къ лѣтописному матеріалу, доводы послѣдняго являлись результатомъ тщательнаго изученія и строгой критики немногихъ, но убѣдительныхъ фактовъ, почерпнутыхъ изъ источниковъ. Естественно, что упорное желаніе Погодина видѣть Украину, послѣ татарскаго погрома, запустѣвшую должно было уступить мѣсто противоположному мнѣнію. Спустя почти сорокъ лѣтъ, въ началѣ 80-хъ годовъ проф. В. Б. Антоновичъ на страницахъ своей работы: „Кіевъ, его судьбы и значеніе съ XIV—XVI ст.“ затронулъ вопросъ о запустѣніи Кіевской области въ XIII—XIV в. Цѣлый рядъ данныхъ, почерпнутыхъ главнымъ образомъ, изъ лѣтописей привелъ В. Б. Антоновича къ такому заключенію: „въ описываемую эпоху Кіевъ съ своею областью не представлялъ полнаго запустѣнія, ожидавшаго иноземныхъ колонистовъ, но, напротивъ, принималъ дѣятельное участіе въ исторической жизни западной половины Россіи, по большей части руководилъ развитіемъ этой жизни, и, во всякомъ случаѣ, занималъ въ ея теченіи весьма почетное мѣсто.“ [2]) Выводъ этотъ настолько былъ обстоятельно доказанъ фактами, что въ своемъ тщательномъ и отчасти небезпристрастномъ разборѣ выше означенной статьи Антоновича проф. Соболевскій, не возражая болѣе о запустѣніи Кіевской области, замѣтилъ только, что г. Кіевъ былъ все же ничтожнымъ и не игралъ никакой роли въ Литовско-Русскомъ государствѣ. [3]) Признавая заселенной, хотя и рѣдко, Кіевскую область, мы должны признать вмѣстѣ съ тѣмъ заселенною и ту часть Черниговщины, двѣ волости которой Любецкая и Остерская тянули къ Кіевской землѣ. [4]) Въ этомъ убѣждаютъ насъ еще и слѣдующія данныя, непосредственно относящіяся къ территоріи Черниговской земли: въ сказаніи объ убіеніи князя Михаила Черниговскаго, такъ описываются послѣдствія татарскаго погрома: „иныя же (жители) бѣжали въ дальныя страны, иныя же крыяхуся въ пещерахъ земныхъ, и въ горахъ и въ лѣсѣ;“ ясно, что часть населенія, спасаясь отъ татаръ, ушла изъ городовъ, но осталась въ той же области и лишь только миновала опасность населеніе возвратилось къ прежнимъ жилищамъ. Изъ лѣтописныхъ данныхъ видно, что уже въ 1240 г. князь Ростиславъ возвращается въ Черниговъ, [5]) а въ 1245 г. кн. Михаилъ совершаетъ

---

[1]) Максимовичъ. Собр. сочин. т. I стр. 131—149.

[2]) В. Б. Антоновичъ. Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. т. I стр. 264.

[3]) Кіевскія Университ. изв. 1885 г. № 11.

[4]) Арх. Юго-Западной Россіи. ч. VII, т. I, стр. 19. (Владимірскій Будановъ: населеніе Юго-западной Россіи съ XIII до полов. XV в.).

[5]) Ипатская лѣтопись стр. 524.

поѣздку въ орду для полученія ярлыка на Черниговское княжество. [1]) Въ концѣ XIII и началѣ XIV в. населеніе Черниговщины очевидно до такой степени возросло, что мы встрѣчаемъ въ Черниговѣ епископа Захарію [2])....

Всѣ эти факты, полагаю, въ достаточной степени убѣждаютъ насъ въ томъ, что Лѣвобережная Украина, точнѣе сѣверная ея часть ея, Черниговская земля не запустѣла послѣ татарскаго погрома, не лишилась своего населенія. Татарское нашествіе ослабило, правда, политическое значеніе Черниговщины; но и только. Центръ политической жизни въ это время переходитъ изъ области Сѣверянъ, въ область Вятичей изъ Чернигова въ Брянскъ. Но такой порядокъ вещей продолжается недолго. Уже въ половинѣ XIV в. Лѣвобережная Украина дѣлается достояніемъ новыхъ завоевателей Литовцевъ, затратившихъ, по всей вѣроятности немного труда на ея покореніе. Новые завоеватели не были похожи на своихъ предшественниковъ татаръ. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ народомъ не только вполнѣ осѣдлымъ, но и несомнѣнно знакомымъ уже съ основами прочной государственной жизни. Не грабежи и опустошеніе имѣетъ въ результатѣ Литовское владычество въ Лѣвобережной Украинѣ, а охраненіе здѣсь прежняго населенія и его увеличеніе, насколько, конечно, позволяли тогдашнія внутреннія и внѣшнія условія, въ которыхъ находилось Литовское государство. Къ сожалѣнію, условія эти были далеко неблагопріятны: обширное по пространству, но мало заселенное Литовское государство, должно было въ теченіи XIV—XVI в. имѣть постоянныя столкновенія то съ Московскимъ правительствомъ, то съ дикими степняками татарами. Въ первомъ случаѣ поводомъ къ столкновенію двухъ государствъ послужило то временное покровительство, котороe снискали въ Литвѣ, съ одной стороны, Псковъ и Новгородъ, противъ объединительныхъ стремленій Москвы, съ другой многіе удѣльные князья, переходившіе съ своими вотчинами или безъ нихъ на службу въ Литву; во второмъ случаѣ поводомъ къ столкновенію служили и непосредственныя стремленія татаръ обогащаться на счетъ грабежей въ Литвѣ, и призывъ ихъ Московскимъ правительствомъ, а иногда и самыми правителями Литовскихъ областей для защиты своихъ личныхъ интересовъ. Мало того: затрачивая свои силы на борьбу съ врагами, Литовское правительство, въ тоже время естественно подвергало чаще всего и свои украинныя области нападенію враговъ. Если на пограничьѣ не велись постоянныя войны, то частныя, домашнія, такъ сказать, столкновенія между жителями областей Литовскихъ и Московскихъ никогда не прекращались. Въ этомъ отношеніи лучшій примѣръ представляютъ судьбы интересующей насъ Черниговской

---

[1]) ib стр. 524.

[2]) Филаретъ. Истор. стат. описан. Черниг. Епарх. кн. I стр. 24.

области. Съ конца XV в. и въ теченіе всего XVI в. тянутся нескончаемые переговоры между Литовскимъ и Московскимъ правительствами о пограничныхъ грабежахъ: то и дѣло послы Литовскіе при всякомъ удобномъ случаѣ жалуются на грабежи Московскихъ людей, а послѣдніе въ свою очередь заявляютъ, что Литовскіе люди первые постоянно грабятъ ихъ. [1]) Такимъ образомъ, и само правительство Литовское, сосредоточивъ главное вниманіе на внѣшней политикѣ, не могло предпринять особенно дѣятельныхъ мѣръ къ заселенію Черниговщины и положеніе этой области, какъ окраинной, не было выгодно для ея заселенія. И тѣмъ не менѣе въ XV и XVI в. колонизація этого края подвигалась впередъ, хотя и медленно, тихими шагами, но все же безостановочно, насколько это видно изъ крайне не многочисленныхъ данныхъ, которыми мы располагаемъ. Причину этого явленія нужно искать какъ въ тѣхъ выгодныхъ условіяхъ, которыя предлагались новымъ поселенцамъ въ Черниговщинѣ Литовскимъ правительствомъ, такъ отчасти и въ заботахъ правительства укрѣпить страну замками и по возможности оградить эту область отъ внезапныхъ нападеній враговъ. Согласно этимъ основнымъ двумъ условіямъ идетъ и колонизація края. Съ одной стороны мы видимъ въ XV и XVI в. пожалованіе цѣлыхъ округовъ съ городами князьямъ и меньшихъ земельныхъ участковъ земянамъ и боярамъ, съ другой, воздвигаются замки: Остерскій и другіе. Первый типъ колонизаціи владѣльческо-крестьянскій былъ особенно распространенъ въ Черниговщинѣ въ литовскій періодъ. Уже во второй половинѣ XIV в. князь Юрій Половецъ-Рожановскій получилъ городища: Рожны, Крехаевъ и Свѣтильновъ, лежавшія въ нынѣшнемъ Остерскомъ уѣздѣ Черниг. губ. [2]) Въ концѣ XIV в. Литовскимъ княземъ Витольдомъ были отданы эти имѣнія князю Сокирѣ, да еще прибавлены: Остеръ, Черининъ, Боденки, Выползово. [3]) Въ половинѣ XV в. были пожалованы бѣжавшимъ изъ Московскаго государства князьямъ Шемякѣ и Можайскому слѣдующіе города „со всѣмъ што къ нимъ слушаетъ:“ первому Новгородъ-Сѣверскъ; второму Черниговъ и Стародубъ. [4]) Въ концѣ XV в. князю Жеславскому былъ отданъ Мглинъ. [5]) Къ сожалѣнію ни одна изъ грамотъ не опредѣляетъ не только точно границъ пожалованныхъ имѣній, но даже и не намѣчаетъ ихъ въ общихъ чертахъ. Въ то время еще не было нужды въ этомъ: слишкомъ много было пустошей и слишкомъ мало было населенія. Нужно было привлекать жителей широ-

---

[1]) Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ. т. XXXV, №№ 55, 76, 77, 81, 82, 83 и др. Акты Западн. Р. т. II, № 16, 62, 47, 74.

[2]) Kulikowski. Opis powiatu Wasilkowskiego стр. 38.

[3]) Акты Западной Россіи т. I стр. 98.

[4]) ib. т. II № 62; т. I № 180 и др.

[5]) ib.

кими раздачами земель и хотя такимъ путемъ способствовать росту населенія. Вотъ почему, отдавая выше означенные города князьямъ, Литовскіе великіе князья отдаютъ ихъ „со всими дворы и волостьми и изъ селы боярскими и изъ слугами путными и изъ людми волостными и тяглыми и изъ слободчики и изъ данники и со всими ихъ землями пашными и бортными и зъ ловы и сѣножатми и озеры и зъ рѣками и зъ бобровыми гоны и зъ ставы и зъ ставищи, и зъ даньми грошовыми и медовыми, и зъ мыты и зо всими платы и доходы, што здавна къ тымъ замкамъ прислухало." Получивъ такія обширныя земли, князья, конечно, должны были стремиться и къ ихъ заселенію, такъ какъ отъ этого зависѣло и ихъ матеріальное обогащеніе и безопасность области. Съ этою цѣлью князья раздаютъ отъ себя земли боярамъ или другимъ людямъ вольнымъ, заводя у городовъ села [1]). Не рѣшаемся утверждать, насколько подвигалось отъ такихъ раздачъ заселеніе края, но во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что владѣльцы дорожили своими населенными землями и всячески старались отстаивать ихъ. Въ концѣ XV в. княгиня Марія Трабская хлопотала о возвращеніи ей Остерской отчины съ селами: Черлинъ, Боденьковцы, Выполозово, Носово, Рожны, Лѣпкавичи, Свѣтильновичи, которые были отданы князьями Олелькомъ и Семеномъ архимандриту Кіевскому, боярамъ и сокольникамъ [2]). Отчина была возвращена ей. Если являлось стремленіе отстаивать свои права на владѣнія, при тогдашнихъ порядкахъ, то значитъ владѣніе землями въ Черниговщинѣ представляло свои выгоды. Конечно „дани грошевыя и медовыя" не могли быть особенно значительны въ то время, когда сама грамота предоставляетъ недовольнымъ новымъ владѣльцамъ боярамъ оставить земли о уйти [3]). При такихъ условіяхъ только вольное соглашеніе могло способствовать удержанію прежнихъ жителей и приходу новыхъ. Каковы-же были обязательства владѣльца по отношенію къ Литовскому правительству? Обязательства эти сводились къ тому, чтобы „владѣльцы вѣрно служили съ своихъ имѣній" Литовскому Великому князю, точнѣе владѣльцы должны были, съ одной стороны, помогать князю въ его столкновеніяхъ съ другими государствами, съ другой, и это главное, заботиться объ охранѣ отъ враговъ Черниговщины [4]). Въ послѣднемъ случаѣ владѣльцы обязывались строить и содержать замки; при чемъ въ этомъ дѣлѣ немало помогало имъ и само правительство. Болѣе или менѣе полныя свѣдѣнія о характерѣ укрѣпленіи замка въ Лѣвобережной Украинѣ XVI, о средствахъ, которыя шли на его содержаніе мы имѣемъ относительно Остерскаго замка. Остерскій замокъ

---

[1]) Ак. Западной Россіи т. I. № 133.

[2]) ib. т. II № 135

[3]) ib. т. I № 172.

[4]) Акты Запад. Россіи № 37. стр. 49—50.

былъ построенъ въ половинѣ XVI в. изъ сосноваго дерева; заключалъ до 30 башенъ и 5 вежъ. Мѣсто, занимаемое замкомъ, простиралось въ длину на 37 сажень, въ ширину на 31. Въ сѣверной части былъ устроенъ острогъ „ново робленъ кольемъ дубовымъ, по верху валъ.“ Въ замкѣ находилось гаковницъ 38; ручницъ 13; гаркабузъ 1. Содержался замокъ, почти исключительно, на средства мѣщанъ (57) и бояръ (27) остерскихъ. Бояре должны были чинить острогъ съ помощью своихъ крестьянъ; ходить на непріятеля со старостою и наблюдать за дорогами, по которымъ обыкновенно проходилъ непріятель; выѣзжать разъ въ годъ на три дня вмѣстѣ съ старостой на охоту въ первую порошу за Трубежъ. Мѣщане частью платили дань, а частью отбывали натуральныя повинности: строили и починяли острогъ; нанимали совмѣстно съ крестьянами двухъ сторожей въ замокъ; принимали участіе въ старостинской охотѣ и ловили рыбу для старосты въ городскомъ озерѣ. Размѣръ дани не превышалъ 5 возовъ сѣна и пятидесяти грошей. Къ замку тянули слѣдующія села: Выползово, Ельминка, Крехаевъ, Чернино, Жукинъ; въ первомъ было 7 дворовъ подданныхъ, въ послѣднемъ 11; въ остальныхъ по 5. Дань крестьяне платили деньгами и сѣномъ; остальныя 5 селеній: Дымерка, Свѣтильновъ, Лѣтки, Рожны и Коленцы—не платили повинностей, хотя и тянули къ Остерскому замку [1]). Таковъ былъ Остерскій замокъ. Какъ укрѣпленный пунктъ, при томъ пограничный, замокъ этотъ имѣлъ несомнѣнно важное значеніе для мѣстныхъ жителей: при малѣйшей тревогѣ и опасности, хотя часть жителей могла укрыться въ замкѣ и отсидѣться. Мало того: разъѣзды по дорогамъ давали возможность жителямъ заблаговременно узнать о грозившемъ наступленіи враговъ, и скрыться если не въ замокъ, то въ другія безопасныя мѣста. Такимъ путемъ шло заселеніе края до XVI в.; но съ XVI в. значительная часть Лѣвобережной украины, почти вся Черниговщина, отошла къ Москвѣ. Южная граница московскихъ владѣній въ Черниговщинѣ шла отъ Остра на сѣверо-востокъ вверхъ рѣкою Десною до впаденія въ нее Смолинки; потомъ на востокъ Смолинкою до ея истока, откуда простиралась въ нынѣшній Нѣжинскій уѣздъ захватывая городища Мринъ, Носовку и Дѣвицу. Часть эта была присоединена къ Московскому государству съ переходомъ туда владѣтельныхъ князей Шемяки и Можайскаго, искавшихъ въ Москвѣ защиты отъ религіозныхъ притѣсненій [2]). Въ 1500 г. Литовское правительство передало оффиціально эту часть Москвѣ съ городами: Черниговомъ, Стародубомъ, Новгородъ-Сѣверскомъ, Почепомъ, Радогощемъ, Мглиномъ, Путивлемъ, Рыльскомъ и Брянскомъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы Александру „королю Польскому и великому князю Литовскому и

[1]) Архивъ Юго-Западн. Руси ч VII т. 1-й стр. 592.

[2]) Danilowicz. Latopisiec Litwy i Kronika Ruska. Wilno. 1827 стр. 280, 281, 282 А. Зап. Р. Т. I № 108.

Русскому тѣхъ городовъ и волостей и земель всѣхъ не воевати и не зацѣпляти ничемъ" [1]). Присоединеніе почти всей Черниговщины къ Москвѣ, пытавшейся давно уже возвратить ее къ своимъ владѣніямъ, было, конечно, весьма важно для Московскаго государства. Край этотъ представлялъ пограничную область съ кочевыми татарами, отъ набѣговъ которыхъ немало страдала центральная Русь. Поэтому и первыя заботы Московскаго правительства по отношенію къ Черниговщинѣ выразились въ постройкѣ укрѣпленій и въ привлеченіи сюда служилыхъ людей. Къ первой половинѣ XVI в. нужно отнести укрѣпленіе слѣдующихъ пунктовъ: Стародуба, Почепа, Мглина, Радогощи, Городни, Чернигова и Новгородъ—Сѣверска [2]). Главнѣйшими изъ нихъ были: Стародубъ, Черниговъ, Новгородъ Сѣверскъ и Почепъ. Въ каждомъ изъ этихъ городовъ находился воевода, иногда даже два, а подъ его вѣдѣніемъ служилые люди, состоящіе преимущественно изъ дѣтей боярскихъ. Намъ неизвѣстно количество служилыхъ людей за все время; но у насъ есть свѣдѣнія за одинъ г.—1616. Въ это время въ Стародубѣ было два воеводы; дѣтей боярскихъ 170; пушкарей и затинщиковъ 26 человѣкъ; воротниковъ 4 человѣка; съ головою находилось по сторожамъ 200 стрѣльцовъ, да 100 казаковъ; кромѣ того, на помощь приходили ратные люди другихъ городовъ 150 ч., такъ что общее число служилыхъ людей Стародуба равнялось 650. Въ Новгородъ-Сѣверскѣ при одномъ воеводѣ состояло дѣтей боярскихъ 85 человѣкъ; Черниговцевъ 36; пушкарей и затинщиковъ 60 чел.; воротниковъ 8 чел.; кузнецовъ 2 чел.; плотниковъ 2; съ головою стрѣльцовъ 150 человѣкъ; да казаковъ 100 человѣкъ, на помощь въ случаѣ надобности, приходили изъ Ельца 150 дѣтей боярскихъ и казаковъ; изъ Бѣлгорода 100 человѣкъ дѣтей боярскихъ и станичниковъ; общая цифра служилыхъ людей Новгородъ—Сѣверска доходила до 693 ч. Въ другихъ городахъ Сѣверщины тоже находились служилые люди; въ Путивлѣ 1048 ч.; въ Брянскѣ 497 ч.; въ Рыльскѣ 744. [3]) Такимъ образомъ, общее число служилыхъ людей Сѣверщины простиралось до $2^1/_2$ тысячъ. Допустимъ, цифра эта не можетъ соотвѣтствовать постоянному количеству присутствовавшихъ здѣсь людей; допустимъ, что время это было исключительное: внутри государства были еще враги, необходимо было укрѣпить и украинную область; но во всякомъ случаѣ цифра эта даетъ понять то значеніе, какое имѣла Черниговщина, какъ окраинная область, въ глазахъ Московскаго правительства. Каковы-же были обязанности служилыхъ людей? Но ставя этотъ вопросъ, мы вдаемся, быть можетъ, въ излишнія

---

[1]) Ак. Зап. Россіи т. I № 192, 288; т. II № 6.

[2]) Danilowicz. Liatopisiec Litwy . . . . стр. 321, 822. Симбир. Сборникъ стр. 10, 18, 27, 28. Карамзинъ. И. Г. Р.—т. VII стр. 14; Филаретъ . . . т. VII стр. 35.

[3]) Чтен. Моск. Общ. Исторіи 1846 г. № 4 стр. 47 Ст. Бѣляева. (Источники). Симбирск. Сборн. 15, 24, 138, 147.

подробности? Едвали. Отвѣтъ на вопросъ этотъ дасть намъ возможность указать и роль служилаго сословія въ дѣлѣ заселенія края. Обязанности служилыхъ людей были двоякаго рода: служилые люди составляли внутреннюю стражу города, крѣпости—это во 1-хъ, во 2-хъ они наблюдали по сакмамъ и дорогамъ за движеніемъ татаръ, доставляя заранѣе необходимыя свѣдѣнія въ городъ. [1]) Такіе наблюдательные сторожевые пункты отстояли другъ отъ друга не далѣе двухъ дней пути. Во второй половинѣ XVI в. въ Черниговщинѣ мы встрѣчаемъ три группы такихъ сторожъ: 1) по притокамъ Сейма; 2) отъ Сейма къ Сулѣ, Пслу иВорсклѣ; 3) по притокамъ Ворсклы. На сторожѣ, расположенной между Псломъ и Ворсклой, стояли служилые люди Путивля и Рыльска по два человѣка изъ города; на сторожѣ между Псломъ и Сеймомъ на рѣчкахъ изъ тѣхъ-же городовъ 4 человѣка; наконецъ, на сторожѣ у Бѣлыя Вежи изъ Путивля и Новгородъ—Сѣверска по 2 человѣка. [2]) Разъѣзды служилыхъ людей по сакмамъ, конечно, были сопряжены съ большими затрудненіями: нерѣдко случалось, что на служилыхъ людей при разъѣздахъ нападали татары, отнимали у нихъ оружіе и лошадей, а самихъ брали въ плѣнъ. Московское правительство, предвидя всѣ эти трудности—старалось, по возможности, хотя матеріально обезпечить находившихся въ украинныхъ земляхъ служилыхъ людей, вознаграждая ихъ трудъ то деньгами, то большихъ размѣровъ помѣстьями. [3]) Но ни то, ни другое не могло особенно привлекать служилое сословіе къ постоянному здѣсь поселенію. Временно, по обязанности, собравшіеся здѣсь служилые люди мало были связаны съ занимаемой ими территоріей и мало дорожили представляемыми имъ средствами. Тутъ имѣло значеніе какъ украинное положеніе Черниговщины, такъ и родъ службы. Мало того, что Черниговщина почти граничила съ кочевьями татаръ, она непосредственно соприкасалась съ Литовскими владѣніями. Пограничныя столкновенія, носившія иногда характеръ частныхъ набѣговъ, а иногда войнъ между жителями двухъ областей были, какъ уже замѣчено раньше, нерѣдки. Отъ такихъ набѣговъ терпѣли жители городовъ, еще больше селъ. Вотъ почему служилые люди, при первой возможности, стараются уйти изъ Черниговщины въ мѣста болѣе безопасныя, при согласіи правительства, а иногда и безъ согласія, [4]) и намъ кажется, что прибываніе служилаго элемента въ Черниговщинѣ непосредственно не способствовало заселенію края; но за то оно имѣло, по всей вѣроятности, благодѣтельное значеніе для оставшихся здѣсь прежнихъ крупныхъ владѣльцевъ, которые подъ защитою московскихъ ратныхъ людей

---

[1]) Бѣляевъ. Источн. стр. 8, 12, 27, 45.

[2]) ib. стр. 9.

[3]) Древняя Россійская Вивліоѳика Изд. 2-е Москва. 1789 г., 7—8, стр. 1—12. Ч. М. О. Ист. и Др. 1846 г. № 4. стр. 6.

[4]) Симбирск. Сборн. Малор. дѣла стр. 9.

могли заселять свои пустоши. [1]) Въ этомъ отношеніи особенный интересъ имѣетъ зарождающаяся въ XVI в. въ Черниговщинѣ монастырская колонизація, представляющая особый видъ владѣльческо—крестьянскій. Въ Черниговщинѣ еще до татарскаго нашествія было основано нѣсколько монастырей (Любечскій, Спасскій—Новгородъ-Сѣверскій) и др.; одни изъ нихъ возникли, благодаря заботамъ удѣльныхъ князей правившихъ областью, другіе были основаны отшельниками иноками. И тѣ и другіе монастыри были болѣе или менѣе обезпечены въ матеріальномъ отношеніи: кромѣ денежныхъ приношеній, нерѣдко весьма обильныхъ, монастыри пользовались и помѣстьями. И едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что зарождавшаяся монастырская колонизація въ Черниговщинѣ могла пустить глубокіе корни и монастыри имѣли-бы важное значеніе въ дѣлѣ заселенія края, если-бы не татарское нашествіе, не только пріостановившее развитіе монастырской колонизаціи, но и совершенно уничтожившее все сдѣланное монастырями въ этомъ отношеніи. Къ этому заключенію можно прійти, принявъ во вниманіе значеніе монастырей въ жизни древне-русскаго общества до татарскаго періода: они (монастыри) являлись насадителями вѣры, они были проводниками образованія, защитниками слабыхъ и угнетенныхъ, вънихъ, наконецъ, находили совѣтъ и нравственную опору и сами удѣльные князья. Само собой понятно, что вытекшая отсюда связь монастыря съ обществомъ побуждала послѣднее дорожить имъ и заботиться объ его благоустройствѣ. Какъ только перешла Черниговщина къ Москвѣ, начались возрождаться здѣсь и монастыри, а съ ними и заселеніе края. Въ самомъ Черниговѣ находился Елецкій монастырь, основанный еще при князѣ Святославѣ Ярославичѣ во второй половинѣ XI в.; монастырь этотъ былъ татарами разрушенъ и только съ XVI в. начинается его возобновленіе.

Къ этому времени относятся весьма любопытныя свѣдѣнія относительно этой обители, оставленныя Голятовскимъ и заимствованныя имъ отъ старожиловъ. „Въ с. Сомовѣ, пишетъ Голятовскій въ Скарбницѣ, что между Сѣвскомъ и Карачевымъ жили два брата: священникъ Симеонъ и священникъ Феофанъ—старый до того, что ему было болѣе 100 лѣтъ; въ Туцичевѣ Авдѣй Дорофѣевичъ имѣетъ 150; въ Черниговѣ—Максимъ Костомаха 110 л. Эти старцы разсказывали, что они, будучи еще молодыми людьми, жили въ Черниговѣ, въ правленіе великихъ князей московскихъ: „Тогда на Елецкой церкви было много верховъ каменныхъ; Елецкій монастырь былъ окруженъ палями, какъ замокъ Черниговскій и жили здѣсь московскіе иноки". Сила Денисовичъ Вохня, Черниговскій житель отъ старости слѣпой и глухой, разсказывалъ въ 1676 году, что на Елецкой церкви были верхи каменные, но покрытые не оловомъ, а дубовыми досками; монастырь былъ обстав-

[1]) Румянцевск. опись. т. III стр. 675, 741.

ленъ палями вокругъ, какъ теперь Черниговскій замокъ, кругомъ церкви были келіи и жили иноки; въ Елецкомъ монастырѣ былъ колодезь и большіе колокола висѣли на двухъ столбахъ, а малые на колокольнѣ" [1]). Заботясь о внѣшнемъ видѣ монастыря, государи московскіе не оставляли безъ вниманія и матеріальныхъ средствъ его. Насколько щедро раздавались имѣнія монастырямъ въ этотъ періодъ и какими льготами они пользовались, это лучше всего видно изъ грамоты Ивана IV, данной Новгородъ—Сѣверскому Спасскому монастырю въ 1552 г. Оказывается, что земли Спасскаго монастыря находились въ 2-хъ уѣздахъ: Новгородъ—Сѣверскомъ и Путивльскомъ; къ первому монастырю принадлежали: „слобода около монастыря съ окружающими полями, дворовое мѣсто на посадѣ, с. Афанасывское на р. Деснѣ; деревни Страчевъ на р. Терлѣ; Новоселки и Зерново на р. Бобрикѣ; починки: Березовая гряда, Лучневъ, починокъ на р. Ласкѣ и 31 озеро. Во второмъ уѣздѣ Спасскій монастырь владѣлъ всею колодезною волостью съ... ....селищами: Тухва на р. Релѣ; починками: противъ Перунова-Городища надъ старымъ озеромъ и починокъ Коренской съ 16 озерами и 27 бортными уходами. [2]). Уже по этому одному краткому перечню монастырскихъ владѣній можно заключить, до какой степени они были громадны. Имѣнія эти, какъ видимъ, были заселены. Быть можетъ, инаціатива заселенія и не принадлежала монастырю; но дальнѣйшій приростъ населенія зависѣлъ уже отъ монастыря. На эту мысль наводятъ насъ тѣ льготы, которыми пользовались здѣсь монастырскіе крестьяне. „И кто въ тѣхъ селѣхъ" говорится въ грамотѣ, „и въ деревняхъ и въ починкахъ и на селищахъ, и на пустошахъ, и на дикихъ поляхъ въ Новгородскомъ и Путивльскомъ уѣздахъ учнуть жить люди.....крестьяне: и тѣмъ крестьянамъ не надобе и мое царево и великого князя Ивана Васильевича всея Русии дань и ямскіе деньги, и примѣти, и посошныя службы; ни коня моего не кормити, и луговъ моихъ не косити и повозовъ моихъ не возити, и мостовъ не мостити, ни пословъ не кормити, и съ тяглыми людьми тягла не тянути, ни въ какіе розмѣты, ни въ какіе проторы". Намѣстники Новгородскій и Путивльскій и тіуны не должны были собирать въ монастырскихъ имѣніяхъ себѣ кормовъ; судили они монастырскихъ крестьянъ только въ случаѣ душегубства, разбоя или воровства съ поличнымъ. Кромѣ этого, монастырскіе крестьяне были освобождены отъ платы пошлинъ: мыта, тамги, перевозовъ, мостовщины, а также при покупкѣ и продажѣ продуктовъ. Не менѣе важной льготой было и то, что ратные люди и присыльщики въ монастырскихъ деревняхъ и селахъ не ставились и кормъ себѣ и лошадямъ должны были покупать. [3]) Таковы были льготы

[1]) Арх. Филаретъ. Истор. стат. опис. Черниговск. епархіи, книга III. стр. 8.

[2]) ib стр. 111—116; Румянцевск Опись III кн. стр. 84. 247.

[3]) ib. стр. 86, 87.

предоставленныя правительствомъ Спасскому монастырю. Всматриваясь въ сущность этихъ льготъ, нельзя не подчеркнуть той большой важности, какую они имѣли для заселенія монастыря и его обширныхъ владѣній, охватывавшихъ сотни верстъ. Особенно ярко бросается это въ глаза, если припомнить, что уже въ XVI в. крестьяне центральной Руси терпѣли не мало притѣсненій отъ намѣстниковъ и волостелей, что въ дошедшихъ до насъ уставныхъ грамотахъ, то и дѣло встрѣчаются жалобы на ихъ поборы, отъ которыхъ единственнымъ спасеніемъ было бѣгство изъ общинъ; отъ такихъ побѣговъ крестьянъ многіе села и деревни оставались, какъ извѣстно, въ центральной Руси подчасъ совершенно опустѣвшими и крестьяне съ неутомимой энергіей въ поискахъ за лучшими условіями жизни переходили отъ владѣльца къ владѣльцу, пока не обрѣтали въ монастырскихъ стѣнахъ хотя временнаго покоя отъ притѣсненій волостелей и намѣстниковъ XVI в. [1]) Монастыри умѣло пользовались данными обстоятельствами, что подтверждается въ достаточной степени и приведенной выше грамотой: рядомъ съ весьма незначительными селами и деревнями мы встрѣчаемъ немало такъ называемыхъ „починковъ“, устройство которыхъ принадлежитъ самому монастырю. Мы остановились на данныхъ, касающихся судебъ Спасскаго монастыря въ XVI вѣкѣ, лишь только потому, что онъ представляется намъ типичнѣйшимъ образцомъ отношеній Московскаго правительства къ монастырямъ и отношеній послѣднихъ къ своимъ владѣніямъ; но это былъ вовсе не единственный монастырь, который возникъ въ московскій періодъ и быстро разросся, придя въ упадокъ уже въ XVII в., особенно въ польскій періодъ. На ряду съ Спасскимъ монастыремъ основываются, или точнѣе, возобновляются въ Черниговщинѣ московскаго періода и другіе: Крутицкій Николаевскій монастырь (въ нынѣшн. Конотопск. ул.); Максимовскій Преображенскій—(Сосницк. у.); Клюсовскій—Новозыбковск. [2])

До сихъ поръ я останавливался на судьбѣ Черниговщины XV и XVI в., не касаясь другой части Лѣвобережной Украины южной, древняго Переяславскаго княжества—нынѣшней Полтавщины. Вопросъ въ какомъ положеніи находилась область рѣкъ Сулы, Псла и Ворсклы, съ XIV в. присоединенная къ Литвѣ, за тѣмъ съ конца XVI в. къ Польшѣ—я теперь и коснусь. Въ иномъ положеніи находилась послѣ татарскаго погрома эта область. Менѣе населенная чѣмъ Черниговщина, Переяславская земля испытала первые грозные удары татарскихъ полчищъ. Здѣсь населеніе, если и не было истреблено поголовно то, во всякомъ случаѣ, оно и не могло далѣе оставаться въ краѣ, послужившемъ въ теченіи второй половины XIV в. и всего XV в. мѣстомъ временныхъ кочевьевъ татаръ, на что указываютъ отчасти сохранившіяся до сихъ поръ татарскія названія

[1]) Акты Арх. Эксп. т. I № 187.
[2]) Арх. Филаретъ. Описан. Черн. Епарх. т. III стр. 270; т. IV - стр. 69; т. IV—стр 180.

урочищъ и селъ. [1]) И это понятно: югъ Лѣвобережной Украины хотя не носилъ вполнѣ степнаго характера, но онъ и не былъ покрытъ такими густыми лѣсами и обширными болотами, какіе встрѣчаются и до сихъ поръ въ Черниговщинѣ. Кромѣ того помимо отсутствія естественныхъ преградъ самое положеніе юга Лѣвобережья, какъ пограничной полосы съ постоянными кочевьями татаръ — Новороссійскими степями, отстраняло заселеніе края и, въ тоже время, было удобно для татаръ степняковъ: они видѣли въ данной мѣстности выгодную территорію, если не для постоянныхъ своихъ кочевьевъ, то для временныхъ, иначе переходной пунктъ, откуда совершали набѣги въ московскія и литовскія окраины, проникая отсюда нерѣдко и въ центральныя области. Намекъ на такое положеніе юга Лѣвобережья въ XV в. сохранился, какъ мнѣ кажется, и въ родословной князей Глинскихъ, гдѣ разсказывается, что послѣ Донскаго побоища Мамаевъ сынъ, Мансуръ, зарубилъ три города: Глинскъ, да Глиницу, да Полтаву. Послѣ Мансура владѣтелемъ городовъ остался сынъ его Алекса. Почтенный изслѣдователь южно-русской старины А. М. Лазаревскій соглашается съ этимъ фактомъ [2]) и, кажется, готовъ отнести начало заселенія Полтавщины къ этой слишкомъ отдаленной эпахѣ, когда, какъ мнѣ кажется, край этотъ не имѣлъ еще постоянныхъ обитателей и только изрѣдка оглашался человѣческими голосами то наѣзжавшихъ степняковъ, то посланными въ разъѣзды служилыхъ людей Московскаго государства. Унасъ есть возможность сопоставить извѣстіе родословной съ другимъ извѣстіемъ оффиціальнымъ и несомнѣнно заслуживающимъ полнаго довѣрія. Правительство Ивана Грознаго, заботясь объ охранѣ границы, устраивало сторожи, но прибѣгало и къ другимъ мѣрамъ: оно выжигало степныя мѣста, чтобы затруднить татарскіе переходы. Существовали и описи степныхъ мѣстъ, гдѣ производилось выжиганіе; третья линія самая западная начиналась при верховьяхъ Донца направлялась къ Пслу, потомъ поворачивала на югъ къ Ворсклѣ, по направленію этой рѣки доходила до Днѣпра и, наконецъ, по Днѣпру оканчивалась за устьемъ Псла, охватывая пространства не менѣе какъ на 400 верстъ. [3]) Въ области этихъ рѣкъ устроены были и города Мансура, существованіе которыхъ при степномъ пожарѣ было, конечно, не мыслимо.... Да и самое сказаніе, какъ составленное гораздо позже описываемыхъ событій, конечно, не вполнѣ достовѣрно. Не съ городовъ Мансуровыхъ и не съ замковъ польскихъ началось заселеніе этого края около половины XVI в., а съ вольнаго перехода на жительство гонимаго силою религіозныхъ соціальныхъ и экономическихъ причинъ народа Югозападнаго края. Первыми, правда, сначала

[1]) Кіевская Стар. 1886, № 2, стр. 7, проф. Н. Ф. Сумцова (Малорусская географическая номенклатура.)

[2]) Зап. Черн. Ст. Ком 1872 г. кн. 2.

[3]) Чтен. Моск. Общ. Исторіи. 1846, № 4 стр. 25.

временными поселенцами нужно считать здѣсь „уходниковъ", т. е. иначе жителей уходившихъ изъ западнаго края для добыванія себѣ средствъ къ жизни въ Полтавщину на уходы, тянувшіе отчасти къ замку Каневскому, отчасти Черкасскому. „Уходомъ" назывался значительный земельный округъ, превосходившій, быть можетъ, по размѣрамъ теперешній уѣздъ, округъ, расположенный въ самыхъ плодородныхъ мѣстностяхъ края, обыкновенно у рѣкъ, изобиловавшихъ рыбой (даже осетрами) и бобровыми гонами, а также у лѣсовъ, гдѣ водились звѣри и находились борти. Уходы, тянувшіе къ Черкасскому старосту, мы встрѣчаемъ во второй половинѣ XVI в. по Ворсклѣ, Орели и Днѣпру; [1]) уходы, тянувшіе къ Каневскому старостѣ, шли по рѣкѣ Сулѣ, захватывая р. Переволочну; а выше Переволочны, подъ Войновымъ городищемъ, было 4 еза и на 4 мили бобровые гоны. [2]) На правомъ берегу Сулы къ сѣверу, на два дня пути находились уходы: Ромковщизна, Мехведовщизна, Щуковщизна. Но по р. Жицѣ, теперешней Оржицѣ, было два ухода. Часть Сулы, занимаемая приблизительно нынѣшнимъ Лубенскимъ уѣздомъ, составляла уходъ Гостиловскій — тутъ были пасѣки и бобровые гоны, тянувшіе непосредственно къ замку и земли мѣщанскія: Жолудевъ, Хорошковщизна, Ширковщизна, Демковщизна. На Супоѣ тоже находились уходы: Дидиковщизна, Милишчизна, Подпятковщизна, на Снѣпородѣ—уходъ Гольчевщизна; наконецъ замковые уходы находились на р. Хоролѣ. [3]) Вотъ тѣ уходы, свѣдѣнія о которыхъ попали въ люстраціи замковъ Каневскаго и Черкасскаго XVI в.

Уходы, какъ видимъ, были расположены, главнымъ образомъ, по теченію рѣкъ Сулы, Псла и Ворсклы и ихъ притоковъ; начиная отъ устьевъ рѣкъ—они тянулись до ихъ верховьевъ. Точно границы не обозначено ни одного ухода: не только центральная власть, но даже замковая администрація мало ими сначала интересовалась и обозначать границы не было охоты, да и нужды, а пожалуй, и возможности. Кто-же и на какихъ правахъ пользовался уходами? Мнѣ кажется, что еще до времени установленія извѣстныхъ обязательствъ между уходникомъ и замкомъ существовалъ періодъ свободнаго пользованія уходами, и только по мѣрѣ увеличенія уходниковъ опредѣлялось географическое положеніе ухода, и свободное не стѣсняемое пользованіе уходомъ замѣнялось обязательствомъ, сначала, конечно, легкимъ, а потомъ все болѣе и болѣе тяжелымъ. Съ половины XVI в. получившіе право пользоваться Черкасскими уходами должны были отъ „товарищества"—ватаги давать старостѣ 30 рыбъ: щукъ, карповъ, лещей и сомовъ 2-хъ бобровъ а „кгды будутъ осетры, ино зъ ватаги старостѣ осетръ одинъ, хотябъ одинъ только уловленъ" [4]).

---

[1]) Архивъ Юго-западной Руси. Ч. VII. т. I стр. 84.

[2]) ib.

[3]) ib. стр. 101.

[4]) ib. стр. 102.

По мѣрѣ знакомства съ выгодами уходнической жизни число уходниковъ растетъ. Уходами начинаютъ пользоваться жители Кіева, Чернобиля, Мозыря, Быхова, Могилева и „иные чюжогородцы одни передъ другими опережаючи, повышаютъ плату, укупуючися“ [1]). Въ 1551 г. число уходниковъ Черкасскаго староства простиралось до 300 человѣкъ.

Понятно, что съ увеличеніемъ числа уходниковъ должна была увеличиться и плата за пользованія уходами. И, дѣйствительно, изъ люстраціи Черкасскаго староства 1552 года видно, что въ это время староста бралъ съ уходниковъ „на первой пускаючи ихъ въ уходы поклону з ватаги: овса осмакъ т. е. пять солянокъ, крупъ солянку, солоду солянку; колеса или-же вмѣсто этого деньгами и медомъ“. Когда возвращались съ уходовъ, староста бралъ съ добычи уходниковъ 8-ю часть: „зрыбъ, зсала, змяса и зо всего“. Если уходники приходили съ бобровыхъ гоновъ, то староста бралъ седьмаго бобра, а остальные покупалъ „яко хотячи ззамку ихъ не выпускаючи“ [2]). Но и эти налоги и притѣсненія не страшили людей, искусившихся побывать хотя разъ на уходахъ, какъ не страшили ихъ и татарскія неожиданныя нападенія, отъ которыхъ „чинилась переказа большая“ уходомъ. На уходы шли, насколько это можно видѣть изъ уцѣлѣвшихъ документовъ, мѣщане, но главная сословная группа захватившая въ свои руки уходы съ послѣдней четверти XVI в.—были козаки, которымъ пользованіе уходами представлялось и выгоднымъ и удобнымъ. Изъ временныхъ посѣтителей они уже въ половинѣ XVI в. сдѣлались постоянными и сильно тѣснили другихъ уходниковъ; „переказа уходамъ дѣется“, говорится въ одномъ документѣ, не только отъ татаръ, „а большѣ отъ своихъ казаковъ, которые уставичне тамъ живутъ на мясѣ, рыбе, на меду, зъ пасекъ и сытятъ тамъ себе медъ, яко и дома.“ [3]) Всѣ приведенныя данныя показываютъ, что моментомъ, съ котораго нужно считать исторію заселенія юга Лѣвобережья, послѣ татарскаго нашествія, былъ XVI в., точнѣе вторая половина XVI в.; я разумѣю, конечно, тотъ моментъ, когда заселеніе пошло безостановочно съ нѣкоторымъ только временнымъ затишьемъ, т. е. съ меньшей интенсивностью, какъ это было въ 40-хъ годахъ XVII стол. Уже къ концу XVI в. и въ началѣ XVII стол. на югѣ Лѣвобережья появился Переяславскій замокъ, выстроенный Польскимъ правительствомъ конечно, не прежде, чѣмъ явилась въ немъ потребность, т. е. не прежде, чѣмъ появились здѣсь въ значительномъ количествѣ казаки, которыхъ нужно было сначала подчинить своей власти, а потомъ и воспользоваться ими какъ авангардомъ и для защиты отъ продолжавшихся все еще татарскихъ набѣговъ, и для дальнѣйшей колонизаціи края. Ясно, что продолженію колони-

---

[1]) ib. стр. 85.

[2]) ib. стр. 97.

[3]) ib. стр. 96.

заціи въ Лѣвобережной Украинѣ нѣкоторая поддержка оказана Польшей, но инициатива, вопреки увѣреніямъ г. г. Кулиша, Шайнохи, Любомірскаго и Яблоновскаго, принадлежала южно русскому народу, такъ дорого росплатившемуся въ половинѣ XVII в. за польскую поддержку Впрочемъ, мы вышли за намѣченный нами предѣлъ; быть можетъ, время и обстоятельства позволятъ намъ подѣлиться замѣтками и объ этомъ моментѣ, а теперь пора подвести посильный итогъ сказанному.

Съ того момента, какъ бурный потокъ татарскаго нашествія снесъ многое въ своемъ теченіи въ предѣлахъ Лѣвобережной Украйны, жизнь таилась только въ сѣверной ея части въ Черниговщинѣ, благодаря выгодному географическому положенію. Политическія внѣшнія условія—переходъ цѣлаго края подъ владычество сильной Литвы—увеличили жизненныя силы края приливомъ новаго населенія. Стремленіе литовскаго правительства обезопасить страну нашло полный откликъ въ мѣстномъ населеніи; здѣсь цѣли правительства и народа сходились вполнѣ.

Владѣлецъ земли былъ ея защитникомъ, онъ принималъ участіе и въ государственной заботѣ объ охранѣ области. Иной нѣсколько оборотъ принимаетъ дѣло въ московскій періодъ: здѣсь служилый человѣкъ насильно пригнанъ, а не самъ пришелъ--онъ не дорожитъ угодьемъ и, лишь только является возможность, уходитъ.

Не много, повторяю, осталось въ Черниговщинѣ служилыхъ людей къ польскому періоду, да и тѣ, когда наступила тяжелая пора польскаго здѣсь владычества, „ударили челомъ“ русскому государю объ ихъ выселеніи. Отрицать велико-русскою колонизацію въ Черниговщинѣ, конечно, я недумаю. Мнѣ кажется лишь, что корни здѣсь она если и пустила, то имѣла характеръ вольной, свободной крестьянской колонизаціи, покровительствуемой, между прочимъ, монастырями и, пожалуй, другими владѣльцами.

Иной характеръ носитъ колонизація юга Лѣвобережья. Край, оставленный на произволъ судьбы и литовскимъ правительствомъ, и польскимъ, оживился лишь съ приходомъ жителей юго-западной Руси, искавшихъ лучшихъ мѣстъ лучшихъ условій для жизни. И то, и другое нашли уходники, но не на долго; за уходниками двинулась польская шляхта, но не для того, чтобы руководить и помогать народной колонизаціи. Два теченія колонизаціи Лѣвобережной Украины первой половины XVII в. столкнулись, но не смѣшались. Народная колонизація уступила мѣсто, видимо, польско-шляхетской; но это лишь видимо, на самомъ-же дѣлѣ она продолжалась непрерывно.

Николай Бакай.

ГЕТМАНЪ МАЗЕПА

ВЪ РОЛИ

ВЕЛИКОРУССКАГО ПОМѢЩИКА.

„О вольной-владѣльческой и народной—колонизаціи Бѣлгородскаго края въ концѣ XVII и нач. XVIII ст. въ связи съ сельскохозяйственной и промысловой культурой", говоритъ въ своихъ „Очеркахъ" проф. Багалѣй, мы знаемъ немного. Благодаря отсутствію архивныхъ матеріаловъ эта интересная сторона исторической жизни Курской губ. мало разработана. Лѣтомъ этого года мнѣ удалось во время работы въ богатомъ фамильномъ Архивѣ кн. Барятинскихъ натолкнуться на одинъ изъ эпизодовъ въ этой области исторической жизни Курской губ., именно: прослѣдить, хотя и не вполнѣ, дѣятельность Мазепы, какъ великороссійскаго помѣщика. Результаты своей кратковременной работы я и думаю теперь предложить благосклонному вниманію читателей. При этомъ приношу живѣйшую благодарность владѣльцу фамильнаго княжескаго архива князю Александру Владиміровичу Барятинскому за дозволеніе воспользоваться цѣнными матеріалами архива и за вниманіе, оказываемое имъ мнѣ во все время моей работы.

Посемье, въ домонгольскій періодъ населенное сравнительно густо, во время татарскаго нашествія было сильно опустошено и край этотъ, если не совсѣмъ запустѣлъ, то сильно обезлюдѣлъ. [1]) Да оно и понятно: край, открытый для нападеній кочевниковъ, [2]) не могъ служить приманкой для населенія, не смотря на всѣ свои естественныя богатства. [3]) Мы не ошибемся, если Сеймъ, окоймленный [4]) рядомъ болотъ и лѣсовъ, въ XIV, XV и даже

---

[1]) Багалѣй. Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго Государства. т. I. Москва 1887. стр. 65 и пр.

[2]) Такъ въ XVI в. на Семи подъ Городецкимъ городищемъ былъ татарскій перелазъ (Спасскій. Книга, глаголемая Большой Чертежъ стр. 84). Городецкое городище находилось на мѣстѣ теперешнихъ г. Льгова и с. Нижнихъ Деревенекъ. (Ibid. стр. 253. Городскія поселенія Европейской Россіи. т. III стр. 30).

[3]) О естественныхъ богатствахъ Посемья см. Списки населенныхъ мѣстъ. Курская губ. стр. IX, а также Багалѣй. Очер. изъ исторіи колонизаціи и быта окр. М. Г. стр. 9.

[4]) Въ „Спискахъ населенныхъ мѣстъ. Курская губ. стр. VII и VIII." мы читаемъ, что теперь „по Сейму на низменныхъ мѣстахъ послѣ весеннихъ разливовъ остаются затоны и вообще держится влага, но настоящихъ болотъ и трясинъ не образуется", но въ прежнее время (XVII ст.) болотъ по берегамъ Сейма б. много; въ межевыхъ книгахъ XVII ст. то и дѣло встрѣчаемъ упоминаніе о болотахъ. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ 1821 и 22 г. г. кн. И. И. Барятинскій осушилъ возлѣ с. Ивановскаго болото „Ивановское" до 3000 дес. (2900).

XVI ст. поставимъ границей осѣдлаго и кочеваго населенія. Въ XVI ст. города Рыльскъ и Путивль были въ числѣ окраинныхъ укрѣпленныхъ пунктовъ Московскаго государства, откуда сторожа и станичники разъѣзжали далеко въ степь для наблюденія за татарами. [5]) Въ концѣ XVI и въ нач. XVII ст. предѣлы Московскаго государства отодвинулись далѣе на югъ построеніемъ городовъ Воронежа, Бѣлгорода, Оскола и Валуекъ; и Посемье очутилось теперь уже внутри предѣловъ Московскаго государства. Подъ защитой укрѣпленій мѣстность эта уже легко могла заселяться. И если смутная эпоха на время прервала собой колонизаціонное движеніе края, то для того, чтобы съ воцареніемъ Михаила Θедоровича, и особенно Алексѣя Михайловича оно усилилось еще болѣе. [6]) Первыми насельниками края, конечно, были служилые люди, которые составляли собой первоначальное населеніе городовъ. Они то и создали собой въ этой мѣстности помѣстную форму землевладѣнія. [7]) Вмѣсто жалованья московское правительство почти весь служилый классъ награждало землей изъ пустошей и дикаго поля, котораго въ распоряженіи правительства находилось громадное количество. Богатое же естественными произведеніями Посемье, при установившейся безопасности края отъ непріятельскихъ вторженій, не могло не привлечь вообще населенія; такъ въ XVII ст. мы встрѣчаемъ въ Рыльскомъ и въ Путивльскомъ у. у. помимо городовъ т. е. укрѣпленныхъ пунктовъ и деревни. [8]) Но еще въ концѣ XVII ст. населеніе въ этой мѣстности, особенно въ Засемьи, было слишкомъ рѣдко. [9]) Просматривая межевыя и писцовыя книги XVII ст., относящіяся къ этому краю, мы то и дѣло встрѣчаемъ выраженія „пустошь“ и „дикое поле,“ а также „лѣса“ и „болота.“ [10])

Итакъ земли, составлявшія въ прежнее время Рыльскій и Путивльскій уѣзд., находились во владѣньи украинскихъ служилыхъ людей, *) напр. по р. Избицѣ были помѣстья Зеленина, Бокачкаровыхъ, по р. Груни—Протасова, Дерюгина, у рр. Толпиной и Крѣпны—Бырдиныхъ, по рр. Деревенькамъ—Шамординыхъ, Гранкина, Пенкова, Марченковыхъ, по р. Ивницѣ—Анцыфорова, Журавлева, Бокачкарова, по р. Пѣнѣ—Золотухина и т.

---

[5]) Бѣляевъ. О сторожевой, станичной и полевой службѣ. Чт. въ Общ. Ист. и Др. 1846 г. № 4. стр. 11, 13. Багалѣй. Оч. колон. и быта окр. Моск. Госуд. стр. 37, 38.

[6]) Багалѣй. Очерки изъ ист. колон. и быта ст. окр. Моск. Госуд. стр. 252. 258 и пр.

[7]) Ibid. стр. 111—116.

[8]) Фамильный архивъ кн. Барятинскихъ. Спасскій. Книга глагол. Большой Чертежъ стр. 84.

[9]) Фамил. архивъ кн. Барятинскихъ. Багалѣй. Оч. колон. и быта ст. окр. Моск. Госуд. стр. 230, 254, 276, 277.

[10]) Фам. арх. кн. Барятинскихъ.

*) О разрядахъ украинскихъ служилыхъ людей см. Багалѣй Очерки изъ ист. кол. и быта ст. окр. М. Г. стр. 110, 111 и др.

д. [11]) и т. д. Въ помѣстьяхъ ихъ находились усадьбы со всякимъ строеньемъ [12]), а также и крестьянскіе дворы, хотя количество послѣднихъ было во всякомъ случаѣ незначительно [13]), много же, если не больше, было пустыхъ усадебныхъ мѣстъ; очень часто въ документахъ мы встрѣчаемъ выраженія „усадище", „съ усадищи" [14]). Эти усадища въ концѣ XVII в. занимали очень часто новоприхожіе черкасы [15]). Но еще оставалось много земли, не принадлежащей никому и находящейся впустѣ; эта земля, находясь въ вѣдомствѣ помѣстнаго приказа, считалась Государевой землей.

Въ XVII ст. Московское Правительство, награждая гетмановъ, вообще малороссійскую старшину за ихъ вѣрную службу, жаловало иногда ихъ деревнями въ предѣлахъ Великороссіи; одно изъ первыхъ такихъ пожалованій мы встрѣчаемъ въ 1685 г., когда Ивану Самойловичу было пожаловано за вѣрныя службы въ потомственное владѣніе въ Кромскомъ уѣздѣ пять дере-

---

[11]) Ibid.

[12]) Напр. Лѣта 7186 (1678) Апрѣля 15 д. по указу Государеву и Великаго Князя Федора Алексѣевича. . . . , . и по грамотѣ ис номѣснаго приказу и по отказной памяти воеводы Кирила Андреевича Зыбина да подьячаго Өомы Исакова рыленинъ Костентинъ Ивановъ сынъ Воропоновъ далъ выпись съ отказныхъ книгъ отказу своего на пустошь дикое поле, на лишнею примѣрную порозжую землю рыленомъ Андрею да Ивану Ивановымъ дѣтемъ Шапочниковымъ, что по сыску имъ Андрею да Ивану отказалъ въ Рыльскомъ у. въ подгородномъ стану въ пустоши межъ рѣчавъ Ивницы и Локны съ урочищи примѣрной лишней порозжей земли 140 чети въ полѣ, а вдву по тому жъ, по 70 чети въ поли, а вдву по тому жъ на человѣка. А по сему имъ, Ивану да Андрею, владѣть, дворы себѣ строить и крестьянъ къ рѣчкамъ Ивницѣ и Локнѣ садить и пашни вновь распахивать. (Фам. арх. кн. Барятинскихъ).

[13]) Просматривая, напр., опись имѣній Мазепы, мы замѣчаемъ большую разницу въ количествѣ населенія въ селеніяхъ, основанныхъ Мазепой и пріобрѣтенныхъ имъ отъ помѣщиковъ уже поселенныхъ: село Городенское, Кобылицы тожъ, поселено лѣтъ 50 и больше (опись относится къ 1708 г.)—14 дворовъ русскихъ, слободка Рѣчица—12 дворовъ, дер. Дремова—5 дворовъ, село Котливо—5 дворовъ. (См. приложеніе).

[14]) Что „усадище" означаетъ пустую усадьбу, подтвержденіемъ можетъ служить, напр., выраженіе изъ писцовой книги Путивльскаго у. 1685 г.: „на усадищѣ груши и терновые лѣски и хмѣльникъ и лѣсокъ" и пр. (Фам. арх. кн. Барятинскихъ). О пустыхъ усадьбахъ см. „Истор. монографіи Костомарова" т. XIX стр. 43.

[15]) Напр. Лѣта 7205 (1697) Сентября въ . . . . по указу Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца и по грамотѣ ис помѣснаго приказу . . . . подьячей далъ выпись съ отказныхъ книгъ отказу своего рыленину Ивану Елизарьеву сыну Петряеву на помѣстья, что ему, Ивану, по сыску отказалъ лишней примѣрной земли въ рыльскомъ у. въ Свапскомъ стану въ пустоши межъ рѣчакъ Бобрика и Радухина съ урочищи на той примѣрной земли усадищи къ р. Бобрику по обѣ стороны рѣчки Бобрика; а на тѣхъ усадищахъ поселились новоприхожіе Черкасы: Данилка Магильниковъ, Феско Саханенокъ. Грицко Лебединецъ, Тимошъ Лебединецъ, Петро Лебединецъ, Грицко Лебединецъ, Феско Лебединецъ, Данилка Лебединецъ. Максимка Лебединецъ, Ивашка Ивановъ. Мосейка Григорьевъ, Дацко Черкашенинъ, Ивашка Ивановъ, да усадищи жъ къ рѣчкѣ и внизъ и къ р. Радухину; да къ тѣмъ ко всѣмъ усадищамъ пашни и перелогу и дикого поля и дубровы на пашню добрые земли по мѣрѣ и по смѣтѣ 420 чети въ полѣ, а вдву потому жъ и по указу Великаго Государя и по сей выписи ему, Ивану, вышеписаннымъ помѣстьемъ и усадьбами и новоприхожими черкасы владѣть, пашню пахать и сѣно косить и лѣсъ хоромной и дровеной сѣчь и на усадищахъ самому селить и вновь селится противъ своихъ дачъ". (Фам. арх. кн. Барятинскихъ).

вень [16]). Но помимо пожалований малороссійская старшина иногда старалась пріобрѣсти себѣ земли въ великороссіи посредствомъ купли; такъ напр. тотъ же Самойловичъ въ рыльскомъ уѣздѣ владѣлъ землей, на которой въ 1685 г. поселилъ слободку Жадамлю [17]) (впослѣдствіе с. Неплюевка). Особенное же стараніе къ пріобрѣтенію земель въ великороссійскихъ уѣздахъ прилагалъ слѣдующій за Самойловичемъ гетманъ—Мазепа.

Когда Мазепа сталъ пріобрѣтать земли въ Великороссіи, мы точнаго указанія въ актахъ не нашли, можемъ сказать только одно, что еще до своего гетманства онъ своимъ владѣніемъ врѣзался въ Сѣвскій у., такъ въ межеваньи, произведенномъ въ Комарицкой и Крупецкой волостяхъ 193 года (1685) Львомъ Федоровичемъ Кобяковымъ и подъячимъ Иваномъ Федоровымъ, находимъ на р. Клевени мельницу запорожскаго генеральнаго есаула Ивана Мазепы, которая, какъ гласитъ межеванье, „построена къ берегу Крупецкой волости“ [18]). Пріобрѣтать же земли въ Рыльскомъ уѣздѣ Мазепа сталъ, вѣроятно, не ранѣе своего гетманства. Къ 1699 году онъ покупилъ, у помѣщиковъ, дѣтей боярскихъ и казаковъ (городовыхъ) земли [19]) въ Рыльскомъ уѣздѣ за р. Сеймомъ въ Сванскомъ станѣ въ Городиской волости подъ Ивановскимъ болотомъ и въ томъ же уѣздѣ въ Омонскомъ станѣ надъ рѣчкою Омонью. На этихъ земляхъ гетманъ построилъ слободы свободными людьми, изъ разныхъ мѣстъ приходящими. Обѣ эти слободы получили свое названіе по мѣсту поселенія: одна отъ р. Омони названа Омонскою (впослѣдствіе село Амонь), а другая отъ Ивановскаго болота —Ивановскою (впослѣдствіе село Ивановское). Въ это время т. е, въ 1699 г. въ этихъ слободкахъ было только нѣсколько дворовъ [20]). Мѣстные сосѣдніе помѣщики къ новопоселеннымъ слободамъ относились крайне не дружелюбно. Да оно и понятно. Поселяя на пустопорожнихъ мѣстахъ слободы, Мазепа предоставлялъ населенію различныя льготы: освобождалъ ихъ отъ всякаго платежа, заставляя отбывать только барщину. Конечно такія слободы были бѣльмомъ въ глазу у мѣстныхъ помѣщиковъ, ибо онѣ были соблазнительной приманкой для крестьянъ послѣднихъ; помѣщики же не отличались гуман-

[16]) Въ нихъ было 52 двора крестьянскихъ. Бантышъ—Каменскій. Исторія Малой Россіи. Москва. 1822 г. Ч. II стр. 165. А также см. Фам. арх. кн. Барятинскихъ.

[17]) Фам. арх. кн. Барятинскихъ.

[18]) Ibid.

[19]) Въ 206 г. (1698) 4 Апр. поступились рыляне Макаръ Лютого да Кузьма Коптевъ гетману и племяннику его, Обидовскому, изъ своего помѣстья въ Рыльскомъ у. за рѣкою за Семью въ пустоши дикомъ полѣ и дубровы 10 четвертей чрезъ Семь лугомъ и лѣсомъ луговымъ по оба берега рѣки Сеймовыя. Въ 207 г. Іюня въ 25 день въ Рыльскомъ уѣздѣ въ подгородномъ стану за рѣкою за Семью сѣножать противъ Россибнаго кургана межъ Ивановскаго болота и всполъскихъ лѣсковъ къ Кобякову полю дикія дубровы жеребя три десятины уступилъ Мокей Титовъ, а взялъ онъ у него. гетмана, за то свое помѣстье 25 рублевъ . . и пр. (Фам. арх. кн. Барятинскихъ).

[20]) Фамильный архивъ кн. Барятинскихъ.

нымъ обращеніемъ съ своими подданными [21]). Сосѣдніе помѣщики перенимали идущихъ на поселенія въ новыя слободы [22]), при чемъ дѣло не обходилось безъ грабежа. увѣчій и убійствъ [23]).

Скупивъ пустыя земли и поселивъ слободы Ивановскую и Амонскую, Мазепа послалъ въ Москву одного изъ старшинъ-генеральнаго писаря Михаила Воеховича (?) просить у царя грамоты на скупленныя земли, а также и защиты новопоселеннымъ слободамъ отъ притѣсненій сосѣднихъ помѣщиковъ: „чтобъ впредь никто ис помѣщиковъ никакой обиды и насилства людямъ свободнымъ, въ оныя слободки идущимъ, по дорогамъ перенимая, разоренія не чинили [24])“. При этомъ въ своемъ челобитьи Мазепа просилъ, чтобы „пожаловалъ Государь его слободамъ ис пустыхъ земель къ Ивановской 500 четвертей и къ Омонской 500 [25])“. Челобитная Мазепой была подана въ 207 (1699) г. Іюля въ 7 день. Просьба Мазепы во всякомъ случаѣ являлась дѣломъ новымъ, это чувствовалъ и самъ Мазепа; такъ, посылая къ царю свою челобитную, онъ счелъ нужнымъ мотивировать свою просьбу: „понеже ему, Государю, прибыльнѣе будетъ, когда пустыя мѣста людми наполняться, нежели звѣри въ нихъ плодиться будутъ [26])“. Но грамоту на скупленныя земли Мазепѣ удалось получить не скоро, не смотря на расположеніе Царя къ нему уже въ это время [27]). Дѣйствительно о грамотѣ Мазепа чрезъ посланцевъ своихъ началъ хлопотать, какъ уже упомянуто, еще въ 1699 г., а грамотой Государь пожаловалъ его только въ 1703 г. [28]).

1703 годъ для Мазепы былъ годомъ царскихъ милостей: 31 Января ему пожалована была въ Сѣвскомъ уѣздѣ Крупецкая волость со всѣми принадлежащими къ ней селами и деревнями, [29]) а 26 Ноября „за его, гетмана, къ нему, Великому Государю, вѣрные и усерднорадѣтельныя службы велѣлъ государь ему въ Рыльскомъ уѣздѣ на слободы Ивановскую и Омонскую и на иныя купленныя и поступныя села и деревни, мельницы и земли и сѣнные покосы дать жалованную грамоту; [30])“ а также къ двумъ вышеупомянутымъ слободамъ для распространенья „ис порожнихъ земель“ дана была тысяча

---

[21]) Костомаровъ. Мазепа и Мазепинцы. Спб. 1885 стр. 165. 166.

[22]) Фам. арх. кн. Барятинскихъ.

[23]) Костомаровъ. Мезепа и Мазепинцы. стр. 166.

[24]) Фам. арх. Кн. Барятинскихъ.

[25]) Ibid.

[26]) Ibid. При томъ въ прошеніи земли поименованы „землями, находящимися въ зарубежныхъ мѣстахъ“.

[27]) Бантышъ-Каменскій. Исторія М.-Россіи. Москва 1822. Ч. III. стр. 40, 41. Его-же Жизнь Мазепы. Москва 1834. стр. 18, 19, 20.

[28]) Фам. арх. кн. Барятинскихъ.

[29]) Бантышъ-Каменскій. Исторія М. Россіи. М. 1822. Ч. III. стр. 54. Костомаровъ. Мазепа и Мазепинцы. стр. 250.

[30]) Фам. арх. Кн. Барятинскихъ.

четвертей, „въ которыхъ пристойныхъ мѣстехъ онъ, гетманъ, пріищетъ, только бъ чьего владѣнья, даннаго кому по указу Великаго Государя не было [31])“

Посланцемъ и ходатаемъ отъ гетмана въ Москвѣ въ это время былъ глуховской сотникъ Алексѣй Туранскій. Вѣроятно, въ благодарность за это Мазепа изъ своихъ помѣстій уступилъ потомъ Туранскому нѣсколько земли, на которой послѣдній поселилъ село Алешню.

Поощренный царской грамотой, Мазепа началъ скупать земли у помѣщиковъ еще энергичнѣе, чѣмъ прежде. Масса пустопорожней земли въ помѣстьяхъ и тяжесть государевой службы, которая требовала большихъ расходовъ, вынуждали помѣщиковъ „поступаться,“ если не всѣмъ своимъ помѣстьемъ, то хотя частью. Почти всѣ поступившіеся землей помѣщики въ своихъ заручныхъ челобитныхъ заявляли, что „для подъему на службу“ или „для пополненія Государевой службы.“ я такой-то взялъ у гетмана столько-то денегъ, а взамѣнъ уплаты поступился землей изъ своего помѣстья. [32])

Въ 1706 г. мы снова находимъ въ Москвѣ гетманскаго посланца Глуховскаго писаря Ѳедора Емельянова, который хлопочетъ о грамотѣ на вновь скупленныя Мазепой у помѣщиковъ земли. „Державнѣйшій Царь Государь Милостивѣйшій! Въ прошломъ, Государь, писалъ въ своемъ челобитьи Ѳеодоръ Емельяновъ, 1705 и въ нынѣшнемъ 706 годехъ въ разныхъ мѣсяцехъ

---

[31]) Ibid.

[32]) „Въ 207 г. Мина Кремовъ взялъ у гетмана себѣ *на нужду и для подъему на службу и для расплаты долговъ* своихъ 50 рублей, а вмѣсто денегъ поступился гетману изъ своего помѣстья“...... „Иванъ Аѳанасьевъ сынъ Протасовъ помѣстье въ пустоши къ рѣчкѣ Груни съ урочищи старой писцовой дачи двѣ четверти въ полъ, а вдву по тому жъ съ усадьби и съ лѣсы и съ сѣнными покосы и съ примѣрными четвертными и со всѣми угодьи....., а за то свое помѣстье взялъ я у него, гетмана, *для пополненія твоей государевой службы* 20 руб.“ Въ 205 г. стольнику Ивану Обидовскому поступился Григорей Горюшкинъ въ Рыльскомъ у. въ Омонскомъ станѣ въ пустоши, что была деревня Мотева на р. на Омони съ урочищи 15 четвертей въ полъ, а вдву по тому жъ съ усадьбою, съ пашенною землею, съ лѣси и съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи и за то свое помѣстье взялъ онъ, Григорей, у него, Ивана, *для пополненія Великаго Государя службы и для расплаты долговъ своихъ и на прокормленіе* по два рубли за четверть.“ „Въ 1705 г. поступился рыленинъ Василій Ивановъ сынъ Дерюгинъ: „твоему Государеву поданному..... Мозепѣ помѣстье свое въ Рыльскомъ у. въ подгородномъ стану пустошь дикое Кобляково поле межъ рр. Груни и Грунки и Бѣлгородскіе дороги къ большому логу, что впало устьемъ въ р. Грунь отъ земли деревни Ковыневой съ урочищи. что нынѣ деревня Груня, в дворомъ своимъ помѣщиковымъ и съ усадьбы, на которыхъ живутъ вольные люди черкасы, да въ другой деревнѣ Грункѣ, что къ Мокрому логу съ волными жь людми черкасы и съ усадищи, а къ тѣмъ усадищамъ пашни 84 чет. въ поль, а вдву по тому жъ съ лѣсы и сѣнными покосы и со всѣми угодьи за долговыя его деньги 100 руб., которые заимовалъ онъ, Василей, у него. гетмана, *въ пополнку на подъемъ для твоихъ Государевыхъ служебъ.*“ Въ 1707 г. въ своихъ заручныхъ челобитныхъ помѣщики писали: „а взялъ я, Кузма (Ивановъ сынъ Трупчанкинъ), у него, гетмана, *для пополненія твоей Государевой службы* денегъ 16 руб. за то свое помѣстье“.... „А я, Прокофей (Володимеровъ сынъ Семеновъ) для пополненія твоей государевой службы 15 руб., а я, Харламъ (Васильевъ сынъ Зеленинъ) 8 руб.“ и пр. и пр. (Фам. арх. Кн. Барятинскихъ.)

и числехъ поступились твоему государству подданному войска запорожскаго обоихъ странъ Днѣпра гетману и славнаго чина Св. Апостола Андрея ковалеру Ивану Степановичу Мазепѣ рылскіе помѣщики Андрей Дмитріевъ сынъ Бокачкаровъ, Иванъ Аѳанасьевъ сынъ Протасовъ, Аѳанасей Никитинъ сынъ Бырдинъ, да вдова Ѳекла Семеновская Артюшкова, да дѣти ея Аѳанасей, Григорѣй, Родіонъ, Герасимъ, Никифоръ Семеновы дѣти Артюшковы, Козма да Алексѣй Яковлевы дѣти Пашковы ис помѣстей своихъ въ Рылскомъ да въ Путивльскомъ уѣздехъ въ разныхъ мѣстахъ и о справкѣ тѣхъ своихъ помѣстій за нимъ гетманомъ Иваномъ Степановичемъ дали они челобитныя за руками. Всемилостивѣйшій Государь, прошу Вашего Величества: вели, Государь, те ихъ поступныя помѣстья по ихъ поступкамъ и по заручнымъ челобитнымъ за нимъ, гетманомъ, и ковалеромъ Иваномъ Степановичемъ справить и дать свою Государеву отказную грамоту........противъ прежняго своего Государева имянного указу, Вашего Величества подданнаго войскъ запорожскихъ обоихъ странъ Днепра и славнаго чина Св. Апостола Андрея ковалера Ивана Степановича Мазепы присланной посланецъ Глуховскій писарь нижайшій рабъ Ѳедоръ Емельяновъ. Февраля въ 28 день 1706 г.“ Къ этой челобитной отъ всѣхъ помѣщиковъ за ихъ руками Емельяновъ присоединилъ заручныя челобитныя, въ которыхъ они просили о справкѣ уступленной ими земли за Мазепой [33])

Скупленныя теперь Мазепой земли находились въ Рыльскомъ у. у рѣчекъ Крепны, Избицы, Деревенекъ, Ливечки, у р.р. Груни и Грунки, а так-

---

[33]) Такова, напр., заручная челобитная Бокачкарова. „Державнейшій Царь, Государь Милостивейшій. Въ нынешнемъ, Государь, 1706 году Февраля — день поступился я Вашего Пресвѣтлаго Величества войска запорожскаго обоихъ странъ Днепра гетману и славнаго чина Св. Апостола Андрея ковалеру Ивану Степановичу Мазепѣ за долговыя его деньги за сорокъ рублевъ помѣстье въ Рыльскомъ у. въ Подгородномъ стану за рѣкою за Семью въ пустоши Общаго Колодезя къ р. Крепнѣ роспашныя земли пять четвертей да въ угодьяхъ двѣ четверти въ полѣ, а в дву по тому жъ, да въ той же Общанской дачѣ полъ четверти, да въ Кремянской дачѣ полъ четверти, къ р. Крепнѣ и къ Бѣлгородской дорогѣ по обѣ стороны тоя рѣчки Крепны и съ тремя жилыми усадьбами, да въ Березницкой дачѣ къ р. Избицѣ, что мнѣ промѣнилъ рыленинъ Яковъ Петровъ сынъ Бокачкаровъ, одну четверть, да въ Свапскомъ стану къ р. Деревенкѣ осмину въ полѣ, а вдву по тому жъ, да въ Подгородномъ же стану на р. Ливечкѣ полъ полъ малого третника съ лѣсы и съ сѣнными покосы и съ усадьбы и со всякими угодьи и з дворовымъ всякимъ строеніемъ, яко нынѣ, а за нимъ гетманомъ Иваномъ Степановичемъ, то мое вышеписанное поступное помѣстье не справлено. Всемилостивѣйшій государь, прошу Вашего Величества, вели, Государь, то мое вышеписанное помѣстье по сей моей заручной челобитной справить за нимъ, гетманомъ. Вашего Величества нижайшій рабъ рыленинъ Андреянъ Дмитріевъ сынъ Бокачкаровъ..... 1706 г. Февраля 20.“ Помѣстье свое Бокачкаровы получили въ 1703 г.: „дано Андрею Дмитріеву сыну Бокачкарову вообще съ братьями ево помѣстье въ Рыльскомъ у. въ Омонскомъ стану жеребеи деревни Алешны, да въ подгородномъ стану жеребеи деревни Колчетеевой и зъ болотнымъ угодемъ, да за рѣкою да за Семью переѣхавъ Курскую дорогу по правую сторону съ урочищи, а по другую сторону р. Избицы перелогомъ въ дубровѣ межъ Алешни и р. Избицы, а въ нихъ пашни 25 четвертей въ полѣ, а вдву по тому жъ, по осми четвертей за человѣкомъ“. (Фам. арх. кн. Барятинскихъ).

же въ Путивльскомъ у. между рѣчекъ Крепны и Снагости и по р. Обестѣ и пр. Справить за собой эти земли гетману удалось скоро. Въ это время онъ пользовался полнымъ расположенiемъ къ себѣ Царя; да и дѣло было не новое; разъ дорога проторена, по ней легко идти. Самъ гетманскiй посланецъ въ своемъ челобитьи выражается: „дать отказную Государеву грамоту..... *противъ прежняго своего Государева имянною указу*“.

Впредь [34]) почти до самой измѣны Мазепа продолжалъ скупать земли у мѣстныхъ помѣщиковъ, такъ въ 1708 г. 5 мая поступились: въ Путивльскомъ у. Бырдинъ землей, лежащей у р. Семи между р.р. Крепной и Снагостью, въ Рыльскомъ у. Кривошеевъ землями по р. Бобрику и Злобинъ—у р.р. Крепны и Толпиной, Iюня 30 дня того же года тотъ же Злобинъ поступился землей между р.р. Крепной и Локной и по обѣ стороны р. Крепенца.

Не всѣми скупленными землями Мазепа владѣлъ самъ; часть этихъ земель онъ переуступилъ другимъ лицамъ; такъ село Неплюевку [35]) своему племяннику Обидовскому, с. Алешню [36]) глуховскому сотнику Алексѣю Туранскому, подъ именемъ гетмана деревнями Грунями (Вышней и Нижней), Ивницей и Петровской и слободой Богоявленской владѣлъ Алексѣй Курбатовъ. При передачѣ скупленныхъ земель Мазепѣ иногда приходилось хлопотать; такiя хлопоты мы встрѣчаемъ при передачѣ земли Алексѣю Туранскому. [37])

---

[34]) Такъ напр. въ 1707 г. Мазепѣ поступились: Iюня въ 10 день Новгородка Сѣверскаго Аѳанасей Сергѣевъ сынъ Петрищевъ въ Рыльскомъ у. въ Подгородномъ стану въ урочищѣ на Володиномъ полѣ на болотѣ Гниломъ отъ дороги, что ѣздятъ ис Путивля въ Сѣвской острогъ черныя лозняя и осиновые колки (лѣски) съ урочищи старой писцовой дачи 50 четвертей въ полѣ, а вдву по тому жъ съ усадьбы и съ лѣсы и съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи; Августа въ 5 день того жъ года рыленинъ Терентей Ларiоновъ сынъ Чукинъ въ Путивльскомъ у. въ Колодежской волости въ деревнѣ Щакиной на рѣчкѣ на Рылѣ вышней стороны къ Перину городищу, да въ деревнѣ Каменкѣ на р. на Каменкѣ да жеребеи пустоши на рѣчкѣ на Рылѣ усть Борковскаго логу ниже Перина городища да жеребеи пустоши на р. на Каменкѣ усть колодезя Гоголя и большiе Рыльскiе дороги съ урочищи 10 четвертей въ полѣ, а вдву по тому жъ съ усадьбы съ лѣсы и съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи“; „того жъ года 22 Генваря рыленинъ Григорей Аѳанасьевъ сынъ Карцевъ на р. Алешнѣ межъ дороги Свиные урочищи примѣрныя земли 45 четвертей“ .... И т. д. (Фам. арх. кн. Барятинскихъ).

[35]) „Село Неплюевка, что прежъ сего была слободка Жадамля, на р. Клевени по лѣвую сторону р. Клевени Рыльскаго уѣзда, а по правую сторону Глуховскаго у., поселено въ 193 году (1685), а напередъ сего то село было за бывшимъ гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ, а послѣ гетмана тѣмъ селомъ владѣлъ околничей Леонтей Романовичъ Неплюевъ, а послѣ то село было во владѣньи за Петровскимъ монастыремъ, что на Москвѣ у Петровскихъ воротъ, а послѣ Петровскаго монастыря тѣмъ селомъ владѣлъ измѣнившiй Мазепа и отдалъ то село во владѣнье племяннику своему Ивану Обидовскому и владѣлъ тѣмъ селомъ Иванъ Обидовскiй, а послѣ его до сего числа владѣла жена. А то село въ разстоянiи отъ с. Амони въ 5 верстахъ.“ (Изъ описи имѣнiй Мазепы. Фам. арх. кн. Барятинскихъ).

[36]) „С. Алешня по обѣ стороны р. Алешенки поселено въ 1705 г. А то село селилъ и владѣлъ глуховскiй сотникъ Алексѣй Туранскiй“.... (ibid.).

[37]) Такъ Мазепа чрезъ посланца своего глуховскаго писаря Ѳедора Емельянова къ думному дьяку Автомону Ивановичу Иванову писалъ: „Превосходительнѣйшiй и почтенный

Во владѣніи самого Мазепы во время его измѣны находилось въ Рыльскомъ у. 12 селъ (с. Ивановское, с. Гузомоя, [38]) с. Нижнія Деревеньки, с. Козьи Гоны, с. Вышнія Деревеньки, с. Городенское, Кобылицы тожъ, с. Коchатна, с. Котливо, с. Амонь, с. Ольховка, с. Куренки и с. Софроново), 4 слободы (Избица, [39]) Старая Ивановская, [40]) Жилина, Рѣчица) и 2 слободки (Сугровъ и Дремова); въ нихъ четвертныхъ пашень считалось 2358 четвертей съ осминою; [41]) въ селеніяхъ въ 1708 г. числилось крестьянскихъ дворовъ: Черкасскихъ 243 (въ нихъ мужескаго пола 824 чел., женскаго пола 742 чел.), русскихъ 1991 дворъ (въ нихъ муж. п. 7262 чел., жен. п. 6027 чел.), безпашенныхъ дворовъ черкасскихъ и русскихъ 86; въ Путивльскомъ у. —4 села (с. Новое Спасское, Дроновка тожъ, с. Уруса, с. Коренево, и Спа-

---

господине. господине и особливый мой пріятелю. Известую Вашей милости симъ моимъ писаніемъ, ижъ для властной моей потребы съ купленной земли въ Рылскомъ у. въ Омонскомъ стану на р. Олешене въ розныхъ того Рылского уѣзду помещиковъ даровалемъ з певныхъ респектовъ пану Алексѣю Турянскому, сотникови Глуховскому, несколко четвертей десять и позволяемъ ему, пану сотнику, слободки осадити свободными малороссійской породы людьми, сколко можетца на той землѣ помѣстити. За чимъ прошу, велце, изволь, ваша милость, по своей пріятельской ко мнѣ ласковости своимъ многомощнымъ до монаршего его Царскаго Преслѣтлаго Величества престола ходатайствомъ и предстательствомъ справити на тіи мои покупленія земли и помененному пану сотникови отъ мене уже дарованіемъ подлугъ росписе въ писаря Глуховскаго же на сей часъ на Москвѣ обретающагося будучой якую вашей милости въ помесномъ приказе подастъ отказную Великого Государя до господина воеводы Рылского грамоту подлугъ великороссійского обыкновенія и черезъ того жъ писаря глуховского прислати мне оную ощо и повторей вашей милости пилно просячи должинствую учинность оную вашей милости всегдашнею моею поволностью завдячати и отслуговати при томъ зычю ему жъ доброго отъ Господа Бога здоровья и всякихъ желаемыхъ щастливостей во многие лѣта узнавати. Изъ Батурина. Генваря 20. 1707 г.“ Къ тому же дьяку самъ Туранскій писалъ: „Сіятельнѣйшій и превосходительнѣйшій Богомъ почтени велможній господине, а мой всемилостивый и великій благодѣтелю. Поневажъ ясни вельможни его милости панъ гетманъ и бѣлаго орла ковалеръ воиска запорожского мои великій добродея изъ особливого своего рементарского респекту и милостивой ласки изволилъ мене зъ своихъ поступныхъ пожалованныхъ покупныхъ земляхъ милостивно презрети и поступити несколко сотъ земле въ вѣку истое владѣнье, на которой земле поселились люди волные нашей породы Черкасвой, а не великороссійское, теди пишетъ до вашей велможности о справленіи тои земли жеби по обыкновенью великоросійскому аби была видана грамота монаршая его Царского Пресвѣтлого Величества до господина воеводи Рылского отказная, по которой бы мнѣ владѣти тоею землею за поселеніемъ людей, теди и велможности вашей о тое прошу о видиня отказной грамоты и прислана презъ (чрезъ?) писаря нашего глуховскаго, якій на Москвѣ велможности вашей будетъ челомъ бити, а якъ поступщикови такъ записи и челобитныя зде передъ господиномъ воеводою будутъ допрашиваны въ Рылской въезжей избѣ и паки постократие о тое милости вашей просячи его жъ Господской палецою милостивой ласке. Зъ глухова. Генваря 24. 1707 року.“ (Фам. арх. кн. Барятинскихъ.)

[38]) С. Гузомоя и рѣчка Гузомойка, Гузномоя „Книги, глаголемой Большой Чертежъ“ стр. 89, въ первой пол. XVIII ст. переименованы въ село и рѣчку Густомоя (Фам. арх. кн. Барятинскихъ), подъ которымъ именемъ они извѣстны и теперь.

[39]) Теперь деревня Степановка, переименована еще въ первой полов. XVIII ст. (ibid.).

[40]) Переименованная потомъ въ Мазепинцы, теперь село Мазеповка (ibid.).

[41]) Т. е. 3537 десятинъ, четверть равняется половинѣ нашей десятины, но при четвертныхъ пашнахъ земля назначалась въ трехъ смѣнахъ или какъ тогда говорили „въ полѣ, а вдву по тому жъ“ т. е. обозначенное число четвертей надо увеличить втрое. (Багалѣй. Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта ст. окр. Москов. Госуд. стр. 118).

гость) и одна деревня Колодежи; въ нихъ считалось 324 черкасскихъ двора (мужескаго пол. 919 чел., жен. п. 790 чел.) и 612 дворовъ русскихъ (муж. пол. 2196 чел. и жен. пола 1812 чел.), безпашенныхъ дворовъ 107 русскихъ и 14 черкасскихъ; четвертныхъ пашенъ, принадлежащихъ къ с. с. Дроновкѣ, Урусѣ и дер. Колодежамъ было 37 четвертей ($55^1/_2$ дес.), принадлежащихъ къ с. с. Кореневу и Снагости—103 чет. ($154^1/_2$ десят.); въ Крупецкой волости Сѣвскаго уѣзда—5 селъ (Крупецъ, Стариково, Погаричи, Козино и Ковенки) и 4 деревни (Воронокъ, Локоть, Шушелева и Шалыгина); принадлежащія къ нимъ „земли не мѣряны, сказано въ описи, а владѣютъ по писцовымъ книгамъ Петра Мусорскаго," въ селеніяхъ числилось 23 двора Черкасъ (муж. п. 69 чел. и 66 чел. жен. п.) и 552 дворовъ русскихъ (2290 чел. муж. п. и 2110 чел. жен. п.), безпашенныхъ 162 двора русскихъ и 3 двора черкасъ (въ нихъ муж. п. 437 чел. и жен. п. 378 чел.). [42]) И такъ всего во владѣніи Мазепы, по описи 1708 г., находилось 21 село, 7 деревень и 4 слободы, въ нихъ 4117 дворовъ болѣе 15000 чел. муж. пола и болѣе 12250 человѣкъ жен. пола.

Среди земель, которыя скупалъ Мазепа, большая часть была пустопорожнихъ-„пустошь" и „дикое поле." На этихъ пустопорожнихъ земляхъ гетманъ садилъ слободы, селилъ села и деревни „приходящими изъ разныхъ мѣстъ людьми." Въ 1699 г. были поселены с. с. Ивановское и Амонь, въ 1700 г.—с. Вышнія Деревеньки, въ 1702 г.—с. Уруса, въ 1703—с. Ольховка, въ 1704 г.—с. с. Куренки и Дроновки, [43]) въ 1705 г.—сл. Жилина и с. Гузомоя, въ 1706 г—сл. Избица и въ 1707 г.—с. с. Софроново, Коренево и Снагость. [44])

Съ цѣлями финансовыми земля, занятая поселенцами подъ распашку, раздѣлялась на равные участки; каждый участокъ носилъ названіе пляца; съ каждаго пляца поселенцы должны были уплачивать владѣльцу опредѣленную плату. Въ поселенныхъ Мазепой слободахъ въ Рыльскомъ у. плата съ пляца

---

[42]) Т. е. 740 дворовъ, въ нихъ 2796 чел. муж. пола. Въ 1703 г., когда Крупецкая волость была пожалована Мазепѣ, въ ней считалось 4 села и 5 деревень, въ нихъ было 495 дворовъ и 1870 человѣкъ крестьянъ (Бантышъ Каменскій. Исторія Малой Россіи. Москва 1822 ч. III. стр. 54.).

[43]) Также не ранѣе 1704 г. были поселены деревни Вышняя и Нижняя Груль, Ивница и Петровская и сл. Богоявленская, Шаптуховка тожъ; но эти послѣднія уже составляли владѣнія Алексѣя Курбатова (Фам. арх. кн. Барятинскихъ).

[44]) Въ „Спискѣ населенныхъ мѣстъ по свѣдѣніямъ 1862 г. XX Курская губ." на стр. XXXVI къ числу поселенныхъ Мазепой селъ отнесенъ и с. Крупецъ. Къ сожалѣнію не указано источника, откуда почерпнуто это извѣстіе. Мнѣніе это намъ кажется ошибочнымъ: въ 1703 г. въ Крупецкой волости, когда она была пожалована Мазепѣ, числилось 9 деревень и селъ, количество селъ и деревень не увеличилось, когда эта волость въ 1708 г. перешла во владѣніе Меньшикова. Трудно также предположить, чтобы с. Крупецъ былъ основанъ Мазепой до пожалованія, по крайней мѣрѣ объ этомъ мы не нашли нигдѣ въ матеріалахъ никакого указанія. Вообще самое предположеніе объ основаніи Мазепой Крупца рѣзко противорѣчитъ тѣмъ фактамъ, которые находятся въ нашемъ распоряженіи (Фам. арх. кн. Барятинскихъ).

была по 2 руб. въ годъ, въ Путивльскомъ у. крестьяне съ пляца въ годъ платили по 2 руб. 8 денеж., а въ Крупецкой волости по 7 руб. 16 алт. 4 ден. и по 4 воза сѣна [45]). Всего съ имѣній въ Рыльскомъ у. за пляцы собиралось по 1333 руб. въ годъ; въ Путивльскомъ—по 171 руб. 11 алт. 2 ден. и въ Крупецкой волости—по 1540 руб. 8 алт. 3 ден. и 816 возовъ сѣна. Новопоселяющіеся пришельцы, смотря по своимъ средствамъ, занимали пляцъ, полъ пляца, четверть, шестую и даже восьмую часть пляца. Иные же селились только дворами, не пользуясь пахотною землею, такіе были извѣстны подъ именемъ „бобылей" (въ Крупецкой волости и Путивльскомъ у.) или „безпашенныхъ" (въ Рыльскомъ у.); съ послѣднихъ въ тѣхъ имѣніяхъ, въ которыхъ Мазепа хозяйничалъ самъ, ничего не брали, они были „неплатежные"; въ имѣніяхъ же, которыя были отданы Мазепой въ аренду, и съ бобылей взимали особый налогъ. Если у бобыля были лошади, то съ двора онъ платилъ въ годъ по 13 алт. 2 деньги, а „скудные и безлошадные" уплачивали съ двора по 6 алт. 4 ден., хотя здѣсь размѣръ платежа не былъ строго опредѣленъ: платили бобыли съ двора иногда меньше, иногда больше „смотря по человѣку", сказано въ описи. Поселяя слободу, Мазепа давалъ населенію нѣсколько льготныхъ т. е. свободныхъ отъ платежа лѣтъ; пять было обычное число льготныхъ лѣтъ. Давая льготу т. е. освобождая поселенцевъ отъ взноса опредѣленной платы за пляцы и за право винокуренія, Мазепа не освобождалъ отъ барщины, „работу всякую работали", находимъ въ описи; только населеніе Крупецкой волости было свободно отъ барщины, чѣмъ, отчасти, и объясняются высокая плата за пляцъ и налогъ съ бобылей.

Хозяйство въ помѣстьяхъ Мазепы было только въ зачаточномъ состояніи, поэтому барщина въ его вотчинахъ не была обременительна для населенія. Вообще въ селеніяхъ Мазепы крестьянамъ жилось хорошо: слободы ширились, населеніе въ нихъ росло. Такъ, въ отказныхъ книгахъ 1705 г. находимъ, что въ с. Ивановскомъ считалось крестьянскихъ дворовъ 187, а по описи 1708 г. въ немъ находимъ уже 697 двор., въ сл. Мозепинцахъ въ 1705 г. 30 дворовъ, въ 1708 г. 93, въ сл. Гузомоѣ 30—69, въ сл. Амони (Омони) 72—178, въ Ольховкѣ 30—85, въ сл. Куренкахъ 30—173, въ с. Нижнихъ Деревенькахъ 65—226, въ сл. Вышнихъ Деревенькахъ 52—213, въ с. Козьи Гоны 36—112 и пр. Многія изъ селеній во владѣніе Мазепы достигли даже извѣстной степени процвѣтанія, напр. село Ивановское; въ немъ было три церкви [46]).

---

[45]) Однимъ словомъ пляцъ въ помѣстьяхъ Мазепы представлялъ собой земельную единицу, величину которой на основаніи находившагося въ нашемъ распоряженіи матеріала мы не могли опредѣлить. О пляцѣ—о земельной единицѣ см. Багалѣй. Новый историкъ Малороссіи. Рецензія на книгу А. М. Лазаревскаго „Описаніе Старой Малороссіи" стр. 101—106 Жители с. Неклюевки съ пляца въ годъ платили по 13 алт 2 ден. по 1½ четверти ржи и 1½ чет. овса и всякую работу работали; съ безпляцныхъ и безпашенныхъ имано со двора: съ лошадныхъ по 6 алт. 4 ден., съ безлошадныхъ по 3 алт. 2 ден.

[46]) Церковь Покрова Пр. Богородицы, Архистратига Михаила и третья часовня Ап. Петра и Павла въ слободкѣ Комаровкѣ (часть села). Одна изъ церквей (Покрова Пр. Бо-

Въ селѣ каждый недѣльный день бывалъ торгъ, а на праздникъ Ап. Петра и Павла (29 Іюня) и Покрова Пр. Богородицы (10 Октября) т. е. на храмовые праздники бывали ярмарки. Для торга въ селѣ было построено 10 лавокъ, для остановки пріѣзжихъ людей находилась харчевня. Въ селѣ же было двѣ бани торговыя т. е. для пользованія населенія [47]), дворъ шинковый гдѣ продавался „брацкой медъ", а также 6 шинковыхъ дворовъ, содержимыхъ жителями села [48]). Къ чести владѣльца нужно сказать, что какъ

городицы) была строена „клецки". Постройка церквей „клецки" однимъ изъ распространенныхъ типовъ церквей древней Руси. Церковь такого типа состояла изъ трехъ частей: помѣщеніе для молитвы. трапезная и алтарь. Входныя двери съ западной стороны вели въ большое помѣщеніе „трапезную". Въ трапезной вдоль стѣнъ тянулись лавки. а иногда еще и посрединѣ находились скамьи (двѣ). Для иконъ на стѣнахъ были полки. Трапезная освѣщалась окнами съ сѣверной и южной стороны. Назначеніе трапезной было таково: во время большихъ, особенно престольныхъ праздниковъ, болѣе зажиточные прихожане устраивали складчину и народъ со всего прихода являлся сюда на пиръ. Обычай этой „братчины" (такъ называлась складчина) долженъ былъ существовать въ Ивановскомъ; припомнимъ, что въ селѣ былъ шинковый дворъ, гдѣ продавался брацкій медъ. Въ простые праздники въ промежуткахъ между заутреней и обѣдней пришедшіе изъ дальнихъ деревень (хотя бы изъ слободки Избицы) богомольцы завтраками въ трапезной и въ присутствіи священника бесѣдовали о дѣлахъ церковныхъ и общественныхъ. Изъ трапезной входъ велъ въ квадратное помѣщеніе, служившее мѣстомъ для молитвы. Изъ трапезной же иногда былъ выходъ еще на галлерею (галлерея находилась съ южной стороны молитвеннаго помѣщенія); съ галлереи священникъ кропилъ водой скотъ, приводимый крестьянами въ день Св. Георгія. Въ самой церкви находилось два клироса (украшенные узорчатыми досками) и на лѣво поближе къ дверямъ на полу сундукъ съ казной. Если бывало большое стеченіе народа, то часть его помѣщалась въ трапезной и чрезъ отверстія, помѣщавшіяся по бокамъ входа могли слѣдить за ходомъ Богослуженія (отверстія эти вышиною вершковъ 10, отъ 2—2½ арш. длиною были на высотѣ двухъ аршинъ отъ полу и имѣли рѣшетки или слюдяныя узорчатыя рамы, поднимаемыя вверхъ). Къ церкви (съ восточной стороны) прирубался алтарь о трехъ и больше сторонахъ и освѣщался однимъ большимъ, а другимъ волоковымъ окномъ. Вотъ общій типъ церквей построенныхъ „клецки". (Всѣ эти данныя почерпнуты нами изъ статьи Суслова „О древнихъ деревянныхъ постройкахъ сѣверныхъ окраинъ Россіи" въ Трудахъ VI Археологич. Съѣзда въ Одессѣ. Т. I. Одесса. 1886 г.) Построенную „клецки" церковь мы еще находимъ въ с. Нижнихъ Деревенькахъ (церковь Великомученика Димитрія Селунскаго).

[47]) Въ экономіи Мазепы была еще третья баня для владѣльца.

[48]) И теперь с. Ивановское является однимъ изъ торговыхъ селъ Курской губ.; въ Льговскомъ у. оно самое обширное по количеству населенія („Списокъ населенныхъ мѣстъ. Курская губ. стр. XLVII, XLVIII); въ немъ пять ярмарокъ, 2 базарныхъ дня въ недѣлю (въ понедѣльникъ и въ пятницу), женская и мужская школа, двѣ церкви: Ап. Петра и Павла и Покрова пр. Богородицы. При Покровской церкви и до сихъ поръ хранится Евангеліе XVII ст. (Москва 1685 г.) въ серебряной оправѣ, подаренное Алексѣемъ Туранскимъ, глуховскимъ сотникомъ, въ Михайловскую церковь съ собственноручною надписью послѣдняго (Церковь Покрова Пр. Богородицы перенесена съ прежняго мѣста на новое). Дѣятельность Мазепы, какъ колонизатора, не могла пройти безслѣдно у народа: память о немъ и до сихъ поръ живетъ въ тѣхъ мѣстахъ; происхожденіе многихъ географическихъ именъ народъ тѣсно связываетъ съ личностью Мазепы По словамъ народа, с. Ивановское не только поселено Мазепой, но и названіе свое вмѣстѣ съ названіемъ болота получило отъ имени гетмана „Ивана". Имени села и рѣки „Гузомоя" виновникъ Мазепа. Во время пребыванія въ своихъ вотчинахъ гетманъ со свитой отправился на охоту. Во время охоты, по незнанію мѣстности, гетманъ съ спутниками завязъ въ присеймскихъ болотахъ. И вотъ названіе рѣки и села будто бы и служитъ намекомъ на это событіе. Документы, какъ мы видѣли, говорятъ другое. Планъ экономическаго двора Мазепы измѣненъ (изъ описанія, находящагося въ нашемъ распоряженіи, можно заключить, что по

лавки, бани, харчевня, такъ и шинковые дворы никакому обложенію не подлежали. Ивановское являлось также центромъ духовнаго управленія и умственной жизни: въ немъ при церкви Архистратига Михаила находимъ викарія (намѣстника) Федора Иванова, а при церквахъ школу; учителями въ школѣ были извѣстные въ то время „мандрованные дьяки", „въ ней т. е. въ школѣ живутъ прихожіе школяры", читаемъ въ описи [49]). Другимъ торговымъ селомъ въ вотчинахъ Мазепы являлись Нижнія Деревеньки. Послѣднее село стояло при Сеймѣ, на которомъ былъ перевозъ, [50]) доставлявшій по тому времени солидный доходъ 20 руб. (въ годъ). Въ село „для торговъ" являлись „пріѣзжіе люди", для которыхъ было устроено 6 прилавковъ, „покрытыхъ соломой". Въ вотчинахъ Путивльскаго у. такимъ торговымъ селомъ была Дроновка, гдѣ „торжекъ" бывалъ въ пятничные дни. Въ послѣднемъ т. е. селѣ Дроновкѣ при церкви Нерукотвореннаго Образа была школа, „въ ней живутъ прихожіе школяры".

Главная масса населенія въ помѣстьяхъ Мазепы были великоруссы, хотя гетманъ въ своемъ челобитьи 1699 г. къ Государю и писалъ, что онъ построилъ слободы „свободными людьми изъ разныхъ мѣстъ, а *наипаче изъ малороссійскихъ городовъ* приходящими", но это вѣроятно было сказано для успокоенія Московской власти, которая всѣми силами старалась прекратить побѣги крестьянскаго населенія изъ центральныхъ областей, только въ с.

стройки во дворѣ Мазепы расположены по древне-русскому обычаю: хоромы стояли во дворѣ, а вокругъ нихъ по сторонамъ надворныя постройки, какъ около центра), всѣ деревянныя постройки двора снесены и замѣнены при послѣдующихъ владѣльцахъ каменными съ толстыми сводами (XVIII ст.). Народъ и эти послѣднія приписываетъ Мазепѣ. Типъ Мазепы, какъ хозяина и владѣльца, не могъ удержаться въ памяти народа; для этого онъ былъ малое время владѣльцемъ, а кромѣ того цѣлый рядъ владѣльцевъ за Мазепой могъ изгладить типичныя черты гетмана. Скорѣе въ памяти народа могъ удержаться типъ Мазепы, какъ царскаго измѣнника съ отрицательными чертами своего характера. Такъ въ фантазіи народа подвалы и кладовыя, построенныя съ невинной цѣлью—для хозяйственныхъ потребностей—и при томъ не при Мазепѣ, превратились въ мрачныя тюрьмы, куда гетманъ упрятывалъ своихъ недруговъ. Нѣкоторую долю вліянія здѣсь могъ оказать и Пушкинъ своей поэмой „Полтава", который т. е. Пушкинъ благодаря школѣ долженъ былъ быть извѣстенъ населенію. Преданіе о домѣ Мазепы проникло и въ печать, но, къ сожалѣнію, въ видѣ историческаго факта (см. „Нива" 1886 г. № 21 стр. 535).

[49]) Мандрованные дьяки былъ особый типъ учителей, созданный старымъ временемъ. Нравственная обязанность обученія въ прежнее время лежала на церкви, почему служители ея и являлись преподавателями въ школѣ. И вотъ нѣкоторые дьячки, постигши всю премудрость элементарныхъ наукъ, посвящали себя учительской дѣятельности въ церковныхъ школахъ. Въ одной и той же школѣ они рѣдко выживали долгое время, а обыкновенно перекочевывали изъ школы въ школу. См. подробнѣе Харьковскій Календарь 1885 г. стр. 661—668 и актовую рѣчь въ Харьковскомъ Университетѣ проф. Д. И. Багалѣя „Заселеніе Харьковскаго края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія Университета". Харьковъ 1889. стр. 23, 24 и пр. Такія школы, какая б. въ Ивановскомъ, находимъ еще въ с. Дроновкѣ, также въ с.с. Нешкевкѣ и Алешнѣ.

[50]) На этомъ мѣстѣ ранѣе былъ Татарскій перелазъ. Спасскій Книга-большой Чертежъ стр. 84.

Ивановскомъ малороссійское населеніе достигаетъ 35% отношенія къ великороссійскому (176 дворовъ на 497), въ прочихъ же селеніяхъ это отношеніе гораздо менѣе, напр.: въ с. Амони 26 черкасскихъ дворовъ приходилось на 112 русскихъ, въ с. Ольховкѣ 18 на 67, въ с. Урусѣ 25 на 126, въ дер. Колодежахъ 14 на 73, въ с. Кореневѣ 55 на 213, въ с. Вышнихъ Деревенькахъ 8 на 196. Въ другихъ селеніяхъ населеніе почти исключительно великороссійское, такъ въ сл. Избицѣ находимъ 26 дворовъ *только русскихъ,* въ с. Гузомѣѣ 69 дворовъ только русскихъ, въ с. Софроновѣ 6 дворовъ черкасъ на 291 дв. русскихъ, особенно преобладалъ великорусскій элементъ въ селахъ, которыя пріобрѣлъ Мазепа уже поселенными; въ с. Качатнѣ 71 дворъ только русскихъ, въ сл. Рѣчицѣ 12 дворовъ только русскихъ, въ Крупецкой волости на 714 дворовъ русскихъ приходилось 26 дворовъ черкасъ. Но въ южныхъ частяхъ гетманскихъ помѣстій поближе къ территоріи слободскихъ полковъ преобладаетъ малороссійское населеніе. Въ концѣ XVII ст. къ Посемью устремилось малороссійское населеніе изъ гетманщины, убѣгая отъ тяготы и притѣсненій на своей родинѣ. Эти „новоприхожіе черкасы“ обыкновенно занимали пустопорожнія земли Рыльскаго и Путивльскаго уѣздовъ, [51]) такъ въ с. Снагости находимъ черкасъ 239 дворовъ, а русскихъ только 126, въ деревняхъ Груняхъ, Ивницѣ и Петровской и въ сл. Богоявленской населеніе было исключительно малорусское.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ опредѣлить ни мѣстности, откуда являлись поселенцы въ слободы Мазепы, ни сословныхъ группъ, къ которымъ они примыкали. О великорусскомъ контингентѣ мы находимъ только одно неопредѣленное указаніе: „русскіе люди пришлые изъ розныхъ мѣстъ“. Среди этихъ послѣднихъ, безъ сомнѣнія, не малое количество было бѣглыхъ крестьянъ, чѣмъ, можетъ быть, отчасти, и объясняется такое сильное возрастаніе населенія въ вотчинахъ Мазепы. По крайней мѣрѣ Меньшиковъ въ своемъ прошеніи отъ 1726 г. объ этихъ вотчинахъ заявлялъ: „по свидѣтельству при переписке мужеска полу душъ явились въ той отчинѣ принятые имъ, измѣнникомъ Мазепою всѣ бѣглые крестьяне, которые развезены на прежнія жилища [52])“. Среди великорусскаго же поселенія встрѣчается изрядное количество раскольниковъ.

Не во всѣхъ своихъ вотчинахъ Мазепа хозяйничалъ самъ, часть своихъ имѣній онъ отдалъ въ аренду; такъ Крупецкая волость и сс. Дроновка и Уруса находились на оброкѣ у Глуховскаго войта Яна Юрьева. Этотъ

---

[51]) Костомаровъ. Мазепа и Мазепинцы стр. 165, 166. Фам. арх. кн. Барятинскихъ.

[52]) Протоколы Верховнаго Тайнаго Совѣта стр. 41. Чт. въ Общ. Истор. и Др. 1858 г. кн. III. На сколько справедливо утвержденіе Меньшикова относительно факта „развезены на прежнія жилища“, мы пока не беремся судить.

послѣдній велъ здѣсь свое хозяйство, [53]) уплачивая Мазепѣ извѣстную арендную плату. Размѣръ этой платы, къ сожалѣнію, остался для насъ неизвѣстнымъ. Въ остальныхъ же частяхъ своихъ имѣній Мазепа самъ велъ свое хозяйство чрезъ своихъ приказчиковъ, хотя нѣкоторыя статьи дохода и здѣсь отдавались на откупъ. Такъ въ с. Ивановскомъ „съ ярмонковъ и съ торговъ и съ товаровъ проѣзжихъ людей собиралось индучное, а почему въ годъ, того не вѣдомо потому, что индучное по откупу собиралось на Саву Рагузинскаго"; также перевозъ „Бупельскій" на р. Семи вблизи того же Ивановскаго былъ на откупу у сельскаго жителя, который платилъ откупныхъ денегъ въ годъ 2 рубля. Главное управленіе великороссійскими помѣстьями Мазепы сосредоточивалось въ с. Ивановскомъ; для этого въ немъ было поселено 26 дворовъ козаковъ на 14¼ пляцахъ (70 человѣкъ мужчинъ и 60 чел. женщинъ). Они исполняли всевозможнаго рода службы при дворѣ: изъ нихъ, вѣроятно, набирался контингентъ писарей, приказчиковъ въ экономію; на нихъ возлагались разныя экономическія порученія [54]). За эту службу экономіи они освобождались отъ платы за пляцы.

Для веденія хозяйства, для помѣщенія приказчика и для пріѣзда хозяина [55]) въ селахъ находились экономическіе дворы. Сообразно съ размѣрами хозяйства, а также съ значеніемъ села въ однихъ селахъ дворы эти были незначительны: свѣтлица одна, много двѣ, черная изба, сарай, одинъ, два амбара, погребъ; вотъ и все. Такіе дворы мы находимъ въ с. Амони, с. Дроновкѣ, дер. Колодежахъ и въ с. Кореневѣ. Въ другихъ же селахъ вмѣстѣ съ расширеніемъ хозяйства расширялись и дворы, достигая солидныхъ размѣровъ, напр. экономическій дворъ въ с. Ивановскомъ. На дворѣ находилось 11 одноэтажныхъ „поземныхъ" [56]) свѣтлицъ; изъ нихъ 5 было новыхъ, а 6 старыхъ; у новыхъ свѣтлицъ на переднемъ и заднемъ крыльцахъ помѣщались лѣтніе покои. Возлѣ свѣтлицъ находились двѣ поварни, а между ними стояла кухня. У воротъ, [57]) ведущихъ во дворъ, стояли два новые амбара. При въѣздѣ во дворъ по правую сторону стояли конюшня большая, за ней сарай большой и два амбара; эти послѣднія были сдѣланы подъ одну крышу. Далѣе слѣдовали небольшой амбаръ „амбарецъ малый," и ледникъ изъ пластинъ „ощиченъ пластинами;" сверху ледника

---

[53]) Въ описи с. Ново-Спасскаго, Дроновки тожъ, находимъ во дворѣ слѣдующій скотъ: 16 лошадей, 11 воловъ большихъ, 18 коровъ съ подтелками, 6 телятъ годовиковъ, 28 овецъ, 21 козу, 90 свиней большихъ и малыхъ, 7 подсвинковъ, 13 гусей и 10 куръ русскихъ; въ винокурнѣ 8 котловъ мѣдныхъ съ трубами; „и та вышеписанная скотина, читаемъ въ описи, и 4 котла съ трубами глуховскаго войта Яна Юрьева". (Фам. арх. кн. Барятинскихъ).

[54]) „Козаки, которые служатъ при дворѣ и посылаются въ посылки", сказано въ описи.

[55]) Въ описи с. Дроновки читаемъ: „въ томъ селѣ для пріѣзду дворъ."

[56]) См. Толковый словарь живаго Великорусскаго яз. Даля. Москва. 1863.

[57]) Ворота были одностворчатыя; у воротъ была калитка.

помѣщался брусяной амбаръ; къ леднику примыкали два походные погреба. Позади свѣтлицъ былъ распланированъ садъ, а въ немъ была баня—„мыльня съ сѣньми.“ Также обширенъ былъ экономическій дворъ въ с. Нижнихъ Деревенькахъ. [58]) Въ с. Крупцѣ встрѣчаемъ острожекъ „городокъ,“ какъ онъ названъ въ описи. Городокъ былъ выстроенъ изъ дубоваго лѣса на горѣ надъ мельничнымъ прудомъ, который получился отъ запруды р. Крупца. Городокъ былъ о трехъ стѣнахъ, на углахъ стояли четырехугольныя башни „безъ верху.“ Одна стѣна городка длиною 94 саж. примыкала къ рѣчкѣ Крупцу; двѣ другія стороны имѣли въ длину: одна 47 саж. 1 арш., другая 17 саж. Въ городокъ вели четверо воротъ: двое было въ стѣнѣ, примыкавшей къ рѣчкѣ, третьи створчатыя въ башнѣ, противолежащей вышеупомянутой стѣнѣ, и четвертыя у другой башни (примыкавшей къ стѣнѣ въ 47 саж.). Стѣны городка были рублены тарасами и насыпаны землей, въ вышину имѣли два сажня съ четвертью. [59])

Всѣ строенья во дворахъ были исключительно деревянныя („изба рубленая,“ „сарай брусяной“ и пр.); свѣтлицы были большею частью одноэтажныя „поземныя,“ крыты драныо на кроквахъ; черныя же избы и сараи чаще покрывались соломою. Сараи часто бывали съ сѣновалами, а амбары двухъэтажные, „построены скитомъ,“ какъ говорится въ описи. Дворы огораживались заборомъ изъ пластинъ: такъ было въ с. Ивановскомъ и Нижнихъ Деревенькахъ; а съ фасаду дворъ въ селѣ Ивановскомъ былъ огороженъ дубовымъ стоячимъ бревеньемъ.

Въ экономіи Мазепы занимались земледѣліемъ, хотя въ небольшихъ размѣрахъ. Хлѣбъ сѣялся яровой и озимый: въ с. Ивановскомъ, по словамъ

[58]) „Въ селѣ дворъ, три стѣны огорожены заборомъ: бревеньемъ и пластьемъ; четвертая съ скитомъ. Переднія ворота створчатыя о трехъ щитахъ; на воротахъ взрублено два вѣнца брусовыхъ и вымощено досками. Въ томъ дворѣ строенья: свѣтлица съ комнатою, противъ ея свѣтлица жъ-поземныя; межъ ими сѣни. рубленныя, около ихъ перила; на тѣхъ свѣтлицахъ одна свѣтлица большая, противъ ея, свѣтлица малая, межъ ими сѣни брусовыя; позади тѣхъ свѣтлицъ свѣтлица жъ строится вновь брусеная жъ, около свѣтлицъ перила. На переднемъ крыльцѣ лѣтніе покои. Позади свѣтлицъ пекарня, да мыльня съ сѣньми; свѣтличка малая, свѣтлица жъ, сидятъ въ ней 14 соколовъ; противъ ея свѣтлица жъ поземная безъ печи и безъ верху. Амбарецъ малый, два амбара да сарай покрыты соломой. Изба большая черная, въ ней бьютъ масло, на избѣ сушило, два амбара малые. Въѣхавъ на дворъ, по правую сторону свѣтлица брусовая не достроена безъ верху, свѣтлица съ комнатою--поземныя, противъ ея пекарня, межъ ими сѣни ощичены въ заборъ бревеньемъ. Сарай большой огороженъ скитомъ, покрытъ соломою. позаду сарая садъ яблоновый и вишневый заводится вновь; четыре погреба походные большіе. Да на другомъ дворѣ три сарая большихъ; пять амбаровъ малыхъ для птицъ; три амбара для поклажи. При дворѣ двѣ винокурни, пять житницъ и дворъ скотный.“

[59]) „Въ городкѣ строенья: свѣтлица съ комнатою, передъ нею сѣни; противъ той свѣтлицы свѣтлица жъ съ комнатою холодною; за холодною комнаткою свѣтелка малая круглая, противъ холодной комнаты свѣтлица, промежъ ими на переднемъ и заднемъ крыльцахъ лѣтніе покои, покрыты на кроквахъ драныо. У воротъ изба съ сѣньми, побочь хоромы, конюшня. сарай—покрыты соломою. Анбаръ рубленый покрытъ драныо на кроквахъ. Анбаръ рубленой покрытъ драныо. Погребъ походной рубленой. Погребъ безъ выходу ощиченъ въ середкѣ щитомъ дубовымъ.“

приказчика Мырзы, сѣялось: овса по 20 осмачакъ, [60]) ячменю по 8 осмачакъ, проса по полъ осмачка; въ с. Нижнихъ Деревенькахъ сѣялось по 20 четвер. ржи, по 6 четвертей пшеницы, по 20 чет. овса, по 10 чет. гречихи и по четверти проса; въ с. Амони—12 чет. ржи, 2 чет. пшеницы, и 16 четвер. овса. Хлѣбъ частью израсходывался на экономическія нужды, а большая часть переработывалась у себя же на винокурняхъ [61]) на водку, пиво и медъ.

Для продажи напитковъ въ селахъ находились шинковые дворы, гдѣ „шафари“ на владѣльца продавали „вино и медъ.“ Такіе шинковые дворы имѣлись въ с. с. Ивановскомъ, Нижнихъ Деревенькахъ, Дроновкѣ, Урусѣ, Снагости и въ Крупцѣ. [62]) Въ корчмѣ Ивановской за два года (съ 29 Іюня 1706 г. по 29 Іюня 1708) выручено было 359 руб. 9 алт. 2 ден.; въ с. Нижнихъ Деревенькахъ „по сказкѣ шапаровъ“ вина было продано въ годъ на 245 руб.; въ Крупецкой волости, въ с. с. Драновкѣ и Урусѣ и дер. Колодежахъ продавали Глуховскаго войта шинковое вино и медъ, а по сказкѣ с. Крупца шафаря Максима Остафьева въ 1707 г. продано вина и меду на 803 руб. 7 алт. 4 ден. Вообще доходъ съ винокуренія составлялъ значительную цифру прихода въ гетманскихъ помѣстьяхъ, ибо винокуреніе было въ значительной степени распространено и среди крестьянскаго населенія, такъ напр. въ с. Ивановскомъ у жителей было 118 винокуренныхъ котловъ, у жителей с. Гузомои—19, с. Амони—35, с. Ольховки—28, с. Куренокъ—35, с. Дроновки—32, дер. Воронка—30, с. Крупца—20 и т. д. Съ котла въ годъ владѣльцу за право винокуренія платили по 1 руб. 6 алт. 4 ден. въ с. с. Ивановскомъ, Гузомоѣ, Нижнихъ Деревенькахъ, Козьихъ Гонахъ, Вышнихъ Деревенькахъ, Крупцѣ и въ слоб. Избицѣ, Старой Ивановской и Жилиной, въ прочихъ же селеніяхъ платили по 1 руб. 10 алт. Всего въ Рыльскомъ у. считалось 288 котловъ, деньги собирались только за 274, за которые всего

---

[60]) Осмакъ восьмая часть куля. См. Словарь Церковно-славянскаго и Русскаго языка, сост. II отд. Акад. Наукъ. Спб. 1847 г. стр. 84. Даль въ своемъ. Толковомъ Словарѣ живаго Великорусскаго языка (Москва 1863) осмакъ и осмину отождествляетъ. опредѣляя такъ: „полчетверти четыре четверика, для засѣва старинной *осмины* земли, четверти десятины“ (ст. 218).

[61]) Винокурень въ помѣстьяхъ Мазепы было 6: по двѣ въ с. Ивановскомъ и въ с. Нижнихъ Деревенькахъ и по одной въ с. Амони и Дроновкѣ, и двѣ пивоварни въ с. Ивановскомъ и Нижнихъ Деревенькахъ. Въ винокурняхъ с. Ивановскаго было 12 мѣдныхъ котловъ, у котла по 3 трубы, два желѣзныхъ котла, въ нихъ затору 9 чановъ; въ пивоварнѣ одинъ котелъ желѣзный и 2 чана; при винокурняхъ и пивоварнѣ находились 4 житницы ржи, одна житница пшеницы и двѣ житницы муки ржаной „на пивное куреня.“ Въ винокурняхъ с. Нижнихъ Дер.—16 мѣд. котловъ, у котла по 3 мѣдныхъ трубы и 5 котловъ желѣзныхъ для затору и 13 чановъ, третья винокурня „винница“ была только отстроена, но въ ней котловъ еще не было; въ пивоварнѣ находимъ котелъ желѣзный и два чана; при пивоварнѣ была солодовня; при нихъ 5 житницъ, въ которыхъ по описи значится 140 чет. овса, 40 чет. пшеницы и 30 чет. ржи. Въ винокурнѣ с. Амони имѣлось 6 котловъ съ трубами, два мѣдныхъ: одинъ заторный, другой для нагрѣванія воды на вальню (мочатъ сукно). Въ винокурнѣ с. Дроновки (винокурня рубленая крыта дранью) находилось 8 мѣдныхъ котловъ съ трубами и 7 чановъ.

[62]) Въ с. Снагости дворъ шинковый былъ огороженъ „скитомъ;“ во дворѣ: свѣтлица съ комнатою; противъ свѣтлицы клѣть, межъ ими сѣни скитовыя, сарай скитовый; покрыто все соломой; погребъ походный. Вотъ каковы были шинковые дворы въ помѣстьяхъ Мазепы; почти всѣ они были устроены на одинъ образецъ.

„имано“ 338 руб.; въ Путивльскомъ у.—78 котловъ, взимано только за 48—всего 62 руб. 13 алт.; въ Крупецкой волости 104 котла, за которые брали 132 руб. 23 алт.

Заливные луга по р. Сейму и по его притокамъ доставляли экономіи Мазепы изобильное количество сѣна. Такъ въ с. Ивановскомъ ставилось по 1280 возовъ, въ с. Амони по 360, въ с. Нижнихъ Деревенькахъ и въ с. Куренкахъ по 200, Крупецкая волость доставляла ежегодно 816 возовъ. Мѣстности же съ степнымъ характеромъ должны были вызвать особую отрасль хозяйства—скотоводство. Дѣйствительно въ сл. Избицѣ мы находимъ скотный дворъ и все хозяйство этой части имѣнія состояло въ скотоводствѣ: въ слободѣ 26 дворовъ на 6 пляцахъ, въ нихъ 85 чел. мужчинъ и 74 чел. женщинъ, у нихъ 3 винокуренныхъ котла; „а тѣ жители съ пляцовъ и съ винокуренныхъ котловъ ничего не платили для того, что ходятъ за скотомъ.“ Для скота было выстроено три *большихъ* сарая, „покрытыхъ соломою.“ „Скотинный“ дворъ находимъ еще въ с. Гузомоѣ.

Для переработки шерсти въ имѣніяхъ Мазепы имѣлись сукновални, которыхъ въ Рыльскомъ у. считалось 4 [63]) и въ Крупецкой волости 6. [64])

Молочное хозяйство нашло себѣ пріютъ въ Нижнихъ Деревенькахъ. Тамъ мы находимъ хорошо обстроенный скотный дворъ съ строеніями: изба, противъ ея клѣть, межъ ими сѣни ощичены въ заборъ бревеньемъ, покрыты соломою; подлѣ воротъ была другая изба. Среди же построекъ экономическаго двора встрѣчаемъ „избу большую черную;“ „въ ней бьютъ масло“, сказано въ описи.

Для перемолу хлѣба въ имѣніяхъ Мазепы находилось множество водяныхъ мельницъ. Мельницы на такой рѣкѣ, какъ Сеймъ, были велики и должны были приносить солидный доходъ; такъ напр. въ слоб. Жилиной на Семи была плотина, на ней 6 амбаровъ, въ нихъ 22 жернова и 12 ступъ толчей; у тѣхъ мельницъ мельникъ Алексѣй Чеясовъ съ товарищами, а изъ мельничнаго: хлѣбнаго и денежнаго доходу дается ему, Алексѣю, съ товарищи седьмой жребій. [65]) Мельницы же на такихъ рѣчкахъ, какъ Избица, Гузомойка и пр., гдѣ приходилось молоть вешнею и дождевою прибылою водою, приносили незначительный доходъ, который израсходывался обыкновенно на дворню: дворника, скотарей и пр. Къ сожалѣнію количество дохода съ мельницъ войтъ и мельникъ большею частью не объявили; только войтъ села Вышнихъ Деревенекъ Иванъ Скрыпка сказалъ, что съ мельницы на р. Деревенькахъ о двухъ жерновахъ въ годъ всякаго хлѣба собиралось 30 четв.,

---

[63]) Въ сл. Жилиной двѣ, въ с. Амони и въ с. Козьи Гоны по одной.

[64]) Въ с. Крупцѣ двѣ, въ с. Козино—три и одна въ дер. Шалыгиной.

[65]) Мельницы были построены въ 1703 г. на правой сторонѣ р. Сейма; слобода Жилина поселена только въ 1705 г. съ льготой на пять лѣтъ; въ 1708 г. въ ней было 2 дв. черкасъ и 23 двора русскихъ

войтъ с. Коренева объявилъ, что съ мельницы на р. Крепнѣ о двухъ жерновахъ доходу бывало по 35 четв.; съ мельницы же на р. Куренкѣ (въ с. Куренкахъ) тоже о двухъ жерновахъ (мелитъ только вешнею водою) доходу собиралось 5 чет. За помолъ платили и натурой и деньгами. Всѣхъ мельницъ въ помѣстьяхъ Мазепы считалось въ Рыльскомъ у. 12, въ нихъ 50 жернововъ и 20 ступъ толчей, въ Крупецкой волости 12, въ нихъ 21 садъ жерновый и 34 ступы толчеи и въ Путивльскомъ у. 3, въ нихъ 4 жернова.

Въ имѣніяхъ Мазепы было нѣсколько пасѣкъ: въ с. Ивановскомъ въ пасѣкѣ числилось 40 ульевъ, въ с. Ниж. Деревенькахъ 90 ульевъ, въ с. Куренкахъ 20 и въ с. Дроновкѣ 200. Въ хозяйскомъ обиходѣ крестьянскаго населенія, особенно Путивльскаго и Сѣвскаго уу., пчеловодство занимало не послѣднее мѣсто; крестьяне въ пользу владѣльца должны были давать десятый улей съ своихъ пасѣкъ.

Садовъ въ имѣніяхъ Мазепы не было; ихъ только начинали разводить: въ с. Ивановскомъ „позади старыхъ свѣтлицъ, читаемъ въ описи, садъ заводится вишневый и яблоновый вновь;“ въ с. Нижн. Деревенькахъ „позаду сарая заводится вновь такой же садъ.“ [66])

Вотъ краткій очеркъ хозяйственной дѣятельности Мазепы. Хозяйство въ помѣстьяхъ Мазепы не достигло своего полнаго развитія; [67]) во многихъ мѣстахъ оно только начиналось; многихъ богатыхъ угодій края хозяйственная дѣятельность гетмана совсѣмъ не коснулась. Да оно и понятно. Во время своего кратковременнаго владѣнія (9 лѣтъ) Мазепѣ приходилось обращать вниманіе совсѣмъ въ другую сторону: скупая земли у туземныхъ помѣщиковъ по незначительнымъ клочкамъ по 5, 10, 15 четвертей, Мазепа долженъ былъ затратить много средствъ, времени и энергіи на эту скуплю, затѣмъ эти по большей части пустопорожнія земли нужно было заселить т. е. пріобрѣсти рабочія силы для успѣшной эксплоатаціи природныхъ богатствъ края; на эту колонизаціонную дѣятельность и пришлось Мазепѣ направить всю свою энергію и свои средства.

Послѣ измѣны Мазепы всѣ его „вотчины“ великороссійскія были пожалованы [68]) Меньшикову „за Батуринское взятье,“ какъ поясняетъ самъ Меньшиковъ [69]) въ своемъ прошеніи. Батуринъ былъ взятъ 2 ноября 1708 г., а въ декабрѣ того же года уже было составлено для Меньшикова подробное описаніе всѣхъ великороссійскихъ вотчинъ Мазепы. Изъ тона и нѣкоторыхъ выраженій описанія можно заключить, что оно было составлено посланными Меньшикова. На основаніи этого описанія мы и охарактеризовали колонизаторскую дѣятельность Мазепы въ Великороссіи.

---

[66]) Только въ с. Крупцѣ находимъ садъ тоже „яблоновый и вишневый“ вполнѣ разведенный.

[67]) Какого оно, напр., достигло въ с. Ивановскомъ въ этомъ столѣтіи; с. Ивановское до упраздненія крѣпостнаго права по обширности запашекъ и вообще по устройству земледѣльческой части хозяйства считалось образцовымъ. Списокъ населенныхъ мѣстъ. Курская губ. стр. VIII.

[68]) Фам. арх. кн. Барятинскихъ.

[69]) Протоколы Верховнаго Тайнаго Совѣта стр. 41. Чт. въ Общ. Ист. и Др. 1858 г. III кн.

ПРИЛО

Опись, составленная въ 1708 г. для вот

Названіе населенныхъ мѣстъ.	Когда поселено и гдѣ.	Плящные.							
		Черкасы.				Русскіе.			
		Число двор.	Муж.	Женщ.	Число плящ.	Число двор.	Муж.	Жен.	Число плящ.
Рыльскаго	**уѣзда.** *)								
Село Ивановское.	Поселено въ 1699 г. на суходолѣ подлѣ Ивановскаго болота. Воду берутъ ис копанныхъ колодезей.	176	428	376	98¾	497	1550	1262	149
Слободка Избица.	По лѣвую сторону р. Избицы въ 1706 г.	—	—	—	—	26	85	74	6
Слоб. Старая Ивновская.	Подлѣ Семскаго лугу на суходолѣ. Воду берутъ изъ копанныхъ колодезей.	—	—	—	—	93	304	241	26
Слоб. Жилина.	На р. Сеймѣ поселена въ 1705 г.	2	7	6	¾	23	84	65	6
Село Гузомоя.	Поселено въ 1705 г.	—	—	—	—	69	293	265	32
Село Нижнія Деревеньки.	Поселено въ 1599 году.	3	15	15	1¼	223	889	685	82¼
Село Козьи Гоны.	Поселены къ р. Пѣнѣ.	—	—	—	—	112	302	256	30
Село Вышнія Деревеньки.	По обѣ стороны р. Деревеньки въ 1700 г.	8	13	26	3	196	732	620	47

*) При образованіи въ 1802 г. Льговскаго уѣзда многіе изъ нижепоименованныхъ селеній отнесены къ Льговскому уѣзду. (см. Списокъ населенныхъ мѣстъ. Курской губ.).

ЖЕНІЕ.

чинной конторы кн. А. Д. Меньшикова.

Безпашенные.						Число винокуренныхъ котловъ.	Водяныя мельницы.
Черкасы.			Русскіе.				
Число двор.	Муж.	Жен.	Число двор.	Муж.	Жен.		
Чер	касъ	и	Рус	ски	хъ	118	
24	дво	ра м	ужч	инъ	53,		
	же	нщи	нъ	48.			
—	—	—	—	—	—	3	
—	—	—	—	—	—	3	
—	—	—	—	—	—	—	На р. Сеймѣ плотина, на ней 6 амбаровъ; въ амбарахъ 22 жернова, 2 вални, что валятъ сукна, 12 ступъ. Мельница построена въ 1703 году на правую сторону р. Сейма.
—	—	—	—	—	—	19	На р. Гузомоѣ плотина, на ней амбаръ; въ амбарѣ жерновъ мелитъ вешнею и прибылою дождевою водою, а въ лѣтнюю и зимнюю пору стоитъ безъ млива.
—	—	—	—	—	—	14	На р. Деревенькахъ 4 мельницы, въ нихъ 5 жернововъ.
—	—	—	—	—	—	6	На р. Семи мельница: на плотинѣ 4 амбара; въ нихъ 14 каменей, да валня, 5 ступъ.
—	—	—	9	43	31	16	На р. Деревенькахъ плотина, на ней амбаръ, въ амбарѣ 2 жернова.

Названіе населенныхъ мѣстъ.	Когда поселено и гдѣ.	Пляцные.							
		Черкасы.				Русскіе.			
		Число двор.	Муж.	Жен.	Число плац.	Число двор.	Муж.	Жен.	Число плац.
Деревня Сугровъ.	Поселена къ р. Сейму.	—	—	—	—	6	13	14	1 1/2
Село Городенское Кобылицы тожъ.	Къ р. Кобылицѣ поселено лѣтъ 50 и больше.	—	—	—	—	14	84	86	4 1/4
Слободка Рѣчица.	На р. Рѣчицѣ.	—	—	—	—	12	47	39	3
Село Качатна.	Къ р. Кочатнѣ.	—	—	—	—	71	336	267	18
Деревня Дремова.	По лѣвую сторону р. Котливой.	—	—	—	—	5	13	13	1 1/8
Село Котливо.	У р. Котливой.	—	—	—	—	5	12	11	1 1/8
Село Амонь.	На р. Амони поселено въ 1699 г.	26	228	189	32	112	450	354	50
Село Ольховка.	На р. Ольховкѣ въ 1703 году.	18	95	96	10 2/3	67	282	243	27 1/3
Село Куренки.	По обѣ стороны р. Куренки въ 1704 г.	4	13	15	2 1/2	169	734	644	61
Село Софроново.	По обѣ стороны р. Сухой Амонки въ 1707 г.	6	25	19	4	291	1052	888	98 1/4
Путивльскаго уѣзда.									
Село Новое Спасское, Дроновка тожъ.	На р. Колодежѣ въ 1704 году.	5	23	25	2	147	571	488	46
Село Уруса.	На р. Урусѣ въ 1702 году.	25	85	81	7	126	404	349	29

Безпашенные.						Число винокуренныхъ котловъ.	Водяныя мельницы.
Черкасы.			Русскіе.				
Число двор.	Муж.	Жен.	Число двор.	Муж.	Жен.		
—	—	—	—	—	—	—	
—	—	—	—	—	—	—	
—	—	—	—	—	—	—	
—	—	—	—	—	—	—	
—	—	—	—	—	—	—	
—	—	—	—	—	—	—	
10	—	—	13	—	—	35	На р. Амони мельница: на плотинѣ два амбара; въ одномъ два жернова, въ другомъ три толчеи да валня суконная. На той же р. пониже села мельница жь: на плотинѣ амбаръ, въ немъ одинъ жерновъ.
2	—	—	14	—	—	28	
—	—	—	7	—	—	35	На рѣчкѣ мельница: на плотинѣ амбаръ, два жернова.
—	—	—	20	—	—	11	На р. Сухой Амонкѣ мельница: на плотинѣ амбаръ; въ немъ жерновъ.
—	—	—	2	7	—	32	
—	—	—	23	—	—	12	На рѣчкѣ на плотинѣ амбаръ, въ немъ жерновъ.

Названіе населенныхъ мѣстъ.	Когда поселено и гдѣ.	Пляцные.							
		Черкасы.				Русскіе.			
		Число двор.	Муж.	Женщ	Число пляц.	Число двор.	Муж.	Жен.	Число пляц.
Деревня Колодежи.	На р. Семи.	—	—	—	—	—	—	—	—
Село Коренево.	По лѣвую сторону Крепны въ 1707 г.	55	181	135	25	213	784	666	67
Село Снагость.	Къ р. Снагости въ 1707 г.	239	630	549	105	126	437	309	43
Сѣвскаго уѣзда [7]) Крупецкая волость.									
Село Крупецъ.	На р. Крупцѣ.	—	—	—	—	153	670	624	75

[7]) Теперь Путивльскаго уѣзда.

Безпашенные.						Число винокуренныхъ котловъ.	Водяныя мельницы.
Черкасы.			Русскіе.				
Число двор.	Муж.	Жен.	Число двор.	Муж.	Жен.		
14	42	32	73	256	196	4	Въ деревнѣ на р. Колодежѣ меленка, въ ней жерновы Сѣвскаго Спасскаго монастыря, а владѣлъ тою мельницею глуховскій войтъ.
—	—	—	4	—	—	9	На р. Крепнѣ плотина; на ней амбаръ; въ амбарѣ два жернова.
—	—	—	5	—	—	21	
—	—	—	38	—	—	20	На р. Обестѣ плотина; на плотинѣ два амбара: въ одномъ—два жернова, въ другомъ сукновалня и 4 ступы толчеи [1]). На р. Обестѣ ниже с. Крупца мельница жъ, мелетъ двоими жерновы [2]). На р. Обестѣ ниже той мельницы мельница мелитъ двоими жернами, да 4 ступы толчеи, одна вальня [3]).

[1]) А села Крупца войтъ и крестьяне сказали: ту де мельницу строилъ и владѣлъ, какъ Крупецкая волость была за Великимъ Государемъ, гостинные сотни рыльскій Герасимъ Шелеховъ, а какъ Крупецкая волость отдана гетману и ему, Герасиму, тою мельницею владѣть не дали, владѣлъ глуховскій войтъ Янъ, и на ту мельницу Герасимъ Шелеховъ положилъ выпись, какова ему дана изъ разряду въ прошломъ 701 году за прописью дьяка Федора Замятина, съ той выписи взялъ у него списокъ за рукою. А у той мельницы на правой сторонѣ р. Обесты дворъ Герасима Шелехова, въ немъ строенья: свѣтлица безъ печи, подъ нею погребъ, противъ ея изба черная; на дворѣ жъ изба черная, гдѣ живетъ мельникъ; на дворѣ жъ конюшня рубленая крыта соломою; огорожа и строенья опало; подлѣ двора садъ яблоновый и вишневый". (Фам. арх. кн. Барятинскихъ).

[2]) „А напередъ сего тою мельницею владѣли изъ Путивля Духово-Дѣвичьяго монастыря игуменья Анисья съ сестрами, а по чему владѣли вѣдѣнья не явили, а какъ Крупецкая волость была отдана гетману и ей, игуменьѣ, тою мельницею владѣть не дали, владѣлъ Глуховскій войтъ......; а у той мельницы на правой сторонѣ р. Обесты дворъ, гдѣ живутъ мельники; на дворѣ изба черная". (ibid).

[3]) „А напередъ сего тою мельницею владѣлъ деревни Воронка крестьянинъ Максимъ Ивановъ, а какъ Крупецкая волость отдана была ему, гетману, и ему, Максиму, владѣть не дали". (ibid).

Названіе населенныхъ мѣстъ.	Когда поселено и гдѣ.	Плацные.							
		Черкасы.				Русскіе.			
		Число двор.	Муж.	Жен.	Число плац.	Число двор.	Муж.	Жен.	Число плац.
Деревня Воронокъ.	По лѣвой сторонѣ на р. Воронкѣ, а по правой разныхъ помѣщиковъ.	2	—	—	3/4	68	301	297	24 1/4
Деревня Локоть.	На р. Обестѣ на правой сторонѣ.	—	—	—	—	42	175	136	16
Село Стариково.	На р. Обестѣ на правой сторонѣ.	5	16	13	2 1/3	50	169	154	13 1/3
Село Погаричи.	Подлѣ р. Клевени по лѣвую сторону.	4	10	6	2 1/4	38	133	134	6 1/4
Дер. Шушелева.	Подлѣ р. Клевени по лѣвую сторону.	4	14	14	1	21	60	72	4
Село Козино.	Подлѣ р. Козинки.	5	13	16	1 1/3	75	374	322	29 2/3

Безпашенные.						Число винокуренныхъ котловъ.	Водяныя мельницы.
Черкасы.			Русскіе.				
Число двор.	Муж.	Жен.	Число двор.	Муж.	Жен.		
—	—	—	15	—	—	30	Въ деревнѣ на р. Воронкѣ мельница; въ амбарѣ двое жерновы [4]).
—	—	—	12	—	—	13	Въ д. Локтѣ на р. Обестѣ: въ одномъ амбарѣ двое жерновы, въ другомъ 4 ступы толчеи (пусты); да ниже деревни на р. Обестѣ мельница: въ одномъ амбарѣ 2 жернова, въ другомъ 4 ступы толчеи (пусты [5]).
—	—	—	16	—	—	2	Ниже села мельница: въ одномъ амбарѣ 2 жернова, 4 ступы толчеи (владѣлъ крестьянинъ дер. Локтя, изъ доходовъ платилъ два жеребя).
3	7	6	6	14	6	4	
—	—	—	16	43	29	2	
—	—	—	14	37	33	14	На р. Ковинкѣ 2 мельницы; на плотинѣ по одному амбару; въ амбару по 1 жернову, 6 толчей, 2 сукновални (владѣли деревни Локтя крестьяне Андрей Морозъ и Ѳедоръ Льговскій, изъ доходовъ съ тѣхъ мельницъ платили 2 жеребя Глуховскому войту); мельница на р. Обестѣ: на плотинѣ два амбара: въ одномъ 1 садъ жерновъ, въ другомъ 4 ступы толчеи и сукновалня (сначали владѣли Путивльскаго Духова мря иг. Анисья съ сестрами, а по-

[4]) „А владѣетъ тою мельницею деревни Воронка крестьянинъ Василій Онохинъ съ путивльскимъ помѣщикомъ Якимомъ Марковымъ пополамъ, а плачивалъ онъ, Василій, съ своей половины съ хлѣбныхъ и съ денежныхъ доходовъ глуховскому войту два жеребя. (ibid).

[5]) „А владѣютъ тѣми мельницами крестьяне деревни Локтя родные Щербаковъ Григорій да Илья Хроловъ, деревни Шалыгиной Иванъ Суровитскій, а плачивали съ тѣхъ мельницъ хлѣбныхъ и денежныхъ доходовъ два жеребя глуховскому войту“. (ibid).

Названіе населенныхъ мѣстъ.	Когда поселено и гдѣ.	Пляцные. Черкасы. Число двор.	Муж.	Жен.	Число пляц.	Русскіе. Число двор.	Муж.	Жен.	Число пляц.
Дер. Шалыгина.	Подлѣ р. Лапуга.	—	—	—	—	49	207	171	12
Село Ковенки.	На р. Лапугѣ.	3	8	9	[1]) $^{3}/_{4}$	56	201	200	$16^{1}/_{2}$
Село Неплюевка (Рыльскаго уѣзда).	На р. Клевени (по лѣвую сторону Рыльскаго у., а по правую сторону глуховскаго) въ 1685 г.	11	28	30	$3^{3}/_{4}$	140	495	474	54
С. Неплюевка.		4	44	48	$2^{1}/_{4}$	—	—	—	—
(глуховск. уѣзда). Деревня Приходькова.	На болотѣ Дрищевѣ въ 1699 г. (въ 4 верстахъ отъ с. Амони).	13	41	54	$8^{1}/_{2}$	3	11	10	$1^{1}/_{2}$
С. Алешня (Рыльскаго у.)	По обѣ стороны р. Алешенки въ 1705 г. (въ 7 верстахъ отъ с. Амони).	7	27	23	$4^{1}/_{2}$	56	201	184	43

[1]) „На двухъ жеребихъ пляца“

[2]) Съ котла въ годъ платили по $1^{1}/_{2}$ рубля.

Безпашенные.						Число винокуренныхъ котловъ.	Водяныя мельницы.
Черкасы.			Русскіе.				
Число двор.	Муж.	Жен.	Число двор.	Муж.	Жен.		
							чему вѣдѣнія не явили", а какъ Крупецкая волость отдана Мазепѣ и владѣть .... не дали".
—	—	—	19	57	49	9	На р. Лапугѣ мельница: въ одномъ амбарѣ 2 жернова, въ другомъ 4 ступы толчеи да сукновалня (владѣетъ игуменья Анисья съ сестрами и „доходъ емлетъ", а на Мазепу изъ мельничнаго никакого доходу не имали).
—	—	—	26	73	64	10	На р. Лапугѣ мельница на два постава жернова [6]) На р. Лапугѣ межъ села Ковенокъ и деревни Шалыгиной мельница—на два постава жернова (владѣла игуменья Анисья со сестрами, „а какъ Крунецкая волость отдана гетману. и ей ...... владѣть не дали)".
4	—	—	25	—	—	[2]) 30	На р. Клевени мельница: на плотинѣ два амбара, три толчеи, да сукновалня. На той же рѣчкѣ ниже села мельница; на плотинѣ два амбара: въ одномъ два жернова, въ другомъ 1 жерновъ, 3 толчеи да сукновалня.
—	—	—	—	—	—		
—	—	—	—	—	—	—	
						9	На р. Алешенкѣ плотина; на плотинѣ амбаръ: въ немъ одни жерновы, 4 ступы толчеи, (мелитъ въ дождевую прибылую воду).

[6]) „Владѣютъ вобче одною половиною путивльской помѣщикъ Михайла Второго, другою половиною села Крупца крестьянинъ Емельянъ Коробовъ да глуховскаго войта Яна Юрьева зять Останъ Михайловъ. (Ibid).

Названіе населенныхъ мѣстъ.	Когда поселено и гдѣ.	Пляцные.							
		Черкасы.				Русскіе.			
		Число двор.	Муж.	Жен.	Число пляц.	Число двор.	Муж.	Жен.	Число пляц.
Деревня Вышняя. Игрунь. (Рыльск. у.)	По лѣвую сторону р. Игруни въ 5 верстахъ отъ с. Ивановскаго.	52	190	94	—	—	—	—	—
Деревня Нижняя. Грунь (Рыльск. у.)	По правую сторону р. Игруни (въ 3 верстахъ отъ дер. Вышней Груни).	18	31	26	—	—	—	—	—
Дер. Ивница.(Рыльскаго у.)	По правую сторону р. Ивницы (въ 20 верстахъ отъ дер. Вышней Груни).	14	46	40	—	—	—	—	—
Слобода Богоявленская Шаптуховка тожъ.(Рыльскаго у.)	По обѣ стороны р. Крепенцы въ 1707 г. (въ 6 вер. отъ дер. Ивницы).	120	266	228	—	—	—	—	—
Деревня Петровск. (Рыльск. у.)	На р. Крепенцѣ (отъ Богоявленской слободы въ 4 верстахъ).	11	34	24	—	—	—	—	—

Безпашенные.						Число винокуренных котловъ.	Водяныя мельницы.
Черкасы.			Русскіе.				
Число двор.	Муж.	Жен.	Число двор.	Муж.	Жен.		
—	—	—	—	—	—	—	
—	—	—	—	—	—	—	
—	—	—	—	—	—	—	
—	—	—	—	—	—	—	На р. Крепенцѣ плотина, на ней въ амбарѣ жерновъ.
—	—	—	—	—	—	—	

М. Плохинскій.

НАРОДНЫЕ РАЗСКАЗЫ

О ДОЛѢ.

(Матеріалы для характеристики міросозерцанія крестьянскаго населенія Купянскаго уѣзда).

Зъ щастя та зъ горя зкувалась доля.
Я свою планиду знаю.
Яке Богъ уродывъ, таке треба жаты.
Всякъ свого щастя коваль.

(Малорусскія пословицы).

Слово „доля“ вызываетъ у малоросса разныя представленія, а потому и отвѣты на вопросъ: что такое доля? получаются различные въ зависимости отъ того, какой изъ образовъ при этомъ словѣ возникаетъ предъ умственнымъ взоромъ вопрошаемаго.

Строго ограничиваясь находящимися у насъ по настоящему вопросу матеріалами, мы попытаемся на основаніи ихъ намѣтить всѣ понятія, входящія въ составъ народнаго представленія о *Долѣ*, располагая по возможности и самые матеріалы въ томъ порядкѣ, какой намъ кажется наиболѣе соотвѣтствующимъ предполагаемому послѣдовательному ходу возникновенія и усвоенія народомъ этихъ поэтическихъ образовъ судьбы, не всегда ясно очерченныхъ.

I. Прирожденная Доля. Доля—душа предковъ. Прежде всего Доля понимается не какъ простое олицетвореніе отвлеченнаго понятія, а считается *душою* предковъ, умершихъ родителей или вообще близкихъ людей, составляя такимъ образомъ отраженіе древняго культа предковъ, покровителей семейнаго очага. Остатокъ прежнихъ жертвоприношеній умершимъ и бывшихъ при этомъ гаданій мы видимъ теперь въ народномъ обычаѣ оставлять послѣ ужина, особливо подъ большіе праздники, часть кушаньевъ для Доли. Говорятъ: „ныгодитця горшкивъ и ложокъ писля вечери мыты, а то Доли ничого буде йисты“. Поэтому хотя иныя хозяйки и перемываютъ съ вечера посуду, въ которой готовился ужинъ, но за то откладываютъ въ особый горшочекъ три ложки кушаньевъ, кладутъ и ложку. Старухи учатъ (сл. Араповка): „зъ стола крыхты всигда змитай пидъ стилъ, шобъ Доля ихъ поила. На ничъ не прыбырай всего хлиба зъ стола: оставъ хоть кусочокъ Доли на вечерю“.

—„Ныприминно треба на Голодный святъ-вечеръ въ горшкови оставляты Доли три ложки кутьи того, шо той вечеръ Доли прыходять вечеряты, даже и ти, шо далеко живуть“ (К.).

Подъ крещеніе по окончаніи ужина всѣ кладутъ свои ложки въ мыску отъ кутьи, а сверху положатъ кнышъ или хлѣбъ. Ночью приходитъ *Доля* и переворачиваетъ ложку того, кто въ текущемъ году умретъ.

По народнымъ вѣрованіямъ души (иные говорятъ—доли) умершихъ родныхъ присутствуютъ на поминальныхъ обѣдахъ, сидя въ то время на полочкѣ между иконами; онѣ посѣщаютъ людскія жилища и въ другое время. Поэтому, напр., недолжно выметать сору изъ хаты черезъ порогъ, такъ какъ можно при этомъ запылить души умершихъ родителей, входящихъ въ ту минуту въ хату.

Души умершихъ, доли ихъ, не есть прозрачныя только существа. Нѣтъ, онѣ вполнѣ реальны: онѣ говорятъ, пьютъ и ѣдятъ; ихъ можно не только видѣть, но и осязать. Ночь излюбленная пора для ихъ посѣщеній. Всего чаще являются души умершихъ матерей къ своимъ оставшимся сиротами дѣтямъ, чтобы „доглядаты“ ихъ.

— Умерла одна вдова; послѣ нея осталось трое сиротъ. Близкихъ родныхъ у нихъ не было: некому было ухаживать за ними. Но тѣмъ не менѣе сосѣди видятъ, что сироты по воскреснымъ днямъ всегда чисто одѣты, умыты, причесаны, въ чистыхъ сорочкахъ. Стали спрашивать дѣтей: „хто це догляда васъ?“—Мате наша ходе до насъ по ночахъ. Прыйде, головки намъ помые, розчеше, били сорочки надине“. Люды пидглядилы,—такъ воно и є: доля умершій жинки ходыла доглядаты своихъ дитей. (К.).

Впрочемъ многіе изъ разскащиковъ признаютъ, что Доля умираетъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, но нѣкоторые утверждаютъ, что Доли умершихъ людей живутъ въ ихъ могилахъ. Не рѣдко Доля умершаго сидитъ на могилѣ его, а также посѣщаетъ его родныхъ, особенно передъ какимъ-нибудь несчастіемъ. Можно и самому вызвать изъ могилы Долю кого-либо изъ своихъ умершихъ родственниковъ, стоитъ только навкрестъ перепрыгнуть черезъ могилу,—Доля и явится (сл. Тарасовка). Но дѣлать это рисковано, потому что, вмѣсто счастливой Доли, помогающей вызвавшему ее, можно вызвать несчастливую Долю, Недолю, которая принесетъ съ собою несчастіе.

Въ нашихъ народныхъ разсказахъ о мертвецахъ они называются мертвяками, опырякамн, или упырями, смертями, душами умершихъ и, наконецъ, *долями* ихъ. Послѣднее названіе дается рѣже другихъ и притомъ дается лишь дѣдамъ, бабкамъ, свекрамъ, свекровьямъ, мужьямъ, женамъ и всего чаще матерямъ. Въ нашемъ собраніи разсказовъ о явленіяхъ мертвецовъ нѣтъ ни одного случая, въ которомъ бы названіе доля дано было тестю, тещѣ, отцу, брату, сестрѣ или кому-либо изъ дальнихъ родственниковъ и

знакомыхъ. Такое строгое разграниченіе мертвецовъ въ приложеніи къ нимъ названія доли кажется намъ не случайнымъ, а вытекающимъ изъ взгляда народа на связь и зависимость судьбы человѣка отъ извѣстныхъ лишь своего или чужаго рода членовъ. Конечно, судьба человѣка прежде всего опредѣляется актомъ рожденія: доля человѣка является даромъ его матери. Достаточно самаго бѣглаго знакомства съ народными пѣснями, чтобы тотчасъ увидѣть, что въ нихъ мать выводится подательницею доли, въ нихъ часто выражается мысль, что отъ матери зависѣло дать или недать своимъ дѣтямъ красоту, счастье, долю.

„Выступала чорна хмара, а другая сыня:
Та спородыла та старая маты хорошого сына.
Та й не дала ему, ему молодому
Ни щастя, ни доли;
Та тилько жъ дала ему молодому
Биле лычко, чорни бровы.
Та вже жъ тіи чорни бровы
Запысалы у салдаты.
„Та було бъ тоби, старая маты,
„Своихъ бривъ не даваты;
„Та було-бъ тоби, старая маты,
„Щастя—долю даты.
„Та купы жъ мини, та стара маты.
„Коня вороного“.
Коныкъ вороненькій, парень молоденькій.
Та осидлавши, та шапочку знявши,
Та нызько поклонывся.
„Вы прощайте, отецъ и ненька,
„И ты, жена молоденька,
„И вы, близки сосидочкы:
„Може я съ кымъ побранывся;
„Та не вспомынайте худыми словами,
„Та щобъ я не журывся;
„Та вспомынайте добрымы словамы,
„Та щобъ я веселывся.
„Та прылывайте та суху дороженьку,
„Та щобъ вона не курылась;
„Та розважайте та мою неньку,
„Та щобъ вона не журылась.
„Та прылывайте сухую дороженьку,
„Щобъ пыломъ не впала;

„Та розважайте та тою мыленькую,
„Щобъ съ лыченька не спала“. (К.).

О прирожденной долѣ скажемъ ниже, а теперь снова обратимся къ долямъ—душамъ умершихъ предковъ: дѣдовъ, бабокъ, свёкровъ и свекровей. По народнымъ о нихъ разсказамъ, въ нихъ обнаруживаются свойства злобныхъ или капризныхъ существъ, напоминающихъ отчасти домоваго. Онѣ бываютъ довольны, когда находятъ свои любимыя кушанья и, наоборотъ, сердятся и выражаютъ всячески, даже побоями, свое неудовольствіе, если пищи для нихъ мало или совсѣмъ не приготовлено. Страхъ и боязнь ихъ гнѣва служатъ главнѣйшими побужденіями къ принесенію имъ жертвъ. Чтобы избавиться отъ посѣщеній этихъ прожорливыхъ Долей, нужно поймать ихъ. Разъ пойманныя онѣ исчезаютъ навсегда: безсиліе ихъ обнаружено, страхъ разсѣялся, а вмѣстѣ съ нимъ уничтожается и главное побужденіе къ жертвамъ.

— Одно время, что положатъ у насъ на столѣ, а Доля ночью и заберетъ, и заберетъ, говоритъ разсказчица. Вотъ и стали все класть на полицу. Отецъ уѣхалъ на ярмарокъ, а въ эту ночь мать и слышитъ, что Доля ищетъ чего-то вездѣ: по столу, по лавкамъ, по окнамъ. Ночь была лунная,—видно было старика, старающагося отыскать что-либо съѣстное, и въ этомъ старикѣ мать признала покойника: это былъ отецъ отца. Мать встала да и поймала Долю дѣда; пойманная начала просить: „пусти меня, я уже не буду у васъ больше брать, а къ вамъ буду еще носить“. И съ той поры Доля ничего у насъ небрала. Къ этому разсказчица прибавила: чтобы Доля что-нибудь въ домъ носила, или, по крайней мѣрѣ, сама не брала изъ дому, нужно ее поймать. (сл. Двурѣчная).

— Жила богатая вдова съ взрослымъ женатымъ сыномъ. Была она хорошая строгая хозяйка; сына и невѣстку держала, какъ говорится, въ ежовыхъ рукавицахъ: всѣмъ распоряжалась сама, а они только исполняли ея приказанія. Умирая, призвала старуха свою невѣстку и говоритъ ей: „слухай, дочко, шо я тоби скажу! хоть я и умру, а все-жъ буду приходыты до васъ що дня, такъ ты оставляй мини вечерю“. Умерла старуха; ее какъ слѣдуетъ похоронили. И стала Доля свекрухи каждую ночь приходить ужинать. Придетъ, все приготовленное поѣстъ и уйдетъ. Разъ какъ-то ничего не осталось отъ ужина. Ночью приходитъ свекровь, видитъ на столѣ, кромѣ хлѣба, нѣтъ ничего; полѣзла въ печь и тамъ ничего. „Бачъ и йсты ничого!“ ворчитъ старуха. уплетая бывшій на столѣ хлѣбъ. Потомъ подошла къ невѣсткѣ и говоритъ: „гляды, щобъ завтра мини усего богато було, а то ты знатымешъ мене!“ На утро невѣстка призналась своему мужу, что къ нимъ по ночамъ ходитъ Доля его матери. Тотъ отправился къ пріятелю посовѣтоваться, что дѣлать. Пріятель далъ ему совѣтъ или поймать мать

если у него хватитъ смѣлости, или попросить священника отслужить на ея могилѣ „заклятый“ молебенъ. Избѣгая огласки, сынъ рѣшился поймать Долю матери. Около полуночи входитъ въ хату старуха и направляется къ столу. „А чого це вы, мамо, ходыте до насъ?“ спросилъ ее сынъ, схвативъ за руку: „ще довго будете вы ходыты, жинку лякаты?“

— Пусты, сыну, бильшъ не буду до васъ ходыты, сказала Доля,— вырвалась изъ рукъ и исчезла (сл. Гусинка).

Доля умершей жены напоминаетъ своею доброжелательностію долю матери: она помогаетъ своему мужу вдовцу или своимъ появленіемъ предувѣдомляетъ объ ожидающей его бѣдѣ; а Доля умершаго мужа имѣетъ характеръ доли дѣда или кровожаднаго упыря.

— Живъ беля насъ, якъ разъ двиръ съ дворомъ, чоловикъ Ѳома Гробовыкъ. Живъ винъ гарно, можно сказать при усякомъ продовольствіи. Навалылось на его ны съ того, ны съ сёго горе та бида. Сказано—пишла бида за бидою. Державъ винъ землю за десять душъ, десять надиливъ, а семьи було у ёго: винъ зъ жинкою та два сыны нежонати. Пидошлы плохи года; хлибъ неуродывъ. У людей плохо, а у Ѳомы, ыначе Божьимъ попущеніемъ, ничогисенько на поли ныма: то погорило, то градомъ побыло— усяка бида надъ его нивою звалылась бильшъ, чимъ у другихъ. Потимъ его скотинка поздыхала, а тутъ и жинка вмерла. Умерла въ осены, заразъ писля Покровы, уже воны де що и помолотылы, бо нема що багато и молотыты було. Загорювавъ нашъ Ѳома. По хазяйству бида: годъ плохій выдавсь, скотына подохла, купывъ-бы,—ще гроши у его булы: карбованцивъ двисти,—опасно, ще хвороба по слободи на скотыни ходыла. Винъ и думае: хлибъ убралы, обійдемось и безъ скотыны до весны; кормъ продамъ (а було ще стогивъ два сина), на ти гроши найму плугивъ на пашню на той рикъ, а весною, Богъ дастъ, купымо скотыну. У коморяхъ та въ амбаряхъ хлиба у него було ще запасено съ старыхъ годивъ, значе и тутъ бида не велыка. Главна бида: плохо безъ хозяйки. Подумавъ, подумавъ—и загадавъ сына женыть старшого, а було ему 20 литъ; не хотивъ допрежь его женыты, покы винъ одбуде солдатчину, а заразъ треба хозяйку. Порадывсь съ сыномъ и пойихалы у Дубинивку свататься: тамъ, бачыты, хлопцю дивчина прыйшлася до норову; батько и не перечивъ: „у Дубиновци будемъ браты, такъ и у Дубиновци“. Заперлы хату и пойхалы уси трое: батько съ женыхомъ, старостивъ забралы и хлопця меньшого взялы; часомъ стари загуляють, шобъ було кому худобы доглянуть. Женыхъ пойхавъ того, шобъ зразу дило завершить; винъ знавъ, шо дивку виддадуть, такъ разомъ и до батюшки, та шобъ на тій же недили и свадьбу справить, бо до заговинья оставалось днивъ шисть, а имъ не хотилось безъ хозяйки Пилипивку и Риздво проводить. Пойихалы, засваталы дивку; заразомъ и сватанье спра-

вилы. Було то у недилю, а шобъ у пьятныцю и винчаться. Передъ свитомъ йдуть воны додому. Сталы въ Тарасивку выиздить, глядь,—шось горыть; полымя зъ ихъ краю выдно. А воны жилы по тимъ боци.—На пужарь звонють; народъ бижить. Воны тожъ своихъ коней прыпустылы. Прибыглы, а вже хата ихъ сгорила, комори занялысь! народъ бига, туше,—та шо вже зробышъ? У хати гроши у скрини булы—сгорилы; въ амбаряхъ хлибъ—горивъ, а шо осталось, то продымылось: самимъ йсты за нужу. Вивци булы въ сараи—сгорилы. Ѳома якъ соскоче съ воза, такъ и упавъ на землю и заголосывъ. Ну шожъ тутъ робыть? Затушилы розійшлысь люды; оставсь Ѳома съ своими хлопцями. Радылись, радылысь и надумалы: склалы батькови хатку зъ тихъ дубкивъ, шо отъ пужарю осталысь; собралы хлибъ, шо недогоривъ, и оставылы батька самого зиму зимоваты, горюваты, а самы пишлы и нанялысь у экономію. Уже про свадьбу и казаты ничого, бо дивку бралы бидну и самы осталысь въ однихъ сорочкахъ и за винчанье платыть грошей нема. Батько дивчинъ и самъ бачивъ, шо яка тутъ свадьба; хлопцю, колыбъ не нанявсь, такъ торбу на плечи та по мыру иты. Казалы бабы помежъ собою, шо и загорилось у доми черезъ хлопця: винъ, бачъ, любывъ и думавъ сватать Дубинивську дивку, а женыхавсь тутъ съ одною поблизю; вона почула, шо винъ пойихавъ свататься, та съ сердця и пидпалы хату. Богъ знае, чы такъ воно, чы не такъ, а бачь, похоже. Перезимувавъ нашъ Ѳома съ горемъ, съ бидою, а на весну прышлось дуже плохо. Ну, кой якъ перебывсь—сыны помогалы—а тамъ нанявсь и винъ пшыныцю берегты край дороги,—важкой работы робыть мочи у него не було, хворый бувъ: зъило его за зиму горе. Сивъ винъ разъ въ ночи на краю дороги бля пшыныци и сыдыть: бачивъ, шо на краю недалеко на толоци гурты ночують, такъ шобъ у пшыныцю не загналы. Саме у пивничъ пидходе до Ѳомы жинка, билымъ рушныкомъ голова повьязана и сама жовта, якъ воскова. Пидошла тай каже: „Иды у себе на огороди пидъ вербою порійся, тамъ въ глечику гроши найдешъ; твоя жинка заховала". Ѳома злякався, а всежъ спытавъ: „тыжъ это?"—Я—Доля твоій жинки. Съ тымъ словомъ и пропала. На другій день Ѳома пишовъ у вечери, порывсь пидъ вербою и найшовъ глечикъ, а у ему пивтораста цилковыхъ грошей. Помолывсь Ѳома Богу, узявъ ти гроши, та сыны заробылы, и поставылы воны соби нову хату, купылы воливъ. И хлопець оженывся на тій дивчинѣ, шо засватавъ, и гарно посю пору живуть. А Ѳома вже вмеръ, царство ему небесне! (Сл. Тарасовка. Сообщила уч. В. Свѣтъ).

— У одного чоловика вмерла жинка, и съ той поры шось стало по хати въ ночи ходыты. Разъ винъ прокинувсь, бо почувъ, шо хтось ходе, и пытае: „шо ты таке?" А воно на отвитъ: твоій жинки Доля. Винъ и спытай: „чы на добро, чы на худо?" Воно тилько хукнуло и счезло. Скоро корова здохла у того чоловика, а воно перестало до его ходыты (тамъ-же).

Въ понятіи *о прирожденной Долѣ* смѣшиваются два главныхъ теченія: одно беретъ свое начало изъ идеи о матеріальной связи ребенка съ матерью, а другое исходитъ изъ христіанской идеи о Высшемъ промыслѣ, опредѣляющемъ судьбу каждаго человѣка. И по той и по другой-Доля получаетъ характеръ неизбѣжности, неотвратимости; она сужена, записана въ книгу судебъ; отъ нея не уйдешь, не уѣдешь: она роковая.

„Породыла мене маты у святу недилю,
Дала мини нещасну Долю,--де іи дину?
„Пиды ты, нещасна Доле, та у поли загубыся,
А за мною, молодою, та не волочися!"
— Хоть я пиду, нещасна Доля, въ поли загублюся,
А якъ прыйдешъ пшеныченьки жаты, я за тебе и вчиплюся.
Породыла мене маты у святу недилю,
Дала мини нещасну Долю,—де іи дину?
„Пиды жъ ты, нещасна Доле, въ мори утопыся,
А за мною, молодою, та не волочися!"
— Хоть я пиду, нещасна Доля, въ мори утоплюся,
А ты прыйдешъ рано по водыцю, я за тебе и вчиплюся.
Породыла мене маты у святу недилю,
Дала мини нещасну Долю,—де іи дину?
„Пиды жъ ты, нещасна Доле, у лузи заблудыся,
А за мною, молодою, та не волочися!"
— Хоть я пиду, нещасна Доля, у лузи заблудюся,
А ты прыйдешъ калыны ломаты, я за тебе и вчиплюся. (К.)
(Ср. Чубинскій, т. V, стр. 475, № 60).

Та же мысль о безсиліи человѣка въ борьбѣ съ своей *долей-судьбой* картинно выражена и въ слѣдующей пѣснѣ, записанной въ хуторѣ Маліевомъ:

Породыла мене маты на святу ныдилю,
Дала мини гирку Долю,—де я іи дину?
Повызу я гирку Долю въ ярмарокъ продаваты.
Тыперь люды не глупіи: ныйдуть гирку Долю купуваты.
Нихто Доли ны купуе, нихто й ны пытае,
Тико пройде мымо мене, а Долю й ны мае.
Извалю я гирку Долю изъ воза до долу,
Сама поспишненько пиду я додому.
Я жъ думала, моя ненько, шо въ лиси гукае,
А то жъ моя гирка Доля мене впьять шукае.
Я жъ думала, моя ненько, шо въ поли си огыла,
А то жъ моя гирка Доля мене й спырыдыла.

И такъ, Доли нельзя „ни продаты, ни проминяты“; отъ нея не скроешься; она вездѣ найдетъ тебя: „вона здыба и въ чистимъ поли“. Во всѣхъ народныхъ пѣсняхъ и сказаніяхъ о Долѣ она олицетворяется почти исключительно въ образѣ горькой доли, горя, лиха, бѣды и, вообще, недоли; въ образѣ же счастливой доли она выводится весьмы рѣдко, да и то лишь, чтобы показать, что „щастя переходя жыве.“ Притомъ счастье—скромно; оно любитъ уединеніе, какъ бы боится заявлять о себѣ, чтобы не возбудить зависти; горе же рѣдко молчаливо. Оно, напротивъ того, любитъ говорить о своихъ страданіяхъ, раскрывать свои язвы; требуетъ сочувствія, жалуется, ропщетъ, клянетъ свою судьбу. Въ этихъ жалобахъ на свой несчастный жребій слышится иногда отголосокъ вѣрованія во вліяніе звѣздъ на судьбу человѣка: „выдно пидъ такою планидою родывся;“ „знать така вже моя планида.“

Мы позволимъ себѣ привести здѣсь небольшое соображеніе объ одномъ изъ возможныхъ источниковъ такого вѣрованія въ связь судьбы человѣка съ небесными свѣтилами. Крестьяне малороссы называютъ звѣзды (зирки) то душами людей, то ангелами, и говорятъ, что одновременно съ рожденіемъ ребенка родится и звѣзда его на небѣ, а когда человѣкъ умретъ, то въ то же время и звѣзда его падаетъ съ неба, тухнетъ. Не странно ли такое понятіе? Если мы обратимся къ библейскимъ сказаніямъ, то приведенное сужденіе малороссовъ не покажется намъ уже страннымъ, потому что и въ ветхозавѣтныхъ и въ новозавѣтныхъ книгахъ мы найдемъ мѣста, въ которыхъ ангелы названы звѣздами. Затѣмъ у малорусскихъ церковныхъ проповѣдниковъ конца 17-го вѣка высказывается иногда то же самое мнѣніе относительно звѣздъ—ангеловъ, съ ссылками на первыхъ христіанскихъ учителей. Мало того: звѣзда не только ангелъ, но иногда на ней бываетъ ясно написана или изображена судьба того, кому она принадлежитъ. Возьмемъ, напр. проповѣди І. Голятовскаго на Воздвиженье честнаго креста (см. Голятовскій. Казаня. Типогр. Кіевопечерской лавры, року 1660, листъ 230). Здѣсь сказано, что когда Христосъ родился въ Виѳліемѣ, то въ тотъ часъ появилась на небѣ (на повѣтру) звѣзда, которая путеводила волхвовъ, и на той звѣздѣ было „*дитятъко малое зъ крестомъ*“ для того, чтобы показать, что Родившійся умретъ на крестѣ.

Переходимъ къ отвѣтамъ крестьянъ на вопросы: что такое Доля, когда и кѣмъ она дается человѣку?

— Доля це свій ангелъ, который надъ всякимъ чоловикомъ. Если чоловикъ прогнивляетъ свого ангела, то тому чоловику нема вже никогда спокою: ангелъ видъ него удаляется и плачетъ. Есть люды таки, шо самы скверно роблять, а Долю лають: не Доля винна, а своя воля; недаромъ есть така писенька про Долю (сл. Ново-Николаевка).

— Якъ народылся чоловикъ на свитъ, то заразъ до Бога являются ангелы и пытаются Его, яку Долю даваты рожденному. Богъ тоди й вылыть имъ даты Долю або Недолю. Кожному чоловикови дается по одній Доли. Доля ли Недоля похожи на тыхъ людей, якымъ воны дани. Доля отлычается отъ Недоли тымъ, шо наряжына въ гарне платье, а Недоля носе старе и порване платье, та ше й обрывкомъ. пидпырезана, вырытенамы пообтыкана, а мотовыломъ пидпырается, якъ иде (хут. Маліевъ).

— Каждому человѣку, при его рожденіи, Богъ даетъ по одной Долѣ или Недолѣ, но не у всякаго человѣка Доля живетъ вмѣстѣ съ нимъ отъ самого рожденія: большинство людей должно искать свою Долю. Доля, по понятію крестьянъ, есть нѣкій духъ, который можетъ принимать на себя образъ то человѣка, то какого—нибудь животнаго. И вотъ, когда Доля является въ образѣ человѣка, тогда и можно отличить „щасливу" Долю отъ „нещаслывой, гиркой". Счасливая Доля—человѣкъ красивый, одѣтый въ богатую одежду, несчастливая—человѣкъ безобразный, имѣющій вицъ грязнаго оборваннаго нищаго (сл. Араповка. Сообщ. уч. Скубакъ).

— Якъ рождаеця на свитъ человикъ, то вмисти съ нымъ рождаеця и его Доля. У кожного человика есть по одній Доли, и отъ якъ чоловикъ попада житы на свою дорогу: узнае чымъ ему нужно занимаця, то й буды житы гарно, во всемъ ему буде помогаты его Доля; а якъ же не попаде чоловикъ чымъ заняця, то тоди Доля бросае его, а уходе куда-ныбудь, чаще всего блукае по лису. Ото якъ батько або маты проклынуть за шоныбудь своихъ дитей, то тоди ни у одного изъ ихнихъ дитей не буде Доли, потому шо Доля навсегда покидаеть людей проклынаемыхъ. Для того, шобъ побачиты чужу Долю (а іи побачыты, якъ кажуть, не трудно) нужно тилько узнаты зарани, де родылась дытына, яка ныбудь, все равно хоть хлопыць, хоть и дивчына. Якъ тилко почуешь, шо родылась, нужно дождаты вечера, иты до тіи хаты, де родывся младенець и заглянуты въ предпичне викно, и въ то то викно непримипно побачышъ его Долю. Тамъ тоби выдно буде, якъ винъ буде житы чы хорошо, чы плохо; въ чому бъ ему вызло, а въ чому ни, и даже побачышъ, яка его буде смерть. Можно даже побачыты въ те саме викно Долю новорожденнаго и за день до ёго рожденія. Изъ родныхъ младенця никому не удасця побачыты Доли, а можно іи побачыты тилко посторонему и тилко тому, якый ишовъ съ тою цилью, щобъ побачыты чужу Долю и щобъ никому ни за що не говорыты до самои смерти новорожденного (сл. Калинова. Сообщ. уч. Д. Пелихъ).

— Доля есть у каждаго человѣка и дается она ему Богомъ при рожденіи; она всегда имѣетъ видъ того человѣка, которому принадлежитъ. Христосъ съ апостолами Петромъ и Павломъ ходилъ по землѣ. Пришли они въ одно селеніе. Господь, зная что въ ту ночь тамъ должно было родиться

трое дѣтей, послалъ ап. Петра послушать подъ окнами тѣхъ хатъ, въ которыхъ ожидалось скорое появленіе на свѣтъ ребенка, чтобы узнать судьбу этихъ дѣтей. Петръ исполнилъ приказаніе Господа и, возвратившись, сообщилъ, что въ одной хатѣ онъ увидѣлъ озеро и слышалъ шумъ и крикъ многихъ людей. На это Господь сказалъ, что родившееся въ той хатѣ дитя утонетъ. Во второй хатѣ Петръ видѣлъ огонь, а около огня много людей „моташается" и слышны вопли. Господь сказалъ: этотъ ребенокъ сгоритъ на пожарѣ. Въ третьей хатѣ Петръ видѣлъ что-то въ родѣ качелей: висятъ веревки и на нихъ кто-то качается. „А этому ребенку," сказалъ Господь, „предстоитъ висѣлица." (К. Сообщ. В. Щ.).

Не послужилъ ли настоящій апокрифъ основой для вышесказаннаго повѣрья о томъ, что можно узнать Долю новорожденнаго, посмотрѣвъ лишь для этого въ предпечное окно?

II. **Доля — ангелъ.** Когда младенецъ еще находится въ утробѣ матери: то его ангелъ хранитель питаетъ его и учитъ всему, что онъ долженъ знать для своей земной жизни. Въ моментъ выхода младенца изъ утробы матери на свѣтъ ангелъ ударяетъ пальцемъ по верхней губѣ младенца, отчего образуется на ней на всю жизнь углубленная дорожка, а младенецъ въ ту же минуту забываетъ все сообщенное ему ангеломъ. Потомъ въ дальнѣйшей жизни человѣка всѣ сообщенныя ему ангеломъ свѣдѣнія постепенно возстановляются въ памяти его, если человѣкъ будетъ упражняться въ размышленіяхъ и самонаблюденіяхъ. И тогда изъ такого человѣка выходитъ разумный, великій мужъ; въ противномъ же случаѣ, если человѣкъ ведетъ разсѣянную жизнь и плохо припоминаетъ ангельское ученіе, то и бываетъ малоспособный и съ большими нравственными недостатками (сл. Кабанья. Сообщ. учитель П. Марусовъ.).

— Доля и Недоля даетця чоловику, якъ родытця, матерью и нарокомъ. Якъ родытця дытына, маты опереже еи хрестомъ трычи и каже: „даю тоби Щастья-Долю!" а баба-повитуха чита молитвы. И уси, хто знае, шо дытына найшлась, должны помолытьця и благословлять еи Долею.

Недоля такы опьять даетця матерью и нарокомъ. Бува, шо маты роды дытыну въ кручини, въ якимсь гори, та якъ найдеця дытына, вона и скаже: „Народылось, ты, небого, на мою голову. Гирка твоя Доля, ныщасна дытына! я мыкаюсь, ото и тоби буде. Мабуть не побачишь ты Щастья-Доли, якъ я не бачу!" Або шось таке подобне маты скаже съ печали та съ кручины,— бувають таки случаи, ото вже та дытына не бачитымыть Щастья-Доли. Бува хтось по злоби, або и ненарокомъ скаже лихе слово, якъ дытына найдеця, ото вже той небогой щастья и не бачить. Для того и треба, шобъ нарокомъ жинка рожала, шобъ мало хто и знавъ. Якъ жинка мучиця родами, а хто прыйде въ хату, ны треба отказуваты, нехай ввійде и Богу молыця. А якъ

прыйде въ ту пору чого прохать въ-позычкы, або такъ зачымъ, не треба выпускать зъ хаты и ничого давать не можно и не видказувать, а нехай жде, покы жинци шо Богъ дасть, а то Долю виддашъ. Для того-то жинки ридко по хатахъ и рожають, а то заразъ, бачъ, багато старины та дидовскихъ звычаевъ не тремають, роблять по новому: кушерокъ, бачъ, клычуть,— гарно воно, гарно, та не дуже!

Кожному чоловикови даецял одна Доля на щастя, та не кожный ее сразу получа. Иншій смалу нападе на свою Долю, тому смалу стихъ и щастя иде, а иншому Доля даетця, а винъ еи не баче, возьмеця за другу: ему и нема щастья, покы винъ не сдыба свою Долю. Бува, шо весь викъ промаеця и не побаче своеи Доли, а живе иншою, чужою Долею, або Недолею. Своя тутъ же-сбоку, а винъ еи не баче. Не даромъ стари люды кажуть: „всякъ свого щастья коваль." Такъ иншій бидуе, бидуе та й знайде свою Долю и зажеве щасливо. Доля любе, шобъ еи шанувалы, шобъ чоловикъ трудывсь и займавсь тымъ, чому вона служе (с. Тарасовка. Сообщила учит. В. Свѣтъ.).

Что нужно сдѣлать, чтобы увидѣть свою Долю? Является ли она всегда въ одномъ и томъ же видѣ, или же она можетъ измѣнять свой образъ?

— Чтобы увидѣть свою Долю, надо послѣ обѣда на Рождество взять ту ложку, которой за обѣдомъ ѣли, и выйти съ нею за ворота,—тамъ и увидишь Долю; она пройдетъ по улицѣ и отзовется къ тебѣ, назвавъ по имени. Доля всегда является въ одномъ и томъ же видѣ: въ видѣ двойника того человѣка, которому она принадлежитъ (К. Сообщ. В. Щ.).

Въ старину въ полночь подъ Новый годъ ходили на перекрестокъ дорогъ слушать Доли. Разъ собрались четыре человѣка и пошли слушать Доли. Пришли туда, гдѣ двѣ дороги перекрещивались, и стали навкрестъ по концамъ дорогъ. Вдругъ предъ каждымъ изъ нихъ явилась его Доля и говоритъ, кому чѣмъ придется заниматься. Одному сказала: ты будешь чумаковать; другому. ты будешь купцомъ; третьему: ты будешь хлѣборобомъ, а четвертому: ты будешь разбойникомъ. Й дѣйствительно, каждому пришлось заниматься тѣмъ, что было ему предсказано его Долей (К.).

На Вылыкдень якъ повбидаешъ и заразъ выйдешъ на вулыцю, то й побачышъ свою Долю. Якъ буде вона наряжына въ красное платья, то значыть щаслыва Доля, а якъ же зъ сумкою, то Недоля, то и самъ тоди ны вмынуешъ йты зъ сумкою. А то ще Доля може явыця до чоловика, якъ винъ поступе по цёму правылу. Наварыты каши въ нывылыкому горщечку, понысты на сырыдохресну дорогу и поставыты, а самому куды-ныбудь треба одійты сажень на пьять и сыдиты дожидаты. Доля сама прыйде до каши и шо ныбудь а вже зробе: якъ поисть усю кашу, то—Недоля, а якъ пырыкыне ту кашу, то то—Доля щаслыва и багата: ныхоче й каши исты.

Доля и Недоля являюця въ разныхъ выдахъ цилый годъ, тико на Велыкдень воны являюця въ тому выди, якый чоловикъ. Ото разъ дивка на Велыкдень, посли обида, вийшла на вулыцю и побачыла тамъ другу дивку, точнисенько якъ сама, зъ сумкою заплычамы. И шо-жъ? Чырызъ годъ у тіи дивки батько й маты померлы, а вона осталась сама и пишла съ тыхъ пиръ полюдяхъ зъ сумкою (хут. Маліевъ.).

— Чтобы увидѣть свою Долю надо на Голодный святвечеръ (крещенскій сочельникъ), „якъ люды идуть зъ церквы съ свяченою водою, взяты пиригъ, выйты за ворота и стояты, покы вси люды пройдуть. Послидня йтыме твоя Доля. Дѣлаютъ еще и такъ: на Свѣтлый праздникъ, когда уже всѣ придутъ изъ церкви, желающій увидѣть свою Долю беретъ „свячену крашанку" и идетъ за ворота. И вотъ, когда всѣ бывшіе въ церкви люди разойдутся по домамъ и на улицѣ никого не станетъ видно, тутъ то появится Доля и пройдетъ мимо воротъ. Она является человѣку въ различныхъ видахъ: въ видѣ мужчины, женщины или въ образѣ какого-нибудь животнаго; притомъ Доля въ видѣ мужчины является только женщинамъ и, наоборотъ, въ видѣ женщины только мужчинамъ. „Жила въ городи у одного купця робитныця. На Вылыкдень, якъ выйшлы люды зъ церквы, купець поклыкавъ іи до себе въ горныци, давъ ій свячену крашанку та й каже: „пиды стань за воритьмы и дывысь, хто мымо тебе пройде." Пишла вона, дывыця, а мымо йде старець, та обирванный, обирванный, и просе мылостины. Вона злякалась и побигла въ горныци, а купець и пыта: „ну, шо, кого бачыла?"—Та бачыла, каже, обирванного старця. „Чого жъ ты не отдала ему крашанкы? То твоя Доля. Оце жъ слухай: теперъ ты живешъ по роботныцяхъ, а на старости прыйдеця тоби мылостыны просыты" (сл. Араповка.).

— Въ страшный четвергъ, якъ прыйдешъ отъ страстей, не заходя въ хату зъ страшною свичкою полизь на горище, тамъ побачишъ Долю; вона и скаже, чимъ займатьця, шобъ щастье було: чи торговлею, чи хлиборобствомъ,—въ чомъ буде тоби рука. А то на Велыкдень иты въ поле ночью, и якъ зазвонють къ заутрени, такъ хтось до тебе прыйде, а ты и спытай: „де моя Доля?" Воно и скаже, де найты Долю. Заразъ туды иды, шо на дорози взорышъ, то и буде твоя Доля. Вздрышъ жинку стару, дивчыну и пытай, въ чомъ тоби щастье. А найдешъ яку вещъ, беры и бережи: буде тоби щастья, покы ту вещъ берехтымешъ.

Доля може являтьця въ разныхъ видахъ. Чоловику трудящому, работящому въ будній день показуется въ буденной одежи, а въ праздныкъ—въ гарной одежи наряжена. А лядащому чоловику и въ будни, и въ праздныкъ —оборвана, кальна, нечесана, смутна, а въ праздныкъ туже та плаче. Въ литку Доля показуется въ одномъ виду, а въ осены чи зимою у другимъ.

Передъ якою причиною чы нещастьемъ, чи смертью родычей опьять таки иншій видъ у Доли: До одній жинки доля усе ходыла *жинкою*, а то прыйшла *медвѣдемъ* тай сказала, шо у неи батько скоро умре. Такъ и прыйшлось. Ще доля образъ иншій прыймае на перемину житья. Хозяйствуе чоловикъ и усе у него гарно, щаслыво йде, гляды, вздривъ Долю въ иншомъ образи, якъ бачывъ до той поры, то вже роскинь головою, подумай чы спытай у старыхъ, шо про то знають, чы къ добру то, чы къ худу. Може треба шо инше въ хозяйстви зробыть, шо продать, чы шо купыть, або, хату перестроить, а то и зовсимъ другимъ диломъ заняться. Вже такъ не мынетця. Разно показуетця Доля: купцю—красивою *дивчиною;* хлиборобцю—жирными *волами;* здоровымъ чорнымъ *мужикомъ*—работящему и голымъ, кальнымъ чоловикомъ лядащему; черною *жинкою*, старою жинкою, *кобылою, медвѣдемъ, кишкою,* дохлою *собакою, мышою, гадюкою, яйцемъ, обидцемъ, грішмы.* А Недоля показуетця голымъ мужикомъ, кальною нечесаною жинкою, кишкою чорною, зайцемъ, совою, птыцею съ здоровыми крылами. Доля и сама прыходе до чоловика передъ щастьемъ, прибылью, а Недоля—передъ бидою. До одного чоловика являлась Недоля ночью. Якъ винъ заснеть, вона прыйде и такъ его прыдаве, що ему ниякъ дохнуть; винъ прокинетця,—воно заразъ пропада и ничого нема. Ось и душе его шо ничь. Разъ якъ надушило его, а винъ ухватывъ то, шо его душе обидвома руками тай закрычавъ на жинку, шобъ свитыла. Поки жинка свитыла, воно вырвалось и крикнуло: я—твоя Доля. Съ того часу захворала у его жинка и вмерла скоро. (сл. Тарасовка. Сообщила уч. В. Свѣтъ).

Чоловѣку иногда слышится, что его называютъ по имени, зовутъ его, а между тѣмъ въ дѣйствительности оказывается, никто невзвалъ его. Такое всѣмъ знакомое явленіе крестьяне приписываютъ Долѣ, говорятъ, что это Доля человѣка зоветъ своего хозяина, извѣщая его о грозящемъ ему несчастіи или смерти. Въ сл. Кабаньей совѣтуютъ, когда Доля зоветъ, а особливо когда она зоветъ со двора въ окно, не откликаться ей, молчать, или же сказатв: „убырайся ты къ лыхій годыни", „чортовой матери!" тогда молъ, Доля тотчасъ уйдетъ и зовъ ея останется безъ послѣдствій. Если же откликнуться назовъ Доли, то ожидай въ теченіе года какой-либо бѣды, а то и смерти.

III. Доля—душа человѣка, или двойникъ его. Вѣра въ предчувствіе сильна въ народѣ. Кажущаяся иногда безпричинной тоска, гнетущая человѣка, смутное ожиданіе какой-то бѣды, упадокъ духа, соединенный съ упадкомъ силъ, такое душевное состояніе крестьяне объясняютъ словами: „чуе шось душа, та мени не каже",—„душа шось вищуе".

По другимъ, слово душа замѣняется въ этомъ случаѣ словомъ доля—„Доля шось чуе", „Доля шось вищуе". Но душа только томится, только

волнуется въ предвидѣніи несчастія, Доля же яснѣе предупреждаетъ своего хозяина объ ожидающей его бѣдѣ: она громко тоскуетъ, плачетъ, причитываетъ, а не то и сама зоветъ его туда, гдѣ должно исполниться предопредѣленное, или же показывается въ видѣ двойника и говоритъ объ имѣющемъ быть или о случившемся уже несчастіи.

— Жилъ въ слободѣ Кабаньей одинъ зажиточный крестьянинъ. Онъ былъ человѣкъ трудолюбивый, честный и всѣми уважаемый. Былъ онъ счастливъ и въ семейной жизни. Жена его была прекрасная хозяйка; онъ любилъ ее и пользовался взаимной любовью. Прошло нѣсколько лѣтъ такой мирной семейной счастливой жизни. Но вотъ крестьянинъ началъ по немногу запивать,—чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Конецъ обыкновенный: пропилъ все свое состояніе и сталъ горемыкой—бѣднякомъ. Съ довольствомъ исчезло и семейное счастіе. Жена ежедневно проклинаетъ свою горькую участь, коритъ мужа за его безпутное поведеніе. Словомъ, прежняя тихая семейная жизнь рушилась, начались ссоры, драки и голудуха.

Крестьянинъ допился до того, что у него зародилось желаніе покончить съ собою. Когда онъ принялъ такое рѣшеніе, жена его стала ежедневно слышать, что подъ кроватью мужа кто-то все поетъ по ночамъ: „ой, Боже жъ мій, Боже! якый я удався: якъ бривъ черезъ ричку, та и не вмывався“. Пѣніе сопровождалось плачемъ. Въ одно утро нашли этого крестьянина повѣсившимся,—пѣніе съ тѣхъ поръ прекратилось. Это Доля оплакивала жизнь его и близкую кончину (Сообщ. уч. П. Марусовъ).

— Рядомъ съ вѣтряной мельницей на горѣ было глубокое глинище, откуда крестьянки брали глину. Разъ пришла сюда за глиной одна женщина; набрала глины, вылѣзла изъ ямы, какъ вдругъ слышитъ позади себя изъ глинища голосъ Доли: „Прійдешь ты до мене сегодня въ ночи“. Женщина невольно оглянулась назадъ и отвѣтила: приду. Пришедши домой, она никому не сказала о томъ, что Доля звала ее, а только заявила, что глины оказывается мало, и передъ вечеромъ вторично отправилась къ глинищу. Когда она туда подходила, то слышно было, что въ глинищѣ кто-то тужитъ: „казала прійду тай доси ныма“. Такъ тужила Доля, это слышалъ и мельникъ, поэтому увидѣвши, что подошедшая къ глинищу женщина полѣзла туда, схватилъ, желая спасти ее отъ вѣрной смерти, веревку, поспѣшилъ къ обрыву, накинулъ сверху на женщину петлю и сталъ тащить ее изъ ямы; но оказалось, что этой то веревкою онъ и задушилъ женщину (сл. Двурѣчная).

— Бувъ у насъ въ слободи чоловикъ гарный, розумный, и хоть не дуже богатый, а заможненькій, та Богъ покаравъ его сыномъ. Старшый сынъ выйшовъ такый пьяныця, такый мотыга, шо й не довыды Господы. Винъ и оженывъ его, взявъ гарну дивку, красыву, хорошого роду,—думавъ

може сынъ теперъ удержитця. Де вамъ—ще гиршъ! Пье, жинку бье, зъ дурными людьми знаетця. Батько за нымъ ни дня, ни ночи покою немае: боитця, шо винъ ще лыха наживе. Ось воно и прыйшлось. Десь то Юхимъ (такъ, бачъ, сына звалы) гулявъ на постояломъ съ товариствомъ на масляни, и тамъ загулявъ зъ ными пройзжій прикащикъ. Визъ винъ хозяину грошей чимало и передъ вечеромъ пьяный пойихавъ однымъ конемъ въ саночкахъ самъ, а вже ростополь началась. Выйихавъ той прикащикъ тай заснувъ дорогою; кинь его визъ, визъ и прывизъ въ хутиръ, шо на дорози случивсь, и ставъ та и простоявъ до свита. Въ свити люды побачилы, разбудылы того прикащика; винъ насылу до памьяты прыйшовъ, думалы, шо вмре, тилько ничого, отходылы кой-якъ. Прыйшовъ до памьяты—до грошей, а грошей неам. Тутъ началы розыскъ и Юхима сталы шукать: винъ тожъ гулявъ тоди съ тымъ прикащикомъ. Прыйихалы до батька, Юхима заарыстуваты, а Юхима нема. Тилько на заговинья на пистъ, такъ у обидъ, прыходе винъ додому. Батько ему и каже: „догулявсь, такый—ся—кый, пропасты на тебе нема: иды зъ моеи хаты—ты мини не сынъ"! Посварылысь и прогнавъ его батько. А вже на льду вода пишла переходу не було, а Юхимъ зъ дому пишовъ пьяный та ще и сердытый. Повечерялы, полягалы спаты, уси сумни,—жинка Юхимова и маты плачуть. Батько лигъ и заснувъ. Спавъ ны спавъ, прокынувсь, бо почувъ, шо хтось клыче: „Батю, батю, простить мене!" Пиднявсь, а Юхимъ у биломъ серпанку стоить на дверяхъ, кланяеця и пидходе: весь мокрый, вода зъ нёго хлющемъ тече. Батько перекрестывсь, вставъ, а воно ничого нема. Тилько лигъ,—опьять клыче: „Батю, батю, простить мене!" Пиднявсь старый, перекрестывсь,—опять нема никого. И такъ тричи. Вставъ, засвитывъ,—нема никого. Выйшовъ на двиръ: тёмно, дождь иде и ниде никого не чуть. Такъ винъ усю ничъ и не спавъ. А Юхима шукалы, шукалы и не найшлы; ажъ весною его тило вода вынесла. Юхимъ якъ пишовъ зъ хаты, батькомъ выгнаный, въ слободи ему тожъ сказалы: „ховайсь, бида: тебе шукають,—тюрьма тоби!" И подавсь винъ геть у вечери черезъ ричку, бувъ пьяный и потонувъ. Та, бачь, якъ потопавъ, такъ ёго двойныкъ батькови являвсь. А батько бидный такъ зажурывсь, шо годивъ два ще промаявъ, та и вмеръ. Дуже жалкувавъ, шо прогнавъ Юхима тоди зъ хаты: „може, каже, винъ бы, якъ посидивъ у острози, опамьятувавсь и бувъ бы чоловикъ, а то загубывъ я ёго душу!"—Славный, душевный бувъ чоловикъ, покійный батько Юхима. (Сл. Тарасовка).

Вообще въ народномъ понятіи о Долѣ и въ соотвѣтствующихъ тому образныхъ представленіяхъ Доля является иною, существомъ если и не тождественнымъ съ душею, то во всякомъ случаѣ близко родственнымъ ей, что и выражается замѣною одного слова другимъ, особливо въ языкѣ пѣсенъ. Напр., въ общеизвѣстной малорусской рекрутской пѣснѣ, вмѣсто того, что-

бы сказать: предчувствуетъ моя *душа*, что не быть мнѣ дома, говорится: „Ой зачула моя *Доля*, шо ны буты мини дома". Въ народныхъ разсказахъ о двойникахъ смѣшеніе понятій и представленій о душѣ и долѣ выступаетъ такъ же ярко, какъ и въ народныхъ пѣсняхъ, и указываетъ на болѣе древнія глубокія основы замѣчаемаго нынѣ сродства Доли съ душею.

— Давно це, дитки, було (говорилъ сѣдой старикъ), ще тоди, якъ мій батько живый бувъ, та ходывъ винъ у обози та казенщину возывъ, та справлявъ (это было въ первые года военныхъ поселеній), а маты сама дома хозяйствувала, а я ще маненькій хлопчикъ бувъ, тилько шо на ноги пиднявся, чи було мини годивъ симъ. А бувъ моторный, де шо знавъ и по хозяйству съ матерью справлявсь; а памяткій бувъ и понятливый, такъ одно слово: симъ съ окомъ! Де що почую, я въ толкъ беру и уже скилки рокивъ пройшло, а бильшъ старыну помню нижъ то, шо заразъ робытця. Важко матери було: дитокъ насъ чимало, уси маненьки, а вона одна; бьетця вона сердешна цилый день, а ввечери и вдосвита треба прясты. Вона пряде, пряде у вечери, та якъ уморитця бросе и куделю, и веретено и ляже на пичъ одпочинуть, а свитло горыть. Якъ заразъ прыходе жинка, точь у точь якъ мате, сида и пряде, або прыбырае у хати. Якъ маты лежить, вона робе, якъ маты схватытця до неи,—ныма никого. И ны тилько маты, а и я, и сусида, шо маты клыкала подывытьця, бачилы ту жинку. Була у насъ у слободи стара бабуся, маты и пишла до неи спытать, шо то за прычина, до чого то. Такъ та бабуся скасала: „ничого, дочко, то твоя Доля—двойныкъ тоби пособля: дуже ты багато робышъ Не думай о тимъ, а якъ побачишъ,—не замай и ны гляды. Поки вона мовчить—ничого, а якъ шо тоби скаже, то сама узнаешъ, чи на добро, чи на худу".

Ось такъ и угадала бабуся. Скилько разивъ маты бачила ту жинку и робыла, якъ бабуся прыказувала; а разъ батька дома ныбуло, а матери чогось затужилось, затосковалось. Пряла вона зъ вечера, пряла та не смогла, заплакала и лягла на пичъ. Мы, уси диты, тожъ давно полягалы; меньши спалы, а я прокынувсь, бачу—маты лежить на печи, плаче, а жинка, такъ якъ мате, пряде и тожъ у неи слезы изъ очей по пыци бижать. Дали мате не стерпила, вскоче съ печи та до тіи жинки, а жинка мерщи зъ хаты, а маты за нею. Трохе сгодя маты якъ вбижить назадъ у хату, якъ упаде головою на стилъ, та й заголосыла во весь голосъ: „Головонька жъ моя бидна! дитки мои—сиротки несчасни, шо-жъ я буду зъ вами робиты? Якъ намъ житы?" Я злякавсь, та съ печи, та до матери. „Мамо, мамо, шо тамъ таке!?" А мате обхватыла мою голову руками, заголосыла та й каже: „нещасна наша доля! мабуть вашъ батько вмеръ: якъ я выйшла зъ хаты за тою жинкою, а вона обернулась и каже: вже твій чоловикъ вмеръ, и потянулась, якъ медвидь, за уголъ хаты". Тутъ и заголосылы мы съ мамою удвохъ. Ажъ такъ

воно и прыйшлось. У ныдилю вернулысь наши дядьки, шо зъ моимъ батькомъ казенну фуру гонялы, и прыгналы батьковыхъ воливъ, а батьку на дорози заховалы. Такъ отъ съ того часу мабудь годивъ 80-ть пройшло, а якъ заразъ я то бачу, якъ воно було. А бильшъ ничого ны бачивъ самъ и отъ людей ны чувъ, шобъ була ще кому така прычына (сл. Тарасовка).

— Мать моя, бывши еще молодою, всего втораго или третьяго года по замужеству, разъ въ лѣтнее время, проснувшись въ ранній досвитокъ, увидѣла, что ея свекровь уже встала, одѣлась и мѣситъ тѣсто на просфоры (онѣ были просвирнями). Матери показалось совѣстно, что старуха—свекровь встала прежде нея, а она молодая еще въ постели,—поспѣшно схватилась, накинула на себя платье и вышла коровъ доить. Уже занималась заря. Подоивши коровъ, растопила печку, прибрала въ хатѣ и отогнала къ чередѣ коровъ. Возвращается домой, отворила дверь и видитъ, что свекровь лежитъ себѣ преспокойно на постели и сладко спитъ. Услышавъ же стукъ дверей, свекровь открыла глаза, быстро поднялась съ постели и съ аханьемъ бросилась къ тѣсту, которое давно уже слѣдовало подбить, а то оно должно было уже перестоять и теперь на просфоры негодиться болѣе. И говоритъ свекровь моей матери: „чого ты мене не збудыла? пропало теперъ тисто!“—„Та шо вы, матушка говорите?! я жъ бачила, шо вы и одиты стоялы коло ёго и мисылы; я коло васъ и пройшла мино, щей на столи свичка горила“. Посмотрѣли тѣсто: оно и не тронуто. Посчитали—пропащее тѣсто, а дѣло было предъ какимъ-то большимъ праздникомъ: много было учинито. Погоревали, но дѣлать нечего, другаго тѣста нѣтъ; кое-какъ покачали просфоры, на листы да и въ печь—ужь какія будутъ. И что же? Вышли такія удачныя просфоры, что еще никогда такихъ хорошихъ у нихъ и не бывало. Многіе тогда утверждали, что это Доля старухи-свекрови мѣсила тѣсто, что ее-то въ образѣ свекрови и видѣла моя мать (сл. Ново-Екатеринославль. Сообщ. кр. И. Рудичъ).

— Одній жинци Олени случилось такъ, шо Доля еи стала до неи ходыты. Пряла Олена пизно увечери, та такъ и бросыла пряжу, прялку и гребень зъ мычкою. Якъ входе жинка, сила на гребень и пряде. Попрялась, тоди достала мотовыло, смотала пряжу, опьять надила на мисто мотовыло—и пропала. Такъ багато развивъ Оленци то бачилось. Шо воно ходе?—поклыкала Олена свою ридну матирь до себе. Повечерялы, полягалы спаты. Маты заснула, а Оленка не спыть, бачить,—ходе та жинка по хати. Походыла, походыла и сила на полу; Оленка встала и сила беля неи, а вона, якъ неначе съ просонку, потягнулась та й пропала. А то разъ Оленка въ день мазала хату; стала на печи мазаты, а та жинка сыдыть на печи у куточку. Оленка злякалась та геть зъ хаты, та до сусидъ. Прыйшлы сусиды, а тамъ вже никого нема. А то ще разъ такъ було: мяла Оленка прядево въ синяхъ,

ввійшла въ хату, а Доля сыдыть коло викна. Оленка такъ прывыкла до тіи жинки—Доли, шо и не лякалась еи, а вона ничого Оленци и не казала николы. Тожъ и друга наша жинка бачила свою Долю. Разъ мазала вона въ печи, та и не домазала, чи за глиною, чи такъ чогось вылизла изъ печи. Затимъ полизла вдруге, а тамъ уже сидыть якась жинка, точнисинько якъ вона сама, и домазуе. Хозяйка злякалась, якъ крыкне, та назадъ. Пидождавше трохе, опьять до печи, а вже никого нема. Вымазала въ печи, полизла на пичъ, шобъ и тамъ помазаты, глядь, а тамъ у куточку тажъ жинка маже; хозяйка вже осмилылась та до неи, а еи якъ не бувало. (Сл. Тарасовка).

— Одна баба ходыла въ манастырь молыця Богу, и сила вона коло колодезя закусыты. До неи прыйшла якась старуха и сила соби коло неи. Та баба закусыла и стала пыты воду, старуха тожъ стала пыты; баба стала йты, старуха соби за нею; баба стала хрыстыця, старуха й соби. Баба и каже старухи: „чого ты прывьязла до мене?"—Того, шо я твоя ныщасна Доля, сказала старуха и стала нывыдыма (хут. Маліевъ. Сообщ. М. Нетреба).

Бракъ-дѣло судьбы, оттуда понятіе о суженомъ, о суженой. Отсюда же, вѣроятно, ведетъ свое начало и представленіе о томъ, что Доля женщины является въ видѣ мужчины, а Доля мужчины имѣетъ образъ женщины, и вообще съ идеей судьбы связывается мысль о высшемъ промыслѣ. Слѣдующій разсказъ можетъ служить къ этому иллюстраціей:

— Ходылы по земли Богъ та святый Петро. Идуть воны мымо груши, а пидъ тіею грушою лежить чоловикъ, ротъ роззявывъ: дожида, поке ему груша въ ротъ упаде. Пишлы воны дальши, дывлятця—дивка жито жне, та вже жъ такъ прыязно жне, шо й не розгынаетця. Св. Петро й каже: „бачъ, Господы, гарно и подывыця на оцю дивку, що вона такъ прыязно робе." А Богъ и каже: „а замитывъ ты, св. Петро, отого чоловика, шо пидъ грушою лежить,—то іи Доля."—За щожъ, каже, Господы, такъ? — „А ты жъ бачивъ, каже Богъ, шо тому линь и руку пидняты, шобъ биля себе грушу взяты; а ся, бачишъ, онъ якъ прыязно робе; отъ вона по-биля себе й его прогодуе. (сл. Араповка).

Жила одна дячиха—вдова. Пидъ Саввы (5-го декабря) пизно вечеромъ вернулась вона зъ олійныци до дому, а жила вона одна въ хати. Засвитыла вона каганець, дывыця—ажъ коло столу стоить чоловикъ въ обирванимъ дячкивскимъ кавтани и держе въ рукахъ шапку й руковыци полатани. Дуже злякалась бидна дячиха: хата въ неи була замкнута, виткиль же взявся сей чоловикъ? А винъ стоить та й пытае: „чи багацько оліи набыла?" Обисмилылась трохе дячиха и пыта его: „шо ты таке за чоловикъ? чы ты за моею худобою прыйшовъ, чи за моею душою?" — Ни, каже, я не затвоею худобою прыйшовъ и не за твоею душою: я—твоя Доля. Поляпавъ іи доло-

нею по плечи та хто й зна де й дився. Мисяцивъ черезъ два прыйизжа ту дячиху свататы одынъ дякъ. Вона якъ глянула на нёго, та такъ и ахнула: це той самый чоловикъ, шо прыходывъ до неи у ночи пидъ Саввы; въ тимъ же порванимъ кавтани и то жъ полатана шапка въ рукахъ (тамъ-же).

Въ любви вся радость, все горе жизни, вся поэзія ея. Жизнь безъ любви—жизнь безъ счастья, безъ доли. И вотъ, парень и дѣвушка ищутъ своей доли въ образѣ суженой или суженаго. Ищутъ, но не всегда находятъ:

Зеленый дубочекъ на яръ похилывся, —
Молодый чумаче, чого зажурывся?
Чи волы присталы, чи зъ дорогы збывся?
„Волы не прысталы, зъ дорогы не збывся:
„Того зажурывся, безъ Доли вродывся.
„Пиду въ чисте поле, пошукаю Доли."
Тай не найшовъ Доли: найшовъ сыне море.
На сынёму мори стоять рыболовы.
„Ой вы, рыболовци — добріи молодци!
„Закыните вы сити по сынёму морю,
„Та піймайте Долю парню молодому!"
Не піймалы Доли, та піймалы щуку,
Та піймалы щуку парню на разлуку.
„Щука-рыба грае: соби пару мае,
„Мини молодому парочки не мае.
„Тилько мини й пары, що очици кари,
„Тилько й до любови, що черніи бровы.
„Чорни бровы маю, та не оженюся:
„Пиду до риченьки, зъ горя утоплюся."
— Ой, не ходы, серце, бо душу загубышъ;
— Ходимъ повинчаемось, колы вирно любышъ!
Пишовъ чумакъ яромъ, дивка долыною;
Порисъ чумакъ терномъ, — дивка калыною. (сл. Араповка).

Въ варіантѣ этой пѣсни, записанномъ въ сл. Тарасовкѣ, дѣвка названа прямо Долею, а вмѣстѣ съ тѣмъ яснѣе выражена и идея несудьбы, недоли: казакъ говоритъ:

„Пиду до риченьки, зъ жалю утоплюся."
Ой по тимъ боци моря обызвалась Доля:
„Не топысь, козаче, бо душу загубышъ;
„Ходимъ повинчаймось, колы вирно любышъ!
Пишли виньчатыся, — нема попа дома:
„Чи твое несчастье, чи моя недоля.
„Запрягай, козаче, коня вороного,

„Пойидемо виньчатьця до попа чужого."
Иихалы мы поле, йихалы другое,
На третье поле сталы повертатьця —
Ставъ кинь спотыкатьця.
„Не йидьмо, козаче, не будемъ виньчатьця."
Пишовъ козакъ яромъ, дивка долыною;
Зацвивъ козакъ макомъ, дивка — калыною.

Видитъ дѣвушка своихъ бывшихъ подругъ замужемъ, а ей не судилось еще „одружиться;" тѣ сидятъ парочками, а ей приходится одной искать свою Долю. Годы проходятъ, а суженаго нѣтъ, то—вина ея Доли. Доля забыла ее, расхаживаетъ по гостямъ, а дѣвушка сохнетъ безъ друга, чахнетъ и плачется на свою Долю.

Изъ — за горы витыръ віе,
А доля зъ гостей иде.
„Де жъ ты, Доле, була, шо мене забула?
„Чи ты Доле, въ лиси забарылась?
„Чи ты, Доле, въ поли опизнылась?"
— Въ лиси я не барылась,
— Въ поли не пизнылась:
— На рыночку була, горилочку пыла.
Якъ пиду я помизъ гиронькими, —
Сидять люды все пароньками;
А якъ тыперъ я молода, —
Мини доли й парочки ныма.
Тико мини й пары, шо очици кари;
Тико й до любови, шо чорни бровы;
Тико й отрадоньки, шо чорни бривоньки.
Якъ пиду я попидъ гирью, —
Плачуть люды по биздилью;
А я молода горько плачу,
Свои лита марно трачу
По другому любому чоловику
Плачты, очи, хоть до вику;
А якъ плакаты по якому
Не вылю й тыперъ и николы никому (хут. Маліевъ).

Разлучена дѣвушка съ своимъ милымъ—разсталась съ своимъ счастьемъ, съ своей долей, доходитъ до отчаянія, но еще теплится въ сердцѣ надежда: и ходитъ дѣвушка по полю, кличетъ и ищетъ свою долю:

„Пасла дивка лыбыди на зеленій лободи—
„Гей, Доле жъ моя, Доле!—на зеленій лободи.

„На зеленій на трови, на шелкови мурави —
„Гей, Доле жъ моя, Доле! — на шелкови мурави.
„Напаслыся лыбыди, полытилы до воды —
„Гей, Доле жъ моя, Доле! — полытилы до воды.
„Доле жъ моя нещаслыва, чомъ ты жъ мене ны втопыла?
„Чомъ ты жъ мене ны втопыла—на викъ зъ мылымъ розлучыла?
„Гей, Доле жъ моя, Доле!—на викъ зъ мылымъ розлучыла.
„Ходе дивка по полю, та й пытае про Долю —
„Гей, Доле жъ моя, Доле!—та й пытае про Долю. (К).

Такое обращеніе къ своей долѣ и исканіе ея составляетъ одинъ изъ излюбленныхъ малорусскими пѣснями мотивовъ. Укажемъ на общеизвѣстную, варіируемую на разные лады:

„Де жъ ты бродышъ, моя Доле? не доклычусь я тебе...

Или вотъ еще одна, въ томъ же родѣ, пѣсня:

„Якъ выйду я на круту гору,
„Та й гляну по сыню морю. —
„Эй, Доле моя!
„Де жъ ты водою, Доле, заплывла?
„Плыве човынъ и выселычко,
„Сыдыть батько, мое сердычко. —
„Эй, Доле моя!
„Де жъ ты водою, Доле, заплывла?
„Постій, човынъ, ны плывы,
„Я зъ батькомъ поговорю. —
„Эй, Доле моя!
„Де жъ ты водою, Доле, заплывла?
— „Ой радъ бы я съ тобою говорыть,
„Такъ бо повынъ човынъ воды набижить."
„Эй, Доле моя!
Де жъ ты водою, Доле, заплывла? (х. Маліевъ).

Доля, хотя уплываетъ иногда съ водою и скрывается за морями, по словамъ пѣсенъ, однако, не оставляетъ безъ отвѣта упрековъ, когда ставится въ вину ей то, что неизбѣжно вытекаетъ изъ личной необузданной воли самого обвинителя. Здѣсь, по взгляду народа на судьбу, Недоля-горькая Доля выступаетъ со свойствами вмѣняемости, заслуженности. Народъ говоритъ: „робы, небоже, то й Богъ поможе,"—говоритъ, что каждый человѣкъ своими дѣлами куетъ себѣ счастье: „всякъ свого щастя коваль." Это признаніе за своей волей важнаго значенія въ дѣлѣ устроенія личнаго счастія указываетъ намъ, между прочимъ, на одну глубокую черту въ характерѣ малоросса, именно на то, что идея фатализма не заглушила у народа идеи личной отвѣт-

ственности, вытекающей изъ сознанія малороссомъ значенія въ практической жизни той свободной воли, какая характеризуется словами: я хочу.

Широкое распространеніе въ Малороссіи нижеслѣдующей пѣсни и множество ея варіантовъ говорятъ въ пользу высказаннаго замѣчанія.

Та йшовъ козакъ (чумакъ) зъ Дону, та зъ Дону до дому,
Та й сивъ надъ водою, та й сивъ надъ водою,
Та й дывыця въ воду та й на свою вроду,
Проклынае свою Долю:
„Доле жъ моя, Доле, чомъ ты не такая,
„Чомъ ты не такая, якъ Доля чужая?
„Що люды й не роблять, та хороше ходять,
„А я й заробляю, та въ себе не маю.“
Обизвалась Доля по тимъ боци Дона (моря):
„Козаче-бурлаче, дурный разумъ маешъ,
„За що Долю лаешъ, за що проклынаишъ?
„Та не вынна тому Доля,
„А все вынна своя воля:
„Бо що заробляешъ, та й те пропываешъ
„Та що загорюешъ, та й те прогайнуешъ. (К.).

А въ слободѣ Петропавловкѣ къ этому добавляется:

Пропывъ козакъ постилъ, та й суныця за стилъ;
Пропывъ козакъ волоки, та й взявся у боки;
Пропывъ козакъ онучи, та й спива идучи:
„Грайте, музыканты, одъ села до села,
„Щобъ моя головонька була весела.“

Такимъ образомъ въ народныхъ пѣсняхъ намѣчается иногда идея Доли личной, дѣйствуещей самостоятельно, которую приходится искать или заслуживать. Въ народныхъ сказкахъ о Долѣ такая примѣсь элементовъ личной заслуги къ идеѣ судьбы, предопредѣленія составляетъ нерѣдко основной ихъ мотивъ. Однако мотивъ о заслуженности счастливой Доли почти постоянно переплетается съ идеею прирожденной, роковой Доли. Крестьяне говорятъ: „Богатого Доля у поли гуляе, колоски сбырае, а бидного Доля за моремъ блукае;“ или: „Чомъ ему не пыть, колы его Доля не спыть;“ „гирке житье, гирка Доля,-що робыты Божа воля;“ „не родысь богатый, а родысь щаслывый;“ „Богъ дасть Долю и въ чистимъ полю.“ Такая пестрая смѣсь представленій въ одномъ и томъ же понятіи о Долѣ раскрываетъ предъ нами различныя теченія, разновременно вошедшія въ составъ этого понятія, но не вполнѣ слившіяся и сохраняющія отчасти свою древнюю окраску. Пользуясь ею мы можемъ выдѣлить въ понятіи о Долѣ три главныя идеи: идею прирожденности, идею предопредѣленія и идею случая. А такъ какъ эти

идеи не слились въ одно опредѣленное представленіе, то въ нѣкоторыхъ изъ народныхъ о Долѣ разсказахъ мы и находимъ указанія или по крайней мѣрѣ намёки на существованіе у каждаго человѣка одновременно нѣсколькихъ, двухъ-трехъ, Долей хотя въ извѣстное время онѣ могутъ при немъ и не находиться. Въ нашихъ матеріалахъ мы не имѣемъ данныхъ, на основаніи которыхъ было-бы возможно строго разграничить олицетворенія Доли по тремъ принятымъ нами категоріямъ, но въ видѣ простой догадки, обоснованной, впрочемъ, на одной свадебной пѣснѣ, въ которой предлагается невѣстѣ вопросъ: чья доля лучше, материнская, отцовская или Божія? гдѣ, значитъ, признается у невѣсты три Доли, мы позволимъ себѣ высказать предположеніе, что допуская, что каждому человѣку дается по три Доли, мы можемъ разсматривать ихъ какъ соотвѣтственные образы трехъ вышесказанныхъ идей, а именно: Доля материнская будетъ въ такомъ случаѣ соотвѣтствовать идеѣ прирожденности, таланта; Доля отцовская—идеѣ случайнаго счастія, фортуны, а Доля Божія—идеѣ присужденности, роковой судьбы. Вступивъ разъ на широкій путь гипотетическихъ соображеній не трудно дойти до заключенія, что возникновеніе у нашихъ малороссовъ вѣрованія, впрочемъ теперь почти исчезнувшаго, въ существованіе у каждаго человѣка трехъ Долей могло произойти не только традиціоннымъ путемъ отъ временъ классической древности или международныхъ сношеній съ юго-западными славянами, но и самостоятельно зародиться подъ вліяніемъ языка, прибѣгающаго къ образнымъ выраженіямъ для обозначенія смутныхъ представленій неустановившихся понятій или для объясненія неизвѣстныхъ причинъ общеизвѣстныхъ явленій. Непонятное и таинственное вызываетъ творчество фантазіи и получивъ образъ становится уже въ рядъ извѣстныхъ, какъ бы вполнѣ опредѣленныхъ представленій.

Жизнь каждаго человѣка изображаетъ запутанное сплетеніе случайнаго съ неизбѣжно роковымъ. Черты того и другаго особенно ярко выступаютъ въ трехъ главнѣйшихъ жизненныхъ актахъ: рожденіи, бракѣ и смерти. Эти три акта, обнимающіе въ своей совокупности всю жизнь и обусловливающіе большею частію все ея содержаніе, должны были вызвать въ человѣческомъ умѣ вопросы о силахъ, управляющихъ жизненными явленіями вообще и, въ частности, судьбою каждаго отдѣльнаго лица. Отвѣтомъ на подобные запросы и служатъ парки, дѣвы судьбы, судицы, рожаницы, а также и малорусскія Доли, такъ какъ мѣстные крестьяне ничего не знаютъ и не слышали ни о какихъ паркахъ, судицахъ или рожаницахъ, а Долю знаютъ хорошо. Правда, на прямой вопросъ: кѣмъ дается человѣку Доля? немедленно получается отвѣтъ: Богомъ; но обыкновенно, при дальнѣйшихъ объ этомъ предметѣ бесѣдахъ, обнаруживается, что мать и отецъ, каждый съ своей стороны также одаряетъ своихъ дѣтей Долею; мало того, даже и посторон-

нія лица, случайно присутствовавшія при рожденіи ребенка могутъ надѣлить его Долею, или, по крайнѣй мѣрѣ, могутъ повліять на его судьбу. Говоря же о томъ, что у человѣка всего одна Доля, не рѣдко прибавляютъ, что она дается каждому на три „талана,“ и если кто попадетъ на свой таланъ, то у того все и идетъ хорошо, по пословицѣ: „гроши идуть на гроши, хлибъ —на хлибъ, а злыдни—на злыдни“. Доля и сама иногда указываетъ человѣку, чѣмъ ему слѣдуетъ заняться, въ чемъ ему будетъ удача, но чаще человѣкъ долженъ самъ найти свою Долю и заставить ее на себя работать.

Въ подтвержденіе такого взгляда народа на Долю приводимъ собранныя нами въ Купянскомъ уѣздѣ сказки о Долѣ.

1. Живъ соби чоловикъ и чимъ винъ вже ни занимався, все ніякъ не могъ разжиться. Отъ разъ входе винъ въ свою хату облягома (когда всѣ уже улеглись спать), а слидомъ за нымъ шось входе. Хозяинъ и питае: „хто тутъ такій?“ Воно не озывается. Винъ засвитывъ, хотивъ ёго захрестуваты чого ты, молъ, шляешься ночною порою. Хотивъ ёго добре попобыты, а воно ему и каже: „Не бійся! я тоби ничого не здилаю, я тоби совитъ принесла.“ —„А шо ты таке“—Та я твоя Доля: я тоби совитъ принесла. „Якій совитъ?“ —Отъ послухай, шо я буду тоби казаты: заниматься тоби бджелами, це-твій таланъ. Ты не бійся, занимайся тымъ, шо я тоби кажу: будешь ты пріодитый и пріобутый и мене пріодинишь; будешь тилько Бога хвалиты та людей пытаты, будеть тоби и хорошо и мини. Занимайся отъ одного Бога, а тыми послушками, шо отъ другихъ услышишь, не занимайся—не въ пользу буде: Чоловикъ послухавъ совита своій Доли, завивъ соби пасику и розбагативъ. (К.).

2. Одынъ чоловикъ йихавъ на ярмарокъ и догнавъ на дорози старыка, идущого тожъ на ярмарокъ. Той чоловикъ и каже старыку: „сидай, братъ, на визъ,—я тебе пидвызу“. Старыкъ сивъ. Йихалы воны ны бильшъ, якъ симъ мынутъ, а волы вже и прысталы—ны вызуть. Старыкъ тоди злизъ зъ воза и сказавъ: „твои во́лы скверни, тижъ мышинята: йидь скоришъ на ярмарокъ и проминяй ихъ тамъ; ты выминяешь, я знаю, луччихъ—еоливъ“. Той чоловикъ тоди и ныта ёго: „почому ты знаешь, шо я выминяю луччихъ воливъ?“—А потому шо твоя Доля щаслива теперь при тоби,—я твоя Доля! сказавъ старыкъ и хто-й зна де дився. Той чоловикъ прыихавъ на ярмарокъ и заразъ выминявъ тамъ луччихъ воливъ, та ще й зъ додачею. (хут. Малієвъ).

3. Давно це було, ще я малый бувъ, а мій батько чумакувавъ. Разъ и взявъ винъ и мене съ собою у дорогу,—мабудь то була моя перва дорога: скилько мени тоди годивъ було—забувъ уже, а яка въ дорози зъ нами причина була—гарно номню. Ну, йихалы мы и разъ сталы ночуваты въ стыпу. Съихалы трохи зъ дороги, поставилы возы, повыпрягалы воливъ; кой—хто пишовъ зъ волами, шобъ напасты до вечери. Малось и мени иты,

а батько и каже: „не ходы, Данымо, зостанься, нехай Мытро попасе волывъ!“—(а Мытро то мій старшій братъ). Зоставсь я биля обозу и ставъ роскладаты огныще: кашу варыты. Нависывъ казанокъ, а самъ ставъ ще кой-що готовыты,—то пшоно, то сало. Прыходють уси дядьки, посидалы и сталы люльки накладаты та закурюваты. Хто сидивъ, а хто й лыжавъ биля огныща. Каша кипыть, а я іи мишаю, а дядьки одно—курять, мовчать. Колы це зразу якъ прылытыть якась то птыця велыка та чорна, такъ якъ закрутытця, якъ е́ надъ дядькомъ Охримомъ, якъ закрутытця, якъ крыкне, хто-зна якимъ матомъ. Крыкнула триче, та такъ зразу наче скризь землю провалылась. Уси хто ту птыцю бачивъ дуже злякалысь, ажъ неначе, морозъ за спину полизъ, и всимъ моторошно стало. Отъ мій батько перехрестывсь тай каже: „що це, Боже мій, наче и лису блызко нема и стогивъ ниде не выдно, та ще ночнои дабы, де вона взялась! Та вона це не дурно, це щось тоби буде, Охриме, це твоя Доля або Недоля, бо вона кой-колы ни-ни, тай провида чоловика. Бо я вже не мало прожив на билому свити, богато чувъ, шо люды гомонять, а де що и самъ бачивъ“ (Мій батько старшій усихъ бувъ у обози). Якъ сказавъ це батько, такъ уси носы и повисилы, а я ще дужче злякався. Баче батько, що вси задумалысь, тай каже оньять: „Колы хочете, такъ я роскожу вамъ, якъ одному чоловикови Доля являлась“. Тутъ уси: „роскажи, дядьку, роскажи“. Батько и начавъ: „У тій слободи, де я прежде живъ, бувъ одинъ чоловикъ, Грицькомъ его звалы, бувъ винъ бидный и такый сердешний, що съ самого малку незнавъ щастя-Доли. Батько его съ матерью рано повмыралы, и зостався винъ сыротою мыкать свое горе на билому свити. Якъ тилько зипьявся на ноги и пишовъ по городахъ ходыты. И ходывъ винъ такъ ажъ поки дойшовъ до возрасту литъ, тоди вже кой-якъ съ горемъ та съ бидою оженывся такы, тай заживъ соби начебъ и ничого, такъ-пиды жъ ты... Жинка попалась ему работяща и доброи души; уже и дитокъ зо трое було и хозяйствичко хоть маненьке,—колы на́ тоби!... Захворала его жинка, полежала, полежала, а дали и вмерла. Загорювавъ нашъ Грицько: не дасть винъ своій голови толку. До людей пишовъ бы житы: ни на кого дитокъ бросыты. Ставъ бы все самъ робыты, та своихъ дитокъ соглядаты та горюваты. Въ день по людяхъ робе, а ввечери прыйде до дому, дитямъ хлиба прынесе, погодуе и спаты положе. Самъ ляже спаты, та не дуже ему спытьця, усе думае—гадае, якъ ему свій викъ коротаты одынокому та ще зъ дитками. Подума соби, подума тай скаже: „не бачивъ я Доли сроду не бачиму, выдно, и до гробу!“ Почула десь, выдно, его Доля, що винъ такъ каже, и прыйшла до его такъ, що винъ и не вздривъ, де вона взялась. На самисенькій Велыкдень, якъ зазвонылы къ служби, люды пишлы до церквы паскы святыты и нашъ Грицько пишовъ, понисъ и винъ манесеньку пасочку, шо заробывъ у богатого сусида. Прыйшовъ винъ зъ церквы, а диты крычать: „скорій, та-

ту, паски давай!“ Спынывъ Грицько та й каже: „пидождить дитки, я сходю до сусида попрохаты багатья, та засвитю свичку, помолымось Богу, а потимъ того и пасочку йисты будемо: а то у насъ крысала нема“. (сирнычкивъ тоди ще не було, а огонь добувалы зъ крысала). Пишовъ винъ до сусида, а тамъ ему не далы огню, та ище началы сміятьця, шо на такый празныкъ ходе по дворахъ. Видтиля по ряду пишовъ винъ у други хаты... и такъ усюды его выпроводылы, и скильки винъ не ходывъ, ни съ чимъ зоставсь: багатья ниде не добувъ. Отъ винъ и дума соби: пиду я на той бикъ черезъ лукы, тамъ бидниши люды живуть, знають якъ воно нема, такъ ти скорій дадуть. Такъ и пишовъ. Колы це тильки зійшовъ на лукы, ажъ гулькъ! щось таке огнище роскладa, якъ ѐ биля тіи дорожки, що ѐму иты, и выдно, що ворочаетця шось. Глянувъ Грицько израдувавсь: пиду, каже, у тыхъ людей попросю багатья, може и дадуть. Пидходе ближче и баче—сыдить якый-сь старый дидъ, сивый та горбатый, сира на ѐму свытка, лыкомъ пидперезанный, безъ шапки, а биля ѐго лежить сумочка, якъ у странныка. Прыйшовъ Грыцько до ѐго: „Христосъ воскресъ! чоловиче добрый, дай мини огню!“ А винъ каже: можно, можно. „Шо жъ це ты, дидусю, пыйдешъ у слободу розговляться?“—Якъ погасне огонь, тоди пиду, а теперь держи за полу, я тоби насыплю багатья. А Грицько и каже: „у мене тилько одна свыта и ѐ, та й та сгорыть“. Держи, каже дидъ. Пидставывъ Грицько заполу а дидъ и всыпавъ ѐму тры жмени жару и прыказавъ: „иды швыдче до дому, ще колысь згадаешь мене добрымъ словомъ“.—Спасиби, сказавъ Грицько, та й поспиша скоришъ додому, а самъ радъ, шо добувъ чого ему треба було. Дойшовъ до своій хаты, оглянувсь назадъ, а тамъ уже ничого не выдно,—ни дида, ни огныща. Увійшовъ въ хату, высыпавъ багатье на припичокъ, засвитывъ свичку, прилипывъ до образивъ, помолывсь и сивъ паску йисты зъ своими дитками, шо такъ довго его ждалы. Потимъ зиркъ Грицько на припичокъ, а тамъ замистъ багатья лыжить куча червонцивъ. Якъ побачивъ то Грицько и обомливъ одъ радощивъ—и очамъ своимъ не вире. Перехрыстывсь Грицько, взявъ у руки одынъ червонець, а винъ такъ и засіявъ и ны взглянишъ на ѐго. Тоди Грицько ударывъ передъ иконами тры поклона и прыбравъ у скрыню ти гроши. Заживъ Грицько багато и прывольно, и хто ны спыта, усимъ росказуе про свое щастя—Долю. Выстроивъ соби нову хату, оженывся и лучше ѐго никто не живъ по всій слободи. Хто-жъ то ѐго нагрaдывъ, якъ ны его Доля? Отъ якъ бува ще на билому свити! закончивъ батько свою історію. Росказавъ винъ, бачъ, іи для того, шобъ Охрима розважить, бо дуже винъ засмутывсь. Поки батько гомонывъ, каша затымъ зварылась, воливъ тожъ попригонялы, и силы уси вечеряты.

Переночувалы и на другый день раненько рушилы опьять у дорогу, а Охримъ усю дорогу сумный тай невеселый бувъ. Колы такъ пройихали

верстъ 100, а его вилъ занедужавъ, а на другый день и здохъ. Сложились уси ватагою и купылы у ярмарку на дорози ему вола, та кой-якъ дойихалы до дому. А нашъ Охримъ, якъ вола купылы, неначе повеселивъ, дума: бида мынулась, то передъ тымъ и птыця крычала, та не по ёго выйшло! Тилько шо въихалы въ слободу, а тутъ иде зустричъ знакомый чоловикъ. „Здоровъ, Потапе!"—Здоровъ. „Чи наши уси живи—здорови?"—Та вси, слава Богу, тилько на тій ныдили у пьятныцю Охримову матырь заховалы, вмерла, не дождалась сына. Тутъ нашъ Охримъ якъ обниме свою головоньку, якъ заголосе: „Та моя жъ ты, долынька, та моя жъ несщасна! нема жъ моій неньки, та нема жъ риднои! Недаромъ же надо мною крутылась черна птыця; то жъ не птыця, то моя долинька, то жъ моя нещасна!"

Оце вамъ и усе, шо я знаю про Долю. Може ще де що случалось, та вже старый я ставъ; шо знавъ, то забувать ставъ: ни съ кимъ старыну свою згадуваты,—уси товарищи повмыралы, та мабуть скоро и за мною черга буде (сл. Тарасовка).

4. Одынъ чоловикъ пизно вечеромъ гнавъ воливъ зъ поля до дому и побачивъ дытыну на берегу рики и спрашуе іи: „чого ты, дытыно, тутъ ходышъ?"—Тебе шукаю, отвитыла дытына и стала нывидымою. Той чоловикъ, якъ прыгнавъ до дому воливъ, ввійшовъ въ хату и баче, шо жинка его лыжить мертва на лави. Ото, значить, Доля звищала чоловика: вона, бачъ, звищае, якъ яке—небудь горе случилось, або ще случиця. (хут. Маліевъ).

5. Жили два брата, богатый и бѣдный. Богатый пьетъ да гуляетъ, а добра у него не убываетъ; бѣдный же за роботой съ ранняго утра до поздняго вечера убивается, да едва съ куска на кусъ перебивается. Скосилъ бѣдный свою ниву,—поставилъ всего три копны пшеницы, посмотрѣлъ на участокъ богатаго брата, а тамъ копны съ конца въ конецъ стоятъ. Остался бѣдный братъ у своихъ трехъ копенъ ночевать, чтобы и тѣхъ кто-нибудь ночью не свезъ. Проснулся въ полночь, видитъ какая-то женщина собираетъ на его десятинѣ упавшіе на землю колосья хлѣба и относитъ къ копнамъ его брата. Подкрался къ ней, схватилъ ее и спрашиваетъ: „шо ты таке є? шо ты це робышъ?"—Я братова Доля, це я ёму служу. „Эге, говоритъ бѣдный братъ: чомъ ёму не пыть; якъ его Доля не спыть; а люды, бачъ, кажуть: хто робе, той и мае. Чого жъ воно такъ, шо я бьюсь и роблю, а все то поползнышъ, а того вже нема?"—А ты хиба не знаешъ—чого, говоритъ братова Доля: ты сходы въ отакій-то трактырь, тамъ будуть музыканты ризаты, тамъ и твоя Доля гуляе. Такъ ты возьмы добру байбару, поки бый, поки бый, поки заклянется, шо вже не буду бильшъ такъ дилаты, не буду гуляты: тоди ты іи и пусты. Бѣдный отпустилъ на свободу Долю своего богатаго брата, а самъ утромъ пошелъ въ указанный трактиръ и тамъ увидѣлъ свою Долю: музыканты играютъ, а она отплясываетъ. Не долго думая, схватилъ

ее за косу и ну катать нагайкою. Учить та приговариваетъ: „не росточай мого хозяйства, не росточай, а собирай, не гуляй, а робы!“ Училъ онъ ее, хорошо училъ, пока она не стала проситься и клясться: „поки жива буду на свити, не буду гуляты, все буду робыты та старатьця хозяинови на прыбыль“ Сталъ съ тѣхъ поръ бѣдный братъ поправлятъся, сталъ съ каждымъ годомъ богатѣть и, наконецъ, сдѣлался богачемъ на всю слободу, потому что теперь Доля его неусыпно на него работала. (Г. Купянскъ. Кр. П. Турова.).

6. Жило два брата у роздили. Одынъ бувъ богатій, а другій бидный. Бидный у богатаго на поли зароблявъ хлибъ и братъ давъ ему таку волю: свою часть косы и забырай до дому, а мою тамъ, на ниви склодай. Отъ бидный и ставъ у богатого красты хлибъ снопами, укладавъ ихъ въ середыну своихъ кипъ, та, баче, шо самъ украде, оглядыця, ажъ его вже нема. Шо за прышта? Задумавъ винъ упіймать того, хто воно перекрада. Ставъ засидаты у ночи и побачивъ одну жинку, котора собирала по ныви колоски. Отъ вона сбырала, сбырала, а потимъ прыйшла до его кипъ и начала вытягаты украдени у богатого брата снопы. Отъ бидный и пыта іи: „хто ты така есть?“—Я Доля твого брата, каже ему вона: а твоя гладка, не хоче робыты. Якъ шо хочешъ ты іи побачить, такъ пиды въ средній шинокъ; вона тамъ лыжатыме за дверьмы, спатыме. Ты возьмы пивкварты горилки и збуды іи. Прыходе бидный въ шинокъ, взявъ пивкварты, глянувъ за двери такъ и є: якась жинка спыть. Винъ іи збудывъ, а Доля (то була вона) и сказала: „хтось спасеній найшовся, шо направывъ тебе до мене! ну, бырыжъ лышинь четверть горилки та пидемъ до дому.“—Нема грошій, а шинкарь не повире. „Теперъ повире,“ каже Доля. Узялы воны четверть, а потимъ и самы уже открылы поганенькій шинокъ и началы торгувать. Народъ такъ сылно начавъ товпытьця въ цей шинокъ, шо опустилы уси ти тры шинка. И такъ, черезъ годъ, черезъ два, а може и бильше, цей чоловикъ изъ бидного зробывся богатымъ.

Старшого богатого брата жинка дывитця, шо меньчій здорово забогативъ, и давай уговарюваты свого чоловика: давай и мы перейдемо въ городъ житы. Дывысь, якъ меньчій братъ забогативъ и хлиба не робыть, а въ насъ хиба грошей не стане шинокъ въ городѣ открыты! Узявъ старшій и перейшовъ въ городъ; переставъ хлибъ робыты, а началъ шинкуваты. Ставъ шинкуваты, ставъ прожываты. У богатого богати друзья, прыятели, кумы, сусиды и прочи же богати люды и йдуть и йдуть до его въ гости, а винъ же ихъ поштуе; до бидного жъ идуть бидни: прыйде, на пьятакъ выпье, та съ тымъ и пиде, хоть бы ще попросывъ наборъ, такъ винъ не повире. И такъ дожився старшій братъ, шо ставъ зарobляты у меньчого, которій бувъ упередъ биднымъ. Бидному у всякому доми Доля его пособляла. (Сл. Кругляковка. Гр. Близновъ).

7. Живъ одынъ молодый бизродный парубокъ. Бувъ винъ чоловикъ и не лыдачій робыты, та не було ему щастя ни въ чому, и все ходывъ винъ по роботныкахъ. Отъ одынъ разъ нанявся винъ до одного багатого чоловика косыты хлибъ. Косылы цилый день, повечерялы и полягалы спаты. Въ ночи прокынувся парубокъ, дывыця, а по ныви ходе дивка, вся въ билому, а сама така красавыця, шо винъ и зроду такои не бачивъ. Ходе вона, збыра колосья и запыха въ копы; винъ іи и пытае: „шо ты таке є, шо ты збыраещь колосья та не берешъ соби, а въ копы запыхаешъ?"—Я, каже, Доля оцего чоловика. „А дежъ моя Доля? отъ я, ныначе, и роблю такъ, якъ други люды, а все въ мене нема ничого"—Э, каже, твоя Доля въ городи у купця въ лавци. Отъ пиды та наймысь до его,—все хозяйство его тоби достанетця. Пишовъ той парубокъ въ городъ, нанявся въ дворныки до того купця, шо ему Доля сказала. Купцеви винъ полюбывся, бо бувъ чоловикъ робочій, и винъ заставывъ его въ лавци торгуваты, а дали, годивъ черезъ скилко, оддавъ за его и свою дочку, а вона одна тилко въ его и була, такъ ему и досталось все купцове хозяйство (сл. Араповка.).

8. Жило соби два брата: одынъ изъ ныхъ бувъ багатый, а другый бидный. Обыдва воны занимались хлибопашствомъ; бидный засивавъ не бильще одніи десятыны, а багатый засивавъ цили дысятки дысятынъ. У бидного жадный годъ урожай бувъ плохій, якъ винъ ны трудывся ничого не подіе, у багатого жъ бувъ урожай жадный (каждый) годъ хорошій. Бидный братъ ставъ завидуваты багатому, шо винъ съ каждымъ часомъ все багатіе та багатіе, а винъ самъ все бидніе. Отъ бидный и дума: може мій братъ знае колы сіяты и якъ нужно хлибъ сіяты, того въ ёго и є жадный годъ хлибъ; а я, якъ выщасный, не знаю добре, колыбъ лучче посіяты и якъ его посіяты, шобъ уродыла хоть одна дысятына та такъ, якъ у мого брата, то стану за нымъ слидыты. Отъ винъ и ставъ слидыты: якъ выйхавъ его братъ въ поле сіяты, а винъ и соби выйхавъ, шобъ и свою дысятыну засіяты и въ той день, шо и братъ засива. Багатый сіявъ, а бидный усе дывывся, якъ винъ роскыдае зерно. Багатый, якъ засіявъ свои нывы, запригъ волы и заразъ же поихавъ до дому, тоди и бидный взявъ и засіявъ свою дысятыну такъ, якъ засивавъ свою его братъ. Окончивъ сійбу, выйшовъ на край своеи нывы и сивъ, шобъ отдыхнуты та й иты до дому. Сивъ та й задумався... глядь на свою ныву, ажъ тамъ, по его ныви, бигае *утка*. Вона якъ будто шо то возьме на его ныви, перебежить на братову ныву, та тамъ и бросе. Винъ дывывсь, дывывся, а вона все одно робе: носе зъ его нывы на братову, тыхенько пидкрався, пидлизъ по борозни до того миста, де бига утка, и, якъ тилко вона хотила перебигты зъ его нывы на братову, винъ іи цапъ та й піймавъ и пыта іи: „шо ты робышъ?" Вона отвича: я съ твоеи нывы собыраю зерно, та переносю на ныву твого старшого брата, шобъ у его уро-

дывъ хлибъ гарный. Винъ ій и каже: „ба, яка ты добра: у мене послидне отнимаешъ, та все отдаешъ, моему братови, у его и такъ багато и хлиба, и худобы, и всякои всячины, а у мене немае ничого, — хиба ты цего не знаешъ? ты шо така є?"—Я, говорыть, Доля твого брата. Вона сказала ци слова, встрипыхнулась та й хотила вырватьця изъ его рукъ, а винъ удержавъ, не пустывъ іи и каже: „не пустю, скажи мини, есть ли у мене Доля, де вона и якъ іи можно побачиты, тоди отпустю тебе." Вона ему и каже: „есть и у тебе Доля, та вона не хоче тоби помогаты у симъ дили, шо ты занимаешься хлибопашствомъ, а якъ бы ты занявся чимъ ныбудь другимъ, то може и вона пособляла бы тоби. Ты знаешъ такій то лисъ, якъ знаешъ, такъ иды въ той лисъ и тамъ въ такимъ то мисти найдышъ поляну, на тій то полявыни и лежить твоя Доля. Ты возьмы, якъ будышъ туды иты, срижъ трыдевять дубчикивъ однолиткивъ и, якъ прыйдышъ на полявыну, побачишъ свою Долю, то бый іи тыми дубчиками до тіи поры, поки вона не озветьця тоби, а якъ тилко вона заговоре, то ты и брось іи быты: вона тоби скаже, чимъ занятьця, и буде помогаты тоби. Якъ окончила утка свою ричъ, бидный взявъ и пустывъ изъ рукъ іи, братову Долю, а вона побигла въ поле та й скрылась. На другій день винъ пишовъ у той лисъ, куды ему казала братова Доля иты; срызавъ тамъ трыдевять дубчикивъ однолитокъ и пишовъ шукаты по лису тіи полявыны, па якій должна лежать его Доля. Найшовъ ту полявыну, а на ній по середыни лежить жинка стара, стара, лежить, не двыжетця и вся сверху мохомъ заросла. Винъ пидійшовъ до неи и начавъ іи быты дубцями. Бывъ довго, довго бывъ, вона все мовчить, не двыгаетця, лежить; наконецъ схватылась и каже: „за що ты мене бьешъ?"—Та якъ тебе не быты, говорыть винъ, колы ты тутъ все лежишъ, не йдешъ до мене и не помогаешъ мини. Ты знаешъ, шо я цилый викъ мучусь: братова Доля помога братови, а ты лежма лежишъ. А вона и каже ему: „якъ хочешъ, щобъ я тоби помогала, то иды до свого брата, займы у его грошей, хоть рублив десять, и займысь торговлею, тоди тилко я до тебе прыйду и буду помогаты тоби; а якъ не послухаешъ мене и не зробышъ такъ, якъ я кажу, то я буду тутъ лежаты и не пиду изъ цего лису, поки ты и вмрешъ. Послухавъ винъ іи, вернувся до дому, заразъ пишовъ до брата, занявъ у его грошей десять рубливъ, накупывъ разного мелочного товару и занявся торговлею. И стала ему помогаты его Доля, и ему такъ повезло въ торговли, шо винъ годивъ черезъ тры чотыре ставъ житы багаче и лучче свого старшого брата. (Сл. Калинова. Д. Пелиховъ).

Примѣчаніе. Въ подобномъ же разсказѣ, записанномъ въ г. Купянскѣ, Доля старшаго брата собираетъ и переноситъ на его ниву хлѣбныя зерна не въ видѣ утки, какъ въ вышеприведенномъ разсказѣ, а въ видѣ мыши. Сравни также: А. Аѳанасьевъ. Н. р. сказки стр. 106, № 172; Драгомановъ. Малор. н. преданья, стр. 182, № 19; Чубинскій. Труды, т. 2, стр. 426, № 128; М. Васильевъ. Этнограф. Обозрѣніе. 1890, к. I, стр. 92, № 5.

9. Живъ одынъ чоловикъ багатый, а его сусида бувъ бидный. Багатый косывъ у поли хлибъ; скосывъ килко тамъ десятынъ, та якъ це було пидъ недилю, то винъ и оставывъ снопы не сложени и поихавъ до дому, а сусида его бидный бувъ на своимъ поли биля ёго десятыны. У ночи баче бидняга,—по ныви багатого шось ходе, наче жинка, собырае колосья и стромляе у снопы. Пишовъ винъ и сивъ пидъ копами, а та жинка пидишла до того миста, винъ и ухватывъ іи, та й пытае: „шо ты таке é?"—Доля, отвича ему жинка. „А колы ты—Доля, такъ ты довжна знаты, яка моя Доля и де вона".—Э, вона у лиси пидъ дубомъ. Пиды іи проберы добре, чого вона тоби не робе. Чоловикъ той взявъ батигъ и пишовъ у лисъ; тамъ винъ и найшовъ свою Долю, вона пидъ дубомъ сидила. Утягъ винъ іи батигомъ гарненько та й каже: „скажи, шобъ я робывъ, шобъ бувъ багатый,—не скажешъ, буду быты!" Вона дала ёму грошей и сказала: „на, возьмы оци гроши та купы яець и квочку и пидсыпъ, а якъ выведутця курчата, забагатіишъ". Винъ такъ и зробывъ. Якъ вывилысь курчата, де шо ему стало братьця, прямо шо ны начне робыть, такъ и горыть въ рукахъ, такъ и спіе. Таке щастя во всимъ ему пишло, шо въ одынъ рикъ купывъ воливъ и кабакъ открывъ, ставъ горилкою торгуваты и забагативъ. (Сл. Тарасовка. Отъ уч—цы В. Свѣтъ). Въ г. Купянскѣ извѣстенъ варіантъ этого разсказа. Бѣднякъ, узнавъ отъ пойманной имъ Доли своего багатаго сосѣда, что его Доля въ лѣсу, идетъ туда, находитъ ее въ видѣ голой женщины въ дуплѣ дуба, получаетъ отъ нея 100 рублей съ приказаніемъ купить за эти деньги на базарѣ гусыню. Покупаетъ мужикъ у мальчика за 100 р. гусыню и она начинаетъ нести ему еженедѣльно по одному яйцу, но не простому, а золотому. Бывшій бѣднякъ сталъ богачемъ.

10. Живъ одынъ чоловикъ убогой; бросывъ винъ жинку дома, а самъ подавсь на Динъ зароблять грошей. Заробывъ багато чи не багато не знаю, тилько далеко дуже отъ дому зайшовъ, а якъ вертавсь назадъ, поки додому дойшовъ, уси гроши дорогою чи прохарчивъ, чи прогулявъ, а дило такъ выйшло, шо прыйшлось безъ грошей додому вертатьця. Иде и дуже журытця, якъ винъ безъ грошей прыйде, чимъ буде жинку годуваты, шо небого жде его, недождетця. Иде, глядь назадъ, а за нымъ кишка бижить; прогнавъ іи, оглянувсь, а вона опьять за нымъ бижить. Винъ іи и вдарывъ, а вона ему и каже: „на шо ты мене гонышъ? лучче перекинь ты мене на охрестъ черезъ могылу, та й положи у сумку: я твоя Доля". Винъ такъ и зробывъ. Прыйшовъ додому и прынисъ ту кишку, а жинка горюе, що грошей нема, а ему й байдуже. „Пидожды, жинко, каже: поживемъ, узнаемъ, може и гроши знайдутця!" Пожилы, пожилы и сталы багатить; де дали усе бильшъ, та бильшъ: якъ Богъ у викно усе имъ подае. Алежъ жинци та кишка якъ поперекъ горла стала, вздрить іи не може: заразъ пыхае, бье. А разъ такъ

осерчала що якъ кине у неи каминюкою, неначе и не дуже велыкою, а кишка такъ и лапки протягнула и здохла. Здохла кишка и усе щастя неначе зъ собою унысла. Пишло усе на прорву, пишло и забидняли воны опьять хуже, чимъ у перве булы.—Отакъ жинки усе сварятця, що мужики худобу пропывають та не зберегають хозяйства, а и межъ ными таки е, що со злосты лыхо роблять и соби и другому (сл. Тарасовка).

11. Жилы соби два брата и булы воны обыдва убоги. Потимъ одынъ начавъ багатить и забагативъ. Отъ разъ бидный прыйшовъ до багатаго та й каже: „чого ты, братуха, забагативъ?“

— Того я забагативъ, що у мене Доля уночи робе, отвитывъ ему багатый братъ. Отъ бидный братъ и пишовъ ночью на свою ныву и лигъ пидъ копами. Дывытця, идуть два *мужика:* одынъ мужикъ голый, а другій наряженый у хорошу одежду. Ось той мужикъ, що у хорошій одежи, пишовъ на ныву брата и начавъ сбирать колосья и зносыть до кипъ, а той чоловикъ, що голый, прыйшовъ на ныву убогого брата та й лигъ пидъ копы спаты. Отъ бидный и дознавъ, що то и есть ихъ Доли, тилько братова Доля наряжена и ночью робыть, а его Доля—гола и спыть пидъ копами. Тоди винъ и самъ начавъ робыть по начахъ и ёму начала пособлять его Доля, тилько не въ такимъ виду, якъ винъ іи упередъ бачивъ, а въ другихъ видахъ. Разъ винъ ночью носе снопы и бачить, гадюка набрала колоскивъ и таще то жъ до кипъ, а винъ думавъ, що вона ихъ таще соби въ нору або що, и ставъ іи быты, а вона ему и каже чоловичьимъ голосомъ: „не бый мене: я—твоя Доля, я тоби помогаю.“ А дали вона ему росказала, що робыть, шобъ забагатить. „Пиды, каже, по полю, тамъ ты найдешъ яйце, не бый его, а несы додому, та тамъ и розибьешъ.“ Такъ и зробылось. Пишовъ винъ по полю, найшовъ яйце перепеляче, понисъ додому, та й не доглядивъ: розбывъ яйце, а видтиль выйшовъ табунъ коней и гуртъ скотыны. Погнавъ винъ ихъ усихъ додому, а на зустричь ему *мыша* бижить, а винъ хотивъ іи убыть,—вона и каже: „не бый мене, я тоби велыку службу captcha сослужу!“ Не тронувъ винъ мышу, пустывъ іи, а вона убигаюче и каже ёму: „на дорози найдышъ ты *обидецъ* (перстень) возьмы ёго; у ему буде виконечко, роскрый ёго, видтиль выйде дванадцять молодцивъ и воны зроблять для твоеи скотыны сарай. Убигла мышъ, а винъ погналъ свою худобу; дывытця, колы такъ и е: на дорози шось блыска, нагнувсь, пиднявъ: обидецъ съ виконцемъ. Заховавъ винъ ёго и подавсь мерщи съ худобою додому. Прыгнавъ усе до дому, вынувъ обидецъ, открывъ виконечко, а видтиль явылось дванадцять молодцивъ и въ ночи сбудовалы ему сарай и загороду. И ставъ винъ багатый, пребагатый чоловикъ. Ось вамъ сказка дуй-дукъ, а мени грошей сундукъ. (тамъ-же).

12. Ишовъ разъ чоловикъ сдалеку та уморывся, сивъ на могили коло дороги видпочинуть, сида та й каже: „Охъ-хо-хо!“ А Охъ-хо-хо вийшло изъ могилы и пыта: „кого тоби треба?“ А чоловикъ той, выдно, не рябкого бувъ десятку, давъ отвитъ: „мини треба щасливои Доли, шобъ я не ходывъ, якъ теперъ, пишки, а издывъ на коняхъ.“ А изъ могилы ему голосъ каже: я—Доля, тильки я—Доля гирка, нещаслыва, а пиды на другу могилу, шо отутъ рядомъ съ моею, тамъ Доля щаслыва, а я—Недоля. Послухавъ, перейшовъ на другу могилу, сивъ и каже: „Охъ-хо-хо!“ А вона выйшло изъ могилы и пытаетця: шо тоби, чоловиче, треба?“—Щаслывои Доли мини треба. А воно каже: „перейды наохрестъ могилу и получишъ щаслыву Долю и то, шо хочешъ. Винъ такъ и зробывъ. Перейшовъ наохрестъ могилу, получивъ щаслыву Долю, розбагативъ и ставъ йздыть на коняхъ. Моїй казци и конець, слава Богу, а царю винець (тамъ же).

13. У однїй жинки бувъ сынъ одынъ-одынешенекъ та и той хворый. И повела его мате по всихъ монастыряхъ спытаты у монахивъ и у людей, яка, молъ, Доля у мого сына.—Монахи не знають, а люды не кажуть. Де ны водыла. де ны ходыла, нихто ничого не каже. Повела вона его въ Іерусалымъ. И тамъ ничого не сказалы. Пишлы воны назадъ. Ишлы, ишлы и силы биля дороги на могили. Ось мать сила та й плаче: „Яка я нещасна, проходыла скильке и нихто мини не скаже, яка Доля сынка! А сына іи завуть Трохимъ. Мате плакала, плакала, пидняла голову та й каже сыну: „Дывысь, Трошо, шо то стоить?“ Винъ оглянувсь, ажъ стоить кобыла чернаерна. Трохимъ пидійшовъ до тіи кобылы, а вона каже ему чоловичьимъ голосомъ: „сидай на мене, такъ мы знайдемъ Долю у купальни Выхвезди: тамъ чоловику Доля щаслыва даетця. „А Трохвимъ одержимъ бувъ горячкою; сивъ винъ на кобылу, вона разъ скакнула и стала у самои купальни. Улизъ Трохвимъ у колодизь, окунувсь, вылизъ, сивъ на кобылу, вона опьятъ разъ скакнула и винъ очутывсь коло своїй матери, шо на могили бля дороги оставалась, а кобыла хто-й-зна де й дилась. Троша ставъ здоровый, неначе николы и горячки у его не было, и каже винъ матери: „Мамо, скильке мы зъ вами пише ны ходылы, а ны щастя, ны здоровья не нашлы, а на кобыли разъ скакнувъ и Долю и здоровье найшовъ.“ (Тамъ-же).

14. Було це давно, ще до Сусового рожденія, якъ люды жылы по симъ и по висимъ сотъ литъ.

Обиднивъ одынъ манастырь и такъ обиднивъ, що монахы и затворныкы поросходылысь, кому куды здумалось. Отъ одынъ монахъ ставъ въ слободи попомъ, и чырызъ скилько-то литъ случылось ёго товарыщу-пустынныку буты въ тїй слободи у церкви. Стоить винъ соби та молыця, а пипъ ходы съ кадыломъ. Надійшовъ проты затворныка, узнавъ его и кивнувъ ему головою (звисно: на служби ны до розговору). Той то-же поклоныйся

та й думаи: „бачъ, цей ось понуе, а я скытаюсь по пустыни и пристановыща ны знаю. Яка въ свити правда! кому *Доля,* кому *дви,* а кому ни *одній.*“ Кончилось служеніе, пипъ пидходы до пустынныка, розговорывся, а дали и просе его въ отцевскій куринь хлиба-солы откушаты.

Прыйшлы воны. Отъ батюшка и кажы: „Пожалуйты, матушка, шо Господь пославъ, гостя прыняты.“

— „И раднишa бъ, та ничого“, одвичаи матушка: „окромѣ крашеныхъ яечокъ“. (А це було въ страшну пьятныцю). „Рады такого гостя Богъ благословыть“, кажы батющка и вылывъ податы. Батюшка призвавъ благословеніе Боже и просы монаха—пустынныка откушаты. И самъ взявъ яечко, розбывъ, очыстывъ и пополамъ розризавъ; пырыхрыстывся и ставъ употребляты. Монахъ—затворныкъ и соби взявъ другу половынку бутто йисты. Тутъ батюшци треба було куды-то одлучыця, може на щотъ якого другого угощенія, а той монахъ мирщій ту половынку въ рукавъ, взявъ друге яечко розбывъ, шкаралупкы потеръ, помнявъ иположывъ на стилъ коло себе (значыця, це винъ одводъ робывъ, бутто йивъ), а дали и ще заховавъ въ карманъ два яечка циленькихъ.—Оце, бачъ, винъ опьять лукавство сотворывъ. Тутъ входы батюшка и опьять просы кушаты. Той дякуе: „благодарю покорно, я вже доволенъ: вы соби туды—сюды, а я одно дило знаю“. Встае, благодарыть и попрощавшысь пишовъ соби своею дорогою.

Отъ на Вылыкдынь у ранци пидходе той монахъ до села; це дывиця—йдуть уже люды (може хуторяны) зъ церквы съ паскамы. Винъ и здумавъ, що и въ нёго есть чымъ розговиця; сивъ на могыли и, вынявъ яечко та и прорикъ: „Отыперъ я знаю, що Богъ благословыть, а то лобырь ба колы наперся!“ Та-чокъ, цокъ яечко объ яечко, а воно пыхъ!—*лукавый* такъ и выскочывъ зъ яечка.

„Ба!“ тутъ проrикъ ёму янгольскій голосъ: „ты лукавство сотворывъ, ты чоловика осудывъ и чорта на свитъ пустывъ“. (сл. Преображенная. Сообщ. уч-ца Х. Сильченкова).

15. Живъ чоловикъ умѣренного положенія; дали по дали розбогатывъ настояще. Було въ ёго чого йисты, пыть и въ чому ходыть; въ обчестви ёго почиталы за первого чоловика почотного, такъ якъ бы теперъ нашого Савченка, або що. Розжився винъ до того, шо стало у ёго паръ зъ дванадцять рабочихъ воливъ, и вздумалось ему пидты на Динъ, на волни степа. Уклався винъ на вси дванадцять паръ, то одежи, то хлиба, то разную посуду, то кой-чого другого понакладувавъ,—ледве волы тянуть. Позапыравъ усе: хату, венбари, ворота и пойихавъ, а йихаты треба було черезъ два мосты. Переихавши первый мистъ, здумавъ, що забувъ у хати на столи самого доброго замка. Вернувся, одимкнувъ хату, увійшовъ туда, глянувъ, ажъ за столомъ сыдыть дви дивки: роспущени косы, злягли воны на стилъ и сылно плачуть

Винъ и пытаетця: „шо вы зà люды, якъ сюды ввийшлы и чого плачете?"— А якъ намъ не плакаты: мы твои Доли, а остаемось теперъ голодни и холодни черезъ тэ, шо ты насъ бросаешъ. Чимъ хиба тоби тутъ худо житы? Хиба мы тоби тутъ не робылы? Чи ты тутъ бувъ голодній, чи холодній, чи ходыты въ тебе ни въ чимъ було, чи тебе обчество не почитало, шо ты насъ бросаешъ? Тамъ тоби того не буде, хиба заберешъ и насъ съ собою.—„Ни, мини васъ не треба". Узявъ замокъ и пишовъ съ хаты, а Доли идуть за нымъ, плачуть и кажуть: „возьмы таки и насъ съ собою!" А винъ сказавъ: „цуръ вамъ, пекъ!" Доли ему и кажуть: „дежъ намъ дитьця?"—Идитъ соби пидъ мистъ! Пишлы воны пидъ мистъ, а чоловикъ пойихавъ. Заразъ первои ночи у ёго одна пара воливъ украдена, а винъ на други склавъ и те, шо визъ тыми воламы. На другу ничъ издохъ изъ тыхъ воливъ одынъ через те, шо обваживъ ихъ, а винъ знов на всихъ розиклавъ—и таки пойхавъ дали, не вернувсь. Дойихавсь до того, шо прыйихавъ на мисто на одній пари. И такъ винъ дорогою растерявъ усю худобу: шо подохло, шо покрадено, а прийихавши на мисто на перву ничъ издохъ ище и одъ пары одынъ вилъ. Тоди ставъ мужикъ плакаты. Плакавъ, плакавъ... кругомъ чужи люды: нихто ёму не пособля. Продавъ винъ и послѣдняго свого вола, нанявъ жинци кватырю, а самъ пишовъ у работныки и до смерты живъ у работныкахъ. Тутъ винъ здумавъ: шобъ було тыхъ Доль забраты, - воно бъ було усе гораздъ Шо жъ, жинко, будешъ робыты—треба терпиты!

Кажуть, якъ отець отдиля свого жонатого сына, такъ Богъ дае або дви Долы, колы винъ багатый, або одну на всю семью, колы винъ бидный. Воно, бачъ, ничого, хоть и одна Доля на семью, та тико треба уміючи зъ нею обходытьця, шобъ вона не втыкла, шобъ жила при семьи, тоди и съ одніею Долею щаслыво житымешъ (сл. Кругляковка. Сообщ. Гр. Близновъ).

16. Живъ одынъ багатый чоловикъ, такый, шо вмивъ узнаваты, у кого есть Доля при ёму, а въ кого нема. Було въ ёго два сына; отъ винъ и баче, шо въ меншого сына есть Доля, а въ старшого нема. Хотивъ було винъ его зъ дому прогнаты, шобъ найшовъ свою Долю, а дали й дума: ни, оженю его, може хоть жинку возьму за его щаслыву. Оженывъ, баче—и жинка бизъ Доли. Ну, дума, пидожду, поке въ ныхъ диты родятця, може хоть диты будуть щаслыви. Родывся въ ныхъ одынъ сынъ, родывся и другый,— ни, нема щаслывого. Взявъ винъ и прогнавъ ихъ усихъ изъ дому. Забралы воны по дытыни и йдуть соби, а назустричъ имъ цуцыня, та таке худе та погане. Отъ чоловикъ и каже: „возьмимъ, жинко, оце цуцыня, може и ёго бидного прогналы зъ двора, такъ якъ и насъ съ тобою батько прогнавъ". Взялы воны те цуцыня и пишлы дальше. Прыйшлы въ одну слободу, сталы въ ній житы; и годивъ черезъ скилко розбагатилы: було въ ныхъ багацко и скотыны, и овець, и всякои худобы. Почувъ батько, шо его старшій сынъ

розбагатывъ и прыйшовъ до ёго узнаты, хто теперъ у его ставъ щаслывый Подывывся на сына, на невистку, на ихъ дитей: ни, нещаслыви вси; прыгналы овець, скотыну—нема й мижъ ными Доли. Дывытця, бижить за скотыною собака, отожъ и була Доля. Ставъ батько завидуваты сынови и задумавъ у его Долю отняты та й каже: „де ты, сынку, взявъ оцю собаку?"— А це, каже, якъ вы, тату, мене выгналы, а я йшовъ одъ васъ, такъ найшовъ іи на дорози цуцынятком, та й узявъ соби. „Убый же, сыну, оцю собаку, а то видъ неи буде тоби велыке нещастя". А сынъ и каже: „жаль мини, тату, вбываты іи: вона мини береже скотыну лучче пастуха!"—„А ты всетаки послухай мене, вбый: я тоби зла не жалаю". Убывъ сынъ собаку, а вилъ пидійшовъ та й лызнувъ іи крови,—Доля й перешла въ того вола. Батько побачивъ та й каже: „зарижъ, сыну, оцёго вола, зготовъ обидъ та помьянемъ твою матиръ; а серце зъ ёго нехай въ горщатци особа зварять та нихто ёго не йжты". Зaризавъ сынъ вола, зготовылы обидъ, поклыкалы людей и посадылы за стилъ обидаты. Горща зъ вареным серцемъ стояло на прыпичку. Прыбиглы зъ вулыци сынови дити, дывлятця, шось стоить на прыпичку въ горщати; воны взялы ложки и началы зъ того горщаты юшечку хлебаты: Доля и перейшла въ ныхъ. Розійшлысь люды; дидъ дывытця на своихъ онукивъ и баче, шо въ ныхъ уже є Доля, тоди винъ и каже сынови: „Ну, сынку, согришивъ було я передъ Богомъ: хотивъ у тебе Долю отняты, та ни, Богъ недопустывъ. Ото шо найшовъ ты цуцыня, якъ я тебе прогнавъ зъ дому, то була твоя Доля. Я звеливъ тоби убыты собаку, а вилъ лызнувъ крови, и Доля перейшла въ ёго; я звеливъ тоби зарызаты того вола, зварыты особо его серце и хотивъ самъ ёго зъисты, шобъ отняты таки въ тебе Долю, а твои дитки вперед мене попоилы юшечки, и Доля перейшла въ ныхъ. Живы жъ, сынку, зъ оцымы дитьмы и ты будешъ щаслывый!" И пишовъ батько до дому (сл. Араповка. Отъ уч. М. Скубака).

П. Ивановъ.

Г. Купянскъ.
26-го Мая 91 г.

НѢКОТОРЫЕ ДОКУМЕНТЫ,

КАСАЮЩІЕСЯ

Густынскаго и Мгарскаго

МОНАСТЫРЕЙ.

Густынскій монастырь, лежащій въ 7 верстахъ у г. Прилукъ Полтавской губерніи на островѣ Густыни, образуемомъ р. Удаемъ, и Мгарскій монастырь, находящійся при впаденіи р. Удая въ Сулу около г. Лубенъ той же губерніи, составляли въ свое время просвѣтительные центры старой Гетьманщины. Когда Слободская Украина еще только заселялась, города, бывшіе на урядѣ князя Іереміи Вишневецкаго, по свѣдѣніямъ инвентаря 1647 года, были болѣе многолюдными даже, чѣмъ въ настоящее время (въ Лубнахъ напр. числилось 2646 дворовъ, тогда какъ теперь только 858, въ Лохвицѣ—3325, а теперь—1770, въ Пирятинѣ 1749, теперь—807 и т. д.). Рядомъ съ этими городами въ имѣніяхъ Вишневецкихъ ютились и названные монастыри, которые вмѣстѣ съ женскимъ Ладинскимъ монастыремъ, лежащимъ на Удаѣ же неподалеку отъ Густынскаго монастыря, переживали вмѣстѣ съ краемъ его тревожную судьбу. Лѣтописи монастырскія, а также и документы этихъ монастырей имѣютъ поэтому значеніе матеріаловъ для исторіи всего Полтавскаго края.

Архивы названныхъ монастырей не подвергались научному изслѣдованію, хотя хранятъ въ себѣ и оригиналы старинныхъ документовъ и старопечатныя книги, могущія также интересовать историковъ. Въ нихъ можно напр. найти, кромѣ евангелій и другихъ богослужебныхъ книгъ печати первой половины XVII вѣка съ автографами (о пожертвованіи ихъ) Петра Могилы и др. лицъ, менѣе извѣстныхъ, а также и такія напр. книги, какъ Право Бранденбургское на нѣмецкомъ языкѣ изданія 1610 годъ, Speculum Saxonum, albo Prawo Saskie y Maydeburskie того же 1610 г. въ переводѣ Щербича на польскій языкъ *), книгу, изданную въ Парижѣ въ 1641 г. подъ заглавіемъ Le conseiller d'Estat и т. п. Уцѣлѣвшія отъ разграбленія и многихъ пожаровъ документы, хранящіеся въ самихъ монастыряхъ, будучи преданы гласности, могли бы пополнить то, что уже издано Бодянскимъ, (на-

*) Это изданіе не упоминается въ извѣстномъ сочиненіи Кистяковскаго „Права, по которымъ судится Малороссійскій народъ". Онъ указываетъ только на изданіе Щербича 1581 г.

зывавшимъ ихъ „драгоцѣнностью для исторіи Малороссіи"), Костомаровымъ и Лазаревскимъ *); а критически составленная на основаніи этихъ документовъ исторія самихъ монастырей могла бы опредѣлить не только ту политическую роль, какую они играли въ сношеніяхъ Московскаго государства съ Молдавіею и Малороссіею, но и то культурное значеніе, какое они въ свое время имѣли для окрестнаго населенія.

Пока мѣстными историками не предпринято такого труда, сообщеніе документовъ, какіе предлагаются читателю ниже, можетъ имѣть значеніе отрывочныхъ данныхъ, характеризующихъ съ одной стороны порядокъ дѣлопроизводства старинныхъ учрежденій, пріемы завладѣнія землею захватомъ, писанія духовныхъ завѣщаній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и настроеніе, какое бытовало у писавшихъ ихъ; документы эти, сохранившіеся въ оригиналахъ а не въ позднѣйшихъ спискахъ, могутъ быть интересны и для филолога и словесника, указывая грамматическія, лексикологическія и стилитическія особенности слога того времени. Прежде чѣмъ приводить самый текстъ ихъ, припомнимъ вкратцѣ историческія данныя о монастыряхъ, къ которымъ относятся документы наши, чтобы легче было понять содержаніе послѣднихъ.

„Держава благородныхъ князей" Вишневецкихъ, получившихъ вмѣстѣ съ Конецепольскими и Потоцкими громадныя помѣстья въ нынѣшней Полтавской губерніи въ началѣ XVII вѣка, обнимала въ то время громадное пространство, занимаемое нынѣшними уѣздами Прилуцкимъ, Лохвицкимъ, Роменскимъ, Пирятинскимъ, Лубенскимъ, Хорольскимъ и Миргородскимъ; въ ней числилось по переписи 1647 года 48 городовъ и селъ съ 39.610 дворами господарей—подданныхъ, т. е. болѣе чѣмъ 275.000 жителей, если считалось на каждый дворъ по 7 душъ. Каждый обыватель платилъ князю по 5 таляровъ, а за мельницы, которыхъ на рѣчкахъ въ его фольваркахъ насчитывалось 423 кóла, мельники платили сверхъ того по 2 червоныхъ золотыхъ въ годъ**). Михаилъ Александровичъ Вишневецкій, внукъ Ольгерда, племянникъ Ягелла, былъ въ концѣ XVI вѣка старостою Черкасскимъ и Каневскимъ, а затѣмъ каштеляномъ Кіевскимъ, а сынъ его Михаилъ Корибутъ, владѣвшій названною „державою",—старостою Овруцкимъ и проживалъ на той сторонѣ Днѣпра въ Вишневцѣ. Урядовыми имѣніями его въ нынѣшней Полтавщинѣ завѣдывали „ревизоры" его, также „благородные православные паны"—Семенъ Лыка, Семенъ Святскій, Иванъ Бѣлкевичъ и Якубъ Маркевичъ. Сынъ князя Михаила и извѣстной благочестіемъ жены его Раины

*) Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ. Москва, 1848 г. № 8. Акты Ю. и З.-Россіи. Т. II, № 46, Т. III, № 9—13, 54—59, 248; Т. VI, № 23 и друг. Архивные отрывки для исторіи Полтавской епархіи Вып. I. Полтава. 1887 г.

**) A. Przezdiecki. Podole, Woly'n i Ukrajina. Obrazy miejsc i czasów. Wilno. 1841. T. 1.

Могилянки, Іеремея Вишневецкій, какъ извѣстно, ополячился, окатоличился и измѣнилъ впослѣдствіи православному благочестію; при немъ въ Полтавскихъ имѣніяхъ урядъ державъ нѣкій Павловскій.

Вотъ—главныя дѣйствующія лица того времени, когда возникли наши монастыри. Дѣло было такъ: монахъ Межигорскаго монастыря Іоасафъ, поселившійся съ двумя своими учениками на островѣ Густынѣ и устроившій тутъ скитъ, обратился къ управляющимъ князя съ просьбою отвести землю подъ монастырь, гдѣ онъ сталъ уже строить церковь. Ему помогъ въ этомъ другой монахъ Исайя Копинскій (будущій митрополитъ Кіевскій), приходившій сюда изъ Кіева полюбоваться новоустроеннымъ „обиталищемъ". Добывъ отъ Семена Лыка и другихъ ревизоровъ рекомендательныя письма, Исайя отправился на Волынь къ князю съ ходатайствомъ отъ Іоасафа и братіи его о помощи и отведеніи земли подъ монастырь. Князь Михаилъ, очевидно подъ вліяніемъ жены своей Раины, далъ во власть Исайѣ, „всѣхъ заднѣпрскихъ своихъ поповъ", а отцамъ Густынскаго монастыря выдалъ въ 1612 году „привилея и листы ограниченыи овому мѣстцу святу—дабы монастырови и кгрунтомъ его никто отъ людинъ градскихъ и поселныхъ никоея пакости не творили отнюдь".

Такъ возникъ Густынскій монастырь. Дарственная запись „ясноосвѣцоного князя" Михаилъ Корибута на землю (фундушъ) подписана была имъ 2-го Марта 1614 года. Монастырю подаренъ былъ млынъ Валковскій на два кола (ступное и мучное), 10 пней пчелъ, мѣсто „подобное до заставленья гребли", весь островъ Густыня, очевидно тогда покрытый лѣсомъ, и сверхъ того полевыя земли протяженіемъ версты на 3—4 на западъ до рудки Половой—„такъ на робене хлиба, яко и на сѣножати". Границы подаренной земли въ натурѣ подробно обозначилъ панъ Семенъ Лыко 5 мая 1615 года. Впослѣдствіи (1632 г.) фундушъ этотъ вписанъ былъ въ Кіевскія земскія книги и подтвержденъ (1636) несочувствовавшимъ православію сыномъ Михаила Іереміею; нарушенное во время „руины" 1638 г. землевладѣніе монастыря утверждено и увеличено универсаломъ Богдана Хмельницкаго 1657, а позже высокомонаршими грамотами Алексѣя Михайловича отъ 25 Февраля 1660 и государей Іоанна и Петра Алексѣевичей съ Великою Княжною Софьею Алексѣевною—отъ 14 марта 1689 и отъ 21 февраля 1694 года *). Послѣднею грамотою за монастыремъ были утвер-

*) Въ архивѣ Полтавскаго губ. правленія, перенесенномъ въ Харьковскій Университетъ, подъ № 21.658 находятся „Чтири высокомонаршія грамоты" по заглавію, но въ дѣйствительности копіи только 3-хъ указанныхъ грамотъ, при чемъ сказано, что „саміе подленніе" были отправлены въ 1738 году въ Канцелярію Министерскаго правленія Малороссійскихъ дѣлъ. Въ копіяхъ этихъ встрѣчаются на каждомъ шагу ошибки, напр. село Моціевка называется Матвѣевкою, мельница одинъ разъ называется Скурашевою, другой разъ Скуратовою и т. п.

ждены земли, лежавшія верстъ на 25 на в. отъ монастыря подъ с. Сребнымъ и Сокиренцами—у с. Деймановки и доставшіяся ему по документамъ Демьяна Многогрѣшнаго, Ивана Самойловича и Ивана Мазепы.

Въ томъ же 1614 году, когда была отведена земля монастырю Густынскому, Раина Вишневецкая дала фундушъ дѣвичьему монастырю Ладинскому, а въ 1624 подъ Лубнами сталъ строиться и Мгарскій мужескій монастырь на землѣ, отведенной тою же княжною, умершею въ 1619 г. Туда изъ Густыни перешли 8 монаховъ; при этомъ имъ на первое обзаведеніе были даны изъ Густынскаго монастыря всѣ книги и „апперата" священныя, плугъ воловъ со всею снастью, 150 овецъ, масло, сыръ, а зимою перевезли имъ цѣлую „стырту пшеницы." Покровительство, какое было оказываемо этимъ новообразованнымъ монастырямъ княземъ и княгинею Вишневецкими на первыхъ порахъ, способствовало ихъ обогащенію. Въ 1621 г. въ Густынской обители по пути изъ Москвы въ Кіевъ ночевалъ патріархъ Іерусалимскій Ѳеофанъ, котораго сопровождалъ гетманъ Сагайдашный съ 3000 козаковъ. Въ 1628 году Исайя Копинскій написалъ для Ладина „постановленэ подданнымъ, якъ мають панщину робити." По этому постановленію изъ приписанныхъ къ монастырю подданныхъ посполитыхъ всякій, кто имѣлъ плугъ воловъ, или пасѣку, обязанъ былъ „толокою" одинъ день косить сѣно, 1 день гребти и 1 день возить его въ монастырь; также „толокою полагался 1 день на уборку жита и 1 день на уборку ярины; кромѣ того каждый долженъ былъ привезти въ монастырь по 10 возовъ дровъ, а съ 10 хозяевъ поставлялось по 4 подводы на другія нужды монастыря; ежегодно подданные монастырскіе должны были чинить монастырскія гребли.

Нужно полагать, что на такихъ же основаніяхъ установлены были натуральныя повинности и въ пользу монастырей Густынскаго и Мгарскаго. Сначала, кажется, окрестное населеніе довольно добродушно отнеслось къ этимъ возложеннымъ на него работамъ въ пользу „черцовъ"; но чѣмъ болѣе распространялось монастырское землевладѣніе и чѣмъ болѣе богатѣли монастыри, тѣмъ чаще и чаще встрѣчаются универсалы гетмановъ и листы полковниковъ прилуцкихъ (Горленковъ) и лубенскихъ указывающіе, что отношенія населенія къ монахамъ были не совсѣмъ дружелюбныя. Особенно тяжелою оказалась для населенія повинность гатить гребли, по поводу которой послѣдовало много строгихъ „разсказовъ", т. е. приказовъ „подъ суровымъ караннемъ" отъ начальства. Съ другой стороны мѣщане прилуцкіе, козаки и селяне, жившіе въ окрестныхъ съ Густынскимъ монастыремъ селахъ Бориснѣ, Мацѣевкѣ, Валкахъ, Левкахъ и Половой, постоянно „втручалися" въ добро монастырскія и „чинили имъ кривды, перешкоды и обиды" — то „пустошеннемъ лѣса" и „ловлею рыбы," то „неотдаванемъ належитого послушенства," то пянствомъ" и буйствомъ въ шинкахъ во время ярмарокъ.

Былъ даже случай, что какіе то „свевальци монастырь резграбовали и черн-цовъ окрутне мордовавши били, а иныхъ и въ смерть побили,“ что потребовало изданія особаго универсала отъ Богдана Хмельницкаго въ 1648 г.; а въ 1655 году отъ 22-го іюля былъ даже универсалъ отъ гетмановой Богдановой Хмельницкой Анны прилуцкимъ жителямъ, грозившій брать съ виновныхъ въ захватѣ монастырскаго добра по 1000 таляровъ штрафу „до скарбу войсковаго.“

Такія отношенія явились, впрочемъ, лишь съ 40-хъ годовъ, а уже до того времени монастырю Густынскому и его сосѣдямъ пришлось пережить довольно другихъ испытаній. Въ 1636 году Густынская церковь сгорѣла до тла. Игуменъ Иринархъ на слѣдующій годъ выстроилъ новую во имя Успенія Пресвятой Богородицы нѣсколько выше по рѣкѣ, куда перенесъ и уцѣлѣвшую отъ пожара „дзвоницу.“ Но въ это время, по наивному разсказу Густынскаго лѣтописца, — „ляхи возсташа на народъ россійскій, козаковъ глаголемыхъ“ и стали опустошать Полтавскія земли. Въ Мгарскомъ монастырѣ подъ Лубнами 10 монаховъ были обвинены ляхами въ томъ, что дѣлали порохъ и передавали его козакамъ; они были схвачены и отведены на слѣдствіе въ польскій станъ. Ихъ было сначала приговорили къ смертной казни, но потомъ, выслушавъ разныя показанія, помиловали. Жить въ монастыряхъ при такихъ обстоятельствахъ стало опасно, — и вотъ игуменъ Густынскій Василій съ своими калугерами, а Ладинскій Меѳодій съ игуменью Елизаветою Летинскою и сестрами — „страха ради заоческаго, какъ говоритъ лѣтописецъ ужасти исполняхуся, малодушіемъ возшумѣша и восколебахуся, аки пяныи и безъ разсмотрѣнія во скорѣ вдашася путь бѣгства въ чужую землю — Московскую, вся зде пусто оставиша; и излупиша храмы церкви и вся внутренняя и внѣшняя монастырская, аки внѣ ума бяху изумлени, вся разграбиша, и ни во что же обратиша злонравіемъ своимъ.“

Бѣглецы забрали съ собою всѣ „апперата іерейская и діаконская, утварь церковную, сребро, злато, кадильницы, книги и вся прочая“; все это они нагрузили на возы и отправились на сѣверъ—черезъ Путивль. Подъ Конотопомъ они были ограблены какими то „ляхами и жидами“; тамъ погибло накопленное монастыремъ богатство, главную часть котораго составляли книги. Путивльскій воевода Плещеевъ, сообщая объ этомъ событіи весною 1638 года царю Михаилу Ѳеодоровичу, писалъ, что къ нему явились ограбленные игумены „Василей да Паѳнотей, да съ ними чорныхъ поповъ 5, да діаконовъ чорныхъ 4, да монастырскихъ служекъ 11 душъ, да старцевъ рядовыхъ 57, да ихъ крестьянъ 11 съ женами и дѣтьми“; а при Елизаветѣ игуменьѣ онъ насчитывалъ 50 сестеръ. По его донесенію выходило, что они ограблены конотопскимъ урядникомъ Сосновскимъ, что съ ними было 20 возовъ всякаго добра, „а пошли—де они изъ своихъ монастырей отъ гоненья

ляховъ, а Петръ Могила благословенъ—де папою". Прибавляя попутно последнее, посторонее дѣлу извѣстіе, воевода спрашивалъ, что ему дѣлать съ этою толпою въ полтораста или болѣе душъ и чѣмъ ихъ кормить?

Тотчасъ же состоялся указъ Михаила Өеодоровича боярину Львову, чтобы тотъ пристроилъ святыхъ отцовъ и сестеръ. Но еще въ іюлѣ 1638 года Паөнотей съ 80-ю черноризцами били челомъ Государю, прося помощи, ибо игумена своего отца Василія они похоронили, а кормиться имъ нечѣмъ. 27 августа 1638 г. Царь далъ вторичный указъ тому же Львову водворить старцевъ въ Дудинѣ монастырѣ Нижегородскаго уѣзда. Елисавета съ сестрами также посылала челобитную къ православному Государю, чтобъ пожаловалъ кормомъ, ибо мы — „пѣши, ограблени, нази, боси и голодни, не хотя быть въ Латинской вѣрѣ". Сначала рѣшено было помѣстить монахинь въ Брянскомъ монастырѣ; но когда бояринъ Головинъ отписалъ, что мѣста имъ тамъ не найдется, ихъ велѣно было перевесть на Алатырь въ Никольскій дѣвичій монастырь.

Если болѣе вѣрить лѣтописцу Густынскому, который не одобрялъ этого бѣгства въ чужую землю, то причина бѣгства — нежеланіе переходить въ Латинскую вѣру, на которую указывали монахини, окажется придуманною или преувеличенною: на самомъ дѣлѣ на мѣстѣ никто не принуждалъ монаховъ и монахинь переходить въ Латинство, ибо и самъ Петръ Могила оставался вѣренъ православію. Въ Мгарской обители оставался одинъ старецъ Каллистратъ; въ Густынской — не было никого. Болѣе года (вящше годища) этотъ монастырь пустовалъ; по словамъ лѣтописца — „заждания аки столивъ травами и хмизиною зарастоша, островъ же ввесь граждане пустошаху: и утѣшашеся самъ врагъ вселукавый, яко и явственнѣ реготаху на дзвонницы и по храминахъ." Римскіе законники Барнардины, поселенные въ Лубнахъ Іеремією Вишневецкимъ, пришли оттуда, чтобы разорить зданія, но Каллистратъ отговорилъ ихъ, и не болѣе какъ черезъ годъ монастыри были возобновлены: около Каллистрата собрались другіе чернецы, а въ Густынскій монастырь возвратился Сильвестръ Губаревичъ, который во время бѣгства малодушныхъ монаховъ ходилъ куда-то въ далекія страны на послушаніе; къ нему присоединились другіе монахи, и уже въ 1639 г. Петръ Могила прислалъ сюда игуменомъ Илью Торскаго. Чернцы окопали усадьбу рвомъ и „ина велія зданія сочиниша". Петръ Могила посѣтилъ монастырь, осмотрѣлъ новыя постройки, „абіе водрузи крестъ и со миромъ отыде".

Съ новыми обитателями въ Густыни начинается и новый періодъ жизни ея, много отличающійся отъ перваго. Исайя Копинскій и люди, одномыслящіе съ нимъ, боролись съ своими противниками-адверсорами, которые говорили *„же то грецка—хлопска іестъ вяра"*, при помощи діалектики и такого рода доказательствъ, что отецъ-папѣжъ въ Римѣ—намѣстникъ не са-

мого Іисуса Христа, а только Св. Петра—„зась слуги Его", или что и „Иисусъ Христосъ самъ былъ убогій и взгорженый отъ людей, а Иродъ и Пилатъ—славны и вельможны, ученики Іисусъ Христовы—нендзны и убоги, а жиды и фарісеи—богаты". Воюя съ латинистами, они имѣли поддержку въ князѣ Вишневецкомъ и особенно въ женѣ его княгинѣ Раинѣ Могилянкѣ. Наслѣдники ихъ потеряли уже опору въ своихъ панахъ съ тѣхъ поръ какъ Іеремія Вишневецкій, сынъ Могилянки, перешелъ въ католицизмъ и не давалъ монастырямъ защиты даже противъ окрестныхъ жителей, которыхъ лѣтопись за ихъ буйство начинаетъ называть „варварами звѣроподобными". Игуменъ Илья Торскій обращаетъ уже свои взоры къ другимъ сильнымъ міра сего—государямъ Московскому и Молдавскому.

Іеремія Вишневецкій не могъ простить бѣжавшимъ монахамъ разоренія имущества, которое онъ считалъ своимъ. За то, что они бѣжали безъ всякаго съ его стороны изгнанія и забрали съ собою драгоцѣнности, онъ потребовалъ отъ оставшихся 1000 ефимковъ вознагражденія, а такъ какъ его не оказалось, сталъ отбирать имущество, какое у нихъ было. Игуменъ Илья Торскій доносилъ Государю Михаилу Θедоровичу о притѣсненіяхъ, какія испытывалъ монастырь и при этомъ случаѣ писалъ что „въ нашей Ляхской земли всегда нестерпимая налога и тѣснота всякимъ мірскимъ людямъ творится". Онъ просилъ царя о помощи, и когда получилъ ее, выпросилъ постоянную пропускную грамоту, съ которой могли бы его монахи проѣзжать въ Москву бить челомъ о милостынѣ. О такой же „ялмужнѣ" Торскій посылалъ моленіе къ государю молдавскому Василію, прося пособія на постройку большой новой церкви. При помощи полученныхъ пожертвованій въ теченіи 3-хъ лѣтъ (1641—44) была построена новая церковь „зѣло красна и благолѣпна" во имя Св. Троицы. И молдавскій и московскій государи прислали пожертвованія „не точію пѣнязьми, но и апператами", какъ говоритъ лѣтописецъ, т. е. церковными сосудами, ризами, книгами, евангеліемъ напрестольнымъ, уставомъ, минеями, прологомъ и т. п. Во вторичной челобитной въ іюнѣ 1642 г. къ Государю Московскому старцы именовали его создателемъ обители своей.

Получивъ пропускную грамоту для хожденія въ Москву за милостынею, иноки Густынскіе часто пользовались этимъ правомъ и часто подавали челобитныя; въ 1646 году царь Алексѣй Михайловичъ выдалъ имъ новую такую же грамоту, какую давалъ и Михаилъ Θедоровичъ, такъ какъ монахи помогали тайнымъ сношеніямъ между Молдавскимъ господаремъ и Московскимъ царемъ. Іеремiѣ Вишневецкому не понравился такой способъ добыванія милостыни и онъ жаловался Алексѣю Михайловичу на старое бѣгство монаховъ изъ его владѣній. По его словамъ, они ушли безъ его спросу, забрали его скотъ и другое имущество и укрылись въ Московской державѣ; а такъ какъ

эта держава тогда была въ дружбѣ съ Владиславомъ, королемъ польскимъ, то Вишневецкій просилъ Алексѣя Михайловича посыскать убытки съ бѣглыхъ монаховъ и казнить ихъ. Какой результатъ имѣла эта просьба,—неизвѣстно. Времена были бурныя; иноки опасались, что имъ будетъ плохо если верхъ надъ Богданомъ Хмельницкимъ возмутъ поляки. Мгарскій игуменъ въ 1649 г. просилъ царя и патріарха принять его иноковъ подъ свою высокую руку, если имъ прійдется бросить монастырь и бѣжать въ православныя страны. Но этого не случилось: вскорѣ и полтавскіе монастыри и весь край полтавскій по Переяславскому договору присоединены были къ московскому государству.

Тутъ начинается третій періодъ жизни Густынскаго и сосѣднихъ съ нимъ монастырей, періодъ наиболѣе длинный, но и болѣе безцвѣтный, продолжавшійся вплоть до указа 11-го мая 1786 о томъ, чтобы домы и прочія имущества монастырскія были обращены „на выгоду общественную“. Съ измѣненіемъ положенія края прекратилась и политическая роль монастырей; съ устраненіемъ религіозной борьбы и умственная энергія въ развитіи и выработкѣ богословскихъ положеній понизилась. Лѣтопись монастырская, рисовавшая прежде бытъ монастырской жизни и поступки окрестныхъ варваровъ, за отсутствіемъ интереса къ жизни у монаховъ, прекращается. Архивные документы, сохранившіеся отъ этого періода въ большемъ изобиліи и порядкѣ, указываютъ лишь на то, что дающая рука жертвователей не оскудѣвала и защитники интересовъ монастырей не переводились. Напр. полковникъ Прилуцкій Петро-Дорошенко въ 1657 дѣлаетъ по просьбѣ Серафимы Зебровской, игуменьи Ладинскаго монастыря, ограниченіе земель этого монастыря. Монастыри и покупаютъ и получаютъ въ даръ новыя земли, опять просятъ у царей московскихъ и матеріаловъ на постройку зданій (напр. желѣза бѣлаго и чернаго на поправку крыши) и вещей необходимыхъ для богослуженія и получаютъ ихъ. Такъ, когда въ Густынскомъ монастырѣ сгорѣла церковь, построенная въ 1644 году, гетманъ Иванъ Самойловичъ далъ средствъ на построеніе новой „мурованной“ церкви, зданіе которой сохранилось до настоящаго времени; игуменъ Авксентій, состарѣвшись, завѣщалъ монастырю все свое движимое имущество, состоявшее главнымъ образомъ изъ книгъ; прилуцкій полковникъ Лазарь Горленко очень часто защищалъ монастырь Густынскій отъ „псовання“ границъ и другихъ обидъ со стороны сосѣдей.

Отношенія монастырей къ сосѣднимъ жителямъ и въ XVIII вѣкѣ коренились на томъ же требованіи послушанія и разныхъ работъ, какъ и прежде. Въ жалованной грамотѣ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей отъ 1694 года даже указаны были, сколько и какихъ повинностей должны отбывать разныя села. Тутъ встрѣчается интересная черта различенія сосло-

вій въ „размѣровыхъ“ доходахъ монастырей: такъ, если на мельницахъ монастырскихъ мирошниками были козаки, то имъ выдавались въ вознагражденіе за трудъ половина „розмѣра“, а если „мужики“, то—только ⅓. Козаки, жившіе въ монастырскихъ селахъ, по этой высокомонаршей грамотѣ, сохраняли свои козацкія вольности. Это отдѣленіе сословій имѣло послѣдствіемъ, что монастырскіе подданные старались вписываться, или какъ говорилось,—„втесоваться“ въ козаки, а послѣднее обстоятельство вызвало повтореніе универсаловъ гетманскихъ, какіе давалъ еще и Богданъ Хмельницкій, дабы подданныхъ монастырскихъ въ козаки не приймовано“.

Какъ много населенныхъ земель принадлежало монастырямъ, мы не имѣли возможности узнать изъ документовъ въ самихъ монастыряхъ при короткомъ ихъ посѣщеніи. Изъ вѣдомостей и переписанныхъ старыхъ документовъ Густынскаго монастыря, содержимыхъ въ большомъ порядкѣ и съ прекрасною описью, мы можемъ привести слѣдующія цифры о числѣ монастырскихъ подданныхъ его во второй половинѣ XVIII вѣка; ихъ было:

въ с. Моцѣевкѣ	102	двора.
„ „ Половой	65	„
„ „ Левкахъ	26	„
„ „ Боршнѣ	9	„
„ „ Деймановкѣ	56	„

или всего 258 дворовъ; пахотныхъ лановъ и нивъ числилось 1535 на 2321 дней оранки, сѣнокосовъ на 407 косарей и лѣсовъ на 188. По ревизіи 1782 года, т. е. не задолго передъ закрытіемъ монастыря въ указанныхъ селахъ и неуказанныхъ монастырскихъ хуторахъ числилось 3018 душъ (1533 мужч. и 1485 женщинъ). Эти села и земли лежатъ смежно съ самымъ монастыремъ и земель при нихъ, внутри межъ, какія указаны въ старыхъ описаніяхъ монастыря, нужно считать не менѣе 5 тысячъ десятинъ; въ с. Деймановкѣ подъ м. Сребнымъ, монастырю принадлежало также не менѣе 1000 десятинъ; были еще у Густынскаго монастыря земли верстахъ въ 25 на Западъ на хуторѣ Переводскомъ у села Поддубовки Прилуцкаго уѣзда, о которомъ говорится въ приводимыхъ ниже документахъ.

Что касается послѣднихъ, то о нихъ мы считаемъ нужнымъ сказать еще нѣсколько словъ, чтобы опредѣлить ихъ отношеніе къ тѣмъ 12 подобнымъ же документамъ, какіе напечатаны были въ „Чтеніяхъ Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ“ за 1848 г., какіе извлечены были г. Лазаревскимъ изъ приложеній къ погибшей въ Полтавѣ части Румянцевской переписи Малороссіи и изданы имъ при неоффиціальной части „Полтавскихъ епархіальныхъ вѣдомостей“ за 1886—87 г., и наконецъ къ тѣмъ, какія могутъ быть еще найдены у потомковъ Прилуцкаго полковника Горленка, въ архивахъ самихъ монастырей, казенныхъ палатъ и др.

правительственныхъ учрежденій Черниговской и Полтавской губерній, а также въ Московскихъ архивахъ.

Настоящіе документы сохранились въ архивѣ Харьково-Полтавского Управленія Государственными Имуществами и разысканы здѣсь архиваріусомъ А. Я. Песоцкимъ, приводившимъ этотъ архивъ въ порядокъ. Благодаря просвѣщенной любезности Управляющаго Государственными Имуществами Харьковской и Полтавской губерніи Н. И. Лорана, мы списали всѣ эти документы, составляющіе среди архивныхъ дѣлъ небольшую связку. Въ описи, приложенной къ ней и составленной 17-го Іюля 1786 года, т. е. передъ упраздненіемъ монастыря, *) они показаны подъ слѣдующими заглавіями:

На Переводскій футоръ.

1. Купчая со всѣмъ ограниченіемъ отъ Семена Касяненка, жителя Переводскаго на купленій до монастира хуторъ Переводскій за Ігумена Іосифа Товстушича 1656 года июня II.

2. Унѣверсалъ гетмана Ивана Мазепы, ствержаючій хуторъ Переводскій со всѣми къ нему принадлежностями грунтами и сѣнокосами за игумена Якова Ждановича 1700 іюля 22.

3. Унѣверсалъ гетмана Ивана Скоропадского виданній на сѣножаты именуемыя Селища на Переводѣ лежачіе которими билъ завладѣлъ насилно полковникъ нѣжинскій, за игумена Іова Мартиновича 1709 февраля 4.

4. Унѣверсалъ гетмана Ивана Скоропадскаго подтвердительный зъ выраженнымъ ограниченіемъ на хуторъ Переводскій со всѣми къ нему принадлежащими грунтами сѣнокосамы и гаемъ за игумена Іова Мартиновича 1710 июля 2.

На хуторъ подъ Лубнями на Плютинцяхъ имѣючійся.

1. Выпись съ книгъ мѣскихъ лубенскихъ на леgованій от законника Мгарскаго Иларіона Вербицкаго до обители Густинской хуторъ зъ дворищемъ, садъ зъ лѣщиною лежачій подъ Лубнями за игумена Іова Мартиновича 1708 года августа 7.

2. Писаніе полковника Лубенского Андрея Марковича на хуторъ подъ Лубнями на Плѣтинцяхъ будучій леgованій отъ монаха Иларіона Вербицкого до обители Густинской виданній в подтвержденіе за игумена Иосифа Дудуревича 1717 года ноября 7.

---

*) Густынскій монастырь былъ закрытъ въ 1793 году; Мгарскій по штатамъ малоруссвихъ монастырей въ 1786 году положенъ во 2-мъ классѣ, а Ладинскій Подгорскій женскій сталъ штатнымъ съ 1807 года. Возобновленъ былъ Густынскій монастырь въ 1843 году и вновь открытъ 15-го Мая 1844 года. Къ этому времени его возобновленія относится и рисунокъ его пѣшняго вида, сдѣланный Т. Г. Шевченкомъ и помѣщенный въ „Кіевской Старинѣ“ (1890 г. № 4).

Противъ названій этихъ документовъ въ описи сдѣлана на поляхъ надпись: „Сими имѣніями монастыръ Густинскій владѣетъ понинѣ.“

Далѣе слѣдуетъ списокъ десяти документовъ „На дворы Кіевскіе,“ выданныхъ монастырю разными лицами и учрежденіями съ 1636 по 1735 годъ. Дворы эти въ Кіевѣ лежали у церквей Воскресенія и Николая Набережнаго. Но такъ какъ эти дворы были проданы монастыремъ Густынскимъ Кіево-Софійскому каѳедральному монастырю, то находимъ слѣдующую надпись противъ ихъ списка: „Сіи документы оставлены по принадлежности въ Кіевской казенной палатѣ;“ о полученіи ихъ уполномоченнымъ отъ этого учрежденія ниже есть и росписка 1786 года. По этому въ связкѣ, о которой мы говоримъ, документовъ „на дворы кіевскіе“ нѣтъ.

Затѣмъ въ описи значатся:

На млинъ Новыребельскій, леդованій отъ Татіаны Товстовны и сына еи Кирилла.

1. Писаніе игумена Мгарскаго иеромонаха Петронія з братіею данное Григорію Василиевичу и Филиппу Іосифовичу на купленніе ими за тисячу и тридцять золотыхъ два млина на новой греблѣ на Удай стоячіе 1655 года июня 14.

2. Писаніе намѣстника монастиря Мгарского иеромонаха Ипатія Горбачевского зъ братиею Григорію Василіевичу и Филиппу Иосифовичу на купленніе ими млини на новой греблѣ въ подтвержденіе данное 1672 года августа 22 (Оное перервано пополамъ по ветхости лѣтъ. *)

3. Духовниця от Татіяны Григоріевны Товстовны и сина еи Клима данное до монастира на млинъ на новой греблѣ на Удай стоячій отказанній для поминовенія своей души 1701 года декабря 21.

4. Писаніе отъ Клима Григоріевича жителя Новогребельскаго что отъ матки его ледованнаго на монастир млина лѣса и двора по смерти его жени и дѣти не имѣютъ удержаты и не интересоватся. 1717 года августа 30 дня.

5. Унѣверсалъ князя Шаховскаго и старшины Генеральной на млинъ новогребельскій 17 5 года мая 13.

Противъ послѣднихъ пяти названій въ описи сдѣлана помѣтка: „Сими монастир не владѣетъ и почему в другое владѣніе отошло здѣшней братіи неизвѣстно, а крѣпости осталися при монастырѣ кои при семъ посылаются (а въ чіемъ владѣніи оные находятся неизвѣстно *).

Кромѣ поименованныхъ 11-ти документовъ въ связкѣ находится еще одинъ универсалъ гетмана Ивана Мазепы по содержанію сходный съ дру-

*) Поставленныя въ скобкахъ слова, очевидно, написаны рукою монаха, сдававшаго документы въ казенную палату Кіевскаго намѣстника.

гимъ, обозначеннымъ въ описи. Относясь къ разному времени, документы эти писаны на бумагахъ разныхъ качествъ и сортовъ и, какъ подлинные, снабжены печатями разныхъ учрежденій, кромѣ одного (купчей Грицихи Ляльнички), сохранившагося въ этой связкѣ въ позднѣйшей копіи. Способы сокращенія и размѣщенія титлъ въ болѣе древнихъ (относящихся къ XVII столѣтію) совершенно тождественны съ тѣми, какія встрѣчаются въ Лѣтописи Густынскаго монастыря, изданной Бодянскимъ; въ болѣе позднихъ эти сокращенія менѣе правильно выдержаны или совсѣмъ отсутствуютъ. Для печати титла развернуты, ударенія и придыханія опущены нѣкоторыя буквы напр. ѡ, ѿ, ꙗ, ѥ, є, і, ѯ, ѱ, ꙋ, ꙗ, и т. п.), замѣнены нынѣ употребляющимися въ типографіяхъ, а цифры славянскія (҂АХНЅ ҂АѰЛ и др.).

Первый изъ этихъ документовъ продажная запись Семена Касяненка былъ уже напечатанъ г. Ла́заревскимъ съ комментаріями по позднѣйшему списку, сохранившемуся въ сгорѣвшей нынѣ части Румянцевской переписи. Потому мы его опускаемъ, дѣлая лишь поправки неправильно переписанныхъ или прочтенныхъ для печати словъ *); печать на этомъ документѣ изъ желтаго сургуча изображаетъ Троицу съ надписью кругомъ: Печать общежителнаго монастіра Густ. О существованіи слѣдующихъ затѣмъ 3-хъ документовъ, относящихся къ Переводскому хутору, упоминается въ описаніи Густынскаго монастыря, составленномъ въ 1766 и изданномъ г. Лазаревскимъ *); въ Харьковскомъ архивѣ въ помянутомъ нами выше дѣлѣ (№ 21658) есть копіи универсаловъ Скоропадскаго 1710 года и князя Шаховскаго 1735 г. 13 мая и сверхъ того копія утвержденія гетманомъ Даніиломъ Апостоломъ правъ владѣнія за Ладинскимъ монастыремъ по утраченнымъ имъ документамъ. Въ другихъ источникахъ мы нигдѣ не встрѣтили указанія на переписанные нами документы. Помѣщаемъ ихъ въ той послѣдовательности, въ какой они стоятъ въ вышеприведенномъ спискѣ, кромѣ № 1, вмѣсто котораго вставляемъ непомѣченный въ спискѣ универсалъ Мазепы.

I. Универсалъ гетмана I. Мазепы на подтвержденне трохъ ставиделъ купленныхъ на Березоточной пустой греблѣ у Івана Вербицкого 1700 року.

Его царскаго пресвѣтлого величества войска запорожского Гетманъ Іоаннъ Мазепа. Ознаймуемъ симъ нашимъ универсаломъ каждому кому-

*) Именно въ „Архивныхъ отрывкахъ“ на стр. 30 въ строкѣ 17 стоитъ: березнякъ и пенги порубу; нужно: березнякъ и пеньки порубу. Далѣе нужно: сполно з березникомъ (строка 20), отъ Селища по крайнюю рудку (строка 21); а на 31 стр. есть опечатки: изо вмѣсто що, иже бы вмѣсто и жебы.

*) Ib. стр. 23 и 24.

колвекъ о томъ вѣдати належитъ, а особливе пану полковникови Лубенскому зо всею полковою старшиною сотникомъ атаманомъ а тутже и дозорци млиновъ нашихъ в полку томъ найдуючихся, ижъ просилъ насъ превелебный въ Богу отецъ Іпатій Горбачевскій Ігуменъ монастира общежительнаго Мгарского именемъ всеи братии тамошней о потверженне части греблѣ Березотоцкой з трома ставидлами хуторомъ з кгрунтами до него належными а за певную сумму у Івана Вербицкого купленой, также и другой части тоей жъ греблѣ у Петра Моисеевича Вербицкого купнымъ способомъ набутой. Мы тебы принявшее его отца Ігумена в той мѣре слушне намъ занесенную прозбу а мѣючи особливую нашу ку обители святой тамошней прихилность ствержаемъ симъ нашимъ унѣверсаломъ тие обѣдвѣ части греблѣ Березотоцкои позволяючи такъ оною яко и хуторомъ до него належнимъ з инними кгрунтами ему отцу Ігумену з братіею владѣти и всякии з нихъ на монастир свой пожитки приходячии обѣрати. Вѣдаючи прето о таковой волѣ нашой абы якъ панъ полковникъ Лубенский з полковою старшиною такъ и дозорца нашъ въ томъ полку млинами завѣдучий, и нихто иншей наименшои ему отцу Ігумену з братиею не важилися чинити въ заживаню пречечонихъ кгрунтовъ трудности й перешкоды. Данъ въ Батуринѣ априля 1700 року. Звышменованний Гетманъ рукою власною. (Печать Малор. войска Его Црскаго Пресвѣтлого Величества Запорожского).

2. Универсалъ гетманскій на хуторъ Переводскій Іюля 22, 1700.

Его Царскаго Пресвѣтлого Величества войска Запорозкого Гетманъ Іоанъ Мазепа. Его царскаго Пресвѣтлого Величества войска Запорозкого паномъ полковникомъ Нѣжинскому и Прилуцкому, старшинѣ полковой и кождому комуколвекъ вѣдати належало симъ унѣверсаломъ нашимъ ознаймуемъ, ижъ превелебный въ Богу господинъ отецъ Іаковъ Ждановичъ Ігуменъ монастира Густинскаго Прилуцкого з братиею презентуючи Намъ Гетмановѣ купчое писанне на хуторъ Переводскій антецессоровѣ своему преставшемуся Іосифу Товстушичу на тотчасъ Ігуменовѣ монастира мененного Густинского з братиею отъ тамошнею жъ жителя перевоскою в той же купчой именуючогося Семена Косяненка во вѣчное владѣніе даное, просилъ Насъ, абысмо той их хутор монастырский зо всѣми до него належитостями нашимъ Гетманскимъ зтвердили унѣверсаломъ, жебы помянутого хутора онъ отецъ Ігуменъ и его сукцессорове з братиею в томъ ограниченю, якое в той же купчой е описано, в потомные часы могли заживати. Мы теды его отца Ігумена з братіею таковому прошенію давши у себе мѣсце, ствержаемъ и умоцняемъ симъ нашимъ унѣверсаломъ той речоный Передовский хуторъ позволяючи онымъ ему отцу Ігумену и по немъ мѣючимъ быти сукцессоромъ з братіею зо всѣми до того жъ хутора належитостями именно сѣножатми,

гаемъ и инными кгрунтами подлугъ ограниченя в той же купчой описанною потомными и вѣчными часы владѣти, спокойне заживати и вшелякіе на употребленіе святой обители з нею пожитки мѣти и обирати. Абы прето никто так звойсковои старшины и черни яко же вшелякои кондиции людей, а особливе зтамошнихъ Перевоскихъ и околичныхъ обывателей въ спокойномъ того хутора заживаню имъ помененного Густынскаго монастира законникомъ, жаднои наименшои неважился заживати трудности и нѣякои чинити перешкоды, симъ же нашимъ унѣверсаломъ варуемъ и пилно приказуемъ, докладаемъ ознакъ и тое пилно варуемъ, жебы изъ нихъ Густинскихъ законниковъ тыми помененного Переводского хутора кгрунтами прилеглымъ до нихъ околичнымъ людзкимъ кгрунтамъ жадная никому не чинилася уйма и нѣякая перешкода. Данъ въ Батуринѣ 22 іюля 1700 року. Звышменованный Гетманъ рукою власною. (Печать таже).

3. Право на селце Поддубновку на переводѣ. 1709, февраля 4.

Пресвѣтлѣйшаго и Державнѣйшаго Великого Государя Его Царского Величества Воискъ запорозкыхъ Гетманъ Іоаннъ Скоропадскый.

Пану полковниковѣ Прилуцкому, старшинѣ полковой, сотникомъ, атамановѣ городовому зовсѣмъ старшемъ и меншимъ того полку товариствомъ также п. войтовѣ тамошнему зо всѣмъ посполствомъ: и кому бы колвекъ о томъ вѣдати належало сымъ нашимъ унѣверсалнымъ ознаимуемъ писаннемъ. Іжъ общежителния обителѣ Святотроецкыя Густинскія Ігуменъ отецъ Іовъ Мартиновичъ суплѣковалъ намъ Гетмановѣ о томъ: же вдняхъ житія своего небожчикъ Обѣдовскый полковникъ Нѣжинскыи уподобавши собѣ синожати именуемыя Селища, урочищемъ на Переводѣ лежачіе до хутора преречонної обителѣ прилешие отъехалъ и завладѣлъ властително, а и по смерти его жона Обѣдовская границѣ и межи кгрунтамъ зопсовавши и гаи монастирскыи вирубавши насилно, слободку на томъ мѣстцу осадила, и просилъ Насъ Гетмана о тыхъ пожень и слободкы тоеи привернение и потверженне. Прето мы давши у себе отца Ігумена Густинского прозбѣ мѣсце з Нашои ку умноженню хвалы Божои горливости, пререченные синожати Селища на Переводѣ лежачие и слободку на кгрунтахъ монастирскихъ змѣничкою Обѣдовскою осаженную зо всѣми приналежитостями до тоеижъ обители Густинской впоссессію. Респектомъ ставшойся отъ Шведа руины, яко привертаемъ, надаемъ, розборуемъ и впотомные часы при томже заховуемъ, такъ абы нѣхто з помянутои старшины и чернѣ Прилуцкои в обнятю тоеи слободкы и владѣнню вижейписанныхъ пожень общежительнои обителѣ Густинской наданыхъ жадної шкоды и перенагабаныя неважился чинити и до тыхъ добръ неинтересовался мѣти хочемъ и грозно варуемъ жителѣ тежъ тоеи слободкы абы до обители належитое отдавали послуша-

ное реѓментарско приказуемъ. Писанъ в Нѣжинѣ 1709 року февруария 4. Звышменованный Гетманъ рукою власною. (Печать таже).

4. Потверженне Его Милости пана Іоанна Скоропадского обоихъ сторонъ Днепра Гетмана на хуторъ Переводской іюля 2,1710.

Его Царского Пресвѣтлого Величества войскъ Запорожскихъ обоихъ сторонъ Днепра Гетманъ Іоаннъ Скоропадскій.

Паномъ полковникомъ воиска Его жъ Царского Пресвѣтлого Величества Запорожского Нѣжинскому и Прилуцкому, старшинѣ полковой, и кождому кому бы колвекъ о томъ вѣдати надлежало симъ Нашимъ ознаймуемъ унѣверсаломъ, ижъ Превелебный въ Богу Господинъ отецъ Іовъ Мартиновичъ Ігуменъ монастира Густинского Прилуцкого презентовалъ намъ антецессора Нашего бывшого Гетмана на хуторъ Переводский у Семена Касяненка жителя Переводского купленый зо всѣми до него належитостями а именно з сѣножагми гаемъ и иными угодиями въ купчой отъ его Касяненка имъ данной обширне выраженними, якимъ такимъ знайдуеться ограниченомъ отъ селища по крайнюю рудку а од рудки долиною по могилки а нижеи хутора къ Туровцѣ селцу по четвертую рудку сѣножать и поле, а за Переводомъ на другомъ боцѣ рѣчки сѣножать од рудки до рудки берегомъ понадъ Переводомъ и горбомъ на противъ хутора и далей положенемъ зостаетъ унѣверсалъ, на которій просилъ и Нашого собѣ потвержательного унѣверсалу; Мы теды Гетманъ его превелебного отца Ігумена з братиею таковому прошению апле слушному не отмовивши яко ствержаемъ симъ Нашимъ унѣверсаломъ той вышпомянутый Переводскій хуторъ позволяючи ему отцу Ігумену и по немъ мѣючимъ быти сукцессоромъ з братиею зо всѣми до того хутора приналежитостями подлугъ ограничення въ купчой выраженного вѣчными впредъ часи спокойне владѣти и вшелякіе на употреблене съ той обители зъ него пожитки имѣти и одбырати, такъ абы жаденъ з старшини и чернѣ воисковои и вшелякои кондиціи людей а особливе з тамошнихъ Переводскихъ обывателей и околичныхъ жителей в спокойномъ того хутора заживаню, ему превелебному отцу Ігумену монастира Густинского з братиею жаднои наименшои неважился задавати трудности и нѣякои чинитѣ перешкоды, повагою сего ж унѣверсала Нашего варуемъ и пилно приказуемъ, докладаемъ ознакъ и тое, жебы од нихъ Густинскихъ законниковъ тими помененного хутора кгрунтами прилеглимъ до нихъ людскимъ околичнымъ кгрунтамъ жадная не чинилася шкода варуемъ. Данъ въ Прилуци іюля 2 року 1710. Звышменованный Гетманъ рукою власною. (Печать та же. На оборотѣ внизу помѣта: „Сего унѣверсалу списокъ в Енеральной в. канцеляріи остался януар. 16 року 1723).

5. Ексграктъ съ книгъ мѣскихъ Ратуша Лубенского на хуторъ Плютинский отъ отца Іллариона Вербицкого Его Милости Господинове отцу Іову Мартиновичу Ігумену обытели Густинския и всей о Христѣ братии. Року Божого 1708, августа 7 дня.

На врядѣ Нашомъ городовомъ Лубенскомъ перед намы Максимомъ Леонтиевичомъ атаманомъ, Яремою Василиевичомъ воитомъ, Тихономъ Пархоменкомъ и Назаромъ Левковичомъ бурмистрамы. Персоналѣтеръ ставши отецъ Іларионъ Вербицкий законникъ Монастира Мгарского Лубенского чинилъ сознане ку сему записови, тими мовячи слововы; Мосцѣпане вряде; мѣючи я: хуторъ свой очистий, стоячий под Лубнямы на Плютинцяхъ ограниченемъ такъ въ собѣ мѣстъ; въ едной стороны отъ мѣста уз Довгого хуторъ, зъ другой стороны отъ поля уз Кротово, який тебы то мой хуторъ, то есть хату з дворищемъ, таже садъ и лѣсчана; з любви своей и доброй моей волѣ: (за вѣдомомъ въ Богу превелебного Его Милости отца Саввaтия Вербицкого намѣстника обытели Мгарския Лубенския, единоутробнаго брата моего:) дарую на Святую Обытель, Густинскую у вѣчную посесию; и Ігуменствующому на той часъ во Святой Обытели, въ Богу превелебному Его Милости Господинови отцу Іову Мартиновичу со всею о Христѣ братиею. До якого отъ мене дарованного на предречоную Святую Обытель хутора неповинны будутъ зъ приятелей моихъ близкихъ и далекихъ разнимъ способомъ інтересоватися, але цѣлею жъ волно будетъ Его Милости отцу Ігумену Густинскому и всей братии Монастира того, тимъ хуторомъ владѣти и диспоновати. Теды мы вышьменованный врядъ городовый Лубенский чуючи отъ отца Іллариона Вербицкого, же злюбвы и побожности своей даровалъ хуторъ на Обытель Святую Густинскую; велѣлисмо до компуту книгъ мѣскихъ приняти, и виписомъ съ книгъ при печати майстратовой и при подписехъ рукъ Его Милости отца немѣстника Мгарского Саvватия Вербицкого и брата его отца Іллариона Вербицкого, также сподписомъ руки писарской, Его Милости отцу Ігумену Густинскому и всей братии Обытели тоя, сторонѣ потребуючой видати казалисмо, з ратуша Лубенского вышположоного термѣну. Іеромонахъ Савватій Вербыцкій намѣстникъ монастира Мгарского Лубенского, Іларионъ Вербицкій. Авдій Горзневскій писаръ мѣский Лубенскій. (На печати зеленаго сѣргуча вокругъ щита слова: Sigillum Civitatis Alexandr.).

6. На дворецъ Лубенскій 1717 года ноября 7 дня.

Его Царского Пресвѣтлого Величества войска Запорожского Полковникъ Лубенскій Андрей Маркович.

Ознаймуемъ симъ нашимъ унѣверсаломъ комуколвекъ о томъ вѣдати належитъ а особливе пп. старшинѣ городовой Лубенской, иже превелебнии

отцове законники монастира Густинского Прилуцкого, презентовали намъ руководанное монаха Іларіона Вербицкого писмо: которимъ онъ вручилъ до тоеи Святои Обытели хуторъ свой власний под Лубнями на Плютинцяхъ будучий и просили на тое нашого подтверженя. Зачимъ Мы слушному таковому превелебныхъ отцевъ законниковъ Густинскихъ неодмовивши прошенію, яко стверждаемъ помянутий хуторъ въ зуполное ихъ владѣніе; такъ абы въ ономъ нѣхто а особливе старшина Лубенская жадного не чинили препятия и людемъ тамъ мешкаючимъ нѣякои незатѣвали трудности и перешкоди мѣти хочемъ, и пилно приказуемъ. Данъ въ Ромнѣ Ноев. 7 року 1717.

Звыш менованний Полковникъ рукою власною.

Печать восьмигранная со щитомъ въ серединѣ, съ обоихъ сторонъ котораго буквы: съ лѣвой—Л П С П, а съ правой—Ж В Ц К.

7. Права купчіе млиновіе отъ Грицихи Лялнички Новогребелской з тестаментомъ еи монастиру Густинскому подана року 1655 мѣсяця іюня дня 14.

Я иеромонахъ Петроній Левковичъ Ігуменъ монастира Мгарского весьполъ зъ всею Братиею Соборною, чиню вѣдомо тимъ писаниемъ Нашимъ іжъ мы з ласки добродѣя и ктитора Нашего Его Милости пана Симеона Өеодоровича бившого державци Журавского, мѣючи вѣчними часи, з частю Лялницкою третею два млени на рецѣ Удаю на прозиваючоися Новой греблѣ поданіе собѣ в которихъ суть шесть колъ чтири мучнихъ а двѣ ступнихъ, же онихъ державчи, мѣсто ведлугъ оданю вшелякою владзу яко въ намъ належачои части вшелякою владъзу; кому хотячи дати, даровати, ввѣчне при собѣ держати; теди прето засполнимъ усуженемъ при мнѣ будучихъ братий соборнихъ, сами держали, зовсѣмъ пану Григорію Василиевичу, и пану Филиппу Иосифовичу, Лялникомъ втомъ селѣ мешкаючимъ продаемо за певную суму грошей готовихъ то естъ золотихъ тисячу и тридцять; тимъ прето помененнимъ особамъ тоежъ яко сми сами держали во владзу, подаючи; тимъ писаніемъ Нашимъ подтвержаемо, аби яко своего яко своевласного вѣчне заживаючи турбации отъ насъ и братии яко тежъ и по мнѣ будучихъ сукцессоровъ и жадной шкоды и наимѣншои непоносили; але власне яко своего державчися тилко жъ на волѣ мѣли кому хотячи дати даровати и продати и при собѣ держати; якъ ми мѣлисмо на поданю онихъ позволяемъ, на що и тое писанне Наше з подписомъ руки Нашои и притисненѣемъ печати монастирскои онимъ подаемо. Дѣялось в манастиру Мгарскомъ отъ Рождества Спаса року и дня вышеменованого; Іеромонахъ Петроній Левковичъ Ігуменъ монастира Мгарского со всею о Христѣ Братиею руку приложилъ. (Печати нѣтъ такъ какъ это—позднѣйшая копія).

8. Писаніе намѣстника монастира Мгарского иеромонаха Ипатія Горбачевского. Року 1672 августа 23 дня.

Я Іеромонахъ Іпатій Горбачевский, намѣстникъ на тот часъ Мгарский з братиею Соборною, чинимъ вѣдомо тимъ Нашимъ писаннемъ ижъ мѣючи записъ Панъ Григорый Василиевичъ з Паномъ Филиппомъ Іосифовичомъ отъ прежде бывшого отца Нашего Ігумена Петрония Левковича з року 1655, яко тежъ и отъ всеи братии Соборнои на млины Новомлинскіе купленые собѣ отъ нихъ на тотчасъ за суму готовую золотихъ тисячу и тридцяти, вкоторомъ то запису взмѣнуетъ же было колъ шесть чотири мучныхъ и двѣ ступныхъ болшей неспоминаючи ничого, потребовалъ отъ нас назадане неслушное отъ кого якобы наслушне часть тую собѣ за ставку приспособлялъ абы смо ономъ на выш менованные млыны потвержное и выразное писмо дали. Теды мы порадившся соборне изтими братиями знашиея которые при той купли на тот час были (любо то втомъ записъ ничого болшъ неспоминаетъ о прочъ шести колъ выш менованныхъ, першая же то были стороны з собою непротивные вприятелствѣ, другая под часъ години доброи тое невыражено) теперъ потвержаемъ симъ нашимъ писмомъ и до вѣдомости доносимъ, ижъ опрочъ тихъ шести колъ были и заставки валюшные двѣ, одна межи клѣтками купленими, а другая въ яловомъ спусту, которую того жъ часу помененный панъ Григорій купивши перенеслъ до своего млына, а першая така была на другой части пана Филиппа Іосифовича, и еще до той хатъ двѣ и гай невеликий а той отомъ записъ неспоминаетъ ничого. На що для певнѣйшей даня вѣры при подписаню и печать монастырскую казалисмо притиснути. Дѣялося въ манастыру Мгарскомъ року и дня вышменованного. Іеромонахъ Іпатий Горбачевский намѣстникъ Мгарский рукою, Іеромонахъ Еvстратій. Іер. Варлаамъ. Монахъ Савостіянъ и пр. соборные руки свои приложили: Іеромонахъ Поліевктъ Гусѣновичъ уставнымъ на тот часъ Мгарскимъ писар того запису.

(Печать общежительнои обітели монастира Мгарского).

9. Копѣя. Духовниця на млинъ Новогребельскій 1701 року, декаб. 21 д.

Во имя Пресвятія Живоначальнія и Нераздѣлимія Троици Отца и Сына и Святого духа. Аминь.

Понеже неотмѣнній справедливого судіи декретъ продкови нашему Адаму естъ виданъ; а по немъ и всѣмъ таковій; яко земля еси и вземлю тую жде поки поидеши; прето я раба Божія Татіяна Федоровна Товстовна Линовицкая родичка, а жена бившого моего мужа Григорія Василиевича Мелника и обивателя селця Новои Греблѣ прозиваемаго; знаючи бити животъ мой короткій, а до того старостію отъ Бога данною мнѣ притружденний и

дніе мои скоро минаючіе, подобніе блискавици, которая во очахъ сяетъ и во очахъ и гинетъ; яко смертенъ человѣкъ памятаючи на тотъ неомилній вирокъ Божій которій знала не вѣшъ вонже день и часъ пріидетъ; за живота и доброи памяти моеи; симъ моимъ тестаментомъ и остатнею волею моею роспорядившись здѣткамы моимы и достойною частью кождою здобръ до-часнихъ яковіе працею нашею Господь Богъ далъ набити; з сихъ всѣхъ еще з мужемъ моимъ, небожчикомъ Григоріемъ Василиевичомъ по мененныхъ дѣтей моихъ, такъ синовъ яко и дочокъ випосаживши и отвѣнивши яко належитъ; сама тежъ во совершенію старость пришедши, и змѣншимъ тилко мѣзинимъ синомъ моимъ; и то безпотомнимъ Климомъ Григориевичомъ зостаючи, умислилисмо зобополне споменненнимъ синомъ моимъ Климомъ позосталую часть свою и імѣнийце наше працею чистою отъ давнѣхъ лѣтъ звишреченнимъ мужемъ моимъ набутое; симъ доброхотнимъ тестаментомъ нашимъ и остатнею волею нашею слушне роспорядиты: вѣдаючи о томъ же кождій человѣкъ здоровій подлеглій есть хоробѣ а хорій смерти, а хто ся тилко родитъ мусить умерти, рѣчи зась вшелякіе сегосвѣтніе, которіе завчасу писмомъ варовани не биваютъ, теди на потомъ рихло спамяти людзкое випливаютъ, и взабвеніе приходятъ; зачимъ Я, вишменованная з синомъ своимъ Климомъ, постеригаючи того абы по смерти Нашои о убогую позосталую худобу Нашу жаднои турбаціи и заходовъ правнихъ и неправнихъ не било; ознаимуемъ симъ тестаментомъ Нашимъ, кождому засобна кому о томъ вѣдати належитъ; теперъ и на потомніе часы, ижъ такъ мене яко и сина моего Клима з сего свѣта аще Господь Богъ до хвали своей поповолаемъ впродъ души Наши вруцѣ милосердія Его полѣцивши; тѣла зась Наши грѣшніе яко отъ земли взятіе, такъ въ туюжъ при церемоніяхъ звиклихъ христіянскихъ маютъ бити поховани честними Іеромонахи Густинскими; а на поминаніе сорокоустное дорочное а потомъ на вѣчное уписане и поминаніе; небожчика мужа моего Григория и дѣтей Нашихъ, и всѣхъ сродниковъ Нашихъ, и мене в поминникъ церковній на повседневное при офѣрахъ святыхъ моленіе, рады спасенія Нашего и отпущенія грѣховъ; отписуемъ тестаментомъ Нашимъ на монастиръ Свято-Троецкій Густинскій Прилуцкій, такъ теперешнимъ отцамъ Густинскимъ яко и впредбудучимъ, млинъ свой власній нѣкому нѣчого непенній и незаведенній з частю звиклою Ляпницкою, якои и самы уживалисмо спокойне, такъ и по насъ обоихъ маютъ честніи отцы и Богомолци Наши уживати спокойне вѣчными часы; А тотъ млинъ найдуется на греблѣ Удайской прозиваемой Новой греблѣ крайняя клѣтка сприезду подъ горою; о двохъ колахъ мучномъ и ступномъ; і становимъ докладомъ на монастиръ по мененній отписуется; аще Господь Богъ продолжитъ вѣкъ синови моему Климови, тебы маетъ онъ моцъ и владзу до уживання того млина до смерти своей; а неповинни будутъ отцове

Густинскіе ему жадного утиску чинити; а по смерти Климовой, уже оставати маетъ тот млинъ цѣле вовладѣніи и вспокойномъ вѣчномъ уживаню монастира Густинского, и волно будетъ отцемъ Густинскимъ якъ хотячи тимъ млиномъ диспоновати и уживати на всѣ потомніе часи ведлугъ власнои волѣ и уподобаня своего; на що и права старіе купчіе на тотъ млинъ служачіе издалисмо вруки самому превелебному в Богу Господину отцу Іакову Ждановичу Ігумену Густинскому, и братіи его з тестаментомъ симъ; а за ґрунтъ лѣса яко жадалисмо отложеня цѣны за его данной, пяти десять золотихъ, такъ тую жъ пятдесятъ золотихъ повинни будутъ отдати чесніе отци Густинскіе на подѣлъ сродникамъ Нашимъ ближайшимъ; которій лѣсъ также доживотне ку вигодѣ дворовой и гребельной при Климовѣ (: кромъ жадного збитнего пустошення, або и деревомъ продаваня:) оставати маетъ, а по смерти Климовой, обителѣ Святой Густинской цале з млиномъ належитиметъ вѣчне; а иншая вся худоба моя рухомая и ґрунта полковіе и всякіе заходи ку двору Нашему належніе (: кромъ млина и лѣса:) синови моему Климу Григориевичу оставити маетъ; а по смерти его подлугъ роспораженія и остатней волѣ его кому хотя що отпишетъ сприятелей Нашихъ то тимъ ся и контетовати маютъ; а хто би колвекъ с пріятелей Нашихъ близкихъ и далекихъ яко межъ изобщихъ людей сію духовницю мѣлъ касовати, теды кождій таковій на страшномъ судѣ Божомъ розсудится зо мною и да будетъ Божіе неблагословеніе на всякомъ таковомъ, яко на розорителѣ уставовъ Божихъ и чину Християнскаго и всей и вбудущій вѣкъ клятва: що все аби при зуполной имовѣрности оставало, упросила ку прислуханню сего тестаменту моего приятелей моихъ любимихъ, честного Господина отца Ѳеодора презвитора Антоновского, отца духовного моего; пана Самойла Ващенка, товариша зацного; полку Прилуцкого. Яцка Порубаного жителя Давидовского. Остапа Кривоносенка Обѣтовскаго; Максима Сердюка Мокляковского; Семена Сапянного Антоновского; Дмитра Сукницкого. Мокичевского Івана Сащенка жителя Новогребельского, Семена Чередниченка, Івана Тихого Прилуцкого жителя и пана вана Карпенка мещанина Прилуцкого. Якую доброхотную леґацію Нашу чули отмене устне онимъ всѣмъ помененнымъ особамъ вдому моемъ освѣдчоную, и притомному отцу Ігумену Густинскому из братіями его записанную; Писанъ сей тестаментъ вдому моемъ при Новой Греблѣ року 1701 декабря 21 дня.

Устне просиламъ о притисненя печати монастирской до сего тестаменту моего що и отрималось для болшои поваги. Устне прошоній и Азъ Іерей Моченскій Евстафий Александровичъ къ сему тестаменту руку подписую. Устне прошоній и Азъ Іерей Григорьевичъ Густинскій к сему тестаменту руку подписую Священници уизду протопопіи Пѣратинской.

10. Отъ Клима Новогребельского хоча сего часу з другою женою имѣеть дѣти но немѣтимуть части у млинѣ. 1717 году Августа 1. (*)

Я Климъ Григориевичъ упросилемъ о написанне сего листу який у всякомъ суду и права теперь и впотомніе часи силенъ тежъ былъ же матка моя млинъ одвохъ колахъ на Греблѣ Новой на рецѣ Удаѣ лѣсъ з дворомъ лекговала на монастиръ Густинский на которомъ кгрунтѣ любо Я вишъ мененний мешкалъ поколѣ жития моего ... Я самъ и жона моя якую теперъ всупружество понялемъ неповинни будемъ потягнутись млина лѣса и двора в жадную продажу пускати, але по смерти моеи жона должна будетъ всего того кгрунту наспецифѣкованную Обитель уступити без всякого спору то для лутшой твердости неумѣтный писма крестъ пописую а н.... еще и талярий тисячу на особу рейментарску кладу заруки.+

Докладаю и тое, же хотяй бимъ зновопонятою жоною и дитину приплодилъ то до того лекгованого кгрунта жаднои не мѣетъ мѣти претенсии, леч довоилствовати должно... я вновь своею працею кромѣ лекгованого кгрунту набуду. Дѣялося при нижей мененнихъ особахъ Августу 1 року 1701.

Соудемъ естемъ сего добровольного за власною рукою данною писаня Клима Григориевича мелніка Ново Гребелского Михаилъ Трифаневский протопопъ Прилуцкий власною рукою.

Я Василий Павловичъ зостаючи на той часъ *волосчинцяхъ* Стефанъ Тарнавскій.

11. Универсалъ князя Шаховского и старшины генеральной на млинъ Новогребельскій 1735 мая 13.

По указу Его Імператорского величества Самодержицы всероссійской и протчая и протчая и протчая.

Полковниковѣ Прилуцкому, Старшинѣ Полковой, Сотникамъ, а особливо Полковому зъ урядомъ, и всѣмъ кому о томъ вѣдати надлежатиметь чрезъ сіе объявляться; ижъ Свято-Троецкого Густинскаго монастира Ігуменъ Іеромонахъ отецъ Гавріилъ зъ братіею при поданномъ своемъ Намъ, Генералу Лейтенанту, Сенатору, Конной Гвардіи Подполковнику, Ея Імператорского величества Генералу адютанту и Кавалеру въ войсковую Енералную канцелярію Доношеній презентовали письменные крѣпости на млинъ о двухъ колахъ мучномъ и ступномъ на рецѣ Удай въ селѣ Новой Греблѣ имѣючійся, отъ Татьяны Товстовны Линовецкой Григоріа Василіева Мелника жены

(*) На мѣстахъ многоточій слова неразобраны или по крайней нечеткости оригинала или потому, что въ немъ они оборваны.

монастыру Свято Троецкому Густинскому данные а именно: ея Татіаны Товстовны Линовицкой Духовницю 1701 „декабря 21“ которую она тую свою мелницю Новогребельскую о показанныхъ двохъ колахъ на монастыръ Густинскій по смерты сына ея (: которій еще тогда былъ въ живыхъ:) въ вѣчность легована и имѣвшіеся у нея на тотъ млинъ крѣпосты всѣ монастыру Густынскому вручила, а въ подтвержденіе оной Духовницы и от оного сына ея Татіаны Линовицкой Клима Григорієва листъ з' легаціею чтоб монастиру Свято Троецкому Густинскому тѣмъ *млиномъ новогребельским Удайским и при немъ лѣсомъ и дворомъ* вѣчно и безпрепятственно по смерты его Клима Григорьева владѣть, Да купчую Мгарского Лубенского монастира от Ігумена Петроніа Левковича з' братиею начасть в' двох мельницахъ Новогребелских о чтирехъ мучныхъ а двох ступныхъ колахъ имѣвшихся во владѣній того монастыря бывшую 1655 „іюня 14“ и въ подтвержденіе той купчой Ігумена Петроніа Левковича от намѣстника Іпатіа Горбачевскаго з' братіею на тыежъ мелници мелнику Григорію василіеву з' належными до оных хатами двома и гаем невеликим запис 1672 „годовъ августа 23“ чиселъ данные, и просилъ онъ Ігуменъ Густинскій отецъ Гавріилъ для спокоинѣйшаго тымъ млиномъ владѣніа въ подтвержденіе отъ воисковой Енералной канцеляріи унѣверсалу; А понеже оный Климъ Григоріевъ показанной Татіаны Линовицкой сынъ, такъ изъ взятой отъ судій Полковой Прилуцкой Михаила Яделнѣцкого сказки въ войсковой Енеральной Канцеляріи вѣстно есть подлѣнно умре; того ради мы Генералъ лейтенантъ, сенаторъ, кавалеръ, гвардіи Подполковникъ и Ея Імператорского величества Генералъ адютантъ с' присутствующими Енералной войсковой Канцеляріи членами имѣючи власть по силѣ премощнѣйшой Ея Імператорского величества высокомонаршои Грамоты за собственною Ея величества рукою во объявленіе Генералной Малороссійской Старшинѣ и всему Малороссійскому народу присланной в Малой Россіи всякіе дѣла которые во уряду Гетманского правленія и до воисковой комманды принадлежатъ, управлять по прежнымъ указамъ и інструкціамъ. даннымъ прежде бывшимъ Гетманомъ, респектую что в' оном монастырю Густинскомъ повседневно безкровная ко всеблагому Богу жертва о дражайшемъ Ея Імператорского величества здравій и благопоспѣшеній вовсякихъ Ея величества намѣреніяхъ и о всемъ православномъ христіанскомъ народу приносима бываетъ яко велѣли до далшого разсмотреніа воисковой Енералной канцеляріи и указу монастиру свято Троецкому Густинскому по силѣ тыхъ вышеприсанныхъ Духовницы Татіаны Товстовны и купчихъ записей також сына Ея Товстовны Клима Григорієва листа въ томъ монастырѣ Густинскомъ на мелницу Новогребельскую имѣючихся, мелницею на рецѣ Удай новогребельскою ô пріезду под горою о двох мучномъ и ступномъ колах имѣючояся також дворам и лѣсомъ спокоине, ежели

от кого правилного спору не имѣется владѣть, позволяючи от оной мелницы всякіе обыкновенные збирать доходы сей из войсковой Енералной Канцеляріи за рукою нашею выданъ унѣверсалъ, такъ чрезъ оный предлагаемъ, дабы полковникъ Прилуцкій Старшина Полковая Сотники и нихто инный во владѣній тоею мелницею и в одбиранію с' нея обыкновенныхъ размѣровыхъ приходовъ и ни въ чемъ обытели Свято Троецкой Густинской не важились чинит трудности и препятствію. Данъ в' Глуховѣ мая 13 дня 1735 года.

Князь Алексѣй Шаховской. Князь Андрей Барятинскій. Василей Гусевъ. Андрей Марковичъ. Феодоръ Лисенко. (Печать стертая).

А. А. Русовъ.

ВОТЧИННЫЙ БЫТЪ
МОНАСТЫРЕЙ:
Курскаго Знаменскаго и Бѣлогородскаго Николаевскаго.
(ПО АРХИВНЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ).

Документы, на основанiи которыхъ составленъ предлагаемый очеркъ вотчиннаго быта названныхъ монастырей, извлечены изъ архивовъ этихъ монастырей, и частiю — изъ архива Министерства Юстицiи (именно — изъ дѣлъ Курскаго уѣзднаго Суда). — Архивъ Курскаго Знаменскаго монастыря, находящiйся при этомъ самомъ монастырѣ, представляетъ рядъ дѣлъ, обнимающихъ цѣлыхъ полтора вѣка отъ начала 18 до половины 19-го, изъ коихъ значительная часть касается вотчинныхъ отношенiй монастыря; дѣла переплетены (съ давняго времени) въ книги, идущiя по годамъ съ весьма незначительными перерывами. (Моя замѣтка объ этомъ архивѣ въ „Древн. и Нов. Рос." 1878 г. Декабрь.). — Архивъ Бѣлогородскаго Николаевскаго монастыря (монастырь упраздненъ 4 Ноября 1842 г.), находившiйся въ то время, когда я — въ 1879 г. — пользовался имъ, въ заштатной Николаевской, въ Бѣлгородѣ, церкви, при которой находилось тогда Бѣлогородское духовное училище, — представлялъ, напротивъ, крайне печальный видъ: дѣла лежали въ совершенномъ безпорядкѣ въ нишѣ алтарной стѣны, въ значительной степени пострадали отъ гнили, притомъ же, по словамъ лица, хорошо знавшаго судьбу архива, были только жалкими остатками прежняго архива, изъ котораго разные любители Бѣлогородской старины смѣлою рукою брали, кому что было нужно, однако и здѣсь мнѣ также удалось найти нѣсколько документовъ, относящихся къ вотчинному владѣнiю и управленiю этого монастыря, уцѣлѣвшихъ, какъ можно думать, единственно потому, что для

означенныхъ любителей старины дѣла этого рода не представляли никакого интереса и оставлены ими безъ всякаго вниманія, какъ никуда негодный хламъ.

Вотчинный бытъ названныхъ монастырей, на основаніи собранныхъ мною изъ означенныхъ архивовъ документовъ *), представляется въ такомъ видѣ.

За Курскимъ Знаменскимъ монастыремъ числилось десять вотчинъ (села: Смородинное, Поныры, Винограбль, и деревни: Служня, Долгая, Тазова, Жерновецъ, Хуторъ Гремячій, Ясенокъ, Старая Слободка) при 2870 душъ крестьянъ — по вѣдомости этого монастыря 1740 года; въ документахъ послѣдующаго времени упоминаются и другія вотчины (Березовецъ, Новая Слободка, Водяная, Охочевка, Будановка, Родительная), и число душъ, по вѣдомости 1763 года, значится 4836. (См. въ „Докум." №№ 3, 4, 5.).

За Бѣлогородскимъ Николаевскимъ монастыремъ числились двѣ вотчины (села: Старицкое и Огурцово) съ 574 д. крестьянъ — по вѣдомости этого монастыря 1763 года. (№№ 1 и 2).

Для управленія въ эти вотчины обыкновенно посылались отъ монастырей монахи (въ весьма рѣдкихъ случаяхъ — монастырскіе служки, или отставные военные, жившіе въ то время на монашескихъ порціяхъ въ монастыряхъ, — объ этихъ „отставныхъ" моя статья въ „Чт. Общ. Люб. дух. просв." 1881 г. Май.); въ каждую вотчину назначался обыкновенно одинъ монахъ—управитель; иногда впрочемъ, какъ можно примѣтить изъ документовъ, малыя вотчины соединялись по управленію съ большими, и тогда двѣ, или нѣсколько вотчинъ, имѣли одного управителя. Этотъ монахъ — управитель, по просту — прикащикъ монастырскій, какъ онъ назывался и на оффиціальномъ языкѣ монастырскихъ грамотъ, поселялся во ввѣренной его управле-

*) Изъ нихъ очень немногіе, небольшіе по объему, приводятся здѣсь же — въ предлагаемомъ очеркѣ вотчиннаго быта этихъ монастырей, остальные печатаются въ особомъ, слѣдующемъ за симъ приложеніи, а въ очеркѣ дѣлаются изъ нихъ только извлеченія, или кратко передается ихъ содержаніе, съ соотвѣтственными на нихъ, по ихъ нумераціи, ссылками.

нію вотчинѣ въ монастырской избѣ, по другому названію—„монастырскомъ дворцѣ“, и правилъ, въ зависимости отъ монастыря, монастырскою вотчиною (или вотчинами) по всѣмъ сторонамъ ея жизни. Его права и обязанности, какъ управителя, опредѣлялись особою, даваемою отъ монастыря инструкціею, которую онъ, при своемъ вступленіи въ должность, объявлялъ и крестьянамъ, въ нарочитомъ ихъ для сего собранія, „съ прочетомъ, дабы они о томъ, крестьяне, всѣ вѣдали и были ему, прикащику, во всемъ послушны“. По силѣ этой инструкціи, онъ завѣдывалъ въ вотчинѣ монастырскимъ хозяйствомъ, наблюдая въ тоже время, чтобы и у самихъ крестьянъ хозяйство велось правильно и исправно, слѣдилъ за исправнымъ отбываніемъ крестьянами ихъ повинностей, за правильнымъ сборомъ съ нихъ податей, наблюдалъ за благочиностью въ вотчинѣ, чинилъ судъ и расправу, смотрѣлъ, чтобы въ вотчинѣ бѣглыхъ и воровскихъ людей въ пріемѣ ни у кого не было и чтобы воровскихъ вещей крестьяне не покупали, а покупали бы, что кому и у кого надлежитъ, съ поруками, а лошадей и съ запискою, чтобы отъ того въ вотчинѣ какого разоренія не произошло, защищалъ крестьянъ отъ обидъ со стороны проѣзжающихъ, и обидчиковъ привлекалъ къ отвѣтственности по силѣ законовъ *) (№№8—12).

*) Въ этомъ составѣ обязанностей, правъ и полномочій монастырскаго прикащика миссія его, какъ защитника крестьянъ отъ обидъ со стороны проѣзжающихъ, конечно, была для крестьянъ наиболѣе симпатичною; но въ тоже время для самаго прикащика она была наиболѣе тяжелою и трудною къ исполненію, въ особенности когда обидчиками являлись люди военные.—Прохожденіе полковъ деревнями Курскаго Знаменскаго монастыря, расположечными по большой Московской дорогѣ, было истиннымъ бѣдствіемъ для этихъ деревень. Сверхъ положеннаго по указамъ, полки брали насильствомъ все, что только можно было взять: сѣно, овесъ, рожь, телѣги, медъ, деготь, лапти, хомуты, разную посуду.—Въ монастырской книгѣ есть подробныя (на нѣсколькихъ листахъ) свѣдѣнія объ этихъ опустошеніяхъ, производившихся проходившими войсками (за 1718 и 19 годы), а также и побояхъ, какіе приходилось при этомъ испытывать не только крестьянамъ, но и какому нибудь отцу Никитѣ, монастырскому прикащику, когда онъ отваживался защищать обижаемыхъ. Опустошеніе было подворное. Рѣдкій дворъ оставался нетронутымъ. При этомъ невидно даже, чтобы сообщавшіе свѣдѣнія этого рода жаловались на происходившее: они представляли только вѣдомости. То, что описывалось ими, было какъ бы въ порядкѣ вещей.

Въ вотчинномъ управленіи принимали нѣкоторое участіе и сами крестьяне чрезъ избираемыхъ ими старостъ, цѣловальниковъ сборщиковъ, десятскихъ. Права и обязанности этихъ выборныхъ относительно участія ихъ въ управленіи также опредѣлялись особыми для каждой должности монастырскими инструкціями, а кромѣ того— значились и въ самыхъ актахъ избранія. Это были, какъ видно изъ этихъ инструкцій и избирательныхъ актовъ, помощники прикащику по разнымъ частямъ вотчиннаго управленія—хозяйственнаго, полицейскаго, судебнаго; въ случаѣ, если бы ихъ неисправностію учинялись какіе убытки и разоренія монастырю, за нихъ должны были отвѣчать ихъ избиратели. (№№ 10 и 22).

Главнѣйшая задача вотчиннаго монастырскаго управленія состояла, само собою понятно, въ томъ, чтобы отъ вотчиннаго хозяйства монастыря имѣть „лучшій прибытокъ". Инструкціи приказнымъ монахамъ, посылаемымъ въ вотчины, и разнымъ должностнымъ лицамъ изъ крестьянъ даютъ подробныя правила, какъ наилучше съ этой цѣлью вести вотчинное хозяйство, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣ язвы, отъ которыхъ наиболѣе оно страдало,—нерадѣніе и воровство отбывающихъ монастырскую барщину крестьянъ, а также недобросовѣстность самихъ смотрителей, иногда даже самихъ прикащиковъ—монаховъ, отъ чего особенно тѣ инструкціи и предостерегаютъ.—Вотъ нѣкоторыя, наиболѣе характерныя изъ этихъ хозяйственныхъ правилъ и внушеній:

При засѣвѣ полей брать всевозможныя предосторожности противъ воровства крестьянами сѣмянъ: подводы съ зерномъ должны идти не врознь, а вмѣстѣ, въ сопровожденія прикащика, старосты, цѣловальника и вытчика - прикащикъ съ старостою впереди, цѣловальникъ по срединѣ, а вытчикъ, съ кѣмъ ни есть другимъ, взади.—Смотрѣть, чтобы при сѣяніи не было обсѣвковъ, а потомъ—тѣмъ, кто съ сохами и боронами, велѣть припахивать и заволакивать и быть съ ними, крестьянами, дотолѣ, пока засѣютъ, запашутъ и боронами заволочать довольно; буде же какая нужда во дворѣ монастырскомъ, въ случаѣ проѣзжа-

ющихъ, или иная какая будетъ, то съ поля отправиться старостѣ или десятнику, а прикащику и вытчику съ цѣловальникомъ быть при посѣвѣ до окончанія. — По окончаніи посѣва осмотрѣть во всѣхъ возахъ оставшагося, или, какъ бываетъ подъ веретьемъ скрытаго хлѣба, и что останется, перемѣрять и взять обратно въ житню; а у кого и для чего оставалось, прикащику и цѣловальнику изслѣдовать съ запискою. — Подобныя же предосторожности наблюдать и при молотьбѣ хлѣба: смотрѣть, чтобы молотильщики хлѣба въ овинѣ подъ колосниками не оставляли, и зерна межъ охвостья не заметали, и молотильщики на гумно съ лошадьми и мѣшками — ибо ихъ мѣшками монастырскій хлѣбъ похищается — не пріѣзжали. - Сушильниковъ въ овинъ для сушенія хлѣба выбрать людей разумныхъ, добрыхъ и исправныхъ за поруками выборныхъ и стариковъ; ежели они что сожгутъ, то имъ выборнымъ и старикамъ заплатить. — „Ленъ и конопли — говорится въ инструкціи Бѣлогородскаго монастыря прикащику села Старницы - сѣять на землѣ угодной, чтобъ было прядиво и зерно, для того, что прежде хотя и сѣяно, но мало бывало корысти: всегда служителямъ монастырскимъ покупалось на рубахи полотно, и масло конопное въ монастырь, знатно - прикащики больше въ свой кошель, нежели въ монастырь радѣли, а тебѣ бы пріумножить того, какъ конопель, такъ и льну, какъ бы наибольше для вышепоказанной нужды было прядива, понеже въ монастырѣ нѣтъ ни скатертей, ни утирицъ, ни мѣшковъ, а наипаче на рыбную ловлю сѣтей и вентерей“. — Относительно надѣла крестьянамъ монастырской земли и наблюденія за веденіемъ ими ихъ собственнаго полеваго хозяйства, въ инструкціи отъ архимандрита Курскаго Знам. монастыря настоятелю Лпиновской пустыни, (зависѣвшей отъ Курскаго монастыря), значится: „понеже при ономъ монастырѣ земли монастырской мало, то на коштъ монастырской крестьянамъ во удовольствіе у помѣщиковъ по способности, какъ надлежитъ, нанять, только смотрѣть, чтобы крестьяне нанятую землю вспахивать и хлѣбомъ засѣвать не лѣнились, ибо они, какъ то уже многократно дознано, и малой

монастырской земли для себя вспахать и засѣвать хлѣбомъ лѣнятся, и для того ихъ во время угодное къ земледѣлію понуждать, и сколько кто вспашетъ и засѣетъ осматривать, и кто мало—наказывать, и стараться, чтобы земля впустѣ за ними не оставалась„.—Относительно лѣсовъ и рощей предписывалось: прикащикамъ съ объѣзчиками зорко смотрѣть, „чтобы сторонніе люди въ лѣса и рощи ни подъ какимъ видомъ не въѣзжали, а свои пользовались бы для ихъ надобностей валежникомъ, или хотя и стоячимъ, но сухимъ деревомъ, а сыраго бы не рубили"; при этомъ монастырь Бѣлогородскій, имѣвшій, по видимому, въ своемъ владѣніи особенно много лѣсу, дозволялъ своимъ крестьянамъ изъ этихъ валежныхъ и сухихъ деревъ изготовлять разныя подѣлья (клети, коморы, тесъ, тынъ, колья, корыта, ободья) не только для своего употребленія, но и для продажи, съ тѣмъ только, чтобы изготовленное объявлялось на монастырскомъ дворѣ и записывалось въ книгу при объявленіи, и затѣмъ, когда кто изъ постороннихъ людей пріѣдетъ покупать, то по какой цѣнѣ договоръ между продавцемъ въ продажѣ учинится, притти бы купцу и продавцу на монастырскій дворъ и объявить цѣну, и за что продано будетъ, съ той цѣны десятую копейку взять въ казну (монастырскую) для нужныхъ монастырскихъ расходовъ и вложить въ ящикъ при людяхъ, опасаясь на себѣ какого либо порока". А относительно устроенія лѣсной стражи тотъ же монастырь предписывалъ „выбрать двоихъ добрыхъ человѣкъ изъ русскихъ, и третьяго приставить къ нимъ черкашенина—*для лучшей вѣрности:*"— Относительно стада также требовалось внимательное наблюденіе: „смотрѣть въ стадѣ жеребятъ маленькихъ (говорится въ инструкціи того же Бѣлогородскаго монастыря)—и примѣчать ихъ въ шерсть и примѣту, и записку для памяти имѣть, бо много воруютъ стадники: добраго отдастъ за кварту сивухи, а худого приметъ отъ мужика до стада, и тѣмъ стадо чрезъ многіе годы перевелось—какъ лошади, такъ рогатый скотъ и овцы: тоежъ разумѣть о телятахъ и ягнятахъ, и буде явится въ такомъ воровствѣ стадникъ или скотарь, безъ всякаго пощадѣнія

наказывать". Крестьянамъ вотчиннымъ дозволялось въ монастырскихъ владѣніяхъ бить куницъ и „прочій звѣрь", но съ тѣмъ, чтобы „на сторону, кому Богъ что пошлетъ, не продавали, но объясняли бы на дворѣ монастырскомъ, и прикащику покупать цѣною умѣренною для монастыря, а которые продадутъ безъ вѣдома на сторону, таковыхъ плетьми наказывать." Особенное же вниманіе обращали инструкціи на винокурни и винокуреніе.—„Солоды ржаные и ячменные для монастыря и пустыни дѣлать безпрестанно хорошіе,—внушаетъ отецъ архимандритъ Курскій, въ инструкціи настоятелю Лпиновской пустыни,—рослые и добродушные, и для того смотрѣть, чтобы солодовникъ съ пустыни не отлучался и въ солодовнѣ всегда ночевалъ, и въ водѣ и землѣ не перекващивалъ, и часто нарукахъ, когда надобно подымалъ, и умѣренно ростилъ, и на овинѣ не пережигалъ, но легкимъ духомъ высушивалъ, и на-четыре четверти хлѣба съ приростомъ солоду пять четвертей давалъ съ запискою..., и къ среднимъ числамъ февраля для монастыря и пустыни солоду было бы сдѣлано довольно, ибо съ оныхъ чиселъ и въ монастырѣ и въ пустыни до полой воды вина варить надобно." „Винокурню—поучаетъ отецъ архимандритъ Бѣлогородскій — надобно въ великомъ смотрѣніи имѣть, и что до нея надлежитъ, завремени старатися; всегда обыкновеніе такое, что лѣтомъ всѣ три мѣсяца или четыре въ винницѣ не дѣлается, то тогда дровъ наготовить въ лѣсѣ пѣшими людьми, чтобъ было во всю зиму, а зимою, отрядивъ пары двѣ или три воловъ монастырскихъ, возить изъ лѣса готовые, и припасти горѣлки зимней работы куховъ шесть для расходу въ монастырь и для шинку, и заказать всѣмъ крестьянамъ, чтобы не брали на сторонѣ нигдѣ горѣлки на свадьбу, родины, крестины и поминки подъ великою виною, ни тайно, ни явно, но бралибъ на монастырскомъ дворѣ, а поставить цѣну умѣренную, ведро и кварты праведныя, и вѣдая по пожиткамъ, давать на боргъ *) до учиненнаго числа; стараться, чтобъ винникъ былъ добрый, то и горѣлка будетъ добрая, солодовникъ—

*) То есть—въ долгъ=нѣмецк. Borg.

вѣдомъ, какъ солодъ дѣлать добрый, а то только хлѣбъ напрасно теряютъ—ни горѣлки доброй, ни пива не бываетъ добраго за не имуществомъ салодовника добраго." (№№ 6—12.)

„Установленіе" въ хозяйственномъ быту разныхъ ремеслъ и мастерствъ, служащихъ потребностямъ и удобствамъ жизни, также было предметомъ заботливости нашихъ монастырей, въ особенности — Курскаго Знаменскаго, видимо преимуществовавшаго въ этомъ отношеніи предъ монастыремъ Бѣлогородскимъ Николаевскимъ. Такъ очень рано уже было здѣсь въ ходу мастерство юхтовое.—Въ 1718 изъ Бѣлогородскаго архіерейскаго дома были посланы въ Курскій Знаменскій монастырь семь воловьихъ кожъ съ требованіемъ, чтобы мастера, которые будутъ дѣлать, сдѣлали изъ этихъ кожъ юхты черныя самымъ добрымъ мастерствомъ. Монастырь отвѣчалъ: „кожи въ дѣло не отданы того ради, что по присланному отъ Царскаго Величества указу, какъ повелѣно дѣлать юхтъ, мастерство еще не установилось, а какъ установится, означенныя кожи въ дѣло отданы будутъ" (изъ арх. К. З монастыря). Мастерство, дѣйствительно, не замедлило установиться. Въ 1722 г. изъ того же архіерейскаго дома присланы были въ тотъ же монастырь еще 8 воловьихъ шкуръ для юхтовой выдѣлки ихъ на черное, и были приняты уже безъ всякой оговорки. (№ 13). Вскорѣ юхтовое мастерство стало извѣстно въ Бѣлогородскомъ Николаевскомъ монастырѣ, такъ что монастырь отпускалъ уже своихъ мастеровъ по этой части и на сторону за извѣстную договорную плату. (№ 14).—Плотники, каменщики, кирпичники изъ вотчинъ Курскаго Знаменскаго монастыря считались во всемъ районѣ Бѣлогородской епархіи лучшими мастерами. Ими производилось, между прочимъ, строеніе каменнаго консисторскаго зданія въ Бѣлгородѣ въ 1757 г., для чего и вызывались они настойчиво нарочитыми указами. (№№ 16 и 17). Славился знаменскій монастырь и своими „малярами". Консисторскимъ указомъ отъ 10 Августа 1755 года велѣно было Курскаго монастыря монаха Соломона да крестьянина маляра выслать въ Бѣлогородскій архіерейскій домъ съ ихъ малярскими инструментами—„для написанія иконъ къ

поднесенію знатнымъ персонамъ при производствѣ будущаго на бѣлгородскій престолъ преосвященнаго,“ что монастырь и исполнилъ, хотя и неохотно, самъ имѣя крайнюю нужду въ означенныхъ мастерахъ. (№ 18). Въ слѣдующемъ 1758 г. консисторскимъ же указомъ предписывалось архимандриту К. З. монастыря приказать крестьянину Ефиму написать нѣсколько образовъ добрыми венеціанскими красками, за что обѣщано мастеру и награжденіе (№ 19). Высоко цѣня иконописное искусство и стараясь постоянно держать его на возможной высотѣ, монастырь, когда оказывалось нужнымъ, отправлялъ вотчинныхъ крестьянскихъ дѣтей и въ другія мѣста къ лучшимъ мастерамъ въ наученіе, не щадя для этого издержекъ. Такъ, 1761 г. Октября 11 дня Архимандритъ этого монастыря Гедеонъ съ братіею „приговорили отдать для наученія живописному мастерству тогожь монастыря крестьянскихъ дѣтей Ивана Сныткина и Ивана Агаркова города Харькова живописцу Венедикту Свидерскому на четыре года, съ тѣмъ, чтобы онъ въ тѣхъ годѣхъ выучилъ означенному живописному майстерству совершенно такъ, какъ и самъ умѣетъ; а за наученіе дать ему за каждаго человѣка на годъ по десяти рублевъ, муки ржаной по три четверти, пшеничной на двѣ четверти, сала свинаго по одному пуду, ветчины по пуду“. (Изъ архива К. Знам. мон.). Заботился монастырь и въ женской половинѣ вотчиннаго населенія установить свойственныя этому полу рукодѣлья, съ каковою цѣлію обыкновенно набирались дѣвки — сироты „для отдачи ихъ въ наученіе добраго ремесла“. (№ 20). Въ числѣ мастеровыхъ, постоянно жившихъ въ самомъ монастырѣ для удовлетворенія текущимъ нуждамъ монастырской жизни, значатся въ нашихъ документахъ сапожники, портные, маляры, столяры, кузнецы, (№ 5.) упоминаются даже, притомъ въ очень раннее время, искусные дѣлатели экипажей, славившіеся своимъ мастерствомъ и за предѣлами Курска. Въ 1721 г. архимандритъ Сѣвскаго монастыря архимандриту Курскаго Знаменскаго монастыря Михаилу писалъ между прочимъ: „прошу вашу пречестность приказать своимъ казеннымъ мастарамъ Федоту Ковалеву,

да Ивану Палагину сдѣлать мнѣ коляску по образцу, что у вашей превелебности была выбита въ срединѣ сукномъ лазоревымъ, а верхъ по каретному сдѣланъ, въ которой ѣзживалъ Александръ (предшественникъ Михаила), а за труды ихъ сугубую плату предъ другими заплатить готовъ, токмо прошу вашей превелебности, чтобъ оное было сдѣлано, понеже у насъ такихъ мастеровъ нѣтъ.“ (№ 15).

Судъ монастырскаго прикащика вѣдалъ всѣ проступки и преступленія (только не особенно важныя) монастырскихъ крестьянъ, разбиралъ ихъ ссоры, тяжбы, иски. Инструкціи монастырскимъ прикащикамъ въ вотчинахъ настоятельно внушали, чтобы судъ чинимъ былъ „безъ всякой дальней волокиты и самою истинною сущею правдою.“ (№ 11). Судъ дѣйствительно, былъ скорый; но правдивости въ судѣ, само собою понятно, достигнуть было не такъ легко. Инструкціи требовали, чтобы судъ и расправа производились при собраніи выборныхъ и прочихъ крестьянъ съ запиской. (№№ 11, 22, 31, 32). Это, конечно, до нѣкоторой степени гарантировало правдивость суда, но лишь до нѣкоторой степени, такъ какъ по тѣмъ же самымъ инструкціямъ, самые эти выборные могли быть приказнымъ монахомъ, по усмотрѣнію ихъ винъ, наказываемы, и слѣдовательно совершенно были отъ него зависимы. (№ 9). При-томъ-же иногда это требованіе — судить совмѣстно съ крестьянами, по видимому, и совсѣмъ не исполнялось. Такъ, приказный монахъ, Іаковъ, въ Старой Слободкѣ, какъ видно изъ документа (№ 28), совершено самовольно безъ мірскаго совѣта, жестоко мучилъ (въ 1736 г.) нѣкоторыхъ крестьянъ этой деревни заподозрѣнныхъ имъ (какъ оказалось потомъ — несправедливо) въ воровствѣ: разложивъ нагихъ на снѣгу, привязавъ на шесты билъ плетьми, и пробивъ до руды, посыпалъ снѣгомъ, а какъ тотъ снѣгъ растаетъ, паки билъ смертно, и сыпалъ по тѣмъ ранамъ соль, и мученныхъ такимъ образомъ заставилъ отдать многія пожитки ихъ въ платежъ пострадавшему отъ кражи. — А иногда бывало и такъ, что судъ прикащика купно съ крестьянами постановитъ извѣстное рѣшенье, а затѣмъ пріѣдетъ въ деревню какой нибудь до-

вѣренный отъ монастыря „посельскій слуга“ Димитрій Дураковъ, и безъ всякаго затрудненія отмѣняетъ рѣшеніе, предоставляя недовольному обратиться съ жалобой въ монастырь къ пречестному отцу архимандриту съ братіею. (№ 31.)—Само собой разумѣется, что въ монастырскомъ судопроизводствѣ того времени, какъ и вездѣ тогда, допускались и практиковались такъ называемые „пристрастные допросы,“ съ цѣлію дознанія истины. Вотъ любопытное доношеніе прикащика іеромонаха Іеронима архимандриту Гедеону (1761 г.) по поводу такого допроса „съ пристрастіемъ:“ „сего Генваря 18 дня вѣдомства нашего села Виноградля крестьянинъ Михаилъ Воронинъ просилъ насъ на крестьянку тогожъ села Марью Давыдову, якобы оная Марья приходила къ нему Михайлѣ въ домъ и давала его невѣсткамъ горохъ, и отъ онаго гороха якобы учинилось имъ иканіе, и обмираютъ, и потому я призвалъ оную бабу Марью въ монастырскій дворъ и допросилъ при старикахъ, и она показала, что-де-я такого гороху невѣсткамъ не давала, а давала его дочери; потомъ стали спрашивать *съ пристрастіемъ*, и она показала, что давала его невѣсткамъ якобы запросто, а не съ какимъ умысломъ, и отъ онаго гороха якобы и сдѣлалась имъ съ тѣхъ поръ причина: *а въ прочемъ какъ Ваше Высокопреподобіе соблаговолите.*“ (Изъ арх. Курск. Знам. мон.); то есть: я исполнилъ свое дѣло добросовѣстно, допросивъ бабу „съ пристрастіемъ,“ а насчетъ дальнѣйшаго распоряжайтесь какъ знаете. Судя и рядя своихъ вотчинныхъ крестьянъ, разбирая ихъ житейскія дѣла, монахи, естественно сами должны были быть свѣдущими въ этихъ дѣлахъ, хорошо знать мірскую жизнь во всѣхъ ея изворотахъ. Таковы и были они на дѣлѣ. Въ 1755 г. Курская купчиха вдова Марья Калошина вошла „къ пречестному отцу архимандриту Гедеону съ братіею“ съ жалобой на монастырскаго служителя Осипа Зубкова—въ томъ, что сосваталъ онъ Зубковъ у нея Калошиной себѣ въ замужество дочь ея Екатерину, былъ уже у нихъ и сговоръ свадебный, на которомъ угощенія было приготовлено ею Калошиною на нѣсколько рублей и подарковъ много было роздано какъ ему Осипу, такъ и роднымъ его, и онъ

Осипъ, какъ настоящій уже женихъ, цѣловалъ ея дочь Екатерину, а потомъ, невѣдомо съ чего, отказался отъ своей невѣсты и сговорился на другой, и тѣмъ дочь ея Екатерину обезчестилъ а ее просительницу изубыточилъ напрасно.—Архимандритъ назначилъ коммиссію изъ почетнѣйшихъ членовъ монастырской братіи (келарь Епифанъ, ризничій Алексѣй, духовникъ Германъ) для изслѣдованія дѣла. Коммиссія, допросивъ Зубкова, который между прочимъ показалъ, что отказался онъ отъ невѣсты не безъ причины, а потому, что мать ея бранила на сговорѣ его Осипа и его родню всякими скверными, и непотребными словами, убытка же Калошиной онъ никакого не причинилъ, потому что угощеніе въ ея домѣ было не на ея, а на его счетъ, а на дары ея были отдарки,—дала такое заключеніе, обличающее въ слѣдователяхъ монахахъ отличное знакомство съ уставами мірской жизни: „по слѣдованію нами усмотрѣно, что учинены тою просительницею безчинства, и потому оная просительница сама въ винѣ состоитъ; а что она въ прошеніи своемъ объявила, якобы изготовила напитку на восемь рублевъ, то она написала сущую не правду, ибо чтобъ въ невѣстиномъ домѣ для жениха и его родственниковъ напитки готовить, того нигдѣ не водится; а хотя она Калошина на дары и забрала разныхъ вещей многое число, то сколько дочь ея дарила, противъ того въ отдарокъ отдано ей со излишествомъ, а оставшіяся, забранныя ею на дары, вещи обратно отдать купцамъ возможно, что и вездѣ водится; а дочь ея онъ, Зубковъ, цѣловалъ по повелѣнію ея же: то тѣмъ не обезчестилъ. Того ради по общему нашему согласному мнѣнію приговорили: оной просительницѣ за непотребные ея поступки отказать.“ (№ 30).

Монастырскій судъ въ вотчинахъ монастырскихъ простирался на всѣхъ обитателей вотчинъ, не исключая и духовенства, какъ это можно видѣть изъ сохранившагося въ архивѣ Курскаго Знаменскаго монастыря небольшаго отрывка изъ штрафной книги, гдѣ въ числѣ наказанныхъ въ вотчинѣ Тазовой значится между прочимъ и попъ Кирилла, наказанный за то, что на своей седмицѣ отъ вторника до субботы къ церкви не ходилъ

предъ праздникомъ Рождества Богородицы. (№ 33).—А также подлежали суду этому и лица пришлыя, случайно находившіеся въ вотчинѣ. Такъ, по опредѣленію таковаго суда отъ Генваря дня 1754 года, Глуховскаго полку деньщикъ Ипполитъ Дворниковъ, прибывшій въ деревню Ясенокъ къ своимъ роднымъ въ побывку, былъ, при собраніи стариковъ, за кражу ульевъ нещадно наказанъ плетьми и затѣмъ отосланъ въ его полкъ, гдѣ ему быть надлежитъ. (№ 32).

Для письмоводства по дѣламъ вотчиннаго управленія монастырскіе прикащики особыхъ писарей, какъ видно по документамъ, не имѣли, а писали какъ умѣли, сами, или приглашали для письмоводства мѣстныхъ поповъ, (которыхъ и видимъ по документамъ на монастырскихъ дворахъ за этимъ дѣломъ—№ 40), а также пользовались, въ подходящихъ случаяхъ, услугами по этой части монастырскихъ писарей, которыхъ всегда было по нѣскольку человѣкъ при монастыряхъ; поэтому и въ содержаніи своемъ эти писаря, сверхъ того, что получали непосредственно отъ монастыря, „довольствовались еще изъ вотчинъ монастырскихъ отъ прикащиковъ и старостъ и крестьянъ, кто что за работу и за честь даетъ;“ кромѣ того они имѣли право въ Рождество Христово по крестьянскимъ дворамъ славить. (№ 26). А для хожденія по приказнымъ вотчиннымъ дѣламъ имѣлись при монастыряхъ стряпчіе. При вступленіи стряпчаго въ должность, всѣмъ крестьянамъ объявлялось, „дабы они о томъ были извѣстны и достойное ему, стряпчему, почтеніе чинили, и съ вѣдома монастыря въ дѣлахъ приказныхъ послушны были, дабы о стряпчемъ невѣдѣніемъ и безъ него въ приказныхъ дѣлахъ своихъ неискусствомъ не могли отговариваться и обидъ претерпѣвать.“ По этому и стряпчіе также, какъ и писаря, сверхъ вознагражденія, получаемаго непосредственно отъ монастыря, получали еще содержаніе и отъ крестьянъ. Въ опредѣленіи Курскаго Знаменскаго монастыря о наймѣ стряпчаго по контракту, 1755 года Мая дня, между прочимъ значится: „получать ему стряпчему съ крестьянъ монастырскихъ денегъ тридцать рублей, которыя давать ему по третямъ года, въ Рождест-

во Христово позволяется ему съ писарями по монастырскимъ вотчинамъ славить, и ежели кто изъ крестьянъ, что ему не по неволѣ, а доброхотно за доброе его стряпчество честью пожалуетъ, получать ему свободно". (№ 27).

Крестьяне монастырей Курскаго Знаменскаго и Бѣлогородскаго Николаевскаго состояли у этихъ монастырей, какъ видно изъ документовъ, не на денежно-оброчномъ, а на барщинномъ положеніи (по крайней мѣрѣ до екатерининскихъ указовъ Августа 12 дня, 1762 года, о чемъ рѣчь ниже.). Они исполняли всѣ необходимыя для монастырей работы: пахали, сѣяли, молотили, косили, пасли стада, ловили рыбу, производили различныя постройки, давали для различныхъ монастырскихъ надобностей подводы—на ѣздъ,—въ особенности куда нибудь вдаль, монастырскаго начальства, на привозъ какихъ нибудь нужныхъ монастырю матеріаловъ или на отвозъ куда нибудь тѣхъ или другихъ продуктовъ монастырскаго хозяйства для продажи, служили на мельницахъ, винницахъ, пасикахъ; съ нихъ собирали, кромѣ того, разные предметы ихъ собственнаго хозяйства и произведенія ихъ домашняго труда и рукодѣлья: хлѣбъ, овесъ, сѣно, конопли, медъ, масло, яйца, куръ, свиней, орѣхи, мѣшки, холстъ, попоны, веревки, дуги, хомуты, оглобли, лыка, корыта и проч. (№№ 4, 46, 47). Иногда нѣкоторые изъ этихъ натуральныхъ сборовъ замѣнялись, въ интересѣ монастырей, денежными. Такъ, въ 1760 г., Іюня 28 дня, монастырскій совѣтъ Курскаго Знаменскаго монастыря опредѣлилъ: „поелику многіе монастырскіе крестьяне многихъ обыкновенныхъ съ нихъ сборовъ за многіе годы не отдаютъ, отговариваясь не имѣніемъ подлежащихъ къ сбору вещей, а иные крестьяне иногда хотя и даютъ, только негодные,—того ради за обыкновенные монастырскіе съ крестьянъ сборы, то есть—конопли, хлѣбъ, масло коровье, попоны, мѣшки, веревки, обрати, завертки, собирать съ нихъ по базарной цѣнѣ, а за холстъ по двѣ копѣйки съ деньгою за аршинъ." (Изъ арх. Курск. Знам. мон.). А вмѣсто обязательной для монастырскихъ крестьянъ отправки на своихъ подводахъ разныхъ продуктовъ монастырскаго хозяйства въ тѣ или другія мѣста для выгоднѣйшей продажи, тотъ

же монастырь предлагалъ крестьянамъ, если не желали везти, оставить предназначенные къ отправкѣ товары за собою, иногда даже и съ нѣкоторой уступкою въ цѣнѣ противъ того, какая стояла въ тѣхъ мѣстахъ, куда предполагалась отправка. Такъ, въ 1754 г. Февраля 16 дня, монастырскій совѣтъ означеннаго монастыря опредѣлилъ: „нарядить съ вотчинныхъ крестьянъ подводъ въ Москву для продажи овса 300 четвертей; буде же подводчики овесъ въ Москву везти не пожелаютъ, брать съ нихъ за овесъ въ монастырскую казну по 70 копѣекъ за четверть.“ (Изъ архива Курск. Знам. мон.). Въ 1759 г. Генв. 18 дня тотъ же совѣтъ приговорилъ: „для продажи монастырскаго хлѣба муки ржаной отправить тысячу четвертей, гдѣ хлѣбъ продается дорожшею цѣною, на крестьянскихъ подводахъ нынѣшнимъ зимнимъ путемъ; а хотя въ Брянскѣ четверть муки, по извѣстію, и по рублю продается, но Курскаго монастыря крестьянамъ продать по 70 копѣекъ, гдѣ пожелаютъ, и за всякую четверть муки денегъ свыше 70 копѣекъ сколько примутъ, имъ крестьянамъ уступается, а въ монастырь слѣдующаго Февраля къ 20 числу деньги по вышеписанной цѣнѣ за весь хлѣбъ привезли бы“ (ibidem).

Наши документы не даютъ намъ видѣть точныхъ размѣровъ отбываемой монастырскими крестьянами барщины, но видно, что сложность всѣхъ этихъ повинностей была тяжелымъ бременемъ для крестьянъ, вызывавшимъ нерѣдко среди нихъ даже волненія, особенно когда тяжесть этого бремени усиливалась еще злоупотребленіями властей. — Такъ въ 1735—36 гг. крестьяне села Смородиннаго на архимандрита Курскаго Знаменскаго монастыря Митрофана Шеинкова жаловались, въ челобитьѣ на высочайшее имя, что онъ архимандритъ „со всѣхъ ихъ крестьянъ сбираетъ, сверхъ подушныхъ денегъ и монастырскихъ настоящихъ оброковъ, многія лишнія деньги и столовые мясные запасы на свои яди,“ заставляетъ давать многія подводы для людей стороннихъ, его архимандрита родственниковъ, непорядочно отдаетъ въ рекруты, освобождая отъ рекрутчины тѣхъ, кто даетъ ему взятки, и зачисляя въ рекруты тѣхъ, кому нечего дать, при чемъ, кромѣ собственно обидъ, претерпиваемыхъ ими отъ архимандрита, ука-

зывали и вообще на не свойственный его сану образъ жизни: „архимандритъ построилъ себѣ на монастырской мельницѣ, въ семи верстахъ отъ монастыря, забавныя свѣтлицы и другіе потѣшные покои, и держитъ въ тѣхъ свѣтлицахъ крестьянскихъ жонокъ, той же мельницы дворника Федора Кочена двухъ дочерей, которыми ему архимандриту сводничаетъ мать ихъ, и къ тѣмъ жонкамъ онъ архимандритъ изъ монастыря многократно по вся недѣли ѣздитъ и часу въ третьемъ ночи съ іеродіакономъ Александромъ, да съ черкасами съ девятью человѣками, съ келейниками и поварами съ собою привозитъ всякіе пьяные напитки, и съ тѣми прелюбодѣйками его пьютъ, и припасаютъ ему архимандриту ѣсть мясное, и на тѣхъ забавныхъ банкетахъ на той мельницѣ бываютъ тогда игры въ гудки и скрипки, и притомъ скачки и пляски, и съ той забавы, пріѣзжая съ мельницы по утрамъ, въ монастырѣ онъ архимандритъ парится въ банѣ, а паръ поддаютъ ему медомъ; да онъ же архимандритъ, живучи въ той прохладѣ и забывъ Бога, въ томъ монастырѣ ради всякаго своего волхвованія держитъ при себѣ волхва однодворца Никиту Кононова, чтобы онъ повѣдывалъ ему, архимандриту, что впредь будетъ.“ Слѣдственная коммиссія по этому дѣлу, состоявшая изъ нѣсколькихъ лицъ свѣтскаго чина и одной духовной персоны, занялась прежде всего разборомъ этой второй части обвиненія. Обстоятельно были допрошены свидѣтели, на которыхъ ссылались челобитчики, въ томъ: чинилъ ли архимандритъ блудодѣяніе съ двумя дочерьми Федора Кочена, ѣлъ ли мясное, держалъ ли при себѣ для волхвованій (на бобахъ) волхва Никиту Кононова, и даже—парился ли, пріѣзжая съ мельницы, съ дьякономъ Александромъ въ банѣ и поддавали ли имъ паръ медомъ. Свидѣтели показали: въ блудодѣяніи архимандрита съ дочерьми Федора Кочена не видали, и ничего о томъ не знаютъ, мясное кушанье себѣ съ дьякономъ Александромъ архимандритъ точно заказывалъ (показаніе поваровъ), но ѣдалъ ли онъ то заказанное кушанье — доказчиковъ на то не сыскалось; Никита Кононовъ къ архимандриту хаживалъ, но что тамъ дѣлалъ онъ—тоже ни кому не извѣстно, точно также какъ осталось

неизвѣстнымъ и то, мылся ли архимандритъ съ дьякономъ Александромъ въ банѣ и поддавали ль имъ тамъ паръ медомъ. Результатъ слѣдствія по этимъ обвинительнымъ пунктамъ получался для архимандрита совершенно благопріятный (№№ 34 и 35). Труднѣе было оправдаться по первой части обвиненія тѣмъ болѣе, что тутъ жалоба крестьянъ подкрѣплялась донесеніемъ въ контору Правительствующаго Сената одного изъ членовъ слѣдственной коммиссіи, бригадира Дубасова, объ обидахъ и разорѣніяхъ, какія самовластный архимандритъ чинилъ крестьянамъ во время самого даже слѣдствія надъ нимъ, такъ что „ежели означенному архимандриту—значилось въ этомъ доношеніи—отъ монастырскихъ вотчинъ не отказать, то могутъ тѣ вотчины притти во всеконечное разорѣніе." (№ 36). Но дѣло и тутъ для архимандрита кончалось благополучно. Въ нашихъ документахъ нѣтъ указаній какъ велось коммиссіею слѣдствіе по этому предмету; видно только изъ вторичнаго доношенія Дубасова въ туже контору Правительственнаго Сената,—что началось оно „похлѣбствованіемъ" архимандриту, (№ 37), а кончилось тѣмъ, что „крестьяне, жаловавшіеся на архимандрита, иные повѣшены, а иные кнутомъ биты, и повырваны имъ ноздри, и на каторгу сосланы" (№ 40). А онъ остался цѣлъ и невредимъ на своемъ мѣстѣ, и архимандритствовалъ въ Курскомъ Знаменскомъ монастырѣ до 1747 года, когда „за нѣкоторыя учиненныя имъ по слѣдственной въ Москвѣ о раскольникахъ коммиссіи продерзости" былъ лишенъ архимандритскаго чина и посланъ Коломенской епархіи въ Голутвинъ монастырь подъ началъ. (Въ архивѣ Курск. Знам. мон. кн. годовъ 1746 и 47).—Слѣдствіе, которое уже по удаленію Митрофана Шеинкова, преосвященный Іоасафъ поручилъ (въ 1747 году) архимандриту Обоянскаго монастыря Іоасафу же произвести объ обидахъ, которыя крестьяне Курскаго Знаменскаго монастыря терпѣли отъ своего архимандрита, показываетъ, что Шеинковъ до самаго выхода изъ монастыря оставался вѣренъ принятой имъ системѣ управленія. (№ 39). О томъ же свидѣтельствуетъ и сохранившаяся въ архивѣ Курскаго Знаменскаго монастыря книга съ надписью: „сія книга съ 1733 г. по

1746 о лошадяхъ и о прочемъ," заключающая въ себѣ, между прочимъ, показаніе старость о взяткахъ архимандрита Шеинкова съ вотчинныхъ крестьянъ. (№ 38).

Въ 1758 г. крестьяне всѣхъ вотчинъ Курскаго Знаменскаго монастыря, „единомышленно", какъ значится въ промеморіи изъ этого монастыря въ Курскую воеводскую канцелярію, „дровяныхъ денегъ на зиму этого года и прочихъ обыкновенныхъ изстари поборовъ не дали", а въ селѣ Березовцѣ и деревняхъ хуторѣ Гремячомъ и Новой Слободкѣ сдѣлали даже прямое „съ дубьемъ наряднымъ разбоемъ" нападеніе на монастырскіе дворы, при чемъ прикащиковъ — монаховъ заставили бѣжать, а попа села Березовца Кирилла, который находился въ то время во дворѣ монастырскомъ этого села для письма, вытащили оттуда за волосы, такъ что, по игривому выраженію означенной промеморіи, „не на головѣ у него, но въ рукахъ ихъ его волоса остались"; впрочемъ мотивы этого возстанія крестьянъ въ документѣ ясно не указаны и послѣдствія его для крестьянъ неизвѣстны. (№ 40).

Управленіе монастырскими вотчинами, отнятое въ кратковременное царствованіе Петра III (указами 16 Февраля и 21 Марта 1762 г.) у монастырей и предоставленное гражданскимъ чиновникамъ, въ началѣ царствованія Екатерины II (указомъ 12 Августа 1762 г.) опять было возвращено монастырямъ, съ тѣмъ, чтобы впредь до учрежденія особой коммиссіи, которая должна разсудить о лучшемъ церковныхъ имуществъ управленіи и употребленіи, монастыри или собирали съ своихъ вотчинныхъ крестьянъ по рублю съ души, или по пристойности мѣстъ и надобностей, употребляли ихъ къ нужнымъ работамъ, безъ отягченія; а что съ которой деревни получено будетъ денегъ, и когда какія работы производимы были, въ томъ крестьянамъ давать квитанціи, чтобы они по востребованію въ надлежащемъ мѣстѣ объявить ихъ могли. — Крестьяне съ радостію принимали на себя этотъ рублевый окладъ въ замѣнъ сложныхъ монастырскихъ работъ; въ свою очередь и монастыри также охотно налагали его на крестьянъ, но только хотѣли, чтобы крестьяне отправляли при этомъ и нѣкоторыя, по крайней мѣрѣ наиболѣе необходимыя,

монастырскія работы, между тѣмъ крестьяне, заплативъ рублевый окладъ, болѣе ничего дѣлать для монастырей не хотѣли. Это, на взглядъ монастырей, былъ уже настоящій бунтъ. Изъ вотчинъ Курскаго Знаменскаго монастыря отъ управителей отовсюду неслись въ монастырь доношенія, одно другаго тревожнѣе, о такомъ „озорничествѣ" и „непослушніи" крестьянъ. (№ 41). Тоже было и въ вотчинахъ Бѣлогородскаго Николаевскаго монастыря. Намѣстникъ этого монастыря іеромонахъ Стефанъ, на рапортъ управителя въ монастырской вотчинѣ, селѣ Старицахъ, іеромонаха Іоанникія о противностяхъ Старицкихъ крестьянъ, предложеніемъ отъ 10 Октября 1762 года предписывалъ: „Старостѣ объявить, чтобъ онъ своей старости берегъ, *бо кожу отпорютъ старую за противность, то молодая не скоро у стараго наростетъ*. А чтобъ имъ крестьянамъ ничего не работать, токмо-бы однѣ рублевыя деньги платить, то сіе не въ ихъ волѣ, ибо именнымъ указомъ то въ волю отдано монастырскимъ властямъ, и ежели самовольное ослушаніе являть станутъ и гребли гатить не захотятъ, за то какъ старостѣ такъ и прочимъ ослушникамъ чинить наказаніе и ихъ угрозовъ и жалобъ не опасаться, *бо за вину вездѣ наказуютъ, что не запрещено,* ибо они по прежнему отданы въ управленіе монастырю, *а правленіе безъ наказанія не бываетъ*". (№ 46) Но угроза намѣстника Стефана, можетъ быть сопровождавшаяся и самымъ наказаніемъ, не имѣла желаемаго дѣйствія,—и Старицкимъ крестьянамъ вскорѣ пришлось испытать за свои противности всю тяжесть суда консисторскаго и—губернской канцеляріи. Въ Декабрѣ тогоже 1762 года они подали на помянутаго управителя Іоанникія въ Салтовскую воеводскую канцелярію, а потомъ и на архимандрита Николаевскаго монастыря Гервасія—въ Бѣлогородскую Губернскую Канцелярію объ утѣсненіи ихъ, крестьянъ, сверхъ рублеваго оклада разными излишними сборами и дачами. Архимандритъ въ свою очередь жаловался на нихъ преосвященному Іоасафу (въ рапортѣ отъ 10 Февраля 1763 года), что они обратились съ своими челобитьями въ означенныя канцеляріи, презрѣвъ ихъ прямое—духовное начальство. Преосвященный опредѣлилъ: „показанныхъ озорниковъ (на которыхъ,

какъ челобитчиковъ, указывалъ архимандритъ) въ консисторіи сыскавъ, допросить и въ силѣ правъ и высочайшихъ указовъ разсмотрѣть и Его Преосвященству представить со мнѣніемъ". Сысканные въ Консисторіи старицкіе крестьяне (поименовано 10 человѣкъ) въ подачѣ челобитной въ Салтовской воеводской канцеляріи на Старицкаго управителя Іоанникія, а въ Бѣлогородской Губернской Канцеляріи на архимандрита Гервасія — въ причиняемыхъ имъ, крестьянамъ, обидахъ, не запирались, причемъ не скрывали и того, что на отправку челобитчиковъ они сдѣлали сборъ—5 рублей, по 5 коп. съ гнѣзда (обстоятельство, которому Консисторскій Судъ, какъ увидимъ сейчасъ, придалъ особенно отягчающее вину крестьянъ значеніе); но въ объясненіе такой подачи челобитья „не по командѣ" ссылались на отсутствіе въ то время Преосвященнаго изъ города (отбытіе его по какому-то дѣлу въ Воронежъ), заявляя, что теперь, когда Преосвященный возвратился, суда его не избѣгаютъ,—и подали ему челобитье на архимандрита. Консисторія Преосвященнаго, затребовавъ на жалобы крестьянъ объясненіе отъ архимандрита, дала въ указѣ на имя архимандрита отъ 7 Марта 1783 г. такое опредѣленіе:„ хотя монастырскіе крестьяне Гаврила Макѣевъ съ товарищи въ поданномъ Его Преосвященству прошеніе написали, якобы отъ васъ архимандрита, причинены, сверхъ положеннаго рублеваго оклада, поборами обиды и грабительства, то есть—взятіемъ по парѣ лаптей, по гарнцу орѣховъ и съ пчелъ деньгами,.. но что они крестьяне складались на подачу челобитья на прикащика и на васъ, архимандрита, съ каждаго гнѣзда по 5 коп., того себѣ въ обиду и разоренье не ставятъ, а дачу по парѣ лаптей и по гарнцу орѣховъ въ разореніе почитаютъ, изъ чего видно, что они крестьяне единое только возмущеніе и непослушаніе властямъ чинятъ въ противность высочайшихъ имянныхъ указовъ, и чтобъ впредь таковыхъ возмущеній и ослушаній не чинили, а во всемъ повиновались вамъ архимандриту, яко своему властелину, для учиненія онымъ Гаврилу Макѣеву съ товарищи въ страхъ другимъ, наказанія... отослать къ вамъ архимандриту при указѣ... А вамъ ар-

химандриту впредь, въ собраніи рублеваго оклада и въ опредѣленіи тѣхъ крестьянъ на монастырскія работы поступать какъ высочайшими Ея И. В. указами повелѣно, а, сверхъ положеннаго. ничего съ нихъ не брать и никакими поборами не отягощать". (№ 47).

Что касается Салтовской воеводской и Бѣлогородской Губернской Канцелярій, то ни та ни другая, по челобитьямъ старицкихъ крестьянъ, „произвожденія дѣлу", повидимому, совсѣмъ не чинили; а по отношенію Николаевскаго монастыря въ Бѣлогородскую Губернскую Канцелярію, вскорѣ послѣ означенныхъ челобитій послѣдовавшему, о томъ, что Старицкіе крестьяне, отказавшись исполнять предписанныя имъ монастырскимъ начальствамъ работы, произвели на монастырскомъ дворѣ буйство: вызвали къ себѣ намѣстника, разорвали предъявленный имъ печатный указъ Царскій, объявляя вмѣсто него, не вѣдомо какой то свой указъ, не давали взять подъ караулъ главнаго заводчика всему дѣлу—крестьянина Сапенка, и самаго намѣстника при этомъ съ его служителемъ сбили съ ногъ, — означенная канцелярія, допросивъ по сему предмету крестьянъ, въ своемъ отношеніи на имя архимандрита дала слѣдующее опредѣленіе: 1) „хотя изъ означенныхъ села Старицы крестьянъ Алексѣй Алисовъ противъ доношенія вашего архимандрита допросомъ показалъ, будто онъ съ прочими крестьянами намѣстника съ ногъ не сваливали, и дубьемъ не били, и указа у него намѣстника онъ Алисовъ изъ рукъ не вырывалъ и не передиралъ, и намѣстника и бывшихъ при немъ служителей не били; такожь и прочіе крестьяне въ допросахъ ихъ показали; но въ тѣхъ допросахъ показано разнорѣчіе, а именно: Алисовъ показалъ будто намѣстникъ выходилъ къ нимъ изъ монастырскаго двора самъ собою, а прочіе показали, что его намѣстника изъ того двора вызвали они крестьяне; а сверхъ того, какъ оный Алисовъ, такъ и всѣ крестьяне въ тѣхъ же своихъ допросахъ именно объявили что они, будучи у монастырскаго двора съ прочими крестьяны въ собраніи, крестьянина Сапенка, у котораго была съ указу копія, взять оному намѣстнику на монастырскій дворъ не дали,

въ чемъ ихъ крестьянъ Алисова съ товарищи вина явно сказалась; да когдабъ отъ нихъ крестьянъ вышеписанной продерзости не было, тобъ онаго вамъ, архимандриту Гервасію съ братіею и намѣстнику, которымъ монастырская экономія ввѣрена, и написать было бы невозможно; итакъ въ оной продерзости заперались они—крестьяне въ допросахъ своихъ, избывая штрафа; того ради изъ оныхъ села Старицы крестьянъ Алисову за вышепрописанную дерзость и монастырю противность и за бой намѣстника и съ нимъ служителей, въ силу уложенія 10 главы 148 пункта и Ея И. В. имянныхъ высочайшихъ 762 Августа 12 и сего 763 года Генваря 8-го указовъ, учинить наказаніе, вмѣсто кнута, по годности его Алисова въ военную службу, плетьми; а прочимъ приводнымъ съ нимъ же Алисовымъ крестьянамъ Семену Аверину съ товарищи за учиненную ими монастырю жь противность и за бой же намѣстника и служителей наказать батожьемъ, дабы отъ нихъ впредь такихъ продерзостей и монастырю противностей не было. 2) Чтожь оные крестьяне показуютъ, яко съ нихъ въ монастырь собираются излишніе поборы и не получаютъ отъ того монастыря квитанцій, да изъ нихъ же—де одинъ крестьянинъ по приказу вашему архимандрита сѣченъ плетьми, то дабы въ сборѣ съ означенныхъ крестьянъ рублеваго оклада и въ дачахъ квитанцій исполненіе чинить, какъ означенные имянные 762 г. Августа 12 и сего 763 г. Генваря 8 дня высочайшіе указы повелѣваютъ, а кромѣ положеннаго тѣми высочайшими указами рублеваго оклада и работъ излишняго налагательства и напрасныхъ побоевъ не было бъ, дабы чрезъ то оные крестьяне впредь монастырю противностей чинить не могли,—о томъ бы къ вамъ архимандриту Гервасію учинено было надлежащее подтвержденіе.“ (№ 48).

Въ качествѣ помѣщиковъ, монастыри, естественно, приходили въ тѣ или другія соотношенія съ другими помѣщиками, сосѣдями ихъ по владѣніямъ. Наши документы изображаютъ эти соотношенія далеко не въ смыслѣ дружелюбія. Съ рогатинами, дубьемъ и всякимъ дреколіемъ шли, съ вѣдома и даже по прямому распоряженію помѣщиковъ, толпы ихъ крестьянъ на

монаховъ, монастырскихъ людей и монастырскія владѣнія съ цѣлію убійства, грабежа, разоренія. Вотъ случаи такого рода нападеній. Въ 1755 курскій помѣщикъ, отставной подпоручикъ, Андрей Григорьевъ Спешневъ, послалъ своихъ людей въ село Смородинное на монастырскій дворъ звать къ себѣ въ гости іеромонаховъ келаря Ѳеофана Набокова и управителя Флавіана Витійскаго. Званные, не подозрѣвая въ этомъ приглашеніи никакого злаго умысла, тотчасъ же отправились въ гости къ сосѣду—помѣщику въ его хуторъ, съ тремя, сопровождавшими ихъ, монастырскими крестьянами; но лишь только пріѣхали къ хутору, Спешневъ выпустилъ на нихъ заранѣе подготовленную толпу своихъ крестьянъ, которые, вытащивъ іеромонаховъ изъ кибитки за волосы и бороды, начали бить ихъ дубьемъ и цѣпами и, затащивъ ихъ, избитыхъ, въ хуторъ, бросили въ закуту, гдѣ и были они цѣлый день до вечера, а потомъ вбросивъ въ кибитку и на прощанье побивъ еще дубьемъ и поколовъ тирански рогатинами, отправили ихъ чуть живыхъ на монастырскій дворъ въ Смородинное; отъ такого боя они вскорѣ же и умерли. Монастырь заявилъ объ этомъ смертоубійственномъ дѣлѣ сначала въ Курскую, потомъ въ Бѣлогородскую Губернскую Канцелярію, съ жалобою на объявленныхъ смертоубійцъ, крестьянъ Спешнева, и самаго Спешнева, но ни та, ни другая „производженія дѣлу не чинила“; наконецъ, по сношенію Святѣйшаго Синода съ Правительствующимъ Сенатомъ, повелѣно въ 1759 г. все дѣло изслѣдовать Воронежской Губернской Канцеляріи немедленно. (№ 49). Что сдѣлала по сему предмету Воронежская Канцелярія,—неизвѣстно; но Спешневъ и его крестьяне, какъ видно изъ челобитной монаха Измарагда 1761 года, и послѣ того не унимались. Монахъ Измарагдъ жаловался, что „Курскій помѣщикъ Спешневъ, который всегда съ нарядным оружіемъ, копьями, дубинами и прочимъ выѣзжаетъ, монастырской земли близь села Смородиннаго роспашной и нероспашной завладѣлъ немалое число“, а его крестьяне 13 Ноября 1760 года, въѣхавъ въ многолюдствѣ числомъ до ста человѣкъ и болѣе въ монастырскую села Березовца рощу, произвели тамъ громадную порубку, такъ что и

пеньевъ сосчитать нельзя, причемъ нѣкоторые изъ крестьянъ были даже и безъ подводъ, верхами, вооруженные только копьями, дубинами и цѣпами, что явно указывало на ихъ предуготовленіе къ бою, и когда прикащикъ названнаго села Березовца іеромонахъ Геннадій, выѣхавъ съ нѣсколькими монастырскими крестьянами, хотѣлъ изловить озорниковъ и отнять у нихъ порубленный лѣсъ, они взять себя не допустили и притомъ похвалялись: „одного—де чернеца убили,— и другаго убьемъ“, и нѣкоторыхъ изъ монастырскихъ крестьянъ прибили и ограбили, а сами уѣхали. (№ 50). Подобнымъ же нападеніямъ отъ помѣщичьихъ крестьянъ подвергался и Бѣлогородскій Николаевскій монастырь. Въ челобитной архимандрита этого монастыря Иларіона на черкасъ новопоселенной слободы графа Головина, 1739 г., значится, что черкасы эти, подданные Головина, поселившись на монастырской, насильствомъ захваченной землѣ, стали и рощу монастырскую пустошить, порубивъ для строенія себѣ домовъ монастырскаго, въ теченіи долгаго времени береженнаго, дубоваго дерева и прочаго лѣса цѣною на двадцать тысячь рублей, и завладѣвъ монастырскою землею и лѣсомъ, монастырскія межи и грани попортили, о чемъ, по жалобѣ монастыря, велѣно было Бѣлогородской губерніи губернатору изслѣдовать; а такъ какъ губернаторъ никакого слѣдствія производить не хотѣлъ,—то черкасы становились еще смѣлѣе, такъ что и посельскаго монаха Филарета, которому въ присмотръ поручены были монастырскія дачи, убили; а потомъ и за другимъ монастырскимъ прикащикомъ іеромонахомъ Иннокентіемъ въ монастырскомъ лѣсу чинили погоню, отъ чего тотъ прикащикъ и крестьяне монастырскіе въ великомъ страхѣ пребываютъ и въ свой монастырскій лѣсъ за дровами въѣзжать крайне опасаются, а черкасы тамъ хозяйничаютъ, въѣзжая на всякій день подводъ по пяти сотъ, и болѣе, и рубятъ удобное дубовое дерево на строеніе и на дрова. (№ 51).

Но если монастыри, или монастырскія имѣнія страдали отъ нападенія помѣщиковъ и помѣщичьихъ крестьянъ, то съ другой стороны, случалось, и помѣщичьи имѣнія терпѣли отъ мона-

стырскихъ нападеній. Крестьянскій староста въ имѣніи Курскаго помѣщика, дворцоваго подключника, Димитрія Дюмина, въ селѣ Троицкомъ, Парамонъ Кипріановъ въ своемъ челобитьѣ, 1752 г., на монаха Мисаила, намѣстника іеромонаха Іоиля и монастырскихъ крестьянъ, изъяснялъ, что названный Мисаилъ, живущій, съ явнымъ пренебреженіемъ монашескаго своего обѣщанія и въ немалую противность духовному регламенту, на приказѣ въ монастырской вотчинѣ — селѣ Виногроблѣ, собралъ со всѣхъ Курскаго Знаменскаго монастыря вотчинъ множество, человѣкъ триста и болѣе, крестьянъ, и съ этою толпою, вооруженною дубьемъ, кольями, рогатинами, разорилъ господскую, въ селѣ Троицкомъ, плотину, на которой была мельница въ два анбара о трехъ поставахъ, и спустивъ воду половилъ рыбы „всякаго званія" по цѣнѣ на 700 рублей. А когда родственникъ помѣщика Дюмина подканцеляристъ Иванъ Дюминъ обратился къ намѣстнику Курскаго Знаменскаго монастыря Іоилю съ жальбою на такое разореніе, то намѣстникъ не только не сдѣлалъ ему никакого удовлетворенія, но еще при немъ же Дюминѣ и другихъ, бывшихъ при этомъ людяхъ, похваляясь своимъ всевластіемъ, приказалъ монастырскому служкѣ Петру Воробьеву написать въ вотчину монастырскую, чтобы и еще, гдѣ придется, такихъ плотинъ разорять. Монахъ же Мисаилъ вскорѣ послѣ того, собравъ вновь монастырскихъ крестьянъ съ такимъ же, какъ прежде, скопомъ и нарядомъ, повторилъ свое нападеніе на Дюминскую плотину, причемъ значительно повредилъ уже и самую мельницу, разбросавъ бревна амбара, порубивъ валъ и водяныя колеса и прочіе матеріалы, причинивъ такимъ разореніемъ владѣльцу убытка на 70 рублей. (№ 52).

Бывали у владѣтельныхъ монаховъ, знавшихъ себѣ въ этомъ отношеніи цѣну, жаркія дѣла и съ совершенно посторонними людьми — при какихъ нибудь случайныхъ съ ними столкновеніяхъ.

Курскіе купцы Иванъ, Савельевъ сынъ, Богдановъ и Алексѣй, Ивановъ сынъ, Щедринъ ѣхали изъ города Курска трактомъ до Тулы съ разными товарами; не доѣзжая села Поныровъ, наѣхали на нихъ монахъ Авксентій и служители на двухъ

парахъ и кричали, чтобы свернуть съ дороги; а когда купцы, за тяжелостью возовъ, скоро свернуть съ дороги не могли, то монахъ и служители начали бить купцовъ кнутомъ и плетьми, отъ чего впрочемъ купцы отбились, пустивъ въ ходъ противъ обидчиковъ имѣвшуюся на возу свободную оглоблю, но монахъ съ служителями, ускакавъ впередъ, устроилъ имъ въ селѣ Понырахъ засаду; какъ скоро купцы въѣхали въ село, Авксентій вторично напалъ на нихъ, купцы были связаны и биты, сначала кнутомъ, потомъ оглоблею, тою же самою, которая была сначала на спинѣ монаха, товары ихъ были разбросаны.
(Изъ архива К. З. монастыря, жалобы означенныхъ купцовъ, 19 Февраля 1754 г.).

Такая, обусловленная вотчинными отношеніями, жизнь и дѣятельность монастырей, естественно, не могла быть для мірянъ особенно назидательной. Не болѣе могли назидать и случавшіеся въ жизни прикащиковъ монаховъ „шалости", въ ихъ своеобразномъ положеніи впрочемъ столь естественныя, въ родѣ той, какая значится въ документѣ № 54 (катанье монаха—прикащика съ вотчинными дѣвицами). Монашество, вдавшееся въ круговоротъ мірской жизни, гоняющееся, по образцу мірянъ, за наживою, тяжущееся, бьющее и побиваемое, и въ другихъ состояніяхъ, иноческому званію совсѣмъ не свойственныхъ, обрѣтающееся, должно было терять всякій престижъ въ глазахъ мірянъ. Мысль о несоотвѣтствіи жизни монаховъ на приказѣ въ монастырскихъ вотчинахъ монашескимъ обѣтамъ и требованіямъ духовнаго регламента, высказанная въ челобитьѣ старостою Парамономъ, носилась, нужно думать, въ умѣ не одного Парамона. Реформа монастырскаго быта становилась дѣломъ настоятельной необходимости.

Амфіанъ Лебедевъ.

№ 1.

Инвентарь монастырскихъ дворовъ въ вотчинахъ Бѣлгородскаго Николаевскаго монастыря — селѣ Старицкомъ и Огурцовѣ, 1732 г.

Въ 1732 году Генваря въ — день по приказу всечестнаго господина отца архимандрита Никодима у вотчинѣ Бѣлагорода Николаевскаго монастыря въ селѣ Старицкомъ принялъ я, іеромонахъ Симеонъ, у прикащика монаха Іосафа монастырскій дворъ и въ дворѣ хоромнаго строенія, тако жъ на скотномъ дворѣ лошадей, мереновъ, кобылицъ и молодыхъ жеребятъ, имѣющійся всякой монастырской скотъ, мельницы и винницу, въ мельницахъ помольный хлѣбъ и всякихъ снастей, а въ винницѣ заводовъ казанныхъ и деревянную посуду, а съ присѣвочного въ житницахъ молоченого всякого хлѣба, въ гумнѣ стоячаго въ скирдахъ, какъ въ Огурцовѣ, такъ и въ Старицкомъ всякія монастырскія надлежащія вещи, о чемъ значитъ въ сей описи порознь,

а именно въ пріемѣ:

Въ селѣ Старицкомъ дворъ монастырскій огороженъ заметомъ, двои ворота: одни створныя, другія щитомъ; въ томъ дворѣ хоромнаго строенія: двѣ свѣтлицы, между ними двои сѣни, противъ одной свѣтлицы изба черная, одна свѣтлица да изба черная крыты тесомъ, другая свѣтлица крыта соломою. Еще жъ въ томъ дворѣ строенія: три житницы, въ нихъ восемъ перерубовъ, тѣ житницы крыты соломою, а въ перерубахъ молоченого хлѣба: пшеницы яровой 25 четвертей, ячменю 10 четвертей, овса 16 четверт., гороху 24 четверти, гречи 30 четвертей, сарай рубленый, въ которомъ наполы ставятся съ хлѣбомъ; въ немъ два переруба, оный сарай крытъ соломою, въ немъ же наполовъ усыпныхъ липовыхъ 16, кадушекъ дубовыхъ 3, большихъ кадокъ 2, въ томъ сараѣ въ двухъ перерубахъ: въ одномъ ржи 10 четвертей, въ другомъ солоду ячного 10 четвертей, въ наполахъ ржаной муки 2 четверти, пшеничной 3 четверти, пшена четверть, сѣмя конопляного 3 четверти, крупъ гречаныхъ 3 четверика, соли десять бочекъ. Три закрома рубленные крыты тесомъ, въ нихъ солоду ржаного шесть четвертей, шапарня рубленая крыта тесомъ, а въ шапарнѣ въ дѣжкѣ прѣсного меду полтора пуда, свиныхъ два сала, двѣ рушницы завѣсныхъ, третья винтовка, плужной лемешъ съ отрѣзомъ, безмѣнъ вѣсовой, три топора, буравъ большой, другой малой, три рѣзца, что гонтъ рѣжутъ, два заступа. Да ледникъ рубленный крытъ гонтомъ; оный ледникъ съ потолкомъ и помостомъ. Погребъ съ выхо-

домъ рубленный, въ немъ капусты 5 кадушекъ, бураковъ 5 кадушекъ. Да въ томъ же дворѣ два сарая для подвозу телѣгъ и саней, одинъ заметанъ въ столбахъ, другой на сохахъ, между тѣхъ сараевъ двѣ конюшни въ одну связь заметаны въ столбахъ, крыты соломою. Въ конюшняхъ робочихъ лошадей: 14 мереновъ, 2 кобылы, 2 жеребца гулячихъ на стойлѣ, пара мереновъ. Конскихъ вещей: 4 хомута, 2 узды, 10 обротей, 3 недоуздка ременныхъ, сѣдло съ потникомъ, попонъ, что лошадей накрываютъ, суконныхъ 3, портяныхъ шесть.

Да на скотномъ дворѣ строенія: изба, противъ избы клеть, на подклетѣ крыто соломою, 2 сарая заметанныхъ въ столбахъ въ одну связь, крыты соломою, одинъ для птицъ, другой телятамъ. На томъ скотномъ дворѣ скота: лошадей 2 мерена, 12 кобылицъ, трехълѣтковъ и двулѣтковъ и годовиковъ жеребятъ 18, рогатого скота: 12 воловъ плужныхъ, гулячихъ воловъ 17, коровъ 16, подтелковъ 15, нынѣшнихъ телятъ 6, а для скоту 2 узгона, на тѣхъ узгонахъ 2 сарая, одинъ на сохахъ, другой огороженъ тыномъ. На томъ же скотномъ дворѣ птицъ: куръ индійскихъ 29, утокъ 17. Да гумно монастырское огорожено дубовымъ частоколомъ, строенія: три овина, да клуня, все крыто соломою; въ томъ гумнѣ хлѣба немолоченого: ржи скирдъ, пшеницы озимой 2 скирда, яровой пшеницы 2 скирда, овса полтара скирда, ячменю скирдъ, гречи скирдъ, проса одонокъ, а что въ тѣхъ скирдахъ копенъ невѣдомо. Противъ двора монастырского солодовня съ сушнею крыто соломою, пивоварня съ банею подъ одною крышою, а крыто тесомъ, въ пивоварнѣ кадка заторная. На рѣчкѣ Старицѣ мельница, одинъ анбаръ рубленый крытъ соломою, въ томъ анбарѣ 2 постава на ходу, мельничныхъ снастей: 2 оскарда, топоръ широкій тесельной, буравъ палѣчной, посуды деревянной: 5 наполовъ липовыхъ, мѣрка да ковшъ насыпной. При той мельницѣ дворъ, что мирочникъ живетъ, на томъ дворѣ изба крыта соломою, сарай оплетенъ хворостомъ для птицъ утокъ.

Въ Прилипкѣ хуторъ монастырскій, огороженъ тыномъ и плетенемъ съ острогомъ. Въ томъ хуторѣ строенія: изба съ сѣньми тыновыми, клѣть рубленная, а все крыто соломою, два сарая на сохахъ, огорожены тыномъ съ богатами для овецъ, узгонъ скотской, огороженъ тыномъ округъ съ богатою. Въ томъ хуторѣ старыхъ овецъ 74, козъ 71. Въ Добрейской яругѣ пасека монастырская, огорожена дубовымъ частокомъ вкругъ острогомъ; въ той пасекѣ строенія изба съ сѣньми тыновыми, омшеникъ рубленной, все крыто соломою, въ омшеникѣ 89 ульевъ со пчелою.

Въ селѣ Огурцовѣ дворъ монастырскій огороженъ заметомъ, ворота щитомъ; въ томъ дворѣ строенія: свѣтлица съ комнатою, противъ свѣтлицы клѣть, сѣни и крылцо, а крыто все тесомъ; изба черная, что дворники живутъ, съ сѣньми и чуланомъ, крыто соломою: еще жъ строенія: 2 житницы

рубленыя крыты соломою, въ одной 4 переруба, погребъ съ выходомъ, въ немъ капусты кадушка, бураковъ кадушка; конюшня для лошадей рубленая, крыта тесомъ; винница крыта тесомъ и соломою, а въ винницѣ заводовъ: четыре казана мѣдныхъ, вѣсомъ по пуду, и трубъ мѣдныхъ вѣсомъ по 8 фунтовъ, пара притрубковъ мѣдныхъ, да казанъ мѣдный винокурный, ветхій, пара трубъ мѣдныхъ ветхія, деревянной посуды: 3 кадки заторныхъ, 2 приставки, куфа водочная, 6 коновъ, 3 черпака; при той винницѣ свиней старыхъ 38, подсвинковъ 14, малыхъ поросятъ 10, птицъ: 13 гусей, 20 утокъ, вещей: 2 топора, матыка, заступъ.

При томъ же селѣ Огурцовѣ на Сѣверскомъ Донцѣ мельница, 3 анбара рубленые, крыты тесомъ и гонтомъ; въ тѣхъ анбарахъ 6 поставовъ на ходу, 2 колоды, въ которыхъ 11 ступъ просяныхъ, ступы, что сукны трутъ, котелъ желѣзный съ двумя крюками желѣзными, что на сукна воду грѣютъ, мельничныхъ снастей: топоръ широкій тесельной, буравъ палечной, пѣшня, просекъ 6, оскардовъ три, віяка, долото жолобчастое, ключъ желѣзный, что лопатки тешутъ, кирка, что ступы суконныя вычищаютъ; деревянной посуды: 8 наполовъ липовыхъ, кадушекъ дубовыхъ 2, коробовъ 2, въ тѣхъ анбаровъ же три мѣрки да три ковша насыпныхъ.

(Изъ арх. Бѣлогор. Николаевск. монастыря).

№ 2.

Вѣдомость Бѣлогородскаго Николаевскаго монастыря 1763 г.

Вѣдомость Бѣлогородскаго Николаевскаго и приписнаго къ нему Подмелогорскаго Пятницкаго монастыря, учиненная въ силѣ присланнаго Ея Императорскаго Величества изъ Бѣлогородской духовной Консисторіи указа, коликое число въ ономъ монастырѣ нынѣ на лицо по званіямъ монашествующихъ, и изъ нихъ кто въ каковомъ послушаніи находится, и колико присланныхъ при указахъ въ которыхъ мѣсяцехъ и числахъ отставныхъ штабъ оберъ и ундеръ офицеровъ и рядовыхъ драгунъ и солдатъ въ томъ монастырѣ имѣется, и каждому въ годъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья производится, и положенныхъ при ономъ монастырѣ по минувшей второй ревизіи мужеска пола душъ въ подушномъ окладѣ сего 1763 г. въ Генварской трети находилось, а имянно:

Въ ономъ монастырѣ—Архимандритъ Гервасій, Намѣстникъ Іеромонахъ Стефанъ, экономъ Іеромонахъ Геннадій, Казначей Іеромонахъ Антоній,

Іеромонаховъ. 9,
Іеродіаконовъ 1,
Монаховъ. . . . . 3.

Итого монашествующихъ состоитъ на лицо . . . 17 человѣкъ.

Кромѣ вышеписанныхъ іеромонаховъ, іеродіаконовъ и монаховъ въ сей

Генварской трети убыло:

Іеромонаховъ: трое померли;

Іеродіаконовъ: трое Мая 2 числа безвѣстно бѣжали.

Присланныхъ въ ономъ монастырѣ отставныхъ на пропитаніи состоитъ и имъ годоваго денежнаго и хлѣбнаго жалованья производится:

Порутчику Евсигнею Пруцкому . . . 26 руб. 66 коп.

Порутчику Ефиму Ершову . . . . . 16 „ 66 „

Оный Ершовъ сего года Марта 7 числа умре.

Прапорщику Ивану Пономареву . . . 16 руб. 66 коп.

Сержанту Павлу Горбову. . . . . . 5 „ 49 „ и хлѣба — 6 четвертей и 3 четверика.

Ротному квартирмейстеру Никитѣ Керасеву 3 р. 66 к. и хлѣба — 6 четвертей и 3 четверика.

Драгунамъ:

Осипу Ушакову — 3 р. 66 к. и хлѣба — 6 четвертей и 3 четверика;

Іудѣ Шубину — 3 р. 66 к. и хлѣба — 3 четверти;

Артему Полякову — 3 р. 66 к. и хлѣба — 3 четверти.

Итого налицо. . . . . 8 человѣкъ.

При ономъ монастырѣ положенныхъ по минувшей второй ревизіи крестьянскихъ мужеска пола въ подушномъ окладѣ состоитъ 574 души.

(Изъ архива Бѣлгородскаго Николаевскаго монастыря).

№ 3.

Вѣдомость Курскаго Знаменскаго монастыря 1740 г.

По указу Ея Императорскаго Величества, изъ коллегіи экономіи посланному августа 21 дня сего 1740 года, по сообщенной при ономъ указѣ формѣ Курскаго Богородицкаго Знаменскаго монастыря Вѣдомость.

Курскій Богородицкій Знаменскій монастырь, что въ Курскѣ. За тѣмъ монастыремъ вотчинъ, опредѣленныхъ на содержаніе онаго монастыря: въ Бѣлгородской губерніи, въ Курскомъ уѣздѣ, первое село — *Смородинное*, при рѣчкѣ Свапѣ. Въ селѣ томъ по свидѣтельству генералитета написано мужскаго пола 1057 душъ. Къ тому селу по дачамъ пашеной земли 500 четвертей въ полѣ, а въ дву потому жъ; сѣнныхъ покосовъ 1500 копенъ; дикого поля не имѣется; лѣсу и строенія годнаго на лицо не имѣется, а имѣется дровянаго, къ строенію не годнаго, на 3 версты.

Въ томъ селѣ прежде былъ конюшенный дворъ и нынѣ имѣется длинною 34-хъ, а поперекъ 24-хъ сажень; кобылъ заводскихъ было 30-ть, а

нынѣ не имѣется, а которыя кобылы хотя и были, и тѣ покоростивѣли, опаршивѣли и померли, о чемъ въ коллегію экономіи и репортовали. Конюшенный дворъ огороженъ въ столбы пластьемъ разнаго лѣса длиною въ 34-хъ, поперекъ 24-хъ саженъ; конюшня въ немъ длиною 12, поперекъ 4 саж., плостовая, дубоваго лѣса, покрыта соломою, ветхая. Въ томъ числѣ, по силѣ имяннаго Ея Императорскаго Величества состоявшаго прошлаго 1739 года, ноября 19 дня, печатнаго указа, въ указную мѣру и лѣта годныхъ купленныхъ 28 кобылъ, престарѣлыхъ и не годныхъ кобылъ не имѣется. На лицо жеребцовъ два, мериновъ 11-ть, жеребятъ не имѣется; въ томъ заводѣ впредь по довольству мѣста содержать можно кобылъ съ приплодомъ по 25-ть. При томъ заводѣ надзирателей не имѣется, токмо конюховъ три человѣка изъ крестьянъ, которые въ подушномъ окладѣ неписаны; денежнаго жалованья имъ не имѣется, токмо дается одежда и обувь отъ онаго Курскаго монастыря и хлѣба дается всякого въ годъ по 5 четвертей всякому человѣку, пашни и сѣнныхъ покосовъ не дано.

Второе село *Понырь*, при рѣчкѣ Понырахъ, и на той рѣчкѣ мельничный прудъ, разстояніемъ отъ перваго села въ 11-ти верстахъ.

Въ томъ селѣ по свидѣтельству генералитета мужска пола 371 душа; къ тому селу по дачамъ пашенной земли 500 четвертей въ полѣ, а въ дву потому жъ; сѣнныхъ покосовъ 560 коп. Въ томъ селѣ лѣсу къ строенію годнаго не имѣется, токмо имѣется блюденой рощи дровянаго, къ строенію не годнаго, на двѣ версты.

Въ томъ селѣ прежде не было конюшеннаго двора, и нынѣ не имѣется, заводскихъ кобылъ и жеребцовъ прежде не было, и нынѣ не имѣется.

Третья деревня *Служня*, при рѣкѣ Тускари, разстояніемъ отъ втораго села въ 35 верстахъ, въ той деревнѣ по свидѣтельству генералитета мужскаго пола 218 душъ. Къ той деревнѣ по дачамъ пашенной земли 305 четвертей, сѣнныхъ покосовъ 400 копенъ, дикаго поля не имѣется. При той деревнѣ лѣсу нынѣ къ строенію годнаго не имѣется, токмо имѣется блюденой рощи дровянаго, къ строенію не годнаго, на одну версту; конюшеннаго двора прежде не было, и нынѣ нѣтъ.

Четвертая деревня *Домая*, при рѣкѣ Тускари, разстояніемъ отъ деревни Служни въ двухъ верстахъ. Въ той деревнѣ по свидѣтельству генералитета мужскаго пола 236 душъ. Къ той деревнѣ по дачамъ пашенной земли 320 четвертей въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣнныхъ покосовъ 450 копенъ, дикаго поля не имѣется. При той деревни лѣсу къ строенію годнаго на лицо не имѣется, а имѣется дровянаго, къ строенію не годнаго, малое число. Въ той деревнѣ прежде не было конюшеннаго двора, и нынѣ нѣтъ, заводныхъ кобылъ и жеребцовъ не было, и нынѣ нѣтъ.

Пятая деревня *Тазова*, при рѣкѣ Тускари; разстояніемъ отъ деревни Долгой въ двухъ верстахъ; по свидѣтельству генералитета мужскаго пола 195 душъ; къ той деревни по дачамъ пашенной земли 320 четвертей въ полѣ, а въ дву потомъ жъ; сѣнныхъ покосовъ 300 копень, дикого поля не имѣется; при той деревни лѣсу нынѣ къ строенію годнаго на лицо не имѣется, только имѣется дровянаго, къ строенію не годнаго, на одну версту. Въ той деревнѣ прежде не было и нынѣ нѣтъ конюшеннаго двора, заводныхъ кобылъ и жеребцовъ не было и нынѣ нѣтъ.

Шестая деревня *Жерновецъ*, при рѣкѣ Тускари, разстояніемъ отъ деревни Тазовой въ двухъ верстахъ, по свидѣтельству генералитета мужскаго пола 150 душъ. Къ той деревни по дачамъ пашенной земли 230 четвертей въ полѣ, а въ дву потому жъ; сѣнныхъ покосовъ 300 копенъ, дикаго поля не имѣется. При той деревни лѣсу къ строенію годнаго на лицо не имѣется, только имѣется дровянаго, къ строенію не годнаго, на одну версту; въ той деревнѣ прежде не было конюшеннаго двора и нынѣ нѣтъ, заводныхъ кобылъ и жеребцовъ не было и нынѣ нѣтъ.

Седьмое село *Виноіробль*, при рѣчкѣ Виногробли, на той рѣчкѣ прудъ; разстояніемъ отъ деревни Жерновца въ семи верстахъ; по свидѣтельству генералитета мужскаго пола 201 душа. Къ тому селу по дачамъ пашенной земли 200 четвертей въ полѣ, а въ дву потому жъ; сѣнокосныхъ покосовъ 230 копенъ, дикаго поля не имѣется; при томъ селѣ лѣсу къ строенію годнаго на лицо не имѣется, только имѣется дровянаго, къ строенію не годнаго, на одну версту; въ томъ селѣ прежде не было и нынѣ не имѣется конюшеннаго двора, заводныхъ кобылъ и жеребцовъ не было и нынѣ нѣтъ.

Осьмый *хуторъ Гремячій*, при колодезѣ Гремячемъ, разстояніемъ отъ села Виногробли въ 5 верстахъ; по свидѣтельству генералитета мужескаго пола сорокъ одна душа; къ тому хутору по дачамъ пашенной земли 40 четвертей въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣнныхъ покосовъ 100 копенъ, дикаго поля не имѣется; при томъ хуторѣ лѣсу къ строенію годнаго на лицо не имѣется, только имѣется дровянаго, къ строенію не годнаго, на двѣ версты; въ томъ хуторѣ прежде не было и нынѣ нѣтъ конюшеннаго двора, заводныхъ кобылъ и жеребцовъ не было и нынѣ нѣтъ.

Девятая деревня *Ясенокъ*, при колодезѣ Ясенкѣ, при томъ колодезѣ прудъ; по свидѣтельству генералитета мужескаго пола 286 душъ; къ той деревнѣ по дачамъ пашенной земли 120 четвертей въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣнокосныхъ покосовъ 200 копенъ, дикаго поля не имѣется; при той деревнѣ лѣсу къ строенію годнаго на лицо не имѣется, только дровянаго, къ строенію не годнаго, на одну версту; въ той деревнѣ прежде не было и нынѣ не имѣется конюшеннаго двора, заводныхъ кобылъ и жеребцовъ не было и нынѣ не имѣется.

Десятая деревня *Старая Слободка*, при той деревнѣ рѣки никакой не имѣется, токмо колодези, разстояніемъ отъ оной деревни Ясенка въ трехъ верстахъ; по свидѣтельству генералитета мужескаго пола 109 душъ; къ той деревнѣ по дачамъ пашенной земли 90 четвертей въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣнныхъ покосовъ 100 копенъ, дикаго поля не имѣется; при той деревнѣ лѣса, къ строенію годнаго, на лицо не имѣется, только дровянаго, къ строенію не годнаго, на одну версту; въ той деревнѣ прежде не было и нынѣ нѣтъ конюшеннаго двора, заводныхъ кобылъ и жеребцовъ не было и нынѣ нѣтъ.

Итого въ показанныхъ селахъ съ деревнями мужескаго пола крестьянъ 2870 душъ, пашенной земли 2405 четвертей въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣнныхъ покосовъ 4000 копенъ. Съ опредѣленныхъ вотчинъ не имѣлось, и нынѣ нѣтъ, и съ нихъ доходовъ прежде не сбиралось, и нынѣ нѣтъ, и въ коллегію экономіи не платится.

Въ томъ монастырѣ опредѣленныхъ неокладныхъ дачъ не имѣется, только въ расходъ держится неокладныхъ доходовъ отъ продажныхъ восковыхъ свѣчъ, съ лавочныхъ купеческихъ людей мѣстъ, за проданный десятинно и помольный хлѣбъ, итого неокладныхъ дачъ бываетъ въ годъ по тысячи рублей, и больше и меньше, остатка не бываетъ.

(Изъ арх. Курск. Знам. монастыря)

№ 4.

Изъ Вѣдомости Курскаго Знаменскаго Монастыря 1741 года.

Вѣдомость Бѣлоградской Епархіи Курско-Знаменскаго Богородицкаго монастыря внутри, города Курска имѣющагося.

Въ немъ церквей . . . . 3.

а въ нихъ престоловъ . . . . 4.

Оный монастырь архимандрія.

Къ тому монастырю приписныя пустыни:

Коренная-Рождественская въ Курскомъ уѣздѣ въ Обмятскомъ стану при рѣкѣ Тускари имѣющаяся;

въ ней церквей 3,

Престоловъ . . . . 5.

Лпиновская-Троицкая въ Курскомъ уѣздѣ въ Курецкомъ стану при рѣкѣ Сейми;

въ ней церковь 1,

престолъ . . . . 1.

Итого въ монастырѣ и пустыняхъ:

церквей 7,

престоловъ 10,

По генеральному свидѣтельству мужескаго пола душъ . 2899,

Пашни 300 десятинъ съ полу, сѣнокосу 5000 копенъ, а пудъ примѣромъ 20000.

Доходовъ денежныхъ:

На вотчинныхъ крестьянъ въ монастырь никакихъ окладныхъ денежныхъ доходовъ не положено; точію оные крестьяне на монастырскія потребы землю пашутъ, и всякій озимый и яровой хлѣбъ сѣютъ, и во время жатвы убираютъ, и въономъ монастырѣ случающіяся монастырскія работы работаютъ и для монастырскихъ нуждъ бываютъ въ поѣздахъ съ подводами.

Неокладныхъ съ трехъ годовъ третій части хотя не равныхъ числомъ, однако быть могущихъ: за продажныя восковыя свѣчи, которыя бываютъ изъ воску мірского подаянія, къ тому жъ изъ монастырскихъ вощинъ 572 р. 45 к.

За сѣнные покосы. . . . . 80 р.

Во время бывающаго въ приписной къ тому монастырю упомяненной Коренной Рождественской пустыни богомолія въ Петровъ постъ первыя пятницы со отдаточныхъ въ наемъ лавокъ пріѣзжающимъ для торговаго промысла . . . . 250 р.

Въ тоже время отъ ледниковъ за бочки . . . 50 р.

Итого . . . . 952 р. 45 к.

(Да неокладныхъ же кои въ приходъ бываютъ не повсягодно, но временно).

Въ нужныя времена за продажный хлѣбъ . . 350 р.

За продажный скотъ . . . . 7 р. 27 к.

Съ мельницъ за помолъ хлѣба . . . . . 75 р. 28 к.

Итого . . . . 432 р. 55 к.

Всего всѣхъ. . . . . 1385 руб.

Хлѣбнаго дохода:

Приплоднаго, кромѣ сѣменъ, трехъ годовъ третья часть.

Озимаго:

Ржи . . . . 1080 четвертей.

Пшеницы . . . . 30 четвертей 4 четверика.

Яроваго:

Пшеницы . . . . 112 четвертей 4 четверика.

Овса . . . . 300 четвертей.

Ячменю . . . . 80 четвертей.

Гречи . . . . 150 четвертей.

Проса . . . . 194 четверти 4 четверика.

Гороху . . . . 94 четверти 4 четверика.

Конопли	80	четвертей.
Итого . .	2122	четверти.
Съ мельницъ помолнаго всякаго хлѣба .	400	четвертей.
Всего	2522	четверти.

А отъ прежде бывшаго монастырскаго приказа, что нынѣ коллегія экономіи, оный Курскій монастырь съ пустынями не въ опредѣленіи, *) и въ коллегію экономіи вотчинныхъ крестьянъ въ отобраніи не имѣлось и никакого платежа не бывало, и нынѣ нѣтъ, и быть не изъ чего. Понеже какіе доходы въ приходъ хотя и бываютъ, точію отъ онаго монастыря и пустыней на монастырскія необходимыя потребности и нужды употребляются, которыми временемъ бываетъ и недовольствіе...

№ 5.

Вѣдомость Курскаго Знаменскаго монастыря 1763 года.

Вѣдомость о томъ, сколько въ Знаменскомъ монастырѣ и приписныхъ къ нему пустыняхъ монашествующихъ прежде имѣлось, и нынѣ какъ оныхъ такъ и бѣльцовъ числомъ имѣется, тако жъ за онымъ по второй ревизіи вотчинныхъ крестьянъ состоитъ, и въ ономъ монастырѣ опредѣленныхъ отставныхъ оберъ и унтеръ—офицеровъ и рядовыхъ, и сколько имъ производится денежнаго и хлѣбнаго жалованья, учинена сего 1763 года на Генварскую треть.

Въ ономъ Курскомъ Богородицкомъ Знаменскомъ монастырѣ и въ приписныхъ къ нему Рождественской, Коренной и Лпиновской Троицкой пустыняхъ напередъ сего имѣлось: архимандритъ и монашествующихъ 53 человѣка.

За онымъ Курскимъ Знаменскимъ монастыремъ по второй ревизіи положенныхъ вотчинныхъ крестьянъ 4836 душъ. Оные монастырь и пустыни довольствовались въ нынѣшнемъ 1763 году со взятыхъ съ крестьянъ за прошлый 1762 годъ, по силѣ состоявшихся Высочайшихъ имянныхъ прошлаго 1762 Августа 12 и сего 1763 годовъ Генваря 8-го чиселъ указовъ, оброчныхъ и собранныхъ въ Коренной пустыни о девятой пятницѣ полавочныхъ и за отданную въ наемъ траву взятыхъ денегъ 4971 руб. 85 коп. и съ остального отъ прошедшихъ годовъ присѣвочнаго оными крестьяны и съ монастырскихъ мельницъ собираемаго, а къ тому изъ покупнаго въ нынѣшнемъ году хлѣба 1207 четвертей, и какъ оныя деньги, такъ и хлѣбъ на содержаніе монашествующихъ употребляемы были, а на что, именно, значитъ ниже сего.

*) То есть—не былъ опредѣленъ на жалованье съ отобраніемъ отъ него вотчинъ, какъ опредѣлены были на жалованье нѣкоторые другіе того времени монастыри, вотчины которыхъ состояли въ непосредственномъ завѣдываніи коллегіи экономіи, а владѣлъ вотчинами и всякіе доходы собиралъ самъ.—А. Л.

Въ приходѣ:

Ржанаго 540, пшеничнаго 39, пшена 25, крупъ гречныхъ 36, овса 524, солоду на пиво и на квасъ 32, конопель 6, гороху 5, со скотскаго завода сыра соленаго 20, масла коровьяго 10 пудъ.

Нынѣ въ ономъ Знаменскомъ монастырѣ архимандритъ, въ пустынѣ Коренной и Лпиновской по одному игумену, монашествующихъ 46 человѣкъ. Имъ съ вышеписанныхъ взятыхъ съ крестьянъ оброчныхъ денегъ употреблялось на покупку соли, рыбы свѣжей, коренной и вялой, масла конопнаго, вина винограднаго и простаго и на прочее нужное для общей трапезы содержаніе, на дрова и на сѣно, на хмель, на содержаніе Харьковскихъ училищъ, на уплату за мельницы оброчныхъ денегъ, и для церковнаго служенія на вино церковное, на муку пшеничную ради просфиръ, на разныя церковныя и монастырскія въ монастырѣ и пустыняхъ обветшалыя строенія и починки, на исправленія ризницъ, на желѣзо, на деготь и прочіе матеріалы и всякія надобности, на наемку каменщиковъ, кирпичниковъ, плотниковъ и прочихъ мастеровыхъ людей и на снабденіе ихъ одеждою, обувью и пищею, тако жъ ради проходящихъ и проѣзжающихъ по тракту всякаго званія людей и для нарочно прибывающихъ въ Курскій монастырь и въ Коренную пустынь всегда, а наипаче о девятой пятницѣ, премножественныхъ богомольцевъ; а порознь всякому брату денегъ и хлѣба по древнему обыкновенію не выдавалось и нынѣ не выдается.

Изъ бѣльцовъ на монашескихъ порціяхъ состоятъ изъ малороссіянъ крылошане, да имѣются кромѣ отставныхъ для разныхъ послушаній по опредѣленію того монастыря властей и братіи, а иные по договору наняты, на денежномъ и хлѣбномъ содержаніи, а не какъ прежде имѣлись изъ вотчины попеременно, а что кому производится, явствуетъ подъ симъ.

Отставные, присланные изъ Святѣйшаго правительствующаго Синода и изъ канцеляріи Синодальнаго экономическаго правленія въ Консисторію, а изъ Консисторіи въ разныхъ годѣхъ присланы при указѣхъ въ оный монастырь на денежное и хлѣбное жалованье: Капитаны (поименованы трое), поручики-пятеро, подпоручики-двое, прапорщики-шестеро, сержантъ-одинъ, подпрапорщики-двое гусарскій капралъ-одинъ, рядовые-19, капралъ-одинъ. Имъ производится изъ показанной суммы въ силѣ имяннаго состоявшагося въ 1731 году Генваря 31 дня указа въ треть года - капитанамъ Чернополѣнову и Проскурякову по 11 р., 11 к., Муратову-8 р. 88¾ к.; поручикамъ-Иванову Солнцеву, Мухину, Ермакову, Ершову по 8 р. 88¾ коп.; подпоручикамъ-Коробову и Нелюбову по 5 р. 55 к. съ деньгой; прапорщикамъ-Стремоухову, Порываеву, Матвѣеву, Попову, Понамареву, Хлудову по 5 р. 55 коп. съ деньгою; сержанту Макѣеву 1 р. 83 к.; подпрапорщикамъ Поволяеву, Калинину по 1 р. 83 к.; гусарскому капралу Степанову 1 р. 33 к. съ деньгою;

капралу Козакову и рядовымъ всего двадцати человѣкамъ по 1 р. 22 к. хлѣба женатымъ сержанту Макѣеву, подпрапорщику Калинину, капралу Степанову, рядовымъ Бочарову, Болтенкову, Доренскому, Полянскому, Агѣеву, Андрееву, Мусатову, Филатову, Костылеву, Варгинову, Шишкову, Козакову по двѣ четверти одному четверику; безженнымъ—подпрапорщику Поволяеву, рядовымъ—Смагину, Ермолину, Козлову, Огурцову, Крылову, Падовому, Быкову по четверти и получетверику; изъ присланныхъ колодниковъ: въ 1755 году изъ бывшей тайныхъ розыскныхъ дѣлъ Канцеляріи Черниговскаго пѣхотнаго полку подпрапорщикъ Василій Бугайскій; въ 1756 году изъ Бѣлоградской Духовной Консисторіи Бѣлогородскаго гарнизоннаго полку солдатъ Иванъ Аникѣевъ; имъ производится хлѣба въ треть года по одной четверти и получетверику. Итого онымъ отставнымъ изъ показанной суммы на жалованье въ треть года выдано бываетъ 151 р. 21 к.; хлѣба имъ и показаннымъ двумъ колодникамъ 13 четвертей 4 четверика съ половиною.

Въ томъ числѣ:

А) Въ Знаменскомъ монастырѣ:

Крылошане изъ Малороссіянъ 4.

Писаря 3:

Петръ Воробьевъ по 5 р. и 5 четвертей хлѣба въ треть года;

Филипъ Шепелевъ и Леонъ Сомоволовъ } по 2 р. и 2 четверти хлѣба.

Маляры—3:

Ефимъ Ворбьевъ по 3 р. $33^{1}/_{3}$ к. и 2 четверти;

Иванъ Сныткинъ и Иванъ Огарковъ } по 2 р. и 2 четверти.

Оконнишники—2

— по 2 р. и 2 четверти.

Столяры—2

— по 2 р. и 2 четверти.

Колесники 2

— по 2 р. и 2 четверти.

Повара—4

— по 2 р. и 2 четверти.

Хлѣбники—4

— по 1 р. и 2 четверти.

Рыбаки—2

— по 1 р. и 2 четверти.

Бочары—2

— по 1 р. и 2 четверти.

Печники—2

— по 1 р. и 2 четверти.

Истопники—2

— по 1. р. 50 к. и 2 четверти.

Сапожники—3

— по 1 р. и 2 четверти.

Часоводъ—1

— 1 р. и 2 четверти.

Водовозъ—1

— 1 р. 2 четверти.

Кухарь—1

— 1 р. 2 четверти.

Конюшій—1

— 3 р. 33½ к. и 2 четверти.

Конюхи и телѣжники наняты добровольно 15

— по 2 р. 33½ к. и 2 четверти.

Ѣздовые служки—6

— по 1 р. и 2 четверти

Кузнецы по опредѣленію—2

— по 2 р. 2 четверта.

По свыше оныхъ для многихъ церковныхъ работъ наняты—3:

Емелянъ Демушевъ—5 р. 68½ к. и 3 четверти;

Евстихій Жуковъ 2 р. 33½ коп. и 2 четверти;

Козма Сахаровъ по 2 р. 2 четверти.

Плотники—4

— по 2 р. 2 четверти.

При канцеляріи сторожъ—1

— по 1 р. и 2 четверти.

Салодовникъ—1

— по 1 р. и 2 четверти.

Квасовары—2

— по 1 р. 2 четверти

Огородникъ—1

— по 1 р. и 2 четверти.

Портные—3

— по 1 р. и 2 четверти,

Конатникъ—1

— по 1 р. 2 четверти.

Сыромятники—1

— по 1 р. 2 четверти.

Церковные сторожа—4

— по 1 р. и 2 четверти.

Каменовъ и нужниковъ чистцы 2
— по 1 р. и 2 четверти.
Состоящей при означенномъ монастырѣ Богодѣльни неимущихъ крестьянъ мужеска и женска пола 6 человѣкъ
— по 2 четверти хлѣба.

Б) Въ Коренной Рождественской пустыни:

Оконнишникъ—1
— по 1 р. и 2 четверти.

Полѣсникъ—1
— по 1 р. и 2 четверти.

Бачаръ—1
— по 1 р. и 2 четверти.

Кузнецъ—1
— по 1 р. и 2 четверти.

Сапожникъ—1
— по 1 р. и 2 четверти.

Печникъ—1
— по 1 р. и 2 четверти.

Часоводъ изъ церковниковъ той же пустыни—1
— по 1. р. и 2 четверти.

Поваръ—1
— по 2 р. и 2 четверти.

Сторожа въ настоятельской и игуменской келліяхъ—2
— по 1 р. и 2 четверти.

Сторожа при церкви—2
— по 1 р. и 2 четверти.

Конюхи—2
— по 2 р. и 2 четверти.

Служекъ ѣздовыхъ—2
— по 1 р. и 2 четверти.

Огородникъ—1
— по 1 р. и 2 четверти.

Садовникъ—1
— по 1 р. и 2 четверти.

Плотники—2
— по 2 р. и 2 четверти.

Солодовникъ—1
— по 1 р. и 2 четверти.

Квасоваръ—1
— по 1 р. и 2 четверти.

В.) Въ Липиновской Троицкой пустыни:
Полѣсникъ—1
— по 1 р. и 2 четверти.
Бочаръ—1
— по 1 р. и 2 четверти.
Плотники—2
— по 2 р. и 2 четверти.
Поваръ—1
— по 1 р. и 2 четверти.
Водовозъ—1
— по 1 р. и 2 четверти.
Хлѣбникъ—1
— по 1 р. и 2 четверти.
(Изъ арх. Курск. Знам. мон.)

№ 6

Письмо архимандрита Бѣлгородскаго Николаевскаго монастыря Авксентія къ прикащику села Старицъ о правильной рубкѣ крестьянами монастырскаго лѣса и о взиманіи съ нихъ отъ продажи дровъ и разныхъ издѣлій изъ монастырскаго лѣса десятой копѣйки въ пользу монастырской казны, 1751 г.

Села Старицы прикащикъ честный, въ іеромонасѣхъ Филаретъ!

Приносили намъ жалобу на письмѣ за руками крестьянъ Петра Морозова съ товарищи Петро Саратовъ да Ефимъ Тереховъ, якобы отъ насъ запрещеніе учинилось лѣсу имъ не рубить, и то въ посланномъ къ тебѣ нашемъ письменномъ приказѣ въ шестомъ пунктѣ запрещается токмо имъ сырое съ пня, пока не очистятъ и не употребятъ лѣсу, валежникомъ заваленнаго, котораго большая часть имѣется, нежели стоячаго, а между тѣмъ (въ этомъ валежникѣ) и всякое удобное къ строенію находится, ибо не токмо они, крестьяне, какъ въ томъ приказѣ изображено, на кормъ скота въ 1748 году и за своимъ нерадѣніемъ зѣло выпустошили, но и за звѣремъ ходячи, ежели найдутъ на деревѣ куницу либо другое, то, собравшись гуртомъ въ нѣсколько человѣкъ, того ловячи, стынаютъ дубовъ по пяти и по десяти, которому дереву единому цѣна будетъ по нынѣшнимъ нуждымъ обращеніямъ по два рубля, и съ пня валяютъ безъ пощадѣнія, а звѣрку бываетъ цѣна полтина или меньше, не разуждая себѣ того, что имъ тотъ лѣсъ и дѣтямъ ихъ и всему племени напредъ надобенъ и что въ единъ часъ за едину полтину

сять или болѣе рублей теряютъ. И по силѣ означеннаго пункта на нынѣшнее ихъ прошенiе въ скорости отъ насъ отправленъ будетъ нарочный, который освидѣтельствуетъ, подлинно ли не имѣется такого между валежникомъ дерева, которое бы не годилось къ чему, и въ то время другое наше разсмотрѣнiе слѣдовать будетъ; а тебѣ нынѣ имъ, не взирая на ихъ плутовскiе подлоги, исполненiе чинить во всемъ, какъ повелѣно, и десятую копейку брать въ казну, ибо имъ съ того ни какого будетъ убытку, ежели въ селѣ или въ лѣсѣ какое кто себѣ споможется съ валежнику либо стоячего и сухаго дерева къ строенiю либо дрова приготовлять и, учиня между собою настоящую цѣну, а ничего тайно заводя въ лѣсъ, за безцѣнокъ не станутъ продавать; а уже теперича яко за скудостiю въ посторонних селахъ и деревняхъ лѣса, то больше себѣ прибыли въ продажѣ учинятъ и не тяжко имъ будетъ дать въ казну десятую копейку, ибо оные жъ крестьяне и черкасы на монастырской землѣ между собою даютъ землю пахать съ десятины и десятую копу хлѣба себѣ отбираютъ и въ томъ никому слѣдуетъ обида: то не будетъ обидно изъ лѣса на монастырскiе нужные обиходы, которыхъ ни откудова въ нынѣшнiя времена взять возможно, давать въ казну десятую копейку... И о томъ накрѣпко тебѣ смотрѣть надлежитъ, а себѣ, кромѣ взятiя въ казну десятой копейки, никакихъ взятковъ не брать...

Еще слышно намъ учинилось, что нѣкоторые крестьяне и не нуждные, оставя свои жены, безвѣстно изъ Старицы бѣжали: такихъ, какъ возможно, стараться прочувать и ловить и всенародно наказанiе батожьемъ либо плетьми такое давать, чтобы другiе, на то смотря, никто на предъ безъ нашего вѣдома не дерзалъ тайно бѣжать, ибо теперича Божiею милостiю всякое довольство въ хлѣбѣ имѣется и всякая нужда не въ состоянiи, и, что по сему исполненiемъ отъ тебя будетъ, о томъ намъ репортовать, а чтобы въ лѣсъ со стороны никто ногою не бывалъ, накрѣпко симъ подтверждаю. Тебѣ всякаго добра желательный Архим. Авксентiй. Марта 27 дня 1751 года.

(Изъ арх. Бѣлог. Ник. мон.).

№ 7.

Приказъ того же архимандрита Авксентiя и о томъ же.

Села Старицы прикащику, монаху Филарету, приказъ.

Слышно намъ учинилось, что какъ монастырскiе крестьяне, такъ и подданные черкасы по своимъ прихотямъ, не боясь Бога, лѣсныя монастырскiя дачи, сырое съ пня дерево рубаючи, вовсе пустошатъ, съ котораго строятъ клети, коморы, корыта, трубницы, тесъ, гонту, тынъ, колья,

ободья, колеса и прочая,—и не токмо сами своимъ тягломъ, оное все по разнымъ въ селахъ торгамъ и ярмонкамъ возячи, продаютъ на сторону, но и заводятъ съ околичныхъ селъ и деревень обывателей и своихъ свойственниковъ—съ пня сухое и сырое дерево, безъ пощадѣнія рубаючи, по дешевой цѣнѣ продаютъ; а въ томъ лѣсѣ въ прошедшихъ скудныхъ годѣхъ, за неимѣніемъ скоту корму, рубаючи сырое дерево, болѣе лежи надѣлали, нежели на пнѣ стоячаго обрѣтается, и для своего пропитанія за нуждою въ дорожнегѣ (дороговизнѣ?) хлѣба, рубили, какъ хотѣли въ какое дерево, и свободно продавали; а нынѣ,, по милости Божіей, какъ на скотъ, такъ и самимъ для пропитанія всякое имѣется въ хлѣбѣ довольство, и того ради надлежитъ имъ съ другихъ какихъ промысловъ свои нужды наполнять, а лѣсу дать ослабу котораго какъ на обитель святую, такъ и дѣтямъ и внукамъ ихъ для пропитанія было бъ съ чего жить, надобно съ прилежаніемъ щадѣти, и хранити и недопускать въ крайнее разореніе, и тебѣ съ полученія сего призвать всю громаду въ монастырскій дворецъ и вычитать имъ сей нашъ приказъ, дабы впредь кто незнаніемъ не отговаривался, и приказать накрѣпко, чтобы они непремѣнно такимъ образомъ монастырскій лѣсъ на свои нужды употребляли:

1) Какъ конные, такъ и пѣшіе съ сухаго стоячаго дерева рубили бы, а валежнику наипаче, котораго теперича, какъ выше изображено, предовольно въ лѣсѣ имѣется, и съ онаго дѣлали бъ клети, коморы, тесъ, гонту, тынъ, колья, дрова, и, кто за лѣто или зиму выдѣлаетъ клетей, коморъ, трубницъ, и въ какомъ мѣстѣ, притти бы всякому и объявить на монастырскомъ дворѣ, гдѣ должно въ книгу записывать при объявленіи, такожъ тесъ, гонту, тынъ, колья десятками или сотнями или тысящами, своими собственными трудами кто сколько споможется выдѣлать, притти бы на монастырскій дворецъ и записать съ объявленіемъ.

2) И буде кто съ стороннихъ людей приѣдетъ покупать клети или коморы или корыта и прочая, и по какой цѣнѣ договоръ между продавцемъ въ продажѣ учинится, притти бы тогда купцу и продавцу на монастырскій дворецъ и объявить цѣну, и, за что продано будетъ, съ той цѣны десятую копейку взять въ казну для нужныхъ монастырскихъ доходовъ и вложить въ ящикъ, запечатавъ при людяхъ, опасаясь на себѣ какого либо порока.

3) А буде кто съ конныхъ пожелаетъ повезть или на ярмарокъ для продажи клеть или комору, трубницу, комору, корыто, тесъ, гонту, тынъ или колья со объявленіемъ, то взять на дворецъ въ казну десятину деревомъ.

4) А ободья и колеса, яко то скорое дѣло, кто когда сколько выдѣлаетъ оныхъ, и похощетъ съ конныхъ повезти продать по торгамъ и ярмаркамъ, въ то время заѣхать до монастырскаго дворца и объявить на возахъ, и съ тѣхъ взять десятое колесо и десятый ободъ.

5) (Этотъ пунктъ, вслѣдствіе порчи рукописи, неудоборазбираемъ).

6) А на прочія выше показанныя постройки сыраго дерева съ пня рубить отнюдь не допущать и заказывать, кромѣ сухаго и лежачаго дерева, пока всего не употреблять и лѣса не очистять, и то впредь за освидѣтельствованіемъ правдивымъ другое разсмотрѣніе отъ насъ слѣдовать будетъ.

7) Особливо приказуется накрѣпко, чтобы въ лѣсъ стороннихъ людей никого не заводили и не продавали бъ дешевою цѣною ни сухаго, ни сыраго дерева безъ своихъ собственныхъ трудовъ и никогда бы чуждая нога въ монастырскомъ лѣсѣ не бывала—крѣпкое имѣть и неусыпное наблюденіе.

8) А дрова рубить изъ стоячаго и неудобнаго сухаго дерева, а наипаче съ валежника, и коннымъ и пѣшимъ и буде конные по торгамъ возить похотятъ своими лошадьми, сколько кто захочетъ,—продавать съ отдачею въ казну десятой копейки.

9) А буде кто съ конницы пожелаетъ съ пѣшими, въ селѣ или въ лѣсѣ заготовивши дровъ, сколько возможетъ, возовъ зъ сухаго дерева и валежнику продать съ объявленіемъ на монастырскомъ дворцѣ и дать въ казну десятую копейку.

10) А буде кто паче чаянія съ какого либо злаго умышленія, презирая нашъ сей письменный приказъ, не похощетъ трудится и изъ своихъ собственныхъ трудовъ, какъ при заготовленіи свыше показанной пристройки дерева, такъ и при продажѣ онаго не объявитъ на монастырскомъ дворцѣ и учнетъ воровски на сторону продавать тайно, хотя и изъ сухаго или валежнику, дабы не дать въ казну десятой копейки и десятины помянутаго дерева, либо тайно учнетъ заводить съ лѣсъ стороннихъ людей рубить оный и продавать дешевою цѣною, и такихъ преслушниковъ, буде допрямо сыщется кто виновнымъ и поисканъ будетъ, забивъ въ колодки прислать къ намъ въ монастырь для жестокаго тѣлеснаго наказанія подъ карауломъ.

11) А для такого обереженія около монастырскаго лѣса выбрать изъ русскихъ добрыхъ двоихъ человѣкъ и третьяго къ нимъ черкешенина для лучшей вѣрности, и самому тебѣ часто ѣздить округъ лѣса и прилежа наблюдать не было бъ съ нихъ какой потачки за взятки къ прочимъ и отъ самихъ какой тайной на сторону продажи и отнюдь сами бы не заводили и другимъ не попускали бы заводить въ лѣсъ со стороны никого

(Изъ арх. Бѣлог. Ник. мон.)

№ 8.

Бѣлгородскаго Николаевскаго монастыря вотчины села Старицы прикащику Іеромонаху Корнилію инструкція, 1744 г.

1) Быть тебѣ въ оной вотчинѣ селѣ Старицкомъ прикащикомъ и смотрѣть накрѣпко, дабы не было бѣглыхъ солдатъ драгуновъ и бѣглыхъ отъ помѣщиковъ крестьянъ.

2) Судомъ и расправою какъ межъ крестьянъ, такъ и черкесами вѣдать и наряжать на панскую работу по усмотренію дѣла безобидно одному предъ другимъ, непослушныхъ же наказывать: крестьянъ— цѣпью, черкасъ—колодою, за воровство же плетьми, и вину брать на монастырь по принадлежности и весьма наблюдать, чтобъ не было никакого воровства.

3) Въ монастырскихъ дачахъ беречь накрѣпко лѣса, чтобъ были въ цѣлости и опредѣлить для обереженія добросовѣстныхъ людей человѣка съ три —изъ русскихъ и черкасъ, чтобъ всегда лѣса оберегали, и, которые воровски въѣзжаютъ и рубятъ лѣсъ монастырскій, у тѣхъ грабить лошади, волы и прочая и приводить въ монастырскій дворъ безъ понаровки, а въ чужое не вступать и не ссориться.

4) На веснѣ пахать землю по прежнему обыкновенію на хлѣбъ и яровое панщиною, а сѣмена завременно готовить и сѣять, не упуская нималаго времени, тако жь весьма надсматривать, какъ землю пашутъ и какъ сѣютъ, понеже много бываетъ безъ добраго смотрѣнія воровства въ сѣменахъ и земли паханіи, по ихъ мужицкой пословицѣ; „панщину, что напасть отбувать" и смотрѣть, -который хлѣбъ заростетъ, выполонъ-бы былъ.

5) Ленъ, конопли сѣять на землѣ угодной, чтобъ было прядиво и зерно, для того, что прежде, хотя и сѣяно, то мало бывало корысти: всегда служителямъ монастырскимъ покупалось на рубахи полотно и масло конопное въ монастырь, знатно—прикащики больше въ свой кошель, нежели въ монастырь радѣли, а тебѣ-бъ пріумножить того какъ конопель, такъ и льну какъ-бы наибольше для выше-показанной нужды прядива, понеже въ монастырѣ нѣтъ ни скатертей, ни утирицъ, ни мѣшковъ, а наипаче на рыбную ловлю сѣтей и вентирей.

6) Смотрѣть, чтобъ огородъ былъ не пустой и сѣять цыбулю, петрушку, постарнакъ, морковъ, бураки, рѣпу, чернушку, горчицу, огурки, садить капусту, брюкву и прочіе огородные овощи съ довольствіемъ, и во время осеннее убирать огороднику по черкасскому обыкновенію.

7) Хмелевой садъ завесть въ удобномъ мѣстѣ и огородить его тычинами, завремени приготовить удобнымъ, понеже во вся годы не имѣется въ монастырѣ съ довольствіемъ хмѣлю, а который и есть, то бездѣльный.

8) Садовъ близь двора монастырскаго не запущать, но чистить и прибавить дичковъ больше на прищепы, а которые удобные къ щепленію, тые на веснѣ пощепить, а сухое избывать.

9) Шерсть съ овецъ во время снимать и, вымывъ ее, давать прясть бабамъ, а наипаче во дворъ монастырскій сбирать ихъ и давать имъ конопли и ленъ прясть, тожь дѣлать и съ шерстю овечью.

10) Смотрѣть въ стадѣ жеребятъ маленькихъ и примѣчать ихъ въ шерсть и примѣту, и записку для памяти имѣть, бо много воруютъ стадники:

добраго отдастъ за кварту сивухи, а худаго приметъ отъ мужика до стада, и тѣмъ стадо чрезъ многіе годы перевелось какъ лошади, такъ рогатый скотъ и овцы; тое жъ разумѣть о телятахъ и ягнятехъ, и буде явится въ такомъ воровствѣ стадникъ или скотарь, безъ всякаго пощадѣнія наказывать.

11) Отъ коровъ и овецъ сыръ и масло собираемое смотрѣть, чтобъ были чисты, соль въ мѣру класть, и не перетапливать масло, какъ русскіе дѣлають, но по черкасскому обыкновенію и въ судна чистыя класть, на то изобрать искусную черкасскую бабу, и не было бъ воровства, не продавали бъ тайно и не лѣнились бы коровъ и овецъ выдоивать.

12) Пчелу выставлять изъ омшаника, когда время укажетъ и какъ обычно, подчистить, и пересмотрѣть все своими глазами, и худую кормить медомъ приказать, и часто бывать на пасикѣ, когда кормъ дается пчеламъ, не кормится ли пасичникъ самъ тѣмъ медомъ альбо дѣти его, а когда роиться будетъ, всегда сторожу тебѣ репортовать, сколько роевъ за его бытность посажено въ улья, бо и тутъ много воровства есть: много подрѣзуютъ предъ спасовымъ постомъ, сверхъ кружки собравъ, медъ вырѣзуютъ; а буде подстережешъ, безъ пощадѣнія всякаго наказуй.

13) Сѣно во время лѣтнее косить по прежнему панщиною и смотрѣть, чтобъ довольно было на зиму....

14) Когда время придетъ собирать хлѣбъ въ полѣ, со всякимъ прилежаніемъ самому смотрѣть, чтобъ не перестоялъ и сжатъ былъ, и въ копны складывать сохрано, потомъ въ гумно свозить и въ скирды складывать и всемерно тщиться, чтобы отъ мочи сохранить, не пущать вдаль долго стоять въ полѣ, къ лунѣ поправить, также и овины, и беречись огня, смотрѣть за цѣловальниками и старостами, чтобъ молотни вымолачивали изъ снопов и высушенъ ли хорошо хлѣбъ на овинахъ, и который поро͏слый хлѣбъ, особо высушивъ, молотить и на сивуху употреблять, полову послѣдъ въ половникахъ хранить, чтобъ ничего въ потерѣ не было, и когда опытъ дѣлать, что изъ копны у молоту будетъ, то не изъ единой нивы, а изъ разныхъ; бываетъ и на единой нивѣ, да не единаковый хлѣбъ, кольми жъ паче на разныхъ великую разность имѣетъ.

15) (Неудобо-разбираемо.)

16) Винокурню надобно въ великомъ смотрѣніи имѣть, и что до нея падлежитъ, за времени старатися; всегда обыкновеніе такое, что лѣтомъ всѣ три мѣсяца или четыре въ винницѣ не дѣлается, то тогда дровъ наготовить въ лѣсѣ пѣшими людьми, чтобъ было во всю зиму, а зимою, отрядивъ пары двѣ или три воловъ монастырскихъ, возить изъ лѣса готовые, и припасти горѣлки зимней работы куховъ шесть для расходу въ монастырь и для шинку и заказать всѣмъ крестьянамъ, чтобы не брали на сторонѣ негдѣ горѣлки на свадьбу, родины, крестины и поминки, подъ великою виною, ни

тайно, ни явно, но брали бъ на монастырскомъ дворѣ, а поставить имъ цѣну умѣренную, ведро и кварты—праведныя, и вѣдая по пожиткамъ давать на боргъ до учиненнаго числа; старатися, чтобъ винникъ былъ добрый, то и горѣлка будетъ добрая, солодовникъ—вѣдомъ, какъ солодъ дѣлать, добрый; а то только хлѣбъ напрасно теряютъ—ни горѣлки доброй, ни пива добраго не бываетъ за неимуществомъ солодовника добраго.

17) Мельницы какъ въ Огурцовой, такъ и въ Старицѣ въ частомъ надзирательствѣ были-бъ у тебя и смотрѣть надъ мирочниками, чтобъ на мельницѣ колеса, валы и прочая снасть была добрая, плотины часто поправлять и отъ весенней воды зарани крѣпить....

18) При мельницахъ во дворѣ огурцовскомъ куры, гуси, утки, индѣйки, хоть то намъ ихъ и не надобно, но на доровинку господамъ и на банкетъ мірскимъ людямъ въ монастырѣ, такожъ и для гостей честныхъ водить и держать ихъ приказуй и, чтобъ было всякой птицы довольно, приставить къ нимъ изъ черкасскихъ бабъ или дворницѣ вручить для кормленія и добраго досмотру.

19) Перевозъ по прежнему устраивать и приставить цѣловальника и смотрѣть, не было-бъ отъ цѣловальника воровства и, что соберется, помѣсячно записывать въ книгу.

20).... *ники* (край бумаги отъ гнилости отвалился, вѣроятно нужно читать *польсники*, или, можетъ быть, *бобровники*, которые по лѣсу бьютъ порѣчныя куницы и прочій звѣрь)—приказать имъ, чтобъ на сторону кому, Богъ что пошлетъ, не продавали, но объявляли бъ на дворѣ монастырскомъ, и тебѣ покупать цѣною умѣренною для насъ, а которые продадутъ безъ вѣдома на сторону, таковыхъ плетьми наказуй.

21) И не токмо по вышеписаннымъ пунктамъ, но все, что надлежитъ господарскому правленію, не лѣниво и радѣтетьно править: что есть на лицо, того беречи и о прибыткѣ стараться всемѣрно; больше разсуждать о господарствѣ, нежели о лѣности, то во всемъ пособитъ Богъ и единого году обновитися можетъ экономія, за что и отъ насъ награжденіе и похвалу воспріимешъ.

Кивачицкій.

Изъ монастыря 1744 года дня. (Изъ арх. Бѣлгородск. Николаевск.—мон.)

№ 9.

Изъ Курскаго Богородицкаго Знаменскаго монастыря инструкція прикащику, 1770 г.

Ѣхать тебѣ онаго Знаменскаго монастыря въ вотчину, въ деревню Ясенокъ, а пріехавъ, быть прикащикомъ и принять по описи дворъ мона-

стырскій и въ немъ строеніе и всякую посуду, хлѣбъ въ гумнѣ стоячій, въ житницахъ молоченый и помольный, и мельницу, и всякій инструментъ, скотъ и птицу и прочее все, что имѣется, и содержать въ своемъ смотрѣніи добропорядочно птицу, скотъ и всякую монастырскую животину содержать въ цѣлости и въ надлежащей чистотѣ и теплотѣ на довольномъ корму и смотрѣть, чтобы какъ птица, такъ и всякая животина въ обыкновенное свое время была съ плодомъ, а которая птица или животина явится безплодна, ту примѣчать и на расходы монастырскіе, какъ потребуется, отдавать съ запискою, а излишней во время свое, съ вѣдома чьего и когда надлежитъ, кормить и живьемъ или битую, какъ и куда повелятъ, привозить, а убитой птицы перво большее перье, потомъ среднее, а послѣ пухъ особо выбирать и хранить; цѣловальниковъ, гуменныхъ и мельничныхъ и вытчиковъ смотрѣть, чтобы они вѣрно и добропорядочно хлѣбъ монастырскій содержали, безъ твоего вѣдома никогда никому-бъ не давали, замки амбаровъ крѣпкіе содержали-бъ, и для того днемъ и ночью осматривать и освидѣтельствовать, и при выдачѣ съ амбаровъ хлѣба лишняго не давали бъ, ибо они иногда четверти двѣ дадутъ, а одну запишутъ; хлѣбъ монастырскій когда мелютъ, то чтобъ на каждую четверть было примолу по четверику и по больше, когда выйдетъ, и примольный въ книгахъ, данныхъ цѣловальнику, особо записывать, и цѣловальника ревизовать по книгамъ, есть ли записка хлѣбу примольному, а должна быть неотмѣнно и во всемъ по даннымъ имъ инструкціямъ и свыше—по своему добросовѣстному усмотрѣнію исправлялись бы; вытчикамъ, а когда нѣтъ, цѣловальникамъ, хлѣбъ изъ скирда молотильщикамъ давать счетомъ копенъ и сноповъ, и сколько изъ копны зерномъ выходитъ,—пробовать, и отъ нихъ принимать цѣловальникамъ противъ пробы съ запискою, да притомъ смотрѣть, чтобы молотильщики хлѣба въ овинѣ подъ колосниками не оставляли, и зерна межъ охвостья не заметали, и молотельщики на гумно съ лошадьми и мѣшками—ибо ихъ мѣшками монастырскій хлѣбъ похищается—не пріѣзжали-бъ, и охвостья и соломы на сторону никому не давать, развѣ будетъ излишняя, но довольствовать скотину монастырскую, а излишнюю отправлять въ хуторы Ольховатскій и Березовскій, въ которые для скотины, чего потребно, тебѣ доставлять; мужикамъ на гумно чрезъ гуменныя ворота и чрезъ птичій дворъ ходить запретить, а ходить имъ чрезъ настоящій дворъ; сушильниковъ до овиновъ выбрать людей разумныхъ, добрыхъ и исправныхъ за поруками выборныхъ и стариковъ; ежели они что сожгутъ, то имъ выборнымъ и старикамъ заплатить; къ веснѣ хлѣбъ яровой для посѣянія заготовить со излишествомъ и зимою прежъ молотить тотъ хлѣбъ, съ котораго солома скоту на кормъ угоднѣйша, и весною въ поляхъ землю благовременно противъ прежняго побольше вспохать, и семена во время свое сѣять, такъ какъ вытчикамъ данная инструкція гласитъ, съ

которой тебѣ для вѣдома и исполненія какъ о озимомъ, такъ и яровымъ хлѣбѣ имѣть копію; весною огороды унавоживать и вспахивать, и огородные овощи садить довольно и благовременно, и которые требуютъ поливанья, тѣ поливать, сады монастырскіе еще въ мартѣ мѣсяцѣ очищать и весною дички садить, а на давнихъ дичкахъ прививки прививать; хмѣлю, гдѣ нѣтъ, разводить, а гдѣ есть, размножать, какъ надлежитъ; плотину и на ней скрыню, мостокъ, колеса и всю мельницу въ полной и доброй исправности и съ запасомъ матеріаловъ содержать; въ амбарахъ для всякаго особь хлѣба закромы, буде нѣтъ, подѣлать, сверху съ затворами, чтобы затворять и замыкать и печатать; а сверху для всыпанія хлѣба прорѣзать шириною въ вершокъ, а длиною въ двѣ четверти, а около ихъ окладки наискось высокія, чтобы четверикъ хлѣба въ нихъ всыпать, подѣлать; въ прудѣ рыбы ловить никому не давать; пахатная земля буде еще по прежнимъ приказамъ прежними прикащиками не разведена, тебѣ съ стариками развесть, и, что кому прежь и тобою опредѣлено будетъ, въ книгу записать, да притомъ чтобъ на всякую деревню изъ лучшей земли подъ монастырскій хлѣбъ клины на три поля довольные вырѣзать; на рощи, по ихъ крестьянскому избранію, удобныя мѣста на всякую деревню означить и обойти; на траву всякой деревнѣ дачи означить же, и велѣть имъ траву межь собою раздѣлить безпристрастно, чтобъ всякъ былъ доволенъ, а для монастырскихъ нуждъ травы самой лучшей довольное число оставлять и смотрѣть, чтобы они какъ своихъ, такъ и монастырскихъ луговъ скотомъ не выбивали..; сѣно монастырское благовременно и довольно косить и въ скирды класть съ запискою скирдовъ; смотрѣть, чтобъ выборные всегда были исправны и безъ твоего вѣдома ничего не дѣлали, а что сдѣлаютъ иногда въ случай, имъ—бы тебѣ репортовать; наряды и расправы межъ крестьянами тебѣ обще съ ними чинить, а буде они что станутъ лукавить, тебѣ на то не согласовать, и лукавство оное истребить и ихъ наказывать, а наряды и расправы чинить въ самую сущую правду, а не лихоимствовать, чтобъ крестьяне въ нарядахъ одни предъ другими не были обижены; сборщиковъ подушныхъ и рекрутскихъ денегъ и отдачиковъ рекрутскихъ съ стариками счесть, и, ежели явится начотъ, то на нихъ взыскивать; выборнымъ за подводы и подъ другимъ какимъ ни есть видомъ денегъ съ крестянъ не брать, а когда возьмутъ, расходъ необходимый для вотчины чинить съ запискою; выборнымъ кушать по домамъ и по дворамъ; сколько сойдетъ хлѣба, такожъ для корму птицъ и скота, а наипаче свиньямъ, и кому мѣсячное дается, и что въ монастырь или въ другое мѣсто отправлено будетъ, записывать имянно; дворницамъ, буде есть коровы, въ время постовъ сбирать велѣтъ сыръ и масло, и сколько ими будетъ собрано, записывать же; за объѣзчиками смотрѣть, чтобы они рощу сберегали и непустошили сами и протчіи; а когда ихъ несмотрѣніемъ рощу будутъ пустошить, ихъ за то наказывать безъ упущенія и пустошниковъ ловить и штрафовать и въ мо-

настырь репортовать; крестьянъ отъ обидъ защищать и съ проѣзжающими по силѣ указовъ поступать; десятники тебѣ ежедневно репортовали-бы, всѣ ли крестьяне ихъ десятковъ дома, или въ отлучкѣ и почему, и буде безъ вѣдома и безъ билета въ неуказную дальность будутъ отлучаться, то ихъ наказывать съ запискою и безъ вѣдома, чьего надлежитъ, отлучаться запретить; выборнымъ сотеннымъ и десятникамъ приказать и самому наблюдать, чтобъ въ вотчинѣ бѣглыхъ солдатъ, драгунъ, матросовъ и рекрутъ и ничьихъ же бѣглыхъ людей изъ крестянъ и имъ пристанища и подвоза корчемнаго вина и табаку и неуказной соли не было, и они бъ отъ постороннихъ людей никакихъ пожитковъ подъ храненіе ни подъ какимъ видомъ не принимали; лошадей кто купитъ или вымѣняетъ, тобъ записывали въ конной, а кои будутъ держать безъ записи, таковыхъ изслѣдывать и наказывать, и велѣть записывать, и во всякомъ добромъ порядкѣ вотчину содержать тебѣ, и самому тамъ жить въ всемъ добродѣтельно и исправно, за что отъ Бога будешь благословенъ и отъ обители, яко добрый послушникъ, милостиво и почетно будешь награжденъ.—Марта 1 дня 1760 года.

(Изъ арх. Курск. Знам. мон.)

№ 10.

Изъ Курскаго Богородицкаго Знаменскаго монастыря инструкція цѣловальнику, 1761 г.

Села Виногробли крестьянину Ивану Самоваловy.

Ѣхать тебѣ въ село Смородинное и быть тамъ гуменнымъ цѣловальникомъ, и хлѣбъ монастырскій въ гумнѣ стоячій, въ житницахъ молоченый, мѣрою и съ запискою отъ бывшаго цѣловальника принять и содержать въ своемъ смотрѣніи вѣрно и добропорядочно и чинить слѣдующее: 1) когда который скирдъ для молоченія будетъ починяться, то тебѣ перво взять съ одного скирда съ обоихъ концовъ и изъ середины по копнѣ при прикащикѣ, и при выборныхъ обмолотить такъ исправно, чтобы въ соломѣ и въ мякинѣ отнюдь ничего, а въ охвостьѣ излишняго зерна не оставалось, и сколько изъ копны выйдетъ чистаго зерна—записать, а потомъ для молоченія молотильщикамъ счетомъ копенъ и сноповъ изъ скирда выдавать и отъ нихъ хлѣбъ зерномъ принимать противъ пробы и при томъ смотрѣть, чтобы молотильщики хлѣба въ овинѣ подъ колосниками не оставляли и зерна межъ охвостья не заметали, и на гумно съ лошадьми и мѣшками—ибо ихъ мѣшками монастырскій хлѣбъ похищается—не пріѣзжали бы, и для молоченія хлѣба ходили бы въ настоящія гуменныя ворота, и охвостье, и солому и мякину на сторону никому не давали бы, развѣ будетъ излишнее, но довольствовать скотину

монастырскую, и для двора, сколько тамъ сойдетъ хлѣба и въ монастырь отослано будетъ, записывать въ книгу именно. 2) Свиней кормить мякиной..., а птицу охвостьемъ, а излишнимъ и свиней, а зерномъ иногда птицу, наипаче маленькую, а въ недостаткѣ охвостья можно и свиней на убой пареннымъ хлѣбомъ кормить: итакъ хлѣба на птицу и свиней противъ прошедшихъ временъ въ расходѣ должно быть поменьше. 3) Съ прикащикомъ смотрѣть, сколько всякаго хлѣба заготовлено для сѣмянъ, и съ онымъ же справиться, сколько всякаго хлѣба въ прошедшихъ годѣхъ для монастыря сѣяно, и противъ того ежели не столько сѣмянъ заготовлено—въ монастырь репортовать, а сѣмянъ еще больше съ прикащикомъ заготовить, а имянно на каждыя десять мѣрокъ или четвертей одну прибавить, и хлѣбъ, для семянъ заготовленный, особо содержать, осмотрѣть же тебѣ съ прикащикомъ и выборными, сколько подъ овсяный хлѣбъ земли на зиму вспахано, земля хорошая ль, на отложистыхъ ли мѣстахъ, ибо на такой только землѣ, не на оченъ скатистой и крутогорой, а въ сухменное лѣто на ровной долженъ ты съ прикащикомъ, какъ надлежитъ, посѣять трижды: ранiй, среднiй и позднiй, разсуждая между тѣмъ ранняго или поздняго побольше посѣять, а прежде посѣва яроваго и озимаго хлѣба тебѣ обще съ прикащикомъ и выборными и вытчикомъ землю вспаханную въ ширину и въ длину размѣрять на десятины сажнемъ трех—аршиннымъ; итакъ видно будетъ, сколько сѣмянъ на десятину высѣвать надлежитъ, о чемъ можно будетъ и у стороннихъ справиться. 4) Заготовивъ землю исправно, сѣмена при прикащикѣ и вытчикѣ брать мѣрою съ запискою, и на возы съ именною же запискою подводчиковъ, и по расположенiю отъ вытчика и прикащика коимъ быть съ сохами, а коимъ быть съ боронами, а для сѣву были бы люди особые, искусные и добрые, и такъ вмѣстѣ всѣмъ хлѣбъ въ поле вести, и при тѣхъ подводахъ быть прикащику съ старостою впереди, тебѣ цѣловальнику при срединѣ, а вытчику съ кѣмъ ни есть другимъ взади для того, чтобъ подводчики съ хлѣбомъ всѣ вмѣстѣ ѣхали, и на кланъ монастырскiй прiѣхавъ, возы съ хлѣбомъ особо, гдѣ надлежитъ, а сохи, бороны, лошадей и запасъ для лошадей съ осмотромъ, какой у кого есть, особо же поставить, и сѣяльщикамъ отъ тебя цѣловальника принимать хлѣбъ и сѣять добропорядочно, а прикащику и вытчику смотрѣть, чтобъ не было обсѣвковъ, а потомъ, кои съ сохами и боронами, тѣмъ припахивать и заволачивать безъ огрѣховъ, и быть съ ними дотолѣ, пока засѣютъ и запашутъ и боронами заволочатъ довольно, буде же какая нужда во дворѣ монастырскомъ въ случаѣ проѣзжающихъ или иная случится, то съ поля отправиться старостѣ или десятнику, а прикащику и вытчику съ тобою при посѣвѣ быть до всего окончанiя. 5) Понеже ты, цѣловальникъ, по выдачѣ на сѣвъ хлѣба неотступно долженъ быть при возахъ, то, какъ разсѣется хлѣбъ, смотрѣть во всѣхъ возахъ остатнаго или, какъ бываетъ, подъ веретьемъ скрытаго хлѣба, и что

останется перемѣрять и взять обратно въ житню, а у кого и для чего осталось, прикащику и тебѣ изслѣдовать съ запискою, а безъ осмотра подводъ съ поля не отпускать, и такимъ образомъ яровой и озимый хлѣбъ тебѣ съ вытчикомъ и прикащикомъ посѣять; а когда вы еще обстоятельнѣе и исправнѣе въ заготовленiи земли и посѣянiи хлѣба можете исправиться, то позволяется только и предписаннаго наставленiя не оставить, и о своей лучшей исправности увѣдомить, а сколько, когда и какъ, и какого хлѣба и на коликой землѣ будетъ посѣяно, то записать и репортовать; также посѣять маку, коноплей, и льну, и проса на угодныхъ мѣстахъ довольно противъ прошлаго побольше и, буде прикащикъ и выборные благовременно земли вспахать и, что надлежитъ, посѣять сами и по своему предложенiю не старались бы, о томъ тебѣ немедленно въ монастырь, кому надлежитъ, представлять, ибо и на тебѣ упущенiе времени и неисправность посѣва взыщется, и для того тебѣ самому крестьянамъ велѣть пахать и сѣять. 6) Когда жъ созрѣетъ хлѣбъ, то тебѣ предъявить прикащику, выборнымъ и вытчику, чтобъ не перепустили, и благовременно, вѣрно и порядочно сжали, и въ гумно монастырское свезли и въ скирды поставили, при которой поставкѣ чтобъ было исправнѣе, быть тебѣ неотлучно, да смотрѣть, чтобъ въ веретьяхъ зерномъ хлѣба мужики не увозили, и подводъ вмѣстѣ какъ показано въ вытчинской инструкцiи приходили бъ, а не порознь. 7) Въ гумнѣ, когда будетъ хлѣбъ класться въ скирды, то наблюдать и тебѣ, сколько въ которомъ скирду будетъ копенъ, для того, чтобъ тебѣ отъ вытчика по знакамъ было принять достовѣрнѣе. 8) Хлѣбъ, который съ примоломъ бываетъ, отдавать тебѣ въ мельницу для смолотiя съ запискою четвертей, и съ надлежащимъ примоломъ принимать съ запискою-же, и отпускать въ расходъ съ запискою-же настоящаго и примольнаго хлѣба, также и съ мельницы получаемымъ поступать. 9) Житни, когда неисправны исправить, двери и замки въ житнехъ чтобъ были крѣпкiе, и не замкнутыхъ тебѣ никогда не оставлять, и ключей никому не повѣрять, четверикъ для прiему и выдачи былъ бы печатный, и при выдачѣ хлѣба смотрѣть, чтобы кто вмѣсто восьми въ четверть не взялъ больше; гречиху на крупы, а просо на пшено выдавать при прикащикѣ и выборныхъ съ запискою, сколько и кому, также и при нихъ принимать крупу чистую безъ шелухи, а пшено безъ мякины, чтобъ вѣдомо было и имъ, сколько выдано и сколько принято; а кто испортитъ пшено или крупу, съ тѣхъ деньги доправить съ запискою; въ гумнѣ межь скирдами было бы чисто и во всемъ добропорядочно; излишняго хлѣба не молотить; сушильниковъ овиновъ досматривать, чтобъ хорошо и порядочно сушили; а ежели отъ нихъ какое несчастье послѣдуетъ, на тебѣ за недосмотръ взыщется. 9) Пеньки мочить и мять по дворамъ не раздавать, и въ прудахъ не мочить, а мочить за счетомъ сноповъ подлѣ двора монастырскаго, гдѣ способно, ниже пруда, или нарочитыя на то копани подѣлать

и примочки смотрѣть, чтобы были въ воду вынуты и на гумнѣ монастырскомъ высушены и вымяты такъ хорошо, чтобъ годились и на продажу за настоящую пеньку, также и замашки въ воду выбирать и хорошо выдѣлывать, и сколько будетъ пеньки, замашекъ и льну пудовъ и фунтовъ записывать и въ цѣлости содержать, и въ способное время отсылать до казначея при обстоятельномъ репортѣ; осенью въ дни погожіе рожь на ситницы и пшеницу на потребы вымывать, и высушивать, и хранить, и въ монастырь по мѣсячно, смоловъ изрядно, присылать; а пшеницу озимую и яровую, ежели будетъ самая чистая, охранять и безъ резолюціи никуда не употреблять; тебѣ жь завременно справится съ прикащикомъ: имѣются ли огородныя сѣмена, и какія именно и, буде мало, доставать обоимъ, а наипаче прикащику, и довольно въ одно и другое время сѣять, а какъ порастутъ травы, съ нихъ выпалывать и до созрѣнія хранить, а какъ созрѣетъ, выбирать и, какъ пристойно, съ ними поступать; огородъ, буде не унавоженъ, уновозить и нѣсколько разъ перепахать глубоко, гряды дѣлать прямыя, не очень высокія, а широкія въ два аршина, и тако отъ добрыхъ трудовъ добрыхъ плодовъ можно будетъ дожидаться; прочее же знай, яко хозяинъ, какъ бы лучше для святой обители справиться во всемъ, чтобъ тебѣ отъ Бога и обители за труды свои получить благословенье и отъ насъ благодаренье.

Курскаго Знаменскаго монастыря Архимандритъ Гедеонъ. Марта 20 дня, 1761 года.

(Изъ арх. Курск. Знам. мон.)

№ 11.

Изъ Курскаго Богородицкаго Знаменскаго монастыря инструкція прикащику, (безъ даты).

Послушнику Михаилу Путятину ѣхать онаго монастыря въ вотчину деревню хуторъ Гремячій и Новую Слободку, и въ тѣхъ деревняхъ быть прикащикомъ и чинить по нижеслѣдующимъ пунктамъ:

1) По пріѣздѣ твоемъ въ деревнѣ хуторѣ Гремячемъ, въ монастырскомъ дворѣ дворовое и хоромное всякое строеніе, въ житницахъ, и въ закромахъ и въ прочихъ мѣстахъ молоченый и немолоченный, а въ гумнахъ стоячій и всякій хлѣбъ, имѣющихся лошадей и всякій скотъ, и птицы и посуду и прочее монастырское иждивеніе, все, что есть на лицо, описать подлинно порознь, и ту опись за своею рукою прислать во оный монастырь и таковую же опись оставить у себя для всякаго вѣдома; и тѣ житницы, и закрома и прочія мѣста съ хлѣбомъ и со всякимъ монастырскимъ иждивеніемъ имѣть тебѣ въ своемъ твердомъ смотрѣніи за замками и печатьми неотмѣнно и дабы ключи и печати особливо у тебя хранились.

2) Будучи тебѣ въ тѣхъ деревняхъ, по указамъ Ея Императорскаго Величества изъ онаго монастыря по письмамъ надлежащее отправленіе чинить немедленно, безъ упущенія, неотмѣнно, и смотрѣть накрѣпко, чтобы въ тѣхъ деревняхъ бѣглыхъ драгунъ, солдатъ, матросовъ, канонировъ, и ничьихъ дворовыхъ людей, и крестьянъ и никакихъ пришлыхъ отнюдь не было, и никто бъ ихъ не принималъ, и у себѣ не держали подъ страхомъ за то по указамъ штрафованія и истязанія, а ежели такіе бѣглые у кого и появятся, такихъ приводить и съ письменнымъ извѣстіемъ присылать въ оный монастырь немѣдлечно безъ опущенія.

3) Въ оныхъ деревняхъ смотрѣть весьма прилежно накрѣпко, дабы ворамъ и разбойникамъ отнюдь не было пристанница подъ опасеніемъ за-то, какъ указы повелѣваютъ.

4) Оныхъ деревень за выборными старостами и десятцкими и прочими крестьянами въ ихъ крестьянскихъ полевой пашенныхъ и въ прочихъ монастырскихъ надлежащихъ работахъ тебѣ смотрѣть тщательно и накрѣпко понуждать непрестанно, дабы въ томъ нимало упущенія не было, и чтобъ отъ онаго монастырю изъ опредѣленнаго числа пашенной земли десятая въ пашнѣ, посѣвѣ, въ ужинѣ и въ умолотѣ всякаго хлѣба и въ сѣнокосѣ ни малаго жь урона отнюдь не было, и монастырскія лошади, и всякій скотъ и птицы имѣлись бы въ прикрытіи и въ добромъ смотрѣніи и кормомъ въ удовольствованіи, дабы не могли понести ни малѣйшей нужды.

5) При оныхъ деревняхъ, въ монастырскихъ дачахъ имѣющіеся лѣсъ и рощу и пароснинъ тебѣ самому осматривать и приказывать лѣснымъ объѣщикамъ смотрѣть почасту накрѣпко же, чтобы лѣсъ, рощу и пароснинъ не токмо сторонніе люди, но и монастырскіе крестьяне и проѣзжащіе никто не рубили и не пустошили, а въ весенее и лѣтнее время велѣть лѣсъ, рощу и пароснинъ скашивать и опахивать, чтобы отъ пожарнаго случая лѣсу, рощѣ и пароснику не учинилось пожегу.

6) Въ оныхъ деревняхъ, въ удобныхъ мѣстахъ, гдѣ пристойно тебѣ сады садить и пасики заводить, и пчелы, и скотъ, и птицы водить и пріумножать, сколько возможно, отъ чего бы оному монастырю возъимѣлись бы лучшій прибытокъ и польза.

7) Оныхъ деревень выборныхъ старостъ и десятниковъ и прочихъ крестьянъ тебѣ понуждать и смотрѣніе имѣть накрѣпко же, чтобы съ нихъ, крестьянъ, положенные окладные подушные деньги сбираны, и, гдѣ кому надлежитъ, въ платежѣ отдаваны были на указные сроки неотмѣнно, дабы въ томъ сборѣ недоимки ничего отнюдь не было, подъ опасеніемъ за то по указамъ штрафованія.

8) Оныхъ же деревень крестьянъ во всемъ тебѣ вѣдать, и между ними, отъ кого въ чемъ какое прошеніе на кого будетъ, по тому имъ распра-

ву чинить по прежнему монастырскому обыкновенію самою истинною сущею правдою безъ всякой дальнія волокиты; а ежели въ томъ, по твоему усмотрѣнію, кто въ чемъ явится виновенъ и за то долженъ будетъ наказанія, такихъ виновныхъ при собраніи выборныхъ и прочихъ крестьянъ наказывать по разсмотрѣнію вины за запискою; а ежели кто станетъ виниться въ важныхъ винахъ т. е. въ какомъ знатномъ воровствѣ, которыя надлежатъ для отсылки въ гражданскій судъ, и такихъ съ письменнымъ подлиннымъ извѣстіемъ присылать въ Курскій монастырь немедленно.

9) Въ оной деревнѣ, въ монастырскомъ дворѣ будучи, тебѣ тщательно смотрѣть всякія строенія, дабы было въ пристроеніи и крышкѣ, и обветшалое поправлено новымъ, а на поправку о древѣ позволенія требовать онаго монастыря отъ начальствующаго съ братіею, а самоволія въ посѣкѣ дерева не употреблять, и крестьянамъ безъ вѣдома онаго монастыря начальствующаго отнюдь не давать.

10) Въ монастырскихъ гумнахъ стоячаго, а въ житницахъ молоченнаго и прочаго монастырскаго иждивенія тебѣ самому весьма тщательно, на крѣпко смотрѣть, дабы было въ охраніи и напрасно траты ни отъ кого отнюдь не происходило.

11) Въ оныхъ деревняхъ: въ которыхъ гдѣ пашенной земли сколько десятинъ вспаханой и на той вспаханой землѣ озимаго и яроваго какого хлѣба сколько четвертей посѣяно, и во время жатвы сколько копенъ въ ужинѣ, и сколько четвертей въ умолотѣ, и монастырскаго сѣна сколько копенъ накошено и въ сколькихъ скирдахъ поставлено будетъ, то все подлинно и достовѣрно записывать въ книгу повсягодно, именно безъ всякія утайки и о томъ о всемъ обстоятельныя и аккуратныя вѣдомости повсягодно жь присылать въ оный монастырь неотмѣнно.

12) Въ оныхъ деревняхъ весьма жь тебѣ самому смотрѣть тщательно жь, дабы старосты и десятники своимъ плутовствомъ для своего пьянства и за взятками одинокихъ крестьянъ съ подводами въ монастырскія работы отнюдь не посылали бъ, дабы имъ между другими крестьянами обидъ, и отяготѣнія не было, и отъ того не привести ихъ во всеконечное разореніе и скудость, а посылали бы въ каждыя монастырскія работы и въ дальнія и въ ближайшія и прочія посылки съ подводами семьянитыхъ крестьянъ поочередно непремѣнно.

13) Въ оныхъ деревняхъ, будучи тебѣ въ послушаніи, поступать порядочно и житіе имѣть тебѣ трезвенно и благочинно и по сей инструкціи отправленіе чинить добросовѣстно и крестьянамъ обидъ и разореній не чинить, и вина нигдѣ изъ монастырскаго хлѣба не варить, и на монастырскій хлѣбъ не смѣнять, и монастырскаго хлѣба напрасно брать отъ онаго монастыря безъ позволенія не дерзать, подъ опасеніемъ за то, по монастырскому

обыкновенію, истязанія; а ежели тебѣ случится въ чемъ необходимая какая монастырская нужда, что надлежитъ купить, изъ монастырскаго хлѣба, то хотя что издержишъ, въ расходъ записывать имянно.

14) Въ прочемъ во всемъ, въ чемъ надлежитъ, тебѣ надлежащее отправленіе чинить добросовѣстно съ усердіемъ, яко же доброму и вѣрному человѣку благопристойно есть, усматривая къ лучшему монастырскому прибытку безъ всякаго опущенія: вь чемъ надлежитъ дать отвѣтъ какъ предъ Богомъ, такъ и предъ судомъ Божіимъ, и сію инструкцію при собраніи тѣхъ деревень монастырскихъ крестьянъ и выборныхъ обявить съ прочетомъ, дабы о томъ они, крестьяне, всѣ вѣдали и были тебѣ во всемъ послушны.

(Изъ арх. Курск. Знам. мон.)

№ 12.

От архимандрита Курскаго Богородицкаго Знаменскаго монастыря Геннадія Лпиновской Пустыни Строителю инструкція, (безъ даты).

Получа сіе, поручить тебѣ въ Лпиновской Троицкой пустыни іеромонаху Митрофану экономическую должность слѣдующимъ образомъ:

1) Имѣющихся тамъ монастырскихъ крестьянъ, сколько ихъ числомъ и сколькихъ лѣтъ и какого состоянія, то-есть имущественныхъ и неимущественныхъ и изъ нихъ майстеровыхъ и не майстеровыхъ людей, пѣшихъ и конныхъ, и по разсмотрѣнію ихъ состоянія въ монастырскую работу велѣть употреблять добропорядочно, и оные крестьяне безъ вашего вѣдома вдаль никуда не отлучались бы, а на благословную отлучку давать имъ билетъ со означеніемъ въ домъ возвращенію сроку, и приказать имъ бѣглыхъ солдатъ, драгунъ, матросовъ и рекрутъ, воровъ и разбойниковъ и имъ подобныхъ и ни чьихъ бѣглыхъ же людей и крестьянъ безпашпортныхъ и ихъ пожитковъ къ себѣ не принимать и не держать, а буде явятся, ловить и, куда надлежитъ, представлять; наблюдать, чтобъ они въ праздности не жили, но трудомъ и майстерствомъ своимъ хлѣбъ и прочія надобности сыскивали.

2) Объѣхать тебѣ и осмотрѣть самому съ экономомъ всѣ монастырскіе грунта и дачи по выписи и по урочищамъ и показать монастырскіе грунта съ тѣмъ внушеніемъ, чтобы онъ монастырскихъ грунтовъ ни на пядень не уступалъ, такожь и чужаго не трогалъ.

3) Смотрѣть, чтобы онъ, экономъ, и при немъ имѣющіеся объѣзчики монастырскіе лѣса и рощи денно и нощно объѣздили и какъ чужихъ, такъ и своихъ крестьянъ къ порубкѣ ростущаго сыраго лѣса не допущали, а кои тайно или явно по упрамству станутъ рубить, тѣхъ ловить и въ пустынь приводить и, по разсмотрѣнію, своихъ штрафовать, а чужихъ, куда и какъ

надлежить, представлять, чтобы они ни подъ какимъ видомъ, ни за какимъ лѣсомъ въ дачи монастырскія не въѣздили; для топленія келлій, поварни, хлѣбни, масленой избы, солодовни и бани, дрова собирать въ рощи и въ лѣсу порубленныя, валежныя, а буде тѣхъ недостало бъ, то стоячія съ пня сухія рубить и довольствоваться; на сторону лѣсу ни сыраго, ни сухаго никому ни подъ какимъ видомъ не давать, смотрѣть же за крестьянами монастырскими, чтобы они лѣсу монастырскаго сами не вывозили и постороннихъ для порубки лѣсу тайно не вводили, а буде такія явятся, своихъ нещадно по достоинству винъ наказывать, а съ посторонними, яко съ ворами, поступать; крестьянъ рощу вырубливать и распахивать не допущать и всячески защищать и въ цѣлости для нужныхъ случаевъ соблюдать.

4) Справиться вамъ купно съ экономомъ, сколько за онымъ монастыремъ пахотной земли, и по препорціи крестянамъ подъ озимый и яровой хлѣбъ распредѣлить, а для монастыря земли оставить, чтобъ ежегодно посѣять овса 12 четвертей, ячменя 5 четвертей, конопли 3 четверти; понеже жь не безъизвѣстно, что при ономъ монастырѣ земли монастырской мало, то на коштъ монастырскій крестьянамъ во удовольствіе у помѣщиковъ, по способности, какъ надлежитъ и нанять, только смотрѣть, чтобы крестьяне нанятую землю вспахивать и хлѣбомъ засѣвать не лѣнились, ибо они, какъ то уже многократно дознано, и малой монастырской земли для себя вспахать и засѣять хлѣбомъ лѣнятся, и для того ихъ во время угодное къ земледѣлію понуждать, и сколько кто вспашетъ и засѣетъ осматривать, и кто мало—наказывать, и стараться, чтобъ земля впустѣ за ними не осталась.

5) Мѣста сѣнокосу угодныя, которыя нечисты, велѣть вычистить, и всѣ луга сѣнокосныя съ весны до сѣнокосу охранять, чтобъ посторонніе и наши люди скотомъ не выбивали и въ способное время, сколько надобно, травы на сѣно для монастыря выкашивать, да и крестьянамъ, сколько надобно, оставлять же, чтобы монастырь и крестьяне сѣномъ довольны были и монастырское сѣно въ осеннее способное время съ луговъ въ монастырь перевозить, а зиму на лугахъ для расхищенія не оставлять.

6) Мельницы смотрѣть и содержать такъ, чтобы онѣ всегда въ надлежащей дѣйствительной исправности состояли, мельники при нихъ всегда были бъ безъотлучны, искусны и радѣтельны, снасть въ мельницахъ всегда бъ была исправная и для всякихъ надобностей всякихъ мастеровъ было бъ въ запасѣ довольно, закромы и всякая посуда были бы крѣпкія съ затворами и съ замками надежными и за печатьми твоею и экономскою; а какъ наполнятся, то цѣловальнику при тебѣ или при другомъ монахѣ отпечатать и отомкнуть и надлежащую часть по размѣру взять въ монастырь и мельнику надлежащую часть отдать же съ запискою, сколько съ которой мельницы и котораго мѣсяца и числа, и по которое число въ приходѣ стало быть хлѣба;

плотину всегда упруживать крѣпко и завремененно, а наипаче противъ зимы; на протокѣ близь Семи, гдѣ теперь два анбара, скрыню вновь крѣпкую сдѣлать и при ней одинъ мельничный анбаръ на два камня и третью толчею, и для того зимою брусья и прочія надобности въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ закупивъ вывезть, а другаго меньшаго анбара для цѣловальника, гдѣ, можетъ быть, и монахъ избу устроитъ, чтобы съ мельникомъ вмѣстѣ не жили и не согласовали.

7) Справиться, сколько въ дачахъ монастырскихъ по берегу рѣки Семи тоней и сколько озеръ съ рыбою и когда и коимъ образомъ рыбу въ нихъ ловить можно, и по такой справкѣ стараться неводомъ или иною какою посудою рыби неупустительно ловить и братію довольствовать, въ чемъ не токмо крестьяне, но и братія, которые могутъ, должны пособлять; а когда рыбы довольно уловится, и въ Курскій монастырь присылать; буде жь озера заросли, или лѣсомъ завалены, стараться вычистить; посторонихъ въ дачахъ монастырскихъ рыбу ловить не допускать.

8) Въ пасѣкѣ справиться, сколько ульевъ съ пчелою и сколько порожнихъ ульевъ, и буде противу пчелъ порожнихъ мало, то зимою къ лѣту побольше призапасить и пчелу расплодить; пасичникъ пожене старъ уже и немощенъ, то придать ему въ помощь изъ тамошнихъ крестьянъ, а буде тамъ такого не сыщется, то требовать отъ монастыря съ вотчины.

9) Солоды ржаные и ячменные для монастыря и пустыни дѣлать безпрестанно хорошіе, рослые и добродушные, и для того смотрѣть, чтобы солодовникъ Иванъ Зубковъ съ пустыни не отлучался и въ солодовнѣ всегда ночевалъ, и въ водѣ и на землѣ не перекващивалъ, и часто на рукахъ, когда надобно, подымалъ, и умѣренно ростилъ, и на овинѣ не пережигалъ, но легкимъ духомъ высушивалъ, и на четыре четверти хлѣба съ приростомъ солоду пять четвертей давалъ съ запискою, онъ сколько принялъ хлѣбомъ и отдалъ солодомъ, а вы, сколько хлѣба выдали, сколько солоду приняли, и къ среднимъ числамъ будущаго февраля для монастыря и пустыни солоду было бы сдѣлано довольно, ибо съ оныхъ чиселъ и въ монастырѣ и въ пустыни до полой воды вина варить надобно.

10) Понеже со всей вотчины конопля собирается и во оной пустыни на масло перебивается, а вамъ однимъ объ ономъ конопли на маслоперебитіи вѣдать иногда, за другими дѣлами, можетъ быть недосужно, то вамъ четвертей пять или шесть при себѣ велѣть высушить и перемолоть и на масло выбить и примѣтить, сколько съ четверти масла выбивается, и потому съ прочихъ всѣхъ четвертей масляники масла выбивали бъ и выдавали, а бочки всѣ прежь вымѣрять водою и означить печатью или другими признаками съ запискою, сколько въ которой будетъ государевыхъ ведеръ, и въ тѣ бочки масло собравъ, въ монастырь присылать при письмѣ, сколько ведеръ масла пошлется,

а въ пустыни тожь мѣрою для братіи выдавать съ запискою безъ излишества.

11) Прежде масляными жмыхами кармливалось на убой на сало свиней по тридцати, что и теперъ надобно не упустить; буде жь тамъ столько свиней для корму на сало не имѣется, то требовать отъ монастыря съ вотчинъ, ибо лутче жмыхою свиней на сало у васъ укормить, нежели въ вотчинѣ хлѣбомъ, что иногда свинья больше хлѣба съѣсть, нежели стоитъ; свиней молодыхъ большихъ, а наипаче бѣлыхъ, не бить, и поросятъ, бываемыхъ отъ нихъ, для расплода хранить и кормить, а престарѣлыхъ и негодныхъ къ плоду кормить и на сало бить, также и поросенки, кои негодные, работникамъ, когда нужда въ харчахъ, велѣть бить безъ излишества; а лѣтомъ свиней на день гонять въ лугъ за пастухомъ, а на ночь паки пригонять во дворъ; для чего ихъ по малу и прикармливать и за счетомъ содержать, а сколько когда свиней прибудетъ или убудетъ, записывать. Матокъ съ поросенками особливо, а холостыхъ особливо-жъ въ теплыхъ сараяхъ содержать, такожь и съ прочою животиною и птицею поступать, чтобъ прибыль съ нихъ, а не убыль послѣдовала, съ дойныхъ коровъ дойво собирать и всегда въ монастырѣ сыръ и масло содержать и для того братіи и послушникамъ молоко временно и умѣренно на пищу употреблять.

12) Пеньку велѣть мочить исправно и начисто выминать, и которая годится на верёвки, ту на веревки, а которая на холсты, ту на холсты, а которая на неводы, сѣти, бредни, вентери,—ту на то и употреблять.

13) Съ овецъ шерсть на сукна, а кожи на овчины, а съ рогатой скотины кожи для послушниковъ на коты и на прочее отправлять и въ палату отдавать съ запискою.

14) Для содержанія лошадей особливаго человѣка опредѣлить, чтобъ лошадей содержалъ на довольномъ корму и въ чистотѣ и въ теплотѣ и поѣздъ вамъ, когда куда надобно, по приличаю имѣть.

15) Въ пасикѣ и около овина садъ заводить изъ разныхъ овощныхъ деревъ, огородъ на земляные овощи распространять, вычищать и унаваживать и крѣпко огородить, чтобъ отъ скотины и отъ хищниковъ овощи въ цѣлости могли сохранятся, а сѣять въ свое время всякую огородину, то-есть —петрушку, пастернакъ, морковь, бураки, рѣдьку, росаду, рѣпу, огурцы, арбузы, лукъ, чеснокъ, капусту и прочее, и буде какихъ сѣмянъ нѣтъ, завременно доставать, а всякой овощи въ монастырѣ чтобъ было довольно лѣтомъ и зимою въ погребахъ, и впредь на всякую овощь сѣмена довольно имѣть; прочее, что на пользу святой обители и вамъ надобно, сами вѣдайте и промышляйте и имѣть неупустительно старайтесь, и тако при Божіемъ благословеніи отъ своихъ трудовъ во всякомъ обиліи пребудете; всѣ жь эти послушанія подъ твоимъ строительскимъ вѣдомомъ и присмотромъ экономъ долженъ исправлять и для того вамъ, строителю, эконома ежечасно наблюдать.

что ему должно исправити, а когда что недоумѣніемъ или какимъ случаемъ экономъ упуститъ, вамъ не упустить, исправить, и тако оба за свои труды отъ Бога примете благословеніе, а за неисправность истязаніе, чего не желаю, а для содержанія монастыря и братіи и для строенія обители особый дался вамъ меморіалъ, сей же меморіалъ всей братіи прочитать вслухъ, а эконому, іеромонаху Митрофану, дать копію для вѣдома и исполненія, въ чемъ взять съ него подписку.

(Изъ арх. Курск. Знам. мон.)

№ 13.

Посылка изъ архіерейскаго дома въ Курскій Знаменскій монастырь воловьихъ кожъ для выдѣлки юхтъ, 1722 г.

Въ 1722 г. по указу Преосвященнаго Епифанія послано архимандриту Курскаго Знаменскаго монастыря Михаилу съ домовымъ подьячимъ 8 воловьихъ шкуръ для отдачи ихъ въ дѣло, чтобы сдѣлали ихъ на черное немедленно, какъ наискорѣе; а какъ сдѣланы будутъ, велѣно прислать въ Бѣлгородъ, а съ кѣмъ посланы будутъ, о томъ писать, а отписку велѣть подать и про шкуры объявить въ Канцеляріи вотчинныхъ дѣлъ господину эконому Никифору Гукову.

(Изъ арх. Курск. Знаменск. мон.).

№ 14.

Договоръ Бѣлогородскаго жителя Василія Дубинина съ Бѣлогородскимъ Николаевскимъ монастыремъ объ отдачѣ ему, Василію, монастырскаго человѣка для юхтовой работы въ годъ, 1757 г.

1757 г. Февраля 15 дня города Бѣлгорода житель Василій Дубининъ далъ сіе договорное письмо Бѣлгородскаго Николаевскаго монастыря отцу архимандриту съ братіею въ томъ, что отдали они мнѣ человѣка ихъ монастырскаго для шкуровой юхтовой работы въ годъ, и быть ему, Акиншину, для той работы у меня сего же 757 года предбудущаго Декабря по шестое число, и за ту его, Акиншина, годовую работу долженъ я, Василій, уплатить оному отцу архимандриту съ братіею денегъ четыря рубля, а уплатить оныя деньги имѣю въ предбудущемъ апрѣлѣ сего жь года всѣ сполна, да сверхъ тѣхъ денегъ выдѣлать въ монастырь десять кожъ юхты изъ монастырскихъ же кожъ, и донелѣ же оный Акиншинъ у меня для той работы будетъ, одежду и обувь носить все мое, кромѣ однихъ рубашекъ, а по выбытіи указнаго годоваго термина, при отходѣ его, Акиншина, я, Василій, долженъ дать ему шубу, свиту, поясъ, шапку, рукавицы и сапоги.

(Изъ арх. Бѣлгор. Никол. мон.).

№ 15.

Письмо Сѣвскаго архимандрита Пафнутія къ Курскому архимандриту Михаилу съ просьбою приказать монастырскимъ мастерамъ сдѣлать коляску 1721 г.

Высоце въ Богу Превелебнѣйшій Господинъ Архимандритъ Михаилъ, въ дусѣ святомъ братѣ и благодѣтелю мой милостивѣйшій!

На тріипостаснемъ престолѣ почиваяй Богъ вашу превелебность на семъ земномъ горизонтѣ да утвердитъ во всякомъ дѣлѣ блазѣ, и всякія душевныя, вкупѣ же и тѣлесныя да преподастъ силы, а по прежитіи лѣтъ многихъ царствія небеснаго да сподобитъ, того яко многоцѣннаго дара получити вашей святыни всеусердно желаю....

Прошу вашу пречестность по своей милости приказать своимъ казеннымъ мастерамъ Федоту Ковалеву, да Ивану Палагину сдѣлать мнѣ коляску по образцу, что у вашей превелебности была выбита въ срединѣ сукномъ лазоревымъ, а верхъ по каретному сдѣланъ, въ которой ѣзживалъ Александръ (предшественникъ Михаила), а за труды ихъ сугубую плату передъ другими заплатить готовъ, токмо прошу вашей превелебности, чтобъ оное было сдѣлано, понеже у насъ такихъ мастеровъ нѣтъ. Мая 26, 1721 г. Пафнутій, архимандритъ Спасскаго Сѣвскаго монастыря.

(Изъ арх. Курск. Знаменск. мон.).

№ 16.

Письмо Преосвѣщеннаго Епифанія къ архимандриту Курскаго Знаменскаго монастыря Михаилу о высылкѣ изъ монастырскихъ вотчинъ добрыхъ кирпичныхъ мастеровъ и отвѣтъ архимандрита, 1728 г.

Пречестнѣйшій Господинъ Отецъ Михаилъ, Курскаго богородицкаго монастыря архимандритъ, намъ въ дусѣ святѣ любезнѣйшій сынъ и особливый благодѣтель!

Освѣдомился я, что въ вашихъ монастырскихъ вотчинахъ изъ крестьянъ имѣются добрые кирпичные мастеры, и изъ оныхъ нѣкоторые подрядились дѣлать кирпичъ на курскую соборную церковь. А намъ такожде имѣется великая нужда въ кирпичу. Того ради за принятіемъ сего писанія прошу вашей честности, такихъ кирпичныхъ мастеровъ приговоря на сто тысячь сдѣлать и выжечь по той же цѣнѣ, какъ у соборянъ курскихъ, прислать къ намъ въ Бѣлгородъ не замедля, которымъ деньги и запасъ будетъ отъ насъ заплаченъ, чего отъ васъ ожидая, есмь,

Вашей пречестности присно усердствующій

желатель, слуга, брать и богомолецъ смиренный Епифаній Епископъ бѣлгородскій и обоянскій (послѣднія слова написаны собственною рукою Епифанія)

Марта 26 1728 г.

Отвѣтъ:

Великому господину, преосвященнѣйшему Епифанію, Епископу бѣлградскому и обоянскому, моему премилостивѣйшему государю, батюшки и превысочайшему патрону:

Всепокорственно за твое государя моего архипастырское благословеніе и за милостивое писаніе благодарствую; а что государь изволилъ упомянуть о подговорѣ изъ монастырскихъ крестьянъ на дѣло и на жженіе кирпича на сто тысящъ и о присылкѣ, не замедля, мастеровъ въ Бѣлгородъ, то оные мастера намъ объявили, что до праздника Свѣтлаго Христова воскресенія кирпичъ дѣлать невозможно и холодно, и оныхъ мастеровъ изъ вотчины монастырской къ вашему преосвященству мы послали подрядчика Тараса, Игнатьева сына, Мошошина, при немъ девять человѣкъ. Да послали мы недостойные вашему преосвященству барильцо волоскаго; благоволи, государь, принять и во здравіе кушать.

(Изъ арх. Курск. Знам. мон.)

№ 17.

Строеніе каменнаго консисторскаго зданія мастеровыми Курскаго Знаменскаго монастыря.

Іюня 30 дня 1757 г. Консисторія, разсуждая о заложеніи и построеніи новаго каменнаго консисторскаго зданія, постановила: понеже оное строеніе потребно для пользы и нуждъ всей епархіи, того ради бѣлгородской епархіи въ монастыри и соборы, за которыми имѣются вотчины, послать указъ и велѣть техъ монастырей настоятелямъ прислать каменьщиковъ и работныхъ людей къ строенію объявленнаго зданія, и чтобъ всѣхъ работныхъ людей было сорокъ человѣкъ, о томъ росписаніе учинить въ Консисторіи съ числа душъ; а по учиненному росписанію оному Курскому монастырю надлежитъ къ прежде посланнымъ изъ того манастыря работникамъ десяти человѣкамъ прислать еще въ добавокъ каменщиковъ тринадцать, да простыхъ для работы двухъ, итого — пятнадцать человѣкъ, и для скорѣйшей высылки оныхъ послать нарочитаго, и посланъ отставной солдатъ Семенъ. Сент. 15, 1757 г. Консисторія требовала для покрытія новой Консистріи на мѣсто имѣющихся здѣсь каменьщиковъ самыхъ лучшихъ плотниковъ съ ихъ инструментомъ въ самой скорости 15 человѣкъ, а когда плотники присланы будутъ, то имѣющіеся здѣсь каменьщики отпущены будутъ въ ихъ домы.

На посланный изъ Консисторіи указъ о присылкѣ Знаменскимъ монастыремъ, для строенія новой Консисторіи, къ прежде присланнымъ десяти человѣкамъ работниковъ еще пятнадцати, Архимандритъ Гедеонъ репортомъ доносилъ, что кромѣ десяти человѣкъ, отъ онаго монастыря имѣются работники въ вотчинѣ Его Преосвященства, слободѣ Грайворонѣ, десять человѣкъ, итого—20 человѣкъ и къ тому числу въ дополненіе пять человѣкъ присланы при томъ доношеніи.

А понеже онаго Курскаго монастыря въ вотчинахъ отъ бездождія и суши не токмо озимый и яровой хлѣбъ, но и трава крайне не уродились, и крестьяне, чтобъ себя и домашнихъ пропитать и скотъ не уморить, хлѣба и травы на нынѣшнюю пору должны доставать, да и деньги подушныя вырабатывать,—то монастырь и просилъ Консисторію довольствоваться высланными пятью работниками.

По справкѣ въ Консисторіи, высланные въ вотчину Его Преосвященства, слободу Грайвороны, десять работниковъ отпущены въ домы, а нынѣ ко устроенію новой Консисторіи отъ онаго монастыря имѣется каменьщиковъ точію семь человѣкъ, а восемь человѣкъ плотниковъ изъ Бѣлгорода бѣжали сего Іюля 22 дня.

На основаніи этой справки, Консисторія указомъ отъ 29 Іюля 1757 года, по резолюціи Его Преосвященства, повелѣла: „для вышеписанной надобности съ вотчинъ Знаменскаго монастыря по расчисленію съ числа мужеска пола душъ выслать въ Бѣлгородъ каменьщиковъ пятнадцать, а плотниковъ десять человѣкъ въ самой скорости безъ всякихъ отговорокъ конечно чрезъ три дня, подъ опасеніемъ за неисполненіе неупущаемаго штрафа, токмо бы таковые работники имѣли одѣянія и обувь крѣпкую свои собственныя, а харчь имъ будетъ производится покупкою отъ Консисторіи, а имѣющіеся нынѣ при Консисторіи каменьщики семь человѣкъ, по присылкѣ оныхъ, безъ всякаго удержанія отпущены будутъ въ домы.

Указомъ отъ 14 марта 1758 г. за № 610 Консисторія, по силѣ опредѣленія покойнаго Преосвященнаго Луки, предписывала для покрытія вновь построенной каменной Консисторіи выслать въ Бѣлгородъ въ домъ архіерейскій съ вотчинъ Курскаго монастыря изъ крестьянъ самихъ лучшихъ плотниковъ десять человѣкъ съ ихъ инструментомъ въ самой скорости,—и для высылки оныхъ плотниковъ посланъ по инструкціи нарочный, отставной драгунъ Осипъ Ушаковъ.

Въ указѣ Консисторіи отъ 18 Апрѣля 1758 года за № 1008 на имя Архимандрита Гедеона было изображено:„ по опредѣленію покойнаго Преосвященнаго Луки велѣно для строющейся новой Консисторіи работныхъ людей требовать съ числа крестьянскихъ душъ, и съ онаго монастыря, по тому росписанію, крестьянскихъ кромѣ каменьщиковъ работныхъ людей взя-

то было пятнадцать человѣкъ. А нынѣ по посланному къ вамъ, Архимандриту, указу, хотя велѣно выслать въ Бѣлгородъ къ покрытію оной Консисторіи самыхъ лучшихъ десять человѣкъ, точію отъ васъ, Архимандрита, высланы плотники весьма неумѣющіе и съ одними топорами, къ тому же такимъ малымъ числомъ плотниковъ въ скорости исправиться невозможно, и затѣмъ въ покрытіи Консисторіи крайняя учинилась остановка; того ради вамъ, архимандриту Гедеону, по полученіи сего указа, по силѣ онаго покойнаго преосвященнаго Луки опредѣленія, для покрытія Консисторіи выслать самыхъ лучшихъ плотниковъ пятнадцать человѣкъ, конечно сего Апрѣля къ 27 числу неотмѣнно.“

На этотъ указъ Архимандритъ репортомъ изъяснялъ, что въ прошедшемъ 1757 году Курскаго Знаменскаго монастыря крестьяне Консисторію и каменемъ строили, и для прикрытія оной плотниковъ пятнадцать, а въ нынешнемъ 758 году десять человѣкъ немалое время въ работѣ находились; а нынѣ за недородомъ въ нынѣшнемъ году хлѣба и для скота корму, крестьяне пришли въ крайнюю скудость, такъ что и подушныхъ денегъ платить не въ состояніи, и для зарабатыванія подушныхъ денегъ крестьяне, которые топоромъ могутъ дѣйствовать, разошлись къ постороннимъ людямъ, и требуемыхъ плотниковъ послать не можно.“

Отвѣтомъ на этотъ репортъ былъ внушительный отъ Консисторіи указъ, отъ Мая 6 дня 1758 г. за № 1112, которымъ предписывалось Архимандриту пятнадцать человѣкъ онаго монастыря вотчинныхъ крестьянъ самыхъ лутчихъ плотниковъ, не принося впредь никакихъ отговорокъ, выслать въ Консисторію въ немедленномъ времени съ топорами, буравцами, скобелями, долотами, шнурами и генблеми, по полученіи указа чрезъ три дня, понеже одолжа учинилось великое оной Консисторіи повреждение, а означенное число плотниковъ Консисторія требуетъ не собою, но по силѣ опредѣленія покойнаго Преосвященнаго Луки; а присланные отъ васъ, архимандрита, плотники отпущены были на страстной недѣли въ пятницу для наступающаго праздника свѣтлыя недѣли и для взятія плотницкихъ инструментовъ, понеже отъ васъ, архимандрита, высланы были съ одними топорами. Ежели жь требуемое числю пятнадцать человѣкъ въ скорости прислано не будетъ, то на собственный вашъ коштъ нанято будетъ изъ свободныхъ работныхъ людей оное жь число пятнадцать человѣкъ, и по уговорной цѣнѣ деньги взысконы будутъ съ васъ, архимандрита; также—буде болѣе того поврежденіе каменному строенію учинится, починки онаго взысканы будутъ изъ собственныхъ вашихъ келейныхъ денегъ безъ всякаго упущенія, и о таковомъ непослушаніи Консисторія принуждена на васъ, архимандрита, донести въ пріѣздъ будущему на бѣлгородскій престолъ преосвященному.

Указомъ ново—прибывшаго Преосвященнаго Іоасафа, отъ 21 Мая 1759 года за № 1857, вслѣдствіе сдѣланнаго представленія отъ Консисторіи, определено:„ для достроенія ново—построенной Консисторіи изъ вотчинъ Знаменскаго монастыря взять каменьщиковъ четыре, плотниковъ десять человѣкъ того ради вамъ, архимандриту Гедеону, объявленное число каменьщиковъ и плотниковъ самыхъ лучшихъ мастеровъ съ ихъ инструментомъ выслать въ Бѣлгородъ въ самой скорости, для чего посланъ нарочный по инструкціи сынъ боярскій Афанасій (фамилія неудоборазбираема).

Не видно, заявлялось ли этимъ указомъ новое требованіе, или повторялось прежнее (съ пониженіемъ требуемаго числа на единицу), остававшееся, до пріѣзда архіерея, безъ исполненія; но только архимандритъ теперь не спѣшилъ чинить исполненіе и по этому указу. Доношеніемъ на имя Преосвященнаго Іосафа отъ 14 Іюня 1759 года онъ изъ-яснялъ:„ по силѣ присланнаго Ея И. В. изъ Консисторіи Вашего преосвященства въ Курскій Знаменскій монастырь указа велѣно для достроенія новопостроенной Консисторіи изъ онаго Курскаго монастыря выслать крестьянъ каменьщиковъ четырехъ, плотниковъ десять, итого—четырнадцать человѣкъ, а понеже въ Курскомъ Знаменскомъ монастырѣ келліи и ограду монастырскую надлежитъ возобновить и прибавить, также и въ Коренной пустыни теплую каменную, а въ Липенской деревянную и на ней другую церкви сдѣлать и прочія необходимыя монастырскія надобности устроить и для таковаго строенія не токмо монастырскими крестьянами обойтись неможно, но еще за неимѣніемъ таковыхъ мастеровыхъ людей и нанимать надлежитъ,—ради таковыхъ монастырскихъ строеній отъ Курскаго Знаменскаго монастыря для достроенія новой Консисторіи каменьщиковъ и плотниковъ не требовать Вашего преосвященство покорно прошу.“ На этомъ доношеніи, или прошеніи, резолюція преосвященнаго отъ 15 того же Іюня положено таковая: „понеже—общее, не собственное дѣло, того ради половину оставить, а половину послать.

№ 18.

Требованіе въ Бѣлгородскій архіерейскій домъ изъ Курскаго Знаменскаго монастыря иконописцевъ, 1755 г.

Указомъ отъ 10 Авг. 1755 велено Курскаго монастыря монаха, Соломона, да крестьянина маляра выслать въ Бѣлгородскій архіерейскій домъ съ ихъ малярскими инструментами на монастырскихъ подводахъ къ 1 Сентября непремѣнно.

Репортомъ отъ 6 Сентября Архимандритъ Гедеонъ доносилъ, что въ означенныхъ мастерахъ монастырь самъ имѣетъ крайнюю нужду,—на каковое доношеніе Консисторія отвѣчала новымъ предписаніемъ: понеже какъ оный монахъ, Соломонъ, и крестьянинъ, тако и прочіе Бѣлгородской епархіи свя-

щенно и церковно-причетники искусные иконописному художеству потребны, въ архіерейскій домъ на малое время для написанія иконъ къ поднесенію знатнымъ персонамъ при производствѣ будущаго на бѣлградскій престолъ преосвященнаго: того ради опредѣлено къ вамъ, архимандриту, послать вторичный указъ, по которому оныхъ монаха Соломона да крестьянина съ ихъ малярскими инструментами высылать въ Бѣлгородъ въ архіерейскій домъ немедленно.

(Изъ арх. Курск. Знам. мон.)

№ 19

Консисторскій указъ о срочномъ написаніи крестьяниномъ Курскаго Знаменскаго монастыря Ефимомъ образовъ добрыми венеціанскими красками, 1758 г.

По письменному преосвященнаго Іоасафа приказанію велѣно Консисторіи при отправкѣ въ Москву для принятія Его преосвященства на бѣлгородскій престолъ съ ризницею отправить къ Его преосвященству нѣсколько святыхъ образовъ Живоначальныя Троицы, да Богородичныхъ Каплуновской и ахтырской. Согласно сему, Консисторія указомъ отъ 5 Іюня 1758 г. повелѣла Архимандриту Знаменскаго монастыря, сыскавъ того монастыря крестьянина Ефима, приказать ему написать своими добрыми венецейскими красками три образа: одинъ образъ живоначальныя Троицы въ трехъ лицахъ, да Богородичныхъ два Ахтырской и Каплуновской самымъ добрымъ и искуснымъ мастерствомъ въ немедленномъ времени конечно Іюня къ 29 числу, за что оному крестьянину Ефиму учинено будетъ награжденіе, и оные написанные образы, взявъ у него, крестьянина, прислать къ тому числу съ нарочнымъ въ домъ архіерейскій безъ умедленія, и дабы оный крестьянинъ на показанный срокъ тѣ святые образы написалъ, въ томъ наблюдательство имѣть вамъ архимандриту.

(Изъ арх. Курск. Знам. мон.)

№ 20.

Монастырскій приказъ объ отдачѣ дѣвокъ сиротъ въ наученіе добраго мастерства, 1754 г.

1754 г. Мая 5 дня келарю іеромонаху Ѳеофану Набокову велѣно приказать своимъ коадьюторамъ сыскать въ вотчинѣ крестьянскихъ трехъ дѣвокъ сиротъ для отдачи въ наученіе добраго ремесла, по которому письму велѣно отъ него, келаря, слободской половины коадъютору іеромонаху Христофору поискать означенныхъ дѣвокъ, но онъ, коадъюторъ, не взирая на то

письмо и безъ совѣту вотчинныхъ стариковъ, сыскивалъ достаточныхъ домовъ многое число дѣвокъ, самовольно съ которыхъ бравши взятки, отпускалъ.

(Изъ арх. Курск. Знам. мон.)

№ 21.

Постановленіе монастырскаго совѣта о нѣкоторыхъ льготахъ для мастеровыхъ, работающихъ въ монастырѣ, по отбываніи монастырской барщины и денежномъ для нихъ подаркѣ, 1759 г.

Іюля 23 дня 1759 года монастырскій Совѣтъ, обсуждая предложеніе іеромонаха Пароенія о вотчинныхъ крестьянахъ, находящихся на монастырской работѣ, опредѣленный на ихъ тягло монастырскій покосъ, міромъ ли косить, или имъ оставить, опредѣлилъ: которые имѣются на монастырской работѣ каменьщики, плотники, пильщики, кузнецы одинокіе—такіе, что въ домѣхъ ихъ по одному человѣку, такихъ на монастырскій покосъ не посылать; а у которыхъ въ домѣхъ есть по два и по три человѣка, такихъ на покосъ монастырскій посылать въ рядъ съ прочими крестьяны непремѣнно, также и хлѣбъ монастырскій съ поля убирать имъ съ своего тягла въ рядъ же съ прочими крестьяны какъ семьянистымъ, такъ и одинокимъ неотложно; а въ посылкахъ и въ подводахъ противъ прочихъ крестьянъ онымъ находящимся на работѣ монастырской *(а наипаче*—приписано) одинокимъ людямъ давать льготу.

Іюля 23 дня 1759 года Архимандритъ Гедеонъ съ братіею опредѣлили: понеже онаго Знаменскаго монастыря крестьяне, а именно—каменьщики, плотники, пильщики, кузнецы всегда на монастырской работѣ находятся, того ради мы, по общему согласію, приказали: за показанные труды упомяненнымъ крестьянамъ выдать на ихъ артели изъ казны монастырской денегъ: плотникамъ двадцать рублевъ, каменьщикамъ двадцать рублевъ, пильщикамъ двадцать рублевъ, и раздать имъ всѣмъ по равной части и по разсмотрѣнію трудовъ и семей по росписи, кузнецамъ по рублю человѣку, и въ пріемѣ ими тѣхъ денегъ взять съ нихъ росписки.

(Изъ арх. Курск. Знам. мон.)

№ 22.

Акты избранія монастырскими крестьянами изъ срѣды своей старость, десятниковъ, сборщиковъ, цѣловальниковъ.

Въ нынѣшнемъ 1718 году Генваря 1 дня, по приказу Курскаго Богородицкаго Знаменскаго монастыря архимандрита Михаила съ братіею, того

монастыря вотчинные крестьяне выбрали изъ своей братіи крестьянъ людей добрыхъ и правдивыхъ въ нынѣшнемъ 718 году въ старосты, въ сборщики и въ цѣловальники... (именуются избранные въ эти должности для каждаго села и каждой деревни въ отдѣльности) и будучи имъ, старостамъ, за нашимъ выборомъ въ государевыхъ всякихъ податехъ, въ денежныхъ сборахъ, также и въ монастырскихъ дѣлѣхъ, и въ пашенномъ, и въ посѣвѣ хлѣбномъ, и въ живвѣ, и въ покосѣхъ, и во всякой монастырской работѣ, и въ управленіи смотрѣть накрѣпко: какъ прилучится пахота, и сѣвъ и жатва хлѣбу и сѣну, при той работѣ быть имъ, старостамъ, съ прикащиками обще; которое дѣло окончится во все то время быть имъ безотлучно, и въ гумнахъ сборнаго хлѣба какъ въ скирдахъ, такъ и въ житницахъ беречь отъ пожару и воровскихъ людей и самому никакой хитрости не учинить и во всемъ радѣть со тщательнымъ радѣніемъ, и не пьянствовать, и свою братію безвинно никого не бить, и по недружбѣ никому не мстить, и нападковъ никакихъ не дѣлать, и взятковъ ни съ кого никакихъ не имать, и ничѣмъ не корыствоваться, и никакими мѣрами никому обидъ не чинить; да имъ же старостамъ беречь накрѣпко и смотрѣть за выборными десятники, чтобъ бѣглыхъ драгунъ и солдатъ и никакихъ пришлыхъ людей мужеска и женска пола отнюдь не было и не принимали, (и дѣтей своихъ на такихъ не женили и своихъ дочерей не выдавали, съ воровскими людьми не знались и пріѣздовъ къ себѣ не держали,) а объѣзжали бы и смотрѣли въ своихъ десяткахъ по дворамъ и у причинныхъ людей закраденое, какъ лошадей и другаго скота и рухляди ни у кого не покупали, а покупали бы всячину у добрыхъ людей съ поруками, чтобъ отъ того монастырской вотчинѣ какого разоренія не учинилось; а буде кто явится неистовенъ (?), доносить приказному монаху, винныхъ смирять имъ обще и при своей братіи крестьянахъ, сказавъ вину ихъ именно безъ всякаго нападка; а буде они, будучи въ старостахъ такъ чинить и смотрѣть и радѣть противъ вышеписаннаго выбора не будутъ, или сами въ какомъ порокѣ явятся, и своимъ недосмотромъ и нерадѣніемъ монастырской вотчинѣ учинятъ какіе убытки и разоренія и, по сему выбору хотя въ маломъ чемъ оные старосты явятся неисправны, то все взыщется мимо оныхъ старостъ на означенныхъ крестьянахъ, а старосты за неисправку и нерадѣніе къ наказанію отданы будутъ къ градскому суду и жестокому наказанію. (За неграмотныхъ крестьянъ слѣдуютъ подписи поповъ.)

1759 года Генваря 5 дня Курскаго Богородицкаго Знаменскаго монастыря вотчины деревни Ясенокъ крестьяне.. (именуются) выбрали мы съ общаго своего и безпристрастнаго согласія на сей 1760 годъ въ деревнѣ Ясенкѣ старосту ... десятниковъ, что надъ десятью дворами.... десятскаго. И оные люди добрые и имущественные, не пьяницы и не подозрительные и въ своей должности исправиться могутъ; ежели же, паче чаянія, оные выбор-

ные въ своихъ должностяхъ исправиться не могутъ и монастырю какой учинять уронъ, то мы неисправность ихъ должны исправлять, а уронъ монастырю вознаградить, въ чемъ и подписуемся. (Слѣдуетъ подпись, за неграмотныхъ крестьянъ, прикащика деревни Ясенка, Герасима Попова.)

1760 года Генваря 2 дня Курскаго Богородицкаго Знаменскаго монастыря вотчины деревни Тазовой крестьяне.... выбрали мы съ своего совѣту на сей 760 годъ старосту съ десятскими.... и объзчика..., понеже оные люди добросовѣстные и неподозрительные и во всякомъ дѣлѣ исправны; а ежели какую обиду обители и крестьянамъ учинять, то мы должны міромъ исправить и обиду наградить. (За неграмотныхъ крестьянъ подпись прикащика.)

№ 23.

Прошеніе къ Преосвященному Епифанію восьми крестьянъ села Смородиннаго о дозволеніи выселиться имъ, заутѣсненіемъ, въ другія мѣста и требованіе приговора о семъ общины, 1729 г.

На имя преосв. Епифанія прошеніе восьми человѣкъ—крестьянъ села Смородиннаго, отъ Октября 1729 года.

Жительство мы, нижеименованные, имѣемъ въ вотчинѣ Курскаго Богородицкаго Знаменскаго монастыря въ Курскомъ уѣздѣ въ Обмяцкомъ стану въ селѣ Смородинномъ весьма во многолѣтствіи и въ усадебныхъ мѣстахъ имѣемъ утѣсненіе, понеже на одномъ дворѣ построено избы по три и по четыре, а дуброва въ дачѣхъ онаго монастыря, которая къ оному селу, отъ того многолюдства и отъ стороннихъ людей вырублена, и нынѣ въ селидбеномъ лѣсу и въ дровахъ имѣемъ великую скудость, въ чемъ и пробавляемся съ великою трудностію; а которые лѣски и рощи имѣются въ дачахъ онаго монастыря, и тѣ отъ того села въ дальнемъ разстояніи, а именно—лѣски большой да малый становые, да лѣсокъ долгій, да лѣсокъ гранный, и рощи по верхамъ, что на рѣчкѣ Березовцѣ, на которой можно быть и мельницѣ, понеже оба берега монастырскіе, и тѣ лѣски и рощу рубятъ многіе постороніе люди денно и нощно, понеже за дальностію объѣзчикамъ усмотрѣть невозможно и того ради мы нижайшіе для лучшаго тѣхъ лѣсковъ и рощь охраненія чтобы впредь въ вотчинѣ было прочнѣе, а сторонніе люди не рубили бы, отчего бы вотчиннымъ крестьянамъ весьма не быть въ безлѣсьи и безъ дровъ желаемъ изъ села Смородиннаго поселиться въ тѣхъ мѣстахъ, а именно—мы нижайшіе... (8 человѣкъ) желаемъ жить на рѣчкѣ Смородинной у становыхъ лѣсовъ, а мы... (9 человѣкъ) на рѣчкѣ Березовцѣ, а пашню монастырскую противъ положеннаго на насъ тягла будемъ пахать безъ урока.

Опредѣлено:

1729 года Октября въ 28 день онаго села Смородиннаго приказному монаху Силѣ и старостѣ, собравъ на совѣтъ того села крестьянъ, сіе имъ объявить съ прочетомъ того ради: ежели оныхъ просителей въ показанныя урочища для поселенія увольнить, можетъ ли изъ того быть въ сохраненіи монастырскихъ рощь и лѣсовъ отъ нихъ просителей къ вотчинѣ какая польза и не будетъ ли въ томъ отъ крестьянъ какого спора, и въ какой силѣ что на совѣтѣ приговорятъ, подписавъ подъ симъ во обстоятельствѣ за ихъ крестьянскими и своими руками, къ разсмотрѣнію предложить намъ съ братіею, и для того послать имъ нарочнаго служителя.

(Изъ арх. Курск. Знам. мон.)

№ 24.

Доношеніе архимандрита К. З. монастыря Михаила въ Кіевскую губ. канцеляріи о присылкѣ въ монастырь стряпчаго, 1716 г.

Августа 13 дня 1716 года Архимандритъ Курскаго Знаменскаго монастыря Михаилъ въ доношеніи въ Кіевскую губернскую канцелярію писалъ:

Въ прошлыхъ годѣхъ въ Курскомъ Богородицкомъ Знаменскомъ монастырѣ для управленія всякихъ государевыхъ и монастырскихъ дѣлъ бывали стряпчіе изъ приказныхъ людей, а изъ монашескаго чина келари, а нынѣ въ томъ монастырѣ для управленія стряпчаго нѣтъ, и изъ монаховъ заобычайно выбрать не кого, и безъ стряпчаго въ дѣлахъ не малая нужда, а безъ того въ томъ монастырѣ пробыть невозможно и чтобъ для того быть въ томъ монастырѣ изъ подъячихъ Семену Кольчигину, а положенный окладъ съ него платить мы будемъ и чтобъ объ опредѣленіи онаго подъячаго въ тотъ монастырь къ дѣламъ и объ отпускѣ изъ Кіева... указъ учинить." Согласно сему прошенію приказный Кольчигинъ дѣйствительно и былъ опредѣленъ стряпчимъ въ Курскій Знаменскій монастырь на означенномъ условіи.

(Изъ арх. Курск. Знам. мон.)

№ 25.

Подписка о прохожденіи стряпческой должности. 1748 г.

1748 года Іюня 1 дня Свято-Николаевскаго бѣлогородскаго монастыря высоко преподобнѣйшему пречестнѣйшему Господину Отцу Архимандриту Авксентію, Его Высокопреподобію Кивачицкому съ братіею Бѣлгородскаго уѣзда села Хохлова житель однодворецъ Иванъ Огурцовъ далъ сію подписку въ увѣреніе о нижеслѣдующемъ въ томъ, что по данному мнѣ отъ его высоко-

преподобія господина отца архимандрита съ братіею контракту со опредѣленнымъ въ годъ жалованьемъ быть мнѣ при ономъ Николаевскомъ монастырѣ во услуженіи стряпческой должности и о всякихъ монастырскихъ дѣлахъ по губернской канцеляріи и въ прочихъ мѣстахъ хожденіе имѣть неотмѣнное и стараніе неослабное; когда — дѣла монастырскія, быть трезвымъ умомъ, а не пьянствовать; обѣщаюся въ оной должности Свято-николаевской обители служить самою Христіанскою сущею правдою, а не подъ какими злоковарными умыслы и съ стороны съ другими согласій, не подлежащихъ монастырю, никакихъ ни подъ какимъ видомъ не чинить, дабы въ чемъ обители Свято-николаевской не произошло ухищреннаго какого убытку, и отъ вышеписаннаго числа впредь во весь оный годъ служить въ вѣрности безотлучно,..... (далѣе нѣсколько словъ вслѣдствіе порчи рукописи разобрать нельзя). Въ бытность мою при монастырѣ въ означенномъ услуженіи имѣть въ недѣли свободные два дня, то есть—субота и недѣля, навѣдыватся въ домъ свой въ выше означенное село Хохлово къ женѣ и дѣтямъ для своихъ домашнихъ нуждъ, и то безъ благословенія дерзновенно собою не чинить, въ томъ и подписуюсь. Іюня 1 дня 1748 года сію подписку я, Иванъ Огурцовъ, писалъ своею рукою.

(Изъ арх. Курск. Знам. мон.)

№ 26.

Прошеніе монастырскихъ писарей Воробьева и Зубкова о прибавкѣ имъ жалованья и монастырское по сему предмету опредѣленіе, 1754 г.

Въ 1754 г. монастырскіе писаря, Петръ Воробьевъ и Осипъ Зубковъ, въ прошеніи на имя архимандрита Гедеона съ братіею писали:

Въ Курскомъ Знаменскомъ монастырѣ находимся мы именованные въ писарской должности и всякія происходящія по присылаемымъ въ оный монастырь указамъ и по монастырскимъ разнымъ экспедиціямъ дѣла исправляемъ по возможности нашей, нелѣностно; въ награжденіе же за таковые наши труды отъ онаго монастыря, кромѣ хлѣба по самой малой части ржаной муки, ничего иного не получаемъ и ко удовольствію домишковъ нашихъ имѣемъ скудость и крайнюю нужду, что намъ нижайшимъ съ домашними пропитаніе имѣть нечѣмъ и противу бывшихъ въ ономъ монастырѣ въ той же писарской должности находившихся крайне изобижены, понеже онымъ производилось отъ онаго монастыря годовое, денежное и хлѣбное, жалованье довольное число безъ удержанія, а временемъ платьемъ, сапогами и прочими потребностями снабдѣваемы были довольно жъ.

А прежде сего и намъ нижайшимъ производилось же отъ онаго монастыря денежнаго доходу изъ собираемой кружки каждаго подѣла противъ

діакона, хлѣба въ мѣсяцъ: муки ржаной по четверти, крупъ или пшена по четверику, муки пшеничной по четверику жь, такожь и соли довольное число, да сверхъ того давали на дрова по полтора рубля, а нынѣ мы нижайшіе того ничего не получаемъ и въ томъ претерпѣваемъ.

Того ради Вашего высокопреподобія съ братіею всепокорно просимъ сіе наше прошеніе принять и объ опредѣленіи намъ какъ денежнаго доходу, такъ и хлѣбнаго пропитанія довольственно милостивое отеческое разсмотрѣніе учинить. Августа дня 1754 года.

1754 года Сентября 25 дня Курскаго Богородицкаго Знаменскаго монастыря нижеподписавшаяся братія, слышавъ поданнаго о писаряхъ Воробьевѣ и Зубковѣ доношенія, и по опредѣленію Его Высокопреподобія господина отца архимандрита Гедеона велѣно намъ учинить справку, что имъ, писарямъ, хлѣбнаго и денежнаго жалованья давано, и почему и изъ какихъ доходовъ, и могутъ ли они тою дачею быть довольны, и по скольку при монастырѣ надлежитъ писарей, разсмотрѣніе по опредѣленію учинить; а по справкѣ нашей въ ономъ монастырѣ съ монастырскими дѣлами и съ козначейскими записными книгами значится: при монастырѣ предъ симъ бывало по четыре писаря и давалось имъ изъ монастыря хлѣба: муки ржаной по шести четвертей, крупъ по шести четвериковъ, а денегъ изъ кружки давалось подѣлу каждому писарю противъ дьяконскаго, еще же довольствовались они изъ вотчинъ монастырскихъ отъ прикащиковъ и старостъ и крестьянъ, кто что за работу и за честь дастъ; того ради мы, нижеподписавшіеся, братія опредѣлили нижеслѣдующее: 1) при монастырѣ надлежитъ быть, кромѣ стряпчаго, всегда безотлучно тремъ человѣкамъ, а именно: Петру Воробьеву, Осипу Зубкову, Герасиму Пономареву; 2) и на всякое ихъ довольствіе и пропитаніе давать имъ каждому человѣку изъ казны монастырской вь годъ жалованья денегъ по десяти рублевъ, хлѣба: муки ржаной по осьми четвертей, пшеничной по двѣ четверти, крупъ по одной четверти, пшена по одной четверти; 3) онымъ опредѣленнымъ жалованьемъ объявленные писари Воробьевъ съ товарищи могутъ быть довольны, въ прочемъ разсмотрѣніи да будетъ опредѣленіе отъ Его Высокопреподобія, въ чемъ и подписуемся (Намѣстникъ и 8 монаховъ).

Архимандритъ Гедеонъ Антонскій положилъ резолюцію: по сему опредѣленію означеннымъ писарямъ хлѣбное жалованье съ монастыря на всякъ годъ все сполна получать, а денежнаго жалованья свыше десяти рублевъ по полтора рубля на дрова и по полтинѣ на сало всякаго года получать.

№ 27.

Монастырское опредѣленіе о наймѣ стряпчаго по контракту, 1755 г.

1755 года Мая дня Курскаго Богородицкаго Знаменскаго монастыря архимандритъ Гедеонъ Антонскій съ братіею общее разсмотрѣніе и пригo-

воръ учинили: понеже прошедшихъ годовъ для разныхъ монастырскихъ и вотчинныхъ приказныхъ дѣлъ, гдѣ только оказались, нарочные стряпчие отъ монастыря содержимы были, а нынѣ для таковыхъ дѣлъ стряпчаго достойнаго при монастырѣ не имѣется, того ради онъ, архимандритъ, обще съ братіею приговорили для разныхъ монастырскихъ и вотчинныхъ приказныхъ дѣлъ, какого бъ оные званія и гдѣ ни есть были, достойнаго стряпчаго на коштѣ монастырскомъ и вотчинномъ учредить и содержать, и сего Мая 4 числа для выше означенныхъ приказныхъ дѣлъ, какого бъ оные званія и гдѣ ни есть были, стряпчимъ Курскаго помѣщика Елисѣя, Петрова сына, Косьянова обще приговорили и учредили такимъ обязательствомъ, дабы ему, Елисѣю, во всѣхъ монастырскихъ и вотчинныхъ приказныхъ дѣлахъ къ пользѣ монастыря и вотчинъ его вѣрное и неусыпное стараніе и хожденіе, гдѣ надлежитъ, имѣть, и что онъ, Косьяновъ, въ ономъ монастырѣ стряпчимъ учрежденъ, о томъ во всѣ вотчины прикащикамъ и крестьянамъ объявить, дабы они о томъ были извѣстны и достойное ему почтеніе чинили и съ вѣдома монастыря въ дѣлахъ приказныхъ послушны были, дабы о стряпчемъ невѣденіемъ и безъ него въ приказныхъ дѣлахъ своихъ неискусствомъ не могли отговариваться и обидъ претерпѣвать. А ему, Косьянову, за таковые стряпческіе труды въ каждый годъ изъ монастыря нашего получать жалованья: хлѣба ржаной муки десять четвертей, пшеничной по пяти четвертей, крупъ гречневыхъ по четыре четверти, пшена по три четверти, по вари пива, да съ крестьянъ монастырскихъ денегъ тридцать рублей, которые ему по третямъ года получать, да ему, Косьянову, Рождество Христово въ вотчинахъ монастырскихъ съ писарями славить позволяется, и для нужной перестройки и починки хоромъ плотниковъ монастырскихъ временемъ давать по три человѣка, и навозить въ ледникъ льду завременно, и за дѣлами монастырскими ѣздить на монастырскихъ подводахъ, и въ дѣлахъ монастырскихъ для посылокъ быть при немъ по одному слугѣ или крестьянину. Изъ крестьянъ ежели кто ему не по неволи, но доброхотно за доброе его стряпчество пожалуетъ, получать ему свободно. И сіе опредѣленіе имѣть съ монастырскими дѣлами, и въ силѣ сего жъ опредѣленія вышеозначеному стряпчему Косьянову за руками нашими дать контрактъ и ему, Косьянову, намъ въ монастырѣ отъ себя таковой же контракъ дать за своей рукой.

(Изъ арх. Курск. Знам. мон.).

№ 28.

Жалоба крестьянъ Старой Слободки архимандриту Курскаго Знаменскаго монастыря на приказнаго монаха въ напрасныхъ истязаніяхъ и рѣшеніе по сему дѣлу архимандрита, 1736 г.

Вотчины Курскаго Знаменскаго монастыря крестьяне деревни Старой Слободки Сидоръ Птицынъ, Игнатъ Густилинъ, Сидоръ Коракусовъ и Петръ

Малаховъ въ декабрѣ 1736 года архимандриту Трофиму съ братіею жаловались:" въ прошломъ 1735 году декабря 16 числа вотчины Курскаго Знаменскаго монастыря деревни Старой слободки у крестьянина Ѳедота Малахова покрадены изъ клети пожитки его, а не вѣрка ему, Ѳедоту, имѣлась на внучку его родную дѣвку Соломониду, Евдокимову дочь, которая живала курскаго помѣщика Тимофѣя Денисова у крестьянина Ефима Михашова, и покравъ тѣ пожитки, отдала сосѣду его Михашова, Дмитрію Трофимову, и о томъ онъ, Федотъ Малаховъ, объявлялъ отставному изъ крестьянъ солдату Павлу Верѣтину да Карпу Верѣтину, а я, нижеименованный, Сидоръ Птицынъ въ то время былъ при Вашемъ Преподобіи въ Бѣлгородѣ, а какъ я, Сидоръ, изъ Бѣлгорода пріѣхалъ и помянутой дѣвки Саломониды отецъ, а его, Федота, сынъ Евдокимъ согласясь съ братомъ своимъ Василіемъ Хрипуновымъ, якобы въ кражѣ мною тѣхъ пожитковъ, билъ челомъ онъ, Евдокимъ, на меня приказному монаху Іакову, который меня, Сидора, сестру дѣвку Ирину, да Игната Густилина, Сидора Каракусова, Петра Малахова, да племянника моего Исаія, разложа нагихъ на снѣгу, розвязавъ на шесты, билъ плетьми, и пробивъ до руды, посыпали снѣгомъ, а какъ тотъ снѣгъ растаитъ, паки билъ смертно и посыпалъ по тѣмъ ранамъ соль. Отъ такового немилостиваго не стерпимаго мученія я, Сидоръ, съ три недѣли висѣлъ на веревкѣ, что нельзя отъ боя ни сѣсть ни лечь, и говорили въ той мукѣ, чтобы брать у насъ въ платежъ пожитки, и въ то время онъ, Евдокимъ, съ означеннымъ братомъ своимъ Василіемъ Храпуновымъ взяли у насъ, а именно у меня Сидора два рубля, три туши, сукно сѣрое, зипунъ сѣрый новый, шубу новую, женскихъ два платка—цѣна рубль, да новыя подковы—нѣмецкія лошадиныя, три козлины дѣланыхъ; а у Игната Густилина пять рублей, сукно бѣлое: у Сидора Коракусова пять рублей; у Петра Малахова лошадь. А потомъ въ декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго 1735 года онъ вышеобъявленный Тимофея Денисова крестьянинъ Дмитрій Тимофѣевъ покралъ у Курскаго помѣщика Гавріила Звегинцева съ мельницы хлѣбъ, за которую кражу билъ помѣщикъ его Тимофей Денисовъ, и онъ, Димитрій Трофимовъ, въ той кражѣ винился, также и въ пріемѣ покраденныхъ Ѳедота Малахова внучкою его, дѣвкою Соломонидою, Евдокимовою дочерью, пожитковъ винился, и сказалъ, что тѣ пожитки, покравъ, выдала она ему, и онъ, Сидоръ, за тѣ пожитки битъ и пограбленъ напрасно, а онъ прикащикъ оной дѣвки не допрашивалъ для того, что взялъ съ отца ея два рубля, и отъ того онъ, Сидоръ, изувѣченъ и разоренъ напрасно.

Того ради просимъ милостивое разсмотрѣніе учинить, чтобы намъ напрасно въ вѣчномъ разорѣніи не быть".

По снаряженному отъ архимандрита дознанію открылось: крестьянинъ Димитрій Тимофѣевъ въ пріемѣ отъ дѣвки Соломониды, Евдокимовой до-

чери, краденыхъ пожитковъ сознался: Соломонида же, какъ донесъ слѣдователь, въ той кражѣ осталась „нерозысканною" за тѣмъ, что по свидѣтельству оказалось брюхатою.

Постановлено: За вышепоказанную приказнаго монаха Іакова продерзость, который безъ позволенія монастырскаго начальства неповинно просителей мучилъ необычно, развязавъ на шесты, билъ и посыпалъ по ранамъ соль, съ приказа отъ того села отрѣшить и смирить монастырскимъ наказаніемъ. А Василія Хрипуна съ братомъ его Евдокимомъ за согласное ихъ ложное прошеніе и за взятіе пожитковъ ихъ неповинно наказать плетьми, такожь и крестьянамъ Семену Глазову, Григорію Лытнину, Василію Миронову, Софрону и Петру Верѣтинымъ, которые по неправому разсужденію брали у нихъ просителей неповинно пожитки, отдавъ которыя просителямъ съ росчискою, учинить жестокое наказаніе плетьми, а чтобы они впредь просителямъ не мстили, учинить за поруками подписку. За дѣвкою Соломонидою, которая нынѣ брюхата, въ кражѣ вышеозначенныхъ пожитковъ слѣдовать безъ упущенія впредь.

№ 29.

Прошеніе крестьянина села Поныровъ Трофима Самойлова къ архимандриту К. З. монастыря Іоасафу въ томъ, что крестьянинъ села Березовца Пахомъ Никулинъ свою сосватанную за Трофимова брата дочь выдалъ за другаго, 1748 г.

Села Поныровъ крестьянинъ Трофимъ Алексѣевъ сынъ Самохваловъ 16 мая 1748 года въ прошеніи къ архимандриту Іосафу писалъ:

Въ нынѣшнемъ 1748 году 9 мая свагалъ я деревни Березовца у крестьянина Пахома Никулина дочь его за брата своего роднаго Герасима Самохвалова, за которую его Никулина дочь уже и сговоръ былъ, и отложили сроку до свадьбы сего мая до 15 дня и онъ, нижайшій, поѣхалъ для покупки на оную свадьбу вина, а онъ, Никулинъ, не дождавъ меня и вышеписаннаго срока, отдалъ дочь свою за инаго, а мнѣ стало харчей на оное сватанье на четыре рубля, а при томъ числѣ были свидѣтели села Поныревъ крестьянинъ Трофимъ Дудинъ, деревни Березовца Өедоръ Натаровъ.

Того ради ваше Высокопреподобіе покорно прошу приказать оному Никулину мнѣ нижайшему вышеписанные харчи заплатить или другую дочь его приказать за брата моего отдать и милостивое разсмотрѣніе учинить.

№ 30.

Прошеніе купеческой жены Марьи Калошиной къ архимандриту К. З. монастыря Гедеону съ братіею на монастырскаго служителя Осипа Зубкова въ томъ, что онъ отказывается взять въ замужество сосватанную уже за него ея дочь; допросъ Зубкова и монастырское опредѣленіе, 1755 г.

Его Высокопреподобію Курскаго Богородицкаго Знаменскаго монастыря Пречестному Отцу Архимандриту Гедеону съ братіею Покорное прошеніе.

Сего 1755 года Сентября 25 дня онаго монастыря служитель Осипъ, Анисимовъ сынъ, Зубковъ съ матерею своею вдовою Ксеніею, Васильевою дочерью, и съ тремя сестрами, да со свахою онаго монастыря изъ слугъ вдовою Евдокіею, Степановою дочерью, и съ зятемъ его и Ксеньинымъ Курскимъ купцемъ Кирпичевымъ приходили ко мнѣ въ домъ для смотрѣнія дочери моей Екатерины и сватанія дочери моей въ замужство за него, Осипа Зубкова, и по приходѣ ихъ въ домѣ моемъ были и дочь мою смотрѣли и сватали, токмо на словѣ ничего было не положено. И на другой день по его Осиповой просьбѣ объявленная сваха вдова Евдокія пришедъ ко мнѣ въ домъ звала меня къ нему, Осипу, въ гости, по которой присылкѣ я съ (сосѣдними?) людьми Никитою Малѣевымъ и съ женою его Прасковьею и Курскаго купца Петра Вязмитинова съ женою Лукерьею въ домъ къ нему, Осипу, приходили и были, и между разговорами въ томъ домѣ онъ, Осипъ, съ матерію на словѣ положили со мною, что объявленную дочь мою Екатерину взять въ замужство за него, Осипа, а мнѣ отдать ее, и при томъ договорѣ межъ нами разнимали руки. И на третій день объявленный Осипъ Зубковъ съ показанною свахою Евдокіею да съ сестрою Лукерьею и съ зятемъ Черепенинымъ по означенному нашему договору пришли ко мнѣ въ домъ съвиномъ и медомъ и въ томъ моемъ домѣ, что ему, Осипу, дочь мою взять въ замужство, а дочери моей вытти за него за мужъ, къ образу Пресвятыя Богородицы присягали и прикладывалися, и я ихъ по желанію его Осипову онымъ образомъ благословила. И потомъ онъ, Осипъ, оную дочь неоднократно цѣловалъ, и пропили ночь, и послѣ того онъ, Осипъ, былъ изъ Курска въ отлучкѣ съ недѣлю, и по прибытіи въ Курскъ прислалъ онъ, Осипъ, объявленную сваху Евдокію ко мнѣ въ домъ и просила, чтобъ быть настоящему сговору за дочь мою, какъ у прочихъ купцовъ ведется, по которой его просьбѣ на сговоръ ему, Осипу, и велѣла, а я просила имѣющагося въ Курскѣ откупщика Григорья Ильина и жену его Анну, Иванову дочь, Курскаго купца Григорья, Нестерова сына, Котельникова и жену его Елену, Курскаго магистрата ратмана Алексѣя Попонова, дочь его Екатерину съ прочими, и

для того сговору и даренія бывшихъ при томъ сговорѣ куплено мною на дары платки итальянскіе и изъ кисеи и изъ полотна галендерскаго цѣною на сорокъ на пять рублевъ, да изъ напитку изготовлено было на восемь рублевъ, и на тотъ сговоръ ночнымъ времянемъ означенный Осипъ Зубковъ съ матерію своею, и съ тремя сестрами, и съ зятемъ Кирпичевымъ, и Черепенинымъ и съ объявленною свахою Евдокіею часу въ девятомъ ночи ко мнѣ въ домъ и пріѣхали, и сговоръ настоящій былъ, на которомъ по христіанскому закону вторично образованіе и присяга была и ко образу Пресвятыя Богородицы прикладывались, и платковъ и прочаго при томъ сговорѣ дочь моя какъ его Осипа матери и всѣмъ при томъ бывшимъ по обыкновенію, какъ ведется, дарила, и женихъ объявленный Осипъ невѣсту дочь мою неоднократно цѣловалъ, и на томъ сговорѣ всю ночь и до половины дня прогуляли съ благополучіемъ, и по прекращеніи сговора онъ, Осипъ, съ будущими съ нимъ и отъѣхали. И на другой день, какъ по обыкновенію ведется, звала я многихъ къ себѣ гостей и его, Осипа, звать къ себѣ посылала и дожидалася его долгое время, токмо онъ, Осипъ, ко мнѣ въ домъ не пошелъ и въ домѣ своемъ не сказался, и якобы онъ уѣхалъ въ Рождественскую пустынь, чего ради посылала я о немъ провѣдать сына своего Матвея, подлинно ль онъ поѣхалъ, и въ то время онъ, Осипъ, былъ въ домѣ своемъ, и послѣ того сговору на третій день онъ, Осипъ, прислалъ ко мнѣ брата своего двоюроднаго Ивана со объявленіемъ, чтобъ его, Осипа Зубкова, мы къ себѣ не ждали и никогда ко мнѣ не будетъ. А нынѣ я увѣдомилась, что онъ, Осипъ Зубковъ, уничтожа объявленные предъ образомъ присяги и сговоры, сговорился у градскаго Николаевскаго попа Якова на дочери его, чѣмъ онъ Осипъ оную дочь мою Екатерину обезчестилъ, а меня изуботочилъ напрасно. Того ради Вашего Высокопреподобія прошу покорно о вышеписанномъ учинившемъ безчестіе дочери моей и объ убыткахъ учинить милостивое разсмотрѣніе. О семъ проситъ Курскаго Среднестатейнаго купца Якова, Пафомова сына, Калошина жена его вдова Марья, Нестерова дочь. 1755 года Октября дня.

На этомъ прошеніи архимандритъ положилъ резолюцію: „іеромонахамъ келарю Епифану, ризничему Алексѣю, духовнику Герману, да Александру означеннаго Осипа Зубкова изслѣдовать и по изслѣдованіи, что явится представить со мнѣніемъ“.

Допрошенный слѣдователями Зубковъ далъ слѣдующее показаніе:

Сего 1755 года Октября въ послѣднихъ числахъ онъ, Осипъ Зубковъ, съ матерью своею, тремя сестрами, да съ теткою и зятемъ Курскимъ купцомъ приходилъ въ домъ означенной вдовы Марьи Калошиной для смотрѣнія дочери ея Екатерины, и сватанія за него, Осипа, въ замужество: а по приходѣ въ домъ ея были и дома ее смотрѣли и сватали. только на словѣ ни-

чего не было положено, а на другой день онъ, Осипъ, посылалъ тетку свою къ ней, вдовѣ Калошиной, для прошенія ея къ себѣ въ гости, почему она, Калошина, съ родственниками своими въ домъ къ нему и приходила, и между разговорами онъ, Осипъ, съ матерью своею и съ нею, вдовою Калошиной, на словѣ положили, чтобъ объявленную дочь ея Екатерину за него, Осипа, въ замужество взять, а ей вдовѣ оную дочь ея за него, Осипа, отдать, и при томъ будущіе тѣ его сродственники разнимали между ними руки; и на третій день онъ, Осипъ, съ показанною своею теткою да съ сестрою Лукерьею и зятемъ Черепенинымъ по означенному договору приходили къ ней, вдовѣ Калошиной, въ домъ съ напитками, и въ томъ ея домѣ къ образу Пресвятыя Богородицы онъ, Осипъ, и дочь его прикладывались, а чтобъ ему, Осипу, дочерь ее взять за себя въ замужество,—онъ не присягалъ; и онымъ образомъ она дочерь свою, а не его, Осипа, благословила, и потомъ онъ, Осипъ, по повеленію оной вдовы Калошиной дочерь ея цѣловалъ не однократно и пропили всю нощь, а было притомъ родственниковъ ея не малое число, и издержано его, Осипа, разнаго напитку и закусокъ на семь рублевъ; и послѣ того онъ, Осипъ, былъ во отлучкѣ съ недѣлю и, по прибытіи въ Курскъ, въ понедѣльникъ, то есть сего Октября 9 числа, посылалъ онъ, Осипъ, объявленную тетку свою къ ней Калошиной въ домъ просить, чтобъ быть того числа настоящему съ дочерью ея сговору: токмо она, вдова Калошина, объявила, что онаго числа управиться невозможно, а сказала, чтобъ быть сговору во вторникъ то есть сего Октября 10 числа, котораго числа она, Калошина, сама пришедъ къ нему, Осипу, въ домъ по утру рано, сказала, чтобъ ему обождать еще до пятницы, точію онъ, Зубковъ, ей объявилъ: ежели сего числа сговору не быть, то—де—я въ иномъ мѣстѣ буду сватать, и потому онаго числа чтобъ учинить сговоръ—было не надежно; однако того жь числа ввечеру и ночью присылала она вдова Калошина къ нему Зубкову въ домъ сына своего троекратно и прочихъ, которыя просила, чтобъ къ ней на сговоръ онъ ѣхалъ, по которому прошенію онъ, Осипъ, обще съ матерью своею, и съ затемъ своимъ, и съ сестрами и родственниками въ домъ оной Калошиной поѣхали, и по пріѣздѣ въ домъ къ ней, Калошиной, былъ сговоръ, на которомъ вторично онъ, Зубковъ, и дочь ея прикладывались, а не присягали, и платками и протчимъ дочь ея его, Осипа, съ матерью зятей и сестеръ дарила, а какими дарами и по какой цѣнѣ оныя состоятъ и что въ отдарокъ ей имъ, Осипомъ, и протчими дано, о томъ пріобщается при семъ реэстръ, и объявленный Осипъ дочерь ея, по повеленію оной вдовы, цѣловалъ, и вовремя того сговора объявленная вдова Марья Колошина безъ всякаго резону, знатно умышленно напавъ на него, Осипа, и на зятей его и сестеръ бранила всякими скверными и непотребными словами и называла оныхъ сестеръ его курвами, а его, Осипа, по головѣ да бывшаго съ нимъ онаго жь монастыря

деревни Тазовой крестьянина Сѣдыхъ по щекамъ немилостиво била, и тѣмъ его, Осипа, и другихъ бывшихъ при немъ зятей и сестеръ обругала и обезчестила напрасно; и видя онъ, Осипъ, оное ея вдовы Калошиной ругательство и безчинство изъ дому ея и съ бывшими при немъ родственниками поѣхалъ въ домъ свой и, по отъѣздѣ его, осталось въ домѣ ея Калошиной собственной его, Осипа, мѣдной и оловянной посуды и прочаго по цѣнѣ на десять рублевъ и издержано для бывшихъ на томъ сговорѣ многихъ родственниковъ его, Осипа, разнаго напитку и всякихъ закусокъ на двадцать рублевъ да игрицамъ дано отъ него, Зубкова, и отъ матери и родственниковъ его денегъ по исчисленію на три рубля, а ея вдовы Калошиной при томъ сговорѣ напитковъ ничего не было; и сего жь Октября 12 дня посылалъ: онъ, Зубковъ, брата своего двоюроднаго и прочихъ къ ней Калошиной для забранія означенной посуды и прочаго неоднократно точію она не отдала, незнаемо для чего и притомъ она объявила онымъ посланнымъ, чтобы какъ ему, Зубкову, такъ и родственниками его въ домъ къ ней никогда ни зачѣмъ не ходить, а напротивъ того оный его братъ ей сказалъ, что де онъ, Осипъ, за учинившимися ея непотребствами къ ней не пойдетъ и дочери ея взять не хочетъ, а какъ на другой день она, Калошина, къ нему, Осипу, посылала чтобъ онъ къ ней пришелъ, онъ посланнаго отъ нея невидалъ, и что якобы онъ поѣхалъ въ рождественскую пустынь, не сказывалъ, а сынъ ея Максимъ провѣдать его, Осипа, подлино ль онъ поѣхалъ въ означенную пустынь къ нему, Зубкову, приходилъ и въ то время онъ, Осипъ, былъ въ домѣ своемъ и означенному сыну ея объявилъ, что намѣренъ онъ ѣхать въ Коренную пустынь для объявленія Его Высокопреподобію Отцу Архимандриту о учинившемся въ домѣ ея отъ нея безчинствѣ. А понеже у него, Зубкова, ко свадьбѣ напитки и прочіе припасы пріуготованы и чтобъ онымъ напрасно не утратится и отъ того онъ, Зубковъ, не пришелъ бы въ крайней убытокъ и одолженіе, для того сговорился онъ у градскаго Николаевскаго священника на дочери его Акилинѣ, которую взять за себя въ замужество желаетъ. А о непорядочныхъ ея вдовы Марьи Калошиной поступкахъ и ругательствѣ, о убыткѣ и безчестіи и не отдачи посуды отъ него, Зубкова, въ Курскій магистратъ сего жь Октября 13 дня подана явочная челобитная и въ семъ допросѣ сказалъ онъ Зубковъ самую сущую правду".

Крестьянинъ Ефимъ Сѣдыхъ на счетъ обидъ, учиненныхъ Зубкову и его родныхъ въ домѣ Калошиной, показалъ сходственно.

Производя такое дознаніе, слѣдователи мнѣніемъ своимъ полагали:

„По слѣдованію нами усмотрѣно, что учинены тою просительницею безчинства, въ чемъ во свидѣтельство крестьянинъ Сѣдыхъ противъ допроса Осипа Зубкова о ея непотребныхъ поступкахъ показалъ сходственно, и потому оная просительница сама въ винѣ состоитъ; а что она въ прошеніи

своемъ объявила, якобы изготовила напитку на восемь рублевъ, то она написала сущую неправду, ибо чтобъ въ невѣстеномъ домѣ для жениха и его родственниковъ напитки готовить, того нигдѣ не водится; а хотя она, Калошина, на дары и забрала разныхъ вещей многое число, то сколько дочь ея дарила, противъ того въ отдарокъ отдано ей со излишенствомъ, а оставшіяся забранныя ею на дары вещи обратно отдать купцамъ возможно, что и вездѣ водится; а дочь ея онъ, Зубковъ, цѣловалъ по повеленію ея же, то тѣмъ не обесзчестилъ; а она, просительница, по учиненіи безчинства и непорядочныхъ поступковъ, видя свою вину и отбывая его, Зубкова, на нее въ безчестіи и убыткѣ иску, проситъ на него напрасно; того ради, по общему нашему согласному мнѣнію приговорили: оной просительницѣ за непотребные ея поступки, за ругательство скверными словами и бой отказать и велеть ей, буде похочетъ дары обратно взять, а деньги отдать, а во убыткахъ и въ безчестьи оному Осипу Зубкову просить на нее по командѣ челобитьемъ, и за такія ея бездѣльничества дочери ея ему, Зубкову, взять за себя въ замужество не можно, ибо кромѣ ругательства, безчестья и боя она, Калошина, посланнымъ его еще сказала, чтобъ къ ней въ домъ ему, Зубкову, ни за чѣмъ не ходить,—а надлежитъ ему взять себѣ въ замужество по желанію его". (Подписались: Келарь, ризничій іеромонахъ, духовный іеромонахъ и простой іеромонахъ).

(Изъ арх. Курск. Знам. мон.).

№ 31.

Села Жерновца крестьянина Трофима Филипова челобитная о съѣденной чужими собаками свиньи.

Сего 1762 года Октября въ первыхъ числахъ деревни Жерновца крестьянина Михаила Меркулова собаки на околицѣ между прочею скотиною на свинью мою напали, и выѣли глаза и ухи поотрывали при свидѣтеляхъ Тимофеѣ Пашковѣ, за которую свинью нижняго двора прикащикъ Іеромонахъ Садокъ и оной же деревни старики присудили: ему, Меркулову, снѣденную собаками свинью отдать, а мнѣ, нижайшему, вмѣсто оной, приказали отдать свинью за свинью, которую я ему на дворъ и отволокъ, а оный Меркуловъ не точію снѣденной свиньи не принялъ, но еще и мене прибилъ и сказалъ: „пойди ты отъ меня прочь съ своею свиньею"—при свидѣтеляхъ при бабахъ Ѳеклѣ Ковалевой, Матренѣ Шеленовой и прочихъ; однако жь по суду вышеписанные старики приказали мнѣ у него свинью взять, которую я и взялъ къ себѣ на дворъ и кормилъ съ мѣсяцъ. А сего 5 Октября пріѣхалъ нижняго двора посельскій слуга Дмитрій Дураковъ и по прошенію показаннаго Меркулова приказалъ ему, Меркулову, взять у меня свою свинью къ себѣ, за что я, нижайшій, нахожусь обиженъ.

Того ради Вашего Высокопреподобія нижайше прошу за показанную мою стравленную свинью приказать учинить награжденіе по разсмотрѣнію Вашего Высокопреподобія или кому приказано будетъ.

(Изъ арх. Курск. Знам. мон.).

№ 32.

Слѣдствіе и приговоръ іеромонаха, купно съ стариками, по дѣлу о краденныхъ ульяхъ, 1754.

1754 года Генваря дня староста деревни Ясенокъ донесъ въ монастырь о кражѣ у крестьянина Филиппа Дворникова пчелъ крестьяниномъ Иваномъ Дворниковымъ же, вмѣстѣ съ братомъ его двоюроднымъ глуховскаго полка деньщикомъ Ипполитомъ Дворниковымъ, прибывшимъ въ свою деревню въ побывку. По этому репорту, духовному іеромонаху Өеодосію предписано было отправиться въ означенную деревню Ясенокъ и при собраніи стариковъ учинить слѣдствіе и, что по слѣдствію явится, учинить виннымъ наказаніе. При слѣдствіи оказалось, что обвиняемые, по ихъ собственному показанію пришли ночью для воровства къ означенному крестьянину Филиппу Дворникову на дворъ къ погребницѣ, гдѣ стояли пчелы, отбили двери и хотѣли пчелъ покрасть, одинъ улей и отшибли, а потомъ, послыша крикъ, что хотятъ ихъ поймать, побѣжали съ двора, но, догнавъ, ихъ поймали, привели на дворъ монастырскій, гдѣ допрашивали ихъ словесно, и они оба повинились. На основаніи такого показанія опредѣлено: виновныхъ, при собраніи стариковъ, наказать плетьми нещадно, дабы, на то смотря, другимъ не повадно было такъ дѣлать, и за отшибенныхъ пчелъ велѣть заплатить денегъ два рубля, а деньщика, сверхъ того по наказаніи, выслать изъ деревни къ полку, гдѣ ему быть надлежитъ, дабы отъ таковыхъ впредь непорядка и плутовства не было.

(Изъ арх. Курск. Знам. мон.).

№ 33.

Изъ штрафной книги.

1716 г. Сентября 7 казначей монахъ Веніаминъ доносилъ на крестьянина тазовскаго Якова Захарова, что онъ бранилъ прикащика монаха Тихона и отъ той брани онъ, Тихонъ, плакалъ, будучи на дворцѣ на Виногробли —Крестьянинъ, доведшій монаха до такого огорченія, битъ плетьми.

Тогожъ числа по челобитью крестьянина деревни Тазовой Якова Захарова на старосту, что онъ староста пробилъ ему голову, и въ томъ староста не запирался, и за то ему, старостѣ, было наказаніе. Онъ же староста на

него, челобитчика, доносилъ въ томъ, что онъ посылалъ его, челобитчика, на мельницу и онъ его не послушался, въ томъ онъ не запирался и за то было ему наказаніе.

Того жъ числа попу Кириллѣ было наказаніе за то, что онъ на своей седмицѣ отъ вторника до субботы къ церкви не ходилъ предъ праздникомъ Рождества Богородицы.

№ 34.

Челобитная на архимандрита К. З. монастыря Митрофана Шеинкова о его несносныхъ обидахъ монастырскимъ крестьянамъ и непорядочныхъ поступкахъ 1736 г.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица Анна Іоанновна, Самодержица Всероссійская.

Въ прошломъ 735 году въ Декабрѣ мѣсяцѣ, Правительствующаго Сената въ конторѣ, города Курска Знаменскаго монастыря на архимандрита Митрофана подали мы того жъ монастыря крестьяне, мірскіе челобитчики, по словесному мірскому приказу прошеніе въ томъ, что онъ, архимандритъ, будучи у насъ въ ономъ монастырѣ, противно христіанскаго закона и Вашихъ Императорскаго Величества указовъ, неподобныя сану своему дѣла чинитъ и самовольствомъ своимъ безъ Вашихъ Императорскаго Величества указовъ совсѣхъ съ насъ, монастырскихъ крестьянъ, сбираетъ, сверхъ подушныхъ денегъ и монастырскихъ настоящихъ оброковъ, многія деньги и столовые мясные запасы на свои яди, и раззоряя насъ напрасно, для своихъ прихотей, въ монастырѣ и на мельницѣ, собравъ съ міру не малыя деньги, построилъ себѣ ради гулянія своего многія забавныя покои и, пріѣзжая изъ монастыря, на той мельницѣ въ тѣхъ покояхъ токмо всячески забавляется всякими напитками и играми и съ дворниковыми двумя дочерьми онъ, архимандритъ, живетъ блудно, о чемъ явно въ томъ поданномъ нашемъ челобитьѣ, которое изъ конторы Сенатскаго правленія при указахъ Вашего Императорскаго Величества послано съ нами, мірскими челобитчики, въ Бѣлогородскую Губернію, къ господину бригадиру и губернатору Грекову съ товарищи и въ Курскъ къ штабъ-офицеру, и по тѣмъ указамъ, противъ того нашего челобитья, велѣно съ присланною отъ духовнаго правленія персоною, обо всемъ обще повальнымъ обыскомъ изслѣдовать и смотрѣть накрѣпко, чтобы онъ, архимандритъ, не токмо намъ, мірскимъ челобитчикамъ, но и всѣмъ того монастыря крестьянамъ, впредь никакихъ обидъ и разоренія никакого не чинилъ, и о томъ въ Канцелярію Духовнаго правленія во всемъ послано вѣденіе, а по тому вѣденію къ тому слѣдованію, незнаемо зачѣмъ, духовныя

персоны и по сіе время не прислано, и въ слѣдствіи того дѣла показаннымъ присутствующимъ учинена остановка, и отъ нихъ увѣдавъ онъ, архимандритъ, о тѣхъ указахъ, за то наше мірское челобитье и паче неотмѣнною своею злобою согласясь города Курска съ воеводою, съ кумомъ своимъ Петромъ Григорьевымъ, сыномъ Бибиковымъ, да съ нимъ имѣющимся у дѣлъ секретаремъ, съ двоюроднымъ его архимандритскимъ братомъ, Петромъ Артелевомъ, не боясь и не взирая на присланные Ваши Императорскаго Величества указы, которые онъ, архимандритъ, посланными отъ себя у насъ мірскихъ челобитчиковъ хотѣлъ въ Курскѣ отнять и насъ побить, а другихъ крестьянъ всѣхъ вовсе раззорить и нагло иныхъ смерти предать, и для такого разоренія, прошлаго 735 года Декабря 22 дня, присылалъ онъ, архимандритъ, къ намъ въ село Смородинное, явно накупя, объявленныхъ въ поданномъ нашемъ мірскомъ челобитьѣ согласниковъ своихъ, общихъ съ нимъ нашихъ раззорителей, о которыхъ по тому нашему дѣлу велѣно же изслѣдовать, и съ ними другихъ многихъ, незнаемо какихъ, воровскихъ людей разбойниковъ съ огненнымъ ружьемъ и съ копьи и съ цѣпами и съ дубьемъ, и что на него же, архимандрита, того же села попъ Яковъ Климонтовъ въ тѣхъ числахъ хотѣлъ ѣхать въ Москву въ показанныхъ ему въ некакихъ важныхъ дѣлахъ доносить, и тѣ нарядные разбойники по наученію его архимандритскому съ умыслу пріѣхали къ намъ въ то село, въ самую полночь, помянутаго Декабря по 23 число и во первыхъ умышленно въ томъ селѣ на колокольнѣ у колоколовъ языки всѣ поотрѣзали, чтобы на нихъ въ томъ разбоѣ набатъ бить было не возможно, и потомъ пріѣхавъ на дворъ онаго попа Якова, разбоемъ двери у сѣней выбили, и взявъ его попа за волоса, изъ избы вытащили и связавъ руки назадъ, на морозѣ босова въ снѣгу держали въ одной рубашкѣ, морили смертію и били всячески, также отца его попова и мать и попадью его, которая была беремена, били же смертнымъ боемъ и въ снѣгу держали, и тѣмъ разбоемъ у ней, попадьи, изъ утробы до смерти убитаго младенца выбили, которымъ она была на сносѣхъ, и сбивъ у свѣтлицы и у сундука замки, тѣмъ же разбоемъ взяли у него попа денегъ двѣсти рублевъ, двѣ шубки китайчатыя, два конца китайки, цѣпочку серебреную, тѣ же разбойники онымъ же своимъ разбоемъ убили у насъ до смерти прежняго мірскаго челобитчика, того села крестьянина Силу Епифанова, который съ товарищемъ своимъ ходилъ въ тѣхъ же его архимандритскихъ непорядочныхъ поступкахъ и въ нашихъ обидахъ на него, архимандрита, въ Санктъ-Петербургъ бить челомъ, и о томъ въ поданномъ нашемъ мірскомъ прошеніи значитъ: они же разбойники разбили крестьянъ Тимофея Котельникова, били смертнымъ боемъ и связавъ руки назадъ, держали на снѣгу, и у клети его сбили замокъ и, разбивъ сундукъ, взяли денегъ сто рублевъ, и Василія Бѣлова съ дѣтьми и Павла Перелыгина били дубьемъ и держали въ снѣгу босыхъ и хо-

тѣли ихъ изъ того села, забивши имъ ноги въ колодки, увесть невѣдомо куда, и побить до смерти, а при томъ разбоѣ они, разбойники, той ночи назвались лейбъ гвардіи преображенскаго полка солдатами, а изъ нихъ же одинъ разбойникъ Тимофей Дураковъ называлсл преображенскаго полка капраломъ, котораго мы признали по словамъ, и оной попъ Іаковъ и крестьяне, видѣвъ отъ нихъ смерть свою въ той ночи, кричали на нихъ разбойниковъ: „разбой", и на тотъ ихъ ночной крикъ сбѣжались того села крестьяне, и у нихъ, разбойниковъ, того попа Іакова и крестьянъ едва отбили, и отняли у нихъ одну шпагу, и стали ихъ ловить, и они взять себя многое время не дались никто, и съ нашими мірскими людьми всячески бились, и по утру изъ тѣхъ разбойниковъ вѣдомой воръ и наказанный человѣкъ, того же села бывшій крестьянинъ Матвей Горбачевъ, съ сыномъ своимъ явился на томъ же разбоѣ у крестьянина, у Викулы Железникова, съ товарищи своими вынявъ ножи, за нашими монастырскими крестьяны гонялись и кричали: „рѣзать до смерти!", и они, мірскіе люди, обороняючи отъ себя и охраняя дома свои, оныхъ вѣдомаго вора и съ сыномъ его убили до смерти, а другіе товарищи ихъ изъ того села разбѣжались, только изъ нихъ пойманы два человѣка, и тѣхъ пойманныхъ разбойниковъ и съ ними разбойническіе два тѣла міромъ отвезли въ городъ Ливны, въ канцелярію Воеводскаго правленія, къ распросамъ, а мертвыя тѣла къ объявленію и по тому приводу тѣ приводные воры въ той канцеляріи приняты и роспрашиваны, и въ распросахъ своихъ винились: первый Ларіонъ Грѣшиловъ сказалъ, что они пришли съ дубьемъ и съ копьи и съ цѣпами къ оному попу Іакову ночнымъ временемъ, яко бы для взятія его, попа, къ нему архимандриту, и у хоромъ въ домѣ его поповѣ двери выбили и, вытаща изъ избы брата его Василія за волоса, въ одной рубашкѣ, связавъ руки назадъ, на снѣгу держали, а отца его попова, и мать и попадью его попову били смертнымъ боемъ и таскали за волоса и, збивъ у свѣтлицы и у сундука замки, всякіе ево поповы пожитки товарищи его несли, а какіе, будто того не усмотрѣлъ для того, что онъ стоялъ на караулѣ, чтобы оной попъ Іаковъ не ушелъ, и взявъ его, попа, товарищи его, связавъ руки назадъ, тащили за волоса и набили ему на обѣ ноги одну колодку, тако жъ и оныхъ крестьянъ Котельникова съ товарищи на дворахъ ихъ били смертнымъ же боемъ, а другой разбойникъ Аврамъ Заугольниковъ въ распросѣ своемъ сказалъ тѣ жъ рѣчи, онъ же еще объявилъ, что они ѣздили въ оное село, по повелѣнію его, архимандрита, дабы онаго попа Іакова взять и убить до смерти, и послѣ того разбоя, оный архимандритъ съ оными своими свойственники, съ воеводою и секретаремъ изъ канцеляріи Воеводскаго правленія, изъ Курска, токмо по злобѣ непрестанно къ намъ въ оное село Смородинное присылаютъ человѣкъ по сту и больше, дабы также у насъ изъ того села лучшихъ людей и крестьянъ кого взять и мучительски по прежнему въ тюрьмѣ безвинно

поморить, а въ томъ числѣ, незнаемо для чего, съ штабнаго двора, отъ капитана Ивана Артемьева сына Непоставова, дважды присыланъ намъ одинъ человѣкъ солдатъ, который у насъ пойманъ былъ и онъ, Непоставовъ, самъ пріѣхалъ къ намъ въ оное село и взялъ съ упросомъ, что имъ, штабнымъ офицеромъ, солдатъ къ намъ присылать не надлежитъ, понеже у насъ въ томъ селѣ подушныхъ денегъ ни на комъ доимки не имѣется: онъ же, архимандритъ, за тѣми же Вашими Императорскаго Величества указы видимо противясь имъ въ показанномъ слѣдствіи и наипаче ругаючись надъ нами монастырскими крестьяны, въ декабрѣ мѣсяцѣ 735 года, высылалъ насъ монастырскихъ крестьянъ сто подводъ изъ Брянскаго уѣзда больше двусотъ верстъ оному секретарю Артельному, на строеніе его изъ разныхъ лѣсовъ многія бревна вывозили, и тѣми подводами у нихъ крестьянъ лошадей надсадили и поморили, и отъ того многіе крестьяне раззорились безъ остатку, и выѣхать имъ стало не на чемъ, такожъ онъ, архимандритъ, въ 734 и въ 735 годахъ, въ рекрутскіе наборы приказалъ всѣмъ намъ, монастырскимъ крестьянамъ, дѣтей своихъ и братьевъ къ смотру приводить къ себѣ въ монастырь къ отдачѣ въ рекруты, и съ насъ крестьянъ съ отдачи рекрутъ бралъ взятки и отпущалъ домой, а кому нечего было дать, и тѣхъ непорядочно отдавалъ въ рекруты, а имянно; съ Тимофея Жукова взялъ полтора рубля. а внука его, Евсевья Жукова, отдалъ въ рекруты, съ Терентія Селизнева взялъ полтора рубля, а сына его Терентьева отдалъ въ рекруты, съ Агапа Дунаева взялъ три рубля, а сына его, Дунаева; отдалъ въ рекруты; съ Савила Вялова взялъ четыре рубля, а брата его отъ рекрутской отдачи отпустилъ домой; съ Василья Нагорнова взялъ десять рублевъ и сына его, Горнаго, въ отдачу отпустилъ домой; съ Петра Жукова взялъ пять рублевъ и брата его отпустилъ домой, по тому жъ и съ другихъ крестьянъ, со многихъ въ тѣхъ рекрутскихъ отдачахъ, за дѣтей и за братьевъ бралъ онъ, архимандритъ, многія же взятки, а что съ кого взялъ, о томъ они сами въ повальномъ обыску покажутъ, да въ Курскомъ уѣздѣ, на Коренной нашей монастырской пустыни, во время о девятой пятницѣ, на ярманку онъ, архимандритъ, въ 735 году, въ селѣ Смородинномъ, изъ монастырскаго табуна добрыхъ лошадей, мериновъ и кобылицъ больше сорока отобравъ, велѣлъ на той арманкѣ продавать, за мѣриновъ по сту рублевъ, а за кобылицъ по семидесятъ и по пятидесятъ и по двадцати рублевъ, а продавалъ тѣхъ лошадей крестьянинъ Иванъ Корнѣевъ и деньги отдавалъ ему, архимандриту, о томъ онъ, Корнѣевъ, покажетъ; да на той же ярманкѣ, по вся годы, въ девятую пятницу бываетъ у насъ со всѣхъ странъ много народу и служать имъ старцы молебны и продаютъ монастырскія вощатыя свѣчи, и сбираютъ разныхъ городовъ съ купецкихъ людей, съ лавочныхъ мѣстъ со всякаго мѣста по три и по два рубля и по сороку алтынъ, такожъ народомъ Богу

молясь, въ церкви многія деньги кладутъ въ кладезь, которыхъ монастырскихъ церковныхъ доходовъ сбирается у насъ рублевъ по тысячи и больше, и онъ, архимандритъ, монастырскими деньгами многими корыствуется самъ и отсылаетъ въ Бѣлгородъ, къ сродственникамъ своимъ, а прежній архимандритъ оныя деньги употреблялъ въ церковныя и монастырскія строенія, а самъ никогда не корыстовался; онъ же, архимандритъ, изъ монастырскихъ нашихъ лѣсовъ многой лѣсъ, тако жъ и изъ засѣкъ монастырской медъ роспродаетъ и розсылаетъ родственникамъ своимъ, и живучи въ той прохладѣ, онъ, архимандритъ, Бога забылъ, и презрѣвъ запретительный Вашъ Императорскаго Величества указъ, что всенародно объявленъ о колдунахъ, въ томъ же монастырѣ ради всякаго своего волхвованія, держитъ при себѣ волхва, однодворца Никиту Кононова, чтобы ему онъ, что впредь будетъ, повѣдывалъ.

Всемилостивѣйшая Государыня Императрица, просимъ Вашего Императорскаго Величества, да повелитъ державство Ваше сіе наше мірское прошеніе Правительствующаго Сената въ Конторѣ принять и сообщить къ показанному дѣлу и объ оныхъ несносныхъ отъ него, архимандрита, съ оными его свойственники, онаго села Смородиннаго всѣмъ крестьянамъ всеконечныхъ раззореніяхъ того села Смородиннаго всѣми крестьяны и посторонними всякими людьми въ повальномъ обыску изслѣдовать и для того изслѣдованія послать изъ Москвы добраго человѣка, кого надлежитъ, и оныхъ пойманныхъ приводныхъ разбойниковъ и роспросныя ихъ рѣчи, изъ Ливенской Канцеляріи Воеводского правленія, къ тому же слѣдствію взять, и, кого они товарищевъ своихъ имяна показали, сыскавъ всѣхъ, по тому же распросить, и, въ чемъ надлежитъ, между ими, разбойники, дать очныя ставки, и розыскать, и по розыску по тому дѣлу указъ учинить, а въ канцелярію Духовнаго Правленія, о присылкѣ къ тому слѣдованію объявленной персоны, послать вторичное вѣдѣніе, чтобъ они, архимандритъ съ оными свойственниками своими, злясь за наши мірскія на нихъ прошенія, всякими своими злобами то наше село Смородины съ прочими напрасно вовсе не раззорили, съ которыхъ монастырскихъ вотчинъ мы, мірскіе монастырскіе крестьяне, Вашему Императорскому Величеству платимъ подушныя деньги, и всякія подати и рекруты съ трехъ тысячъ душъ и больше, и за такимъ насъ, монастырскихъ крестьянъ, отъ нихъ согласнымъ напраснымъ раззореніемъ, онымъ Курскому Воеводѣ, господину Бибикову, и секретарю Артельному, до перемѣны, за показаннымъ свойствомъ, ему, архимандриту, ни въ чемъ не повелѣно бъ было насъ вѣдать, а повелѣно бъ, во всякихъ нашихъ дѣлахъ судомъ и расправою впредь насъ вѣдать, гдѣ указомъ Вашего Императорскаго Величества повелѣно будетъ и о томъ въ Курскую канцелярію Воеводскаго правленія и къ кому надлежитъ послать свои Императорскаго Величества указы, чтобы намъ, бѣднымъ монастырскимъ крестьянамъ, отъ него, архимандрита, съ прочими, отъ такой злобы

ихъ напрасно всѣмъ вовсе не раззориться и врознь не разбрестися и Вашихъ Императорскаго Величества всякихъ податей и наборовъ не отбыть.

Вашего Императорскаго Величества нижайшіе рабы, города Курска, Знаменскаго монастыря, села Смородиннаго мірскіе челобитчики, крестьяне Семенъ, Васильевъ, сынъ Колозинъ съ товарищи, Февраля дня 1736 года. Прошеніе писалъ гренадерскаго Кампенгаузина полка оставной каптенаріусъ Осипъ Кареунцевъ, къ поданію надлежитъ Правительствующаго Сената въ контору. Къ тому прошенію Курской купецъ Василій Елисѣевъ, сынъ Короткой, вмѣсто вышеписанныхъ крестьянъ Семена Колозина съ товарищи, по ихъ прошенію руку приложилъ.

(Изъ арх. М. Юст. К. У. С. 2 оп. 24 вязка.)

№ 35.

Допросъ и показанія челобитчика и свидѣтелей въ слѣдственной комиссіи по дѣлу архимандрита Митрофана Шеинкова 1737 г.

1737 года Іюля 5 дня, по указу Ея Императорскаго Величества, въ новоучрежденной слѣдственной коммиссіи господа присутствующіе, слушавъ выписки изъ слѣдствія противъ челобитья челобитчиковъ Семена Колозина, Мирона Лоскутова, Андрея Забѣлича, поданнаго въ Сенатской конторѣ, въ которомъ челобитьѣ они, челобитчики, между прочимъ написали, что де оной архимандритъ построилъ себѣ на монастырской мельницѣ, отъ монастыря въ семи верстахъ, забавныя свѣтлицы и другіе потѣшные покои, и въ тѣхъ свѣтлицахъ держитъ крестьянскихъ женокъ, той же мельницы дворника Федора Кочена двухъ дочерей, которыми ему, архимандриту, сводничаетъ мать ихъ, и къ тѣмъ женкамъ онъ, архимандритъ, изъ того ихъ монастыря многократно по вся недѣли ѣздитъ, и часу въ третьемъ ночи съ іеродіакономъ Александромъ, съ Тимофѣемъ Бѣлоглазовымъ, съ Васильемъ Хрипуновымъ да съ черкасами съ девятью человѣками, съ келейниками и поварами, и съ собою изъ монастыря привозитъ всякіе пьяные напитки, и съ тѣми прелюбодейками его пьютъ и припасаютъ ему, архимандриту, ѣсть мясное, и на тѣхъ же забавныхъ банкетахъ, на той мельницѣ тогда бываютъ игры въ гудки и въ скрипки и при томъ скачьки и пляски, и съ той де забавы, пріѣзжая съ мельницы по утрамъ въ монастырь, онъ, аримандритъ, парится въ банѣ, а паръ поддаютъ ему медомъ, да онъ же, челобитчикъ Семенъ Колозинъ, съ товарищами, а съ кѣмъ имянно, того не написано, во вторичномъ своемъ прошеніи въ Сенатскую контору написалъ: онъ же архимандритъ, живучи въ той прохладѣ, Бога забылъ и, презрѣвъ запретительный Ея Императорскаго Величества указъ, въ томъ же монастырѣ, ради всякаго своего волхвованія, держитъ при себѣ волхва, однодворца Никиту Кононова, чтобъ ему онъ,

что впредь будетъ, повѣдывалъ; а въ сыскномъ приказѣ онъ, челобитчикъ Семенъ Колозинъ, распросомъ показалъ: вышеписанный де архимандритъ Митрофанъ, въ Курской уѣздъ пріѣзжаетъ изъ монастыря на мельницу Куровую, и всячески забавляется всякими напитками и играми, и оный архимандритъ живетъ блудно на той мельницѣ, дворника Федора Кочена съ двумя дочерями женками, а какъ ихъ зовутъ, не знаетъ, а сказывали про то блудное дѣло показаннаго села крестьянину, Мирону Лоскутову, онаго архимандрита повара, Кирила да Данила, Ивановы дѣти, Нестеровы и оный Лоскутовъ о томъ блудѣ ему, Семену, объявилъ же, а онъ де, Семенъ, того блуднаго дѣла за нимъ, архимандритомъ, самъ не видалъ, и отъ вышеписанныхъ поваровъ онаго блуда онъ, Семенъ, не слыхалъ; да у него-жъ де, архимандрита, живетъ въ монастырѣ волхвъ, однодворецъ Никита Кононовъ, который ему волхвуетъ бобами и угадываетъ, что ему впредь и послѣ ни отъ кого ничего не сдѣлается, а какъ де онъ, Кононовъ, волхвуетъ, о томъ подлинно вѣдаютъ вышеписаннаго же села Смородиннаго крестьяне Никифоръ Парфеновъ, Миронъ да Иванъ Лоскутовы, Василій Бѣлой, Борисъ Емельяновъ, Тимофей Кузнецовъ и всѣ того села крестьяне, а онъ де, Семенъ Колозинъ, отъ него, однодворца Никиты Кононова, того волшебства, что онъ волхвуетъ самъ не видалъ; а Апрѣля 10 дня 736 года, въ прежней слѣдственной коммиссіи показанный Миронъ Лоскутовъ допросомъ показалъ, что де оный Кононовъ къ архимандриту Митрофану, въ Знаменскій монастырь хаживалъ неоднократно, а житьемъ у него жилъ ли, того онъ не знаетъ, а будучи де у него, архимандрита, оный однодворецъ Кононовъ ему, архимандриту, волхвовалъ ли бобами и угадывалъ ли что ему, архимандриту, послѣ и впредь ничего не сдѣлается, того де онъ, Лоскутовъ, не знаетъ и за нимъ де, Кононовымъ, онъ, Лоскутовъ, волхвованія накакого не знаетъ и не видалъ; и того же числа оному Лоскутову въ томъ запирательствѣ съ Семеномъ Колозинымъ дана очная ставка, а на очной ставкѣ онъ, Миронъ Лоскутовъ, показалъ тоже, что и въ допросѣ своемъ показалъ, а означенный де Кононовъ волхвуетъ ли, того де онъ подлинно не знаетъ, а Семенъ Колозинъ на очной ставкѣ сказалъ: оный де Кононовъ показанному архимандриту бобами волхвуетъ ли, того де онъ, Колозинъ, не знаетъ, а написалъ де въ челобитвѣ съ черной челобитной руки села Смородиннаго попа Іакова Климова, что нынѣ роспопъ, понеже де ту челобитную составливалъ и писалъ онъ, попъ, а въ сыскномъ де приказѣ, въ распросѣ онъ, Колозинъ, показалъ, что будто про то волшебство вѣдаютъ села Смородиннаго вышеписанные Никифоръ Парфеновъ съ товарищами и всего того села крестьяне напрасно, по наученію же показаннаго попа Іакова, а онъ де, Колозинъ, за нимъ, Кононовымъ, волшебства никакого подлинно не знаетъ, а оный де однодворецъ Кононовъ, у него, архимандрита, живалъ, а для чего, не знаетъ; да въ той же прежней слѣд-

ственной коммиссіи 1) человѣкъ, поваръ Кирилла Нестеровъ, распросомъ же показалъ: приказано де имъ отъ онаго архимандрита Митрофана съ братомъ его Данилою Нестеровымъ, чрезъ іеродіакона Александра, кромѣ постныхъ дней, среды и пятницы, всегда про него, архимандрита, и іеродіакона Александра, всякое кушанье готовить мясное, которое они и готовили, а онъ де, архимандритъ, то мясное кушанье употреблялъ ли, того онъ, Кирилла, не видалъ, а іеродіаконъ де Александръ то мясное кушанье ѣдалъ и при немъ, да онъ же, іеродіаконъ Александръ, съ одною женкою, меньшою Матреною, чинилъ блудное дѣло, а сводничалъ де конюхъ Василій Хрипуновъ, а архимандритъ де Митрофанъ съ оными женками Матренами блудное дѣло чинилъ ли, того онъ, Кириллъ, не вѣдаетъ и не видалъ, также де оный архимандритъ, когда бываетъ на мельницѣ Знаменкѣ, и въ то де время игры въ гудки и пляски никакой не бывало, только де при немъ, архимандритѣ, были конюхи и черкасы, въ другой де черной избѣ межъ собою игрывали, и какъ пріѣзжая, оный архимандритъ и іеродіаконъ Александръ съ той мельницы въ оный монастырь, въ банѣ паривались ли, и паръ медомъ поддавали ль, того онъ, Кириллъ, не знаетъ же, а означенный де архимандритъ Митрофанъ съ женками, Федора Кочена съ дочерьми, блудное дѣло чинилъ ли, того онъ, Кириллъ, не знаетъ же и не видалъ; а въ сыскномъ де приказѣ, на него, Кирилла, и на брата его Данилу челобитчикъ Семенъ Колозинъ показалъ напрасно. 2) Человѣкъ Тимофей Дураковъ, Бѣлоглазовъ онъ же, сказалъ: означеннаго де Федора Кочена двухъ дочерей онъ, архимандритъ, напитками паивалъ ли и блудной съ ними онъ, архимандритъ, и прочее при нихъ чинили ль, также на той мельници ему, архимандриту, мясное кушанье припасали ль и оный архимандритъ ѣдалъ ли, того де онъ не знаетъ и при немъ, архимандритѣ, игры въ гудки, и въ скрипки, и скачки и пляски не бывало, и онъ, Дураковъ, того не слыхалъ. 3) Человѣкъ поваръ же Андрей Прокофьевъ, кромѣ среды и пятницы, въ заготовленьи на кухнѣ всякаго мяснаго кушанья не заперся, а архимандритъ де оное мясное кушанье употреблялъ ли, того онъ не видалъ, а іеродіаконъ Александръ то мясное кушанье ѣдалъ. 4) Человѣкъ монахъ Елинархъ показалъ: приходя де къ нему, Елинарху, онаго архимандрита бѣлый діаконъ Ларіонъ да келейникъ его Иванъ, а чьи дѣти не знаетъ, да повара Кириллъ, да Данила Нестеровы, Андрей Прокофьевъ, бирали у него, Елинарха, мясное кушанье на кухнѣ, а варя де то мясное кушанье, кому относили, того онъ, Елинархъ, не знаетъ, а знаютъ про то означенные повара, а вышеписанный де архимандритъ Митрофанъ и при немъ іеродіаконъ Александръ изъ того мяснаго кушанья себѣ въ пищу употреблялъ ли или нѣтъ, того онъ, Елинархъ, не знаетъ, и ни отъ кого не слыхалъ. 5) Человѣкъ Василій Хрипуновъ: въ прежней коммиссіи, въ сводѣ показанныхъ женокъ, коровницу Анну да Федора Качана дочь меньшую Матрену, на блудное дѣло, пока-

занному іеродіакону Александру винился, а съ архимандритомъ Митрофаномъ показанныя женки, коровница Анна и Федора Качана двѣ дочери, большая и меньшая Матрены, блудно дѣло не чинивали, и онъ, Василій, оныхъ женокъ съ нимъ, архимандритомъ, для блуда не сваживалъ. 6) Женка коровница Анна въ блудодѣяніи съ означеннымъ іеродіакономъ Александромъ винилась. 7) Человѣка Феодора Качана меньшая дочь Матрена, въ блудодѣяніи съ онымъ же іеродіакономъ Александромъ винилась. 8) Человѣкъ Миронъ Лоскутовъ сказалъ: архимандритъ де Митрофанъ дворника Федора Кочана съ двумя дочерьми блудно живетъ ли, того онъ, Миронъ, не знаетъ и ни отъ кого не слыхалъ, также де ему, Мирону, повара Кириллъ да Данила Нестеровы про то, что оный архимандритъ живетъ блудно съ оными женками, не сказывали, и онъ, Миронъ, про то блудное дѣло вышеписанному крестьянину Семену Колозину не сказывалъ, а въ челобитной де написалъ онъ, Миронъ, съ вышеписанными крестьянами Семеномъ Колозинымъ да съ Андреемъ Забѣлинымъ, на онаго архимандрита вышеозначенное блудное дѣло напрасно по наученію села Смородиннаго попа Іакова Климова, а того жъ де села Смородиннаго крестьяне, окромѣ обидъ на него, архимандрита, блуда писать никто не веливали. 9) Человѣкъ Семенъ Калозинъ сказалъ, что де архимандритъ Митрофанъ, на мельницѣ Знаменкѣ, дворника Федора Кочана съ двумя дочерьми Матренами подлинно блудно жилъ, и мать ихъ ими ему, архимандриту, сводничаетъ, да онъ же де, архимандритъ, жилъ блудно на мельницѣ Знаменкѣ съ коровницею вдовою, а какъ зовутъ, запамятовалъ, которая за мужемъ за крестьяниномъ Степаномъ Марковымъ и живетъ того Знаменскаго монастыря при пустыни Липинѣ, а сказывалъ де ему про то, именно, что оный архимандритъ съ тѣми женками живетъ блудно, крестьянинъ Гуръ Кондратьевъ, а кромѣ де онаго Гура Кондратьева, про оное блудное дѣло онъ, Семенъ, ни отъ кого не слыхалъ, такъ же де Миронъ Лоскутовъ такія рѣчи отъ поваровъ Кирилла да Данила Нестеровыхъ, что оный архимандритъ живетъ блудно на мельницѣ Знаменкѣ дворника Федора Коченa съ двумя дочерьми, слышалъ ли, того де онъ, Семенъ, не знаетъ, и онъ, Миронъ, про него, архимандрита, что живетъ блудно съ показанными женками, ему, Семену, не сказывалъ. 10) Человѣкъ Гуръ Кондратьевъ сказалъ: архимандритъ де Митрофанъ на той мельницѣ Федора Качанова съ двумя дочерьми Матренами блудно жилъ ли, и мать ихъ ему, архимандриту, ими сводничала ль, также оной архимандритъ, на той же мельницѣ, съ коровницею села Смородиннаго, крестьянина Степана Маркова съ женою его, которая прежде того была вдовою Аксиньею, Федоровою дочерью, блудно жилъ ли, того онъ, Гуръ, не знаетъ, и ни отъ кого не слыхалъ, и показанному Семену Колозину про то, что оный архимандритъ съ вышеписанными женками Матренами и съ коровницею Аксеньею блудно живетъ, онъ, Гуръ,

не сказывалъ; а на очной ставкѣ Семенъ Колозинъ съ Гуромъ Кондратьевымъ сказалъ: что де означенный архимандритъ Митрофанъ Федора Кочена съ двумя дочерьми Матренами блудно жилъ ли, и мать ихъ ими ему архимандриту сводничала ль, да на мельницѣ Знаменкѣ, съ коровницею, вдовою, а какъ зовутъ запамятовалъ, которая за мужемъ за крестьяниномъ Степаномъ Марковымъ, блудно живетъ ли, того онъ, Семенъ, не знаетъ, и ни отъ кого не слыхалъ, также крестьянинъ Гуръ Кондратьевъ про то, что оный архимандритъ живетъ блудно съ оными женками, ему, Семену, не сказывалъ, а говорилъ на него напрасно, а ту де челобитную начерно писалъ имъ своею рукою означенный попъ Яковъ и привезъ къ нимъ въ Москву; а Гуръ Кондратьевъ на очной ставкѣ сказалъ то же, что и въ распросѣ говорилъ; а прошедшаго Іюня 30 дня, въ новоучрежденной слѣдственной коммиссіи вышеписанный Василій Хрепуновъ въ сводѣ оными женками къ іеродіакону Александру на блудное дѣло заперся и того же числа вышеобъявленный іеродіаконъ Александръ, какъ въ мясоѣды, такъ и съ женками, съ коровницею Анною, да Федора Кочена съ дочерью меньшою Матреною въ блудодѣяніи не заперся, того ради опредѣлили: 1) означеннаго іеродіакона Александра, конюха Василія Хрепунова, женокъ коровницу Анну Андрееву, Федора Кочена дочь меньшую Матрену до указу отдать на добрыя поруки, съ такимъ обязательствомъ: ежели оныхъ іеродіакона и конюха и женокъ впредь въ оную коммиссію востребуютъ, то тѣмъ роспищикамъ ихъ поставить безъ всякой отговорки, а ежели не поставятъ и имъ учинить то жъ, чему они достойны, понеже въ слѣдственной коммиссіи имѣется колодниковъ не малое, а солдатъ малое число и отъ того оные колодники, за малолюдствомъ солдатъ караульныхъ, не учинили бъ утечки, какъ было прежде сего; 2) и вышеписаннаго челобитчика крестьянина Семена Колозина, по силѣ данной бригадиру Дубасову Правительствующаго Сената изъ конторы инструкціи сыскавъ, держать подъ крѣпкимъ карауломъ, понеже, какъ въ семъ опредѣленіи показано выше сего, онъ, челобитчикъ Колозинъ, за архимандритомъ Митрофаномъ, какъ въ волшебствѣ, такъ въ блудодѣяніи и мясоѣдіи и въ забытіи имъ, архимандритомъ, Бога ничего не доказалъ, а поданной бригадиру инструкціи онъ, Колозинъ, изъ сыскнаго приказа одинъ съ прочими колодниками подъ карауломъ и велѣно его, Калозина, съ прочими колодниками содержать подъ крѣпкимъ карауломъ; 3) а вышеписанаго попа, что нынѣ роспопъ, Якова Климова въ коммиссіи распросить въ томъ, 1-е, села Смородинаго крестьянамъ повѣренное письмо, которое было дано означеннымъ челобитчикамъ Семену Колозину, чтобъ бить челомъ на онаго архимандрита Митрофана, въ Москвѣ, правительствующаго Сената въ конторѣ въ обидахъ имъ писалъ ли, и въ томъ вѣрющемъ письмѣ на онаго жъ архимандрита Митрофана блуднаго дѣла съ какого вида написалъ и по чьему велѣнію

2) онъ же, распопъ, на него же, архимандрита, начерно челобитную написалъ ли имъ же, челобитчикамъ, своею рукою, и въ Москву къ нимъ, челобитчикамъ, отвезъ ли, и въ оной челобитной онъ, распопъ, вышеписанное волшебство на архимандрита Митрофана, яко бы онъ въ монастырѣ ради всякаго своего волхвованія держитъ при себѣ волхва однодворца Никиту Кононова, чтобъ ему, архимандриту, онъ, что впредь будетъ, повѣдывалъ съ какого виду написалъ, понеже показанные челобитчики допросами показали, что оное блудодѣяніе и волшебство написалъ имъ оный распопъ, а ежели онъ, распопъ, въ томъ станетъ запираться, то ему съ вышеписанными челобитчиками давать очныя ставки по указу, а по допросу и по очнымъ ставкамъ дѣло предложить къ слушанію немедленно. У подлиннаго скрѣплено такъ: Бригадиръ Тургеневъ, капитанъ Каменевъ, капитанъ Шидловскій, секретарь Ферапонтъ Каменевъ.

(Изъ архива Мин. Юст. Курск. У. С. 2 оп. 23 вязка, № 22).

№ 36.

Доношеніе бригадира Дубасова въ контору Правительствующаго Сената о поведеніи архимандрита Митрофана Шеинкова во время слѣдствія надъ нимъ, 1737 г.

Въ доношеніи бригадира Дубасова Генв. 23 дня 1737 г. написано:

По присланному Ея И. Величества Правительствующаго Сената изъ конторы указу... и поданной ему, Дубасову, изъ оной конторы инструкціи велѣно по челобитью Курскаго Знаменскаго монастыря села Смородиннаго крестьянъ Семена Колозина съ товарищи о непорядочныхъ того монастыря архимандрита Митрофана поступкахъ и о излишнихъ имъ съ крестьянъ сборѣхъ и о протчемъ и, что до другихъ по тому челобитью касается, о всемъ изслѣдовать обще со опредѣленною отъ духовнаго правительства персоною безъ всякаго упущенія и понаровки, а во время того слѣдствія смотрѣть накрѣпко, чтобы отъ того архимандрита и ни отъ кого обиды и разоренія не только тѣхъ челобитчиковъ, но и всея толь вотчины крестьянъ не было.

А оной де Архимандритъ, по прибытіи своемъ изъ Москвы, многія не токмо крестьянамъ обиды и разоренія чинитъ, но и коммиссіи не малую противность показываетъ, а именно, того монастыря поваръ Кирилла Нестеровъ допросомъ показалъ, что онъ, Кирилла, вѣдаетъ блудное дѣло за іеродіакономъ Александромъ, который іеродіаконъ жилъ при ономъ архимандритѣ всегда безотлучно, а жилъ де блудно съ двумя женками, въ чемъ и тѣ женки не запирались; онъ же, Кирилла, показалъ, что варилъ онъ, Кирилла, съ товарищи мясное кушанье, кромѣ среды и пятка, и нашивалъ къ оному

архимандриту въ сѣни, а въ сѣняхъ принимали и въ келью нашивали келейники, а архимандритъ де то мясное Кушанье ѣдалъ или нѣтъ, того де онъ, Кирилла, подлинно не знаетъ, только де помянутый іеродіаконъ подлинно то мясное кушанье ѣдалъ и при немъ, Кириллѣ; и по допросѣ де оный поваръ по прошенію того монастыря братіи отданъ имъ на росписку для повареной работы; а по томъ же де прибытіи Іюня 24 дня 1736 года оный архимандритъ Митрофанъ, захватя его, повара Кириллу, къ себѣ въ келью билъ его, снявъ рубаху, плетьми безъ милости, и бивъ приговаривалъ: „для чего де онъ, Кирилла, допросомъ показалъ на іеродіакона Александра блудное дѣло, которой его бой по прошенію его въ слѣдственной коммиссіи вышепоказаннаго Іюня 24 числа записанъ; показанный же архимандритъ запретилъ кормить монаховъ, которые содержатся въ слѣдственной коммиссіи по дѣламъ, и потомъ онъ, Дубасовъ, ему, архимандриту, сталъ говорить, чтобы онъ, архимандритъ, приказалъ онымъ монахамъ давать пропитаніе, чтобы оные монахи прежде времени съ голоду не померли, и онъ де, архимандритъ, при многихъ стороннихъ людяхъ, сказалъ ему, Дубасову, что де онъ, архимандритъ, его, Дубасова, не слушаетъ, какъ де они воровали, такъ и питаются; онъ же де, архимандритъ, многихъ крестьянъ беретъ къ себѣ въ монастырь и держитъ въ хлѣбнѣ въ цѣпяхъ и велитъ бить смертнымъ боемъ до тѣхъ мѣстъ, пока кто даетъ ему письмо такое, что о чемъ тотъ крестьянинъ прежде на него, архимандрита, объявилъ, чтобъ впредь о томъ не бить челомъ.

Да оной же архимандритъ, изгоняя той вотчины села Смородиннаго крестьянъ въ нынѣшній рекрутскій наборъ, бралъ излишнихъ денегъ и подводы передъ другими селами и деревнями злобствуя, что того села крестьяне на него, архимандрита, въ обидахъ бьютъ челомъ.

И онъ де, Дубасовъ, въ небытность его, архимандрита, въ томъ монастырѣ посылалъ того монастыря къ намѣстнику Веніамину прапорщика Василія Новикова, чтобы ему выговорить, дабы они рекрутъ отдавали порядочно и обидъ-бы въ томъ не чинили, а что оный намѣстникъ ему прапорщику отвѣтствовалъ, о томъ де значится въ поданнымъ его прапорщика вѣдѣніи, съ котораго при томъ доношеніи приложена копія. Онъ же, архимандритъ, уграживаетъ всей монастырской вотчины крестьянамъ, что де онъ, архимандритъ, учиненъ отъ архіепископа Петра Бѣлоградскаго и Обоянскаго въ епархіи Старшимъ Судьею и всѣхъ ихъ, крестьянъ, кнутомъ пересѣчетъ, когда всѣ крестьяне къ нему, архимандриту, съ повинною не придутъ. Онъ же, архимандритъ, не взирая, что, по доношенію его, изъ Правительствующаго Сената Конторы присланъ къ нему, Дубасову, указъ, посылаетъ о себѣ въ вотчины того монастыря письма и велитъ крестьянъ связавъ и забивъ въ колоды, привозить къ себѣ въ монастырь, какъ то учи-

нилось прошедшаго Ноября 11 дня 1736 года въ бытность его, Дубасова, въ селѣ Смородинномъ для слѣдствія того села о крестьянахъ, оный архимандритъ Митрофанъ писалъ въ то село Смородинное къ посельскому монаху Пахомію, чтобъ, въ томъ селѣ взявъ крестьянина Данилу Болотина и забивъ ноги въ колодки, прислать въ Курскъ, съ котораго его, архимандрита Митрофана, при томъ же доношеніи приложена копія, понеже де въ прошломъ 735 году у слѣдствія маиора Извѣкова о немъ же, архимандритѣ Митрофанѣ, оный Болотинъ объявилъ, что оный архимандритъ, державъ его Болотина въ хлѣбнѣ въ цѣпи, вымучилъ у него денегъ двадцать два рубля 50 коп., да лошадь кобылу карую, да онъ же, архимандритъ, приказалъ нынѣ изъ монастырскаго хлѣба кромѣ положеннаго на крестьянъ сдѣлать круп гречневыхъ триста четвертей, изъ которыхъ уже и отправилъ въ Кіевъ на крестьянскихъ 60 лошадяхъ 120 четвертей съ келаремъ Ѳеофаномъ Набоковымъ и приказалъ оныя крупы продать для своихъ прихотей, а достальныя 180 въ готовности, и приказано де отъ него, архимандрита, отправить на такихъ же крестьянскихъ лошадяхъ, и весьма де оный архимандритъ Митрофанъ ищетъ, чтобы ту вотчину разорить безъ остатку, а наивящѣе село Смородинное, изъ котораго на него, архимандрита, большая часть челобитчиковъ, въ которомъ селѣ имѣется, по свидѣтельству, мужеска пола 1060 душъ.

А ежели де впредь означенному архимандриту Митрофану отъ тѣхъ монастырскихъ вотчинъ отказано не будетъ, то могутъ тѣ вотчины притти во все конечное разореніе, а больше село Смородинное всѣми мѣрами ищетъ, какъ бы то село привести въ разореніе.

Онъ же де, архимандритъ, декабря 13 дня 1736 года въ слѣдственной коммиссіи, при собраніи присутствующихъ, при немъ, бригадирѣ Дубасовѣ, подписался, чтобы ему, архимандриту, безъ указу оной коммиссіи изъ Курска никуда не отъѣжать, а того жь де Декабря въ послѣднихъ числахъ онъ, архимандритъ, изъ Курска безъ указа оной коммиссіи выѣхалъ не знаемо куда, и, гдѣ нынѣ обрѣтается, неизвѣстно, отчего въ коммиссіи дѣла весьма остановились и нынѣ оная комиссія происходитъ безъ всякаго дѣйства.

А въ письмѣ за рукою архимандрита Шеинкова Ноября 10 дня прошлаго 1736 года написано: посельскому монаху Пахомію получа то письмо, взявъ села Смородиннаго крестьянина, вора Данилу Болотина, забивъ ноги въ колодки, прислать въ Курскъ за провожатымъ немедленно; а ежели онъ того не учинитъ, то будетъ въ великомъ подозрѣніи.

А въ вѣдѣніи прапорщика Новикова нынѣшняго 1737 года написано:

Того же числа посыланъ онъ былъ отъ бригадира Дубасова въ монастырь къ Намѣстнику Веніамину съ товарищи, чтобъ имъ говорить, чего для они въ рекрутской отдачи непорядочно поступаютъ—изъ села Смородиннаго

берутъ излишнихъ рекрутъ передъ другими селами и деревнями, чтобъ они впредь имѣли равенство, а ежели де впредь будутъ въ томъ наборѣ чинить обиды, то отъ него, Дубасова, представлено будетъ Правительствующаго Сената въ контору, и оный де Намѣстникъ противъ тѣхъ его словъ ему прапорщику, отвѣтствовалъ; они де ихъ бригадира не слушаютъ, а исполняютъ приказъ архимандричій —имъ де и достальныхъ рекрутъ велѣно взять съ села Смородиннаго, а бригадиръ де, куда хочетъ, пишетъ.

(Изъ арх. М. Юст. К. У. С. Оп. 3. вязка 1. № 67.).

№ 37.

Доношеніе бригадира Дубасова въ Сенатскую контору о „похлѣбствованіи" слѣдователей архимандриту Митрофану Шеинкову, 1737 г.

Въ указѣ Ея Императорскаго Величества, Правительствующаго Сената изъ Конторы, Февраля 28 дня нынѣшняго 737 года, между прочимъ написано.

Въ доношеніи бригадира Дубасова въ ту Сенатскую Контору написано: опредѣленные де къ помянутому слѣдствію изъ отставныхъ капитаны, курчены Сергѣй Каменевъ, Григорій Шидловскій, въ слѣдствіи не токмо по присяжной должности вспоможеніе не чинятъ, но похлѣбствуя архимандриту Митрофану не малыя въ томъ слѣдствіи помѣшательства и продолженія чинятъ, какъ то видно изъ посланныхъ Правительствующаго Сената въ Контору мнѣній, что, закрывая его архимандричьи непорядочные поступки, то чинятъ, какъ бы продолжить вдаль слѣдствіе, понеже дома ихъ имѣются отъ Курска въ близости, къ тому же когда сидятъ въ Коммиссіи, а обѣдаютъ и послѣ обѣда сидятъ у онаго архимандрита и имѣютъ разговоры, и потому видно, что коммиссіи дѣла секретно содержаться не могутъ, а и секретарь де Смецкій, которому, по указу Правительствующаго Сената изъ Конторы, велѣно быть при томъ слѣдствіи, также похлѣбствуютъ и манитъ тому архимандриту и въ коммисію ходитъ поздно, а въ другіе дни и не бываетъ и просиживаетъ весь день у помянутаго архимандрита и въ дѣла не вступаетъ, токмо де пріискиваетъ и представляетъ въ коммиссію указы неприличные къ тому слѣдствію, а дѣла продолжаетъ.

А Декабря 17 дня, означенный архимандритъ Митрофанъ въ присутствіи прислалъ чрезъ іеромонаха Александра Щоголева пакетъ запечатанъ, подписанный на имя Сѣвскаго архимандрита Варлаама и капитановъ Каменьева и Шидловскаго, а какъ де оный архимандритъ при собраніи оный пакетъ распечаталъ, и въ томъ пакетѣ явилась челобитная на него, Дубасова, и за секретаря Петра Донскаго, которымъ показываетъ оный архимандритъ Митро-

фанъ на него, Дубасова, подозрѣніе, якобы онъ и Донской съ крестьянъ, съ челобитчиковъ, и съ чернца Гринева взялъ взятки и другія многія укорительныя поношенія напрасно, видно, что архимандритъ, закрывая свои непорядки, дабы то слѣдствіе продолжить и учинить остановку и помѣшательство, изъ чего де явно показалось, что и мнѣніе ихъ, которыя въ коммиссіи содержать секретно надобно, тѣ мнѣнія ихъ объявлены въ той его челобитной, а именно, что онъ, бригадиръ, въ мнѣніи написалъ, чтобы ему, архимандриту, съ челобитенъ копій не давать и не принять повѣреннаго, и потому видно, что оной коммиссіи секретъ открываютъ ему, архимандриту, нѣкто изъ показанныхъ присутствующихъ капитановъ или секретарь Смецкій, и о прочихъ коммиссіи дѣлахъ оный архимандритъ извѣстенъ же, какъ въ томъ его архимандричьемъ прошеніи объявлено жъ, чего ему, архимандриту, безъ похлѣбства и маны и вѣдать не подлежало, и тѣмъ челобитьемъ проситъ, чтобы ему, Дубасову, и за секретаря Донскому у того слѣдствія не быть, и просилъ онъ, Дубасовъ, чтобъ по поданному на него архимандрита Митрофана челобитью разсмотрѣніе учинить, дабы отъ такого напраснаго порицанія ему въ подозрѣніи не быть, а ежели де повелѣно будетъ оное слѣдствіе доканчивать ему, Дубасову, то бы повелѣно было оныхъ отставныхъ капитановъ Каменева и Шидловскаго отъ того слѣдствія за показанными причинами отрѣшить, а на ихъ мѣсто къ тому слѣдствію командировать изъ армейскихъ полковъ, стоящихъ на винтеръ квартирѣ въ Бѣлѣгородѣ, чтобы то слѣдствіе было безъ помѣшательства, да и на мѣсто бы секретаря Смецкаго, командировать изъ Москвы хотя бы добраго канцеляриста или изъ стоящихъ въ Бѣлѣгородѣ полковъ аудитора, чтобъ то слѣдствіе по окончанію могло придти сущею правдою какъ наискорѣе, а при помянутыхъ капитанахъ и при секретарѣ Смецкомъ никакъ того слѣдствія вскорѣ къ окончанію привести будетъ не возможно, понеже оные весьма дружатъ и наровятъ вышеписанному архимандриту Митрофану.

(Изъ арх. М. Юст. К. У. С. 2 оп. 27 связка № 218).

№ 38.

Изъ книги съ надписью: Сія книга съ 1733 по 1746 о лошадяхъ и о прочемъ.

Большую часть книги составляетъ отдѣлъ, содержаніе котораго обозначается въ слѣдующей надписи: „въ сей связкѣ черныя выметки о подушныхъ сборахъ и допросѣ вотчинныхъ старостъ о взяткахъ изъ тѣхъ же сборовъ архимандритомъ Шеинковымъ съ 733 по 746 годъ“. Вотъ образчики этихъ выметокъ:

Въ 1733 году:

Курскому воеводѣ за квитанціи 10 рублей, секретарю Іонину 3 руб., ему же, секретарю, купилъ рыбы на 1 р. 20 к., порутчику Некипелову, который имѣлся въ подушномъ сборѣ 9 р., Земскому писарю 10 р., подканцеляристу Моиссеву 6 р. 6 коп., подъячимъ за работу и на бумагу 1 р. 80 коп., да во время отдачи денегъ роздано подъячимъ 3 р., щетчикамъ, которые принимали деньги, дано въ разныя числа 48 р. 75 коп., да купилъ имъ колачей, рыбы, вина горячаго на 1 р. 44 коп., на образъ Николая Чудотворца далъ 10 коп., въ штабномъ дворѣ, караульнымъ солдатамъ на горѣлку 2 р. 73 коп., подканцеляристу Никитѣ Бѣлевцову 5 р., солдату Грибоѣдову и *прочимъ принудителямъ* 20 р., по приказу Шеинкова бывому ризничему Софронію, какъ ѣздилъ въ Михайловку, 60 рублей, казначею монаху Іонѣ 24 р. 97 коп., щетчику за небракованіе серебряныхъ денегъ 16 р. 10 коп., на мѣшечки 70 коп. За рыбную ловлю и за мельницы 30 р.,за мельничный камень 1 руб., желѣза на клевцы и укладъ 42 коп., куплено въ монастырь сахару полпуда—далъ 4 р. 50, въ Яиской слободѣ за перевозъ монастырскаго пива 60 к., за перевозъ по окладу за всѣ вотчины 50 р., капитану Солнцеву на рыбу 1 р. 50 коп., да ему же, Солнцеву, купилъ желѣза для оковки саней на 80 коп., да купилъ съ совѣту всѣхъ крестьянъ онъ, Рыбалкинъ, себѣ сапоги 90 коп., далъ Кухарю Ефиму 1 р., да какъ ѣхалъ служитель Анисимъ Кирилловъ въ Москву, далъ ему 1 р., слугѣ Димитрію Дуракову 1 р. 50 коп., ревизскимъ подъячимъ на рыбу, на икру, на медъ 59 коп.

Села Смородиннаго Игнатъ, Кузьминъ сынъ, Токаревъ показалъ:

Въ томъ 746 году онъ, Игнатъ, старостою былъ и сборовъ никакихъ не собиралъ, а собиралъ подушныя деньги того села сборщикъ Никита Ештокинъ, который умре; во время поѣздки Шеинкова въ Петербургъ и въ Москву отправилъ онъ, Игнатъ, подъ запасъ его Шеинкова до Москвы 40 паръ подводъ, да онъ же, староста, собралъ и отдалъ ему, Шеинкову, 9 полтей ветчины, да онъ, Шеинковъ, взялъ того села Смородиннаго съ крестьянъ 69 рублей, да по приказу его, старосты, собралъ на рекрутъ Степанъ Макаровъ 35 р. 10 коп., у котораго онъ, староста, оныя деньги принялъ, которыя издержалъ онъ, староста, на покупку рекрутамъ платья и протчаго все безъ остатку; да собралъ Петръ Калужный на лошадей 33 р., которыя деньги онъ, староста, у него принялъ, изъ которыхъ отдалъ бывому келарю Ѳеофилакту за монастырскую лошадь 32 рубля да отводчику оной лошади отдалъ 1 р.; да онъ, староста, отправилъ къ оному Шеинкову въ Москву съ запасомъ 9 паръ подводъ, да подъ Шеинкову сестру до Москвы четыре пары подводъ, да подъ племянника Шеинкова дано было до Москвы 9 паръ подводъ, которому дано 3 туши да пудъ перепелокъ; поповича Ивана Исакіева подъ жену до Москвы дано было 3 пары подводъ, да Шеинкова племяннику за наемъ изъ Москвы въ Курскъ подводы 2 рубля.

№ 39.

Доношеніе архимандрита К. З. монастыря Іоасафа Рудзинскаго Преосвященному Іоасафу о разореніяхъ монастырскихъ крестьянъ прежними слѣдователями по дѣлу Митрофана Шеинкова, 1748 г.

Курскаго Знаменскаго монастыря архимандритъ Іоасафъ Рудзинскій Преосвященному Іоасафу доносилъ:

Прошлаго 1747 года, въ маѣ мѣсяцѣ, по опредѣленію покойнаго преосвященнаго Антонія Митрополита, отправлены были Обоянскаго Богородицкаго Знаменскаго монастыря архимандритъ Іоасафъ, да изъ Бѣлгородской духовной консисторіи регистраторъ Филиппъ Ильинскій въ Курскій Знаменскій монастырь для слѣдствія о бывомъ архимандритѣ Митрофанѣ Шеинковѣ въ обидахъ монастырскихъ и крестьянскихъ, которыя обиды разсматривали весьма непорядочно, и то чинили въ самое рабочее время: въ маѣ, іюнѣ, іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ, отъ котораго разсмотрѣнія ихъ какъ оному Курскому монастырю, такъ и вотчиннымъ крестьянамъ великое разореніе и оскуденіе учинили, ибо въ то время многихъ крестьянъ мучили и держали въ тюрьмахъ и вымогали великія сильныя взятки, также который имѣлся хлѣбъ и сѣнокосъ какъ монастырскій, такъ и крестьянскій, все въ полѣ безъ остатка пропало. А что они чинили такія обиды и разоренія и брали сильныя взятки, то явствуетъ изъ слѣдующаго: 1) села Виногробли съ Никиты Хатина съ товарищами взято 6 руб.; 2) села Поныровъ съ прикащика Ѳеоктиста Дуракова архимандритъ взялъ 4 р., регистраторъ 2 р. 30 коп., архимандричьему келлейному рубль, подъячему Лукашеву рубль; съ крестьянина Андрея Гончарова 2 р. 50 к., оному же Лукашеву рубль; съ крестьянина Димитрія Гладкихъ 30 коп.; съ выборнаго старосты съ крестьянами съ девяти человѣкъ—съ каждаго человѣка по 2 р. 50 к., да мірскихъ сборныхъ подушныхъ денегъ 20 р.; 3) Деревни Жерновца съ крестьянъ Осипа Токарева взято 4 р. 50 коп., Максима Кадратьева 50 к., да мірскихъ подушныхъ денегъ 8 р.; 4) Деревни Долгой съ крестьянина Павла Рыбалкина архимандритъ взилъ 6 руб.; келлейникамъ 50 к., регистраторамъ 20 р., подъячему Лукашеву 2 рубля, еще Лукашеву купленъ хомутъ—дано 50 к., перчатки 80 к., да съ крестьянъ 5 человѣкъ взялъ регистраторъ по рублю 20 к.; 5) села Смородинаго съ крестьянина Ѳедота Ламакина взялъ архимандритъ 2 р., да подъячему Лукашеву 8 р.; съ крестьянина Макара Токарева взялъ архимандритъ 5 р.; 6) Деревни Шеина съ крестьянъ Харлама Самохвалова съ товарищами шести человѣкъ взялъ регистраторъ по рублю, да мірскихъ и подушныхъ денегъ 6 руб.; 7) Деревни Старой слободки съ крестьянъ Евдокима Малахова съ товарищами 7 р. 50 к.; 8) Деревни Тазовой съ крестьянъ Ивана

Гребенникова съ товарищами шести человѣкъ по рублю взялъ регистраторъ; 9) Деревни Хутора и Новой Слободки съ крестьянъ Герасима Лысыхъ съ товарищами тринадцати человѣкъ взялъ регистраторъ 8 р. 50 к.; 10) Онъ же, регистраторъ, взялъ четырехъ лошадей—первая гнѣдая въ 30 р., другая въ 20 рублей, да буланаго бѣлогриваго жеребца цѣною въ 50 р., двѣ сѣрыхъ въ 50 р.; 11) Да за отданные монастырскіе луга сѣнокосныхъ 300 р., да молебенныхъ церковныхъ денегъ 200 р., онъ, архимандритъ, взялъ къ себѣ съ бывшимъ намѣстникомъ іеромонахомъ Ипполитомъ, о чемъ отъ меня съ братіею Вашего Преосвященства въ консисторію доношеніемъ имянно представлено въ мартѣ мѣсяцѣ сего 1748 года, на что и по нынѣ резолюціи никакой не учинено.

Того ради Вашему Высокопреосвященству покорнѣйше доноситъ, дабы повелѣно было въ вышеозначенныхъ обидахъ и разореніяхъ показанными чинами какъ деньги, такъ и прочее возвратить въ оный Знаменскій монастырь и указъ о томъ учинить.

(Изъ арх. Курск. Знам. мон.).

№ 40.

ПРОМЕМОРІЯ

Изъ Курскаго Богородицкаго Знаменскаго монастыря въ Курскую воеводскую канцелярію о бунтѣ монастырскихъ крестьянъ, 1758 г.

Въ прошлыхъ тысяча семьсотъ между тридесятымъ и четыредесятымъ годѣхъ онаго Знаменскаго монастыря крестьяне взбунтовались, и за тотъ бунтъ того жь монастыря въ селѣ Смородинномъ, яко злодѣи, иные повѣшены, а иные кнутомъ биты, и повырваны имъ ноздри, и на каторгу сосланы, о чемъ въ Курской воеводской канцеляріи довольно извѣстно; а нынѣ, знатно по злобѣ на оную казнь, паки начали на монастырь бунтоваться, ибо сего 1758 года Генваря 11 числа деревень Хутора—Гремячего и Новой Слободки крестьяне Никифоръ Крюковъ, Иванъ Рыковъ съ товарищи во многолюдствѣ на дворъ монастырскій съ дубьемъ нарядным разбоемъ нападали, отъ котораго ихъ злоумышленнаго нападенія тѣхъ деревень прикащикъ, слуга Димитрій Дураковъ, едва побѣгомъ отъ боя спасся, о чемъ въ Курскую воеводскую Канцелярію сего Генваря 12 числа письменно представлено; а сего Генваря 23 числа онаго жь монастыря села Березовца прикащикъ Иванъ Дураковъ репортомъ представилъ, что сего Генваря 21 числа села Смородиннаго крестьянинъ Иванъ Галигузовъ, который прошедшаго 757 года съ Іюля мѣсяца въ бѣгахъ и сумнительно не на злодѣніяхъ ли какихъ находился, согласясь съ крестьяниномъ того жь Села Михаиломъ Селезневымъ,

или можетъ быть и съ прочими, но только, дабы не отъ ихъ села по прежнему бунтъ всчался,—они Галигузовъ и Селезневъ пріѣхали въ Село Березовецъ крестьянъ на бунтъ тамъ возмутить, перво—къ крестьянину Ивану Лушатову, который уже въ третіе по силѣ указа требуемыхъ отъ монастыря дѣтей своихъ для набора въ рекруты ни одного не даетъ и за то, на монастырь злобясь, къ нимъ Галигузову и Селезневу съ сыномъ своимъ Михаиломъ на бунтъ противъ монастыря пристали, а съ ними еще и другіе того села Березовца крестьяне Амельянъ Антиповъ, Василій Голяковъ, Ѳедоръ Соловьевъ, Степанъ Калужный, Петръ Лукашевъ, Филиппъ Колесниковъ, Мартынъ Токаревъ, Семенъ Суровцовъ, Ларіонъ Трихинъ, Пименъ и Федоръ Хохловы, Григорій Болотинъ, Григорій Лукашовъ, Михайло Дудинъ, Василій Болотинъ, Ефремъ Пышковъ, Ульянъ Суровцовъ, на бунтъ же противъ монастыря совокупясь, на дворъ монастырскій разбоемъ напали и его, прикащика Дуракова, съ двора насильно выгнали, а на священника того села Кирилла, который находился въ то время во дворѣ монастырскомъ для письма, кричали вытащить его оттуда за волоса, такъ что не на головѣ у него, но въ рукахъ ихъ его волоса остались, а цѣловальника гуменнаго изъ деревни Тазовой крестьянина Ивана Семилѣтова велѣли сковать и, по выгнаніи его, прикащика, что съ онымъ цѣловальникомъ и съ добромъ монастырскимъ въ томъ дворѣ и хуторѣ сдѣлалось и дѣлается онъ не вѣдаетъ, и потому въ Курскомъ Знаменскомъ монастырѣ и въ приписныхъ пустыняхъ монашествующіе и въ томъ же монастырѣ на хлѣбномъ и денежномъ жалованьи находящіеся отставные офицеры, и солдаты, и присланные по тайнымъ дѣламъ арестанты и при нихъ караульщики остаются безъ пропитанія и прочаго надлежащаго содержанія, такъ что при церквахъ сторожей и прочихъ необходимо надобныхъ къ содержанію обители людей не будетъ, ибо того монастыря всѣ вотчины, знатно, единомышленно на эту зиму дровяныхъ денегъ и прочихъ обыкновенныхъ изстари поборовъ не дали, а теперь уже съ деревень прикащиковъ выбиваютъ и хлѣба не даютъ, и хотя присланною изъ Курской воеводской канцеляріи промеморіею требовано о скорѣйшемъ представленіи съ вотчинъ рекрутъ, но токмо, за таковою крестьянъ злобою и противностію, служекъ монастырскихъ для набора рекрутъ послать опасно, однако жь для дальнѣйшаго съ нихъ опыту и для немедленнаго на показанный въ печатномъ указѣ срокъ рекрутовъ набранія и отданія нарочные съ Курскаго монастыря посланы, (о чемъ въ Бѣлоградскую духовную Консисторію за извѣстіе симъ представляется и о скорѣйшемъ пресѣченіи предписанныхъ монастырскихъ крестьянъ злоумышленнаго на дворы монастырскіе нападенія и о прочемъ, куда слѣдуетъ, представить покорно просить). И о вышеписанномъ Курская воеводская Канцелярія благоволи быть извѣстна.—Генваря 23 дня, 1758 года.

(Изъ арх. Курск. Знам, мон.).

№ 41.

Доношенія управителей и прикащиковъ въ вотчинахъ Курск. Знам. монастыря о волненіяхъ монастырскихъ крестьянъ, 1762 г.

Управитель въ деревняхъ Хуторѣ Гремячемъ и Новой Слободкѣ доношеніями отъ 30 Сент. и 10 Окт. 1762 г. представлялъ, что всѣ крестьяне тѣхъ деревень и съ старостою ихъ чинятся своимъ озорничествомъ ослушны и многія чинятъ непорядки и въ тѣхъ непорядкахъ сами собою, безъ вѣдома его, порутчика, суды производятъ, какъ то учинили между крестьянами (поименованы), а о чемъ и не въ важныхъ ли дѣлахъ, о томъ не объявляютъ; также рощу монастырскую, которую рубить имъ запрещено, денно и нощно оные крестьяне самовольно рубятъ; и сего Октября означенные крестьяне, собравшись во дворъ монастырскій, озорнически съ немалымъ досажденіемъ и шумомъ ему, порутчику, объявили, что они для караулу монастырскаго имѣнія, молоченія хлѣба и крышки скирдовъ съ хлѣбомъ, житницъ и сараевъ и для присмотру скота въ дворъ монастырскій не пойдутъ и подводъ для отвозу въ монастырь хлѣба, овса, сѣна и прочаго не дадутъ, и ни въ чемъ не послушны, и отъ пчелы отказываютъ, почему видно, что они не только забранный ими съ монастырскаго двора изъ скирдовъ и житенъ хлѣбъ отдать не хотятъ, но и послѣднее оставшее монастырское имѣніе хотятъ утратить. Въ прошломъ же 1761 году, по опредѣленію онаго монастыря, поселены въ монастырскихъ дачахъ въ пристойныхъ мѣстахъ переведеные изъ вотчинъ того монастыря крестьяне по довольствію въ тѣхъ мѣстахъ, ибо въ прежнихъ мѣстахъ земли для нихъ было весьма мало, отчего съ сосѣдними владѣльцы частыя бывали за землю ссоры, а нынѣ тѣ поселенные крестьяне самовольствомъ своимъ распродаютъ свое хоромное и дворовое строеніе, перешли на прежнія мѣста и, перешедъ, рощу монастырскую, которая для монастырскихъ самонужнѣйшихъ надобностей соблюдалась, нахально вырубили и построили себѣ вновь дворы и прочее, а прочую всю рощу рубятъ и невѣдомо гдѣ дѣваютъ.

Изъ села Виногробли отъ 12 Октября прикащикъ монахъ Флавіанъ доносилъ, что на объявленный крестьянамъ отъ монастыря приказъ о привозѣ въ монастырь овса 20 четвертей, сѣна 20 возовъ и соломы 5 возовъ староста и десятской объявили, что сѣна не имѣется и онаго сѣна не повезли; къ тому же, какъ не безъизвѣстно между крестьянами чинятся непорядки и ссоры, а для расправы въ монастырскій дворъ никто никогда не приходилъ и ходить не хотятъ.

На этомъ доношеніи архимандритъ помѣтилъ: ѣхать тебѣ съ выборными и съ каларемъ самому по дворамъ и во всякомъ дворѣ всякаго хозяина о вышеписанномъ спросить и, что скажутъ, записать и репортовать.

Отъ 13 Октября изъ села Смородиннаго іероманахъ Боголѣпъ доносилъ, что рѣшительно отказались приказъ архимандрита о починкѣ конюшни, сарая и другаго обветшалаго строенія, и старики ихъ, призванные на совѣтъ, въ монастырскомъ дворѣ заявили: „что—де намъ оброкъ платить, да еще и работать?“ Ихъ честію просили къ пріѣзду Его Преосвященства овса обмолотить и сѣна привезть, токмо и того не послушали, а нынѣ лошади и прочій скотъ и птица помираютъ съ голоду за оною погодою, что кормить нечѣмъ, такожде и мельница состоитъ и понынѣ не исправлена.

Прикащикъ іеромонахъ Геннадій отъ 17 Октября доносилъ: старосты Должанскій и Буда по противленію во дворъ монастырскій никто не пошелъ, десятники и объѣзчики тоже никто нейдетъ; вчерашняго числа требовалъ я отъ нихъ въ пасику двухъ человѣкъ: по противленію не дали ни одного человѣка и сказали, что де и впредь мы никто не пойдемъ; и вчерашняго числа крестьянина Филиппа Набокова дѣти рубили лѣсъ, послалъ я объѣзчика Емельяна Логачева, чтобы его взять въ монастырскій дворъ, а оный Филиппъ объѣзчика убилъ до полусмерти, потому я поѣхалъ самъ къ нему въ домъ, чтобъ его взять, и онъ бранилъ меня матерно и не послушалъ, а выборные мнѣ помощи не дали; также въ деревнѣ Тазовой крестьянина, Аѳонасія Гребеникова, сынъ Яковъ пхнулъ меня въ грудь за то, что я усмотрѣлъ у него на гумнѣ лѣсъ изъ хуторской рощи, двѣ березы и три дуба, и говорилъ: „зачѣмъ ты по дворамъ ходишь“.

Въ деревнѣ Долгой, по доношенію того же іероманаха Геннадія, отъ 16 Окт., староста и крестьяне, по предъявленіи имъ приказа о выборѣ десятниковъ, не только отказались дать подписку въ исполненіи, но еще и ругались—правда въ пьяномъ образѣ—непотребными словами, а староста, развернувъ полы кафтана, сказалъ: то—то вы мнѣ сдѣлаете.

(Изъ арх. Курск. Знам. мон.).

№ 42.

Доношеніе отъ Бѣлогородскаго Николаевскаго монастыря въ Консисторію объ ослушаніи и противностяхъ монастырскихъ крестьянъ 1763 г.

Въ Консисторію Святѣйшаго Правительствующаго Синода Члена Преосвященнаго Порфирія Епископа Бѣлогородскаго и Обоянскаго отъ Николаевскаго Бѣлогородскаго монастыря доношеніе.

Въ указѣ Ея Императорскаго Величества, пущенномъ изъ оной Консисторіи сего Декабря отъ 9 дня, съ прописаніемъ полученнаго въ той

Консисторіи изъ Коллегіи Экономіи Ея Императорскаго Величества, о учиненіи по требуемымъ вѣдомостямъ исполненія указа, между прочимъ повелѣно: монастырямъ и бѣлому священству вотчинныхъ крестьянъ, за которыми оные имѣются, на точномъ состоявшихся 762 года Августа 12 да сего 763 года Генваря 8 чиселъ именныхъ высочайшихъ указовъ основать распоряженіе учинить въ само-скорѣйшемъ времени и по исполненіи во обстоятельствѣ немедленно въ Консисторію репортовать; а чего ради съ состоянія вышеобъявленныхъ именныхъ о содерженіи крестьянъ указовъ, понынѣ должнаго во исполненіе оныхъ указовъ распоряженія не учинено, о томъ бы монастырскимъ властямъ, какъ возможно, въ немедленномъ времени въ Консисторію прислать съ нарочитымъ отвѣты. И на сей Ея Императорскаго Величества указъ въ отвѣтъ покорно доношу, что имѣющіеся за онымъ Николаевскимъ монастыремъ крестьяне распоряжены на сей 763 годъ для произвожденія нужнаго церковнаго строенія и прочихъ монастырскихъ работъ и по пристойности мѣстъ и надобностей употреблялись къ онымъ безъ отягченія. А въ состоявшемся сего 763 года Генваря 8 дня высочайшемъ указѣ точно изображено—казенную землю пахать, луга косить, мельницы и плотины починивать, въ монастырь для случающихся работъ по очередно и по нарядамъ ходить и потребные запасы для содержанія монастыря привозить безъ излишества, а на сколько чего въ годъ имянно имъ, крестьянамъ, выработать, такого издревле въ ономъ монастырѣ положенія хотя не бывало, но нынѣ въ приложенной вѣдомости значится, и кто что работалъ, на то даваны квитанціи, *ибо* (?) о такомъ положеніи точнаго повелѣнія въ указехъ прежде сего не изображено и положить было за ослушаніемъ крестьянъ невозможно, о которомъ ихъ ослушаніи и противностяхъ сего 763 года въ Февралѣ мѣсяцѣ отъ онаго Николаевскаго Бѣлогородскаго монастыря въ Бѣлогородскую губернскую Канцелярію представливано, и тѣ ослушники чрезъ нарочно посланныхъ забраны были и по опредѣленію той губернской канцеляріи наказываны, токмо и послѣ того они, крестьяне, и самонужнѣйшихъ работъ мало исполняютъ не токмо, чтобъ излишества какія могли быть,—и для того, во исполненіе предписаннаго Ея И: В. изъ коллегіи Экономій указа, какова вѣдомость въ оную коллегію Экономіи для отсылки сочинена, такова для вѣдома въ Консисторію Его Преосвященства посылается; о взятьѣ же съ нихъ, крестьянъ, сказокъ, не отягчены ли они излишними работами, Николаевскій монастырь исполнитъ не можетъ для того, что оные крестьяне по упрямству таковыхъ сказокъ дать не могутъ, а не соблаговолено ль будетъ таковыя сказки взыскать мимо монастыря, о чемъ духовной Консисторіи въ благоусмотрѣніе передаю.

(Изъ арх. Бѣлог. Ник. мон.)

№ 43.

Доношеніе отъ Бѣлогородскаго Николаевскаго монастыря въ Коллегію Экономіи о томъ же, 1764 г.

Въ Коллегію Экономіи отъ Николаевскаго Бѣлогородскаго монастыря доношеніе.

Сего Марта 31 дня Бѣлогородскаго уѣзда села Старицы прикащикъ Родіонъ Сокольскій въ оный Николаевскій монастырь репортомъ представилъ: по присланной изъ Бѣлогородской губернской канцеляріи чрезъ нарочнаго солдата инструкціи повелѣно монастырскимъ крестьянамъ за сей 764 годъ, по силѣ конфирмованныхъ штатовъ, собирать и къ платежу подушнаго сбору вскорости привозить со всякой души по полтора рубля, и какъ только та инструкція имъ съ прочетомъ объявлена, то они, крестьяне, самовольствомъ своимъ ни въ какомъ послушаніи быть не захотѣли и съ двора монастырскаго бывшіе для караула, такожь и при смотрѣніи казенныхъ лошадей и скота находившіеся, не дожидая никакого резону, сошли сами собою, такожь состоящій при той вотчинѣ Старицѣ дубовый селидбеный лѣсъ для продажи многимъ числомъ рубятъ и стороннимъ людямъ отдаютъ отъ найму, а особливо села Мурома однодворцы, ощутя такое ихъ, крестьянъ, самовольство, собираются многолюдствомъ и, въѣздя нахально въ казенный монастырскій лѣсъ, потребное дубовое дерево рубятъ, отчего крайнее оному лѣсу чинится спустошеніе, и дабы за то не могло быть на немъ прикащику взыскиваемо, просилъ объ ономъ ихъ непослушаніи и лѣса порубкѣ, кому надлежитъ, представить; а яко и находившіеся при ономъ Бѣлогородскомъ монастырѣ изъ крестьянъ служители, яко то: сторожа, конюхи и мастеровые люди, оставя свое послушаніе, самовольно ушли, отчего нынѣ церкви божіи безъ караулу, казенныя лошади безъ присмотру, и монастыри безъ присмотру впустѣ остались.

(Того ради о предписанномъ Бѣлогородскій Николаевскій монастырь представляя, проситъ немедлительно резолюціи, ибо, ежели въ томъ въ скорости распоряженія учинено не будетъ, то лѣсу крайнее учинится спустошеніе и за ихъ, крестьянъ, непослушаніемъ подъ нынѣшнее весенее время отъ негаченія плотинъ казенныя мельницы могутъ притти въ несостояніе, ибо они, крестьяне, монастырю отъ всякаго послушанія вовсе отказались.)

Того ради Николаевскій Бѣлогородскій монастырь проситъ дать имъ, крестьянамъ, такъ и села Мурома однодворцамъ, въ порубкѣ монастырскаго казеннаго лѣсу отъ Бѣлогородской губернской канцеляріи, донелѣже отъ Коллегіи Экономіи въ томъ резолюція послѣдуетъ, крѣпкое учинить запрещеніе

и до полученія штатовъ въ присмотрѣ казеннаго скота и прочаго велѣть быть имъ, крестьянамъ, въ послушаніи, дабы въ чемъ какой траты и убытку послѣдовать не могло. Марта 31, 764 года.

(Изъ арх. Бѣлогор. Никол. мон.)

№ 44.

Спросъ отъ Бѣлогородскаго Николаевскаго монастыря къ поручику Михаилу Лутовинову по поводу изшедшихъ отъ него слуховъ объ освобожденіи монастырскихъ крестьянъ, 1764 г.

Отъ Николаевскаго Бѣлогородскаго монастыря къ находящемуся для описи монастырей и пустынь Г-ну Порутчику Михаилу Лутовинову сообщеніе.

Сего Февраля 4 дня монастырской вотчины села Старицы прикащикъ Родіонъ Сокольскій въ оный Николаевскій монастырь письменно представилъ, что минувшаго Генваря сего 1764 года въ послѣднихъ числахъ старицкіе крестьяне не стали слушаться и въ монастырскій дворъ не ходить; а нынѣ —де когда столяры отпущены съ монастыря въ село Старицу, и пуще смущены; ибо крестьянинъ Яковъ столяръ всѣмъ крестьянамъ объявилъ, что якобы онъ самъ былъ у г. Поручика, которому вы, г. Поручикъ, сказали, что ни едина душа подъ монастыремъ не будетъ, и на таковомъ утвержденіи они, крестьяне, утвердясь всѣ ни въчемъ не слушаются; того ради въ Николаевскомъ Бѣлогородскомъ монастырѣ опредѣлено къ вамъ, господину Поручику, послать сіе сообщеніе, которымъ требовать извѣстія помянутаго села Старицы крестьяне столяръ Яковъ Бирюковъ, или кто другой изъ нихъ у васъ, г. Поручика, были ль,—и что они не будутъ ни едина душа за монастыремъ ему, Якову, или другому кому изъ крестьянъ отъ васъ, Порутчика, было ль объявлено, и ежели объявлено, то по какому указу.

(Изъ арх. Бѣлогор. Никол. мон.)

№ 45.

Волненія монастырскихъ крестьянъ, по доношенію іеромонаха Христофора, въ 1763 г.

По титулѣ доношеніе келаря іеромонаха Христофора.

1) По силѣ состоявшихся прошлаго 1762 августа 12 и сего 763 годовъ Генваря 10 числъ Ея Императорскаго Величества имянныхъ Высочайшихъ указовъ, которыми повелено: по первому—собирать съ архіерейскихъ и монастырскихъ крестьянъ по благоизобрѣтенію архіереевъ и властей положенный окладъ или по рублю съ души, или по пристойности мѣстъ и надобностей употреблять ихъ къ нужнымъ работамъ; по второму—кто на рублевый окладъ положенъ до сего времени или впредь будетъ по усмотрѣнію властей, тѣбъ безпрекословно и бездоимочно оныя платили; а кто властьми опредѣленъ нынѣ или впредь будетъ на работу, тѣбъ съ подобострастіемъ

оную исполняли, а имянно: казенныя земли пахали и луга косили, дрова рубили и въ домы архіерейскіе и монастыри возили, въ рыбныхъ ловляхъ упражнялися, мельницы и плотины починивали, въ домы для повседневныхъ работъ поочередно по нарядамъ ходили и вышеупомянутые припасы для содержанія домовъ возили.

2) И въ силу вышеписанныхъ имянныхъ высочайшихъ Ея Императорскаго Величества указовъ, онаго Курскаго Богородицкаго Знаменскаго монастыря архимандритъ Гедеонъ съ братіею сего Марта 3 дня 1763 года приговорили: онаго монастыря крестьянъ половинное число на сей 1763 годъ положить на оброкъ, токмо бъ оные крестьяне дворы монастырскіе во всякой исправности содержали, хлѣбъ старый молотили, мельницы и плотины починяли, сѣно для скота и пріѣзду косили,—а другую половину опредѣлить на работу; а по прошествіи сего года на предбудущій 1764 г. ту половину, которая на оброкѣ будетъ находиться, опредѣлить на работу, а которая будетъ на работѣ, ту положить на оброкъ; и такъ ежегодно чинить перемѣну, чего ради на нынѣшній 763 годъ слободской половинѣ быть на оброкѣ, а пустынской быть для работъ, и о томъ для вѣдома послать онаго монастыря въ вотчину нарочнаго по инструкціи и крестьянамъ объявить съ подписками, чтобъ они вѣдали и учинили исполненіе.

3) И того жь 3 числа Марта въ силѣ онаго приговора посыланъ былъ я, именованный, по инструкціи въ вотчину онаго монастыря въ пустынскую половину для объявленія крестьянамъ вышеписаннаго приговора, который въ селѣ Виногробли, въ деревнѣ Хуторѣ—Гремячемъ, Новой Слободкѣ, Ясенкѣ, Охочевкѣ, Водяной, Жерновцѣ, Тазовой, Долгой Служнѣ, Будановкѣ, Родительной тѣмъ крестьянамъ объявлялъ; точію оныхъ села Виногробли и деревень крестьяне показанныхъ работъ исправлять не хотятъ, и чтобы слушаться въ томъ подписокъ не дали, и притомъ еще объявили, что мы де работъ монастырскихъ исправлять одною половиною попеременно ежегодно не будемъ, а надлежитъ де намъ и слободской половины крестьянамъ учинить валовой совѣтъ и, что по тому учредится, должны исправляться.

(Изъ арх. Курск. Знам. мон.).

№ 46.

Предложеніе отъ Ник. Бѣлгор. монастыря Намѣстника Стефана Старицкому Управителю Іоанникію—высѣчь ослушныхъ крестьянъ добре, не опасаясь угрозъ ихъ и жалобъ, 1762 г.

Отъ Николаевскаго Бѣлогородскаго монастыря Старицкому Управителю іеромонаху Іоаннікію предложеніе.

На репортъ твой симъ предлагается Гришку и Андрюшку, ежели ослушаются, *высѣчь добре,* и Гриша долженъ въ своей одежѣ ходить, бо есть

отъ кого и чѣмъ одѣваться; пусть, гдѣ хотятъ, жалятся!.... Старостѣ объявить, чтобъ онъ своей старости берегъ, *бо кожу отпорютъ старую за противность, то молодая не скоро у стараго наростетъ,* и овесъ по приказу Его Высокопреподобія неотмѣнно собрать, чтобъ лошади отъ безкормицы не потерпѣли, такожъ и греблю угатить безъ отлагательства, бо то все на немъ взыщется, а тогда другіе ему не помогутъ; а чтобъ имъ, крестьянамъ, ничего не работать, токмо бъ одни рублевыя деньги платить, то сіе не въ ихъ волѣ, ибо именнымъ указомъ то въ волю отдано монастырскимъ властямъ, и ежели самовольное ослушаніе являть станутъ и гребли гатить не захотятъ, за то какъ старостѣ, такъ и прочимъ ослушникамъ чинить наказаніе и ихъ угрозовъ и жалобъ не опасаться, *бо за вину вездѣ наказуютъ, что не запрещено;* ибо они по прежнему отданы во управленіе монастырю, *а правленіе безъ наказанія не бываетъ;* такожъ и для береженія лѣса выбрать людей изъ крестьянъ и изъ черкасъ—до двадцати человѣкъ и муромскихъ однодворцевъ ловить и съ поличными приводить для объявленія въ губернскую канцелярію и во всемъ правленіи поступать, какъ указы повелѣваютъ, а крестьянскихъ отговорокъ не слушать, а что чиниться будетъ, ежечасно въ монастырь репортовать. Октября 10 дня 1762 года. Намѣстникъ іеромонахъ Стефанъ.

(Изъ арх. Бѣлогор. Никол. мон.).

№ 47.

Челобитная Старицкихъ крестьянъ къ Преосвященному Іоасафу на архимандрита Гервасія съ приложеніемъ реестра, что выше рублеваго оклада и съ кого именно, въ противность закону, означенный архимандритъ взялъ съ крестьянъ, объясненіе по сему предмету архимандрита и опредѣленіе Консисторіи, 1763 г.

Февраля 10 дня 1763 г. архимандритъ Гервасій репортомъ Преосвященному Іоасафу изъяснялъ, что въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1762 года Старицкіе крестьяне Гаврила Алисовъ, Филиппъ Морозовъ, Гаврила Гущинъ съ товарищи, презрѣвъ ихъ прямое духовное начальство, подали на Старицкаго Управителя іеромонаха Іоанникія въ Салтовскую воеводскую канцелярію явочную челобитную, якобы онъ накладываетъ на нихъ поборы вновь, что сборщикъ Гаврила Гущинъ въ Генварѣ мѣсяцѣ собранныя съ крестьянъ рублевыя деньги—восемдесятъ рублей, не смотря на многократныя требованія, въ монастырь не представляетъ и что, когда архимандритъ отбылъ на время съ Его Преосвященствомъ въ Воронежъ, то онъ, Гущинъ, подъучалъ Старицкихъ крестьянъ и на него, архимандрита, въ Бѣлогородскую губернскую канцелярію подать челобитную, якобы онъ, архимандритъ, сверхъ

рублеваго окладу, вновь вымыслилъ сборы, наложилъ на нихъ дачи небывалыя: орѣховъ по гарнцу, конопель по 10 горстей, лаптей по парѣ и съ пчелинаго заводу, у кого есть, десятину деньгами—съ иного по 6, по 4 и по 5 рублей, что вообще крестьяне ослушаются въ работѣ и чинятъ разныя продерзости, за которыя хотя онъ, архимандритъ, ихъ и наказывалъ, токмо они исправленія никакого не имѣютъ. По этому доношенію Его Преосвященствомъ опредѣлено: „показанныхъ озарниковъ, въ Консисторію сыскавъ, допросить и въ силѣ правъ и Высочайшихъ Указовъ разсмотрѣть и Его Преосвященству представить со мнѣніемъ". Сысканные въ Консисторію, Старицкіе крестьяне.... (поименовано 10 человѣкъ) въ подачѣ челобитныхъ въ Салтовской воеводской канцеляріи на Старицкаго Управителя іеромонаха Іоанникія, а въ Бѣлгородской губернской канцеляріи на архимандрита Гервасія—въ причиняемыхъ имъ обидахъ, допросомъ не запирались, не скрывая и того, что на отправку челобитчиковъ они сдѣлали сборъ 5 рублей, по 5 коп. съ гнѣзда; но въ объясненіе такой подачи челобитья не по командѣ ссылались на отсутствіе въ то время Преосвященнаго изъ города, а не представленіе въ монастырь собранныхъ оброчныхъ денегъ—81 руб.—сборщикъ Гаврила Гущинъ изъяснялъ тѣмъ, что еще не со всѣхъ крестьянъ показанныя рублевыя деньги взысканы. Вмѣстѣ съ этимъ означенные крестьяне вошли теперь къ Преосвященному съ челобитной на архимандрита слѣдующаго содержанія:

По имянному Ея И. В. высочайшему указу, состоявшемуся въ прошломъ 762 году Августа 12 дня, и въ подтвержденіе онаго изъ Правительствующаго Сената того жь года Октября 24 дня между прочимъ повелѣно: касающіеся до содержанія духовнаго чина денежные и хлѣбные доходы архіереямъ и монастырямъ употреблять на самые нужные расходы, по духовному регламенту, безъ излишества, не отягощая крестьянъ и никакими излишними сборами и не нужными или къ одному токмо увеселенію властей служащими работами и строеніями не изнуряя, также и крестьянамъ до будущаго объ нихъ лучшаго учрежденія духовнымъ властямъ быть послушнымъ....., по которому указу мы, именованные, Николаевскаго монастыря крестьяне, какъ опредѣленному надъ нами прикащику, такъ и властямъ со всѣмъ бываемъ послушны, по требованію ихъ, что надлежитъ, указнымъ образомъ дѣлаемъ, яко то; размѣрный хлѣбъ съ мельницъ и дрова на топленіе келлій—все то своимъ коштомъ и на своихъ подводахъ въ Бѣлгородъ отвозимъ, и рыбу ловимъ, и ни въ какомъ непослушаніи не состоимъ, доимокъ никакихъ на насъ не имѣется; а нынѣ означеннаго монастыря архимандритъ, сверхъ положеннаго, собою и безъ указу сбираетъ съ насъ нижеслѣдующее: орѣховъ съ каждаго человѣка по гарнцу и по два, конопель по десяти горстей, лаптей плетеныхъ по одной парѣ, чего и предъ симъ мы

не имѣли, но вновь налоги имъ учинены, ибо у кого усмотритъ пчелиный заводъ, который для пропитанія своего по части имѣютъ, съ оныхъ, якобы съ окладныхъ, сбираетъ деньги разнымъ образомъ—рублевъ по пяти и по шести и по четыре съ двора, и еще наложилъ съ двороваго числа рублевыя деньги, и вышеписанными несносными сборами оный архимандритъ Гервасій весьма насъ отяготилъ, притомъ же чрезвычайно напрасно мучитъ плетьми крестьянъ, чего мы уже и сносить не въ состояніи, о чемъ значитъ по приложенному реэстру. Да по приказу жь реченнаго архимандрита Гервасія часто въѣзжаютъ въ монастырскія угодья Харьковскаго полку изъ села Липца, да Изюмскаго полку изъ села Большихъ Бурлукъ черкасы большимъ числомъ—подводъ по шестидесяти, и больше и меньше, рубятъ въ дачахъ монастырскихъ лѣсъ годный селитьбеный и дровяной, и возятъ на свои потребы, о чемъ мы повелительнаго указа ни отколь не слыхали и въ томъ имѣемъ немалое опасѐніе какъ отъ Вашего Преосвященства, равномѣрно жь и отъ нашего монастыря, чтобъ намъ въ вину несмотрѣніе того не причлось, почему принуждены впредь такихъ людей караулить и съ рубленымъ монастырскимъ лѣсомъ, яко съ поличнымъ, ко оправданію своему взявъ ихъ, по близости привести для записки въ Салтовскую воеводскую канцелярію. Да въ домѣ жь монастырскомъ, по его жь, архимандрита Гервасія, повелѣнію, по двои сутки содержимъ караулъ, и тогда онъ насъ незнаемо за что безвинно бьетъ и мучитъ, къ тому жь и женъ нашихъ беретъ въ домъ монастырскій прясть сукно и полотно и прочія работы исправлять, отъ которыхъ его несноныхъ наглыхъ обидъ и поборовъ, и грабительствъ пришли мы во всекрайнее разореніе и скудость, чрезъ что и къ платежу указныхъ подушныхъ денегъ и всякихъ государственныхъ податей являемся не въ состояніи и въ неисправности. Того ради, Вашего Преосвященства всенижайше просимъ сіе наше прошеніе принять, а о положенныхъ денежныхъ и прочихъ, сверхъ рублевыхъ денегъ, сборахъ милостиво изслѣдовать и отъ излишнихъ работъ избавить, дабы мы совсѣмъ въ совершенную скудость не пришли".

По этому доношенію, Консисторія обратилась къ архимандриту съ запросомъ, подлинно ль такъ было, какъ въ прошеніи прописано, и для какихъ резоновъ, на что архимандритъ отвѣтомъ показалъ: объявленныхъ крестьянъ онъ ничѣмъ не отягощаетъ и неуказныхъ сборовъ не накладываетъ, а хотя что нужное, и то малымъ числомъ наложено было для того, что крестьяне не точію рублеваго оклада половины въ полгода не отдали, за что бъ (чѣмъ бы) монастырю въ нужномъ исправиться можно было, но и до окончанія года таковыхъ указныхъ денегъ не отдали; лаптей приказано брать съ двора, а не съ душъ, и орѣховъ—по разсмотрѣнію для того, что состоявшимся прошлаго года мѣсяца Февраля указомъ въ лѣсахъ монастырскихъ повелѣно участіе имѣть монастырямъ, а орѣхи приказано сбирать

черкасамъ, и то въ одномъ точію мѣстѣ, гдѣ пасика монастырская, а не въ лѣсу, но крестьяне черкасъ не допустили и орѣхи сами они потрусили и отъ участія монастырь изобидѣли, да и тѣхъ орѣховъ написано только восемь гарнцовъ; такожь на 125 гнѣздъ положено 30 четвертей овса для корму оставшихся отъ переписи монастырскихъ лошадей, понеже оные крестьяне имѣющійся въ Старицѣ въ монастырскомъ дворѣ овесъ забрали себѣ, токмо и понынѣ многіе не отдали;—и когда имъ, архимандритомъ, усмотрѣно, что крестьяне рублеваго оклада справить скоро не въ состояніи, а монастырю крайняя нужда въ деньгахъ на заплату каменьщикамъ церковнымъ, тогда испросилъ онъ, архимандритъ, съ имущественныхъ крестьянъ на счетъ рублеваго оклада, подъ образомъ пчельной десятины, 56 рублей въ зачетъ рублеваго оклада, ибо еще окладныхъ денегъ на крестьянахъ остается болѣе ста рублевъ, сѣно жъ во дворъ Старицкій на лугахъ монастырскихъ забрато въ урочищѣ Протокъ, а крестьяне забрали себѣ на Севрину, оные жъ крестьяне хлѣба не молотили, но и по сіе время молотятъ, а куры куплены за деньги, кои даваны были десятнику, дрова и рыбу дважды возили, а саженныхъ дровъ и по сіе число ни одного воза не привезли и везти не хотятъ; на работу жены ихъ для пряжи шерсти и полотна хотя и призывались, и то всегда по вотчинамъ обычайно дѣлается, а ко властямъ оное не касается, и о томъ ему, архимандриту, ни отъ кого жалобы не было; сверхъ же того, изъ вышеписанныхъ просителей Гаврила Алисовъ явился подозрителенъ въ смертномъ убивствѣ тестя своего, который съ произведеннымъ о томъ смертномъ убивствѣ дѣломъ представленъ въ Консисторію, а изъ оной Консисторіи въ силѣ опредѣленія отосланъ въ Бѣлогородскую губернскую канцелярію для учиненія съ нимъ по указамъ.

Реэстръ, что выше рублеваго окладу и съ кого имянно, въ противность законамъ, отцемъ архимандритомъ Гервасіемъ взято:

Съ Козьмы Даншина за двенадцать ульевъ пчелы взялъ изъ подъ содержанія чрезъ шесть дней въ колодкахъ четыре рубля, да изъ подъ боя плетьми четыре жъ рубля. Съ проданной собственной избы взялъ осьмой рубль. На мельницѣ работалъ 12 дней, въ послушаніи былъ 5 недѣль.

Сварилъ пива четыре вари, меду—двѣ вари.

Взято овса четыре четверика, цѣна двадцать пять копѣекъ, курица—цѣна три копѣйки.

Съ Кириллы Саратова съ пятнадцати ульевъ пчелы взято четыре рубля; орѣховъ гарнецъ—цѣна 15 коп.; конопель 10 жмень—цѣна 5 коп.

Съ Василья Аверина за десять ульевъ пчелы изъ держанія подъ карауломъ въ колодкахъ—4 рубля. На мельничной работѣ съ лошадьми былъ 12 дней, молотилъ 2 дня, во дворѣ стоялъ на караулѣ 4 дня, на одной лошади въ городѣ продержанъ 5 дней.

Съ Алексѣя Дятлова съ пяти ульевъ—4 рубля, орѣховъ 2 гарнца на 30 коп., овса взято 4 четверика—цѣна 25 коп., лыкъ десять пучекъ—цѣна 5 коп., стогъ сѣна 25 копенъ 75 коп., въ селѣ работалъ 9 дней, на мельницѣ—12, въ городъ на двухъ подводахъ ѣздилъ на тертичной работѣ, на караулѣ былъ два дня.

Съ Антона Макѣева съ 16 ульевъ взято 4 р., овса взято 4 четверика—25 к., орѣховъ 2 гарнца—30 коп., въ монастырь возилъ сѣно 5 дней, въ городъ возилъ туши на двухъ своихъ лошадяхъ, на караулѣ стоялъ 4 дня, на мельничной работѣ 2 дня, на тертичной работѣ безсходно съ новаго года и понынѣ.

Съ Семена Даншина: въ городъ возилъ тертицы, остановленъ былъ на 9 дней съ лошадью на мельничной работѣ, въ городъ дрова возилъ на одной лошади два дня, въ городъ ѣздилъ и былъ въ послушаніи два дня, при дворцѣ стоялъ на караулѣ 4 дня, неводомъ рыбу ловилъ два дня, послѣ той работы битъ плетьми безвинно.

Съ Козьмы Бирюкова взято орѣховъ 2 гарнца—30 коп., 2 курицы—5 коп., пару лаптей—4 к., десять пучекъ лыкъ—5 коп., 10 жмень канапей—5 коп., двѣ лапаты—4 коп., на мельницѣ работалъ на 2 лошадяхъ 3 дня, въ городъ возилъ тертицы 5 дней, въ городъ же возилъ капусту 2 дня, въ городъ же возилъ рыбу—2 дня, стоялъ на караулѣ во дворѣ 6 дней, за неводомъ ходилъ 2 дня, въ городъ дрова возилъ 2 дня, 4 воза дровъ отвезъ, молотилъ 2 дня, въ лѣсной работѣ 2 дня, во дворѣ въ послушаніи былъ 7 недѣль.

Ермолъ Морозовъ на мельницѣ работалъ 12 дней, двумя лошадьми въ городъ возилъ сѣно, съ неводомъ ходилъ два дня, въ городъ возилъ муку одною лошадью 2 дня, дрова возилъ двумя лошадьми 2 дня, рыбу возилъ одною лошадью 2 дня, при дворцѣ стоялъ на караулѣ 6 дней, два воза дровъ возилъ въ дворецъ, въ хуторъ ѣздилъ 2 дня.

Съ Гаврилы Макѣева: лошадь кобыла сивая заѣзжена до смерти—цѣна 5 руб., да взята скатерть—50 к., во дворцѣ онъ, Гаврило, стоялъ на караулѣ 6 сутокъ, въ монастырь возилъ рыбу одною лошадью 2 дня, на мельницѣ работалъ 4 дня, да еще архимандритъ сѣкъ его плетьми безвинно, да брата его тожь плетьми сѣкъ—сто ударовъ, да жену его Гаврилы содержалъ подъ карауломъ 3 недѣли.

Филиппа Морозова: мучилъ, посадя въ цѣпь и въ оковы, а все вымогалъ съ 30 ульевъ пчелы 6 рублевъ денегъ, да еще онъ, Филиппъ, 4 дня молотилъ, на караулѣ былъ 12 сутокъ, за неводомъ былъ 3 сутокъ, въ городѣ былъ 5 дней, въ монастырь возилъ дрова на двухъ лошадяхъ 4 дня, на мельницѣ работалъ на двухъ лошадяхъ 12 дней, да взята курица—цѣна 2 коп., двѣ пары лаптей— 4 коп., конопей 10 жмень—5 коп.

Съ Гаврилы Мокѣева взято орѣховъ гарнецъ—15 коп., курица—2 коп., онъ же, Гаврила, работалъ—молотилъ одинъ день, на караулѣ былъ одни сутки, на мельницѣ работалъ 12 дней.

Консисторія опредѣлила:

1) Хотя вышеписанные монастырстіе крестьяне Гаврила Макѣевъ съ съ товарищи въ поданномъ Его Преосвященству прошеніи написали, яко-бы отъ васъ, архимандрита Гервасія, причинены, сверхъ положеннаго рублеваго оклада, поборами обиды и грабительства, то есть взятіемъ по парѣ лаптей, по гарнцу орѣховъ и съ пчелъ деньгами, но вы, архимандритъ, отвѣтомъ показали, что деньги съ имущественныхъ крестьянъ, подъ образомъ пчельной десятины, взяты въ зачетъ имъ же, крестьянамъ, рублеваго оклада, котораго они и понынѣ не заплатили, о чемъ и сами они, крестьяне, допросами показали, якобы за несобраніемъ всѣхъ денегъ не отдали, коихъ въ собраніи у крестьянина Гаврилы Гущина нынѣ на лицо 81 рубль имѣется, а что они, крестьяне, складались на подачу челобитьемъ на прикащика и на васъ, архимандрита, съ каждаго гнѣзда по 5 коп., того себѣ въ обиду и разореніе не ставятъ, а дачу по парѣ лаптей и по гарнцу орѣховъ въ разореніе почитаютъ, изъ чего видно, что они, крестьяне, единое только возмущеніе и непослушаніе властямъ чинятъ въ противность высочайшихъ имянныхъ указовъ; и чтобъ впредь таковыхъ возмущеній и ослушаній не чинили, а во всемъ повиновались вамъ, архимандриту, яко своему властелину, для учиненія онымъ Гаврилѣ Макѣеву съ товарищи, въ страхъ другимъ, наказанія и для взысканія съ нихъ подлежащаго рублеваго оклада, отослать къ вамъ, архимандриту Гервасію, при указѣ, которые и посланы; 2) взысканные вами, архимандритомъ, съ имущественныхъ крестьянъ, подъ образомъ пчельной десятины, 56 руб. зачесть имъ, крестьянамъ, въ рублевый окладъ, а впредь вамъ, архимандриту, въ собраніи рублеваго оклада и въ опредѣленіи тѣхъ крестьянъ на монастырскія работы поступать, какъ высочайшими Ея И. В. указами повелѣно, а сверхъ положеннаго, ничего съ нихъ не брать и никакими поборами не отягощать.—Марта 7, 1763.

Подписались: Архимандритъ намѣстникъ Владиміръ, Архидіаконъ Сильверстъ.

(Изъ арх. Бѣлогор. Никол. мон.).

№ 48.

Репортъ Намѣстника Бѣлогородскаго Николаевскаго монастыря архимандриту Гервасію о бунтѣ монастырскихъ крестьянъ, допросъ крестьянъ въ Бѣлгородской губернской канцеляріи и опредѣленіе, 1763 г.

Репортомъ отъ 27 Февраля 1763 г. намѣстникъ Бѣлгородскаго Николаевскаго монастыря Архимандриту Гервасію доносилъ:

Съ приказанія Вашего Высокопреподобія въ вотчину монастырскую село Старицы сего февраля 26 дня, я прибылъ и приказалъ старостѣ Данилѣ

Бирюкову заготовить подводъ пять подъ солодъ для привозу въ монастырь, а прочимъ крестьянамъ дрова везть по нынѣшнему пути, то они, крестьяне, въ подводы ни единъ не поѣхали и дрова везть не захотѣли, а по утру, то есть февраля 27 числа, собрався многолюдствомъ человѣкъ до шестидесяти, пришли ко двору монастырскому, которымъ я велѣлъ къ себѣ въ дворъ придти, то они, крестьяне, запротивились и въ дворъ монастырскій не пошли, отказавъ: „пусть—де намѣстникъ сюда къ намъ выдетъ;“ почему я, взявши печатный указъ, состоявшійся 10 Генваря 1763 года, для объявленія имъ, что въ немъ повелѣно, вышелъ къ нимъ за дворъ и, какъ сталъ имъ указъ толковать и приказывать, чтобы они въ работахъ исполненіе чинили, то они, крестьяне, возмутясь, начали крики и противности дѣлать, свой указъ невѣдомо какой объявляя, а именно, изъ крестьянъ первые отозвались Семенъ Скапенко, который якобы нѣкоторый указъ у себѣ имѣетъ, Козьма Гор..., Василій Головель, Василій Гуревъ, Ефимъ Тимофѣевъ и проч. (поименовано еще шесть человѣкъ) съ товарищи, изъ которыхъ я заводчика Семена Скапенка велѣлъ за его противность взять подъ караулъ, то преднисанные крестьяне съ товарищи взбунтовавшись, означеннаго Скапенко подъ караулъ взять не дали, и изъ нихъ Иванъ Игнатовъ сбилъ меня съ ногъ, а крестьянинъ Алексѣй Алисовъ вырвалъ изъ рукъ у меня печатный указъ и, разодравъ. бросилъ о землю, что, видя, управитель іеромонахъ Іоаникій, атаманъ огурчанскій Ларіонъ Сокольскій, монастырскій служитель Иванъ Лаврентьевъ, да два человѣка изъ черкасъ начали меня боронить; на которыхъ они, крестьяне, напавъ злодѣйски, били немилостиво дубьемъ, которое они по умыслу своему тайно про себѣ имѣли, и похвалялись до смерти убить и съ великимъ шумомъ и крикомъ набѣгали на дворъ монастырскій, отъ котораго ихъ, крестьянъ, злодѣйскаго нападенія въ силу во дворѣ ухоронились, и кричали, отходя, что мы де на томъ стали, что слушать не будемъ монастыря, пусть насъ Губернская Канцелярія, ежели на то указъ есть, хоча всѣхъ кнутомъ пересѣчетъ, и отошовши, похвалялись, кого изъ монастырскихъ до смерти убить; такожь и тертичники, бывшіе изъ старицкихъ крестьянъ, еще до прибытія моего по тому согласію сами собою сошли, и никто во дворъ монастырскій итти изъ нихъ, крестьянъ, не слушаетъ; того ради, о вышеписанномъ донося, покорнѣйше прошу о такомъ ихъ, крестьянъ, возмущеніи милостивую учинить резолюцію, ибо ежели ихъ, крестьянъ, отъ таковаго своевольства не повелѣно будетъ по силѣ указовъ смирить и за учинившееся возмущеніе и нападеніе и противность надлежащее наказаніе учинить, то они по своему злоумышленію въ бунтовство подвижутся и смертоубивство учинить дерзнутъ; а разодратый печатный указъ къ разсмотрѣнію при семъ прилагается.

По опредѣленію Бѣлгородской губернской канцеляріи, означенные крестьяне чрезъ посланную за ними по инструкціи команду сысканы и противъ

вышеписаннаго допросами показали: 1) человѣкъ *Алексѣй Алисовъ:* когда означенный намѣстникъ іеромонахъ Стефанъ пріѣхалъ въ село Старицу и въ то время, по приказу его, чрезъ старосту всѣмъ того села крестьянамъ повѣстка была о вывозѣ изъ старицкаго лѣсу въ Бѣлгородъ въ оный Николаевскій монастырь на заборъ столбовъ, по которой повѣсткѣ всѣ крестьяне, въ томъ числѣ и онъ, Алисовъ, ко двору монастырскому пришли, и пришедъ, подлѣ того двора остановились, изъ котораго двора намѣстникъ не по зову ихъ крестьянскому, самъ собою вышедъ къ нимъ, говорилъ, имъ, крестьянамъ, для чего они бунтуютъ, на что они объявили ему, намѣстнику, что бунта отъ нихъ никакого нѣтъ; а намѣстникъ чрезъ служекъ монастырскихъ взялъ было изъ нихъ въ тотъ дворъ крестьянина Семена Скапенка, у котораго была съ указу копія, но они ему, намѣстнику, взять не дали, а его намѣстника съ ногъ не сваливали и дубьемъ и ничѣмъ не били и бывшихъ съ нимъ служителей не били жъ, и никакого указа у него, намѣстника, изъ рукъ не вырывалъ и не передиралъ и о землю не ударивалъ, а такихъ рѣчей онъ, Алисовъ, съ товарищи: пусть де губернская Канцелярія хотя всѣхъ кнутомъ пересѣчетъ, а они безъ смертнаго убивства не останутся, никогда не говаривали, а по повелѣнію монастырскому. какъ рублевый окладъ платятъ, такъ и работы исправляютъ. 2) *Семенъ Аверинъ* о пріѣздѣ намѣстника въ село Старицу и о повѣсткѣ и о томъ, что они монастырю противности ни какой не чинили, а только взять его, Семена, намѣстнику не допустили, а намѣстника и бывшихъ при немъ служителей не били,—показалъ то жъ; а при томъ объявилъ, что намѣстникъ изъ монастырскаго двора выходилъ къ нимъ по ихъ зову и просили у него, намѣстника, въ платежѣ рублевыхъ денегъ и въ работахъ квитанцій. 3) *Козьма Горяинскій* съ прочими: что намѣстника и служителей не били и монастырю противности не чинятъ, показали то жъ.

Въ отношеніе Бѣлгородской Губернской Канцеляріи на имя архимандрита опредѣлено:

1) Хотя изъ означенныхъ села Старицы крестьянъ Алексѣй Алисовъ противъ доношенія вашего архимандрита съ братіею, будто онъ съ прочими крестьянами намѣстника съ ногъ не сваливали и дубьемъ не били и указу у него, намѣстника, онъ, Алисовъ, изъ рукъ не вырывалъ, и не передиралъ и намѣстника и бывшихъ при немъ служителей не били, допросомъ показалъ такожъ и прочіе крестьяне въ допросахъ же ихъ въ бои онаго намѣстника и въ прочемъ, что онаго яко бы чинено не было, показали жъ; но въ тѣхъ ихъ допросахъ показано розноречіе, а именно: Алисовъ показалъ, будто намѣстникъ къ нимъ изъ монастырскаго двора выходилъ собою, а прочіе показали, что его, намѣстника, изъ того двора вызвали они, крестьяне; а сверхъ того какъ оный Алисовъ, такъ и всѣ крестьяне въ тѣхъ же своихъ допросахъ

имянно объявили, что они, будучи у монастырскаго двора съ прочими крестьяны въ собраніи, крестьянина Сапенка, у котораго была съ указу копія, взять оному намѣстнику на монастырскій дворъ не дали; въ чемъ ихъ, крестьянъ Алисова съ товарищи, вина явно и оказалась; да когда бъ отъ нихъ, крестьянъ, вышеписанной продерзости не было, то бъ онаго на нихъ вамъ, архимандриту Гервасію съ братіею и намѣстнику, которымъ монастырская экономія ввѣрена написать было не возможно: и тако въ оной продерзости запирались они, крестьяне, въ допросѣхъ своихъ, избывая штрафа; того ради изъ оныхъ села Старицы крестьянъ Алисову за вышепрописанную продерзость и монастырю противность, и за бой намѣстника и съ нимъ служителей въ силу уложеннаго 10 главы 148 пункта и Ея И. В. имянныхъ высочайшихъ 762 августа 12 и сего 763 году Генваря 8 указовъ учинить наказаніе, вмѣсто кнута, по годности его, Алисова, въ службу, плетьми, а прочимъ приводнымъ съ нимъ же Алисовымъ крестьянамъ Семену Аверину съ товарищи за учиненную ими монастырю жь противность и за бой же намѣстника и служителей наказать батожьемъ, дабы отъ нихъ впредь таковыхъ продерзостей и монастырю противностей не было; 2) что жь оные крестьяне показуютъ, яко съ нихъ въ монастырь сбираются излишніе поборы и не получаютъ отъ того монастыря квитанцій, да изъ нихъ же де одинъ крестьянинъ по приказу вашему архимандрита сѣченъ плетьми, то дабы въ сборѣ съ означенныхъ монастырскихъ крестьянъ рублеваго оклада и въ работахъ и въ дачѣ квитанцій исполненіе чинить, какъ означенные имянные 762 Августа 12 и сего 763 года Генваря 8 дня Высочайшіе указы повелѣваютъ; а кромѣ положеннаго тѣми высочайшими указами рублеваго оклада и работъ излишняго налагательства и напрасныхъ побоевъ не было бъ, дабы чрезъ то оные крестьяне впредь монастырю противностей чинить не могли,—о томъ бы къ вамъ, архимандриту Гервасію, учинено было надлежащее подтвержденіе.

(Изъ арх. Бѣлогор. Никол. мон.)

№ 49.

Прошеніе архимандрита К. З. монастыря Гедеона Антонскаго въ Святѣйшій Синодъ по поводу убійства Курскимъ помѣщикомъ Андреемъ Спешневымъ монаховъ Флавіана и Ѳеофана и потворства тому смертоубійственному дѣлу отъ Курской и Бѣлогородской губернскихъ канцелярій, и сенатское по сему предмету опредѣленіе, 1759 г.

Въ 1759 г. Генв. 19 дня архимандритъ Гедеонъ Антонскій съ братіею прошеніемъ въ святѣйшій Синодъ объявилъ:

„Въ прошломъ 1755 году Мая 1 дня Курскій помѣщикъ, отставной подпорутчикъ, Андрей Григорьевъ сынъ Спешневъ, незнаемо съ какого

умыслу присылалъ двухъ человѣкъ людей своихъ, прикащика Никиту Александрова, да Ивана Семенова, въ село Смородинное на монастырскій дворъ звать къ себѣ въ гости іеромонаховъ, келаря Өеофана Набокова и управителя Флавіана Витійскаго, по которому званію оные іеромонахи того жъ числа поѣхали къ нему, Спешнему, въ хуторъ, имѣющійся близь онаго села Смородиннаго, съ крестьяны тремя человѣки, а какъ пріѣхали къ тому хутору, то онаго Спешнева вышеозначенный прапорщикъ (прикащикъ?) съ крестьяны того жъ Спешнева и прочими невѣдомо какими многими людьми, наряднымъ дѣломъ охватили ихъ, іеромонаховъ, на дорогѣ и, взявъ перво Флавіана, а потомъ и Өеофана, вытащивъ изъ кибитки за волоса и за бороду, учали бить дубьемъ и цѣпами смертельно и, бивъ, затащили во упомяненный хуторъ и бросили въ закуту съ имѣвшимися при нихъ крестьяны и тамъ мучили до вечера, а потомъ совокупясь, оные разбойники и между собою, не вѣдомо что посовѣтовавъ, оныхъ іеромонаховъ изъ закуты вытащили и, въ кибитку вбросивъ, повезли въ поле и оттуда двухъ оныхъ монастырскихъ людей, кои были при нихъ верхами прогнали, а ихъ іеромонаховъ, изъ кибитки вытащивъ, еще били дубьемъ и кололи рогатины тирански и, паки пбросавъ ихъ въ кибитку, едва дышущихъ и правчаго посадя править, въ полѣ оставили, которымъ де правчимъ во объявленное село Смородинное во дворъ монастырскій чуть живы и привезены, и отъ оныхъ по наряду Спешнева разбойническихъ мучительствъ и бою объявленный іеромонахъ Флавіанъ на другой день, то есть Мая 2 дня, умре, и мертвое тѣло его для осмотру и описи бою ранъ въ Курской воеводской канцеляріи отъ него, архимандрита, съ братіею объявлено и осматривано, раны и бои описаны, и по описи, изъ той канцеляріи отдано въ показанный монастырь для погребенія, гдѣ и погребено, а на іеромонахѣ Өеофанѣ ибо его за объявленнымъ убивствомъ въ оную канцелярію вести было невозможно, чрезъ нарочно посланнаго отъ оной канцеляріи бои и раны описаны, который отъ онаго убивства, нѣсколько времени мучась, умре жъ; а для взятья объявленныхъ смертоубійцъ, онаго Спешнева прикащика Никиту Александрова и человѣка Ивана Семенова съ товарищи, по тому ихъ челобитью, дружа и наровя означенному Спешневу отъ Курской канцеляріи не посылано и по тому дѣлу произвожденіе чрезъ происки его, Спешнева, не учинено, о чемъ всемъ въ Бѣлгородскую губернскую канцелярію онъ, архимандритъ, съ братіею челобитьемъ просилъ, токмо и оная губернская канцелярія пройскомъ же его, Спешнева. произвожденія оному дѣлу не учинила, и бывшіе при оныхъ іеромонахахъ монастырскіе крестьяне три человѣка не допрашиваны. А въ прошломъ 1756 году іюля 9 дня Курскаго помѣщика архангелогородскаго драгунскаго полку вахмистра Александра Волженскаго крестьянинъ Алексѣй Голенищевъ, пришедъ въ Курскій монастырь, письменно объ-

явилъ, что въ прошломъ 1755 году, а въ которомъ мѣсяцѣ и числѣ—не знаетъ, токмо въ рабочее время, имѣлся онъ, Голенищевъ, съ братомъ своимъ Артемомъ въ полѣ для работы не подалече отъ хутора вышеозначеннаго Спешнева, и въ то время онаго Спешнева дворовый человѣкъ Лаврентій пріѣзжалъ къ нему Алексѣю и брату его и звалъ ихъ, чтобы они шли къ господину его въ хуторъ, по чему онъ, Алексѣй, съ онымъ братомъ своимъ и пришелъ; а какъ пришли въ хуторъ, то въ томъ хуторѣ кромѣ его, Спешнева, многихъ людей, въ собраніи и постороннихъ было человѣкъ съ пятьдесятъ (слѣдуетъ имянно перечисленіе 18-ти человѣкъ), а прочихъ не упомнитъ, и въ тоже время пріѣхали къ оному хутору Курскаго монастыря вышеписанные два іеромонаха съ треми монастырскими крестьянами, на которыхъ оные его, Спешнева, крестьяне, а именно (перечисляются пять человѣкъ), а прочихъ не знаетъ, вдругъ кинулись и, оныхъ іеромановъ бивъ дубьемъ и цѣпами смертельно, заволокли въ оный хуторъ, и потомъ оный прикащикъ поѣхалъ къ показанному помѣщику своему Спешневу въ село Архангельское, а оттоль пріѣхавъ, приказалъ оныхъ іеромонаховъ вывесть, которыхъ вывели замертво и поклали въ кибитку, а имъ постороннимъ велѣлъ идти по своимъ мѣстамъ, почему они и пошли, которое его, Голенищева, объявленіе въ Бѣлгородской губернской канцеляріи при челобитьѣ объявлено, по чему онъ въ ту губернскую канцелярію и былъ сысканъ и въ ней допрашиванъ и въ допросѣ противъ того своего объявленія не запирался, токмо и по вторичному челобитью и по доказательству онаго Голенищева въ оной же Бѣлгородской канцеляріи чрезъ происки его, Спешнева, оному дѣлу производденія и рѣшенія не учинено. Въ прошломъ же 1758 году Ноября 20 дня по челобитью онаго Курскаго монастыря іеродіакона Даніила, а означеннаго убитаго іеромонаха Флавіана двоюроднаго брата, въ канцеляріи опредѣленнаго въ Бѣлгородскую и Воронежскую губерніи главнаго сыщика дѣйствительнаго статскаго совѣтника, показанный Алексѣй Голенищевъ объ ономъ же іеромонаховъ убивствѣ допрашиванъ и въ допросѣ не запирался; а показалъ на людей и крестьянъ вышеписаннаго Спешнева противъ прежняго своего въ Бѣлгородской губернской канцеляріи показанія сходственно, да онаго помѣщика Андрея Спешнева крестьянинъ Савелій, Ивановъ сынъ, Федоровъ въ оной же главнаго сыщика Татищева канцеляріи въ томъ смертномъ убивствѣ реченнаго іеромонаха Флавіана допрашиванъ, въ чемъ онъ и винился, и показалъ, что онъ, Андрей Спешневъ, будучи въ хуторѣ, прикащику своему Никитѣ Александрову и крестьянамъ приказалъ: ежели кто изъ монастырскихъ пріѣдетъ, то бъ бить дубьемъ и, не дождавъ, поѣхалъ въ домъ свой, почему оный прикащикъ съ крестьяны...(перечисляются 6) и прочими, которые выше написаны имянно, а иныхъ не упомнитъ, въ томъ числѣ и съ нимъ, Савельемъ Федоровымъ, Курскаго монастыря пріѣхавшихъ двухъ іеромонаховъ били дубьемъ

и въ хуторъ затащили подъ караулъ, и паки онъ, прикащикъ, отъ него, Спешнева, получивъ приказъ, постороннихъ, которые выше показаны имянно, отослалъ, а показанныхъ іеромонаховъ, въ кибитку побросавъ, замертво въ поле вывезли и, тамъ съ кибитки вытащивъ, ихъ сами дубьемъ били жь, и паки въ кибитку едва живыхъ поклавъ, отпустили, отчего показанный іеромонахъ и умре; и по тому дѣлу за оными убійцами, Спешнева крестьяны, хотя и была посылка, токмо, знатно, его, Спешнева, проворствомъ не сысканы, и произвожденія тому смертоубивственному дѣлу не учинено понынѣ, и онъ, Спешневъ, въ томъ смертномъ убивствѣ не допрашиванъ, и объявленный его крестьянинъ Федорковъ изъ подъ караула выпущенъ. А нынѣ де оный Спешневъ находится въ Санктпетербургѣ для пріисканія мѣста къ опредѣленію къ дѣламъ и просили о сыску показаннаго подпоручтика Андрея Спешнева и о допросѣ въ смертномъ убивствѣ іеромонаха Флавіана по наряду его людьми его жь и крестьяны сообщить Правительственному Сенату, а ежели онъ въ томъ будетъ запираться, повелѣно бъ было Воронежской губернской канцеляріи изслѣдовать, или для онаго слѣдствія опредѣлить особливую коммиссію, а до рѣшенія того дѣла его, Спешнева, къ дѣламъ не опредѣлять и учинить съ нимъ, какъ указы повелѣваютъ. Правительствующій Сенатъ указомъ приказалъ: за показанныя отъ Курскаго Знаменскаго монастыря на Бѣлгородскую губернскую канцелярію въ долговременномъ о томъ смертномъ убивствѣ слѣдствія не произведеніи о всемъ томъ въ силу указовъ изслѣдовать Воронежской губернской канцеляріи немедленно безъ всякаго продолженія и для того, какое о томъ въ Курской и главнаго сыщика канцеляріяхъ производство было, оное все отослать въ Воронежскую губернскую канцелярію немедленно.

(Изъ арх. Курск. Знам. мон.).

№ 50.

Челобитная К. З. монастыря монаха Измарагда о разбойнической рубкѣ монастырской рощи крестьянами того же Спешнева и о похвальбѣ ихъ убійствомъ монаховъ. 1761 г.

Бьетъ челомъ Курскаго Богородицкаго Знаменскаго монастыря монахъ Измарагдъ, а въ чемъ мое челобитье, тому слѣдуютъ пункты:

1) Курскій помѣщикъ подпоручтикъ Андрей, Григорьевъ сынъ, Спешневъ, который всегда съ наряднымъ оружіемъ, копьями, дубинами и прочимъ выѣзжаетъ, онаго Курскаго Знаменскаго монастыря земли близь села Смо-

родиннаго роспашной и нероспашной завладѣлъ немалое число, къ тому же и монастырскія рощи, особливо въ дачахъ онаго монастыря села Березовца оные его крестьяне воровски ночью и днемъ явственно, собравшись во многолюдствѣ, рубятъ и пустошатъ, какъ-то и прошлаго 760 года Ноября 13 дня онаго Спешнева крестьяне, собравшись съ дубьемъ и копьями пьяные, не токмо сами, но еще съ другими, невѣдомо какими многими людьми, которыхъ было человѣкъ до ста и болѣе, между которыми иные безъ подводъ, токмо съ копьями, и дубинами и съ цѣпами, верхами, съ чего явственно какъ воры и озарники для драки и убивства въ монастырскую рощу днемъ пріѣхавъ, рубили, и онаго села Березовца прикащикъ іеромонахъ Геннадій, усмотря ихъ, хотя оную рощу отъ ихъ порубки защитить, и ихъ съ тѣмъ порубленнымъ лѣсомъ изыскать и, куда надлежитъ, представить, съ нѣсколькими монастырскими крестьянами выѣзжалъ; но оные его, Спешнева, крестьяне и другіе, незнаемо какіе люди, взять себе и порубленнаго ими лѣсу не дали и притомъ похвалялись: одного де чернца убили, то и другаго убьемъ, и нѣкоторыхъ монастырскихъ крестьянъ прибили и ограбили, а сами уѣзжали, и оная порубка лѣса отъ нихъ такъ многая, что и пеньевъ счесть не можно, отчего крайняя монастырю чинится обида и разореніе, о чемъ того жь Ноября 20 дня въ Курской воеводской канцеляріи подана явочная челобитная.

2) И сего Февраля 12 дня 1761 года онаго жь Спешнева крестьяне, собравшись многолюдно, наряднымъ дѣломъ съ дубьемъ и рогатинами, человѣкъ съ двадцать и болѣе съ подводами и топорами, пріѣхавъ въ вышеупомянутую монастырскую рощу, состоящую въ дачахъ онаго монастыря, близь села Березовца, воровски рубили, которыхъ усмотря того села Староста Емельянъ Антоновъ съ крестьяны въ той рощи изъ оныхъ Спешнева крестьянъ изымали одного человѣка съ порубленымъ монастырскимъ лѣсомъ на одной подводѣ, который называетъ себѣ Ильею Короткимъ, а протчіе отъ бывшихъ бѣжали, и онаго крестьянина съ тѣмъ монастырскимъ лѣсомъ и съ его лошадью и топоромъ въ Курскую воеводскую канцелярію объявляю при семъ доношеніи.

3) Въ прошломъ же 1755 году означенные Спешнева крестьяне, и онъ, Короткій, онаго монастыря монаха Флавіана убили до смерти, которымъ убивствомъ, какъ выше значитъ, они и похвалялись, о чемъ какъ въ оной Курской воеводской канцеляріи, такъ и въ другихъ судебныхъ мѣстахъ по производящимся дѣламъ пространнѣе о томъ ихъ убивствѣ явствуетъ.

(Изъ арх. Курск. Знам. мон.).

№ 51.

Челобитная Бѣлогородскаго Николаевскаго монастыря архимандрита Иларіона съ братіею на черкасъ Новопоселенной слободы графа Головина о нестерпимомъ разореніи и буйствахъ ихъ въ монастырскихъ дачахъ, порубкѣ монастырскаго лѣса на двадцать тысячъ и убійствѣ монаха, 1739 г.

Всепресвѣтлѣйшая Державнѣйшая Великая Государыня Анна Іоанновна, Самодержица всероссійская.

Бьютъ челомъ нижайшіе богомольцы Бѣлогородскаго Николаевскаго монастыря архимандритъ Иларіонъ съ братіею, а о чемъ наше прошеніе, тому слѣдуютъ пункты:

1) Въ прошломъ 1738 году въ Октябрѣ мѣсяцѣ по присланнымъ Ея И. В. изъ Св. Прав. Синода и изъ Правительствующаго Сената указамъ, а по прошенію онаго Николаевскаго монастыря Намѣстника іеромонаха Ѳеофана съ братіею и по доношенію стряпчаго Василья Подъяконова о нестерпимыхъ монастырскихъ вотчинныхъ обидахъ, учиненныхъ отъ новопоселенной слободы господина адмирала и кавалера Графа Николая Ѳеодоровича Головина отъ подданныхъ его черкасъ, которыхъ населили насильствомъ Харьковскаго полку козакъ Михаилъ Корецкій съ единомышленникомъ своимъ онаго жь адмирала графа Головина стряпчимъ Василіемъ Саржинымъ въ Бѣлогородскомъ уѣздѣ при рѣкѣ Сѣверномъ Донцѣ, будто на проданной Его Графскому Сіятельству землѣ отъ казака Харьковскаго полка Ивана Черняка, которому въ тѣхъ урочищахъ и дачь не имѣется.

2) И тѣмъ насиліемъ порубили монастырскаго береженаго чрезъ многое время дубоваго дерева и прочаго лѣса цѣною на двадцать тысячь рублей, на который лѣсъ и на вотчинныя земли имѣются жалованныя грамоты и разныхъ писцовъ выписи, и при прежнемъ отъ монастыря прошеніи приняты съ оныхъ въ Правительствующемъ Сенатѣ копіи, и изъ онаго дерева на поселенія оныхъ Черкасъ построили больше шести сотъ дворовъ и, владѣючи землею и лѣсомъ, монастырскія межи и грани попортили,—про то вѣдаютъ смежные помѣщики, лучшіе люди и при слѣдствіи покажутъ именно.

3) И по тому оныхъ іеромонаха Ѳеофана челобитью и стряпчаго Подъяконова доношенію велѣно Бѣлогородской губерніи губернатору Грекову, да обрѣтающемуся въ той губерніи у слѣдствія полковнику Вельяминову, о такомъ разореніи разсмотря по крѣпостямъ и изслѣдовавъ, надлежащее по указамъ рѣшеніе учинить безъ всякаго замедленія.

4) По которымъ Ея И. В. указамъ чрезъ многопрошедшее время по многократнымъ отъ меня, тако жь и отъ Намѣстника съ братіею и отъ стряп-

чаго Подъяконова прошеніямъ вышепоказанный губернаторъ Грековъ никакого слѣдствія не чинилъ.

5) На что смотря, оной новопостроенной Слободы жители Черкасы стали чинить въ дачахъ монастырскихъ еще горшее и нестерпимое разореніе и тяжкія обиды, а именно: той слободы атаманъ Василій Кульчинко съ товарищи, злымъ и вымышленнымъ своимъ нападеніемъ изыскавъ, въ монастырскихъ дачахъ посельскаго монаха Филарета, которому въ присмотръ приказаны были монастырскія вотчины, убили его до смерти, о чемъ имѣется въ Бѣлогородской губернской канцеляріи отъ казначея іеродіакона Мисаила челобитье.

6) И то знатно учинено по наученію онаго стряпчаго Саржина, который подлинно про то убивство вѣдаетъ.

7) И какъ бы ему, Саржину, такъ и прочимъ той слободы жителямъ отъ того смертнаго убивства отбыть, оныхъ атамана съ товарищи, за то смертное убивство той слободы всѣ жители привели при челобитьѣ своемъ въ губернскую канцелярію къ слѣдствію и розыску, которые въ ту губернскую канцелярію были приняты и содержаны подъ карауломъ многое время.

8) Но токмо проискомъ и стараніемъ показаннаго стряпчаго Саржина и за поноровкою онымъ смертоубійцамъ отъ губернатора Грекова и секретаря Муратова, который оное дѣло производилъ, знатно чрезъ немалыя взятки тѣхъ приводныхъ по силѣ Уложенія и состоявшихся о искорененіи воровъ и разбойниковъ указовъ чрезъ многопрошедшее время не распрашивали и не розыскивали и изъ подъ караула отводили.

9) На что смотря, означенной слободы черкасы, что онымъ смертоубійцамъ учинено такое послабленіе и въ слѣдствіи дѣла продолженіе, и за другимъ монастырскихъ вотчинъ прикащикомъ іеромонахомъ Иннокентіемъ въ монастырскомъ лѣсу чинили погоню, какъ бы изыскавъ убить его до смерти, отъ чего нынѣ оный прикащикъ и крестьяне въ великомъ страхѣ пребываютъ и въ монастырскій лѣсъ для дровъ выѣзжать имѣютъ крайнее опасеніе.

10) О чемъ ихъ Преосвященному Петру, архіепископу Бѣлогородскому и Обоянскому, неоднократно отъ меня съ братіею прошенія имѣлись, и по тѣмъ нашимъ прошеніямъ отъ Его Преосвященства къ оному губернатору Грекову посыланы промеморіи, въ которыхъ объявлено, дабы онъ, губернаторъ, по силѣ присланныхъ изъ Правительствующаго Сената указовъ про монастырскія обиды и о смертномъ убивствѣ монаха Филарета, слѣдствіе и рѣшеніе учинилъ непродолжительно и правильно безъ всякаго замедленія обще съ полковникомъ Вельяминовымъ, какъ о томъ въ оныхъ указѣхъ по-

казано; но токмо оный губернаторъ Грековъ, противясь таковымъ присланнымъ изъ Сената Ея И. В. указамъ, слѣдствія чинить про монастырскія обиды не пожелалъ и не производилъ, о чемъ и письменно къ оному полковнику Вельяминову онъ, губернаторъ, за своею рукою объявилъ именно, отъ чего и другія монастырскія дѣла, имѣющіяся въ той губернской канцеляріи, что насильствомъ въ монастырскихъ же дачахъ на рѣчкѣ Старицѣ посторонніе люди построили двѣ мельницы и подтопили монастырскихъ покосовъ и всякихъ угодій и лѣсу порубили дубоваго и всякаго цѣною всего на тысячу рублевъ, також и по вершеному дѣлу, что надлежитъ взять въ монастырь иску съ Колупаевскихъ жителей девять сотъ рублевъ, возъимѣли крайнюю остановку для того, что отъ его губернаторскаго гоненія и посягательства и повѣреннымъ отъ монастыря просить о тѣхъ дѣлахъ стало быть невозможно, понеже всегда на оныхъ монастырскихъ за дѣлами ходатаевъ грозитъ изъимавъ бить смертнымъ боемъ напрасно.

11) И отъ такого его губернаторскаго неправосудія и на монастырь посягательства вотчины монастырскія со крестьяны до конца разоряются и показанный бережный лѣсъ до основанія искореняется, понеже оной новопостроенной слободы черкасы до нынѣ насиліемъ въѣзжаютъ на всякій день подводъ по пяти сотъ и болѣе, и рубятъ удобное дубовое дерево и употребляютъ себѣ на строеніе и на дрова, и за таковымъ разореніемъ оный Николаевскій монастырь приходитъ въ крайнюю пустоту и крестьянамъ впредь подушнаго оклада и всякихъ податей платить будетъ нечѣмъ и намъ, нижайшимъ богомольцамъ, пропитанія имѣть будетъ не отъ кого.

И дабы указомъ Вашего И. В. повелѣно было сіе наше покорнѣйшее прошеніе въ Правительствующемъ Сенатѣ принять, и о таковыхъ губернатора Грекова противностяхъ предъявить въ высокоучрежденномъ Ея И. В. кабинетѣ, и про вышеписанныя нестерпимыя монастырскія обиды и о смертномъ убивствѣ повелѣно бъ было изслѣдовать и рѣшеніе учинить вышеобъявленному полковнику Вельяминову, да къ нему въ помощь нарочнаго послать изъ офицеровъ, а губернатору Грекову и секретарю Муратову за подозрѣніемъ дѣлъ монастырскихъ не слѣдовать и крестьянъ судомъ не вѣдать, а судимымъ быть служителямъ монастырскимъ и крестьянамъ у него, Вельяминова; а что отъ его губернаторскаго на монастырь посягательства и продолжительнаго неправосудія учинилось напрасныхъ обидъ и убытковъ, учинить какъ Вашего И. В. указы и регламентъ повелѣваютъ. Слѣдуютъ подписи: архимандрита, трехъ іеромонаховъ и трехъ іеродіаконовъ. 1739 года, Іюня дня.

(Изъ арх. Бѣлогор. Никол. мон.).

№ 52.

Челобитье крестьянскаго старосты въ имѣніи Курскаго помѣщика Димитрія Дюмина, селѣ Троицкомъ, на монаховъ К. З. монастыря и монастырскихъ крестьянъ въ разбойническомъ разореніи ими господской мельницы, 1752 г.

Бьетъ челомъ Курскаго помѣщика, дворцоваго подключника Димитрія, Трофимова сына, Дюмина, Курскаго помѣщицкаго стану, села Троицкаго, что на Красномъ Колодези, крестьянскій староста Парамонъ Кипріановъ на крестьянъ Богородицкаго Знаменскаго монастыря, деревни Поселенной Слободки, на рѣчкѣ Рати, да хутора Гремячего (крестьяне поименованы—числомъ около 30), да онаго монастыря на намѣстника іеромонаха Іоиля, да на чернца Мисаила, да на іеромонаховъ Серапіона и Веніамина Чаусова, а о чемъ— тому слѣдуютъ пункты:

1) Имѣется въ Курскомъ уѣздѣ въ Обмацкомъ стану на рѣчкѣ Ратцѣ у господина моего и у брата его родного Апшеронскаго пѣхотнаго полку сержанта Матвѣя, Трофимова сына, Дюмина, въ дачахъ отца ихъ вобще съ однодворцами Семеномъ, Козминымъ сыномъ, Аникеемъ, Даниловымъ сыномъ Струковымъ устроенная плотина и на ней мельница на два анбара о трехъ поставахъ, въ которомъ прудѣ нѣсколько саженой всякаго званія рыбы, на которой мельницѣ по свидѣтельству чрезъ посланныхъ изъ Курской Канцеляріи и по взятымъ у обывателей сказкамъ для положенія въ окладъ Курской канцеляріи извѣстно.

2) А сего 752 году Августа 29 числа означенный монастырскій чернецъ Мисаилъ, который, оставя и пренебрегая монашеское свое обѣщаніе, въ немалую противность духовнаго регламента живетъ на приказѣ въ вотчинѣ онаго монастыря въ селѣ Виногроблѣ, собравши отъ всѣхъ того монастыря вотчинъ съ крестьянъ великимъ многолюдствомъ скопомъ человѣкъ съ триста и болѣе, которыхъ, кромѣ вышереченныхъ знать не могу, имѣя при себѣ дубье, колье, рогатины и выстрижи и прочее оружіе, оную господъ моихъ обще съ означенными Струковыми мельницы плотину разрыли и воду спустили и, спустя, половили рыбы всякаго званія по цѣнѣ на 700 рублей и притомъ всячески уграживали, которую плотину принуждено было мнѣ съ немалыми убытками починять, и была починена, ибо ее оставить впустѣ было не можно, понеже, какъ выше объявлено, о положеніи ея въ окладъ имѣется въ Курской военной Канцеляріи дѣло, въ чемъ зависитъ интересъ Вашего Императорскаго Величества.

3) И о томъ ихъ помянутой мельницы разореніи объявилъ я господъ своихъ родственнику канцеляристу Ивану Дюмину, которому господъ моихъ

домъ, за бытностію ихъ въ службѣ Императорскаго Величества, поручено наблюдать, для чего оный родственникъ господъ моихъ ходилъ въ означенный Ку́рскій Знаменскій монастырь къ вышеупоминаемому намѣстнику Іоилю и ему въ томъ приносилъ жалобу, но оный Іоиль не токмо, что въ томъ учинить удовольство, но еще при немъ, Дюминѣ, въ угрозу господамъ моимъ, а себѣ въ похвальбу, великимъ многолюдствомъ приказалъ служкѣ того монастыря Петру Воробьеву написать въ вотчину монастырскую, чтобъ и еще таковыхъ же, нѐ знаемо́ чьихъ помѣщицкихъ или однодворческихъ, на рѣчкѣ Березовцѣ при мельницѣ плотинъ разорить, при чемъ былъ Курскаго Лантмилицкаго полку вахмистръ Анофрей Чуриловъ и въ томъ разореніи ему совѣтовали при ономъ же Дюми́нѣ и Чуриловѣ упоминаемые іеромонахи Серапіонъ и Веніаминъ и въ томъ монашеского обѣщанія и духовнаго регламента зависитъ не малая противность.

4) А сего 752 года Декабря 1 дня означенный монахъ Мисаилъ собравши того монастыря вотчинъ крестьянъ, воровски съ таковымъ же скопомъ и нарядомъ пріѣхавъ съ немалымъ умысломъ до свѣта за часъ, захватя бывшаго при той мельницѣ для сбору помольнаго хлѣба господина моего крестьянина Алексѣя Сулина, да отъ означенныхъ Струковыхъ крестьянина Никиту, Семенова сына, Лазова и заперли въ устроенную при той мельницѣ избу и, оставя по обѣ стороны рѣчки и оной плотины многолюдный караулъ, оную рѣчку вторично разорили, и плотину разрыли, и воду спустили и, одного амбара строеніе нѣсколько разломавъ, бревна разбросали, валъ и водяныя колеса топорами порубили и прочіе матеріалы побили и поломали и, учиня то разбойное той мельницы разореніе, уѣхали въ упоминаемую вотчину того монастыря въ слободку, поселенную на рѣчкѣ Ратцѣ и тѣмъ разореніемъ причинили господамъ моимъ убытку на 70 рублей; а какъ во время того ихъ разоренія ѣхали трактомъ ко оной мельницѣ господина моего жены крестьянинъ Андрей Михайловъ, да онаго Семена Струкова съ сѣномъ крестья́не (двое поименованы), то они, разорители, переловили ихъ, держали въ той избѣ подъ карауломъ, и то все видѣлъ случившійся при томъ ихъ разореніи сторонній человѣкъ, вышеупоминаемый мельникъ малороссіянинъ Акимъ Савельевъ, а ѣдущаго къ той мельницѣ, помѣщика Алексѣя Козьмина крестьянскаго старосту Козьму Семенова съ крестьяниномъ Иваномъ Григорьевымъ захватя, держали, покамѣсть окончили то свое разореніе.

И дабы указомъ повелѣно было сіе мое челобитье принять, а на оныхъ намѣстника Іоиля и чернцовъ Мисаила, Серапіона, Веніамина, ежели они въ Курскую военную канцелярію, по духовенству, не поѣдутъ, — куда надлежитъ, или прямо въ Святѣйшій Синодъ представить, понеже господинъ мой при предреченномъ его дѣлѣ находится нынѣ въ Москвѣ и того искать

будетъ самъ по Святѣйшему Синоду, а для осмотру означенной разоренной мельницы и для забранія предписанныхъ крестьянъ послать, а какъ оные крестьяне приведены будутъ, то ихъ въ вышеписанномъ двоекратномъ пріѣздѣ и разбойномъ разореніи допросить... А по сему дѣлу вѣрю хожденіе имѣть и въ судѣ быть господина моего означенному родственнику, канцеляристу Ивану Дюмину, и, что онъ учинитъ, прекословить не буду.

(Изъ арх. Курск. Знам. мон.).

№ 53.

Жалобы Бѣлогородскихъ ямщиковъ на архимандрита Авксентія въ боѣ ихъ батожьемъ и прочимъ боемъ тирански, 1747 г.

Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской изъ Ямской канцеляріи Бѣлгородской губернской канцеляріи. Сего 1747 года Августа 24 дня въ присланномъ въ Ямскую канцелярію Бѣлгородскаго яму отъ выборнаго Ивана Назарова и всѣхъ ямщиковъ доношеніи написано: по имѣющемуся въ оной губернской канцеляріи поданному челобитью Бѣлгородскаго Николаевскаго монастыря архимандрита Авксентія Кивачицкаго на Бѣлгородскихъ ямщиковъ, якобы въ завладѣніи ими, ямщиками, того монастыря сѣнными покосы, по которому его челобитью какъ прежде содержались, такъ и нынѣ въ реченной Бѣлгородской губернской канцеляріи Бѣлгородскихъ ямщиковъ въ томъ числѣ и староста Герасимъ Лесковъ содержится подъ карауломъ многое число; да реченный архимандритъ съ подчиненными своими хватаетъ ямщиковъ не на спорныхъ лугахъ, но на распашной землѣ, и бьетъ немилостиво батожьемъ и прочимъ разнымъ битьемъ тирански, и грабитъ разными грабежи, отъ чего ямщики пришли въ разореніе, и просили о томъ, куда надлежитъ, представить; того ради по указу Ея И. В. въ Ямской канцеляріи опредѣлено: въ Бѣлгородскую губернскую канцелярію послать Ея И. В. указъ, по которому оной канцеляріи по челобитью означеннаго архимандрита Авксентія, якобы въ завладѣніи Бѣлгородскими ямщиками того монастыря сѣнными покосами разсмотрѣніе и по тому дѣлу рѣшеніе учинить по силѣ Ея И. В. указовъ въ непродолжительномъ времени, и что по рѣшенію того дѣла явится, въ Ямскую канцелярію сообщить письменно, а до рѣшенія того дѣла Бѣлгородскихъ ямщиковъ въ ту губернскую канцелярію ямщиковъ не забирать, и тѣмъ ямщиковъ къ разоренію не приводить, а содержащихся нынѣ въ той канцеляріи старосту и ямщиковъ изъ подъ кораула освободить, дабы въ Ямской и почтовой гоньбѣ остановки не учинилось, въ чемъ зависитъ Ея И. В. интересъ, а для чего оная губернская канцелярія, не отписавшись въ Ямскую канцелярію и не требуя указа, собою ямщиковъ забираетъ и держитъ подъ карауломъ, о томъ оной канцеляріи

прислать въ Ямскую канцелярію отвѣтъ на срокъ по генеральному регламенту неотмѣнно; а что реченный архимандритъ Авксентій съ подчиненными своими хватаетъ ямщиковъ на ихъ Ямской землѣ и бьетъ ихъ смертно и грабитъ разными грабежи, о томъ оной губернской канцеляріи изслѣдовать, и что по слѣдствію явится, въ Ямскую канцелярію писать съ обстоятельствомъ, а впредь ему, архимандриту, отъ той губернской канцеляріи запретить, дабы онъ Бѣлгородскимъ ямщикамъ обидъ, и побоевъ и разореній отнюдь не чинилъ; а ежели онъ, архимандритъ, впредь такіе непорядочные и наглые поступки станетъ чинить, о томъ на него представлено будетъ отъ Ямской канцеляріи Святѣйшему Правительствующему Синоду неотмѣнно и Бѣлогородской губернской канцеляріи учинить о томъ по сему Ея И. В. указу. Сентября 24 дня, 1747 года.

Въ подлинномъ скрѣпа тако: Данила Языковъ. Секретарь Василій Языковъ. Подканцеляристъ Иванъ Черновъ.

(Изъ арх. Бѣлогор. Никол. мон.).

№ 54.

Шалости монаха—прикащика съ вотчинными дѣвками.

Въ консисторію преосвященнаго Іосафа, епископа Бѣлоградскаго и Обоянскаго, Курскаго Богородицкаго Знаменскаго монастыря репортъ.

Сего 1753 года Мая 7 дня по присланному Е. И. В. указу изъ Консисторіи Его Преосвященства велѣно, по доношенію онаго жь монастыря крестьянина деревни хутора Гремячаго Матвея Махалкова той же деревни на прикащика монаха Мисаила въ увозѣ имъ онаго жь монастыря вотчины села Виногробли крестьянскихъ Федора Силаева да Ѳомы мельника дочерей въ лѣсъ и въ чиненіи съ ними насильно блуднаго паденія, такожь о чиненіи имъ же, монахомъ, вторичнаго того жь села Виногробли крестьянина Ѳедора Ѳомина съ дочерью дѣвкою блуднаго паденія, о чемъ отъ оныхъ крестьянъ якобы подано было мнѣ прошеніе,—прислать мнѣ въ Консисторію Его Преосвященства отвѣтъ, чего ради я, именованный, по прошеніи оныхъ крестьянъ о вышеписанномъ монаха Мисаила блудномъ паденіи, въ консисторію не представлялъ и о томъ умолчалъ; и по тому Ея И. В. указу симъ отвѣтствую: вышеписанные крестьяне Ѳедоръ Силаевъ съ товарищи мнѣ, именованному, о вышеписанномъ монахѣ Мисаилѣ блудномъ насиліи ихъ дочерей доношенія не подавали, и не токмо доношенія отъ нихъ видить, но и словесно объявленія я отъ нихъ не слыхалъ, токмо прошлаго 752 года первыя недѣли великаго поста онаго Села Виногробли крестьяне пріѣзжали въ оный монастырь и объявляли словесно, якобы того села выборные крестьяне на сырной

недѣли, посадя на свои сани вышереченныхъ дѣвокъ, ѣздили съ нимъ, монахомъ Мисаиломъ, по льду, такожь и въ лѣсъ, а о блудномъ насиліи его, монаха, съ тѣми дѣвками мнѣ ничего не объявляли, по которому тѣхъ крестьянъ доношеніе я, именованный, монаха Мисаила съ приказа смѣнилъ и послалъ въ Коренную пустынь подъ началъ, а самъ поѣхалъ въ городъ Сумы на ярманку для покупки церковныхъ потребъ, а по пріѣздѣ изъ Сумъ хотѣлъ о вышеписанномъ изслѣдовать и по изслѣдованіи учинить, что надлежитъ токмо въ то время изъ С.-Петербурга онаго монастыря архимандритъ Іосафъ и отъ намѣстничества меня отрѣшилъ и дѣлъ дѣлать никакихъ мнѣ было невозможно, а что вышеписанный Михалковъ доношеніемъ объявилъ, якобы мнѣ подано о вышеписанномъ оныхъ крестьянъ доношеніе, и то онъ показалъ неправду, и о вышеписанномъ въ консисторію Его Преосвященства симъ репортуется. Мая 12 дня 1753 года.

(Изъ арх. Курск. Знам. мон.).

А. С. Лебедевъ.

Къ сорокалѣтнему юбилею служебной и учено-литературной дѣятельности М. И. Сухомлинова.

(Прочитано въ засѣданіи Истор.-Филолог. Общества 20 Февраля 1891 г.).

По сообщенію „Новаго Времени" (№ 5719), 6-го марта исполнится 40 лѣтъ службы и учено-литературной дѣятельности академика М. И. Сухомлинова. Кому дороги интересы русской науки, русскаго просвѣщенія вообще, тотъ спѣшитъ воспользоваться этимъ днемъ, чтобы пожелать почтенному юбиляру многихъ лѣтъ жизни и выразить при этомъ чувство глубокой признательности за сдѣланные имъ цѣнные научные вклады. Эта признательность тѣмъ болѣе умѣстна, что учено-литературная дѣятельность М. И. Сухомлинова не ограничивается спеціально научными вопросами и разработкой мелкихъ научныхъ подробностей, а охватываетъ цѣлыя отрасли знанія (языкознаніе древней Руси), цѣлыя учрежденія (академію наукъ), захватываетъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей просвѣщенія въ Россіи (Новикова, Радищева, Пушкина, Гоголя) и отличается необыкновенной ясностью и стройностью, при обширной эрудиціи и образцовой методологіи. Любовь къ наукѣ, уваженіе къ мысли и высокое нравственное благородство отражаются въ выборѣ предметовъ для научнаго изслѣдованія, въ способѣ ихъ обсужденія, въ самомъ стилѣ и языкѣ, ясномъ, простомъ, изящномъ.

М. И. Сухомлиновъ родился въ Харьковѣ. Отецъ его былъ профессоромъ Харьковскаго университета. Высшее образаваніе М. И. получилъ въ Харьковскомъ университетѣ, и намъ тѣмъ пріятнѣе здѣсь объ этомъ вспомнить, что самъ почтенный юбиляръ помнитъ и чтитъ свою alma mater. Въ числѣ лицъ, присылающихъ 17-го января привѣтствія университету, всегда оказывается и М. И. На дняхъ въ университетскую библіотеку поступилъ первый громадный томъ издаваемаго Академіею подъ редакціею М. И. собранія сочиненій Ломоносова, и на этомъ томѣ мы нашли надпись: „отъ бывшаго студента Харьковскаго университета М. И. Сухомлинова".

По наведеннымъ справкамъ въ университетскихъ отчетахъ оказывается, что М. И. Сухомлиновъ окончилъ курсъ наукъ по историко-филологическому факультету въ 1848 г. Одного выпуска съ г. Сухомлиновымъ, его товарища-

ми по университету были покойный проф. М. Н. Петровъ и нынѣ здравствующій талантливый малорусскій поэтъ Я. И. Щоголевъ. Профессорами въ 40-хъ годахъ были Лунинъ и Валицкій—наиболѣе талантливые и вліятельные, затѣмъ Артемовскій-Гулакъ, Метлинскій, Якимовъ, Протопоповъ. О преподаваніи и о жизни студенческой того времени подробно говоритъ Де-Пуле въ извѣстной статьѣ о Харьковскомъ университетѣ. Въ научно-просвѣтительной атмосферѣ Харьковскаго университета 40 годовъ было много укрѣпляющихъ и живительныхъ началъ, послужившихъ источникомъ того общаго идеальнаго настроенія, подъ вліяніемъ котораго развился, воспитался и окрѣпъ цѣлый рядъ полезныхъ дѣятелей науки и просвѣщенія. Въ это время Харьковскій университетъ далъ такихъ высокоталантливыхъ дѣятелей какъ Костомаровъ, Сухомлиновъ, Каченовскій, Петровъ, Потебня (выпуска 56 г.). Въ этихъ людяхъ разносторонній идеализмъ шелъ рука объ руку съ здравымъ раціональнымъ пониманіемъ интересовъ науки; всѣмъ имъ свойственна одна черта—стойкость убѣжденій и независимость духа. Это, дѣйствительно,

.... Сподвижники высокаго служенья
Во имя грамоты, добра и просвѣщенья.

Сколько мнѣ извѣстно, первымъ научнымъ трудомъ М. И. Сухомлинова былъ „*Взглядъ на историческій ходъ русской драмы*",—разсужденіе, изданное въ 1850 году въ Харьковѣ, для полученія степени магистра русской словесности. Если вести счетъ отъ этой книги, составляющей нынѣ библіографическую рѣдкость, то нужно считать текущій годъ сорокъ вторымъ въ научной дѣятельности М. И. Сухомлинова. Въ диссертаціи развиты положенія, что первыми драматическими представленіями въ Европѣ и на Руси были религіозныя и аллегорическія мистеріи. Русская трагедія начинается съ Сумарокова, комедія—съ Сумарокова и Княжнина, подъ вліяніемъ французской драматургіи. Озеровъ довелъ подражательную трагедію до высокой степени совершенства. Фонъ-Визинъ развилъ комедію—сатиру. Съ Пушкина и Грибоѣдова началось освобожденіе русской трагедіи и комедіи отъ вліянія французской классической школы, вполнѣ законченное Гоголемъ. Общій ходъ развитія русской драмы указанъ вполнѣ правильно, и для 1850 г. диссертація М. И. была интересной научной новинкой.

Гораздо болѣе крупнымъ и болѣе цѣннымъ представляется обширное изслѣдованіе М. И. Сухомлинова „*О языкознаніи въ древней Россіи*," напечатанное въ „Ученыхъ Запискахъ Академіи Наукъ" 1854 г. (стр. 177—260). Здѣсь авторъ искусно подобранными фактами доказываетъ, что въ старину слово чтили, какъ святыню и изучали его по мѣрѣ данныхъ научныхъ средствъ по книгамъ и въ устныхъ общеніяхъ. Изученіе это опредѣлялось характеромъ старо-русской образованности и потребностями стариннаго общежитія. Знакомство съ иностранными языками пріобрѣталось навыкомъ, безъ опредѣ-

ленной наукой методы. Эта статья до настоящаго времени представляется единственной по вопросу о языкознаніи въ древней Россіи, если не считать мелкихъ и случайныхъ замѣтокъ другихъ авторовъ, напр., г. Баталина въ статьѣ объ азбуковникахъ.

Въ 1855 г. въ „Извѣстіяхъ Академіи Наукъ" (IV, 116—159) напечатана оригинальная по мысли статья *о псевдонимахъ въ древней русской литературѣ*, причемъ авторъ даетъ слову псевдонимъ особое значеніе въ отношеніи къ древней литературѣ, именно, подъ псевдонимными сочиненіями подразумѣваетъ такіе памятники старинной русской литературы, большею частью русскаго происхожденія и неизвѣстныхъ авторовъ, которые переписчиками по тѣмъ или другимъ соображеніямъ приписаны знаменитымъ древнимъ церковнымъ писателямъ, напр. Іоанну Златоусту, Кириллу Философу. Въ статью вошло нѣсколько неизданныхъ литературныхъ памятниковъ этого рода (слово о злыхъ женахъ, поученіе Кирилла Философа).

Въ 1856 г. М. И. Сухомлиновъ напечаталъ въ Ученыхъ Запискахъ Академіи Наукъ обширное (въ 230 стр.) изслѣдованіе *о древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ*. Въ исторіи изученія русскихъ лѣтописей этотъ капитальный трудъ составляетъ своего рода эру. Всѣ главные вопросы здѣсь поставлены, всесторонне разсмотрѣны и на нихъ данъ ясный отвѣтъ. Авторъ сначала дѣлаетъ обзоръ списковъ русскихъ лѣтописей, затѣмъ слѣдуетъ прекрасное изслѣдованіе о началѣ и ходѣ лѣтописанія въ Россіи, о заимствованіяхъ, самостоятельной части, языкѣ и слогѣ. Здѣсь авторъ подробно опредѣляетъ источники и пособія лѣтописцевъ и вошедшія въ древнюю лѣтопись народныя преданія. Сочиненіе оканчивается мастерской характеристикой составителя Древней лѣтописи, каковымъ, по мнѣнію автора, былъ Несторъ. Съ 1856 г. вышло много сочиненій о лѣтописяхъ; но по обширной эрудиціи, по ясности мысли, по общему научному достоинству въ содержаніи и стилѣ съ сочиненіемъ М. И. Сухомлинова идутъ въ рядъ только труды К. Н. Бестужева-Рюмина (О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV в.) и Н. И. Костомарова (О преданіяхъ первоначальной русской лѣтописи).

Въ шестидесятыхъ годахъ М. И. издалъ нѣсколько превосходныхъ статей по исторіи образованности въ Россіи: *„Ломоносовъ, студентъ Марбургскаго университета"* (въ XXX т. Русск. Вѣстникъ 1861 г.), *„О литературѣ конца XVII и начала XVIII в."* (въ 4 кн. Журн. Мин. Нар. Просв. 1862 г.). *„Новиковъ, какъ авторъ историческаго словаря о русскихъ писателяхъ* (въ Сборникѣ Акад. Наукъ 1865 г.) *Матеріалы для исторіи образованія въ ц. Александра I"* (въ CXXVIII т. Журн. Мин. Нар. Просв. 1865 г.), *„Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ ц. Александра I"* (въ Журн. М. Нар. Прав 1866) и нѣкот. др. На первомъ мѣстѣ стоитъ обширное и въ высокой степени цѣнное изслѣдованіе подъ скромнымъ заглавіемъ „Мате-

ріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I" (172 стр.). Статья эта перепечатана въ 1889 г. въ I томѣ „Изслѣдованій" М. И. Сухомлинова. Здѣсь авторъ говоритъ о министрахъ народнаго просвѣщенія при Александрѣ I и членахъ главнаго управленія училищъ (Муравьевѣ, Черторижскомъ, Потоцкомъ и др.) и о первоначальной дѣятельности университетовъ Харьковскаго и Казанскаго. Для исторіи Харьковскаго университета это незамѣнимое изслѣдованіе по богатству фактовъ, превосходной группировкѣ ихъ, по той просвѣщенности и гуманности, безъ которыхъ нельзя проникнуть въ смыслъ университетской научной жизни. Авторъ мастерски обрисовываетъ личности и дѣятельность Потоцкаго, Рижскаго, Осиповскаго. Въ двухъ—трехъ словахъ онъ опредѣляетъ свое отношеніе, свой субъективный судъ, безъ котораго немыслима исторія, напримѣръ, говоря о дѣятельности М. Н. Муравьева, М. И. замѣчаетъ: „Муравьевъ высказываетъ достойное писателя и ученаго убѣжденіе, что свобода изслѣдованія составляетъ необходимое условіе не только для развитія просвѣщенія, но и для поднятія народной нравственности". Къ такимъ дѣятелямъ, какъ первый попечитель Харьковскаго учебнаго округа Потоцкій, авторъ относится съ глубочайшимъ уваженіемъ и яркими мастерскими штрихами очерчиваетъ свѣтлыя стороны ихъ дѣятельности. Такихъ же дѣятелей печальной памяти, какъ Магницкій, Руничъ, Стурдза, авторъ называетъ „гасильниками" и откровенно произноситъ надъ ними строгое слово безповоротнаго осужденія. М. И. Сухомлиновъ въ этомъ, какъ и въ другихъ своихъ трудахъ, не только дѣлится съ читателями плодами своей громадной начитанности, своего наблюдательнаго и свѣтлаго ума, но и своими симпатіями, другими словами, не только даетъ пищу самостоятельному сужденію и критикѣ, но и укрѣпляетъ въ сферѣ моральнаго отношенія къ культурно-общественнымъ явленіямъ русской жизни. Неудивительно поэтому, что „Матеріалы" имѣютъ научное и граждански-воспитательное значеніе.

Въ XXII т. Сборника Акад. Наукъ 1873 г. М. И. Сухомлиновъ помѣстилъ маленькую замѣтку о *„двухъ семитическихъ сказаніяхъ, встрѣчающихся въ памятникахъ русской литературы"* (притча о хромцѣ и слѣпцѣ) и весьма интересную и цѣнную статью о *„повѣсти о судѣ Шемяки"* (34 стр.). Авторъ говоритъ о составѣ и происхожденіи повѣсти, причемъ указываетъ параллели въ еврейскихъ талмудическихъ сказаніяхъ, въ сказкахъ изъ Индіи и Тибета и въ западно-европейскихъ сборникахъ шутливыхъ сказокъ и анекдотовъ (фацеціяхъ). Это была случайная экскурсія М. И. въ область, въ которую онъ ранѣе не вступалъ и позднѣе не возвращался. Проницательный умъ и разносторонняя начитанность автора и здѣсь сказались. Повѣсть о судѣ Шемяки разсмотрѣна такъ обстоятельно, какъ потомъ никто не разсматривалъ ее, и выводы М. И до настоящаго времени вполнѣ сохранили научную цѣнность.

Въ 1877 г. М. И. Сухомлиновъ въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ сказалъ *рѣчь по случаю столѣтняго юбилея Александра I*. Рѣчь эта напечатана въ XVIII т. Сборника Акад. Наукъ съ примѣчаніями и приложеніями (116 стран.). Указавъ на великое значеніе открытія при Александрѣ I университетовъ, М. И. такъ закончилъ свою рѣчь: „Великое, непреходящее значеніе и несокрушимая сила тѣхъ благотворныхъ началъ, которыя внесены въ университетскую жизнь при первомъ ея устройствѣ, доказываются всею послѣдующею судьбою русскихъ университетовъ. Начавши свою дѣятельность при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ напутствуемые сочувствіемъ лучшихъ, просвѣщеннѣйшихъ людей русскаго общества университеты наши выдержали впослѣдствіи (подразумѣвается время Магницкаго и Рунича) весьма тяжкое испытаніе... Враги науки и просвѣщенія возстали противъ университетовъ и думали наложить оковы на человѣческую мысль, забывая, что

Надъ вольной мыслью Богу неугодны
Насиліе и гнетъ;
Она, въ душѣ рожденная свободно,
Въ оковахъ не умретъ.

И она не умерла, продолжаетъ М. И. Сухомлиновъ. Университеты побѣдоносно вышли изъ борьбы, которая еще болѣе возвысила ихъ нравственное достоинство и дала имъ новыя силы продолжать свою просвѣтительную дѣятельность".

Самымъ крупнымъ трудомъ М. И. Сухомлинова представляется „*Исторія Россійской Академіи*" въ 8 томахъ, составляющихъ въ совокупности около 4000 страницъ. Первый томъ вышелъ въ 1874 г., послѣдній—8-й въ 1888 г. Этотъ, капитальный трудъ можетъ служить украшеніемъ и гордостью русской научной литературы, не только по объему, но главнымъ образомъ по богатству содержанія, ясности и послѣдовательности изложенія, превосходному тону и стилю. Авторъ подробно излагаетъ жизнь и дѣятельность академиковъ до преобразованія Россійской Академіи во II отдѣленіе Академіи наукъ. Въ I т. говорится объ основаніи Академіи и первыхъ академикахъ (княгинѣ Дашковой, митроп. Гавріилѣ и др.), во II Румовскомъ, Лепехинѣ и Озерецковскомъ, въ III Котельниковѣ, Протасовѣ, Соколовѣ, Иноходцевѣ и Кононовѣ, IV о Севергинѣ, Барсовѣ и Свѣтовѣ, V о Десницкомъ, Болтинѣ и нѣкот. др., VI о Козодавлевѣ, VII объ академикахъ—писателяхъ Державинѣ, Фонъ-Визинѣ, Княжнинѣ, Хемницерѣ, Капнистѣ, Дмитріевѣ, Крыловѣ, Жуковскомъ, А. Пушкинѣ и др. Въ этотъ томъ вошли автобіографія Хвостова и письма Ганки, Шафарика, Караджича, Юнгмана и Копитара и въ VIII объ изданныхъ Академіей словарѣ и грамматикѣ русскаго языка, объ отношеніи къ Рос. Академіи литературы, о преобразованіи

Рос. Академіи во II отдѣленіе и о значеніи Россійской Академіи. Такова широкая рамка широкаго по замыслу и исполненію изслѣдованія. Здѣсь открывается не одна, а цѣлый рядъ краснорѣчивыхъ страницъ въ исторіи русскаго просвѣщеніи. Авторъ чрезвычайно широко и разносторонне трактуетъ свой предметъ, излагаетъ біографіи академиковъ, дѣлаетъ обзоръ ихъ научно-литературныхъ трудовъ, ихъ научныхъ взглядовъ, критическихъ пріемовъ, отношеній къ современнымъ писателямъ. Тутъ для исторіи литературы и науки масса новыхъ данныхъ. Низшіе слои населенія, самое крестьянство, не забыты авторомъ. Говоря о Барсовѣ и Свѣтовѣ, М. И. останавливается на ихъ заботахъ о народномъ просвѣщеніи (составленіи грамматики для народныхъ училищъ). Говоря о Козодавлевѣ, М. И. особую главу посвящаетъ уясненію содѣйствія Козодавлева освобожденію крестьянъ, все это многотомное сочиненіе освѣщено свѣтлыми мыслями и согрѣто теплыми человѣчными чувствами.

Какъ этотъ трудъ, такъ и всѣ другія изслѣдованія и статьи М. И. объ академіи (годовые отчеты, рѣчь на юбилеѣ Я. К. Грота) проникнуты горячей заботливостью о чести и достоинствѣ Академіи, между прочимъ, о томъ, чтобы нѣмцы не загораживали доступъ въ нее русскимъ ученымъ.

Громадный трудъ по составленію исторіи Россійской академіи не поглотилъ всего вниманія М. И. Сухомлинова. Въ разныхъ изданіяхъ напечатанъ рядъ его статей по исторіи новой русской литературы *о П. А. Вяземскомъ* (прекрасная характеристика поэта по его произведеніямъ). *о Н. В. Гоголѣ* (о выходѣ его сочиненій и цензурныхъ урѣзкахъ), *объ А. С. Пушкинѣ* (его полемическихъ статьяхъ), *о Радищевѣ* (превосходный по полнотѣ обзоръ его жизни и литературной дѣятельности), *о Сумароковѣ* (замѣтка о связи одной притчи Сумарокова со словомъ въ недѣлю цвѣтную Ѳеофана Прокоповича), *о возникновеніи исторіи литературы, какъ науки*, *о Н. Полевомъ*, *объ И. С. Аксаковѣ и славянофильствѣ* и нѣсколько др. Нѣкоторыя изъ поименованныхъ статей (о Радищевѣ, Новиковѣ, Пушкинѣ, Гоголѣ, Вяземскомъ, Полевомъ и Аксаковѣ) вошли въ первые 2 тома „Изслѣдованій" М. И. Сухомлинова, изданные въ 1889 г. Всѣ статьи, вошедшія въ эти томы, доступны большой публикѣ, и въ интересахъ образованности нужно желать имъ самаго широкаго распространенія въ обществѣ.

Въ настоящее время М. И. редактируетъ, по порученію Академіи Наукъ, полное *собраніе сочиненій Ломоносова*. Въ концѣ прошлаго года вышелъ первый томъ, заключающій въ себѣ стихотворенія Ломоносова. К. Н. Бестужевъ—Рюминъ въ рецензіи, напечатанной въ послѣдней (февр.) кн. „Русскаго Вѣстника", называетъ этотъ томъ монументальнымъ изданіемъ, которое можетъ служить украшеніемъ библіотекъ.

Да даруетъ Богъ силы и крѣпость нашему славному юбиляру на многіе и многіе годы служенія русской наукѣ и русскому просвѣщенію. М. И. такъ долго, такъ много служилъ этому просвѣщенію, что слился съ нимъ, и самое имя его не отдѣлимо теперь отъ академіи и университетовъ. Съ усиленіемъ просвѣщенія будетъ рости слава его ревнителей и хранителей, и въ числѣ таковыхъ М. И. Сухомлиновъ займетъ, навѣрно, видное мѣсто. Прививая къ современному обществу чувство уваженія къ подвижникамъ науки, М. И. Сухомлиновъ имѣетъ всѣ права на такое уваженіе, и люди науки, въ особенности Харьковскій университетъ могутъ гордиться М. И. Сухомлиновымъ, какъ достойнѣйшимъ представителемъ широкаго и разносторонняго просвѣщенія, какъ безукоризненно чистой славой русской земли и въ частности Харьковскаго университета.

Профессоръ Н. Ѳ. Сумцовъ.

Пушкинъ и г-жа Ризничъ.

(Прочитано въ засѣданіи И.-Ф.-Общества II апрѣля 1890 г.).

Ты ждалъ, ты звалъ . . . Я былъ окованъ,
Вотще рвалась душа моя,
Могучей страстью очарованъ
У береговъ остался я.

(„Къ морю")

. . . . и тихо предо мной
Встаютъ два призрака младые,
Двѣ тѣни милыя—два данныя судьбой
Мнѣ ангела во дни былые.

(„Воспоминаніе").

Ко времени пребыванія Пушкина въ Одессѣ въ 1823—24 гг. относится любопытный эпизодъ его жизни—знакомство и сближеніе съ негоціантомъ Ризничемъ и искренняя и глубокая привязанность къ его женѣ. Эта привязанность нашла себѣ выраженіе въ трехъ чудныхъ по силѣ выраженія стихотвореніяхъ, представляющихъ, по выраженію Анненкова, „трехчленную лирическую пѣснь". (А. С. Пушкинъ. Матеріалы стр. 188). Стихотворенія эти („Подъ небомъ голубымъ"... „Заклинаніе" и „Для береговъ отчизны дальной)" раздѣлены довольно значительнымъ промежуткомъ времени: первое относится къ 1826 г., а два послѣднихъ къ 1830 г. Сравненіе перваго изъ нихъ съ двумя послѣдними показываетъ, что чувство Пушкина и въ 1830 году было столько же глубоко и сильно, какъ и въ 1826 г. Уже эта устойчивость чувства въ пылкой и склонной къ увлеченіямъ душѣ поэта свидѣтельствуетъ о томъ, что эта привязанность не походила на тѣ мимолетныя увлеченія, которыя нашли себѣ выраженіе во многихъ другихъ стихотвореніяхъ нашего поэта: это было серьезное чувство, съ трудомъ подававшееся вліянію всеисцѣляющаго времени.

Выясненію отношеній Пушкина къ г-жѣ Ризничъ посвящена статья г. Зеленецкаго въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1856 г. іюнь. Заключающіяся въ статьѣ свѣдѣнія, почерпнутыя отъ ближайшихъ современниковъ, противорѣчатъ вполнѣ чистому цѣломудренному тону указанныхъ трехъ стихотвореній. Это противорѣчіе побудило проф. Незеленова, остававливавшагося на этомъ предметѣ, отнести эти стихотворенія къ другой личности, а къ г-жѣ Ризничъ—

другія, а именно: „Иностранкѣ“ и „Простишь-ли мнѣ ревнивыя мечты?“ Разрѣшенію этого противорѣчія въ значительной степени помогаютъ сообщаемыя ниже свѣдѣнія объ истинномъ характирѣ отношеній Пушкина къ г-жѣ Ризничъ, дополняющія и въ значительной степени исправляющія статью Зеленецкаго.

Лѣтомъ 1889 г. я имѣлъ возможность кое-что слышать объ отношеніяхъ Пушкина къ г-жѣ Ризничъ отъ лица, бывшаго въ близкихъ отношеніяхъ къ самому Ризничу—отъ профессора Великой Школы въ Бѣлградѣ, въ Сербіи, П. С. Сречковича. Въ 50-хъ годахъ Сречковичъ жилъ въ Кіевѣ и учился сначала въ Кіевской Духовной Академіи, затѣмъ въ университетѣ. Въ то-же время въ Кіевѣ часто проживалъ и Ризничъ, оставившій къ тому времени Одессу и поселившійся въ своемъ имѣніи, селѣ Гончицѣ. Студенты сербы были его желанными гостями. Сречковича онъ часто бралъ къ себѣ, былъ къ нему очень расположенъ и говаривалъ съ нимъ объ отношеніяхъ Пушкина къ своей женѣ, главнымъ образомъ потому, что въ то время ходили въ обществѣ толки про это. Многое изъ сообщавшагося ему Ризничемъ, къ сожалѣнію, утратила память проф. Сречковича, но и то немногое, что въ ней удержалось, имѣетъ несомнѣнный интересъ, тѣмъ болѣе, что сообщенныя г. Сречковичемъ свѣдѣнія, идущія отъ г. Ризнича, отличаются повидимому полнымъ безпристрастіемъ. Въ дополненіе къ сообщенію Сречковича я припомню кое-что изъ статьи Зеленецкаго. Стихотворенія самого Пушкина, вполнѣ искреннія и выражающія дѣйствительное настроеніе его духа, даютъ основаніе для сужденія о томъ, какія свѣдѣнія ближе къ дѣйствительности.

Г-нъ Ризничъ былъ сербъ, гражданинъ Дубровника. Отецъ его жилъ въ Тріестѣ, занимаясь торговыми операціями. Онъ обладалъ такимъ большимъ состояніемъ, что при взятіи Тріеста французами, могъ одинъ взнести маршалу Бонапарта Мормону восемь милліоновъ флориновъ контрибуціи за гражданъ Треста. Ризничъ—сынъ получилъ отличное воспитаніе. Онъ учился въ Падуанскомъ и Берлинскомъ университетахъ, зналъ языки: латинскій, итальянскій, нѣмецкій, французскій и русскій; впослѣдствіи имѣлъ большую библіотеку, составленную преимущественно изъ сочиненій французскихъ писателей вѣка просвѣщенія. По окончаніи своего образованія Ризничъ—сынъ жилъ нѣкотое время въ Вѣнѣ, имѣлъ тамъ банкирскую контору, а потомъ переѣхалъ въ Одессу и здѣсь занялся преимущественно хлѣбными операціями. По словамъ Зеленецкаго, „Ризничъ въ 1822 г. уѣхалъ изъ Одессы въ Вѣну съ намѣреніемъ жениться и весною 1823 г. возвратился оттуда съ молодой женой. Пушкинъ переѣхалъ на постоянное жительство въ Одессу въ ту же пору и былъ, конечно, однимъ изъ первыхъ знакомыхъ новопріѣзжей дамы. Молодые люди, посѣщавшіе домъ Ризнича, и въ числѣ ихъ Пушкинъ, были убѣждены, что г-жа Ризничъ была родомъ изъ Генуи. Оказывается, однако,

что она была дочь одного вѣнскаго банкира, по фамиліи Риппъ, полу-нѣмка и полу-итальянка, съ примѣсью можетъ быть и еврейскаго въ крови“ (Рус. Вѣст. 1856 г. т. III 203).

Сречковичъ, со словъ г. Ризнича, утверждаетъ, что г-жа Ризничъ была итальянка, родомъ изъ Флоренціи, женщина замѣчательной красоты.

По словамъ Зеленецкаго, „г-жа Ризничъ была молода, высока ростомъ, стройна и необыкновенно красива. Особено привлекательны были ея пламенныя очи, шея удивительной формы и бѣлизны, и черная коса болѣе двухъ аршинъ длиною. Только ступни были у нея слишкомъ велики. Потому, чтобы скрыть недостатокъ ногъ, она всегда носила длиное платье, которое тянулось по землѣ. Она ходила въ мужской шляпѣ и одѣвалась въ нарядъ полу-амазонки. Все это придавало ей оргинальность и увлекало молодыя и немолодыя головы и сердца“ (тамъ-же стр. 203). Въ Одессѣ, равно какъ и прежде въ Вѣнѣ, г-жа Ризничъ вела жизь на широкую ногу, танцовала и играла въ карты. Изъ массы ея поклонниковъ выдѣлялись Пушкинъ и польскій князь Яблоновскій Зеленецкій говоритъ, что соперникъ Пушкина былъ нѣкто Исидоръ Сабанскій, не молодой, но богатый помѣщикъ изъ западныхъ губерній. Сречковичъ положительно называетъ другое лицо—князя Яблоновскаго.

Вопреки сообщенію г. Зеленецкаго, выставляющаго въ чрезвычайно невыгодномъ свѣтѣ въ нравственномъ отношеніи жизнь г-жи Ризничъ въ Одессѣ, проф. Сречковичъ, со словъ г-на Ризнича, свидѣтельствуетъ противное. Самъ Пушкинъ будто-бы ошибался, когда писалъ:

А только-ль тамъ очарованій?
. . . .
А ложа, гдѣ красой блистая,
Негоціантка молодая
Самолюбива и томна,
Толпой рабовъ окружена?
Она и внемлетъ и не внемлетъ
И каватинѣ, и мольбамъ,
И шуткѣ съ лестью пополамъ.—
А мужъ въ углу за нею дремлетъ,
Въ просонкахъ „фора“ закричитъ,
Зевнетъ и снова захрапитъ.

Г-нъ Ризничъ, если, дѣйствительно, онъ имѣется въ виду въ этихъ строкахъ, внимательно слѣдилъ за поведеніемъ своей жены, заботливо оберегая ее отъ паденія. Къ ней былъ приставленъ вѣрный его слуга Филиппъ, который зналъ каждый шагъ жены своего господина и обо всемъ доносилъ ему. Пушкинъ страстно привязался къ г-жѣ Ризничъ. По образному выраженію г-на Ризнича, Пушкинъ увивался около нея какъ котенокъ (по сербски: „као ма-

че“), но взаимностью отъ нея не пользовался: г-жа Ризничъ была къ нему равнодушна. Ненормальный образъ жизни въ Одессѣ вредно отразился на здоровьѣ г-жи Ризничъ. У нея обнаружились признаки чахотки, и она должна была уѣхать на родину въ Италію. За ней послѣдовалъ во Флоренцію и князь Яблоновскій и тамъ успѣлъ добиться ея довѣрія, о чемъ не замедлилъ довести до свѣдѣнія своего господина вѣрный его слуга Филиппъ, отправленный Ризничемъ вмѣстѣ съ женой на ея родину. Г-жа Ризничъ недолго прожила на родинѣ: она скоро умерла; умеръ скоро и ребенокъ отъ брака ея съ Ризничемъ. Г-нъ Ризничъ не отказывалъ ей въ средствахъ во время ея жизни въ Италіи, и показаніе г. Зеленецкаго, будто она умерла въ нищетѣ, призрѣнная матерью мужа, невѣрно. О довѣріи, оказанномъ г-жею Ризничъ князю Яблоновскому, Пушкинъ не могъ знать, и потому образъ г-жи Ризничъ въ его памяти остался свободнымъ отъ пятенъ и долго занималъ его воображеніе. Теперъ будетъ ясно, сколько правды въ стихотвореніи Пушкина, написанномъ подъ впечатлѣніемъ извѣстія о смерти г-жи Ризничъ:

Подъ небомъ голубымъ страны своей родной
Она томилась, увядала...
Увяла наконецъ, и вѣрно надо мной
Младая тѣнь уже летала;
Но недоступная черта межъ нами есть:
Напрасно чувство возбуждалъ я,
Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть
И равнодушно ей внималъ я.
Такъ вотъ кого любилъ я пламенной душой,
Съ такимъ тяжелымъ напряженіемъ,
Съ такою нѣжною томительной тоской,
Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!
Гдѣ муки? Гдѣ любовь? Увы въ душѣ моей
Для бѣдной легковѣрной тѣни
Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней
Не нахожу ни слезъ, ни пѣни..

Въ 1830 году Пушкинъ посвятилъ памяти г-жи Ризничъ два стихотворенія: „Заклинаніе“ и „Для береговъ отчизны дальной“... Въ первомъ поэтъ вспоминаетъ образъ любимой женщины, какимъ онъ остался въ его памяти въ моментъ разлуки:

Явись возлюбленная тѣнь
Какъ ты была передъ разлукой,
Блѣдна, хладна, какъ зимній день,
Искажена послѣдней мукой.

Приди какъ дальняя звѣзда,
Какъ легкій звукъ иль дуновенье,
Иль какъ ужасное видѣнье,
Мнѣ все равно: сюда, сюда!
Зову тебя не для того,
Что-бъ укорять людей, чья злоба
Убила друга моего,
Иль чтобъ извѣдать тайны гроба,
Не для того, что иногда
Сомнѣньемъ мучусь, но, тоскуя,
Хочу сказать, что все люблю я,
Что все я твой. Сюда, сюда!

Въ граціозной пьесѣ: „Для береговъ отчизны дальной“ Пушкинъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ воспоминаній о другой иностранкѣ, о которой рѣчь ниже, нѣсколько идеализировалъ свои отношенія къ г-жѣ Ризничъ, представивъ быть можетъ желаемое въ образѣ дѣйствительно бывшаго:

Для береговъ отчизны дальной
Ты покидала край чужой;
Въ часъ незабвенный, въ часъ печальный
Я долго плакалъ предъ тобой.
Мои хладѣющія руки
Тебя старались удержать;
Томленья страшнаго разлуки
Мой стонъ просилъ не прерывать.
Но ты отъ горькаго лобзанья
Свои уста оторвала;
Изъ края мрачнаго изгнанья
Ты въ край иной меня звала.
Ты говорила: въ день свиданья
Подъ небомъ вѣчно—голубымъ,
Въ тѣни оливъ, любви лобзанья
Мы вновь, мой другъ, соединимъ.
Но тамъ, увы, гдѣ неба своды
Сіяютъ въ блескѣ голубомъ,
Гдѣ подъ скалами дремлютъ воды,
Заснула ты послѣднимъ сномъ.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли въ урнѣ гробовой—
Исчезъ и поцѣлуй свиданья...
Но жду его: онъ за тобой!

Проф. Незеленовъ, основываясь на сообщеніи г. Зеленецкаго объ отношеніяхъ Пушкина къ Ризничъ и о самой г-жѣ Ризничъ, считаетъ чистый образъ женщины, рисующійся въ этихъ стихотвореніяхъ, несоотвѣтствующимъ характеру г-жи Ризничъ. Онъ предполагаетъ, что эти стихотворенія имѣютъ въ виду другую личность и что собственно къ г-жѣ Ризничъ относятся стихотворенія „Иностранкѣ“ и элегія „Простишь-ли мнѣ ревнивыя мечты?“

Если мы даже устранимъ вопросъ о томъ, кому болѣе довѣрять—Зеленецкому-ли, собиравшему свѣдѣнія отъ лицъ, мало посвященныхъ въ семейныя тайны Ризничей и судившихъ о нихъ на основаніи городскихъ толковъ и можетъ быть сплетень, или г. Сречковичу, воспоминанія котораго основаны на показаніяхъ самого г. Ризнича, съумѣвшаго быть безпристрастнымъ въ сужденіяхъ о своей женѣ, то есть другія доказательства въ пользу того, что стихотворенія: „Иностранкѣ“ и „Простишь-ли мнѣ ревнивыя мечты“ относятся къ другой женщинѣ, а не къ Ризничъ.

Относительно стихотворенія „Иностранкѣ,“ мы имѣемъ положительныя увѣренія гг. Ефремова и Анненкова, что здѣсь подразумѣвается другое лицо. „Особу, къ которой написаны эти стихи, говоритъ г. Ефремовъ, смѣшивали съ г-жей Ризничъ. Кто была эта „Иностранка“ умершая за-границей—неизвѣстно. Буква Д. подъ стихами, по мнѣнію г. Анненкова, подразумѣваетъ Deguilly, какого-то француза, въ которомъ Пушкинъ видѣлъ соперника и съ которымъ у него еще въ Кишиневѣ дѣло доходило до дуэли, (примѣч. къ I т. 3-го изд. стих. Пушкина, стр. 569).

„Иностранка, имя которой не сохранилось на Руси, говоритъ Анненковъ, замѣчательна еще особенной характеристической подробностью, касающейся Пушкина. Послѣ двухъ-лѣтняго знакомства, она узнала, что Пушкинъ поэтъ только по стихотворенію: *На языкѣ тебѣ невнятномъ*, вписанному въ ея альбомъ при разставаніи. Что это значитъ? спросила она у Пушкина. „Покажите это за-границей любому русскому, и онъ вамъ скажетъ!“ отвѣчалъ Пушкинъ (Матеріалы для біограф. Пушкина, стр. 79).

Многое также говоритъ противъ того, чтобы относить къ г-жѣ Ризничъ: „Простишь-ли мнѣ ревнивыя мечты?“ Стихотвореніе начинается такъ:

Простишь-ли мнѣ ревнивыя мечты,
Моей любви безумное волненье?
Ты мнѣ вѣрна: зачѣмъ-же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?
Окружена поклонниковъ толпой,
Зачѣмъ для всѣхъ казаться хочешь милой,
И всѣхъ дарить надеждою пустой
Твой чудный взоръ то нѣжный, то унылый?...

Г. Зеленецкій, а за нимъ проф. Незеленовъ всецѣло относятъ эти слова къ г-жѣ Ризничъ. Но подчеркнутыя г. Зеленецкимъ слова: „*Окружена*

поклонников толпой" вовсе не составляютъ такого существеннаго указанія, которое позволяло-бы всецѣло относить эти стихи къ Ризничъ; а выраженіе Пушкина: „ты мнѣ вѣрна" прямо противорѣчитъ элегіи на смерть Ризничъ, гдѣ Пушкинъ говоритъ:

Напрасно чувства возбуждалъ я.

Не говорю уже о свидѣтельствѣ Сречковича о равнодушіи г-жи Ризничъ къ Пушкину. Особенно вѣское основаніе для отнесенія къ г-жѣ Ризничъ этого стихотворенія Зеленецкій видитъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Скажи еще: соперникъ вѣчный мой,
Наединѣ заставъ меня съ тобой,
Зачѣмъ тебя привѣтствуетъ лукаво?
Чтожъ онъ тебѣ? Скажи, какое право
Имѣетъ онъ блѣднѣть и ревновать?
Въ нескромный часъ межъ вечера и свѣта,
Безъ матери, одна, полуодѣта,
Зачѣмъ его должна ты принимать?...
Но я любимъ!... Наединѣ со мною
Ты такъ нѣжна! Лобзанья твои
Такъ пламенны! Слова твоей любви
Такъ искренно полны твоей душою!
Тебѣ смѣшны мученія мои,
Но я любимъ, тебя я понимаю.
Мой милый другъ, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, какъ сильно я люблю,
Не знаешь ты, какъ тяжко я страдаю.

„Этотъ соперникъ, говоритъ г. Зеленецкій, никто иной, какъ Исидоръ Сабаньскій, по своимъ лѣтамъ и по внѣшнему виду имѣвшій менѣе правъ на сердце красавицы, нежели нашъ поэтъ" (Рус. Вѣстн. стр. 205). А мнѣ кажется, что эти стихи относятся къ кишиневской „иностранкѣ" и къ сопернику Пушкину Deguilly, о которомъ упомянуто выше. Такъ самоувѣренно и такъ откровенно говорить о своихъ отношеніяхъ къ г-жѣ Ризничъ Пушкинъ и не могъ, хотя-бы въ силу своей дружбы съ самимъ Ризничемъ, да не имѣлъ основанія и права.

Такимъ образомъ, свѣдѣнія, сообщенныя проф. Сречковичемъ, даютъ основаніе отнести къ г-жѣ Ризничъ только три отмѣченныхъ выше стихотворенія, представляющихъ собою истинные перлы лирической поэзіи Пушкина. Они-же представляютъ въ болѣе вѣрномъ освѣщеніи отношенія Пушкина къ красавицѣ „негоціанткѣ молодой," рисуя болѣе симпатичными чертами образъ этой женщины, нѣсколько опошленный въ сообщеніяхъ лицъ, доставившихъ матеріалъ для статьи проф. Зеленецкаго.

М. Халанскій.

Синодскій указъ (отъ 11 Окт. 1766 года) по поводу самовластія епископа Бѣлогородскаго и Обоянскаго Порфирія.

По примѣру Петра I, Екатерина II много заботилась „укротить вельми жестокую епископовъ славу“, въ чемъ дѣятельно помогалъ ей и самъ Св. Синодъ, внушительно смирявшій святительское самовластіе, не щадя, иногда, въ семъ отношеніи, и собственныхъ членовъ.

Такой именно прискорбный случай былъ, какъ можно видѣть изъ поименованнаго указа, съ преосвященнымъ бѣлогородскимъ Порфиріемъ, синодальнымъ членомъ. Дѣло было въ слѣдующемъ.

Преосвященный Порфирій двухъ архимандритовъ его епархіи, именно: бѣлогородскаго Николаевскаго монастыря—Матѳея и Курскаго Знаменскаго—Гедеона, отдалъ подъ судъ—по доносу (какъ объяснялось въ двукратныхъ донесеніяхъ преосвященнаго по сему дѣлу въ Синодъ) монаха Знаменскаго монастыря Венедикта на архимандрита Гедеона въ томъ, что онъ въ 1765 году Іюня 28 дня, при отправленіи молебна, служащему іеродіакону Серафиму многолѣтія Его И. В. Государю Цесаревичу и В. К. Павлу Петровичу воспоминать не велѣлъ, а на архимандрита Матѳея, бывшаго первоприсутствующимъ въ Консисторіи, въ непринятіи отъ него, Венедикта, да отъ монаха Іустина, поданныхъ о томъ доношеній. Преосвященный выставлялъ Синоду дѣло, по которому судились архимандриты, „великоважнымъ“, объявляя ихъ самихъ „совсѣмъ виновными и къ тягчайшему по законамъ штрафу подлежательными“,—и одного изъ нихъ—Матѳея, до окончанія слѣдствія, лишилъ уже присутствованія въ консисторіи и перевелъ въ другой меньшій монастырь 3-го класса—Святогорскій Успенскій, (гдѣ онъ, недождавшись окончанія слѣдствія, скоропостижно и умеръ); а о Гедеонѣ прописывалъ Синоду свое мнѣніе: не соблаговолитъ ли Св. Синодъ и сего архимандрита вывести изъ Курскаго Знаменскаго монастыря въ другую каковую епархію въ меньшій монастырь 3-го класса, дабы онъ за столь великое преступленіе и погрѣшность не остался безъ должнаго штрафованія. Но Синодъ взглянулъ на дѣло и рѣшилъ его совсѣмъ иначе. Въ означенномъ указѣ, присланномъ на имя архимандрита Курскаго Знаменскаго монастыря Гедеона, Синодъ изъяснялъ, что изъ всего, сообщеннаго Его Преосвященствомъ, „Святѣйшимъ Синодомъ довольно усмотрѣно, что какъ оное слѣдствіе начато и провождено было, такъ и вы, архимандриты Гедеонъ и Матѳей, подъ именемъ вели-

коважнаго дѣла, обвинены и съ немалою тягостію изнуряемы были по единой токмо, какъ видно, Его Преосвященства къ вамъ неблагосклонности, а въ самомъ дѣлѣ почти никаковой вашей архимандритовъ винности по оному дѣлу не оказуется, а напротивъ того все того слѣдствія произвожденіе весьма предосудительно и государственнымъ узаконеніямъ противно—по тому:

1) Означенное Іюня 28 дня въ Курскомъ Знаменскомъ монастырѣ молебствіе еще въ 1765 году отправлялось, а о томъ никаковаго ни отъ кого доносу въ тогдашнее время не было, а упомяненный на васъ, архимандритовъ, донощикъ, того Курскаго монастыря монахъ Венедиктъ, когда именно собственно Его Преосвященству объ ономъ доношеніе подалъ, о томъ, незнаемо чего ради, въ томъ Его Преосвященства доношеніи знать не дано, а только въ томъ его доносителевомъ доношеніи между прочимъ объявлено, что якобы онъ такое жь доношеніе подавалъ въ 1765 году Октября 4 дня упомяненному архимандриту Матѳею, но оное, незнаемо чего ради, отдано ему обратно.

2) Въ томъ же его Венедиктовомъ поданномъ Его Преосвященству доношеніи имянно написано, что самъ онъ при ономъ молебствіи за болѣзнію не былъ, а о невоспоминаніи при томъ на многолѣтіи благовѣрнаго цесаревича и великаго князя Павла Петровича отъ двухъ того монастыря іеромонаховъ Іустина и Діонисія слышалъ, каковыхъ съ слышанныхъ словъ доносовъ и свидѣтельствъ по государственнымъ узаконеніямъ и въ дѣйствіе принимать не слѣдуетъ. А генеральнаго регламента по 19 главѣ имянно повелѣвается отъ доносителей доношенія принимать съ явными доказательствами и свидѣтельствами, а тотъ монахъ Венедиктъ при слѣдствіи самъ отъ доказательства отрекся, объявляя имянно, что онъ, кромѣ того, что отъ тѣхъ іеромонаховъ слышалъ, ничего показать не знаетъ, почему и таковое отъ него, Венедикта, яко при самомъ дѣйствіи небывшаго, на допросъ вашъ архимандрита Гедеона доказательство требовано весьма непорядочно.

3) Что же касается до того, что Его Преосвященство почитаетъ оное дѣло великоважнымъ, то и въ томъ поступлено весьма неосмотрительно и съ состоявшимся 1762 г. Октября 19 дня имяннымъ Ея И. В-ва высочайшимъ указомъ несходно, ибо онымъ точно повелѣвается, что ежели отъ кого будетъ доносъ и по первымъ двумъ пунктамъ да безъ свидѣтелей, то тѣхъ людей, на кого оный доносъ, подъ караулъ не брать, ниже подозрительными почитать до того времени, пока дѣло въ высшемъ судѣ разсмотрѣно будетъ и указъ воспослѣдуетъ, почему и надлежало Его Преосвященству, не вступая въ слѣдствіе и не изнуряя васъ, архимандритовъ, представить во первыхъ Святѣйшему Синоду и обождать указъ, но онаго Его Преосвященствомъ не только не учинено, но по тому съ слышанныхъ словъ доносу не означенные іеромонахи, отъ которыхъ тотъ доноситель объявленіе слышалъ, но вы

архимандриты, въ консисторіи сыскиваны и допрашиваны были, а потомъ уже и въ слѣдствіе вступлено и въ замѣшательство и продолженіе оное приведено.

4) Но однако же, и по тому непорядочному слѣдствію, чрезъ допросы разныхъ лицъ того точно, чтобъ вы, архимандритъ Гедеонъ, при отправленіи того молебствія на многолѣтіи Его Императорскаго Высочества имя воспоминать запрещали, не доказано; а сверхъ того, по ссылкѣ вашей, того жъ монастыря игуменъ Гервасій имянно засвидѣтельствовалъ, что тѣ іеромонахи Іустинъ и Діонисій на васъ, архимандрита, объявленіе чинили по злобѣ такой, что они за пьянственные и непорядочные поступки наказываны были, а вы, архимандритъ, и въ допросѣ и въ оправданіи своемъ имянно объявили, что вы того іюня 28 дня молебствіе отправили точно такъ, какъ по состоявшейся о высокоторжественныхъ дняхъ табели повелено, и въ особливо напечатанной на тотъ день книжицѣ положено, не чиня и о воспоминовеніи на многолѣтіи Его И. Высочества высочайшаго имени никакого воспрещенія, почему хотя бы Его Преосвященству каковое потому слѣдствію о васъ, архимандритѣ, и сумнительство было, то и въ такомъ случаѣ не инако поступить слѣдовало, какъ высочайшимъ Ея И. В-ва состоявшимся на докладѣ Святѣйшаго Синода апрѣля 10 дня сего года высочайшимъ подписаніемъ повелѣно и въ посланномъ къ Его Преосвященству изъ Синода отъ 22 дня Іюня указѣ объявлено, ибо хотя въ 1762 году Октября 15 дня дополненіе къ формѣ церковнаго возношенія и напечатано (на которое Его Преосвященство ссылаяся къ большей вашей винѣ то дѣло за важное почитаетъ), но однако жъ о высокоторжественныхъ дняхъ, то есть іюня 28 и сентября 22 числъ, въ напечатанной послѣ онаго дополненія табели имянно показано, чтобъ отправлять молебствія по особливо напечатанной же книжицѣ, чего для вы, архимандритъ, сверхъ того напечатаннаго въ книжицѣ и дополнить, можетъ быть, усумнѣвались, и затѣмъ вамъ, архимандриту, оное въ великоважное преступленіе почитать не слѣдуетъ.

7) *) Что же касается до означенаго умершаго архимандрита Матѳея (о которомъ, видно, для одного только продолженія изнуренія слѣдствіе смѣшано было съ вышепрописаннымъ о васъ, архимандритѣ, слѣдствіемъ же), то и о немъ производство было чинено, какъ видно, не безъ посягательства жъ, потому, что хотя упомяненный доноситель монахъ Венедиктъ, да іеромонахъ Іустинъ и показывали, первый—будто онъ о вышепрописанномъ дѣлѣ Октября 4 дня 1765 года тому архимандриту Матѳею въ консисторіи наединѣ доношеніе подавалъ, но не принято и съ угроживаніемъ побоями обратно отдано, а вторый—якобы оный же архимандритъ Матѳей доношенія о томъ ему, Іустину, подавать не велѣлъ, а приказалъ подать только о своей обидѣ,

*) Пункты 5 и 6 отсутствуютъ и въ подлинникѣ.

но когда напротиву того оный архимандритъ при слѣдствіи объявилъ, что ему отъ монаха Венедикта никакого доношенія подавано не было, да и въ консисторіи 4 дня Октября 765 года онъ, архимандритъ, не былъ, а былъ подъ Мѣлогорскимъ монастыремъ и въ томъ представилъ двоихъ свидѣтелей, Николаевскаго монастыря іеромонаховъ, Іоанникія да Антонія, а іеромонахъ Іустинъ въ монастырѣ, а не въ консисторіи, хотя доношеніе и подавалъ смѣшанное съ партикулярными своими обидами, однако приказано ему оное переписать и подать о обидѣ своей прошеніе, а о показуемомъ невозглашеніи Его высочества высочайшаго имени особое самому архіерею доношеніе, въ чемъ и ссылался на бывшаго при томъ бѣлоградскаго жителя однодворца Илью Брызгалова, но того ничего отъ него, архимандрита, 'ко оправданію не принято, и свидѣтели не допрашиваны, а доносительскія показанія безъ всякаго свидѣтельства во всемъ утверждены за правильныя потому только, что де оный армандритъ Матѳей 4 Октября три опредѣленія въ консисторіи подписалъ (которыя, можетъ быть, за небытіемъ въ консисторскомъ присутствіи, и въ домѣ имъ подписаны), чѣмъ онъ, архимандритъ, не мало обиженъ.

8) Сверхъ же того, хотя о немъ, архимандритѣ, Его Преосвященство въ первомъ доношеніи и представилъ, что якобы онъ изъ Николаевскаго монастыря въ Святогорскій Успенскій переведенъ и отъ консисторіи отрѣшенъ по означенному дѣлу, но и то представленіе оказуется съ дѣломъ несходно, ибо во вторичномъ его жъ Преосвященства доношеніи имянно написано, что де какъ онъ, архимандритъ Матѳей, отъ присутствія Консисторіи отбылъ въ Изюмскій Успенскій монастырь, въ то время оный монахъ Венедиктъ о вышеозначенномъ и доношеніе Его Преосвященству подалъ, да и при началѣ самаго слѣдствія онъ Святогорскимъ, а не Никольскимъ имянованъ и по тому видно, что оный переведенъ прежде того дѣла, чего Его Преосвященству за имяннымъ Ея И. В-ва состоявшимся 765 года Февраля 17 дня указомъ чинить не надлежало, ибо тѣмъ указомъ не только штатныхъ, но и за штатомъ безъ настоятельства оставшихся архимандритовъ, и на игуменскія мѣста самимъ архіереямъ опредѣлять и переводить безъ указа Святѣйшаго Синода наистрожайше запрещено".

Изъяснивъ такимъ образомъ неправоту и пристрастность архіерейскаго суда, указъ Синодскій опредѣлялъ: „А понеже вы, архимандритъ Гедеонъ, бѣлоградской епархіи въ Харьковскій Покровскій училищный монастырь во архимандрита произведены по имянному блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Государыни Императрицы Елизаветъ Петровны 744 года апрѣля 30 дня указу Московской Академіи изъ учителей реторики, а какъ вы въ 753 году и въ Курскій Знаменскій монастырь переведены, то опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода 754 года Марта 8 дня велѣно вамъ, архимандриту, быть въ томъ Курскомъ Знаменскомъ монастырѣ со всѣми тѣми преимуществы,

какія вы имѣли въ Харьковскомъ монастырѣ по вашу смерть, впредь другимъ архимандритамъ не въ образецъ, о чемъ въ оныхъ же 744 и 745 годѣхъ и въ Бѣлоградскую епархію указы изъ Святѣйшаго Синода посланы,— того ради по указу Ея Императорскаго Величества Святѣйшій Правительствующій Синодъ приказали: вамъ, архимандриту Гедеону, яко неповинно чрезъ произведенное объ васъ слѣдствіе изнуренному, быть въ томъ Курскомъ Знаменскомъ монастырѣ архимандритомъ попрежнему, и буде вы по прежде посланному изъ Святѣйшаго Синода генеральному о таковыхъ дѣлахъ указу, гдѣ содержитесь, а не освобождены, то васъ тотчасъ освободить; а чтобъ Его Преосвященство впредь никакихъ обидъ и налогъ причинять вамъ не могъ, то отнынѣ ни по какимъ дѣламъ безъ представленія Синоду васъ, архимандрита, въ Консисторію не брать и никакими слѣдствіями не завязывать; а если что до васъ касаться будетъ, представлять первѣе Святѣйшему Синоду и ожидать на то указа, да и по всѣмъ дѣламъ со всѣми Его Преосвященству поступать съ пастырскою кротостію и снисхожденіемъ, какъ святаго апостола Петра 1-го посланія въ главѣ 5 изображено; что же касается до того, что Его Преосвященство архимандрита Матѳея безъ всякого въ Святѣйшій Синодъ представленія изъ монастыря въ монастырь, въ противность имянного Ея И. В. 765 года Февраля 17 дня Высочайшаго указа, перевелъ, и въ означенномъ своемъ доношеніи, что якобы тотъ переводъ по причинѣ чинимаго о немъ слѣдствія учиненъ, съ дѣломъ несходственно представилъ о томъ прислать Его Преосвященству Святѣйшему Синоду отвѣтъ во всякой скорости; а впредь архимадритовъ безъ представленія Святѣйшему Синоду и безъ указа изъ монастыря въ монастырь никого ни подъ какимъ видомъ отнюдъ не переводить, подъ опасеніемъ неупустительнаго по указамъ штрафа."

Архіерею, потерпѣвшему такое пораженіе, оставлено лишь нѣкоторое утѣшеніе въ томъ, что и архимандриту Гедеону, хотя и оправданному по дѣлу о молебнѣ, но въ другихъ отношеніяхъ, какъ видно, далеко не безгрѣшному, Синодъ, по доношенію архіерея, также нашелъ не лишнимъ въ томъ-же самомъ указѣ преподать слѣдующее вразумленіе:

„А понеже", такъ заканчивается указъ, „и на васъ, архимандрита Гедеона, отъ Его Преосвященства, по жалобѣ бѣгающихъ изъ Курскаго монастыря монаховъ, представленно якобы о безмѣрной вашей суровости и о разогнаніи почти всѣхъ монаховъ изъ того монастыря, кормя ихъ гнилымъ хлѣбомъ, того ради вамъ, архимандриту, подвердить дабы вы, архимандритъ, если вами оное подлинно чинено, отъ того всячески воздержалися и, съ братіею поступали такъ, какъ слово божіе, уставъ церковный и духовный регламентъ повелѣваютъ непремѣнно, имѣя снисхожденіе, яко отецъ къ чадамъ, какъ о томъ Павелъ Апостолъ къ Солуняномъ въ главѣ 2 поучаетъ".

(Изъ архива Курск. Знаменскаго монастыря).

Сообщ. А. Лебедевъ.

Заговоры.

(Библіографическій указатель).

Существуетъ мнѣніе, что литература заговоровъ бѣдна. Мнѣніе это справедливо, если подъ словомъ литература разумѣть изслѣдованія. О заговорахъ писали мало (Крушевскій, О. Миллеръ, Буслаевъ, Потебня, Порфирьевъ), большею частью односторонне (миѳологическія толкованія), притомъ писали мимоходимъ, по поводу, при случаѣ. Единственная монографія о заговорахъ Крушевскаго построена на весьма ограниченномъ числѣ пособій, бѣдна содержаніемъ и въ настоящее время представляется устарѣлой. Если же подъ литературой подразумѣвать преимущественно сами напечатанные заговоры или сборники заговоровъ, то можно сказать, что литература эта значительна по объему, даже велика; но привести въ извѣстность эту литературу весьма затруднительно. Заговоры печатались въ различныхъ изданіяхъ, этнографическихъ, (см. Ammann, Майкова и др.), историко-литературныхъ (см. Буслаева, Миллера), археологическихъ (см. Порфирьева), филологическихъ (см. Потебню), церковно-богослужебныхъ (см. Каратыгина), медицинскихъ (см. Демича). Предлагаемый вниманію читателя библіографическій указатель заговоровъ составляетъ первый опытъ, и самое составленіе этого указателя было обусловлено случайнымъ обстоятельствомъ, именно, редактированіемъ помѣщенныхъ въ IV т. Сборника Харьк. Истор.—Филол. Общ. „Черноморскихъ заговоровъ" П. П. Короленка. Первой моей задачей было указать на другіе заговоры оружія; исполненіе этой задачи повело за собой значительныя библіографическія справки и привело къ составленію общаго указателя литературы заговоровъ. Мой библіографическій указатель литературы о колдунахъ, вѣдьмахъ и упыряхъ въ III т. Сборника Х. Ист. Фил. Общ. былъ при всѣхъ его недочетахъ и пробѣлахъ встрѣченъ научной критикой такъ благосклонно (въ Wisla, Cesky lid и др. спеціально этнографическихъ изданіяхъ), что я рѣшилъ издать, при благопріятныхъ случаяхъ, нѣсколько другихъ библіографическихъ указателей по частнымъ отдѣламъ фольклора, въ надеждѣ, что, при дальнѣйшихъ дополненіяхъ со стороны компетентныхъ лицъ, со временемъ получатся полезные предметные библіографическіе указатели по фолклору, за одними указателями послѣдуютъ другіе, и мало по малу выработается цѣлая система предметной библіографіи по фолклору.

Настоящій указатель не выдаю за полный. Предлагаю, что собралъ. Въ указателѣ отмѣчено 110 сборниковъ заговоровъ на русскомъ языкѣ, 38 на нѣмецкомъ, 7 на польскомъ, 5 на французскомъ, 8 на чешскомъ, 3 на англійскомъ, 2 болгарскомъ и 2 сербскомъ, всего 175.

Въ терминѣ заговоры заключается нѣсколько разновидностей. Сюда входятъ заговоры въ тѣсномъ значеніи слова, что у нѣмцовъ называется Heilsprüche, т. е. словесные обереги отъ болѣзней, далѣе заклинанія и чародѣйскія формулы—по нѣмецкой научной терминологіи Beschwörungs—und Zauberformel и, наконецъ, апокрифическія молитвы—kirchliche Segen und Gebete. Эти разновидности заговоровъ тѣсно между собой переплетаются, и потому мы не дѣлимъ матеріала по этимъ неустойчивымъ рубрикамъ.

Главные сборники заговоровъ и лучшія о нихъ статьи отмѣчены звѣздочкой.

Въ указатель не вошли сборники заговоровъ, перепечатанные въ сборникахъ Л. Н. Майкова и П. С. Ефименка. Они вкратцѣ перечислены при обзорѣ содержанія двухъ этихъ сборниковъ.

А. М., въ Воронеж. Губ. Вѣдом. 1862 № 19, заговоръ отъ неправеднаго суда изъ волшебнаго дѣла 1760 г.

* *Ammann*, Volkssagen aus dem Böhmerwald, въ Zeitschr d. Vereins f. Volkskunde 1891 II 197—214. Большой и цѣнный сборникъ. Въ короткомъ предисловіи говорится о заговорахъ вообще и перечислены несчастные дни и несчастныя ночи. Заговоры раздѣлены на 2 отдѣла: противъ наружныхъ и внутреннихъ болѣзней. Въ первый вошли заговоры отъ глазныхъ болѣзней, чесотки, бородовокъ, ногтоѣды, опухолей, кровотеченій. Во второй отъ коликъ, зубныхъ и головныхъ болей, лихорадки и много заговоровъ и молитвъ отъ ломоты. Въ примѣчаніяхъ указаны сходные заговоры въ другихъ нѣмецкихъ сборникахъ—у Грима, Куна, Фекенштедта, Бирлингера и Шонверта.

Антоновичъ, Заклинанія противъ чаръ, въ Этнограф. Обозрѣніи 1890 II 72—76. Двѣ молитвы—заговоры книжнаго характера по рукописи XVII вѣка.

Аѳанасьевъ, Нѣсколько народныхъ заговоровъ въ Лѣтоп. рус. литер. и древн. 1862 IV 72—80: на собираніе Адамъ—травы, присушки, отъ разныхъ болѣзней, отъ бѣсовъ, заговоры ружья, заговоры, чтобы были милостивы власти, свекровь, мачеха.

Bartos, Povêry a zvyky lidu moravského při hospodářstve, въ „Cesky Lid" 1891 № 1. На стран. 18—19, авторъ извлекаетъ изъ одной книжки 1724 г. (Coelum vivum) семь заговоровъ при выгонѣ скота въ поле (обереги).

Bartsch, Sagen, Märchen und Gebraüche aus Meklenburg, 2 Bde 1880. Во 2 т. на стр. 324—365, 10—15 разсѣяно много заговоровъ отъ разныхъ болѣзней, колдуновъ и вѣдьмъ, воровъ; на 340—343 чародѣйскіе знаки, на с. 318—324 научная замѣтка о заговорахъ.

Bedolliere, L'histoire des moeurs des Français, 2 vol. 1847. Въ 1 т. на 156—157 о гальскихъ заговорахъ V в., 320—о присушкѣ.

Березинъ, О миѳологическихъ вѣрованіяхъ австрійскихъ южныхъ славянъ, въ „Знаніи“ 1877 IV; на стр. 60 краткая замѣтка о заговорахъ.

Бѣленькій, Народныя заклинанія надъ пчелами, изд. въ Каменецъ—Подольскѣ въ 1880 г. 67 стр.

Berlinger, Altdeut. Besegnungen, въ Germania XXV 507—508; 4 заговора отъ болѣзней изъ рукописи XV в.

Birlinger, Volksthümliches aus Schvaben I, на с. 201 заговоръ отъ огня, 202—205 отъ злыхъ людей (7 заговоровъ), 206 и сл. отъ разныхъ болѣзней.

Birlinger, Aus Schwaben, 1874. 2 Bde. Въ 1 т. на с. 441—463 приведены заговоры отъ разныхъ болѣзней, отъ воровъ, отъ ружья, отъ колдуновъ и вѣдьмъ и нѣсколько заговоровъ изъ рукописей XIV и XVI вѣковъ. Матеріалы цѣнные.

Birlinger, Bairische Besegnugen, въ Germania XXIV с. 73—76: 14 заговоровъ отъ разныхъ болѣзней. Дополненія Ieitteles'а тамъ же на с. 311.

* *Blant* (Le, Edmond), Notes sur quelques formules cabalistiques, въ Revue Archeologique 1892 I 55—64; цѣнная статья о кабалистическихъ формулахъ, преимущественно объ „Ananizapta“.

Борисовскій, Примѣты, обычаи и пословицы въ пяти волостяхъ Нижегородскаго уѣзда, въ „Нижегородскомъ Сборникѣ“ 1870 III. На 197 стр. о заговорахъ.

Браунъ, въ „Запискахъ Нео-Филологическаго Общества“ 1892 № 1 стр. 10 приведено мнѣніе г. Б. о заговорахъ вообще и дѣленіи ихъ на три типа.

Bourchenin, Croyances et superstitions bèarnaises въ Revue des trad. popul. 1889 VII. На с. 394 краткая замѣтка о заговорахъ.

* *Буслаевъ*, Историческіе очерки русской народной словесности и искусства, 2 т. 1861 г. Въ I т. на с. 115 молитва — заговоръ противъ Нежита; на 482 приведены изъ уголовнаго дѣла о ворожбѣ 1638 г. заговоры: 1) на зеркало, на мыло, на соль, на хлѣбъ и на рубашечный воротъ, чтобы приворожить мужа къ женѣ, 2) на медъ для успѣшнаго торга и 3) краткіе заговоры отъ различныхъ болѣзней, на вино, чеснокъ, уксусъ и пр. Во II т. на с. 31—51 разбросаны замѣчанія о значеніи заговоровъ вообще (въ связи съ лѣчебниками), въ честности заговоръ отъ опасности вообще (христіанской окраски), отъ меча, отъ раны и порѣза и отъ лихорадки. Кромѣ того, въ 1 т. на с. 250—256 находится цѣнная статья о сродствѣ одного русскаго заклятія (отъ перелома, ушиба и вывиха) съ древнимъ нѣмецкимъ VIII ст.

Бутова, Станица Бороздинская, въ „Сборн. матер. для опис. Кавказа“ 1889, на 54 стр. присушка.

Busch, Deutsche Volksglaube, 2 изд. 1877 (есть и заговоры).

Wackernagel, Gesch d. deutsch Liter. въ примѣчанiи замѣтка о древнихъ заговорахъ на путешествiе, отъ ранъ и червей, о тѣхъ же заговорахъ въ примѣчанiи на 108, въ примѣч. на 350 и 408 указана литература древнихъ нѣмецкихъ заговоровъ, на 408—409 о ложныхъ нѣмецкихъ молитвахъ—заговорахъ.

Веселовскiй (Ар.), замѣтка о миѳическомъ значенiи заговоровъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. CXL. 286.

Winternitz, Das altindische Hochzeitsrituell, въ Denkschriften der kaiser. Akademie der Wissenschaften, 40 Bd. 1892, на с. 41 заговоръ невѣсты о здоровьѣ, 95 заговоры при чиханiи, кашлѣ и отъ всякаго зла.

Wlislocki, Zauber und Besprechungsformeln d. transilv. und südungarischen Zigeuner. 1888.

Вольтеръ, Матерiалы для этнографiи латышскаго племени, ч. I 1890, на 133—134 краткie заговоры („чаровническiя пѣсни") при родахъ, всего 6 №№.

Вохинъ, Народные заговоры противъ болѣзней, начала XVIII в., въ Русской Старинѣ 1878 г. № 7.

Гавриловъ, 9 заговоровъ изъ Черниг. губ. (отъ болѣзней, волковъ, шулики) въ IV т. сборника Х. Истор.-Филол. Общества. Любопытна пародiя на заговоръ отъ зубной боли.

Гелисъ, Литовскiя повѣрья, въ 1 кн. „Живой Старины" 1890 г. въ смѣси на стр. 17—18 заговоры отъ укушенiя змѣи и отъ кровотеченiя, причемъ приведены порядокъ произнесенiя заговоровъ и обрядовая обстановка.

Glock, Die Symbolik der Bienen, 1891, на стр. 237—240 средневѣковые латинскiе заговоры на пчелъ, 247—248 финскихъ шамановъ на пчелъ, 251—254 ново-нѣмецкiе заговоры на пчелъ.

Glück, O stravi, въ Гласник земальског музеiа, 1892 I 70—72. Народныя повѣрья о болѣзни стравѣ (вродѣ сглаза и сояшницъ вмѣстѣ) и четыре заговора отъ стравы; въ одномъ страва изгоняется въ лѣса, гдѣ и куры не поютъ и пр. (мал. у Ефименка с. 22—28); оригинальнѣе слѣд. заговоръ: „У Адама болитъ голова; Адамъ передаетъ боль Евѣ, Ева змѣѣ, змѣя яблоку, яблоко солнцу, солнце морю, море вѣтру, и вѣтеръ развѣялъ". Есть повѣсти на такой мотивъ.

Goedecke, Deutsche Dichtung in Mittelalter, 1854. На с. 241—244 находится 15 средневѣковыхъ нѣмецкихъ заговоровъ отъ разныхъ болѣзней; нѣсколько обереговъ скота, нѣкоторые заговоры обширны.

Гренъ, Сванетскiе тексты, въ Сборн. матер. для опис. Кавказа X отд. 2 стр. 90 интересный заговоръ отъ сглаза, сходный съ малорусскимъ.

Grimm (Jacob), Deutsche Mythologie 1844—замѣтки о миѳологiи заговоровъ.

Даль, О повѣрiяхъ, суевѣрiяхъ и предразсудкахъ рус. народа, 1880, на стр. 32—50 статья о заговорахъ, о томъ какъ передаются, какъ произносятся, о присушкахъ. Въ примѣчанiяхъ приведены заговоры отъ поруба, отъ ружья, отъ лихорадки, отъ укушенiя гада, отъ вывиха и присушки.

Демичъ, Очерки русской народной медицины, 1889, на с. 42—45 замѣтка о заговорахъ въ связи съ приворотными зельями.

Диваевъ, въ Сборникѣ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской Области 1891 г., въ концѣ книги на с. 116 приведенъ сартовскій заговоръ отъ вѣтра. Способъ укрощенія вѣтра у сартовъ напоминаетъ малорусскія повѣрья о вѣдьмахъ Переп. въ Этногр. Обозр. X 1891 г. 217.

Дилленъ, Дуализмъ въ Авестѣ, 1881. На стр. 225—231 приведены заклинанія отъ болѣзней. Сравн. Сэйса.

* *Добровольскій*, Смоленскій этнографическій сборникъ 1891. На с. 167—215 находится 95 заговоровъ, именно, отъ лихорадки (7), отъ уроковъ (8), темяннаго зубища (дѣтской болѣзни), криксовъ (2), отъ змѣи (10 шалу (2) бѣшеной собаки, чемири (6), ломоты, грижи, урюмой скулки (?), зубной боли, огника, жабы, ячменя, перелома костей, отъ притки, отъ порчи, кровотеченія (7), суда (4), воровъ присушки, чтобы были здоровы лошади и коровы, чтобы росла капуста и конопля, отъ всѣхъ вообще болѣзней.

Добротворскій, Пермяки, въ Вѣст. Европы 1883, IV, 578. Краткая замѣтка о колдовствѣ у пермяковъ. Колдують преимущественно женщины. Главное колдовство при болѣзняхъ „вѣшаніе топора" сходно съ русскимъ гаданіемъ на рѣшетѣ.

Драгомановъ, Малорусскія пародныя преданія и разсказы, 1876. На с. 24—37 заговоры отъ разныхъ болѣзней, запоя, нападенія собакъ, вредныхъ птицъ и насѣкомыхъ, отъ грома и когда рвуть зилля (№№ 1—44). Всѣ заговоры краткіе.

* *Ефименко*, Сборникъ малороссійскихъ заклинаній, нап. въ „Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн." за 1874, потомъ отдѣльно, самый полный сборникъ малорусскихъ заговоровъ. Сюда вошли заговоры, частью непосредственно записанные изъ народныхъ устъ, большею частію выбранные изъ другихъ сборниковъ и статей, именно, изъ Черниг. Губ. Вѣдом. 1853, 1855 и 1858 г., Этногр. свѣд. о Подольск. губ. Данильченка, приказокъ Номиса, „Lud" Новосельскаго, „Lud" Голембіовскаго, Маркевича (обычаи, повѣрья и пр.), Терещенка, (Быть рус. нар. V, VI), словаря Шейковскаго, журнала Erheiterungen 1861 г., статей Надеждина, Срезневскаго и Свидницкаго (въ Основѣ 1861 г.), „Гуцулъ" Вагилевича (въ Пантеонѣ 1855) и Записокъ о Полтав. губ. Арендаренка. Всѣхъ заговоровъ у Ефименка 221: присушки, отъ разныхъ болѣзней: криксивъ, зубной боли (16), волоса (2), кровотеченій, лихорадки, укушенія змѣи, отъ сглазу и уроковъ (12), величаніе горѣлки, заговоры при собираніи травъ, отъ хищныхъ птицъ и вредныхъ насѣкомыхъ, отъ волковъ, при потери вещей, заклинанія кладовъ, при завиткахъ, при посѣвахъ и жатвѣ, для охраны скота, заговоры ружья (5), заговоры пчеловодовъ (16), отъ начальства и пановъ, отъ грома, дождя, пожара, вихря и русалокъ.

* *Ефименко (П. С)*, Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губ., въ V т. Трудовъ Этног. Отд. Моск. Общ. Любит. Естеств. и

Антроп. Во 2 части V т. на с. 139—222 помѣщено 255 заговоровъ: присушки и остудные (26), при бракѣ (12), отъ начальства (17), отъ грома, дождя, вѣтра, домоваго, нечистой силы, при исканіи кладовъ, при кунаніи, на сонъ (32), обереги скота, заговоры пчеловодовъ, охотниковъ и рыболововъ (57) и обереги отъ разныхъ болѣзней, пьянства, сглаза и уроковъ, порчи и охоты (III). Встрѣчаются весьма обширные, въ особенности между присушками и свадебными оберегами. Многіе заговоры по слогу и содержанію переходятъ въ христіанскія молитвы. Вообще на всѣхъ заговорахъ лежитъ печать книжнаго вліянія. Этотъ сборникъ пословицъ—одинъ изъ лучшихъ по содержательности.

Забылинъ, Русскій народъ, 1880, на 241 и 283 заклинанія и обереги.

Заря (б. кiев. газета) 1881 № 183—заговоръ на пчелы.

Захаровъ, Народное обученіе у закавказскихъ татаръ, въ Сборн. матер. для опис. мѣст. и плем. Кавказа IX ч. 2 с. 22—24. Два заговора муллъ отъ сглаза и лихорадки. Присушка.

Zibrt, Staroceske vyrocné obycejе, povery etc. 1889, на стр. 154 и 279 заговоры отъ града и грома изъ рукописей XVI—XVII ст., 245—247 обереги скота, 247—251 заговоры отъ болѣзней.

Zibrt, Myslivecke povery, 1889; заговоры на оружіе.

Zibrt, Listy z ceskych dejin kulturnich, 1891; на с. 73 маленькій заговоръ отъ Мелюзины, какъ демона вѣтра.

Зырянинъ, Любовный заговоръ присушка, въ Вологод. Губ. Вѣд. 1867 № 35.

Иваницкій, Матер. по этногр. Вологод. губ., въ „Сборникѣ свѣдѣній для изуч. быта крест. насел. Россіи" вып. II, нѣсколько заговоровъ отъ болѣзней, около двухъ десятковъ обереговъ въ сраженіи и заговоры отъ судей.

Ивановъ П. В. Изъ области малорус. народ. легендъ, въ Этногр. Обозр. 1891 II 112—два заговора отъ перелоговъ, съ объясненіемъ словъ судья (Христосъ) и пересудья (ап. Петръ).

Ивановъ П. В. Въ III кн. „Живой Старины" 1891 г. П. В. Шеинъ приводитъ изъ рукописнаго сборника г. Иванова два заговора отъ зубной боли.

Ивановъ П. В. Народные разсказы о кладахъ, въ Харьковскомъ Сборникѣ 1890, нѣсколько заклятій на клады, напр., на 36, 40.

Ивановъ, П. В., Знахарство, шептанія и заговоры въ Старобѣльскомъ и Купянскомъ уѣздахъ Харьк. губ., въ Кіев. Старинѣ 1885 № 12 десять заговоровъ и шептаній отъ сглазу, испугу и пр. съ указаніемъ на обрядныя при этомъ дѣйствія.

Ивановъ П. В. О вовкулакахъ, въ Кіев. Старинѣ VI 356—364 четыре заговора, оберегающихъ молодыхъ отъ обращенія въ волковъ.

* *Иващенко.* О южнорусскихъ шептаніяхъ, въ Трудахъ 3 Археол. съѣзда 1878 г.

Калачевъ, Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній 1859 № 4 заговоры приворотные и отъ лихорадки.

Kaluzniacki, Beschwörung des Gewitters (изъ рукописи XVII в.) въ Archiv für slav. Philologie, 1891 XIV т. 1 Heft 82—83.

Карамско, Въ Сборн. матер. для опис. Кавказа, XI ч. II с. 146 заговоръ шелковичныхъ червевыводовъ Нахичеванскаго у Эриванской губ. отъ сглаза, произносимый знахарками.

Каратыгинъ, Обзоръ нѣкоторыхъ особенностей въ чинопослѣдованіяхъ рукописныхъ требниковъ, принадлежащихъ С.-Петербургской духовной академіи, въ „Христ. чтеніи" 1877 III—IV. Приведены апокрифическія молитвы —заговоры.

Carnoy et Nicolaides, Traditions populaires de l' Asie Mineure, 1889. На с. 195 заговоры при потерѣ вещей.

Кіевлянинъ 1866 №№ 24 и 26 заговоры отъ „пристриту" и зубной боли.

Köhler (Ernst), Volksbrauch, Aberglauben.... im Voigtlande, 1867, на с. 382—383 шесть присушекъ (в. сходные съ русскими), на с. 403—409 краткіе заговоры отъ разныхъ болѣзней, воровъ, неправедныхъ судей, сглаза, на 409—411 чародѣйскія формулы и знаки.

Cockayne, Leechdoms, Wortcunning and Starcraft of early England, 1860, 2 т.; есть и заговоры.

Колосовъ, Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверновеликорус. нарѣчія, въ XVII т. Сборн. Акад. Наукъ (№ 3), на 182—186 стр. три заговора изъ Олонецкой губерніи, отъ зубной боли, кровотеченія и болѣзней скота, два первые заговора записаны со словъ, а третій, весьма обширный, изъ старинной рукописи.

Kolberg, Pokucie 1888 III, на 91 заговоръ отъ головной боли (при первомъ громѣ ударить трижды въ камень со словами: камень—голова,) и на 103 заговоръ отъ демона летавца („баранъ третякъ голову зломывъ, та и ты").

Комаровъ, Нова збирка народныхъ малорусскихъ приказокъ и пр.; 1890. На стр. 104—116 находится 33 заговора отъ разныхъ болѣзней, въ томъ числѣ 3 отъ пристриту и сглазу.

Короленко, Черноморскіе заговоры, въ IV т. Сборника Харьк. Истор.—Филол. Общества (1892 г.),—21 заговоръ (отъ разныхъ болѣзней, отсушка, отъ суда, на оружіе и на побѣду врага)

Костомаровъ, Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII стол: 3 изд. 1887, на 271—273 о заговорахъ.

Krause, Въ Zeitschrift f. Ethnolog 1883 на 72 любовная присушка и нѣсколько краткихъ заговорныхъ изреченій берлинскихъ мѣщанъ.

* *Крушевскій.* Заговоры, какъ видъ русской народной поэзіи, 1875. Брошюра въ 69 стран. Авторъ пользовался почти исключительно сборникомъ Майкова. Другіе сборники оставлены въ сторонѣ. Авторъ останавливается исключительно на миѳическихъ и бытовыхъ заговорахъ, апокрифическіе исключаетъ. Сначала рѣчь идетъ объ особенностяхъ первобытнаго мышленія и миѳологіи, о происхожденіи заговоровъ и ихъ типичныхъ сторонахъ и, затѣмъ, о присушкахъ въ связи съ представленіями народа о любви, заговорахъ отъ болѣзней въ связи съ миѳологическими воззрѣніями народа, о заговорахъ при отыскиваніи кладовъ. Не смотря на неполноту матеріала и погрѣшности въ общихъ сужденіяхъ, работа Крушевскаго заслуживаетъ вниманія, какъ попытка научнаго объясненія заговоровъ.

Kuhn. Westfalische Sagen II 197 и др. заговоры.

Leland (Charles), Gypsy Sorcery and Fortune Telling, Specimens of Medical Magec, Anecdotes and Tales, illustr. by the Autor, 1891 XVI 271.

Librecht, Zur Volkskunde, 1879, на 315, 353 порчи, 346 обереги отъ пули

Линда, Заговоръ для вабильщика (охотника на волковъ), зап. въ 1823 г., въ IV т. Сборника Харьк. Ист. Фил. Общества (рѣдкій заговоръ)

Липскій, Малороссійскія заклинанія въ Харьковскомъ уѣздѣ, въ „Харк. Губ. Вѣдомостяхъ" 1890 г. № 88. Въ фельетонѣ помѣщено 19 заговоровъ отъ лихорадки, желтяницъ, порухи, бышихы, сояшницы, зубной боли (3), бѣльма, кровотеченія (3), волоса, сглаза, крикливцивъ, укушенія змѣи (2), колючки и общаго недомоганія.

Ломинадзе, Изъ народной словесности имеретинъ, въ IX вып. Сборника матер. для опис. Кавказа 1890, на 175—180 заклинанія вѣдьмъ.

Лоначевскій и Купчанко, Сборникъ пѣсенъ Буковинскаго народа, 1875. На стр. 101—110 находятся заговоры отъ золотухи, болячки, уровищья, опухоли на шеѣ (души), рожи, бѣльма, желудочной корчи (сонишницъ), сглаза, плаксы, укушенія змѣи и кровотеченія. Заговоры большіе, записаны хорошо, съ соблюденіемъ стихотворной формы.

Лосіевскій, Солнце и луна въ заговорахъ и легендахъ обитателей Оренбургскаго края, въ Уфимскихъ Губ. Вѣд. 1875 №№ 45—47.

Лосіевскій, Солнце и луна въ народныхъ легендахъ и заговорахъ сѣверо-западнаго края, въ Минскихъ Губ. Вѣд. 1878 №№ 8, 13—17.

Lubicz, Dwa zamawiania starożytne, въ Wisla 1891 III 570. Оба заговора отъ укушенія бѣшеной собаки, одинъ изъ рукописи XV в., другой—изъ рукописи XVII в.

Lütolf, Sagen, Bräuche, Legenden aus Lucern, Uri, Schwiz, Unterwalden und Zug, 1862, на с. 540—547 заговоры присушки, отъ злыхъ людей, обереги скота, отъ болѣзней.

* ***Майковъ,*** Великорусскія заклинанія, во II т. Записокъ Геогр. Общ по Отд. Этногр. 1869 г., стр. 419—580, обширный и цѣнный сборникъ. Всѣхъ заговоровъ 372; заговоры распредѣлены по слѣдующимъ рубрикамъ: 1) любовь, 2) бракъ, 3) здоровье и болѣзни, 4) частный бытъ, 5) промыслы и занятія, 6) отношенія общественныя, 7) отношенія къ природѣ и 8) отношенія къ сверхъестественнымъ существамъ. Въ эти рубрики вошли присушки и любжи (28 №№) остуды и отсушки (№№ 29—33), свадебные (34—48), отъ разныхъ болѣзней (49—205), отъ запоя (206—243), на вѣщіе сны (№ 251), при собиранiи травъ (№№ 253—254), при отыскиваніи кладовъ (263), обереги скота (285), охотничіе (289—320), рыбацкіе (321—324), пчеловодовъ (325—336), отъ властей (337—350), отъ воровъ (352), отъ грома, вѣтра, пожара, засухи (355—361), отъ домовыхъ, лѣшихъ, кикиморъ и бѣсовъ (362—372). При многихъ заговорахъ указана литература предмета. Встрѣчаются весьма большіе заговоры книжнаго характера. Много заговоровъ взято изъ народныхъ устъ и изъ старинныхъ рукописей. Кромѣ того, въ сборникъ внесены заговоры, отмѣченные раннѣе въ старыхъ журналахъ и газетахъ, именно, изъ статей и сборниковъ Харитонова (см. стр 424 и др.), Гуляева, Вологдина, Потанина и Селиванова (426 и др.), Юрлова и Ефименка (с. 428 и др.), Даля (433), Пѣтухова (435), Кривошапкина (448), Осокина (448), Верещагина (449), Огородникова (451), Вербицкаго (451), Масловскаго (ib), Попова (ib), Ляметри (452), Соколова (454), Машкина (ib), Толмачова, Ханыкова, Соболева (ib), Аристова, Кашина (ib), Бодрова и Виноградова (460), Понятовскаго и Абрамова (461), Венитина (465), Буслаева (465 и др.), Вѣнкова (466), Леопольдова (467), Имшенецкаго (468), Барсова (471), Ламанскаго (472), Ткачева (474), Малыхина (475), Карнаухова (ib), Розова (481), Шетенина (ib), Отто (482), Совваитова (484), Попова (501), Кедрова (538), Доброхотова (564) и Богословскаго (575).

Майковъ (Л. Н.) Заговоры Донскихъ Козаковъ (изъ рукописнаго сборника XVII в.) въ III кн. Живой Старины 1891 г. стр. 135—136, всего 6 заговоровъ на оружіе.

Макушевъ. Задунайскіе и адріатическіе славяне, 1867, на с. 273 заговоры.

Малиновскій. Заговоры по рукописи XVIII ст., въ Олонецкихъ Губ. Вѣд. 1875 №№ 15—18.

Манжура, Сказки, пословицы и т. п. 1890. На 150—153 стр. 19 малорусскихъ заговоровъ отъ кровотеченія, бѣльма, пристриту. гадюки, зубной боли, отъ суда, червей, дурнаго сна; въ томъ числѣ 4 заговора пасѣчниковъ и 2 заговора „иголку протягивать сквозь щеку“ (отъ разныхъ болѣзней).

Матеріалы къ изученію способовъ народнаго врачеванія въ Восточной Сибири, 1891. Въ статьѣ Гандельсмана приведены заговоры отъ болѣзней,

между прочимъ, два заговора отъ уроковъ (перепеч. въ Этногр. Обозр. 1891 II 170).

Meier, Deutsche Sagen... aus Schwaben 1852, во 2 части на стр. 515—529 помѣщено около 30 заговоровъ отъ болѣзней, небольшіе, риѳмованные, съ христіанскими чертами.

Миличевич, Живот срба селяка, въ Гласник срп. учен. друштва 1867 въ XXII (79—208) и 1873 XXXVII (109—178), въ особенности въ послѣднемъ томѣ разбросано много краткихъ сербскихъ заговоровъ отъ разныхъ болѣзней (уроковъ, зубной боли, болѣзни глазъ и др.). Въ научномъ отношеніи наиболѣе интересенъ заговоръ отъ зубной боли въ 37 т. на с. 164, въ которомъ дѣйствуютъ Господь и ап. Петръ и заклинательная формула „шатеръ“ на с. 166.

* *Миллеръ* (*Ор. Ѳ.*), Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности, 1865. На стр. 66—90 о заговорахъ вообще, древнѣйшемъ значеніи заговора, вѣдунахъ и вѣщихъ женахъ, заговариваніи коровьей смерти, темномъ знахарствѣ, свѣтломъ значеніи заговоровъ, силѣ заговоровъ, камнѣ алатырѣ, присушкахъ, заговоръ отъ тоски и о полнотѣ русскихъ заговоровъ. Всѣ объясненія миѳологическія.

Минхъ, Народные обычаи и пр. крестьянъ Саратовской губ. 1890, на 18—19 заговоръ ружья.

Михайловскій, Шаманство, вып. I 1891 г. въ XII т Трудовъ Этн. Отд. Моск. Общ. Ест. о вотяцкихъ заговорахъ и шаманскихъ заклинаніяхъ.

Модестовъ, Заговоры (обходы) пастуховъ (три) въ Новгор. Губ. Вѣдом. 1868 № 50.

Мѣстныя народныя заговариванія, въ „Запискахъ *Юрьевскаго* Общ. Сельск.-Хозяйства“ 1861 вып. III (отъ ужаленія змѣи и притки), 1862 вып. 2. (отъ зубной боли, червей у скота и сглазу).

Müllenhoff und Scherer. Denkmäler, № IV, XVI, XLVII.

Н. И. Заговоры на просо и пшеницу, въ Кіев. Старинѣ 1884 № 12.

Овсянниковъ, Заговоры противъ лихорадки и зубной боли, въ Ярослав. Губ. Вѣдом. 1869 № 18.

Огіевскій, Изъ области народной медицины, въ Кіевскомъ Словѣ 1888 № 473 (нѣсколько малорусскихъ заговоровъ).

Panzer, Bayerische Sagen 1848, во II т. разбросаны молитвы и заговоры тъ разныхъ болѣзней, см. въ Указателѣ подъ сл. segen.

Пассекъ, Очерки Россіи, 1840 г. II. Статья о малорос. повѣрьяхъ; заговоры отъ урокивъ и гадюкъ и шептанія при родинахъ.

Peter, Volksthümliches aus österreichisch—schlesien, II. 1867. Заговоры и молитвы при бракосочетаніи (225), въ путешествіи (229), отъ огня (230), колдуновъ и вѣдьмъ и обереги скота (230, 254), отъ разныхъ болѣзней (231 и др), отъ воровъ (230—237), враговъ, отъ пуль, обереги скота (249—251), отъ боли горла—молитва къ с. Власію (277). Заговоры короткіе риѳмованные, большею частью христіанскаго содержанія.

Петровъ А. Л. Угрорусскіе заговоры и заклинанія нач. XVIII в., въ „Живой Старинѣ“ 1891 № IV 122—130. Въ началѣ описаніе рукописи, заключающей заговоры; языкъ малорусскій. Заговоры—молитвы отъ гостця, полуканя (сумашествія?), отъ уроковъ, кори, безсоницы, головной боли, отъ пановъ и судей, въ отвращеніе тучи, отъ кровотеченія, скотскихъ болѣзней, обереги скота отъ звѣрей, присушки. Въ концѣ замѣтка Петрушевича о темныхъ словахъ въ заговорахъ.

Piper, Sagen a St. Gallen, въ Germania XXV 67—71. 14 заговоровъ изъ рукописи XV в. между прочимъ обереги скота, отъ червей, кровотеченія, два заговора на оружіе—всѣ на нѣмецкомъ языкѣ и одна охранительная формула съ латинскими словами.

Podbereski, Materialy Demonologii ludu ukrainskiego, въ Zbiór wiadom. IV, на стр. 67—81 заговоры отъ пристрита и разныхъ болѣзней.

* *Помяловскій,* Эпиграфическіе этюды, 1873, на 10—35 древне-римскіе наговоры и заклинанія, сохранившіеся на надгробныхъ свинцовыхъ доскахъ,— драгоцѣнный матеріалъ при сравнительномъ изученіи заговоровъ.

* *Порфирьевъ*, Апокрифическія молитвы по рукописямъ Соловецкой библіотеки, въ трудахъ IV Археологич. Съѣзда 1878 г. Молитвы извлечены изъ требниковъ. Всѣ молитвы врачевальныя отъ дны (ломоты), безсоницы, нежита, боли головы и глазъ, отъ укушенія змѣи и бѣшеной собаки, при родахъ. Всѣхъ—28. Весьма велика молитва св. Кипріана противъ волшебства и чародѣйства. Эта молитва имѣетъ значеніе заклятія и талисмана. Въ предисловіи Порфирьевъ говоритъ о нежитѣ и днѣ (сравн. замѣч. *Потебни* въ „Къ истор. звуковъ“ IV 71).

Порфирьевъ, Ист. рус. словесности, 1879, I 164—166.

Потебня, О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи, 1860, краткія замѣтки о заговорахъ на стр. 32, 33, 76, 79—80 (обрядная обстановка), 109, 137, 139 (замокъ и узелъ въ заговорахъ).

Потебня, Малорусская народная пѣсня по списку XVI в., 1877 г. на с. 20—26 цѣнныя замѣчанія о строѣ заговоровъ (двухчленность, введеніе и пр.)

Потебня, Объясненія малорусскихъ и сродныхъ пѣсень. т. I 1883 г., на 103—127 нѣсколько цѣнныхъ замѣтокъ о заговорахъ, именно, о заговорахъ при родахъ и обращеніе къ зарѣ въ заговорахъ отъ болѣзней.

Потебня, Малорус. домашніе лѣчебники, въ Кіев. Старинѣ 1890 II прил. 45 заговоръ отъ падежа скота.

* *Prahn*, Glaube und Brauch in der Mark Brandenburg, въ Zeitschr. d. Vereins f. Volkskunde 1891 II 181—заговоръ дѣвушекъ въ ночь подъ Ивана Купала; 184—заговоръ, предохраняющій отъ смерти, 186—заговоръ при посѣвѣ хлѣба, 187—заговоръ при подковываніи лошади, 188—заговоръ отъ воровъ, 190— четыре заговора отъ пожара, 191—197 сорокъ два заговора отъ лишая, ожога, коликъ, ломоты, кровотеченія (7), зубной боли, укушенія

змѣи, бѣшеной собаки и др. По сходству съ извѣстнымъ былевымъ запѣвомъ „Высота ли высота поднебесная“ замѣчателенъ слѣдующій заговоръ отъ ожога (на 194 стр.):

Hoch ist der Himmel,
Kalt ist der Nebel,
Kalt ist die Totenhand
Damit vertreib ich diesen Brand.

Пыпинъ, Ложныя и отреченныя книги въ III вып. „Памятниковъ стар. рус. литер.“ 1862 г. на стр. 167—168 малорусскіе заговоры (изъ Саратов. губ.) отъ зубной боли, лихорадки, младенческой, кликушества и при собираніи травъ.

Ralston, The songs of tfe russian people, 1872, на 357—377 о заговорахъ (по соч. Сахарова, Аѳанасьева и О. Миллера).

Rehor, Lidova lecba u halicskych Malorusŭ, въ Casopis Musea ces. 1891 LXV на стр. 283 заговоръ отъ бѣльма, 285—286 три заговора отъ зубной боли, 292 отъ рака и 296 отъ кровотеченія. Заговоры имѣютъ видъ краткихъ апокрифическихъ молитвъ.

Рише (Шарль), Сомнамбулизмъ, демонизмъ и яды интеллекта, пер. съ франц. 1885, на 384—390 о заклинаніяхъ новаго времени.

* *Романовъ,* Бѣлорусскій Сборникъ, вып. V 1891. Самый крупный въ русской этнографическій литературѣ сборникъ заговоровъ. Всѣхъ заговоровъ и заклинаній 824 №№ (въ Сборникѣ Л. Майкова 372 №№). Заговоры отъ нечистой силы, домоваго и разныхъ демоническихъ существъ, заговоры приворотные и отворотные, охотничіе, на пчелъ, на хлѣбъ, при пожарѣ, заговоры отъ разныхъ болѣзней, обереги скота, заговоры при посадкѣ деревьевъ; въ числѣ заклинаній встрѣчаются оригинальныя заклятія на вино и соль.

Rulikowski, Zapiski etnograf. z Ukrainy, въ Zbiór wiadom. III, на стр. 109—119 заговоры отъ болѣзней, на пчелы и др., всего 23 №№ и заклинательная формула.

Рыбниковъ, Пѣсни, т. IV, 1867 г., на с. 250—272 помѣщено 20 заговоровъ: какъ приворожить молодца и оберегъ, присушки на дѣвицу, наговоръ на недруга, на судей, отъ тоски, притчи, разныхъ болѣзней (грыжи, зубной боли, кровотеченія, суровца, ураза, призора, сумасшествія), четыре обширныхъ оберега скота (книжнаго склада) и свадебный оберегъ.

Савичъ въ „Грамотѣѣ“ 1864 №№ 5—6 краткія замѣтки о заговорахъ, знахаряхъ и колдунахъ.

Садовниковъ, Сказки и преданія Самарскаго края, 1884, на 380 присушки.

Сахаровъ. Сказанія русскаго народа, 1837, на с. 53—97 заговоры.

* *Сборникъ за народни умотворенія* 1889 I 78—96 болгарскіе заговоры отъ разныхъ болѣзней, отъ сглазу и пр., II 170—173 заговоры отъ разныхъ

болѣзней и ночнаго плача дѣтей, III 142—147 большіе заговоры отъ болѣзней и сглаза, IV 95—109 большіе стихотворные заговоры отъ болѣзней и сглазу, V 114—120 своеобразные заговоры отъ сглазу и VI 98—100 нѣсколько интересныхъ стихотворныхъ заговоровъ отъ разныхъ болѣзней.

Sebillot, Les armes, въ Revue d. trad. popul 1891 X на с. 599—600 нѣсколько интересныхъ замѣтокъ о чудесныхъ стрѣлахъ и мечахъ въ древнихъ сагахъ, о заколдованныхъ ружьяхъ, о клятвѣ оружіемъ, о воззрѣніи дикихъ на ружье.

Семивановъ, Этногр. очерки Воронеж. губ. въ „Воронеж. Юбилейн. Сборникѣ“ 1886, на 90—100 заговоры отъ лихорадокъ, зубной боли, червей, укушенія бѣшеной собаки, сглазу (2), кровотеченія (3), отъ порчи со стороны колдуновъ и вѣдьмъ; оригинальные заговоры при опахиваніи отъ эпидемическихъ болѣзней и 4 заклинательныхъ формулы (между прочимъ, саторъ).

Семевскій, М., Торопецъ, въ „Зап. Рус. Геогр. Общ.“ 1864 I оригинальное стихотворное заклинаніе вѣдьмъ.

Семенцова, Сборникъ заговоровъ изъ Кролев. у Черниг. губ. въ IV т. Сборн. Х. Ист. Фил. Общ., всего 20 заговоровъ отъ разныхъ болѣзней.

Серпа Пинто, Черезъ Африку, въ „Вокругъ Свѣта“ 1887, на 411 о заговариваніи пуль.

Siarkowski, Materyały do etnografii ludu polskiego z okolic Kielc, въ Zbiòr wiadom. III 33 заговоръ отъ чаровницъ, 5, 11, 22 при посадкѣ капусты, 25 (чтобы куры по уходили), 50—61 отъ разныхъ болѣзней, сглазу, прогнаніе тучъ, оберегъ скота, заговоры краткіе, стихотворные, религознаго содержанія.

Siarkowski Materyały do etnogr. ludu polsk. z ok. Pinczewa, въ Zbiòr wiadom. IX на с. 48—51 заговоры отъ болѣзней, сглаза, грома, нѣсколько апокрифическихъ молитвъ, на 68—70 отъ чумы и холеры.

Sauvé, Le Folklore des Hautes Vosges, 1889, нѣсколько заговоровъ (см. по указателю на 389 стр.), присушка (с. 46), отъ мертвецовъ (297), эти заговоры очень кратки, простыя пожеланія.

Sauvé, Oraisons, conjurations et gardes des paysans vosgiens, въ Melusine т. III.

Соколовъ А. въ I вып. X т. Извѣстій Казан. Общ. арх., ист. и этногр. 1892 г. на с. 116—117 помѣстилъ 7 заговоровъ изъ книги прошлаго столѣтія „Сказаніе о немощахъ человѣческихъ.“ Заговоры отъ боли головы, зубовъ, лихорадки, порчи и дурныхъ сновъ, во II вып. X т. находится еще 5 заговоровъ—обереговъ отъ злыхъ людей. Въ одномъ заговорѣ упоминается Александръ Македонскій—заговоръ новѣйшій, искусственный.

Сорокинъ (свящ.), Мѣстечко Дмитровка (Херсонской губ.) 1891; 17 заговоровъ.

Спенсеръ, Основанія соціологіи. т. I 104—268 о колдовствѣ, заклинаніяхъ и пр.

Стороженко Н. В. Малорусскія суевѣрія, собранныя въ 1776 г. (изъ рукописи Чепы) въ Кіев. Старинѣ 1892 г. I 119—130 заговоры отъ кровотеченія, червей у скота, ужаленія змѣей (4), отсушка, отъ лихорадки, отъ перелоговъ, отъ сглазу, отъ пожара, чтобы росъ табакъ, заговоры на ружье обереги скота и пчелъ, наговоръ для открытія злодѣянія.

* *Strackerjan,* Aberglaube und Sagen aus dem Oldenburg 2 Bde 1867, Въ первомъ томѣ на стр. 50—112 разсѣяно много заговоровъ отъ разныхъ болѣзней, обереги скота, наговоры при игрѣ въ карты, присушки, при отысквиваніи кладовъ, чтобы отомкнуть замокъ, для отыскиванія похищенныхъ вещей и наказанія воровъ (103), и др.; заговоры очень маленькіе.

Sumlork, Staroceske powesti, hry etc. 1847; во II части въ разныхъ мѣстахъ замѣтки о заговорахъ въ связи съ колдовствомъ.

Сумцовъ, Колдуны, вѣдьмы и упыри, 1891. Библіографическій указатель. По тѣсной связи заговоровъ съ колдовствомъ многія статьи о колдовствѣ, отмѣченныя въ указателѣ, могутъ пригодиться при изученіи заговоровъ.

Сыромятниковъ, Сага объ Эйрикѣ Красномъ, 1890, на 44 замѣтка о вардлоккахъ=заговорахъ—пѣсняхъ.

Сэйсъ, Ассиро—Вавилонская литература, 1879. На 36 стр. о магическихъ формулахъ и заклинаніяхъ халдеевъ отъ болѣзней, злыхъ духовъ, колдовства; сравн. Диллена.

Thiers, Traité des supertitions, 1741, обширный и цѣнный сборникъ разныхъ суевѣрій, между прочимъ и заговоровъ; библіографическая рѣдкость.

* *Тихонравовъ,* Памятники отреченной русской литературы, 2 т. 1863. Во II т. на с. 351—360 помѣщены ложныя молитвы и заговоры, извлеченные большею частью изъ рукописей XV в., XVI—XVIII в.в., родахъ, отъ зубной именно, молитвы отъ лихорадокъ, молитва ап. Павла отъ зміи, молитва при боли, „егда грется вода" и „отъ всѣхъ удъ." Рукописи русскія и сербскія.

Тихонравовъ, Заговоры на оружіе (изъ рукописи 1769—1774 г.) въ Лѣтоп. рус. литер. и древностей 1859 кн. 4 с. 103—105 (всего 4 заговора).

Тихонравовъ, Нѣсколько народныхъ заговоровъ отъ укушенія змѣи и злыхъ людей (тамъ же, т. V 105, 111).

Тихонравовъ, Любовное заклинаніе изъ слѣдственнаго дѣла 1769 г (т. же VI 1859 с. 92). Весьма характерная присушка на совращеніе дѣвицы.

Trede, Das Heidentum in der römischen Kirche, 1—III 1890. Во 2 ч. на с. 177 приведенъ сицилійскій заговоръ отъ укушенія змѣи: „Св. Павелъ

ты колдунъ (Zauberer), убей этого богопротивнаго звѣря и спаси меня сына Маріи", на с. 246—247 замѣтка о заговорахъ отъ сглаза и нѣсколько заговоровъ (изъ южной Италіи).

Трейландъ (Бривземніаксъ), Матеріалы по этнографіи латыш. племени, въ трудахъ Этногр. Отд. Моск. Общ. естеств. XL (кн. 6)—о заговорахъ, врачеваніи и колдовствѣ.

Трублаевичъ, Крестьянскіе заговоры „вроки," въ Подольск. Епарх. Вѣдом. 1868 № 16.

Трусманъ, Полувѣрцы Псково—Печерскаго края, въ „Живой Старинѣ" 1890 I 60—61 о наговорѣ на соль и заговорахъ отъ болѣзней и волковъ.

Federowski, Lud okolic Zarek etc. 1889 2 т. Во II 229—272 о колдовствѣ, урокахъ и заговорахъ; интересенъ наговоръ (244), чтобы чортъ оберегалъ стадо овецъ, заговоръ отъ болѣзней, отъ мышей, формула врачебная (256).

Veckenstedt, Wendische Sagen, Märchen und Gebräuche, 1880. На с. 462—466 напечатано 25 заговоровъ отъ разныхъ болѣзней; заговоры краткіе, христіанскаго содержанія.

Өеокритъ, въ стихотвореніи „Чародѣйка" (въ рус. пер. Сиротинина въ Журн. М. Н. Просв. 1890) находится любовное заклинаніе, или присушка.

Харузинъ (Николай), Изъ матеріаловъ, собранныхъ среди крестьянъ Пудож. у Олонецкой губ. 1889; на с. 12 о различіи между молитвой и заговоромъ; на 14—21 обереги скота—обширные заговоры—молитвы, на 27 заклинаніе вѣтра.

Харузинъ, Русскіе лопари, 1890, на 218 и сл. заклинаніе волковъ, лѣченіе болѣзней, присушка.

Zingerle, Sagen und Heilmittel aus einer Wolfsthurner Handschrift des XV Jahrh., въ Zeitschr d. Vereins f. Volkskunde 1891 II 172—173. Изъ рукописи XV в. извлечены заговоры—молитвы на латинскомъ языкѣ отъ лихорадки, зубной боли, болѣзней глазъ, для облегченія женщинъ при родахъ. Въ этихъ заговорахъ обнаруживается большая профанація священными именами, въ особенности въ заговорѣ на с. 177 (при родахъ).

Cisek, Materyaly etnograficzne, въ Zbiór wiadom. XIII 77 заговоръ отъ пожара.

Чолаковъ, Болгарскій народенъ сборникъ, вып. I 1872, на 114—117 болгарскіе заговоры отъ болѣзней.

* *Чубинскій,* Труды этногр.—статист. экспед. въ зап.—русскій край, въ 1 т. на с. 56 заговоръ при лѣченіи коровы, 60—отъ воробьевъ, 68 обереги скота, 69—74 молитвы (18) и заклинанія (13) относящіяся къ пчеламъ, 85—заговоры на завитки и при собираніи травъ, 91—присушки, 95—къ суду, 96—относительно удачной охоты и воровства, 111—141 заговоры отъ разныхъ болѣзней.

Шавровъ, Въ Сборн. матер. для опис. Кавказа XI ч. II с. 148 заговоръ гурійскихъ шелководовъ отъ мышей

Шишацкій Иличъ, О заговорахъ, въ Черниговъ. Губерн. Вѣдомостяхъ 1858 № 17 (небольшая статья).

Schönbach, Sagen, въ Zeitschr. f. d. Altert. XXIV, 65—82.

Schönwerth, Sitten und Sagen aus der Oberpfalz, въ III томѣ на с. 26, 267, 234 заговоры.

* *Schulenburg,* Wendische Volkssagen und Gebräuche aus dem Spreewald, 1880, на стр. 217—231 заговоры отъ болѣзней, веснушекъ, пожара—небольшіе, съ христіанскими чертами

Щаповъ, Историческіе очерки народнаго міросозерцанія, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1863 №№ 1—7. Въ „приложеніи" заговоры изъ старобрядческихъ рукописей.

Щербина, Наговоры отъ болѣзней у Черноморцевъ, въ Кіев. Старинѣ 1883 № 7 стр. 586 (8 заговоровъ).

Щуровъ, Знахари на Руси, въ „Чтеніяхъ Моск. Общ. ист. и древ." 1867 IV (нѣсколько заговоровъ въ концѣ лѣчебника иноземнаго происхожденія).

Эварницкій, въ Екатер. Губ. Вѣд. 1800 № 43 заговоры отъ присушки, пропасницъ и на пчелы. Перепеч. въ Этнограф. Обозр. 1890, 200.

Эфендіевъ, Нѣсколько свѣдѣній о народной медицинѣ въ Нухинскомъ уѣздѣ Елисаветп. губ. въ Сборн. матер. для опис. Кавказа IX ч. 2 с. 146—заговоръ отъ колотья (обрядный).

Я. К., Въ „Могилевскихъ Губ. Вѣдомостяхъ" 1890 № 46 заклинанія отъ лихорадки, звиху, укушенія змѣи, суроцы (сглазу); заклинаніе ружья; на уловъ рыбы; упоминаются Пептунъ, арх. Михаилъ, Іерема (замѣтка въ Эти. Об. 1891 II 187).

Якушкинъ, Молитвы и заговоры въ Пошехонскомъ у. Яросл. губ., въ Трудахъ Яросл. Губ. Стат. Комитета, вып. V, с. 157—182.

Якушкинъ, О вліяніи религ. вѣрованій на юрид. обычаи, въ Этногр. Обозр. 1891 II 9—заговоръ—молитвы воровъ, 10—молитва къ Ивану Воину при простомъ воровствѣ.

Янчукъ, По Минской губерніи, 1889 г. на с. 13 заговоръ къ мѣсяцу и апокрифическая молитва на сонъ грядущій.

Jahresber. ub. d. Erschein. a. d. gebiete d. germ Phil. I № 306—309, 551—552, 404, 301—302, II № 637—640, 918—20, 985, 986.

Н. Э. Сумцовъ.

Дополненіе. Въ *IV кн. Revue des traditions populaires 1892 г.* напечатанъ 21 заговоръ изъ департамента Сены и Марны; заговоры записаны разными лицами: нѣсколько заговоровъ отъ болѣзней; обереги скота; заговоръ отъ мышей; заговоръ на волка и лисицу; заговоръ на пчелы; заговоры краткіе; одинъ на латинскомъ языкѣ.

Н. С.

18

Черноморскіе заговоры.

Было время, и не такъ давно, когда въ Черноморіи (Кубанской области), на цѣлый округъ (уѣздъ) былъ одинъ окружный врачъ и при немъ фельдшеръ. Врачи и аптеки были въ однихъ только городахъ. Окружный врачъ жилъ тоже въ уѣздномъ городѣ. По обязанностямъ службы онъ постоянно находился въ разъѣздахъ по судебно-медицинскимъ дѣламъ въ станицахъ округа и только въ случаѣ открывающейся гдѣ либо повальной болѣзни на людяхъ командировался въ зараженную мѣстность для прекращенія болѣзни и оставался тамъ нѣсколько дней.

Нельзя сказать, чтобы при повальныхъ болѣзняхъ окружной врачъ ничего не дѣлалъ для спасенія больныхъ отъ преждевременной смерти, отъ холеры, скарлатины, дифтерита и пр., но нельзя сказать, чтобы онъ и лѣчилъ ихъ. Этого труда отъ него нельзя было и требовать. Больные лежатъ по домамъ, разбросаннымъ въ разныхъ концахъ станицы и, если еще стоитъ дурная погода, то не только лѣчить, осмотрѣть больныхъ въ одинъ день, врачъ неуспѣетъ. При такихъ обстоятельствахъ врачъ ограничивается палліативными мѣрами, преподавая больнымъ въ общей формѣ совѣты для лѣченія болѣзни, а больные въ свою очередь принимаютъ его съ равнодушіемъ и даже недовѣріемъ. Были случаи то, что простой народъ даже скрывалъ больныхъ отъ врача.

Причиной къ такому недружелюбному отношенію станичнаго населенія къ врачебному персоналу окружнаго управленія можно было считать что окружный врачъ есть уже своего рода начальство, имѣющее власть приказывать и требовать отъ кого слѣдуетъ исполненія своихъ распоряженій. Уже одно это заставляло станичныхъ жителей сторониться врача—начальника, такъ какъ простой народъ вообще старался держать себя подальше отъ всякаго начальства. Во вторыхъ причиной недовѣрія была невсегда удачная практика окружнаго врача среди сельскаго населенія. Помимо высказанныхъ уже неудобствъ врача и больныхъ при лѣченіи повальныхъ болѣзней представимъ такой случай: Врачъ, проѣзжая по дѣламъ службы станицу, приглашается къ больному жителю. Не имѣя ни времени, ни возможности сосредоточить свое вниманіе и искусство на своемъ паціентѣ и не имѣя подъ рукой нужнаго въ данномъ случаѣ лѣкарства или инструмента, онъ во всякомъ случаѣ не можетъ отказать въ поданіи больному медицинской помощи. И, вотъ при такомъ неудобномъ

визитѣ врачъ по необходимости ограничивается въ трудныхъ болѣзняхъ поверхностной діагнозой и возможнымъ медицинскимъ пособіемъ изъ походной аптечки и лѣкарскаго прибора и потому иногда его совѣтъ или данное лѣкарство не приносятъ желаннаго дѣйствія. Одного такого случая достаточно уже для того, чтобы въ глазахъ простаго народа врачебная наука уронила свое достоинство.

А между тѣмъ народъ все таки нуждался въ врачебной помощи. Не имѣя подъ рукой ни лѣкарей, ни фельдшеровъ станичные жители обращались для исцѣленія своихъ болѣзней къ знахарямъ и шептухамъ, которымъ многіе безусловно вѣрили, тѣмъ болѣе что это были свои, а не казенные люди—какъ окружный врачъ и его фельдшеръ. Если случайно отъ такихъ своихъ лѣкарей больные получали какое облегченіе отъ своихъ болѣзней, то это приписывалось силѣ заговоровъ или цѣлебному свойству простонароднаго лѣкарства; если же болѣзнь не подавалась домашнимъ снадобьямъ и разнымъ нашептываніямъ, то такой неблагопріятный исходъ болѣзни относился къ волѣ Божіей. Значитъ, такъ Богу было угодно!

Нѣтъ сомнѣнія, что между простонародными лѣкарями были и есть люди, правда немногіе, которые знакомы съ разными лѣкарственными травами и кореньями, лѣчебныя свойства которыхъ не отвергаются даже и нѣкоторыми учеными докторами, слѣдящими за простонародной медициной. Такіе лѣкари успѣшно практикуютъ свои медицинскія познанія между простымъ народомъ и въ настоящее время, но знахари и шептухи, бывшіе когда то въ модѣ, въ настоящее время теряютъ уже къ себѣ народное уваженіе. Ихъ вытѣсняютъ теперъ изъ станицъ ученые фельдшера, которые во многихъ уже станицахъ имѣются по найму отъ общества. При фельдшерахъ заведены станичныя, а въ иныхъ лучшихъ станицахъ и вольныя аптеки. И тамъ, гдѣ хорошій фельдшеръ понимаетъ свое дѣло, ладитъ съ станичными жителями и умѣетъ пріобрѣсти ихъ уваженіе и расположеніе, вѣра простаго народа въ врачебную науку крѣпнетъ, станичники привыкаютъ мало по малу къ лѣченію болѣзней фармацевтическими средствами, оттѣсняя на задній планъ прежнія простонародныя снадобья, а шептухи и знахари совсѣмъ теряютъ кредитъ по своей профессіи. Но есть еще и теперъ между простымъ народомъ вѣрующіе въ заговоры болѣзней и прочихъ предметовъ, имѣющихъ особое значеніе въ жизни людей.

Въ давнее время мнѣ удалось собрать нѣсколько такихъ заговоровъ которые и помѣщаю здѣсь, въ томъ убѣжденіи, что тѣ или другія народныя повѣрья небезинтересны для науки.

Отъ пристріту. [1])

Прочитавши молитву „Отче нашъ“ говорить надъ больнымъ:

Господи поможи мнѣ святый Николай угоднику Божій, Пресвятая Дѣво Богородице и вси ангелы, архангелы, Гавріиле, Михаиле, святый священнѣйшій Антонію поможи и благословы сію молитву читаты нарожденному, молитвенному, хрещеному рабу Божому (имя) отъ пристріту шептаты: при-

[1]) Болѣзнь *пристрітъ* нечто иное какъ сильная лихорадка простуднаго свойства, бросающая больнаго въ жаръ и горячешный бредъ.

стрітъ пристрітище, уроки урочища и батьківъ и материнъ, чоловічій, жіночій, парубочій, дівочій, хлопячій, дівчачій, вдівцівъ, вдовиный, старечій, бабьячій, подуманый, погаданый, призореный, приговореный, прелюбованый, нагляненый, засміщеный, вітряный, огненый, пожежный, димовый, водяный, денный, ночный, вечерній, полуношный, світовый, шляховый, варменскій, арменскій [1]), жидивскій, попівскій, дяківскій, турскій, прускій и донскій, я тебе вышіптую пристрітъ изъ волосу, изъ голосу, съ карихъ очей, съ білыхъ плечей, и зъ рукъ, и зъ нігъ, и зъ нігтівъ и съ панігтівъ, съ пальцівъ, суставцівъ, жилъ, полужилъ, изъ семидесяти семи суставъ, тутъ тобі не стояты и не гуляты и не буваты, жовтоі кости не ломиты, бѣлого тіла не сушиты, червоноі крові не палиты, синихъ жилъ не вялиты и щирого сердця не нудиты нарожденному, молитвенному, хрещеному рабу Божому (имя). Я тебе пристрітъ вишіптую и вызываю и выкликаю, и ссылаю на очерета, на болота, на воды на гнилі колоды, тамъ тобі смашне видиханне и легке спочиванье изъ нарожденного, молитвенного, хрещеного раба Божого (имя). Якъ зінському щеняті по міру не ходиты, міру не заживаты и людей не видаты, такъ сей лютій болізні пристрітові тутъ не стояты въ нарожденному молитвенному хрещенному рабу Божому (имя).

Отъ крикливцівъ. [2])

Зорі, зоряниці, вас три сестриці, одна вечірняя, друга полуношна, а третя світова, у васъ дочка Одарочка, а у мене сынъ (имя) [3]) возьміть своій дочці Одарочці крикливці, плаксивці и безсонниці, а міні нашлить сонъ изъ усіхъ сторонъ нарожденному, молитвенному хрещеному рабу Божому (имя) [4]).

Отъ вивиха.

Іхала Діва Марія шестерьма конями, шестерьма волами и стрівъ ні самъ Господь Богъ. Де ты ідешъ Діво Маріе шестерьма конями, шестерьма волами. Иду я до нарожденнаго, молитвеннаго крещеного раба Божого (имя) жилу на жилу натягаты, а кость на кость наставляты, суставъ на суставъ направляты. Сотвори Господи Царя Давида и всі кротости его. Стань ты міні Господи отъ вивиху шептаты нарожденному молитвенному хрещеному (имя). [5])

---

[1]) Въ Черноморіи Армянъ простолюдины зовутъ *вармени*, отсюда и слово варменскій слѣдующее же арменскій, по всей вѣроятности, выражаетъ въ искаженномъ видѣ, какъ и первое, *арменскій*.

[2]) Болѣзнь эта выражается тѣмъ, что дитя не спитъ и плачетъ.

[3]) Если больное дитя женска пола тогда говорится вмѣсто Одарочки—Василь и далѣе тоже „возьмить" своему сыну Василю „крикливці."

[4]) Молитва эта читается надъ больнымъ ребенкомъ на открытомъ воздухѣ, подъ звѣздами.

[5]) Читая эту молитву направлять вывихнутую часть больнаго.

Отъ волосу.

Господи поможи рабу Божому (имя) волосъ виливаты. Волосъ прошу я тебе на колосъ, тридевять волосівъ прошу я васъ на тридевять колосівъ. Прошу и сухый, и сивый и синій и курячій и гусячій, журавлиный, лебединый, и звіря лютого, и птиці летячої неисказанно отъ волосу шептаты [1]).

Отъ сухітъ.

Взявши больное дитя идти въ церковь, причемъ неоглядываться и ни съ кѣмъ неговорить. Пришедши въ церковь положить больное дитя предъ иконами и говорить:

Здорові святі мощі, дайте тіла на кості нарожденному, молитвенному, хрещеному рабу Божому (имя), а не дасте тіла на кості то возьміть и сі собі кості нарожденнаго, молитвеннаго хрещеного раба Божого (имя).

Примѣта. Если дитя заснетъ дорогой на обратномъ пути, то скоро умретъ, если же не спитъ то выздоровѣетъ.

Отъ кольки.

(Тотъ же, что и отъ пристріту, буквально сходный).

Отъ порухи [2]).

Поруха порушище, перепой перепоище, переполохъ переполошище, уроки урочища, будешъ ты спрацеванный [3]), будешъ ты не вымовленый, будешъ ты въ порогахъ [4]), будешъ ты въ кульшахъ, будешъ ты въ череслахъ, будешъ ты въ прижахъ, будешъ ты въ поперецi. Іосифъ святый ишовъ золотникъ за ручку вівъ, на місті становивъ, на престолы ступавъ, Господа Бога прохавъ: стань же ты на місті на своімъ становищі, де тобі Христосъ позволивъ стояты. Сынъ Божій, Пречиста святая вслідъ ишла, мосты мостыла золотникъ за ручку вела на місті становила, навколюшки припадала Господа Бога прохала. Тихенько, легенько золотникъ на місто идеть, такъ тихонько, легенько перце по Дунаю пливеть. Тутъ тобі не стояты, порогівъ не заступаты, крижа не лупаты, головы не палиты, серця (имя больного) не нудиты, и поки ты гуляла, и поки буяла, поки я тебе незнала, самого Хреста на помічъ не призывала. Пречиста святая своими руками брала и собирала, и шептала и

---

[1]) При этомъ заговорѣ льется теплая вода сквозь хлѣбныя колосья на больной палецъ. Это повторяется нѣсколько разъ

[2]) Порухой считается боль въ животѣ происшедшая отъ натуги или чрезмѣрнаго скачка.

[3]) Отъ трудовъ. *Praca*—трудъ. (съ польскаго).

[4]) Порогами называются у женщинъ нѣкоторыя кости.

вышіптовала и ссылала на тростя на болота, тамъ тобі житы и буяты и роскоши маты [1]).

Отъ зубивъ. [2])

Увидѣвши первый разъ народившуюся луну читать три раза: Місяцю молодище на тімъ світі бувавъ, мертвого народа видавъ. Уіхъ зубы неболять; дай Богъ щобъ и въ мене неболилы.

Отъ корчія. [3])

Помолившись Богу взять въ чашку непочатой съ колодца воды т. е. первый разъ съ ведра и эту воду наговаривать слѣдующей молитвой. (Воды берется тридевять ложекъ).

Ішовъ Авраамъ и зъ сыномъ и несли шину заліза и зостріли 77 идольскихъ дочекъ. Де вы грядете!—Уміръ людей скушать. Возьми сыну Сакію шину заліза, то побій идольскихъ дочекъ. Не бій же насъ Аврааме и ты сыну Сакіе хто буде Христову заповідь знаты то не будему довику и до смерти нарожденнаго молитвеннаго хрещеннаго (больного имя) божьего человіка займаты. [4])

Тоже.

Въ горѣ Синайскѣ и бысть яко часъ дня зряще море чорное и бысть шумъ съ небесъ и абіе Ангелъ господень съ небесъ сшедъ имѣяй руци ледяныя, въ рукахъ держитъ оружіе пламенное и сшедъ часъ возмутися вода и сіе изидоша седмь женъ, видѣвши вѣрныя ратныя: первая отъ нихъ жолтая яко цвѣтъ дубравный, вторая яко трава зеленая, третья синяя яко море возмущенное, четвертая яко облакъ трясущаяся, пятая яко левъ зубами гризущая, шестая яко огненная и тайная отъ нихъ горшая и лютая и изидоша изъ моря и абіе биша невидимая сила ангелъ господенъ. И падоша ницъ и возопиша гласомъ веліемъ яко громъ колеблющійся кличетъ ихъ ангелъ господенъ бити. Тако анцихристова окаянные яко имена Ваши? Тогда отвѣща одна изъ нихъ трясущаяся: Ангелъ господенъ страшенъ есы и нужно тебѣ повѣдати новѣ на земли именъ нашихъ, но прияуди насъ страшная твоя сила и повѣдали: есть ми Ироди царя Іудейска. А ты окаянная не вжитая яже удавиши главу Іоанна Предтечи и ты испросиша, несоша главу яко яблакомъ на блюдѣ? И пошедши ми по смерти отца нашего плакаты по немъ и абіе зѣнула земля и пожерла насъ. Отецъ же нашъ Сатаніилъ посылаетъ оттель мучити рода человѣческаго, а зовуть насъ трясовища мы: 1-я Нешлѣя, 2-я Растлѣя, 3-я Арфека, 4-я Палѣя, 5-я Желѣя,

---

[1]) Читая этотъ заговоръ шептуха правитъ животъ больной.

[2]) Отъ появленія зубной боли.

[3]) Корчіемъ въ Черноморіи называется *лихорадка*.

[4]) Наговоренной водой больному обмываютъ лицо и даютъ пить.

6-я Лилѣя и 7 Невѣя. И рече имъ ангелъ Господенъ: заклинаю васъ окаянныя сими именами вашими, да неприкасайтесь съ діаволомъ отцемъ вашимъ къ рабу божьему (имя) которыя имена *написаны* будутъ въ молитвѣ сей имени святого Архистратига Михаила и святого отца Сисоя, ему же рече ангелъ Господень видѣлъ еси Сисое трясовицъ окаянныхъ и имена ихъ написанныя и начать имъ глаголаты даде ему и тако ангелъ Господень взыде на небо и нача глаголати сватый отецъ! Заклинаю васъ окаянныя именемъ Архистратига Михаила и того ради о вы трясовицы ваше написаніе, есте Нешлѣя, Растлѣя, Арфека, Палѣя, Желѣя, Лилѣя, и Невѣя; и паки отвѣща имъ ангелъ Господень сшедши съ небесъ: Богъ есть страшный и сильный, онъ все видить, сказываю вамъ окаянныя проклятыя отселиться и услишите имя архистратига Михаила,—гдѣ будетъ припомянуто, или написано, неприкоснится къ человѣку, или къ дому его, кто живетъ или прочитаетъ молитву сію рабу Божіему (имя) въ помощь. И далъ имъ по тысячи ударовъ, заклинаетъ ихъ и отгоняетъ отъ раба Божіего (имя). Помянемъ отца и сына и святаго духа аминь [1]).

Тоже.

Праведнаго съ похвалами тебѣ же довлѣеть свидѣтельство Господне, Предтече показалъ бо ся еси воистину пророковъ честнѣйшихъ, яко въ струяхъ крестити сподобилъ еси проповѣднаго, тѣмъ же за истину пострадалъ еси. Радуйси Благовѣстникъ еси о сущимъ во гробѣ Бога явившагося плотію вземлющаго грѣхъ міра и подающаго намъ велію милость.

Вышло изъ моря семьдесятъ семь дѣвицъ простоволосіи, растегненныя, росперезанныя, встрѣли ихъ херувими и серафими. Что вы за дѣвицы?—мы дѣвицы царя Ирода трясовици. Де вы идете—мы идемъ къ рабу Божому (имя больного) тѣло его трясти, кости его ломать, кровь его сушить. Херувими и Серафими взяли они по 77 прутовъ желѣзныхъ и дали имъ по 77 ранъ кровавихъ. Заречемся и заклянемся къ рабу Божіему (имя) болѣ къ нему ходить тѣло его трясти, кости его ломать, кровь его сушить, вовѣки вѣковъ аминь [2]).

Отъ гадюки.

На морі на океяні на острові на буяні тамъ лежитъ бѣлъ горючь камень, подъ тѣмъ камнемъ лежатъ три зміи скорпіоны, первая Марина,

[1]) Этотъ заговоръ практикуется только грамотными знахарями. Весь заговоръ списывается на бумажку, привѣшивается на шею больному въ завороченномъ и сложеномъ видѣ и носится до виздоровленія. При этомъ строжайше запрещается разворачивать и читать заговоръ, подъ опасеніемъ усиленія болѣзни. Послѣ выздоровленія отъ лихорадки бумажка сожигается или же истлѣваетъ и распадается сама на шеѣ больного при долговременной болѣзни.

[2]) Этотъ заговоръ тоже списывается на бумажку и въ сложенномъ видѣ привѣшивается больному на шею, чрезъ три дня сожигается и зола выпивается въ чаѣ больнымъ, въ другой и третій разъ повторяется тоже, чрезъ 6 и 12 дней.

вторая Катерина, третья Прасковея. Я вамъ приказываю вылижить жилэ съ раба Божого (имя укушеннаго) щобъ кости жовтоі не ломило, серце не боліло, а якъ не вилижете то я васъ побью и на кострі сожгу.

Тоже.

На морі на лукоморі стоявъ дубъ кошлатый, волохатый, гильюватый гильямъ высокій, листомъ широкій, на дубові сидить гадюка царица высторопиця, пришли къ ней гадюки сотницы, полковницы, атаманицы и хорунжіи и всі просятъ ее гадюки: царица высторопиця просты насъ и благослови насъ. Я васъ не простю и не благословлю, вы гадъ мазючій, кусючій, жовтожилый, жовтоязычный, жовтоспиный, жовточеревый, жовтозадній, сірый, чорный, куцый, сліпый, рябый, половый и верепілониці и всі поки не выймете зуба зубища жила жилища, изъ его [1]) жовтоі кости нарожденнаго молитвеннаго крещеннаго раба Божого (имя укушеннаго) [2]) изъ его очей, изъ его плечей, изъ его нигъ, его головы, изъ его рукъ, изъ его тридевяти суставівъ, изъ его тягучихъ жилъ. (Если заговоръ животному то чтобы оно не ударило заговорщика говорится: „заступи, сохрани и великдень покажи").

Отъ крови.

Господи Ісусе Христе я рабъ твій буду кровъ замовлять, Пресвятая Богородица будетъ своимъ духомъ помогать, духъ Божій, Пресвятая Богородица съ каменою дійницею, до каменоі коровы, коровы не доіла, рабу Божому нарожденному, молитвенному, крещенному (имя) кровъ перебила у жилахъ и въ гожилахъ въ румянномъ лиці, въ корыхочахъ руда.

Отъ суда. [3])

На судъ я нейду, а іду чорнымъ воломъ, щобъ моимъ врагамъ и супостатомъ языкъ ставъ коломъ.

О лошади. [4])

Помяни господи царя Давида и кротость его яко Господь укротилъ небо и землю такъ укроты (такой то масти) коня, яко Господь укрѣпилъ небо и землю, огонь и воду чтобъ такъ укрѣпился подо мною конь (такой то масти) желтой, чорной крови. Ходивъ царь по землѣ и воевалъ всѣ земли, яко не могли на царя Давида рукъ снимати чтобы такъ не могъ (какой то масти) конь жестокаго сердца имѣти; яко сіи земли предъ царя Давида

---

[1]) При семъ шептуха указываетъ на укушеннаго.

[2]) Если укушено зміей животное то вмѣсто словъ нарожденнаго и пр. говорится такой то масти, (какая укушеннаго животнаго).

[3]) Чтобы быть правымъ на судѣ, читается этотъ заговоръ три раза безъ передышки ступивъ ногою на порогъ суда.

[4]) Этотъ заговоръ читается при первомъ ученіи лошади верховой ѣздѣ.

преклонились что бы такъ (такой то масти) конь предъ меня преклонился; якъ сіи земли царя Давида не убивали то чтобы такъ нарожденнаго, хрещеного раба Божого (имя сѣдока) не убивалъ и фоста не поднималъ.

За симъ читается молитва „отче нашъ".

Отъ любощивъ. [1]

На морі на океяні на острові на буяні тамъ стоить баня, въ тій бані есть доска, то ви черти и получерти подимите доску принисите тоску то ми ее вдунемъ [2]) и вставимъ рабѣ или рабу (имя очаровиваемаго) чтобы она по мнѣ рабу (имя очарователя) тосковала и съ ума не спускала. Такъ какъ малому ребенку отъ материной груди трудно отставать то такъ чтобы ей раби (имя очаровиваемой) труднійше по мині рабу (имя очарователя) тосковать.

Отъ пули и шашки.

Исходилъ Іусъ Христосъ съ небесъ и сносилъ тридевять три разы своихъ ризъ и животворящий крестъ, пелену свою, прикрывалъ тридевятьма тремя ризами тридевять три земли, прикрой и меня раба Божіего (имя заговорщика) отъ трехъ-девяти трехъ пуль свинцовыхъ, отъ трехъ-девяти трехъ мечей, отъ трехъ-девяти трехъ колдуновъ и отъ трехъ—девяти трехъ колдуницъ и вовѣки аминь. [3])

Предъ этимъ заговоръ читается псаломъ „живый въ помощи вышняго.."

Тоже отъ пули и другаго смертопоснаго оружія [4]).

За тебе Господа Іисуса Христа сына Божіего единороднаго и за твою молитву пресвятую заступился мимо минъ, коронъ отвертай полки и огонь туманомъ покрывая и святаго архистратига Михаила на помощь призывая тысящи тисящей непріятелей громомъ блистаніемъ цобивая. Яко не можетъ желтый камень съ черного моря на верхъ вывертати такъ не можетъ мене раби Божіего нарожденнаго молитвеннаго хрещеннаго (имя) изъ семипядной пищали пробиты и ни острымъ мечемъ урубиты, тѣло каменное, жилы мѣдныя, серде пламенное. Порохъ земля свинецъ смола, цінь [5]) смола и желѣзо земля и сохрани меня Господи отъ полка огня острого меча и копія и все православное воинство сіе, которое вижу предъ очима моими сего дня пріятелей моихъ аминь. [6])

---

[1]) Желая кого заставить полюбить себя наговариваютъ симъ заговоромъ яблоко, конфектъ, вино или закуску которое даютъ желанному предмету скушать или спить.

[2]) При этомъ словѣ очарователь дуетъ въ наговариваемый предметъ.

[3]) Заговоръ этотъ читается предъ сраженіемъ съ непріятелемъ.

[4]) Заговоръ этотъ произносится при выходѣ въ походъ противу непріятеля.

[5]) Цінь—значитъ *олово*, изъ польскаго *cyna*.

[6]) При послѣднихъ словахъ заговорщикъ смотритъ вокругъ себя на товарещей и кого увидитъ то и тѣ принимаютъ силу заговора отъ пораженія непріятелемъ.

Тоже.

Святый архистратигъ Михаилъ и Гавріилъ дай мнѣ свой святый щитъ и свою святую копію твоимъ святымъ защитишася и твоею святою копіею непріятеля побѣдити. Лѣта соколъ по сонцу не можетъ сонце крылъ пошмалить, заспоривъ жестокій огонь и съ лютымъ морозомъ, неможетъ одинъ одному покориться, однакъ морозъ большую силу мае, хоть на якихъ быстрыхъ рѣкахъ мосты постила, такъ же и я рабъ Божій нарожденный молитвенный хрещенный (имя) отъ непріятеля большую силу мою персы и грудь свою выставляю. Когда бъ я мавъ на Сіонской горѣ и съ сильнымъ Самсономъ нічъ ночуваты и за плотю держаты тогда будетъ непріятель на войнѣ съ пищали мечемъ и копіемъ серце мое пробиваты и кровь мою проливаты.

Заговоръ этотъ повторяется тридевять разъ и послѣ каждыхъ девяти заговорщикъ махаетъ правой ногой навкрестъ, въ концѣ говоритъ: Аминь, аминь, аминь сему слову, уводу ключъ и замокъ у ротъ.

На побѣду врага.

Помощію архангела Михаила и заступленіемъ всѣхъ воиновъ небесныхъ ихъ именемъ да поперу непріятелей нашедшихъ самъ невредимъ буду пулею пушечною, пулею мушкетною, свинцовою, желѣзною, спишевою, серебряною и всѣми припасами воинскими, бомба сила пушечная стой—тебѣ глаголю Божіемъ повелѣніемъ запрещено стой, стой, стой. Во имя Господа Саваоѳта не спалы, да станете неподвижными якъ гора каменная неподвижется въ вѣки аминь. [1])

Послѣ этого окружающіе заговорщика воины сидящіе на лошадяхъ должны подняться на стремена,-высыко нести знамя и на всѣхъ похилить, а потомъ заговоръ продолжается.

Путешествую архангеле Михаиле своею непобѣдимою силою и заступай всѣхъ сколько сила моя возможе заглянуть окомъ, шумомъ постигну, духомъ заслышу, невредимъ буду непріятелемъ моимъ якоже невредженъ царь Давидъ отъ Висолома сына своего, обвѣшенъ на древѣ судьбами Божіими аминь.

П. П. Короленко.

30 Апрѣля 1891 года.
г. Екатеринодаръ.

---

[1]) Заговоръ этотъ относится болѣе къ лицамъ командующимъ отдѣльными частями войскъ, которые заговариваютъ отъ пораженія непріятеля не только себя, но и своихъ подчиненныхъ, которыхъ видятъ своими глазами.

Заговоры изъ Городищенскаго и Черниговскаго уѣздовъ Черниговской губ.

Заговоръ отъ зубной боли.

Если у кого болятъ зубы, то нужно каждый разъ, какъ увидишь молодика проговорить 3 раза слѣдующее:

„Добридень, мѣсяцу!"—Здаровъ.—„Чи ты бувъ на томъ свѣти?"—Бувъ.—„Чи бачивъ ты мертвыхъ?"—Бачивъ.—„Чи болять у ихъ зубы?"—Нѣ, не болять.—„Помолись же, шобъ и у менѣ раба Божага (имя рекъ) не болѣли."

Это нужно дѣлать ежемѣсячно, хотя бы зубы и не болѣли.

Пародія на заговоръ отъ зубной боли.

Если хотятъ пошутить надъ кѣмъ нибудь, то шутникъ говоритъ, что онъ знаетъ заговоръ отъ зубовъ и заставляетъ больнаго (въ компаніи конечно) повторять за собою по предложеніямъ слѣдующее:

Шутникъ. Стоитъ гора.

Больной. Стоитъ гора.

Ш. А на горѣ дубъ.

Б. А на горѣ дубъ.

Ш. А пудъ дубамъ вовкъ.

Б. А пудъ дубамъ вовкъ.

Ш. Якъ той вовкъ скудглить.

Б. Якъ той вовкъ скудглить.

Ш. Шобъ я такъ рабъ Божій....

Б. Шобъ я такъ рабъ Божій.

Ш. Изъ зубами скугливъ.

Больной сгоряча, не разобравъ смысла, повторитъ иногда и послѣднюю фразу, а потомъ—разсмѣется или выругается, глядя по человѣку и по настроенію.

Для останавливанія крови.

Ѣхавъ Илля на конѣ, тіогъ ноги па землѣ; ноги пуднявъ—кровъ сунявъ. (Город. уѣздъ).

Засоривши глазъ, дѣти говорятъ:

„Вавчокъ, вавчокъ! выми парушокъ, а не вымешь самъ изгинешъ."

(Черниговскій уѣздъ).

Одъ шуляка.

Дѣти кричатъ: Шулякъ летить, голова болить. Заплющь очи на чотырі ночи, щобъ не бачивъ ни курченяты, ны гусеняты. На наши не летай, а поповы похватай! (Нѣжин. уѣздъ).

Щобъ кваша не вдалась.

Приговариваютъ: «ходыть вынныкъ по вынныці, буде кваша въ помыйниці". Такъ дѣлаютъ, если хотятъ сдѣлать непріятность хозяйкѣ.

(Тамъ же).

Щобъ кваша вдалась.

Якъ ставять на піч, то приказуютъ: „Медъ—гу! Медъ—гу!."

(Тамъ же).

Щобъ дощъ ишовъ.

Дѣти припѣваютъ.: Дощику, дощику! Зварю тоби борщику въ маленькому горщику, да поставлю на дубочку; дубъ повалился, горщикъ розбився." (Тамъ же).

При встрѣчѣ съ волками.

Нужно произнести громко чье нибудь имя, напр. Андрію! а иди сюды! то волки и убѣгутъ. (Тамъ же).

(Собраны М. Гавриловымъ, переданы П. С. Ефименкомъ).

Сборникъ Ирины Антоновны Семенцовой, доставленный изъ с. Будницъ Кролевецкаго уѣзда Черниговской губ.

Заговоръ отъ живота, когда матка не на мѣстѣ.

Господу Богу помолюся Матери Божой поклонюся, Господи благослови Мати Божа поможи! Дай Господи, часъ добрый и день господній! Самъ Господь основавъ, Мати Божа осадила, да на мѣсти животъ становила.

Ийшли три брати животивъ подбирати, йшла Божая Мати золотимъ мостомъ нашла Божая Мати золотъ перстень, Золотникъ залотниче! Стань ти на своимъ мѣсти якъ царь на золотимъ креслі—якъ народився, такъ и окоренывся, я тебе одбовляю и одмовляю и одговарую (при этомъ потихоньку подбираютъ животъ кверху). Тутъ тоби ж стоять и костей не ломать и корня не пускать! Не одъ мене помощъ—одъ Господа, Богъ зъ помощью, а я зъ ричью: Господа Бога тружу молитву творю. Станьте на помощъ святи Святитель Николай скорий помищникъ Божій угодникъ! Поможи й благослови, да на мѣсти животъ станови.

Заговоръ отъ безсонницы у дѣтей.

Если маленькія дѣти не спятъ ночью или безпокойно, то ихъ несутъ подъ сідало (на шестъ), гдѣ ночуютъ куры и, принесши туда, говорятъ.

Добрій вечоръ курици! Возьміть отъ нарожденнаго, хрещенало раба Божія (имя, рекъ) ношныци, полуношныцп, плакси крикси—наслани, наговорени, крильцями розмахайте, головками отспивайте а нарожденному, хрищеному рабу Божому (имя-рекъ) сонъ дайте. Дай Христе Боже, помищъ! Щобъ спало и хотіло, росло й не боліло!

Заговоръ отъ звиху.

Ѣхавъ Іисусъ через мостъ на сѣромъ коні; конь сѣрий, самъ бѣлый. Конь спотквувсь—суставъ на суставъ наткнувсь.

Слова эти говорятся три раза; при этомъ потягиваютъ вивихнутое мѣсто и дуютъ на него.

Заговоръ отъ гадюки.

На мори, на окіяни стоявъ дубъ, а въ томъ дуби гнѣздо, а въ томъ гнѣзди изъ семи дубовъ вѣтье и царь Египетъ и три царицы: царица Марина, царица Катерина, царица Шкарупѣта. Вчувайте вси гадюки! катора вкусила, зло учынила; чи гноева, чи гаева чи борова, чи овинна, чи крапивна, чи подева, чи межева, чи зъ вітру, чи въ буру нанесена; чи наслана, чи подумана, чи приговорена, Идить—свой золотый зубъ выймайте и ядъ закращайте; а не будете выймати—будемъ соцкаго посылати на страшний судъ иззивати, осиковимъ коломъ прибивати.

Повторить три раза.

Заговоръ отъ зубовъ.

Мѣсяць на небі, червякъ у дубі, щука у морі, заяць у лѣсі, камень у воді, мертвець у землі, чатыре брати у пол. Якъ тимъ усімъ братамъ не збіратись, такъ моимъ зубамъ не розболятись.

Отъ зубной боли.

Червякъ у дуби, каминь у мори, мисяць на неби, колы ти тры браты зійдутьця вкупи на снидапье снидаты, на обидъ обидаты и на вечерю вечеряты, то у рожденнаго, молытвенного и крещеного раба Божого N. будуть зубы болиты. г. Валки.

(Протоколъ Харьков. Статист. Комит. 24 Ноября 1870 г.)

Отъ зубной болѣзни.

Лѣкарка беретъ лошадиную голову и начинаетъ мять больныя десны у своего паціента снаружи, приговаривая.

Заря вечерняя прости рабу Божію N. какъ у этой головы зубы не болятъ и не щемятъ; такъ бы у раба Божія N. не болѣли и не щемили отъ нынѣ и довѣка (Самар. Епарх. Вѣдомости 1873, Nz. обычаи и повѣрья прихожанъ с. Барпновки, Бузулук. у. стр. 63).

Заговоръ отъ лишая.

Больнаго, у котораго лишай, ставятъ около дымника, и при этомъ приговариваютъ:

Лишай, лишай! Я тебе визиваю, зъ густимъ димомъ висилаю! Дымомъ выкатись, вѣтромъ рознесись на топкія болота, тамъ тобѣ куститься, тамъ тобѣ корениться, тамъ тобѣ и буты; тамъ тобѣ и постель мьягка, тамъ тобѣ и тепла; тамъ тобѣ зоставаться и до такого-то (имя рекъ) не вертаться.

Заговоръ отъ причины (падучей болѣзни).

Господу Богу помолюся, Спасителю Небесному; я зъ рѣчью, а Богъ зъ помочью! Помощь моя отъ Господа, сотворшаго небо и землю.

Ишовъ чорний моръ [1]) черезъ чорний боръ, да найшовъ чорну сѣть, да взявъ начорни плечи, да пишовъ чорною дорогою, да прійшовъ къ чорному морю, да закинувъ чорную сѣть, да вловывъ чорну плотку и вкинувъ въ чорний мѣхъ, взявъ на чорни плечи, принисъ въ чорну хату, положивъ на чорну лавку и оскребъ чорну плотку, вкинувъ въ чорний горщокъ и затопивъ чорну пѣчь, засвітивъ ясну свічъ, якъ свіча погасилась, такъ щобъ въ раба Божого (имя рекъ) вся боль утушилась.

Говорятъ безъ отдыха.

Заговоръ отъ крови.

Йшло три царици, несли вони йголку и ниточку шовку, йголкою шили, шовкомъ зашивали и раба Божого (имя рекъ) кровъ замовляли.

Заговоръ отъ крови.

Йшовъ попъ по воду, розбивъ глекъ на леду! вода розлилась—кровъ унялась.

Заговоръ отъ крови.

Ходили три брата на войни, сіклись-рубались, кровъ проливали; пришла Божа Мати-кровъ замовляты.

Заговоръ отъ крови.

Ѣхавъ Іисусъ Христосъ—поймавъ овцу, знявъ рунце, заткнувъ жрелце, нехай красна и горяча кровъ нетече.

---

[1]) Въ другомъ варіантѣ: йшовъ чернецъ.

Заговоръ отъ бѣльма.

Якъ облака на небі, а ми на земли—облака изидить, нечисть зъ очей слезою горячею скотить, небесными силами, Господними духами! Не мій духъ—Господень духъ! Не одъ мене помощъ—одъ Господа Бога! Къ Господу Богу прибѣгаю, всѣхъ святихъ на помощъ призываю: Всѣ святіи помозить и всякую нечисть зъ очей згонить й слезою горячою скотить (имя рекъ).

Отъ бѣльма.

Іхавъ Кузьма и Демьянъ на лукоморію. Іхалы воны тремя киньмы однымъ білымъ, другымъ сывымъ, третьимъ воронымъ. За ными лытілы тры орлы, тры соколы. Одынъ дряпнувъ, другый куснувъ, третій бильмо розбывъ у рожденного, молитвенного и крещенного раба Божія N.

г. Валки.

(Протоколъ Харьков. Стат. Комитета 24 Ноября 1870 года).

Заговоръ отъ очей.

Ѣхавъ Лазаръ, ѣхавъ Іисусъ Христосъ. За ими бігло три собаки: одинъ бѣлый, другій сѣрый, трейтій красний. Красний собака вилизуе красную кровъ ти кровъ вилизуй и більмо изгоняй! Не я помагаю—Матиръ Божую призываю. Божая Мати помагае, котора Іисуса Христа родила, котора его кормила и сповівала и купала и колихала, нарукахъ носила и его просила, всему роду Християнскому помощъ давала, немой духъ помагае, а духъ Божій.

(При этомъ дуютъ въ глаза больному).

Заговоръ отъ сглазу.

Пресвятая, милосердная, единосущная, нераздѣльная Троице, помилуй раба (имя рекъ). Изошли отъ раба твоего болѣзни и пристриты и уроки и подуманы и посмѣяны и приговорены, и отъ примову и отъ проклену, и родимець и дітынець и сплымникъ [1]) и вѣтромъ и бурою нанесены, и сонешны и мѣсешны и отъ испуга находящая болѣзнь; чоловѣчи уроки и жиночій, паробочій, и дѣвочій, хлопчачій, и дѣвчачій, и отъ батька и отъ матери ихъ пристритъ, ихъ прокленъ и испугъ. И одошлы, Господи, сіи болѣзни на быстри воды, на бѣли пески; тамъ имъ буде гулянье, у водахъ купанье, на лозахъ хитанье, и въ песку мьякке спочиванье. А въ раба (имя рекъ) не буваты більшъ болѣзней сихъ; голові не болíты, шуму не шумѣты, мозку не кружиты, серца не тошниты, грудей не стисняти, пить и ѣсть не запрещаты, криви не разжигаты, кости не

[1]) Дѣтская болѣзнь.

ломиты, не сушиты, не печалиты, у болѣзнь и досаду не приводиты, отъ сна не разбужати, и живота не здувати и носа не закрывати и диханія не прекращаты, помощь моя отъ Господа, сотворшаго небо и землю.

Заговоръ отъ червей.

Ишли три брати, усі три Кондрати и несли (называютъ ту часть тѣла, гдѣ развелись черви) съ червями. Було червей восемъ—стало семь, було семь—стало шесть, було шесть—стало пьять, було пьять—стало чатыре, було чатыре—стало три, було три—стало два, було два—ставъ одинъ, бувъ одинъ—стало не одного.

Слова эти произносятся не отдыхая.

Заговоръ отъ звѣря (волка).

Маты Божія, Пресвятая Покрова на скалі стояла, святымъ омофоромъ мою скотину (при этомъ говорится какая скотина и какой масти) покривала, святого побѣдоносца Григорія къ собѣ на помощъ звала; щобъ святой Григорій уполночъ ставъ и всимъ звѣрямъ вовкамъ зуби замыкавъ и мою скотину защищавъ.

Заговоръ отъ перелоговъ у скотины.

Йшли три брата, всі три Кондрата, да найшли рукавицю. Одинъ каже рукавиця, другий каже—отроковиця, третій каже: я вишиптую, я визиваю, я висилаю—одъ голови и до хвоста, зъ хвоста, зъ костей, зъ шерсти, зъ масти (называется масть скотины), зъ жилъ, зъ суставовъ, тутъ вамъ перелоги не стояты, костей не ломаты, а йти въ темный лісъ гнилои колоди шукаты и тамъ оставаться, до скотини не вертаться, дай, Христе Боже, помочъ!.

Заговоръ для Вабильщика.

(При охотѣ на волковъ, записанъ въ 1823 г. отъ доѣзжачаго Забороцкого Тверской губерніи.)

Земной пророкъ лѣсной Царёкъ идолъ волковъ обви и покажи раба *такого то:*, своихъ волковъ (отступи три раза назадъ). Замкну и заключу лютого звѣря, окружу же островъ три раза вдоль ивпоперекъ, неудетъ нашъ волкъ (говорить трижды). Утверди и укрепи земной пророкъ замки и заключи лѣсной царёкъ идолъ волковъ, отъ девяти волковъ завязаны девять ногтивъ въ девяносто девять узловъ (гов. трижды).

(Доставленъ М. Д. Линдой).

Отъ крикливцивъ.

Крикливцы плакливцы денные, ночные, полуночные, вечерніе, ветряніе, невымовчаны, насланные, премовлены, прелюбно рождится отъ рожденнаго молитвенного крещенного Николая отъ его кости пакости, отъ его семи состава, щобь вы по составамъ неходили кости неломили, сердца некрушили, а крещеного нароженного молитвенного Николая невынили и другимъ родомъ лучшимъ часомъ. Пиднимя вище опусти низче пидзаступъ пидлопату, що мини думаешъ нехай те тоби. Коли буде сволокъ процветати тоди будутъ крещенного нароженного молитвенного Николая врикаты; коли сволокъ процвете тоди крещенного нароженного молитвенного Николая урече.

Отъ гадюки.

Прóтивъ міру хрещéпаго прóтивъ скотà благословéннаго. Во íмья Отцà і Сына і Святáго духа; Поможи мінì, Гóсподы, Святый Отэць, и Трóйця святáя Отъ масты (гнідà, биса, рижа, сíра, билокопíста, білохвóста).

На мóри, на востóци, на мочилі яре черевцè, тамъ стоіть сухий дубъ, і сухий, і сухокорéнній. На тімъ дубі три гніздà; у пéрвому царь, у другому цариця, у третьему царéнко. Крикнувъ царь, крикнула цариця, крикнувъ и царéнко на Савумя: „біжи по диких степàх за лютыми, прáлютим гáдомъ, безземéльнаго зуби виймáти, тамъ ему не бувáти, óпуху не пускáти, жóвтои, кóсти не ломáты і щíраго сéрца не тошниты!“.

Отъ перелóгівъ.

Во íмья Отцà і Сына і Св. Духа.......

На мóрі на кіяні, по óстрові Буяні, тамъ стоіть дрéво капирисъ, на тíмъ дрéві гніздò, у гнізді Сусъ Христòсъ. Речè Сусъ Христòсъ áнгеламъ, а áнгелы áггеламъ. Туди йшлы три братéнці дóрогòю ширóкою, долиною глибóкою, найшли рукавиці и ногавиці, трéті перелóги. Тобì Судирь, рукавиці, тобì Перéсуду ногавиці, а тобì, Юдо, перелóги; понесì на тьмà, на очеретà, на болотà. (Быкъ, кінь, вівця, корóва) Мáхи марáхи, будь здоровъ, благополушный.

Отъ уроківъ.

Вóвчімй зубáми одгризися, ведмéжими лáпами одгрибися отъ напитинныхъ і отъ найдиныхъ, отъ наговóренныхъ і отъ підгляденихъ, отъ мужичоі плóти і отъ жінóчоі плóти, отъ парубóчоі плóти і отъ дівóчоі плóти, отъ усихъ, отъ пожилъ, отъ буйноі голови і отъ густóго мóску, новорожденнаго, молитвеннаго, хрещéнаго отъ урокивъ.

(Доставлены М. Д. Линдой).

На удачную торговлю.

Торгова часть: воймя Отца и Сына Святаго Духа нынѣ и присно во вѣки вѣковъ аминь, востокъ мовви западъ фаусъ югъ фагей сѣверъ боблей. Припадаю умоляю станьте у помыцъ рабу Божому Григорью. Сколько звѣздъ на небѣ или листу на древѣ на показаное мѣсто рабовъ и рабынь Божиіхъ. (Проговорить свечера трижды по заходѣ солнца; набрать ведро воды, а до утреней зори набрать чайную чашку съ того ведра и сдѣлать наговоръ и вылить подъ первыя двери отъ улицы).

Для отысканія вора.

Молитва обхожденія хозяйственого имущества воймя Отца и Сына Святаго Духа нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь; уставъ я рабъ Божій (имя) благословясъ и перекристясъ, пошелъ изъ дверей у двери, изъ воротъ у ворота на востокъ на восточною сторону, гдѣ посвящаетъ мѣсяцъ и часты звѣзды стоитъ сіяющи небесной престоль есть лѣсъ и дуброви въ томъ лѣсѣ въ тои дубровѣ есть Спаситель и святый Изосимъ и Саватій Харлампій у Ласи Фролъ и Лаверъ Симонъ и Зелотъ Петръ и Павелъ Ефремій и Трифонъ Глѣбъ Борисъ. Припадаю умоляю станьте у помощъ рабу Божому (имя) сколько звѣздъ на небѣ или листу на древѣ на показанное мѣсто пчелы скоти похитителя моего имущества поставитъ какъ огнены столбы стоятъ посреди середокресной дороги земного шара (обойди кругомъ домъ, садъ, пасику и все имущество и проговори трижды).

Отъ сглаза.

Отъ урока или зглаза взять соли въ три перста и сказать, воймя Отца и Сына и Святаго Духа нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь Господи, святіи угодники станьте у помощъ изгоните темноту и похитителя; кто урекаетъ отрекаетъ Богъ Отецъ, Богъ Сынъ, Богъ Духъ святый и Троица святая, Проговорить 3 жды, бросъ соль у воду, окропить товаръ а скоту или человѣку дать на языкъ. Аминь.

(Доставлены студентомъ И. Ѳ. Любицкимъ).

Литература по вопросу о заговорахъ, заклинаніяхъ и т. п. въ древней Греціи.

(Дополненіе къ библіогр. указателю заговоровъ Н. Θ. Сумцова).

Греки вѣрили въ силу разнаго рода заклинаній (ἐπῳδαί), нашептываній, наговоровъ, амулетовъ, снабженныхъ заклинательными формулами или знаками и т. п. Такъ отъ *сглазу* предохраняли, по ихъ убѣжденію, колокольчики (золотые, терракотовые и проч.). См. объ этомъ *Stephani* Comte rendu etc. 1865 p. 173 sqq.; также *Brugga* Philolog. Wochenschr. 1881 p. 395 sq. Золотой колокольчикъ съ надписью: τοῖς ὄμμασιν ὑποτέταγμαι, найденный въ Римѣ, списокъ въ Arch. Zeitung 1875 (XXXIII, 55). Къ числу такихъ обереговъ (προβασκάνια, περίαπτα, περιάμματα) принадлежали изображенія различныхъ предметовъ (рукъ, мужскаго дѣтороднаго члена и проч.), покрытыя въ свою очередь разными изображеніями, которыя такимъ образомъ представили собою какъ бы фигурныя заклинательныя формулы. Объ этомъ см. *O. Iahn* Ueber die Wirkung des bösen Blicks bei den Alten (въ Berichte der Leipz. Ges. d. Wiss. 1855 p. 28—110); *Parthey*, Zwei griech. Zauberpapyri (въ Abh. d. Berl. Acad. 1865, p. 109 sqq.); *Daremberg et Saglio*, Dictionn. des antiquités grecques et romaines I, 252; *Baumeister*, Denkmäler des klass. Alterthums I, 75; *Hermann* Gottesdienstliche Alterthümer. (2 Aufl. 1858) § 42 и прим. 18. Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи читатель найдетъ обширныя указанія на болѣе старую литературу,—между прочимъ по вопросу объ „эфесскихъ заклинаніяхъ" (Ἐφέσια γράμματα) вродѣ: ἀσκιχατάσκι λὶξ τέτραξ δαμναμενεύς.—О профилактическомъ значеніи *колецъ* см. тамъ же., а равно у *Becker-Göll* Charikles I, стр. 290 сл. (прим. 32). Въ связи съ этимъ стоитъ вопросъ о *вотивныхъ* (обѣтныхъ) *приношеніяхъ*, которыя имѣли символическое значеніе и во исцѣленіе болѣзней предназначались для храмовъ Асклепія, Игіэи и проч. См. надпись въ Corp. Inscr. Att. II, 404; также *Hermann* Privataltertümer (3 Aufl. bearb. v. Blümner), стр. 357, прим. 2, гдѣ есть ссылки на *Hirschfeld* въ Hermes VIII, 350 сл. и 358; *Kumanudes* въ Ἀθήναιον III, 262 сл. и VII p. 78, № 2; *Cesnola* Cypern Taf. 37, 7.

Отголоски старыхъ вѣрованій этой категоріи живутъ и раздаются и въ современной Греціи: см. ConzeReise auf den Inseln des thrak. Meeres стр. 21; *Wachsmuth* Das alte Griechenland im neuen стр. 60 слл.

Къ числу средствъ, имѣвшихъ родственную связь съ заговорами и заклинаніями, принадлежало троекратное *плеваніе въ пазуху* (πτύειν εἰς κόλπον). Указанія на литературу этого частнаго вопроса и мѣста изъ источниковъ см. у *Becker-Göll* Charikles I, стр. 213 слл., прим. 3.

О римскихъ вѣрованіяхъ, сюда относящихся, см. *Becker* Gallas II, 70; *Marquardt* Privatleben стр. 82 слл. (съ литературными указаніями). Дополняя этими ссылками библіографическій указатель проф. Н. Θ. Сумцова по вопросу о „заговорахъ“, сдѣлаю еще одно заключительное замѣчаніе. Книга Э. Диллена „Дуализмъ въ Авестѣ“, помѣщенная въ „указателѣ“ на стр. 5, черпаетъ свой матеріалъ главнымъ образомъ изъ *Lenormant* „Les scieces occultes en Asie. La magie chez les Chaldéens et les origines accadiennes“ (Paris. 1874). Въ свою очередь Ленормантъ опирается на сборникъ, состоящій изъ 28 заклинаній на аккадскомъ языкѣ и изданномъ съ 1866 г. Ролинсономъ и Норрисомъ во второмъ томѣ ихъ „Cuneiform inscriptions of Asia“. Заклинанія эти были переведены сперва Оппертомъ, потомъ Ленорманомъ въ ук.соч., наконецъ нѣкоторые изъ нихъ Дилленомъ (ук. соч.), но переводъ послѣдняго въ формулахъ „Esprit du ciel, souviens t' en! Esprit de la terre, souviens t' en!“ расходится съ переводами того и другаго.

По вопросу о египетской магіи срв. также *Ленорманъ* Руководство къ исторіи востока (перев. Каманина, I, стр. 183—190).

Весьма цѣнныя данныя, суда относящіяся, разсѣяны кромѣ того въ разныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ „Journal asiatique“ и „Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft“.

А. Деревицкій.

Дополнительныя замѣтки къ библіографіи заговоровъ.

Въ Архивѣ Харьковскаго губернскаго статистическаго Комитета оказывается значительное количество этнографическихъ записей, между прочимъ много заговоровъ, доставленныхъ большею частью священниками. О существованіи этого рукописнаго матеріала я узналъ недавно; предполагаю предстоящимъ лѣтомъ (1892 г.) заняться его разборомъ.

При печатаніи Указателя мной замѣчены еще слѣдующіе матеріалы:

Poeck, Aberglaube und Beschwörungsformeln aus der Lüneburger Haide, въ Germania 1892 I 114—120. Шесть заговоровъ отъ разныхъ болѣзней.

Nyrop, Два заговора на пчелы въ Zeitschr. d. Vereins für Volkskunde 1892 I 86 (изъ книги 1499 г.).

Kupczanko, Krankheitsbeschwörungen bei russischen Bauern in der Bukowina въ Am—Urqwell 1891 № 4.

Sittl, Die Gebärden der Griechen und Römer 1890; на стр. 116—128 (глава о сглазѣ, сплевываніи и приговорахъ.

Лебедевъ (Амф. Ст.), О борьбѣ духовныхъ властей съ суевѣріями, въ 1 кн. Кіев. Стар. 1890 г., на стр. 7 краткій приговоръ на созывъ змѣй, на 11 о наговоренныхъ яблокахъ.

Erben, Ceska zaříkadla v nemocech, въ Casop. C. Mus. 1860, 50.

N. B., Zařikaci formule, въ Květy 1847, 146.

Smola, Lekovadla a zařikadla, въ Květy 1885 II 337.

Н. Сумцовъ.

